This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

PSlav 652.10

HARVARD
COLLEGE
LIBRARY

СОВРЕМЕННИКЪ

1858

№ V МАЙ

Санктпетербургъ

ВЪ ТИПОГРАФІИ ГЛАВНАГО ШТАБА ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА
ПО ВОЕННО-УЧЕБНЫМЪ ЗАВЕДЕНІЯМЪ

△
PSlav 652.10
✓
HARVARD COLLEGE 22 Mar. 1938 LIBRARY
From the Library of New York University

Стр.

I. — МАЗЕПА. Поэма **БАЙРОНА**. Переводъ **Д. М—Х Л.** . 5

II. — ВОЕННЫЯ ДѢЙСТВІЯ НА ЛѢВОМЪ КРЫЛѢ КАВКАЗСКОЙ ЛИНІИ ВЪ КОНЦѢ 1857 ГОДА. **А. ЗИССЕРМАНА** . . . . . .

III. — ОЧЕРКИ НАРОДНАГО БЫТА. (I. «Сцены изъ сельскаго праздника». — II. «Грушка», разсказъ мѣщанина.) **И. УСПЕНСКАГО** 44

IV. — ГОДИЧНЫЕ АКТЫ СРЕДНЕВѢКОВЫХЪ УНИВЕРСИТЕТОВЪ ВЪ СВЯЗИ ИХЪ СЪ ЭПОХОЮ «ВОЗРОЖДЕНІЯ». Профессора **СТАСЮЛЕВИЧА**. 70

V. — ДѢЛЕЦЪ. Разсказъ **НИКОЛАЯ АЛЕКСАНДРОВИЧА**. . 96

VI. — О ТОРГОВЫХЪ ОПЕРАЦІЯХЪ ПЕТЕРБУРГСКАГО ПОРТА СЪ ИНОСТРАННЫМИ ГОСУДАРСТВАМИ. **Г. ПЕЙЗЕНА** 131

VII. — ДРАМАТИЧЕСКІЯ СЦЕНЫ. (I. Филантропы. — II. У судьи). **С. ѲЕДОРОВА** 157

VIII. — ФРИДРИХЪ ВЕЛИКІЙ. Изъ **МАКОЛЕЯ** 197

IX. — КРИТИКА.—ОРГАНИЧЕСКОЕ РАЗВИТІЕ ЧЕЛОВѢКА ВЪ СВЯЗИ СЪ ЕГО УМСТВЕННОЙ И НРАВСТВЕННОЙ ДѢЯТЕЛЬНОСТЬЮ. (Органическое воспитаніе въ примѣненіи къ самообразованію и къ развитію здоровья питомцевъ. Сочиненіе К. Ф. Шнелля. Переводъ съ нѣмецкаго Ф. Бёмера. — Книга о здоровомъ и больномъ человѣкѣ. Сочиненіе доктора К. Э. Бока. Переводъ съ нѣмецкаго І. Паульсона и Ф. Бёмера. Двѣ части). 1

X. — НОВЫЯ КНИГИ. — Московскій университетскій благородный пансіонъ и воспитанники Московскаго Университета, гимназій его, университетскаго благороднаго пансіона и дружескаго общества. Сочиненіе Н. В. Сушкова, вновь исправленное и пополненное (31). — Прожектеры. Сочиненіе А. Половцева (44).—Френологія. Соч. Матвѣя Волкова — Отрывки изъ заграничныхъ писемъ (1844—1848). Матвѣя Волкова (48). — Объ истинности понятій или достовѣрности человѣческихъ знаній. Сочиненіе Алексѣя Кусакова (55). — Что такое г Тіеръ и нашествіе его на Россію. А. Гаряинова (58). — Пѣсни Гейне, въ переводѣ М. Л. Михайлова (63). — Былое. Стихотворная повѣсть. Глава 1-я и 2-я. Сочиненіе Михаила Стаховича (65). — Для Легкаго Чтенія. Повѣсти, разсказы, комедіи, путешествія и стихотворенія совре-

СОВРЕМЕННИКЪ

СОВРЕМЕННИКЪ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ СЪ 1847 ГОДА И. ПАНАЕВЫМЪ и Н. НЕКРАСОВЫМЪ

ТОМЪ ~~LIX~~ LXIX

САНКТПЕТЕРБУРГЪ
ВЪ ТИПОГРАФІИ ГЛАВНАГО ШТАБА ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА
ПО ВОЕННО-УЧЕБНЫМЪ ЗАВЕДЕНІЯМЪ

1858

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Санктпетербургъ. Апрѣля 30 дня 1858 года.

Цензоръ *П. Новосильскій.*

МАЗЕПА.

ПОЭМА БАЙРОНА.

1.

Утихъ Полтавскій страшный бой.
Фортуна Карла не спасла:
Въ конецъ измучена борьбой,
На мѣстѣ рать его легла.
Достался блескъ воинской славы,
Людей измѣнчивыхъ кумиръ,
Защитникамъ другой державы
И далъ стѣнамъ Московскимъ миръ, —
До той всѣмъ памятной годины,
До тѣхъ ужасныхъ, мрачныхъ дней,
Когда сильнѣйшія дружины
И имя—громче и славнѣй,
Обрекши бурному крушенью,
Судьба позору предала,
И міръ, въ глубокомъ ихъ паденьи,
Однимъ ударомъ потрясла.

2.

Такъ жребій роли измѣнилъ,
Онъ бѣгству Карла научилъ;
И день и ночь среди полей,
Обрызганъ кровію своей
И многихъ тысячъ, онъ бѣжалъ.
Но ни одинъ мятежный гласъ
Въ тотъ униженья горькій часъ
Среди толпы не возставалъ,
Погибшей славы не пятналъ
Своимъ упрекомъ, хоть упрекъ
Безъ опасенья сдѣлать могъ.
Коня убитаго подъ нимъ
Гіета замѣнилъ своимъ,
И русскимъ плѣннымъ умеръ онъ....
А Карлъ, измученъ, изнуренъ
Трудами дальняго пути,
Не могъ ихъ долѣе нести.
И вотъ — во глубинѣ лѣсовъ,
При дальнемъ отблескѣ костровъ,
Сторожевыхъ огней враговъ,
Онъ долженъ лечь былъ наконецъ:
Не это-ль лавровый вѣнецъ,
Не это-ль гибельной войной
И кровью купленный покой?
Карлъ ослабѣлъ и изнемогъ,
Подъ дикимъ деревомъ онъ легъ,
Страдая отъ засохшихъ ранъ.
Въ тотъ часъ былъ холодъ и туманъ;
Мракъ ночи покрывалъ поля;
Горячки жаръ въ крови игралъ
И сонъ целѣбный отгонялъ
Отъ глазъ усталыхъ короля;
Но средь бѣды онъ духомъ росъ,
По-царски горе перенесъ,
И въ крайнемъ изнуреньи силъ

Страданья волѣ покорилъ:
Онѣ молчали передъ нимъ,
Какъ предъ владыкою своимъ.

3.

Отрядъ вождей!—увы, какъ мало
Со дня Полтавскаго ихъ стало!
Они въ паденіи своемъ
Слугами вѣрными явились,
Съ безмолвной грустію кругомъ
На почвѣ влажной помѣстились
Съ монархомъ; тамъ же конь стоялъ,
Его здѣсь жребій поровнялъ
Съ людьми. Сѣдой Мазепа тоже
Подъ тѣнью дуба сдѣлалъ ложе —
Суровыхъ казаковъ глава
Привыкъ довольствоваться малымъ;
Но позаботился сперва
Онъ о конѣ своемъ усталомъ:
Ему онъ листьевъ подостлалъ,
Подпруги крѣпкія ослабилъ,
По гривѣ съ лаской потрепалъ,
И по бедрамъ его погладилъ;
Потомъ съ любовью наблюдалъ,
Какъ онъ кормился, отдыхалъ:
Мазепа все еще боялся
Того, чтобъ конь его лихой
Травы, увлаженной росой,
Въ часъ ночи ѣсть не отказался;
Но конь былъ добръ, неприхотливъ.
Покоренъ, вѣренъ, терпѣливъ
Онъ голосъ господина знавъ
Его ередь тысячъ различалъ
И въ мракѣ ночи былъ готовъ
Примчаться на знакомый зовъ.

4.

Мазепа плащъ свой разложилъ
И къ дубу пику прислонилъ,
Свое оружье осмотрѣлъ:
Въ порядкѣ-ль выпесло оно
Походъ, начатый такъ давно,
На полкахъ порохъ все-ли цѣлъ
Не зазубрился ли кремень,
Не перетерся ли ремень
Булатной сабли, и ножны
Служить по прежнему-ль годны?
Потомъ старикъ мѣшокъ досталъ,
Гдѣ свой запасъ онъ сберегалъ,
Все приготовилъ, разложилъ,
И легкій ужинъ предложилъ,
Простымъ приправленный виномъ;
И Карлъ участье припялъ въ немъ
Съ улыбкой, силясь показать,
Что ни-по-чемъ ему страдать,
Что выше онъ и ранъ и бѣдъ.
Онъ говорилъ: «Межъ нами нѣтъ—
Признаться въ этомъ мы должны,
Хоть всѣ мы смѣлы и сильны—
Кто бъ превзойти Мазепу могъ
Средь битвъ, и схватокъ, и тревогъ.
Да, гетманъ, міръ, прибавилъ онъ,
Отъ Александровыхъ временъ
Подобной пары не видалъ
Какъ ты и этотъ Буцефалъ!
Что̀ скиѳы? помрачилъ ты ихъ
Въ своихъ наѣздахъ удалыхъ.»
На это гетманъ отвѣчалъ:
«Да будетъ школа проклята,
Гдѣ научился ѣздить я!»
— Что такъ, старикъ? — сказалъ герой,
— Не даромъ былъ ты въ школѣ той.—

«Долга исторія моя,
Пришлось бы много говорить,
Тогда какъ надо намъ спѣшить;
Нашъ путь далекъ, и труденъ онъ:
Враги грозятъ со всѣхъ сторонъ
И будутъ гнать насъ средь степей,
Пока кормить придетъ пора
На правомъ берегу Днѣпра,
На волѣ намъ своихъ коней.
Король, Вамъ сонъ необходимъ,
Я здѣсь побуду часовымъ
Отряда Вашего.»—Нѣтъ, нѣтъ,
Быть можетъ, повѣсть прежнихъ лѣтъ
Меня на время усыпитъ,
Я отдохну подъ твой расказъ,
А то моихъ усталыхъ глазъ,
Неуловимый сонъ бѣжитъ. —

«Быть такъ, въ надеждѣ сей я радъ
Вернуть лѣтъ пятьдесятъ назадъ.
Двадцатый годъ ужь наступалъ
Тому, какъ я родился въ міръ;
Тронъ королевскій занималъ
Въ то время въ Польшѣ Казиміръ,
Я въ раннемъ возрастѣ моемъ
Шесть лѣтъ служилъ его пажомъ.
Ученый государь онъ былъ,
Онъ войнъ не велъ: онъ не любилъ
Чужія царства покорять,
Чтобъ послѣ снова ихъ терять,
И правилъ тихо сколько могъ,
(За исключеніемъ тревогъ
Варшавскихъ сеймовъ). Но сказать,
Что удалося избѣжать
Ему волненій — было бъ ложь;
Онъ музъ любилъ и женщинъ тожь,
Ихъ своенравіе порой
Смущало духъ его войной;
Но скоро гнѣвъ его стихалъ,

Тогда онъ праздники давалъ
На всю Варшаву; у воротъ
Его дворца стоялъ народъ,
Бросая любопытный взоръ
На пышный Казиміра дворъ,
На этихъ гордыхъ, знатныхъ дамъ
И на вельможъ, бтиставшихъ тамъ
Величьемъ царственнымъ предъ троиомъ,
Предъ мудрымъ «Польскимъ Соломономъ.»
Такъ воспѣвали всѣ его
Поэты, кромѣ одного:
Щедротой царскою забытый,
Бѣднякъ въ сатирѣ ядовитой
Рѣшился злость свою излить,
Хвалясь, что не умѣетъ льстить.
Среди пировъ и зрѣлищъ шумныхъ,
Увеселеній остроумныхъ,
Тамъ каждый пробавалъ себя
Въ стихахъ, поэзію любя,
И я, примѣромъ увлеченный,
Разъ написалъ «Тирсисъ влюбленный»...
Тамъ былъ извѣстный паладинъ
Породы древней господинъ;
Его казна была богата,
Гордясь среди другихъ людей
И родословною своей
И, какъ заслугой, блескомъ злата,
Онъ такъ себя надменно велъ,
Какъ будто съ неба къ намъ сошелъ.
Но этимъ блескомъ, этой славой,
Всей обстановкой величавой
Могла ли быть ослѣплена
Его красавица — жена?
Моложе втрое по несчастью,
Она скучала мужней властью,
И послѣ безпокойныхъ грёзъ,
Въ честь вѣрности прощальныхъ слёзъ,
Ждала лишь случаевъ счастливыхъ,
Которые имѣютъ власть

Воспламенять внезапно страсть
Въ сердцахъ красавицъ гордолнвыхъ —
Чтобъ ей другаго полюбить,
Правами графа подарить.

5.

«Теперь я старъ, теперь я сѣдъ,
Вѣдь мнѣ за семьдесятъ ужь лѣтъ,
Но въ раннемъ возрастѣ моемъ
Я былъ красивымъ молодцомъ.
Не многіе изъ молодыхъ
Людей, изъ сверстниковъ моихъ,
Дворянъ и знатныхъ и простыхъ,
Могли бъ поспорить той порой
Въ блестящихъ качествахъ со мной.
Я былъ силенъ и живъ и смѣлъ,
Видъ нѣжный я тогда имѣлъ,
Какъ нынѣче грубъ онъ и суровъ;
Война, заботы, рядъ годовъ
Изгладили, и до конца,
Черты тогдашнія лица
Съ ихъ выраженіемъ живымъ.
Да, слишкомъ разная пора
Мое *сегодня* и *вчера*!
Такъ что знакомымъ и роднымъ
Теперь меня бы не узнать,
Когда бъ случилось увидать.
. . . . . .
Терезы образъ молодой
Какъ будто вижу предъ собой,
Воспоминаніе объ ней
Горитъ, живетъ въ душѣ моей.
Но я не въ силахъ описать
Вамъ эти милыя черты;
Смѣшенье польской красоты
Съ турецкою могло ей дать
Ту пару азіатскихъ глазъ,

Темнѣй чѣмъ небо въ этотъ часъ;
Но въ нихъ сквозилъ украдкой лучъ,
Какъ мѣсяцъ въ полночь изъ за тучъ;
И свѣтъ во мракѣ ихъ свѣтилъ,
Мѣшая съ нимъ лучи свои,
Глубокій взглядъ ихъ полонъ былъ
Огня, томленья и любви,
И было милое чело
Свѣжо... какъ озеро свѣтло
Безъ вѣтра, въ лѣтней тишинѣ,
Съ недвижнымъ солнцемъ въ глубинѣ,
Когда волна не говоритъ,
И сводъ небесъ въ нее глядитъ;
Лицо.... но продолжать ли мнѣ
Портретъ возлюбленной моей?
Еще горю любовью къ ней,
При всѣхъ превратностяхъ земныхъ,
Въ бѣдахъ и радостяхъ моихъ;
И въ гнѣвѣ любимъ мы подъ часъ,
И въ старости тревожитъ насъ
Минувшаго пустая тѣнь,
Такъ какъ Мазепу въ этотъ день.

6.

«Мы встрѣтились, — и я взглянулъ,
Отъ глубины души вздохнулъ,
Безъ словъ отвѣтила она....
Природа чудныхъ тайнъ полна;
Есть много топовъ, знаковъ въ ней —
Ихъ слышимъ, видимъ, но ничей
Опредѣлить не можетъ умъ;
Какъ искры, рой завѣтныхъ думъ
Изъ переполненныхъ сердецъ
Наружу рвется наконецъ:
Для нихъ то тотъ языкъ нѣмой,
Связь юныхъ душъ между собой,
Тѣ знаки молній бѣгутъ,

Отъ сердца къ сердцу вѣсть несутъ,
Передавая въ тотъ же часъ
Другимъ огонь горящій въ насъ....
И долго, молча, я страдалъ,
Но все вдали себя держалъ,
Пока представленъ не былъ ей.
О, сколько разъ въ душѣ моей
Являлась мысль заговорить
Съ Терезою, чтобъ ей открыть
Огонь, бушующій въ крови,
Но мнѣ мѣшалъ какой-то страхъ,
И замирали на устахъ
Слова дрожащія любви....
Однажды, шумною толпой,
Мы развлекался игрой;
Счастливый жребій мой хотѣлъ,
Чтобъ близъ Терезы я сидѣлъ;
И ту, которую любилъ.
Какъ часовой я сторожилъ,
(Дай Богъ, чтобъ часовые насъ
Такъ сторожили въ этомъ часъ!)
И я замѣтилъ, что она
Была задумчива, блѣдна,
И не игрой увлечена,
А чѣмъ-то.... Я не знаю чѣмъ....
Она играла между тѣмъ,
Оставить круга не могла,
Какъ бы прикована была,
На зло желанью своему,
Недвижно къ мѣсту одному.
За нею долго я слѣдилъ,
И вдругъ мнѣ мысли озарилъ
Внезапный свѣтъ, — онъ подалъ вѣсть,
Что для меня надежда есть.
Тогда-то я заговорилъ....
Признаться, рѣчь была темна,
Что нужды? слушала она
Мои несвязныя слова:

Кто слушалъ разъ, услышитъ два,
Конечно сердце въ ней — не ледъ,
Когда нибудь меня пойметъ!

7.

«Да, я любилъ и былъ любимъ.
Я слышалъ, слабостямъ такимъ
Совсѣмъ вы чужды; если такъ,
То повѣсть о моихъ слезахъ
И радостяхъ любви моей
Я сокращу, чтобы о ней
Не показался мой разсказъ
Пустой безсмыслицей для васъ.
Но вѣдь не всѣмъ дано судьбой
Разсудку страсти подчинять,
Или какъ вамъ — повелѣвать
И государствомъ, и собой.
Теперь я.... или былъ я — князь,
Вождь тысячъ, и на мой призывъ
Всякъ въ бой спѣшилъ наперерывъ,
Въ рядахъ стать первымъ не страшась,
Но надъ собой той власти нѣтъ!
Любилъ я, былъ любимъ въ отвѣтъ,
Считалъ счастливымъ жребій мой,
Но счастье кончилось бѣдой.
Встрѣчались тайно мы.... о! часъ
Свиданья перваго! для насъ
Онъ былъ наградою всему!
Отъ юности до зрѣлыхъ лѣтъ
Въ моихъ воспоминаньяхъ нѣтъ
Другаго равнаго ему,
Украйну бъ я готовъ отдать,
Чтобъ пережить его опять
И быть по прежнему пажомъ,
Который лишь владѣлъ мечомъ,
Былъ дорогъ сердцу одному,
И не имѣлъ богатствъ другихъ,

Лишь крѣпость юныхъ силъ своихъ.
Встрѣчались тайно мы: вдвойнѣ
Пріятно это, говорятъ;
Не знаю, это не по мнѣ,
Я жизнь свою отдать былъ радъ,
Чтобъ передъ небомъ и землей
Назвать ее моей женой;
Какъ часто я грустилъ о томъ,
Что мы встрѣчались лишь тайкомъ!

8.

«Но на влюбленныхъ много глазъ
Всегда глядитъ; слѣдили насъ....
. . . . . .
Въ глухую ночь подстерегли,
Схватили, къ графу привели,
Обезоружили меня;
Но если бъ и покрытъ былъ я
Весь сталью съ головы до ногъ,
Что противъ нихъ я сдѣлать могъ
Близъ замка, въ мѣстности пустой,
Вдали отъ помощи людской?
То было предъ разсвѣтомъ дня,
Не ждалъ другаго видѣть я, —
И въ мысляхъ обратясь съ мольбой
Послѣдней, къ Дѣвѣ пресвятой,
Я предался судьбѣ своей!
Не знаю я—что сталось съ ней,
Съ Терезой, этотъ страшный часъ
Разъединилъ навѣки насъ.
Разгнѣвался надменный графъ—
Признаться надо: онъ былъ правъ.
Не могъ онъ перенесть того,
Что случай этотъ перейдетъ
На нисходящій графскій родъ,
Что благородный гербъ его,
Котораго онъ былъ главой,

Запятнанъ дерзостью такой...
Фи, срамъ! съ мальчишкою, съ пажомъ!
Когда бъ то было съ королемъ,
Быть можетъ, злобу обуздавъ,
Съ судьбой бы примирился графъ.
Но тутъ.... я не имѣю силъ
Сказать, какъ онъ озлобленъ былъ.

9.

«Коня сюда!» — а вотъ и конь,
Степной породы, весь огонь;
Казалось, мысли быстрота
Была по членамъ разлита
У скакуна; но онъ былъ дикъ,
Къ уздѣ и шпорамъ не привыкъ,
Пугливъ и робокъ какъ олень,
И пойманъ только въ этотъ день.
Онъ фыркалъ, гриву подымалъ,
И страшно бился, и дрожалъ
Въ безсильной ярости своей;
И подведенъ былъ сынъ степей
Наёмной челядью ко мнѣ,
И накрѣпко къ его спинѣ
Веревкой привязавъ меня,
Пустили вдругъ они коня,
Назадъ и на бокъ раздались —
И мы какъ вѣтеръ понеслись.

10.

«Впередъ, впередъ! — я изнемогъ,
Куда несусь понять не могъ,
День чуть замѣтно разсвѣталъ,
Покрытый пѣной, конь скакалъ
Впередъ. Послѣдній звукъ людской,
Который вѣтеръ несъ за мной

Со стороны враговъ моихъ,
Былъ звѣрскій, дикій хохотъ ихъ.
Внезапнымъ бѣшенствомъ объятъ,
Схвативъ веревку, я назадъ
Хотѣлъ лицо поворотить,
За зло проклятьемъ заплатить;
Мнѣ удалось, но конь бѣжалъ
Какъ буря, топотъ заглушалъ
Мой крикъ — и онъ напрасенъ былъ!
Я, правда, послѣ заплатилъ:
На мѣстѣ томъ, гдѣ замокъ былъ,
Подъемныхъ нѣтъ уже мостовъ,
Оградъ, рѣшотокъ, башенъ, рвовъ:
Поля его истреблены,
Лишь дикая трава растетъ
На камняхъ рухнувшей стѣны;
Ничто на мысль не наведетъ,
Что прежде крѣпость здѣсь была.
Ей твердость стѣнъ не помогла:
Я видѣлъ — башни тамъ пылали;
Зубцы ихъ трескались кругомъ,
Дымясь, ихъ крыши проливали
Свинецъ растопленный, дождёмъ.
А въ часъ страданья и печали,
Когда къ степному бѣгуну
Враги Мазепу привязали,
Они едва ли помышляли,
Что я имъ все припомяну!
Такъ, снялъ съ души я это бремя....
Равняетъ всѣхъ сѣдое время,
И, если только выжидать,
Примѣровъ не было отъ вѣка,
Чтобъ кто нибудь могъ избѣжать
Упорной мести человѣка,
Который много, много дней
Лелѣетъ зло въ душѣ своей.

11.

«Впередъ! И я, и конь степной,
Неслись, какъ вихри удалые,
И оставляли за собой
Всѣ обиталища людскія:
Такъ въ небѣ метеоръ летитъ,
Когда внезапно, съ громкимъ трескомъ,
Онъ тьму ночную озаритъ
Сіянья сѣвернаго блескомъ.
Не попадалось намъ слѣдовъ
Ни деревень, ни городовъ,
Все степь — и на краю небесъ
Виднѣлся черной гранью лѣсъ;
Кой-гдѣ, на дальнихъ высотахъ,
Зубцы я видѣлъ на стѣнахъ
И башняхъ, отъ татаръ страну
Оберегавшихъ встарину, —
И только; больше никакихъ
Слѣдовъ людскихъ; лишь годъ назадъ
Тамъ турокъ армія прошла:
Казалось, почва поросла
Кровавымъ дерномъ въ тѣхъ мѣстахъ,
Гдѣ Спаги мчались на коняхъ.
Сводъ неба сумракъ облегалъ,
И грустно вѣтеръ завывалъ;
Хотѣлъ я вздохомъ отвѣчать,
Но ни молиться, ни вздыхать
Не могъ; мы мчались все впередъ,
Съ меня дождемъ холодный потъ
На гриву падалъ, конь же мой
Въ пугливомъ бѣшенствѣ храпѣлъ
И по пустынѣ вдаль летѣлъ.
Напрасно думалъ я порой,
Что скоро ослабѣетъ онъ,
Поспѣшнымъ бѣгомъ изнуренъ:
Я былъ, привязанный на немъ,

Для гнѣвной силы нипочёмъ,
И возбуждало лишь ее,
Какъ остріе звенящихъ шпоръ,
Усилье каждое мое
Дать членамъ сдавленнымъ просторъ.
И голосъ свой я испыталъ:
Онъ былъ и слабъ, и тихъ; но вдругъ
Мой конь рванулся, будто звукъ
Трубы внезапно услыхалъ,
При каждомъ слонѣ трепеталъ
И прыгалъ въ бокъ; межъ тѣмъ ноги
Веревки были всѣ въ крови,
И жажда мучила меня,
И жгла языкъ сильнѣй огня.

12.

«И вотъ предъ лѣсомъ мы густымъ.
Онъ былъ глубокъ, необозримъ;
Тамъ вѣковыя дерева,
Которыхъ гордая глава
Не преклонялась предъ грозой,
Стояли твердою стѣной;
И густо, густо между нихъ
Ряды деревьевъ молодыхъ
Свѣжѣй, роскошнѣй, зеленѣй,
Росли во всей красѣ своей:
Весна имъ щедро каждый годъ
Одежду новую даетъ,
А осень снова обнажитъ;
Тогда опавшій листъ лежитъ,
Окрашенъ въ мертво-красный цвѣтъ,
Какъ будто послѣ битвы слѣдъ
Застывшей крови. Средь полянъ
Я видѣлъ кое-гдѣ каштанъ
И мощный дубъ; порой видна
Была суровая сосна,
Но отъ дороги въ сторонѣ..

Ихъ сучья не мѣшали мнѣ.
А то иначе — жребій мой,
Конечнобъ былъ совсѣмъ другой...
Мнѣ раны холодъ оковалъ,
Узлы веревки крѣпко сжалъ,
И такъ межь пней, деревъ, кустовъ
Мы мчались на крылахъ вѣтровъ,
И быстрымъ скокомъ волки тамъ
Неслись за нами по слѣдамъ;
Сквозь лѣсъ сіяющей зарей
Я видѣлъ ихъ вблизи за мной,
А ночью все хрустѣлъ въ ушахъ
Ихъ легкій, крадущійся шагъ.
О, какъ желалъ я въ этотъ мигъ
Съ мечемъ ворваться въ стаю ихъ,
И кончить въ бѣшеномъ бою,
По крайней мѣрѣ, жизнь мою!
Какъ мучилъ страхъ теперь меня,
Что силъ не станетъ у коня!
Напрасно: средь пустынь рожденъ,
Какъ серна горъ, былъ легокъ онъ,
И быстръ, какъ вѣтра буйный бѣгъ,
Когда онъ гонитъ бѣлый снѣгъ,
Имъ очи путника слѣпитъ,
Морозомъ члены леденитъ,
Чтобъ никогда бѣднякъ не могъ
Ступить за близкій ужь порогъ;
И, головой своей крутя,
Онъ мчался по тропамъ лѣснымъ
Золъ, бѣшенъ и неукротимъ,
Какъ своенравное дитя,
Какъ женщина, когда она
Отмстить кому за зло властна.

13.

«Мы миновали темный лѣсъ.
Ужь солнце было средь небесъ;

Но холодъ въ воздухѣ стоялъ,
Или-то въ жилахъ пробѣгалъ
Ихъ леденящій, мертвый хладъ?
Страданья хоть кого смирятъ;
Я былъ тогда совсѣмъ другой:
Порывистъ, какъ потокъ весной,
И больше чувствовалъ, чѣмъ могъ
Причину чувствъ тѣхъ разсказать,
А много мнѣ пришлось страдать
Отъ этой смѣси всѣхъ тревогъ:
Я былъ и холоденъ и нагъ,
Меня томили стыдъ и страхъ,
И злость, снѣдающая духъ,
Тоска, и гнѣвъ, и боль — все вдругъ.
Происходя отъ тѣхъ людей,
Въ чьихъ жилахъ кровь кипитъ сильнѣй,
И узъ не терпитъ, точно змѣй
Въ минуты ярости своей, —
Диковина-ль, что той порой,
Страдая тѣломъ и душой,
Подъ гнётомъ боли и тревогъ,
Я на минуту изнемогъ?
Мнѣ быстрый бѣгъ туманилъ взглядъ;
Мелькая, путь бѣжалъ назадъ;
Огромнымъ сильнымъ колесомъ
Вертѣлись небеса кругомъ;
Ложились на-земь дерева....
Мнѣ было тошно, голова
Моя кружилась, мозгъ болѣлъ,
То на минуту онъ пѣмѣлъ,
То снова бился и дрожалъ;
Лучъ мимолетный пробѣжалъ
Въ глазахъ моихъ, и въ тотъ же мигъ
Непроницаемою тьмой
Покрылся взоръ угасшій мой.
Я силъ очнуться не имѣлъ,
Не могъ поднять своихъ очей,
Лишь въ глубинѣ души моей
Рой чувствъ подавленныхъ кипѣлъ;

И, видя близкій свой конецъ,
Я былъ, какъ на доскѣ пловецъ
Средь волнъ морскихъ, когда онѣ
Его крутятъ, толкаютъ, бьютъ,
И шумно къ берегу несутъ.
Жизнь колебалася во мнѣ,
Свѣтя порой сквозь мракъ, точь въ точь
Какъ тѣ огни въ глухую ночь,
Которые по временамъ
Закрытымъ, страждущихъ очамъ
Являются въ тяжелый мигъ,
Когда горячка мучитъ ихъ;
Еще усиліе одно —
Все стало смутно и темно.
Боль замѣнилъ хаосъ на часъ,
Что было хуже во сто разъ....
О, было бъ слишкомъ мнѣ опять
Тожь, умирая, испытать;
Однако — я увѣренъ въ томъ —
Намъ предстоятъ передъ концомъ
Сильнѣй страданія и страхъ,
Пока не обратимся въ прахъ;
Но я готовъ на смерть, предъ ней
Не отвращу монхъ очей.

14.

«И я очнулся. Гдѣ я былъ?
Окоченѣлый и безъ силъ....
И медленно, едва-едва,
Вступала жизнь въ свои права;
Чуть билось сердце, пульсъ дрожалъ,
По членамъ трепетъ пробѣгалъ,
И съ болью взволновалась вновь
Охладѣвающая кровь.
Въ ушахъ монхъ былъ странный шумъ,
Въ умѣ рой безотрадныхъ думъ,
Я могъ смотрѣть, но тяжело,

Какъ бы сквозь темное стекло.
И было на небѣ свѣтло,
Смотрѣли звѣзды съ вышины,
Вблизи я слышалъ плескъ волны —
Нѣтъ, то не сонъ! мой конь повлекъ
Меня въ бунтующій потокъ.
Онъ былъ стремителенъ, широкъ,
Съ трудомъ мы плыли по волнамъ
Къ безвѣстнымъ, темнымъ берегамъ;
Но гордо конь сердитый валъ
Широкой грудью пробивалъ,
Съ усильемъ цѣли достигалъ.
Я мало пристани былъ радъ:
Взглянувъ впередъ, взглянувъ назадъ,
Я видѣлъ только тьму одну,
Ужасной ночи глубину,
И не совсѣмъ то сознавалъ,
Земной ли жизнію дышалъ.

15.

«Съ лоснистой шерстью, съ мокрой гривой,
Дымясь, шатаясь подо мной,
Собравъ всѣ силы, конь ретивый
Взбирался на берегъ крутой.
Достигли мы его вершины,
Оттуда я на степь взглянулъ,
Мой взоръ въ пространствѣ потонулъ:
Тянулись въ сумракѣ равнины,
Безъ очертаній и лица,
Все дальше, дальше, безъ конца....
Такъ въ безпокойныхъ грёзахъ сна
Мы видимъ пропасти безъ дна;
И тамъ и сямъ, по временамъ,
Бѣлѣлись пятна по степямъ,
И массы зелени густой
Въ глаза кидалися порой
Изъ темноты, озарены

Лучомъ всплывающей луны.
Но никакихъ не видѣлъ я
Тамъ знаковъ близкаго жилья;
Ни свѣтъ огня во тьмѣ ночной,
Гостепріимною звѣздой,
Мнѣ издалека не свѣтилъ,
Хотя бъ блудящій огонекъ
Своей игрой мой взоръ привлекъ:
Мнѣ бъ видъ его отраденъ былъ,
Напомнивъ мнѣ въ тотъ горькій мигъ
Объ обиталищахъ людскихъ.

16.

«Мы подвигались все впередъ,
Но вижу — конь мой устаетъ,
И, бѣлой пѣною покрытъ,
Ужь не по прежнему бѣжитъ;
Теперь и слабое дитя
Могло бъ имъ управлять, шутя.
Что пользы въ томъ? къ его спинѣ,
Какъ прежде, я привязанъ былъ
И еслибъ дать свободу мнѣ,
Она бъ, въ тотъ часъ упадка силъ,
Больному тѣлу моему
Не послужила ни къ чему.
Однако я хотѣлъ опять
Свои оковы разорвать —
Но какъ ничтожна и слаба
Была напрасная борьба!
Уже по свѣтлымъ полосамъ,
Раскинутымъ по небесамъ,
Я видѣлъ приближенье дня, —
Увы, какъ тихо для меня
Текли часы! казалось тѣнь
Тумана утренняго въ день
Не перейдетъ. Но вдругъ востокъ
Зардѣлся розовымъ огнемъ:

Шаръ солнечный всходилъ по немъ,
Въ своемъ сіяньи одинокъ,
Раздвинулъ сонмъ ночныхъ свѣтилъ,
Ихъ колесницы помрачилъ,
И пролилъ съ неба въ міръ земной
Свѣтъ незаимствованный свой.

17.

«Волнуясь, утренній туманъ
Поднялся отъ пустынныхъ странъ,
Лежавшихъ дѣвственнымъ ковромъ
Вдали, и сзади, и кругомъ.
Къ чему же послужило намъ
Такъ долго мчаться по степямъ,
Въ лѣса глухіе проникать,
И волны рѣкъ переплывать?
Все также были мы теперь
Въ степи; ни человѣкъ, ни звѣрь
Здѣсь не оставили слѣда,
Ни знакъ работы и труда
Не затерялся средь степей,
Роскошныхъ въ дикости своей.
Былъ самый воздухъ нѣмъ и тихъ,
Въ травахъ высокихъ и густыхъ
Рой насѣкомыхъ не жужжалъ,
Хоръ птицъ веселый не звучалъ
По зеленѣющимъ кустамъ,
На встрѣчу утреннимъ лучамъ.
И долго конь усталый мой
Тащился шагомъ, чуть живой;
Не могъ свободно онъ вздохнуть,
И задыхался, будто грудь
Рвалась на части у него, —
Но намъ навстрѣчу никого
Не попадалось. Вдругъ вдали,
Гдѣ сосны черныя росли,
Какой-то шумъ я услыхалъ,

Не вихрь ли сучья всколебалъ?
Нѣтъ, это былъ табунъ коней,
Возросшихъ тамъ, среди степей,
На дикой волѣ; ихъ бока
Не знали шпоры сѣдока,
Ихъ не касались никогда
Ни хлыстъ, ни поводъ, ни узда;
По вѣтру гривы распустивъ
И ноздри широко раскрывъ,
Стремительно, какъ вихрь степной,
И массой темной и густой,
Подобные морскимъ волнамъ,
Они неслись на встрѣчу къ намъ.
Увидѣвъ ихъ, мой конь заржалъ,
Шатаясь, тихо побѣжалъ,
И вдругъ упалъ, лишенный силъ,
Глаза недвижно устремилъ,
Въ предсмертныхъ мукахъ захрипѣлъ, —
Послѣдній часъ его приспѣлъ!

И кони подбѣжали къ намъ,
И удивленными очами
Смотрѣли, какъ лежалъ я тамъ,
Привязанъ крѣпкими узлами;
То тихо подойдутъ, храпятъ,
То быстро всторону рванутся,
Пустыню ржаньемъ огласятъ,
Кругами по полю несутся,
И къ лѣсу бросились назадъ:
Страшилъ ихъ человѣка взглядъ.
Они оставили опять
Меня томиться и страдать
Средь этой степи безграничной,
Гдѣ конь мой кости положилъ,
Гдѣ смертный часъ освободилъ
Его отъ ноши непривычной;
Безъ жизни онъ теперь лежалъ,
А я — на мертвомъ умиралъ!

Кто изъ людей не трепеталъ
За жизнь, боязнію тревожимъ,
Себя заботливо храня?
Какъ будто смерть есть западня,
Которой избѣжать мы можемъ!
И хоть порой ее мы ждёмъ,
Какъ блага молимъ и желаемъ,
Порой, въ отчаяньи своемъ,
На жизнь мы руку подымаемъ,
Но никогда нашъ смертный часъ
Не будетъ во время для насъ,
И самымъ тягостнымъ мученьямъ
Все жь будетъ горькимъ заключеньемъ.
Но странно: роскоши сыны,
Что въ наслажденьяхъ утопаютъ,
Чрезъ мѣру всѣмъ упоены,
Спокойно часто умираютъ,
Или спокойнѣе, чѣмъ тѣ,
Что жили въ горѣ, въ нищетѣ.
Тому, кто средь путп земнаго
Зналъ все, что радостно и ново,
Ужь больше нечего желать,
Иль за собою оставлять....
Несчастный все конца бѣдамъ
Съ надеждой ждетъ, его очамъ,
Томимымъ горемъ постояннымъ,
Смерть кажется врагомъ нежданнымъ:
Она пришла его лишить
Вѣнца за всё, и, умирая,
Увы! — не можетъ онъ вкусить
Плодовъ имъ созданнаго рая;
День завтрашній ему бъ все далъ,
Его бъ воздвигнулъ отъ паденья,
Онъ отъ него награды ждалъ
За всѣ страданья и гоненья;
День завтрашній, въ замѣну бѣдъ
И тернія, готовилъ розы,
Готовилъ рядъ счастливыхъ лѣтъ,
Ему сіяющихъ сквозь слезы:

Не сталъ бы жизнь онъ проклинать;
День завтрашній ему бъ далъ силу
Владѣть, блистать, карать, спасать, —
И лечь ему теперь въ могилу!?

18.

«Садилось солнце, — я лежалъ
На коченѣющемъ конѣ
И думалъ: здѣсь погибнуть мнѣ....
Туманъ глаза мнѣ покрывалъ,
Они нуждались въ вѣчномъ снѣ.
Возврата не было назадъ!
Я бросилъ мой послѣдній взглядъ
На небеса и увидалъ
Тамъ ворона: онъ ожидалъ
Моей лишь смерти — пиръ начать;
То онъ садился, то опять
Вверхъ подымался и парилъ
Ко мнѣ все ближе каждый разъ;
Сквозь сумракъ вечера мой глазъ
Полетъ крыла его слѣдилъ;
Однажды такъ онъ близокъ былъ,
Что я бъ его ударить могъ,
Когда бы сила.... но песокъ,
Который чуть-чуть зашумѣлъ,
Когда привстать я захотѣлъ,
Движенье ослабѣвшихъ рукъ,
Да горла напряженный звукъ,
Который голосомъ назвать
Едва ли можно, отогнать
Его успѣли отъ меня.
Затѣмъ уже не помню я
Что было; снилась мнѣ тогда
Одна мнѣ милая звѣзда:
Она смотрѣла издали
Въ глаза померкшіе мои,
Играя въ небѣ голубомъ
Своимъ блуждающимъ лучомъ.

Затѣмъ тупой, холодный, смутный
Возвратъ къ сознанію минутный,
Опять безчувствіе потомъ,
И вновь чуть слышное дыханье,
Дрожь, на минуту замиранье,
Лёдъ возлѣ сердца моего,
Стонъ, вырвавшійся противъ воли,
Лучъ въ мысляхъ, трепетъ, чувство боли,
Да вздохъ — и больше ничего.

19 (*).

«И я очнулся. Неужели
Теперь лежу я на постели?
Кто это на меня глядитъ?
Неужли кровля надо мною?
Чей взоръ съ заботою такою
Мои движенья сторожитъ?
Тамъ у стѣны въ углу сидѣла
Казачка, дѣвушка; она,
Участья нѣжнаго полна,
Съ мольбою на меня смотрѣла;
И я на мигъ глаза закрылъ,
Боясь — не сонъ ли это былъ....
При первомъ мыслей пробужденьи
Я встрѣтилъ этотъ чудный взглядъ;
Смотрю.... нѣтъ, это не видѣнье,
Мнѣ то всѣ чувства говорятъ!
Когда жь казачка увидала,
Что моръ глаза я открывать,
То улыбнулась, подбѣжала,
Рукою знакъ дала молчать,
Къ лицу мнѣ руку приложила,
Поправила подушку мнѣ,
Тихонько дверь пріотворила,
И вышла вонъ; и въ тишинѣ
Чуть слышной музыкой раздался
Ея шаговъ скользящихъ шумъ,

(*) Эта глава въ переводѣ значительно сокращена: подробности показались переводчику утомительными. Примѣч. перев.

И я опять одинъ остался,
Въ смущеньи пробужденныхъ думъ.

20.

«Она съ отцомъ пришла опять....
Но я не буду утомлять
Васъ описаньемъ тѣхъ годовъ,
Когда я жилъ межь казаковъ.
Они безъ чувствъ меня нашли
Въ степи, и въ хату принесли,
Мнѣ дали жизнь опять узрѣть,
Чтобъ ими нѣкогда владѣть!
Безумцы, въ ярости своей,
Изобрѣтая мнѣ мученья,
Меня прогнали въ глушь степей,
Въ крови, нагаго, безъ движенья,
Чтобы по этому пути,
Чрезъ степь, мнѣ къ власти перейти.
Судьбу свою кто можетъ знать?
Къ чему жь теперь намъ унывать?
Уйдемъ мы скоро отъ погони
И завтра будутъ наши кони
За Борисѳеномъ отдыхать.
Съ какою радостію очи
Я на Днѣпрѣ бъ остановилъ....
Товарищи, спокойной ночи!»

Такъ гетманъ повѣсть заключилъ.
Подъ тѣнью дуба вѣковаго
Онъ съ нѣгой сладкой легъ потомъ
На ложѣ лиственномъ своемъ.
Ему то было ужь не ново:
Лишь часъ удобный приходилъ,
Вездѣ онъ отдыхъ находилъ;
И если Карлъ забылъ герою
Сказать спасибо за разсказъ,
Не удивляйтесь: той порою
Онъ крѣпко спалъ ужь цѣлый часъ.

Д. М—Х—Л.

ВОЕННЫЯ ДѢЙСТВІЯ

НА ЛѢВОМЪ КРЫЛѢ КАВКАЗСКОЙ ЛИНІИ

ВЪ КОНЦѢ 1857 ГОДА.

14-го декабря возвратился Чеченскій отрядъ въ крѣпость Грозную, послѣ двухъ-мѣсячнаго трудного похода. Признаюсь, я съ особеннымъ удовольствіемъ вспомнилъ послѣднія слова моего разсказа о прошлогодней зимней экспедиціи: «впрочемъ, недалеко и до новой зимней экспедиціи, которая рельефнѣе выкажетъ всѣ послѣдствія и доставитъ мнѣ возможность съ большею подробностью разсказать о нашихъ дѣлахъ.» Дѣйствительно, рельефнѣе этого трудно выказать результатъ дѣла.

Изъ появлявшихся разновременно въ «Инвалидѣ», и «Кавказѣ» извѣстій публика уже знаетъ, что все лѣто 1857 года Дагестанскій отрядъ былъ занятъ покореніемъ Салатавіи и возведеніемъ въ Буртунаѣ укрѣпленной штабъ-квартиры Дагестанскаго пѣхотнаго полка. Извѣстно также, съ какимъ успѣхомъ кончились эти дѣйствія, нанесшія непріятелю такой сильный, чувствительный ударъ. Не постигнуть всю пользу занятія Салатавіи можетъ только человѣкъ, вполнѣ знакомый съ Кавказомъ. Я не стану распространяться объ этомъ, чтобы не уклониться отъ главнаго предмета настоящей статьи: я пишу собственно о дѣйствіяхъ на лѣвомъ крылѣ, и упомянулъ о Дагестанѣ только для связи въ ходѣ событій, имѣвшихъ одну цѣль.

Ставъ твердой ногой въ Буртунаѣ, мы окончательно прикрыли Шамхальскую и отчасти Кумыкскую плоскость; мы лишили непрія-

теля одного изъ лучшихъ, богатѣйшихъ, обитаемыхъ въ горахъ мѣстъ, въ особенности славнаго тучными пастбищами; мы пріобрѣли возможность во всякое время вторгнуться въ Лидію и завладѣть краемъ до Андійскаго Койсу; однимъ словомъ—мы достигли здѣсь огромныхъ результатовъ, которые вскорѣ обнаружатся еще болѣе ощутительнымъ образомъ.

Ближайшее сосѣдство съ Салатавіей, съ запада, составлялъ Аухъ. Значительное общество это раздѣляло Чечню отъ Дагестана и, занимая лѣсистые отроги Андійскаго хребта, весьма трудно доступные по своей пересѣченности, безнаказанно тревожило Кумыкскую плоскость и держало въ напряженномъ состояніи эту часть края, несмотря на крѣпости Внезапную и Хасавъ-Юртъ, построенныя у выхода изъ двухъ ущелій рѣкъ Ахташа и Ярыкъ-су, прорѣзывающихъ Аухъ почти параллельно съ юга на сѣверъ. Необходимость занятія Ауха была очевидна: мы связывали этимъ Прикаспійскій край съ лѣвымъ крыломъ и войска наши получали черезъ то возможность поддерживать другъ друга; мы клали новое звено въ ту длинную цѣпь, которая опоясываетъ горы Кавказа и съ каждымъ днемъ крѣпче стягиваетъ дыханіе противящейся намъ силы.

Прошлогоднее движеніе въ Аухъ Кумыкскаго отряда, уничтоженіе имъ непріятельскаго редута Гойтемиръ-Капу и апрѣльская рекогносцировка туда г-на Главнокомандующаго—окончательно рѣшили вопросъ о занятіи Ауха; и это предпріятіе составило сущность перваго періода нынѣшней зимней экспедиціи.

Между тѣмъ, до движенія въ Аухъ, рѣшено было воспользоваться сборомъ войскъ и посѣтить Малую Чечню, отъ которой въ послѣднее время вниманіе наше было почти совершенно отвлечено настойчивыми дѣйствіями въ Большой Чечнѣ.

Чтобы съ большею подробностью разсказать о нашемъ движеніи въ Малую Чечню и уяснить, по возможности, цѣль и послѣдствія этихъ дѣйствій, считаю необходимымъ бросить бѣглый взглядъ на мѣстность Малой Чечни, характеръ ея населенія и событія, происшедшія здѣсь съ 1840 года, т. е. со времени возшествія всей Чечни и признанія ею власти Шамиля.

Малою Чечнею называется долина, окаймленная съ запада рѣкой Ассой, съ востока Аргуномъ и съ сѣвера Сунжей; южной предѣлъ ея составляетъ хребетъ Черныхъ горъ, изъ которыхъ вытекаютъ на долину, параллельно другъ другу, слѣдующія рѣки: Гойта, Мартанъ, Рошня, Геха и Валерикъ. На этомъ пространствѣ, въ большихъ аулахъ, расположенныхъ большею частью на берегахъ рѣкъ, отъ выхода ихъ изъ горныхъ долинъ, жили малочеченцы или гехин-

цы, какъ сами они себя называли, и до 1840 года оставались намъ совершенно покорными.

Послѣдовавшее въ мартѣ этого года возмущеніе началось оттуда; приглашенный для принятія власти надъ чеченцами, Шамиль прежде всего прибылъ въ Мартанъ, и здѣсь уже начали стекаться къ нему толпы возмутившихся Чеченцевъ..

Тогда на всемъ этомъ пространствѣ мы имѣли единственный укрѣпленный пунктъ—крѣпость Грозную, въ которой, кромѣ необходимаго гарнизона, другихъ войскъ не было.

Всѣ резервы были расположены по Тереку, въ станицахъ Молдокскаго и гребенскаго казачьихъ полковъ, не ближе 35-80 верстъ разстоянія отъ Грозной. Раздѣленные Теркомъ, на которомъ не было ни одного моста, а переправа производилась на каюкахъ, будучи особенно затруднительна въ мартѣ мѣсяцѣ, при сильномъ вѣтрѣ и ненастьи, резервы втеченіе нѣсколькихъ дней не могли придти въ Грозную и собирались самыми незначительными частями. Все это придало непріятелю смѣлости, и онъ рѣшился, оставивъ дремучіе лѣса Малой Чечни, переправиться черезъ Сунжу и выдти на открытыя мѣста, въ 10 верстахъ отъ крѣпости. Шамиль надѣялся раздавить наскоро составленный маленькій отрядъ и, получивъ такимъ образомъ рѣшительный перевѣсъ надъ нами, присоединить къ себѣ все туземное населеніе до самаго Терека и нахлынуть съ нимъ на казачьи станицы.

Но качество, какъ это бываетъ большею частью, взяло верхъ надъ количествомъ. Встрѣченный у кургана «Трехъ братьевъ» нашимъ отрядомъ, непріятель былъ разбитъ и съ значительнымъ урономъ прогнанъ за Сунжу.

Эта первая неудача чеченцевъ могла бы принести намъ неисчислимыя выгоды, если бы у насъ тогда были подъ рукою достаточныя силы преслѣдовать разбитаго непріятеля и нанести ему еще нѣсколько рѣшительныхъ ударовъ, что было бы тѣмъ болѣе удобоисполнимо, что въ мартѣ мѣсяцѣ лѣса не были одѣты зеленью, и движенія по нимъ были бы гораздо свободнѣе.

Но, вмѣсто этого, мы должны были ограничиться однимъ только наблюденіемъ за непріятелемъ, или, говоря откровенно, мы должны были оставаться равнодушными зрителями, какъ Шамиль разъѣзжалъ по краю, распространяя ученіе о священной войнѣ, внушая къ намъ непримиримую, фанатическую ненависть, какъ онъ вводилъ свое управленіе и разсылалъ въ разныя стороны конныя партіи, возвращавшіяся безнаказанно съ награбленнаго у насъ добычею.

Наконецъ, въ іюнѣ мѣсяцѣ, собрался значительный отрядъ,

двинувшійся въ Малую Чечню съ цѣлью раззорить возмутившіеся аулы и нанести непріятелю такой ударъ, который заставилъ бы его просить пощады. Но надеждамъ этимъ не суждено было увѣнчаться успѣхомъ: мы вступили въ чащу лѣсовъ, изрѣзанную канавами и рѣчками, упорно защищаемую однимъ изъ самыхъ воинственныхъ племенъ; мы должны были шагъ за шагомъ пробивать себѣ дорогу, и такимъ образомъ достигли Валерика, гдѣ разыгралась та печальная драма, воспоминаніе о которой сохранилось въ прекрасномъ стихотвореніи Лермонтова. Мы понесли большую потерю и отступили, оставивъ чеченцевъ торжествующими.

Послѣдующія нѣсколько лѣтъ прошли въ безплодныхъ движеніяхъ и набѣгахъ, стоившихъ обѣимъ сторонамъ большихъ потерь, но оставшихся безъ послѣдствій.

Съ 1845 года предприняты были наконецъ рѣшительныя, систематическія дѣйствія противъ Малой Чечни. По Сунжѣ начали устраиваться станицы, въ лѣсахъ вырубались просѣки, у предгорій возводились укрѣпленія, и большая часть ауловъ подвергалась внезапнымъ нападеніямъ нашихъ подвижныхъ колоннъ. Дѣла приняли другой оборотъ: каждый день стоилъ чеченцамъ новыхъ жертвъ; съ каждымъ днемъ уменьшалось число ауловъ, число ихъ воинственныхъ защитниковъ. Прошелъ первый пылъ фанатическаго возстанія, прошло упоеніе первыхъ успѣховъ, стали меркнуть лучи блистательныхъ надеждъ и, вмѣсто всего этого, предстала нагая дѣйствительность. Пришлось разстаться съ привольными мѣстами малочеченской долины, пришлось видѣть, какъ на нихъ селились казаки и, оставивъ кости всѣхъ лучшихъ своихъ наѣздниковъ, пришлось укрываться въ верховья рѣчекъ, окруженныя недоступными лѣсными трущобами.

Такимъ образомъ дѣло Малой Чечни казалось какъ бы оконченнымъ. Ничтожные остатки ея населенія, существованіе которыхъ обнаруживалось изрѣдка мелкимъ хищничествомъ вокругъ станицъ, перестали привлекать на себя наше вниманіе, поглощенное дѣлами Большой Чечни. Изрѣдка предпринимались туда небольшія экспедиціи, для разширенія и расчистки старыхъ просѣкъ и для окончательнаго вытѣсненія съ доступныхъ мѣстъ кое-гдѣ разбросанныхъ на нихъ ауловъ. А двѣ-три попытки проникнуть глубже въ ущелья стоили большихъ потерь, такъ что въ послѣднее время ихъ почти оставили въ покоѣ, по весьма основательному соображенію, что нѣсколько ничтожныхъ хуторовъ не могутъ быть намъ опасными и не заслуживаютъ настойчивыхъ дѣйствій, всегда сопряженныхъ съ потерею людей.

Прошло еще нѣсколько лѣтъ, вътеченіе которыхъ малочеченцы

воспользовались благопріятными для нихъ обстоятельствами: постояннымъ отсутствіемъ нашихъ войскъ въ Большой Чечнѣ и укоренившимся у насъ убѣжденіемъ въ неприступности занятыхъ ими мѣстъ, а также въ ничтожной ихъ числительности. Они расчистили по склону Черныхъ горъ огромныя поляны, присоединили къ себѣ разсѣявшіеся во времена бѣдствія остатки большихъ ауловъ, дали убѣжище всѣмъ подвергавшимся раззоренію и искавшимъ спасенія изъ Большой Чечни, и вообще разному сброду изъ окрестныхъ мѣстъ, и почти незамѣтно, подъ бокомъ у насъ, опять появились, вмѣсто ничтожныхъ хуторовъ, огромные богатые аулы, съ большимъ населеніемъ.

Они, какъ говорится, подъ шумокъ, зажили себѣ по барски, никѣмъ не тревожимые, сбывали въ горы кукурузу и просо, увеличивали скотоводство и вообще наслаждались совершеннымъ довольствомъ, благодаря роскошной природѣ и изумительному плодородію почвы. Оставалось подольше пользоваться этими благами. Но—«какъ волка ни корми, а онъ всё въ лѣсъ смотритъ»—натура чеченская не выдержала: то въ набѣгъ сходятъ, то отобьютъ скотъ въ мирныхъ аулахъ, то перестрѣлку завяжутъ съ оказіей, идущей изъ крѣпости Воздвиженской въ укрѣпленіе Урусъ-Мартанъ, или нападутъ на колонну, вышедшую въ лѣсъ за дровами, однимъ словомъ, — они обратили на себя вниманіе и заставили принять мѣры къ ихъ обузданію; и 20-го октября 1857 года, пробилъ послѣдній часъ спокойнаго существованія ново-сформированнаго малочеченскаго общества.

19-го октября авангардъ Чеченскаго отряда тронулся на Аргунъ по пути въ Большую Чечню; вслѣдъ за нимъ была отправлена туда часть обозовъ, въ томъ числѣ тяжести отряднаго штаба; всѣ войска были готовы къ выступленію. Въ Большой Чечнѣ поднялась всеобщая тревога. А въ Малой Чечнѣ смотрѣли на все это весьма равнодушно, и въ ночь на 20-е октября населеніе ея погрузилось въ спокойный, глубокій сонъ.

Въ 11 часовъ ночи, бывшія въ готовности войска изъ разныхъ пунктовъ тронулись къ Гойтѣ и на разсвѣтѣ 20-го соединились предъ Усть-Тархановскимъ полемъ, (*) доступъ къ которому былъ всегда прегражденъ огромнымъ заваломъ, состоящимъ изъ довольно глубокаго рва, съ плетнемъ на протяженіи болѣе версты, гласисъ котораго усѣянъ небольшими заостренными колышками и волчьими ямами; но завалъ этотъ не только не былъ занятъ непріятелемъ, но при немъ не было даже часовыхъ, такъ, что отрядъ прошелъ

(*) Такъ называется одна обширная поляна, засѣянная кукурузою.

все это обширное поле и лежащую за нимъ довольно большую лѣсную полосу, не встрѣтивъ ни одного человѣка. Милиціонеры и часть казаковъ, бывшая впереди, успѣли выскакать на ближайшія къ аулу поля, захвативъ врасплохъ нѣсколько мужчинъ и женщинъ, вышедшихъ для уборки кукурузы.

Раздалось нѣсколько выстрѣловъ: по ауламъ пронеслась тревога, и изумленнымъ глазамъ только-что проснувшихся жителей предстали сотни скачущихъ по полямъ всадниковъ и густая масса штыковъ, движущаяся по дорогѣ, и прямо къ нимъ. Въ этомъ явленіи они ясно увидѣли окончательное рѣшеніе вопроса: быть или не быть? они увидѣли, что ихъ послѣднее убѣжище открыто и что потерять его—значитъ потерять жизнь; они понадѣялись на адскую мѣстность, среди которой гнѣздились ихъ аулы, и рѣшились защищаться до послѣдней крайности.

Было около 9 часовъ пасмурнаго осенняго утра, когда головные батальоны стали подходить къ подножію горъ; по обѣимъ сторонамъ дороги, на поляхъ, конница наша вела живую перестрѣлку съ непріятельскими всадниками. Главная часть народонаселенія собралась предъ входомъ въ аулы, на мѣстности изрытой оврагами и заваленной громадными чинаровыми деревьями; а женщины въ это время торопились уносить изъ сакель болѣе цѣнныя вещи, угоняли скотъ и скрывались въ лѣсныя трущобы.

Батальоны мѣрно подошли къ занятой непріятелемъ мѣстности, и несмотря на убійственный огонь нѣсколькихъ сотъ винтовокъ, двинулись впередъ. Съ приближеніемъ къ первымъ саклямъ началъ упорный, большею частью рукопашный бой; чеченцы, не жалѣя себя, съ остервенѣніемъ бросались на солдатъ и гибли на штыкахъ; лишь только ихъ выбивали изъ засадъ на едва открытую мѣстность, на нихъ сыпался градъ штуцерныхъ пуль цѣлаго батальона стрѣлковъ; каждый шагъ стоилъ дорого обѣимъ сторонамъ. Наконецъ, истребивъ множество сакель, отдѣльными групами разбросанныхъ по лѣсу, захвативъ и уничтоживъ много добычи, войска достигли небольшой площадки у вершины Черныхъ горъ, на которой столпилась куча отступавшихъ чеченцевъ, и здѣсь произошелъ финалъ этой драмы, длившейся уже около 4 часовъ. Здѣсь столкнулось послѣднее, отчаянное усиліе ошеломленныхъ горцевъ съ озлобившеюся храбростью нашихъ ребятъ,—драка продолжалась недолго, но площадка покрылась трупами, на которыхъ видны были и слѣды штыковъ, и прикладовъ, и кинжаловъ.

Войска были здѣсь остановлены, наскоро устроенъ редутъ изъ развалинъ домовъ и срубленныхъ бревенъ, и занятъ шестью рота-

ми, а остальныя возвратились на открытое мѣсто къ подножію горъ и расположились лагеремъ.

Перестрѣлка, изрѣдка гикъ, продолжались до поздней ночи.

Бой 20-го октября обошелся горцамъ весьма дорого: они потеряли всѣхъ лучшихъ людей, почти все имущество, котораго не успѣли спасти, но главное—они потеряли послѣднія мѣста, на которыхъ считали себя безопасными.

Когда ночью населеніе разоренныхъ ауловъ сошлось въ глубокій оврагъ, въ которомъ скрылись семейства ихъ, когда они сосчитали снесенныя туда тѣла, а многихъ еще совсѣмъ недосчитались, когда охладѣлъ пылъ жаркаго дѣла, когда съ одной стороны слышны были отчаянные вопли женщинъ и плачъ мерзнувшихъ дѣтей, а съ другой до нихъ доносились звуки залихватской пѣсни, съ аккомпаниментомъ тулумбасовъ и мѣдныхъ тарелокъ; тогда, вмѣсто самонадѣянности, съ которою они встрѣтили начало этого дня, явилось совершенное уныніе.

Десять дней простоялъ мы здѣсь, и каждый день ходили на нѣсколько верстъ въ окружности, истребляя сплошную массу ауловъ, сжигая несмѣтное число всякихъ запасовъ, прорубая въ разныхъ направленіяхъ просѣки; но сопротивленія уже почти не было, все спѣшило бѣжать, спасая, что возможно; многіе тутъ же съ семействами явились къ намъ въ лагерь и были отправлены для поселенія въ мирные аулы.

Дошла печальная вѣсть объ этихъ событіяхъ до Шамиля. Онъ, конечно, очень хорошо понималъ, что помочь Малой Чечнѣ не можетъ, но нужно же показать народу, что его положеніе играетъ какую нибудь роль въ глазахъ имама и что онъ объ нихъ заботится, и вотъ приказываетъ онъ наибу сосѣдняго общества Шатоевцевъ—идти съ своими людьми и артиллеріей спасать Малую Чечню.

И дѣйствительно, смотримъ — привалило человѣкъ двѣсти пѣшихъ горцевъ и расположилось на той сторонѣ Гойты, на макушкѣ одной изъ высочайшихъ окрестныхъ горъ; и вдругъ, къ величайшему утѣшенію солдатиковъ, раздастся оттуда выстрѣлъ горнаго орудія и летитъ въ невѣдомыя пространства 3-хъ фунтовое ядро. Сдѣлавъ такимъ образомъ выстрѣловъ 15, и не получая отвѣта, непріятельская артиллерія умолкаетъ.

На другой день движется новая непріятельская армія, только безъ артиллеріи. Старшій сынъ имама, Джемалъ-Эддинъ, такъ недавно оставившій нашу службу и стоянку въ Тверской губерніи, ведетъ человѣкъ 300 конницы и обѣщаетъ уцѣлѣвшимъ еще ауламъ защиту; а между тѣмъ пришедшая орда пожираетъ половину запасовъ.

Несмотря однако на всѣ эти грозныя подкрѣпленія, мы 17-го

числа истребили еще цѣлый рядъ ауловъ, и хотя горцы пытались наносить намъ вредъ, занимая на пути всѣ болѣе пересѣченныя мѣста, но дѣло кончилось продолжительной, сильной перестрѣлкой, впрочемъ безъ большой для насъ потери.

Вечеромъ изъ лагеря былъ великолѣпный видъ: зарево пылавшихъ ауловъ, множество горѣвшихъ копенъ сѣна—освѣщали кругомъ себя большое пространство горъ и лѣсу, въ которомъ виднѣлись одинокія, угрюмыя фигуры огромныхъ чинаръ, безмолвно-грустныхъ свидѣтелей трагической сцены; профиль горъ принималъ какія-то фантастическія очертанія, и когда на нихъ налегали сплошныя массы темносѣрыхъ осеннихъ облаковъ, они казались взволнованнымъ моремъ, а горящіе дома и копны—плавающими по немъ смоляными бочками.

29-го числа мы возвратились въ Грозную.

Вслѣдъ за нашимъ уходомъ, большинство враждебнаго населенія Малой Чечни изъявило желаніе переселиться къ намъ,—къ чему и сдѣланы были всѣ нужныя распоряженія.

Послѣ двухъ дней отдыха, отрядъ опять тронулся къ Аргуну, и 1-го ноября мы вступили въ Большую Чечню.

Съ мѣстностью ея, полагаю, читатель уже достаточно знакомъ изъ предшествовавшаго разсказа о прошлогодней зимней экспедиціи (*). Въ этотъ разъ мы прошли по тому же самому пути, какъ и въ прошломъ году, разширили прорубленную тогда просѣку, такъ что самая дорога осталась внѣ ружейныхъ выстрѣловъ изъ лѣсу, разорили два-три ближайшихъ аула, наслушались въ волю непріятельскихъ орудійныхъ выстрѣловъ; нѣсколько разъ даже прожужжала надъ нами картечь, пущенная по личному приказанію присутствовавшаго здѣсь Шамиля.

4-го числа двинулись мы чрезъ Мичикъ къ Хоби-Шавдонскому укрѣпленію, преслѣдуемые на пути довольно усиленнымъ огнемъ непріятеля.

Чеченцы предполагали въ этомъ движеніи нашемъ только перемѣну позиціи и не допускали, чтобы отрядъ удовольствовался трехдневнымъ пребываніемъ у нихъ. Опасаясь за свои аулы и огромные запасы, только-что свезеннаго съ полей хлѣба и сѣна, они настойчиво потребовали у Шамиля или средствъ къ защитѣ, или окончательнаго разрѣшенія ихъ участи. Въ этотъ разъ имамъ, сверхъ ожиданія, не прибѣгъ ни къ громкимъ фразамъ, ни къ напыщеннымъ цитатамъ изъ корана:—онъ откровенно объявилъ чеченцамъ, что считаетъ ихъ уже какъ бы отрѣзанными отъ себя и

(*) См. «Современникъ» 1858 г. № 1.

находящимся болѣе въ рукахъ русскихъ, и что хотя онъ попрежнему готовъ всѣми силами поддерживать борьбу ихъ съ невѣрными, но вмѣстѣ съ тѣмъ разрѣшаетъ желающимъ перейти къ русскимъ. Такой отвѣтъ поставилъ чеченцевъ въ самое тревожное положеніе. На сопротивленіе надежды были плохи, а въ словахъ Шамиля, разрѣшавшихъ переходъ къ русскимъ, очевидно заключалась лишь худо скрытая досада, послѣдствія которой, при такомъ варварски-деспотическомъ правленіи, легко угадываются.

Казалось, присутствіе въ этотъ разъ войскъ нашихъ въ Большой Чечнѣ должно было рѣшить колеблющуюся участь ея. Но каково же было удивленіе чеченцевъ, когда, проснувшись 5-го ноября съ трепетнымъ ожиданіемъ увидѣть грозныя колонны среди своихъ ауловъ, они увидѣли лишь бѣлѣющіяся стѣны Хоби-Шавдона и дымившіеся около него лагерные костры. Войска въ это время успѣли уже сдѣлать цѣлый переходъ по направленію къ Ауху, гдѣ имъ предстоялъ другой подвигъ.

Чеченцы чуть не чуду приписали свое спасеніе, успокоились и разошлись по домамъ. Въ Чечнѣ водворилась совершенная тишина, что, какъ извѣстно, всегда бываетъ передъ бурею.

Занятіе Ауха, какъ выше сказано, было окончательно рѣшено во время рекогносцировки, произведенной туда г. главнокомандующимъ въ концѣ апрѣля 1857 года.

Я видѣлъ тогда Аухъ и, несмотря на всю привычку къ самымъ разнообразнымъ, великолѣпнымъ картинамъ кавказской природы, не могъ не любоваться изумрудною зеленью, покрывавшею волнистыя поля, среди которыхъ, въ самомъ живописномъ безпорядкѣ, отдѣльными группами разбросаны большія фруктовыя деревья. Смотря на аулы, притаившіеся на скатахъ холмовъ, покрытыхъ этою мягкою зеленью, среди которой въ разныхъ направленіяхъ стремятся горные ручейки, вливающіеся въ мутный Ярыкъ-су; смотря на всю эту богатую природу, какъ-то успокоительно дѣйствующую на душу, я въ сотый разъ невольно приходилъ къ мысли: что было бы, если бы въ этихъ прекрасныхъ плодородныхъ мѣстахъ жили люди, мирно занимающіеся своимъ хозяйствомъ и болѣе радующіеся правильно проведенной бороздѣ и хорошему урожаю, чѣмъ мѣткому выстрѣлу винтовки и удачно совершенному разбою? И въ сотый разъ я, съ какою то грустью слушалъ раскаты пушечныхъ выстрѣловъ, и въ сотый разъ мечты рисовали мнѣ свѣтлыя картины будущаго, когда вмѣсто этихъ раскатовъ послышится пѣснь мирнаго хлѣбопашца да стукъ топора, да звонъ колокольчика проѣзжающей тройки, да развѣ рѣдкій выстрѣлъ охотника....

6-го ноября вступили войска въ Аухъ; все населеніе или бѣжа-

ло или заблаговременно было увезено въ глубь горъ, гдѣ Шамиль собирался указать имъ мѣсто для поселенія, а пока и ихъ, и салатавцевъ постигла одинаковая горькая участь: безъ крова, безъ хлѣба и фуража, они должны были поселиться въ Андіи, Ичкеріи и другихъ ближайшихъ обществахъ, въ наскоро-устроенныхъ балаганахъ, и, по словамъ лазутчиковъ, многіе гибли отъ жестокой стужи и глубокихъ снѣговъ, которыми такъ щедро подарила насъ нынѣшняя, неслыханная на Кавказѣ зима.

Это бѣдствіе, кромѣ нравственнаго вліянія на непокорное населеніе, имѣетъ для насъ и ту важную выгоду, что съ увеличеніемъ народонаселенія въ горахъ, гдѣ такъ мало плодородныхъ мѣстъ, недостатокъ хлѣба поставитъ ихъ въ неизбѣжную необходимость искать нашего покровительства.

Собравшіеся подъ личнымъ предводительствомъ Шамиля толпы горцевъ вздумали оспаривать у насъ высоты, предназначенныя для постройки крѣпости; но молодецкая аттака кавалеріи съ одной стороны, стройное движеніе пѣхоты съ другой и мѣткій огонь артиллеріи заставили ихъ отступить; позиція была занята, и съ 10 этого мѣсяца было приступлено къ постройкѣ крѣпости, что и продолжалось до 4 декабря.

Во все это время непріятель не отваживался ни на какія противъ насъ рѣшительныя дѣйствія и ограничивался большею частію незначительными перестрѣлками при движеніяхъ нашихъ на рекогносцировки и фуражировки. Желая стѣснить войска въ способахъ продовольствія и полагая, что это можетъ заставить насъ уйти, не кончивъ предпріятія, Шамиль самъ приказалъ истребить на большомъ пространствѣ въ окрестности всѣ запасы; но кончилось тѣмъ, что его же орда осталась безъ продовольствія, и она разбрелась гораздо ранѣе нашего ухода.

Третьяго декабря въ новое укрѣпленіе Кишень-аухъ (такъ назывался бывшій здѣсь большой аулъ), введенъ гарнизонъ, отслужено молебствіе, все окроплено св. водою, и пушечные выстрѣлы возвѣстили Кавказу новое торжество нашего оружія: Аухъ былъ покоренъ и окончилъ свое буйное, независимое существованіе. И этотъ важный успѣхъ мы пріобрѣли съ самой незначительной потерей.

4 декабря отрядъ, обезпечивъ сообщеніе Кишень-ауховскаго гарнизона съ Хасавъ-юртомъ, оставилъ Аухъ и двинулся обратно, опять къ Мичику.

Въ этотъ разъ вступленіе войскъ въ Большую Чечню было совершенно неожиданно. Чеченцы имѣли полное основаніе предполагать, что отрядъ, начавшій свои труды съ 19 октября и проведшій въ Аухѣ цѣлый мѣсяцъ въ неутомимыхъ трудахъ, при постоян-

ныхъ жестокихъ морозахъ и снѣгахъ, вѣроятно будетъ распущенъ по квартирамъ, хотя для кратковременнаго отдыха. По этимъ соображеніямъ, чеченцы не только оставались совершенно спокойны въ своихъ домахъ, но даже Шамиль и его наибы смотрѣли на обратное движеніе изъ Ауха, какъ на роспускъ войскъ и не только не приняли никакихъ мѣръ для прикрытія плоскости Большой Чечни, но даже не слѣдили за самымъ движеніемъ нашихъ войскъ. Впрочемъ, сборъ значительныхъ партій былъ уже въ это время для Шамиля почти невозможенъ: горцы, простоявъ всю осень въ Салатавіи и Аухѣ противъ нашихъ отрядовъ, при рано наступившей зимѣ и недостаткѣ продовольствія, испытали такъ много бѣдствій, что многіе уходили самовольно. Ушедшая такимъ образомъ изъ Салатавіи одна партія была застигнута метелью и, какъ говорили, до ста человѣкъ погибло въ снѣжныхъ сугробахъ.

И такъ отрядъ подошелъ къ Большой Чечнѣ неожиданно. Вся масса народонаселенія, столпившаяся въ лѣсномъ пространствѣ на низовьяхъ Гудермеса, Хулхулау и Джалки, отрѣзанная отъ предгорнаго населенія прошлогоднею просѣкою, уширенною въ первыхъ числахъ ноября, очутилась предоставленною своимъ собственнымъ силамъ, безъ всякой надежды на помощь Шамиля. Хотя Шамиль и поспѣшилъ собрать нѣсколько сотъ всадниковъ съ цѣлью присоединить ихъ къ жителямъ предгорныхъ ауловъ и открыть съ ними противъ насъ дѣйствія, для отвлеченія отъ аттакованнаго пространства и облегченія защиты тамошнихъ жителей; но все это ни къ чему не повело. По вновь проложенному пути отъ крѣпости Воздвиженской, двигался другой отрядъ, и непріятель весьма легко попадалъ между двухъ огней, что и заставило его держаться въ почтительномъ отдаленіи; между тѣмъ, аттакованные аулы, никѣмъ не поддержанные, никѣмъ не ободряемые, не имѣя возможности бѣжать безъ явной потери всего своего имущества и скота, да и рискуя попасть въ руки раскинутыхъ на большомъ пространствѣ нашихъ войскъ, вынуждены были прибѣгнуть къ послѣднему остававшемуся имъ средству: они покорились.

Въ теченіи двухъ-трехъ дней тянулись по Большой Чечнѣ цѣлые караваны арбъ и саней, нагруженныхъ всякимъ хламомъ, сопровождаемыхъ чеченцами, ихъ ободранными женами и полунагими дѣтьми. Около двухъ тысячъ семействъ, подъ прикрытіемъ нашихъ войскъ, отправились по всѣмъ мирнымъ ауламъ искать временнаго пріюта, пока не будутъ сдѣланы распоряженія къ правильному поселенію ихъ на мѣстахъ открытыхъ, всегда доступныхъ войскамъ.

Проводивъ эти огромные транспорты, разорвавъ всѣ опустѣвшіе аулы, расчистивъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ лѣсъ для болѣе сво-

бодного движенія, отрядъ, послѣ восьмидневнаго пребыванія, оставилъ плоскость Большой Чечни.

Страна приняла грустный, пустынный видъ: остатки дымившихся костровъ одни лишь напоминали о недавнемъ присутствіи здѣсь человѣка, и тамъ, гдѣ нѣсколько дней тому назадъ жило столько людей, составлявшихъ какъ бы отдѣльный міръ, съ своими интересами и страстями, вдругъ все умолкло, какъ будто скованное невѣдомою, волшебною силою. И тамъ, гдѣ за нѣсколько дней, по первому зову прославленныхъ хищниковъ, собирались десятки удальцовъ, тутъ же переправлявшихся чрезъ Сунжу на опасный промыселъ близъ нашихъ станицъ и укрѣпленій,—въ этомъ самомъ притонѣ заклятыхъ враговъ общественнаго благоустройства и спокойствія, теперь раздавался только вой голодныхъ шакаловъ и отставшихъ отъ хозяевъ собакъ.

На этомъ окончились зимнія военныя дѣйствія 1857 года на лѣвомъ крылѣ Кавказской линіи. Результаты ихъ огромны, и, какъ мнѣ кажется, такъ громко говорятъ за себя, что должны быть видны даже всякому, только издали слѣдящему за ходомъ событій на Кавказѣ. Салатавія, Аухъ, долина Мичика и плоскость Большой Чечни — эти четыре театра отдѣльныхъ продолжительныхъ военныхъ дѣйствій, склонили покорную голову передъ энергической, сильной волей, руководившей здѣсь послѣдними дѣйствіями; и склонили они головы свои не подъ минутнымъ вліяніемъ страха, въ присутствіи штыковъ и съ лукавой надеждой при первомъ удобномъ случаѣ еще выше ихъ поднять, а склонили вслѣдствіе положительной невозможности дальнѣйшаго сопротивленія и еще большей невозможности продолжать бѣдственное существованіе послѣднихъ головъ.

Не говорю о матеріальныхъ потеряхъ, понесенныхъ непріятелемъ въ послѣднее время; но столько рѣшительныхъ ударовъ, съ такой быстротою слѣдовавшихъ одинъ за другимъ, не могли не подорвать, наконецъ, остатка тѣхъ нравственныхъ силъ, которыя такъ упорно боролись съ нашими значительными средствами, которыя такъ долго превозмогали и чувство самосохраненія, и желаніе матеріальныхъ житейскихъ выгодъ. Все это—плоды дѣйствій 1852 года, открывшихъ слабую сторону непріятеля и послѣдовавшихъ за тѣмъ — занятія Шали, Хоби-Шавдона, Салатавіи и Аухa.

Теперь, еще разъ, съ полною увѣренностію могу повторить: не далеко то время, когда просвѣщеніе поборетъ варварство, когда благодѣтельная гражданственность укротитъ лихорадочные порывы фанатизма и хищность буйной воли.

Чему же приписать такой оборотъ дѣла? Развѣ прежде войска

были хуже? Или съ меньшимъ мужествомъ дрались мы съ непріятелемъ? Или съ меньшею неутомимостью переносили всякіе труды и лишенія? Нѣтъ,—это прямыя и очевидныя послѣдствія систематическаго образа дѣйствій, съ настойчивостью и энергически направленныхъ къ одной цѣли. Это—плоды опыта, убѣдившаго насъ, что мы имѣемъ дѣло не съ отдѣльными шайками разбойниковъ и не съ непріятельскою арміею, готовою разсѣяться отъ перваго пораженія, а съ цѣлой обширной страной, съ ея разнохарактернымъ населеніемъ, въ изобиліи обладающимъ всѣми элементами для столь упорной борьбы.

Но тѣмъ славнѣе будетъ подвигъ нашъ въ глазахъ всего образованнаго свѣта, и мнѣ не вѣрится, чтобы наконецъ просвѣщенный Западъ не оцѣнилъ его по достоинству, даже при всемъ своемъ недоброжелательствѣ къ намъ....

Въ настоящую минуту, когда я дописываю эти строки, батальоны наши уже въ Аргунскомъ ущельи прокладываютъ свободный путь изъ крѣпости Воздвиженской и отнимаютъ у Шамиля еще одинъ изъ послѣднихъ оплотовъ его въ Чечнѣ, считавшихся неприступными.

А. ЗИССЕРМАНЪ.

Крѣп. Владикавказъ.
6 февраля 1858 г.

ОЧЕРКИ НАРОДНАГО БЫТА.

III (*).

СЦЕНЫ ИЗЪ СЕЛЬСКАГО ПРАЗДНИКА.

1.

ПЕТРОВНА И СЕРГѢЕВНА.

Лѣтомъ на Ильинъ день, по окончаніи обѣдни, на дорогѣ среди улицы села Березова стояли двѣ старухи-свахи въ бѣлыхъ повязкахъ, обратившись лицомъ другъ къ другу. Одна изъ нихъ была старостиха. Она зазывала къ себѣ въ гости сваху Петровну, которая никакъ не хотѣла зайти къ ней, увѣряя, что осердится старикъ.

— Да полно тебѣ, свашунька, церемониться, говорила старостиха:— зайди, родная.

— Милая ты моя, право нѣколи, отвѣчала Петровна.

— Ты хоть забѣги,—нашимъ образамъ помолись.

— Помолюсь, кормилица, помолюсь когда нибудь. Теперича дыхнуть некогда. Ребятишки ждутъ тоже, сама знаешь.

— Такъ поди своимъ ребятенкамъ по крайности пирожка снеси, голубка моя!

(*) Первые два очерка см. «Современникъ» 1858, № 2.

— Экая ты, свашунька... Я ужъ и не знаю... Ну, пирожка пожалуй завяжи, да я и пойду, — а то, боюсь, старикъ осерчаетъ.

Народъ расходился по домамъ, сельская улица пустѣла.

Свахи побрели черезъ плотину, по направленію къ старостину дому, отличавшемуся мастерскою постройкою и рѣзьбою по новому крыльцу. Около него стояло много пріѣзжихъ телѣгъ.

— Сергѣевна, матушка, ты и не задерживай меня, продолжала уговаривать ее спѣсивая Петровна, приблизившись къ дому.

— Какая же ты, свашунька, право слово... Ну, отчего не посидѣть.

— И-и-и... ни за что! такъ-таки убѣгу. Вотъ-те Христосъ, убѣгу.

Въ сѣняхъ, съ отворенными дверями,—какъ на улицу, такъ и на дворъ.—вокругъ длиннаго стола, уставленнаго блюдами и полштофами, размѣщались принаряженые гости. Говоръ народа не умолкалъ ни на минуту: безпрестанно слышались поздравленія, разспросы про здоровье и пр. Повидавшись съ кумушками, золовками и разными знакомыми, Петровна съ Сергѣевной вошли въ широкую избу, въ которой гостей было больше, чѣмъ въ сѣняхъ.

— Добро пожаловать, добро пожаловать, закричалъ вдругъ староста, сидѣвшій за столомъ въ переднемъ углу и, какъ видно, успѣвшій поздравить себя съ праздникомъ: — вотъ умницы! Ай да старухи!

Рядомъ съ хозяиномъ сидѣлъ сотскій, его другъ закадычный, крѣпкій рыжій мужикъ съ мѣднымъ орломъ на армякѣ. Далѣе родные и знакомые, въ числѣ которыхъ десятскій, два кузнеца въ синихъ поддевкахъ, выборный и цаловальникъ.

Обѣдъ еще не начинался.

Перецѣловавшись со всѣми бабами, Сергѣевна скинула съ своей головы верхній платокъ, что-то пошептала на ухо своей дочери — невѣстѣ, чернобровой смѣтливой дѣвушкѣ и занялась свахой. Дочь вышла изъ избы и тотчасъ же воротилась, неся подъ красной шалью бутылочку.

— Ну-ко, Петровна, дорогая моя, — выпей, начала шептать хозяйка, подчуя близь печи сваху Петровну.

— Что это ты? воскликнула Петровна, разводя руками. Матушка! О-о-о!...

— Ты попробуй, попробуй...

— Нѣтъ, касатка, оставь. Я такая слабая: совсѣмъ одурѣю,— съ ногъ свалюсь.

— Да вѣдь это, — знаешь что? Вѣдь это...

Сергѣевна сообщила гостьѣ по секрету, что снадобье, которымъ она подчуетъ, — *даже пьютъ барышни.*

Петровна въ раздумьи покачала головой, глядя на стаканъ, взяла его и пожелавъ хозяйкѣ всякаго благополучія,— выпила. Въ это время подступилъ къ ней самъ староста. Петровна объявила ему, что она обѣдать у него не можетъ, боится — старикъ осердится. Онъ молча обхватилъ ее и усадилъ за столъ. При общемъ смѣхѣ начался обѣдъ. Обѣдъ былъ на славу.

Въ избѣ и въ сѣняхъ шла веселая шумная бесѣда, приправляемая поминутными упрашиваніями хозяйки и возгласами хозяина: «да допивай кумъ; кто не допиваетъ, тому доливаютъ».

— Слышь, сватъ, вослицалъ между прочимъ староста. Вино есть зло?

— Зло, морщась отвѣчалъ сватъ, не допившій своего стакана.

— А зла не оставляютъ, заключалъ хозяинъ.

И гость допивалъ остатки зла.

За второй перемѣной, — за щами, гости стали слегка покрикивать и хватать одинъ другаго за плечи, при чемъ ссоры никакой не было, напротивъ—за каждымъ стаканомъ мужики цѣловались по нѣскольку разъ, хоть этого и не требовало обыкновеніе.

— Гаврило.... Гаврилъ Захарычъ, — раздавались голоса;— передъ тобой, какъ передъ Богомъ... Выпей, уважь меня, — не хозяина, а меня, пожалуйста... мы съ тобой... да что тамъ!...

— Нѣтъ, Петръ Акимычъ, ты не то... не то, братецъ ты мой, толкуешь.... Я хмѣльной не хорошъ!...

— А ты, матушка, кушай, кушай; не смотри на нихъ, говорила добрая старостиха своей свахѣ Петровнѣ, наклоняясь къ ней.

— Я и то ѣмъ, скромно отвѣчала Петровна:—Слава-те Господи.

За похлебкой гости нахлебались порядочно. Мужики, повѣ-

свъ свои головы, въ какой-то полудремотѣ вели между собою нескончаемые разговоры о всевозможныхъ предметахъ. Староста разсказывалъ сотскому, какъ онъ однажды въ поздній зимній вечеръ, ѣхавши изъ кабака, заблудился въ дорогѣ и какъ на этотъ разъ чортъ въ образѣ человѣка вызвался его проводить, подчуя нюхательнымъ табакомъ его лошадь, межъ тѣмъ какъ сотскій въ тоже время разсказывалъ старостѣ объ изгнаніи французовъ изъ ихъ деревни.

За телятиной слободской кузнецъ положилъ свою голову на столъ и велъ самъ съ собою горячій диспутъ о пьянствѣ, часто прибавляя: «шалишь, братъ, меня не спонешь!» А цаловальникъ, обнимая рядомъ сидѣвшую съ нимъ молодую бабу, объяснялъ ей, какъ должно варить пиво. За послѣднимъ блюдомъ съ пшоннымъ караваемъ, десятскій съ выборнымъ изо всѣхъ силъ затянули: «ночи темны, тучи грозны». Но спасибо старостѣ: зажалъ имъ рты и напомнилъ хлѣбъ-соль на столѣ.

По окончаніи обѣда, церемонную сваху Петровну сваха Сергѣевна вела подъ руку изъ избы въ сарай и говорила:

— Прилягъ поди, прилягь, родная моя.

— Ну-у, матушка, упоштвали, бормотала Петровна.

— И-и-и, что за поштва такая? какая это есть угощенія? что ты, свашунька...

— Охъ, кормилица, старикъ-то, старикъ-то теперь, говорила Петровна, укладываясь на соломѣ. Господи, прости ты мое согрѣшеніе!...

— Ничего. Что ты все его боншься? Спи-ко себѣ, голубушка.

— Эхъ, старикъ-то тепереча со свѣту меня сживетъ. «Что ты? скажетъ. Куда ты бѣгала такая, сякая. Да я тебя чѣмъ ни попадя. Ахъ ты вѣтровка этакая!» продолжала бормотать уподчиванная сваха Петровна.

Но вскорѣ она замолкла, не переставая однако же шевелить губами.

Хозяйка вышла изъ сарая и притворила за собою ворота.

2.

КОНТОРЩИКЪ И САДОВНИКЪ.

Сельская контора. За столомъ сидитъ въ затасканной чуйкѣ, съ шершавыми волосами садовникъ. Ему лѣтъ 35. Видъ имѣетъ заспанный и жалкій. Передъ зеркальцемъ стоитъ въ рубахѣ и панталонахъ конторщикъ, подвязывая галстухъ. У него глаза впалые и узенькіе, на лицѣ морщины, хотя онъ и не старъ еще. Конторщикъ собирается на гулянье. Время уже къ вечеру.

Садовникъ. Вотъ и праздника дождались, Семенъ Петровичъ.

Конторщикъ. Да.

(Повертывается передъ зеркаломъ и поправляетъ рукою узелъ галстуха. *Молчаніе*).

Садовникъ. А вѣдь не всякій теперь веселится, хоть и праздникъ. Какъ ты думаешь?

Конторщикъ. Разумѣется.

Садовникъ. Семенъ Петровичъ! душа! нѣтъ-ли рюмочки ахнуть?

Конторщикъ. (*Становясь противъ садовника*). Иванъ Ильичъ! А нѣтъ ли у тебя рюмочки ахнуть? а? чудаки вы, право! что у меня, харчевня что ли?

Садовникъ. Пожалуйста.

Конторщикъ. (*Идетъ къ стѣнѣ и снимаетъ съ гвоздя сюртукъ*). Пословица-то правду говоритъ: «пріучишь калачемъ, не отъучишь толкачемъ». Оно такъ и есть. Идутъ въ контору за чѣмъ? за рюмочками.

Садовникъ. Э-эх-ма!...

(Беретъ себя за голову).

Конторщикъ. Ну, возьми вонъ за шкапомъ. Такъ ужъ... для праздника.... Легче, смотри, не разбей...

Садовникъ. (*Вскакиваетъ*). Нѣтъ, не разобью. Вотъ спасибо, братъ... спасибо, Семенъ Петровичъ.

(Пьетъ, кланяется конторщику и возвращается къ своему мѣсту).

Конторщикъ. Что, отлегло?

Садовникъ. Разчудесно... Семенъ Петровичъ... такъ нѣшто по всѣмъ жилкамъ... (*Помолчавъ*). А полечи-ко-сь ты меня, Семенъ Петровичъ. Дѣломое ажно ль плевое! такая напасть: двад-

цѣть съ полтиной цапнулъ въ кабакѣ на прошлой недѣлѣ. Какъ ты понимаешь? Жена безпрестанно все ругаетъ: «свинья ты необразованная!» Ну, что жь я сдѣлаю?

Конторщикъ. Умрешь — остепенишься.

Садовникъ. (*Въ раздумьи*). Остепенишься... Гмъ... кто его знаетъ. (*Рѣшительно*) Нѣтъ ли у тебя, помнишь, гадости какой, чтобы нутро повернуло. Иногда ходишь, разсуждаешь самъ съ собою: фу, оказія! да съ чего я пью? скажи, Бога ради! съ какой радости? Тутъ, слышь, не до гулянокъ: скоро ѣсть нечего будетъ. Вѣдь вотъ сапоги-то... они восемь рублей, а доходы нынѣ, ой, ой, ой какіе! да!... Я тебѣ — Семенъ Петровичъ, разскажу про одного запивоху. Не дай Богъ быть такимъ. Онъ говаривалъ: «мнѣ матушка моя дала совѣтъ: дитятко! не весь носъ окунай въ рюмочку, — (то есть не до чиста выпивай.) Я, говоритъ, помню матушкины словечки даже до нынѣ: какъ теперь пить,—сейчасъ носъ на сторону». Истинно не лгу! вотъ что значитъ запивойство!

(Конторщикъ ухмыляется).

Конторщикъ. Вишь каковъ голова былъ!

Садовникъ. Подлинно, что голова. И поговорка у него все такая была: «полно пьянствовать, пойдемъ въ кабакъ!» Ей же ей! Ухарь былъ, одно слово.

КОНТОРЩИКЪ осматривается въ зеркальцѣ. Входитъ КУЧЕРЪ низенькаго роста, одѣтый по праздничному: въ новомъ кафтанѣ на распашку и красной рубахѣ.

Конторщикъ. Проснимъ милости, Илья Ильичъ. Что? аль въ гости?

Кучеръ. (*Подергивая плечами*). Въ гости-съ. Съ праздникомъ васъ честь имѣемъ поздравить.

Конторщикъ. Спасибо, спасибо. (*Идетъ къ шкапу и достаетъ полштофъ*). Небось, Илья Ильичъ, выпить хочешь? а?

Кучеръ. Отчего-же-съ. На томъ, можно сказать, стоимъ, чтобы того... Очевидно.

Конторщикъ. Ну, а на гулянье пойдешь?

Кучеръ. Какъ же. Тамъ на селѣ ужь хороводы строятся. Главное, гулянье, говорятъ, будетъ сильное.

Конторщикъ. Сильное? Ну, выпей... дерябни за мое здоровье.

Кучеръ. Эвто хорошо-съ. Будьте же здоровы! (*пьетъ*).

Садовникъ. (*Привставъ съ мѣста, въ полголоса конторщику*). Семенъ Петровичъ! чудочекъ... душа! одинъ разъ глотнуть... сдѣлай милость.

Конторщикъ. (*Повертываясь въ сторону*). Ну, ужь нѣтъ.

Садовникъ. (*Простирая руки впередъ*). Батюшка! чуйку подъ закладъ! все бери! Семенъ Петровичъ!

Конторщикъ. Поди ты! чуйка мнѣ твоя не нужна.

Садовникъ. (*Бросаясь на скамейку*). Эхъ, Господи!

Кучеръ. Благодаримъ покорно. Славная у васъ сивушка— матушка. Вотъ иногда берешь на Ульяновкѣ — такая, пропади она! Съ четверти не захмѣляешь. (*Встряхиваетъ волосами*).

Конторщикъ. (*Возвращаясь къ шкапу*). А это городская..

Кучеръ. Я ужь чувствую, что не простая: на зубахъ хруститъ совсѣмъ другимъ манеромъ.

Конторщикъ. Теперь въ хороводы, Илья Ильичъ, пойдешь?

Кучеръ. Да, теперь можно и въ хороводы. Счастливо оставаться, Семенъ Петровичъ.

Конторщикъ. Прощай. (*Кучеръ уходитъ.*)

Садовникъ. (*Мрачно*). Семенъ Петровичъ!

Конторщикъ. Чего?

Садовникъ. Я тебѣ говорю, мнѣ одно остается: или сѣна клокъ, или вилы въ бокъ!

Конторщикъ. (*Стоя передъ садовникомъ и раскуривая трубку*). Пожалуй, я тебѣ дамъ лекарство. да, смотри, могарычъ за тобой.

Садовникъ. Вотъ! Есть-что-могарычъ! ужь на счетъ этого безъ сумлѣнья изволь оставаться. Непремѣнно поставлю. Только правду ли говоришь?

Конторщикъ. Лгать я не учился. (*затягивается*).

Садовникъ. Ну, и дѣлу конецъ. Я знаю, что ты хорошо помогаешь, — потому и прошу. А то я сколько одному знахарю пролечилъ весной, въ карманъ не покладешь! пѣтъ ничего толку. Какъ, чуешь, шарахнулъ возъ цѣлый яблокъ въ шинкѣ, жена и кричитъ: «а! подлецъ! погоди...» И привезла къ знахарю. Лечили, лечили, — просто хоть Богу душу отдавай.

Конторщикъ. Что жь, легче стало?

Садовникъ. Легче, да! на третій пикакъ день безъ сапоговъ пришелъ домой. Вотъ такъ кадрель! То есть именно гвоз-

дишь на пропалую, какъ скотина не обузданная. (*Задумывается*).

Конторщикъ. (*Поправляя пепелъ въ трубкѣ*). Гвоздить ты у меня перестанешь. Вотъ слушай. Я тебѣ въ короткѣ скажу, — а то пора идти. Возьми ты четырехъ раковъ, излови гдѣ нибудь.

Садовникъ. Раковъ?

Конторщикъ. Раковъ.

Садовникъ. Гмъ... Это я лаптемъ наловлю, въ прудѣ наловлю.

Конторщикъ. Ну, ладно. Возьми ты ихъ и того... и пусти къ кабаку. А передъ тѣмъ не забудь положить себѣ за пазуху табаку. Понимаешь? Потомъ братецъ мой, тѣхъ самыхъ раковъ, кои будутъ пятиться назадъ (*затягивается, причемъ трубка хрипитъ*), — посади въ бутыль, по объемистѣй выбери какую и налей виномъ... Пускай настоится получше. Послѣ же таковой операціи передъ обѣдомъ и ужиномъ выпивай по агафончику. Слышь? (*Становитъ трубку на окно*).

Садовникъ. Какого-же, Семенъ Петровичъ, положить табаку за пазуху?

Конторщикъ. Нюхательнаго, извѣстное дѣло.

Садовникъ. Зачѣмъ?

Конторщикъ. Ну, симпатія, обыкновенно...

Садовникъ. Симпатія... И пройдетъ?

Конторщикъ. (*Надѣвая фуражку и приготовляясь выходить*). Попробуй! выходило въ аккуратѣ. А не пройдетъ, мы поправимъ дѣло. Шаркнемъ рвотнымъ, или еще чѣмъ... тѣмъ же табакомъ махнемъ!

Садовникъ. (*Поднимаясь*) Эхъ, братъ! Вотъ бы, слышь, загуляли, ежели пройдетъ. Полведра на конъ. Кути малина!

Конторщикъ. Пойдемъ.

(*Уходятъ*).

3.

ГУЛЯНЬЕ.

Солнце уже закатилось. Стоялъ тихій свѣтлый вечеръ. Чуть-чуть подувалъ теплый ветерокъ. По улицѣ села Березова ме-

дленно шелъ разряженный народъ: дѣвки въ сарафанахъ и кумачныхъ красныхъ платкахъ, парни въ новыхъ шляпахъ съ павлиными перьями, мѣщане, огородники, черныя кучи мужиковъ и разноцвѣтныя гурьбы бабъ въ блестящихъ кичкахъ и пестрыхъ занавѣскахъ. Изъ-за барскаго сада весело мелькали бѣлыя платья дворовыхъ дѣвокъ. Все это тянулось на самую средину села къ широкому выгону, на которомъ построены вислыя качели, въ праздничное время служившія сборнымъ пунктомъ народа и средоточіемъ всѣхъ сельскихъ увеселеній. Туда обыкновенно шелъ мужикъ, чтобы въ хороводѣ пропѣть любимую пѣсню и поглазѣть на игры, парень шелъ показать свою удаль въ отчаянной пляскѣ или игрѣ на гармоникѣ, баба — удивить православныхъ смѣлыми прибаутками. Вообще на выгонъ шелъ всякъ, кто только былъ свободенъ и дорожилъ праздничнымъ днемъ.

Улица почти вся запружена гуляющими. Изъ растворенныхъ оконъ Поповской Слободы выглядываютъ сіяющія физіономіи съ оскаленными зубами поповскихъ дѣвушекъ, батраковъ и батрачекъ передающихъ другъ другу свои восторги при видѣ разнохарактерной толпы съ пошатывающимися мужиками. Большая часть гуляющихъ выступаютъ съ сильнымъ довольствомъ на лицѣ, и эта черта въ своемъ родѣ не можетъ не нравиться постороннему зрителю. Картина разнообразится: одинъ разрядъ людей постепенно смѣняется другимъ. То долго бредутъ ватаги мужиковъ съ красными лицами, то появится незамѣтно стадо дворовыхъ дѣвокъ, а за ними неизмѣнные ихъ спутники—лакеи, игривые и радующіеся. Ихъ смѣняютъ мѣщане съ своими женами въ желтыхъ платкахъ. Словомъ гулянье имѣетъ видъ весьма разнообразный. Ко всему сказанному надобно прибавить, что говоръ народа не умолкаетъ и отчетливо слышится въ чуткомъ вечернемъ воздухѣ. На выгонѣ уже слышится пѣсня.

Между толпами народа видно и конторщика, идущаго бодро и важно съ выпущенными изъ подъ жилетки длинными концами шейнаго платка. Онъ поминутно охорашивается и видимо хочетъ отдѣлаться отъ пьяницы садовника, который бредетъ за нимъ въ двухъ шагахъ, стараясь о чемъ-то заговорить съ нимъ. Конторщикъ спѣшитъ присоединиться къ дворовымъ дѣвкамъ.

— А что сударыни, раздается мягкій голосъ лакея въ кучѣ дворовыхъ дѣвокъ; — вы пѣсни пѣть сегодня будете?

— Съ чего вы взяли? Вотъ выдумали! хи, хи, хи.

- Нисколько я не выдумалъ. Естество свое возьметъ на-

ѣдь какія горделивыя! восклицаетъ другой лакей, для
окъ.

ъ Петровичъ, слышится унылый голосъ садовника:—
ихъ попытаю.

казалъ: отстань, отвяжись. Чортъ тебя возьми со-
— Ты меня осрамилъ.

ія лакеевъ, голоса ихъ становятся слабѣе.
врилычъ, Харлаша, кричитъ одинъ изъ мужи-
явшись съ своимъ товарищемъ. Я тебѣ разскажу
е. Она баба росейская. А на счетъ наукъ ты не хвались.
переча что Полякъ, что Лихляндецъ, что Шведъ—все едино:
къ примѣру, вотъ мы съ тобой идемъ, все ничего. Вдругъ на
встрѣчу городъ, али деревня.

— Нѣтъ, ты самъ не знаешь, что говоришь. Вѣрно мало слыхалъ про Лихляндію. Пономаревъ Сенька лихачь на авти штуки. Скажетъ: стой солнце, не шевелись земля, хоть примѣрно Россея, аль Лихляндія.

— Такъ.

Мужики удаляются.

Проходятъ два мѣщанина. Одинъ изъ нихъ говоритъ другому:

— То есть я, батюшка мой, простудилъ себя, одно слово — квасомъ. Квасомъ простудилъ, такъ простудилъ,—смерть! Ребята взяли наварили кулешу съ ветчиной, да еще на дорогу мнѣ положили поросенка, значитъ все свиное. Я и поѣлъ, сударь мой, такъ поѣлъ, хоть околѣвай, такъ тожь.

— Гмъ... И закушались?

— И натрескался, Петръ Афанасичъ.

Выступаютъ двѣ бабы. — Онѣ говорятъ о своихъ знакомыхъ и родныхъ. Одна другую увѣряетъ, на минуту пріостановившись:

— О! она тебя помнитъ... какъ не помнить... и-и и... А ужь кумъ-то, кумъ-то! Богъ его знаетъ что за человѣкъ такой... Ей Богу... умный. А сноха-то давеча—тресть его поголовѣ! и-ихъ! право слово.

На выгонѣ, между тѣмъ, близь качелей скопилось множество народу. Тамъ составлялись хороводы и отдѣльные кружки.

На качеляхъ, окруженныхъ зрителями, парни раскачивали толстую дѣвку, поддавая ей горячихъ киселей. Дѣвка кричала, качели скрипѣли, а парни покатывались со смѣху. Бабы, составивъ большую группу, сговаривались пѣть пѣсни. Около качелей явилась и пляска: въ раздвинутомъ кружкѣ, одинъ изъ удальцовъ со всею энергіею плясалъ въ присядку и приговаривалъ въ ладъ балалайкѣ и гармоникѣ, которыя работали во всю мочь: «сюда дѣвки, сюда бабы, вотъ онъ я!» Какая-то разбитная баба низенькаго роста стала на средину круга, подперлась руками и начала выплясывать съ приговорками: «что ты, что ты говоришь, меня со смѣху моришь. Не трошь, не ворошь, у меня мужъ не хорошъ.» Недалеко отъ мѣста игръ, близь господскаго сруба, на бревнѣ, только что помѣстились дворовыя дѣвки. Всѣ онѣ достали изъ своихъ кармановъ подсолнечники и бережно принялись грызть.

Противъ дѣвокъ стояли три лакея и конторщикъ. Изъ первыхъ одинъ держалъ за спиной балалайку, вытянувъ шею и слегка прищуривъ глаза. Дѣвки между прочимъ обдергивали свои платья и передники.

— Сыграйте что нибудь, сказала худощавая дѣвка, обращаясь къ лакею съ балалайкой.

— Что же вамъ сыграть?

— А энту... ту бишь арію.... какъ ее... изъ Сонабулы.

— Федя! перебилъ другой лакей: — Ты сыграй имъ «во городѣ Вавилонѣ, на печи въ углѣ, въ соломѣ.»

— Изволь! Твое дѣло повелѣвать, а я не холопъ, чтобы каждую мерзость наигрывать.

— Да ты что разумѣешь подъ мерзостью?

— Ничего. Съ невѣжами я разсуждать не могу.

— Семенъ Петровичъ! отнеслась къ конторщику одна изъ дѣвокъ. Что, — вы мертвецовъ видали? Я слышала, вы учились въ Москвѣ медицинѣ.

— Да-съ, Алена Герасимовна. Я точно ходилъ на медицинскій факультетъ лѣтъ пять тому назадъ, какъ мы жили съ барономъ въ Москвѣ. И мертвецовъ приходилось видѣть, сударыня. Тамъ я всего, то-есть человѣка, могъ разобрать по частямъ.

— На это, я слышала, такая наука есть?

— Есть. Эту науку зовутъ скукой,—и справедливо. Потому— нѣтъ гаже этого предмета, Алена Герасимовна.

— Отчего же-съ?

— Да такъ-съ. Мертвечина, Алена Герасимовна...

— Ну, а что у человѣка внутрѣ есть, Семенъ Петровичъ?

— Внутрѣ-съ бываетъ различно. Это смотря потому, кто чѣмъ питается: иной продовольствуется мякиной, такъ у него внутрѣ мякина. А у одного сапожника, говорятъ, даже нашли при вскрытіи подошву съ лучиной.

— Страсти какія!.. Объясните мнѣ пожалуйста, что—у штатскихъ и у военныхъ внутрѣ одинаково?

— Ну, на счетъ этого пункта, Алена Герасимовна, можно вамъ доложить матерію. Во первыхъ, надобно сказать, ничего одинаковаго, нѣтъ.

Конторщикъ подсѣлъ къ дѣвкѣ и началъ свое объясненіе.

— Что ты врешь, кричалъ одинъ изъ лакеевъ съ запальчивостью, обращаясь къ другому лакею. Ну что ты врешь... брехло дурацкое... Стыдно тебѣ...

— Не вру, а правду матушку рѣжу! Я тебѣ доказываю, меня на волю надобно пустить. Понимаешь?

— Куда, куда?

— На волю.

— Брешешь...

— Дай ему договорить, кричалъ третій лакей, дай, дай... пускай его горло деретъ...

— Семенъ Петровичъ! говорила дѣвка конторщику:—А что, доктора могутъ кому нибудь вставить глазъ?

— Это нипочомъ. Глазъ для ихъ ничего не значитъ.

— А какіе же, Семенъ Петровичъ, вставляютъ глаза? человѣческіе?

— Никакъ нѣтъ-съ. Больше у скотины заимствуютъ...

Разговоры становились оживленнѣй.

Къ срубу приближались еще два лакея. Они шли, наклонивъ головы.

— Объ исторической части ты лучше не разсуждай, говорилъ высокій лакей въ запрокинутой назадъ фуражкѣ и бѣлыхъ панталонахъ. — А ты вотъ разбери: «шла свинья изъ Питера, сама вся истыкана...

— Слушай, говорилъ другой. Ты посмотри на мужиковъ,— чисто скоты, дай Богъ исчезнуть... нація такая грубая. Одно слово—свиньи... тьфу! прости меня Господи.

Между тѣмъ унылый садовникъ, давно отставши отъ конторщика, подходилъ—то къ качелямъ, то къ толпѣ, окружав-

шей плясуновъ, наконецъ приблизился къ большому хороводу. Здѣсь онъ встрѣтилъ кузнеца въ синей поддевкѣ, бывшаго на обѣдѣ у старосты.

— Здорово, сказалъ кузнецъ, пошатываясь и подступая къ садовнику.

— Здравствуй, Иванъ, грустно выговорилъ садовникъ.

— — Что, опять запилъ?

— Запьешь братъ, запьешь... на моемъ мѣстѣ кажный запьетъ, будь семи пядей во лбу эвтотъ человѣкъ. Ты знаешь мои дѣла: я съ мальства не видалъ свѣтлаго дня. Сколько я вынесъ? Ваня! сколько я вынесъ? Вспомни, какъ трехъ братьевъ я проводилъ въ солдаты. Запьешь!.. Да я объ этомъ не толкую, а что скоро я жизни лишусь — это такъ...

— Ты гла-авное, ты.... одинъ тебѣ совѣтъ тёска, слышь? воздерживайся отъ пьянства... воздерживайся... потому дурно... непристойно, тёска... право!

Хороводъ, у котораго стояли садовникъ съ кузнецомъ представлялъ разноцвѣтный широкій кругъ сельскихъ дѣвокъ и парней, тихонько двигавшихся по выбитой, ровной площадкѣ и дружно поднимавшихъ: «какъ по морю, морю синему, плыветъ стадо лебединое.» Чернобровая старостина дочь въ голубомъ сарафанѣ ходила въ срединѣ хоровода. Она представляла воспѣваемую красну-дѣвицу, гулявшую «по чисту полю и сбиравшую милу дружку на подушечку лебяжій пухъ, разщипанный яснымъ соколомъ.» Мила дружка разыгрывалъ ловкій парень въ кумачной рубахѣ, подпоясанный шелковымъ поясомъ съ кисточками. Тщательно ухаживая за красной дѣвушкой, онъ нѣжно о чемъ-то ее распрашивалъ и умильно засматривалъ ей въ лицо, которое стыдливо отворачивалось отъ него направо и налѣво.

Неприступная скромность дѣвушки только подзадривала парня, и онъ всячески старался забѣжать ей на встрѣчу, снять свою разукрашенную шляпу и порисоваться передъ ней со всею ловкостью сказочнаго добраго молодца, чтобъ въ это время двумя, тремя жестами высказать передъ ней все, что тѣснилось въ его истомленной душѣ. Словомъ, парень былъ безъ ума, и еслибы не народъ, а заправду чистое поле, то кто знаетъ, удержался ли бы онъ въ поставленныхъ границахъ? Садовникъ довольно долго смотрѣлъ на хороводъ, вслушивался въ пѣсни и время отъ времени покачивалъ головой, какъ бы разсуждая самъ съ собою. Кузнецъ успѣлъ куда-то скрыться; впрочемъ, скоро скры-

ся и садовникъ, замѣшавшись въ толпѣ. Богъ-вѣсть какими судьбами занесло къ дѣвичьему хороводу двухъ старушекъ, которыя, не обращая вниманія на игры съ пѣснями, спокойно сидѣли на травѣ и вели между собою разговоръ о томъ, какъ у одной изъ нихъ взяли сына въ ратники. Разсказчицѣ какъ-то пришлось упомянуть о Петербургѣ.

— А что, мать моя, спросила другая старушка:—Питеръ-то въ нашей землѣ?

— А Господь вѣдаетъ, касатка моя. Ты у меня и не спрашивай. Подъ старость-то я ужь совсѣмъ оналѣла...

Не долго однакожь пришлось разсуждать старушкамъ. Ихъ потревожилъ общій безпорядокъ, произошедшій потому случаю, что въ хороводѣ вдругъ явился староста и кричалъ во все горло: «сюда! сюда! игроковъ сюда подавай!» Съ разныхъ сторонъ летѣли парни, бабы и мужики. Старухи только поджимали свои ноги и говорили: «о, о! пропасти на васъ нѣтъ... О, откуда это ихъ нелегкая взяла?» Наконецъ, видя совершенную невозможность сидѣть, онѣ встали, разинувъ рты, какъ вкопанныя, одна задомъ къ самому зрѣлищу, другая бокомъ. Хороводъ превратился въ безпорядочную, густую масеу.

— Гдѣ Уляшка? кричалъ староста: — Раздвигайся! давай простору. Народъ раздвинулся. Отдѣлилась баба съ черными глазами.

— Пляши! Завопилъ староста.

Баба мигнула одному мужику въ бѣлой рубахѣ съ красной каймой на подолѣ.

— Валяй! продолжалъ староста.

Балалайка и двѣ гармоники тронули плясовую. Народъ притихъ.

Какъ будто что по всѣмъ жилкамъ стало разливаться у плясуньи-бабы. Сначала она поежилась, повернулась наискось и подперлась руками, потомъ, минуя мужика, пошевеливая плечами, пошла вытаптывать и приговаривать: «хочешь любишь, хочешь нѣтъ, ни копѣйки денегъ нѣтъ.»

— Подсявай, дѣвка, подсявай. Съ подсёвкой, небось, крикнулъ староста.

Баба принялась подсѣвать, повиливая хвостомъ своей понявы, и продолжала: «Кумачу я не хочу, китайки не надо. Наши въ полѣ не робѣютъ и на печкѣ не дрожатъ.» А мужикъ въ бѣлой рубахѣ, быстро и часто перекрещивая свои ноги, то повер-

тывался кругомъ, то присѣдалъ до самой земли и тоже приговаривалъ: «ахъ теща моя, доморощаная! Задавай трепака на четыре пятака.» «Ахъ, ѣдятъ-те мухи» раздавались голоса въ народѣ. Староста не могъ выдержать: онъ поспѣшно распоясался, подобралъ полы кафтана и бросился въ присядку, причитывая себѣ: «при старости при такой — мнѣ не надо ни какой. Ну-ко мы съ тобою сдуру, давай выкинемъ фигуру.» Староста началъ выкидывать фигуры и руками и ногами.

— Да, многозначительно произнесъ одинъ мужикъ, уставясь въ землю лбомъ, — малина...

И пошелъ прочь отъ толпы.

IV.

ГРУШКА.

(Разсказъ мѣщанина).

— Живъ еще старичекъ-то,—мой тятенька... ни единаго волоска на головѣ, а тоже иное время пустится въ присядку! чудѣнъ родитель!... Когда же захмѣляетъ, то всегда запѣваетъ: «ай ты молодость... буйная!» разинетъ ротъ, а тамъ ни одного зуба нѣтъ!

— Потапъ Егорычъ! а вы знавали Ипполита Иваныча?

— Нѣтъ-съ. А что?

— Ничего. У него все, знаете, пословица: болванъ!

— Гмм...

— Потапъ Егорычъ!

— Чего-съ?

А я, значитъ, вотъ что: мнѣ тепереча хотѣлось, то-есть, знать отъ васъ: почему вы не женитесь?

— Да я, Сидоръ Семенычъ, уже былъ женатъ. Развѣ въ другой разъ?...

— Ну, въ другой.

— И то вѣдь думаю посвататься; но боюсь, Сидоръ Семенычъ: моему-то тятенькѣ до меня дѣла нѣтъ; я кажиную матерію долженъ самъ сообразить. Жениться, говоритъ пословица, не напасть, да чтобъ женившись не пропасть...

— Я понимаю. Но поискать дѣвку-то можно.

— Обвѣнчался я, Сидоръ Семенычъ, съ одной купеческой дочерью, — истинно закаялся; подхватилъ, можно сказать, такую скотину,—самъ не радъ.... Грушкой дразнили....

— Что жь такъ?

— Такъ-съ....

— А какъ вы, Потапъ Егорычъ, мыслите на счетъ супружества?

— Я такъ мыслю, что жена должна быть супружницей своему мужу... одно слово жена... она обязана чувствовать все, понимать всякія мужнины добродѣтели; такъ какъ чрезъ эвто самое можетъ произойти глупость....

— Справедливо. Я зналъ пѣкоего купца, такъ онъ свою жену въ гробъ вогналъ....

— Извѣстно; мы знаемъ доподлинно, что жену въ гробъ вогнать — ничего не стоитъ, потому что жена для своего мужа, — все равно – плюнуть, да растереть... А главная вещь, какъ ежели онъ ей ребра ломаетъ....

— Вотъ! я сейчасъ тоже доказать хотѣлъ. А ваша жена плоха была?

— Такъ плоха, Сидоръ Семенычъ, что прямо одеръ была супруга... и первое дѣло — обманщица.... Значитъ не судьба моя! хорошо, что убралась она, царство ей небесное!...

— Позвольте, Потапъ Егорычъ, табачку понюхать.... Вы мнѣ опишите поподробнѣй.... кхе.. хе–хе-хе-кхе.... Готово!....

— Я съ ней познакомился еще очень далеко до сватьбы. Въ ту пору я былъ прикащикомъ, сидѣльцемъ. Понимаете?

— Да, да, прикащикомъ.

— Вотъ и да! Одпова гулялъ я лѣтнимъ вечеромъ.... Сначала-то, Сидоръ Семенычъ, пойдетъ весело.... ничего.... занятная исторія. Ну, и гулялъ. Вотъ эвтакъ въ одной рукѣ держу тросточку, а въ другой пеньковыя перчатки и помахиваю ими на всѣ четыре стороны. Стало темнѣть. Я началъ теперь размышлять: не пора ли дескать домой? Думаю: пора!—и пошелъ. Смотрю,— на тротуарѣ идутъ двѣ дѣвушки: одна то есть горничная, а другая самая моя супружница, примѣрно, покуда дѣвушка Аграфена. Хорошо; глаза у ней черные, брови черные.,... Сѣмъ, говорю, подлабынюсь, попытаю счастіе? Въ случаѣ, какова ни мѣра, можно тягу дать. Захожу съ боку и веду рѣчь.

— Позвольте, Потапъ Егорычъ; къ кому это вы подходите?

— Да то-то къ Грушкѣ: купца Мурашкина дочь.

— Ага! Ну?

— И говорю: куда, сударыня, гуляете? Она отвѣчаетъ: «а вамъ на что, монъ шеръ?»

— Намъ, значитъ, особенной важности мало... освѣдомиться желательно, — не больше того.

— Въ эвтотъ разъ иду, говоритъ, съ гулянья.

— А нельзя ли полюбопытствовать, какъ ваше имячко?

— Аграфена Власьевна Мурашкина.

— Такъ-съ. Что же вы, Аграфена Власьевна Мурашкина, стало быть, тепереча домой отправляетесь?

— Домой, говоритъ.

— Ну, а ежели внезапно вдругъ смеркнется?... Не опасно однимъ вамъ, примѣрно идти?

— Нисколько: нашъ домъ-то вотъ онъ!

— Гдѣ?

— Вотъ онъ.

— Гм... такъ слѣдовательно до свиданія!

— Прощайте-съ.... А какъ васъ зовутъ, мусье? спрашиваетъ она.

Меня, стало быть, зовутъ Потапъ Егорычъ Свиньинъ!

— Комедь эвта тѣмъ и кончилась. Одначе я дѣла не бросилъ. Зачалъ я съ того времени прогуливаться у ея дома, все знаете по вечерамъ. Попробовать не мѣшаетъ. Домъ у нихъ каменный; мезонинъ слишкомъ здоровый выведенъ. Разгуливаю себѣ. Она сидитъ у окошечка, вяжетъ чулокъ, али колбаетъ что, — сама, понимаете, романсы поетъ. И пѣла она, скажу вамъ, Сидоръ Семенычъ, ладно; пѣла, какъ бы доказать, чисто пѣвчія какая.... голосъ манерный и такой, что къ примѣру нашей мѣщанкѣ тягаться далеко, куда! Грудью она не брала, а значитъ, визгомъ больше... одно слово важно!

Прохожу разъ, Сидоръ Семенычъ, мимо окошечка, въ другой прохожу, говорю: дай поклонюсь, сдѣлаю почтеніе. Въ третій иду, сымаю шляпу: «вотъ, молъ вамъ... изволите видѣть?.... Она увидала, себѣ кланяется. Я усмѣхнулся, она ничего, только глаза подъ лобъ подкатила. Тутъ я смекнулъ, что надо работать дальше....

На другой день иду опять. Гляжу—сверху изъ окна вылетаетъ записочка, порхаетъ по воздуху. Мигомъ схватилъ я ее, бѣгу въ растарацію, потребовалъ пару чаю и читаю. Пишетъ, стало быть: «душанчикъ?... ангелъ мой (дѣвка горячая была). Ежели

бы вызналя, какъ тепереча у меня стремленіе къ вамъ... отъ души всего сердца пылаю къ вамъ дѣвушка Аграфена.... Сладострастію же моему, говоритъ, не имѣю границъ,—ибо свиданіе наше въ Гречишномъ переулкѣ должно безпремѣнно быть завтра въ 9 часовъ ночи: всячески ожидаю вашего согласія...»

Формально, Сидоръ Семенычъ, свиданія я желалъ. Вѣдь дѣвчонка она была добротная, румянецъ во всю щеку. Характеромъ ажно-ль дрянь вышла. На ранѣ, какъ слѣдствуетъ, я пріодѣлся, подвязалъ желтый шелковый платокъ подъ шею, заперъ лавку и отправился въ Гречихинъ переулокъ. Прихожу, она тамъ, съ дѣвкой стоитъ. Скидаваю шляпу.

— Здраствуйте, Аграфена Власьевна.

— Здраствуйте, говоритъ, Потапъ Егорычъ. Вижу, совѣстится.

— Здоровы ли?

— Слава Богу-съ.—Молчитъ. Потомъ обращается комнѣ:— что Потапъ Егорычъ, вы вчерась получили цидулочку? а сама перебираетъ пальчиками и смотритъ мнѣ на сапоги.

— Такъ точно-съ. Имѣлъ даже оказію прочитать.... и чуть не сказалъ въ растараціи. Вотъ бы ахнулъ, ей-Богу!...

— Такъ вы, говоритъ, прочитали.

— Прочиталъ-съ.—Опять молчитъ, да вдругъ какъ цапнетъ:

— Желаете вы, говоритъ, быть моимъ придметомъ?

Меня эвто вскуражило. Докладываю:

— Аграфена Власьевна! неужли жь эвтого не желать? надо мною всякая, то есть, безсловесная скотина содрогнется, ежели я не пожелаю....

Прошла недѣля.

Въ нѣкій день является комнѣ ея дѣвка и даетъ мнѣ отъ Грушки наказъ такого качества, чтобы я по средамъ и пятницамъ ходилъ къ ней въ четыре или пять часовъ утра, какъ лишь только заблаговѣстятъ къ заутрени. «Ея отецъ и мать говоритъ, стало уѣзжаютъ тѣмъ временемъ къ заутрени, такъ слышь, извольте, говоритъ, пожаловать, для, значитъ, препровожденія скуки ради... въ ея комнату... я-дѣвка васъ провожу туда.»

— Съ моимъ одоленіемъ, говорю. Только вотъ что: какъ бы тепереча шкандалу не было? Вѣдь, говорю меня тамъ должны оглоухами накормить за мои посѣщенія.

— Не сумлѣвайтесь. Ничего.

— Ничего, такъ ничего, Принялся я похаживать къ ней.

Хожу благополучно день, другой. Бывало, Сидоръ Семенычъ, не повѣрите,—ночь не спишь: все боишься, какъ бы не проѣвать. Слышу благовѣстъ въ соборѣ: «до-онъ!» сейчасъ луплю къ ней, въ чемъ ни на есть: въ халатѣ, въ чуйкѣ ли. Приближаюсь,— ворота отворяются, выѣзжаетъ купецъ съ купчихой, сидятъ и крестятся,—на рыжемъ мерину; ужастенный былъ меринъ, домовымъ, Сидоръ Семенычъ, все звали. Эвто такъ-съ. За тѣмъ ворота затворяются, а на мѣсто ихъ отворяется калиточка, выглядываетъ дѣвка и даетъ мнѣ знакъ, чтобы я шелъ за ней. Вступаю въ комнату... а не забудьте, на дворѣ передъ крыльцомъ, у входа-то я за всегда снималъ сапоги, сбрасывалъ ихъ долой, приходилъ въ Грушкину комнату въ однихъ чулкахъ, понимаете, — дабы шуму не было. Такъ иду тихо, скромно, съ ноги на ногу.—Грушка сидитъ на кровати, я помѣщаюсь подлѣ нея, она хватаетъ меня за руку.

— Знаете ли, говоритъ, я васъ очепно обожаю.... Я отвѣчаю:

— Помилуйте, напрасно безпокоиться изволите, не стоитъ-съ....

Она:

— Мерси, Потапъ Егорычъ....

— Ну, а если насъ захватятъ? говорю.

— Нѣтъ, эвтому никогда не бывать....

Такимъ манеромъ проводимъ время. Особенностей же между нами ровно никакихъ не было. Путешествовалъ я къ ней не разъ и не два. Время, можно сказать проводилъ въ пустякахъ; щаболды одни-съ, — окромѣ ласкъ, да пересыпки изъ пустаго въ порожнее ничего не было.

Осенью, Сидоръ Семенычъ, не помню въ какой-то праздникъ, встрѣтилъ я ее на углу подъяческой, шелъ было къ кажуховымъ лавкамъ. Увидалъ ее, остановился. Она чуть не бросилась ко мнѣ на шею. Кричитъ: «жисть моя!...шагай ко мнѣ нонѣ ночью, сдѣлай такую милость.... У насъ будутъ гости, станутъ гулять до зари до самой. Въ моей комнатѣ никого не будетъ.»

— Пожалуй, говорю. Въ которомъ часу?

— Въ такомъ-то.

Наступила пора. Являюсь. Комната ея дѣйствительно пустая, и даже огня нѣтъ. Только слышу въ сосѣдней залѣ идутъ пляски, крикъ. А Груша тотчасъ обращается ко мнѣ и говоритъ:

— Потапъ Егорычъ, слышите: давайте играть. Я смотрю.

— Да какъ же? не взошелъ бы кто. Чего добраго, въ шею накладутъ, не дорого возьмутъ.

— Нѣтъ, шепчетъ. Вы раздѣньтесь, скиньте сертукъ, становитесь промежь банками.

— Дальше что же-съ?

— Да вы, говоритъ, раздѣньтесь: Амуръ и Винера будутъ представляться.

Мудритъ мною, и на! Думалъ, думалъ, хочу раздѣваться и нѣтъ. Что станешь дѣлать? Взялъ, раздѣлся. Сталъ за цвѣтами. Стою. Вдругъ, голубчикъ мой, растворилась дверь, бѣжитъ изъ сосѣдней комнаты ея братъ, за нимъ цѣлая куча дѣвокъ. Хохотъ несется: «ха, ха-ха....» дѣвки за нимъ, онъ отъ нихъ, балуются между собою. Я ни живъ, ни мертвъ. Какъ вспомнишь, альни стрямъ, Сидоръ Семенычъ, беретъ, что эвта Грушка со мной дѣлала, ей-же ей.... Братъ увидалъ ее и говоритъ:

— Чтожь ты, Грушенька, тутъ одна? А меня не видно за банками.

— Да такъ, говоритъ, скучно что-то стало. Мнѣ эвти гости тоску наводятъ. И такъ важно притворилась... Ну, думаю, вздувать умѣетъ. Братъ приласкалъ ее и повелъ съ собою въ залу. Теперича на эвтомъ еще дѣло не остановилось. Въ скорости я опять таки забрался къ своей любезной. Какъ услыхалъ колоколъ.... то-то грѣхъ! чѣмъ бы бѣжать въ церковь, а я къ Грушкѣ. Избаловался ловко. Вся причина, глупъ былъ.... можно сказать—сволочь! А всему виною Грушка.... она, она вовлекла меня въ свои сѣти, да! Прихожу. Сбросилъ у крыльца сапоги, и къ ней... Пошли цалованія, милованія. Ея дѣвка тутъ же. Скалитъ, стоитъ, зубы на насъ. Вдругъ что же? Слышу, скрыпъ дверь.... я живо въ уголъ, къ лежанкѣ. Дѣвка ко мнѣ и заслонила меня. Я присѣлъ. Грушка на кровати. Входитъ ея мать. Къ ней:

— Ты что тутъ? съ кѣмъ разговариваешь?

— Съ Анютой, говоритъ.

— А ты что здѣсь стоишь?

— Эвто къ дѣвкѣ.

— Да такъ, говоритъ, постоять вздумалось.

А я за ней сижу; держу ее за хвостъ.

— Ну-ко посторонись....

Анюта посторонилась.... какъ я шаркну! почалъ стрекать, Сидоръ Семенычъ, какъ почалъ.... ай-ай-ай... слетѣлъ съ лѣст-

ницы, выбѣжалъ на улицу въ одних чулкахъ, давай пороть. Продралъ двѣ улицы безъ оглядки, прибѣжалъ домой — хвать, ни одного чулка нѣтъ.... всѣ растерялъ.... хо-хо-хо, говорю; разожгли!...

Больше туда я ни ногой. Конченъ балъ. Говорю себѣ: нѣтъ, Потапъ Егорычъ, отгулялся, будетъ! поигралъ, да за скулъ хватай. Дождешься, что тебѣ на спинѣ горбовъ надѣлаютъ. Ну, и не ходилъ. Бросилъ Грушку совсѣмъ. Теперича, Сидоръ Семенычъ, на счетъ же моихъ походовъ къ нимъ, кромѣ Грушки и дѣвки, такъ никто и не узналъ. Кто таковъ былъ, что за персона, по сіе время неизвѣстно.

— Одначе вы, Потапъ Егорычъ, повеселились на своемъ вѣку.

— Сидоръ Семенычъ! гдѣ же я повеселился? Ежели бы, къ примѣру, вы побыли на моемъ мѣстѣ, анъ не то.... вѣдь сколько, значитъ, однѣхъ лихорадокъ переносилъ я за эвтими слонюшками, бѣда-съ....

— А какъ же вы женились-то?

— Вотъ слушайте-съ про сватовство. Вещія любопытныя. Тутъ, глядите, какія зачнутъ строиться гогули. Грушка здѣсь пойдетъ ужь гадить: такую сквернюсть учинитъ, чортъ подери совсѣмъ. Можно сказать, натянетъ мнѣ носъ вотъ какой, ахтительный. Разъ сижу я въ своей лавкѣ, всходитъ ко мнѣ товарищъ.

— Здорово!

— Здорово!

— Не хошь ли, говоритъ, жениться? дѣвка есть.

— Какая?

— Мурашкина купца, Аграфенка. Двѣ тысячи приданаго.

— А не врешь, что двѣ тысячи?

— Такъ точно.

Поразсудилъ я: ай посвататься? двѣ тысячи не маковое зерно. По крайности была не была, — повидался. Пойду. Наряжаться я много не сталъ; надѣлъ бекешку, теплый картузъ, — рубль съ пятакомъ взялъ у Гусевыхъ. Ни въ чемъ словно не бывало, иду. Перва на перво, какъ можно чиннѣе, тихенькимъ прикинулся. Картузъ сейчасъ скидаваю, вступаю въ переднюю; въ ней никого нѣтъ, а стоитъ на столѣ умывальникъ посеребреный, мыло, полотенце тутъ. Мыло раскрашеное такое, я даже изумился, подумалъ: аль попробовать, что за товаръ?

Взялъ въ руки, нюхнулъ, такъ и хватило *амбрем* настоящимъ, издохнуть, — не вру!...

— Благородство должно быть!

— Ка-акъ-же.... то-есть человѣкъ, Сидоръ Семенычъ, я вамъ скажу, хоть бы пятьсотъ душъ.... да пока до эвтаго дѣла нисколько. Вижу, выходитъ ихній молодецъ, (замѣсто лакея онъ), и хотѣлъ было сымать съ меня бекешку, я ему докладываю; пожалуйте ручку, будьте завсегда знакомы.... лапочку сюда.... я объ васъ думаю и полагаю.... А что, хозяинъ дома?

— Уѣхачи-съ.

Тамъ же въ залахъ шумъ раздается: «женихъ, женихъ пришелъ!» Шествуя въ покои, самъ помышляю: жалко, не надѣлъ сюртука-то.... развернулся бы! шшь старика нѣтъ дома. Помнишь, золы-то напустилъ бы... Купецъ, прочимъ, эвтого не любилъ. Вотъ, Сидоръ Семенычъ, навстрѣчь мнѣ, значитъ, выходитъ мать съ невѣстой. Невѣста Грушка разодѣта такъ,—ходи-прочь! юбки, съ позволенія, фу!... такъ и трещатъ. Одно слово, нѣтъ барыша, да штука хороша. И не усмѣхнется на меня, словно въ первой видитъ. Поразговорились, сѣли на диваны, слово за слово.... Мать мигомъ и отвѣтствуетъ:

— Потапъ Егорычъ!

— Чего изволите-съ?

— Дочка моя, говоритъ, всякія танцыи умѣетъ разсматривать.... на гусляхъ.... кадрели разныя.... на пуртуфьянахъ, фруктами голову улащаетъ....

Думаю: все эвто не мудрено, можетъ быть, только что тепереча скажетъ сама невѣста? Мнѣ хотца проникнуть про приданое. Обманывать нашъ братъ мастеръ. Невѣста здѣсь подходитъ ко мнѣ, очи свои воздвигаетъ на потолокъ и говоритъ:

— Желаю понравиться.... (кабысъ между нами ничего не было).

Я:

— Покорно васъ благодаримъ-съ. Желательно, чѣмъ вы докажете любовь?

Она:

— Здоровы ли вы?

— По маленьку.

— Слава Богу лучше всего...

Я:

— Эвто, говорю, справедливо.

Ну, тутъ подали чай; попили чайку, попотѣли маленько.

Я, примѣрно, избралъ времячко, говорю дѣвкѣ, — Грушкѣ:

— Что, между тѣмъ, Аграфена Власьевна, позвольте понять: какой вокругъ васъ интересъ есть?

— Найдется, говоритъ.

— А какъ, то есть?

— Да найдется. Чего сумлѣваетесь? А помните, говорятъ, какъ вы ко мнѣ ходили?..

— Да-съ... именно... помнить кажиную малость помню, касательно же интереса любопытно спросить?..

Она:

— За интересомъ дѣло не станетъ. А вы, Потапъ Егорычъ, сообразите, что предметъ главная сила: онъ прежде всего обращаетъ на себя вниманіе...

— Точно, говорю, предметъ многое означаетъ.

Тѣмъ дѣломъ, Сидоръ Семенычъ, приводятъ меня въ спальнію. Осмотръ идетъ. Спальнія богатѣйшая: подушекъ до потолка до самаго. Говорятъ мнѣ:

— Эвто наша почивальня, Потапъ Егорычъ. — Я говорю:

— Для отдохновенія-съ?

— Для отдохновенія.

Иду обратно, гляжу, возносятъ мнѣ на показъ салфетки и скатерти. Какъ подали на руки, — подоби вотъ писчей бумагѣ, ахъ ты, Боже! Я подивился. Дальше, наступила пора обѣдать. Обѣдъ значительный былъ: ветчина... заливное тамъ... вина разныхъ сортовъ... и попойка была порядочная. Я пилъ мало. Но бабы, случились за обѣдомъ, качали крѣпко: подъ конецъ стола настегались такъ, — заду не подымаютъ.

Вотъ хожу къ нимъ почесть кажиный день. Про приданое пока молчимъ... Проходитъ полгода, проходитъ страшная... четвергъ, — ничего. Въ пятницу на святой мы снюхались совсѣмъ, порѣшили. Черезъ никакъ недѣлю, что вы думаете? Слышу послышу, за Аграфенку присватывается офицеръ. Только узналъ объ эвтомъ, тотчасъ бѣгу туда, къ нимъ; зло взяло меня.

Вхожу въ домъ, являюсь въ залы, вижу, дѣвствительно стоитъ офицеръ, усы расправляетъ, держится за саблю рукой. Аграфенка сидитъ на стулѣ разодѣтая, разукрашенная: тутъ-ли ты!.. юбки оттопырились на пол-комнаты. Говорили ребята, что она къ подолу-то пришивала обручъ; конечно, подлинно провѣдать объ эвтомъ женихамъ нельзя. А въ замужствѣ она

нѣтъ, обручей не носила. Да и не пригоже; тепереча ежели она съ обручами взпяхоется на кровать, — вѣдь эвто что выйдетъ?.

Ну, сидитъ она, сама чванится, знаете; шею вытянула, губы сжала... ни пол-слова, — великатная такая. Подлѣ нея стоитъ ея бабка, поправляетъ на ней ленточки и шепчетъ ей сплошь; «не шевелись, мать моя, не шевелись; а то его благородію не понравятся такія дѣла...» Меня, Сидоръ Семенычъ, разсердило; какъ? то за того, а то за другаго?... Тепереча разсудите по правилу: хорошо она поступила? а? Я вамъ говорю, одеръ-дѣвка, царство ей небесное... такая продувняга, — поискать на рѣдкость: сей часъ въ одно тебѣ ухо влѣзетъ, въ другое вылѣзетъ. А тятенька-то мой былъ тутъ въ сторонѣ. Нѣтъ, чтобы такъ-то присмотрѣть за мной; дескать какъ сынъ женится? Просто, Сидоръ Семенычъ, каждый шагъ я долженъ былъ самъ обдумывать, чтобы въ просакъ не попасть.

Гляжу, мать Грушкина опять зачала расхваливать офицеру свою дочку, какъ мнѣ прежде, что и танцы всякіе... гримасы ногами выкидываетъ, и пятое десятое... Отецъ тоже себѣ указываетъ офицеру на дѣвку, говоритъ:

—Вотъ, стало быть, ваше благородіе-съ, товаръ лицомъ: извольте заключить. говоритъ, бѣлизна-съ какая... одинъ ручки —что твоя мука пшеничная, первый сортъ... манность!..

И шепчетъ офицеру, самъ ухмыляется; «какъ, ежели Богъ дастъ, женитесь, ваше благородіе-съ, такихъ поросятокъ препожалуетъ, — любо — дорого смотрѣть...

«Ну, думаю, провела... не замай же!..»

А она, Сидоръ Семенычъ, Грушка-то запрежде, какъ услыхала, что офицеръ свататься хочетъ на ней, кричитъ: «я благородная... Я благородная, говоритъ.» Видите? что значитъ необузданность-то.

— Такъ какъ же-съ? какая будетъ крайняя цѣна?

— Пять тысячь, говоритъ. (Куда ляпнулъ!)

— Нѣтъ, такихъ цѣнъ ноиѣ не бываетъ. Вы посходнѣй просите. А не можно ли, ваше благородіе, взять двѣ тысячки?

— Нельзя-съ, говоритъ, убытокъ будетъ.

— А то по рукамъ?...

Грушка смотритъ на нихъ.

Я не сталъ слушать ихъ разговоровъ, взялъ подсѣлъ къ ней. Завожу рѣчь такого колиберу:

— Что же, Аграфена Власьевна, вы тепереча мнѣ измѣняете?

Она ни слова. А бабка подгвазживаетъ ей на ухо: «не шевелись...» «Постой же, думаю себѣ, ты у меня зашевелишься.» Пересѣлъ на другое мѣсто. Въ самую эвту минутую, Сидоръ Семенычъ, Аграфенка уронила что-то на полъ. Офицеръ бросился, подхватилъ и подаетъ ей. Она говоритъ; «бонъ журъ за вниманіе...»

Я сижу. Никто со мной и разговаривать не хочетъ: притча какая! Всталъ, ни мало не медля, беру картузъ и доношу: «Мое почтеніе-съ.»

Отецъ обернулся.

— А! Потапъ Егорычъ... ну прощайте.

Какъ мнѣ было тошно, Сидоръ Семенычъ; право... много муки зазналъ я съ эвтой Грушкой. Пришедши домой, говорю себѣ: «какая она мнѣ будетъ жена вѣрность, ежели и къ одному и другому вѣшается на шею. Пропади ты совсѣмъ, дурища!

Офицеръ женился на ней, слышите? да и голова же былъ; вотъ такъ искусникъ: въ самую первую же ночь хватились, а его слѣдъ простылъ. Шарили, всѣ углы, трещины высмотрѣли въ дому, нѣтъ офицера. А онъ, говорятъ, заѣхалъ въ какой-то трахтиръ, тамъ Богу душу отдалъ. Болтали, что ему кіемъ въ голову проломили; одначе кто знаетъ? можетъ, и другое что случилось, только Грушка овдовѣла. Вотъ тебѣ и благородная!

Сказываю своимъ ребятамъ: «какъ, молъ, полагаете? что бы мнѣ сдѣлать съ Грушкой? Злыдни такія учинила...» Положимъ, я не женился на ней, а она за меня не вышла,— все-же таки попамятовать ей надобно. Золъ былъ я на нее. Сначала объявилъ ея дѣвкѣ: «скажи своей Грушкѣ: какъ встрѣтится гдѣ, такъ угощу, альни языкъ высунетъ...» Дѣвка передала. Ну, одначе ничего. По городу, Сидоръ Семенычъ, уже пошли ходить разныя разности, все про Грушку. Слушайте, что дальше. На вешняго Миколу приходитъ вдругъ ко мнѣ ея отецъ.

— Егорычъ!

— Что?

— Такъ и такъ... прости меня... я тебя обидѣлъ.

— Чѣмъ, Власъ Гаврилычъ?

— Да какъ-же: далъ тебѣ тогда честное слово, а слѣлалъ пошлость...

— Ну, эвтого не воротишь, говорю.

— Нѣтъ, говоритъ, оно можно воротить.

— Какъ?

— А вотъ какъ: я офицеру-то покойнику далъ двѣ тысячи, а тебѣ, ежели хочешь, дамъ три.

«Ишь какъ! думаю, куда полѣзло!»

— Вотъ что, говорю, Власъ Гаврилычъ. Деньги ничего, ихъ можно пожалуй... я не прочь. Одна статья меня въ сумлѣнье приводитъ.

— Какая?

— Боязно мнѣ... то есть касательно Аграфены Власьевны: вѣдь она, будь межъ нами сказано, ужъ женщина. Слѣдовательно цѣна тепереча ей не та.

— Вотъ тебѣ, провались я на семъ мѣстѣ, говоритъ, дѣвка неповинна. Слышь, офицеръ послѣ ужина удралъ...

— Такъ-ли?

— Лопни мои глаза.

— А ежели нѣтъ, тогда что?

— Будь я анафема, коли лгу. Будь другъ, избавь дѣвку. По городу такіе шкандалы ходятъ, — смерть!..

— Изволь, изволь. Но чтобы, мотри, говорю, на счетъ того.

— Я тебѣ сказываю, убей меня Богъ, ежели...

— Ладно.

Сладились. Черезъ мѣсяцъ, Сидоръ Семенычъ, мы обвѣнчались. Но дивитесь тепереча, какъ значитъ нашъ братъ купецъ, какъ онъ обдувать-то ловокъ. Вмѣсто всего, что мнѣ сулили... обманули меня во всѣхъ частяхъ... какова скверность?...

Н. УСПЕНСКІЙ.

ГОДИЧНЫЕ АКТЫ

СРЕДНЕВѢКОВЫХЪ УНИВЕРСИТЕТОВЪ

ВЪ СВЯЗИ ИХЪ СЪ ЭПОХОЮ «ВОЗРОЖДЕНІЯ».

Въ то время, когда любовь къ искусству и памятникамъ постепеннаго его развитія побуждаетъ насъ собирать въ богатые музеи сокровища и слѣды дѣятельности прошедшаго; мы сами въ нашей ежедневной жизни служимъ живымъ музеемъ тѣхъ формъ, въ которыя складывалась культура умственной и нравственной жизни предшествовавшихъ поколѣній. Наши церемоніи, празднества, процессіи заимствовали свою внѣшность въ большей части случаевъ у прошедшаго времени, и потому не удивительно, если иногда мы чувствуемъ, что эти формы созданы не нашею жизнью. Отчего же наша жизнь сама не вызываетъ новыхъ формъ? Что мы оставимъ послѣ себя грядущимъ поколѣніямъ? Не упрекнутъ ли насъ послѣ въ отсутствіи тѣхъ творческихъ силъ, которыми была такъ богата средневѣковая цивилизація, предшественница современной намъ европейской цивилизаціи? Это — вопросъ не новый, и вотъ уже триста лѣтъ, какъ противники не могутъ сойтись въ его рѣшеніи. Одни защищаютъ Средніе вѣка, какъ время, породившее понятія о чести, вѣрности, уваженіе къ женщинѣ, какъ время, когда одна идея могла двигать цѣлые народы въ отдаленный походъ; когда человѣкъ могъ безтрепетно идти на костеръ за свое убѣжденіе и этимъ послѣднимъ подвигомъ жизни убѣждалъ болѣе, нежели могъ бы убѣдить словомъ; когда любовь къ изслѣдованію истины заглушала всѣ осталь-

ныя потребности. А мы? спрашиваютъ защитники Среднихъ вѣковъ, въ то время, когда противники ихъ рисуютъ намъ, и съ равнымъ правомъ, если не съ большимъ, возмутительную картину средневѣковаго быта, какъ времени невѣжества—и политическаго, и религіознаго, и литературнаго. Въ этомъ отношеніи исторія Среднихъ вѣковъ повторила въ себѣ судьбу той книги, на которую ссылался и папа, доказывая свои права, и Лютеръ—опровергая ихъ.

Кто хочетъ произнести безпристрастный приговоръ средневѣковой исторіи, тотъ долженъ изучать въ ней преимущественно два ея послѣднія столѣтія, XIV и XV, когда совершился переходъ къ новому порядку вещей. Въ эти моменты, въ Средней исторіи совершенно рельефно обозначаются тѣ два противоположныя начала, изъ борьбы которыхъ состояла вся исторія Среднихъ вѣковъ. Но весьма трудно говорить объ обществѣ среднихъ вѣковъ, какъ о чемъ-то цѣломъ; общества и не было въ Средніе вѣка, какъ то мы понимаемъ нынѣ, не смотря на то, что духъ ассоціаціи составлялъ главную принадлежность Среднихъ вѣковъ и выразился въ безчисленныхъ цѣхахъ, корпораціяхъ, орденахъ и т. д. Если можно такъ выразиться, въ Средніе вѣка законъ раздѣленія работъ имѣлъ самое огромное и оригинальное примѣненіе; одинъ давалъ себѣ трудъ носить всю жизнь тяжелыя латы, другой всю жизнь молился, третій пѣлъ, четвертый рылся въ манускриптахъ и т. д. Мы остановимся на той ассоціаціи, которая носила названіе Universitas Studii generalis т. е. Община науки, отъ которой ведутъ свое начало и наши университеты, удерживающіе и до сихъ поръ за собою первую часть полнаго названія средневѣковыхъ университетовъ; слова: Studii generalis отличали ихъ въ то время отъ другихъ общинъ, какъ напр. городскихъ коммунъ, которыя иногда также назывались universitates. Мы разсмотримъ въ жизни этихъ общинъ науки или университетовъ, только одинъ моментъ, какъ самый торжественный и вмѣстѣ оффиціальный, а слѣдовательно имѣвшій и самое большое отношеніе къ жизни другихъ, окружавшихъ его обществъ. Мы разумѣемъ подъ этимъ древній обычай праздновать годичные Акты, обычай, который вмѣстѣ со многими другими учрежденіями и формами, заимствованъ нами у средневѣковыхъ университетовъ.

Историческія свидѣтельства объ обычаѣ годичнаго празднованія Актовъ восходятъ до второй половины XIV столѣтія, а въ преданіяхъ, впрочемъ довольно сомнительныхъ, сохранились воспоминанія о подобныхъ торжествахъ XIII столѣтія, эпохи слѣдующей непосредственно за первымъ основаніемъ университетовъ въ западной Европѣ. Потому можно сказать, что обычай совершать годичныя торжества почти такъже древенъ, какъ древне происхожде-

ніе самихъ университетовъ. Современные наши Акты напоминаютъ нѣсколько своею внѣшнею формою, порядкомъ и даже отчасти составомъ тѣ древнія университетскія празднества, которыя послужили образцомъ для нашихъ; но съ другой стороны внутреннее значеніе средневѣковаго Акта, самая идея, которая лежала въ основаніи этого торжества, и тѣ потребности, подъ вліяніемъ которыхъ онъ развивался, придаютъ ему совершенно оригинальный характеръ. Если мы на первый разъ скажемъ, что въ Средніе вѣка подобные Акты продолжались 4 дня сряду, отъ восхода до заката солнца, что предсѣдатель подобнаго торжества, напримѣръ, въ Парижскомъ университетѣ, на его Actus Sorbonicus, былъ обязанъ статутомъ говорить въ продолженіи 14 часовъ, изъ которыхъ ему удѣлялось ¼ часа для подкрѣпленія себя пищею; то уже и эти немногіе факты свидѣтельствуютъ намъ о томъ, что средневѣковой Актъ долженъ былъ представлять много оригинальнаго въ сравненіи съ нашими Актами.

Но такая оригинальность Актовъ XIV и XV столѣтій стоитъ въ ближайшей связи съ общимъ характеромъ той эпохи, и потому внимательное изслѣдованіе содержанія и сущности подобныхъ Актовъ имѣетъ немаловажное значеніе для исторіи новаго времени. Въ ту эпоху совершился одинъ изъ величайшихъ всемірныхъ переворотовъ, положившій предѣлъ Среднимъ вѣкамъ и начало нашему порядку вещей; онъ извѣстенъ подъ именемъ эпохи «Возрожденія» Renaissance. Изученіе классическаго греко-римскаго міра, какъ извѣстно, было одною изъ главныхъ причинъ этого переворота; но одно это изученіе, безъ содѣйствія самого общества, не было бы довольно сильно для борьбы съ средневѣковою цивилизаціею. Обширная сатирическая литература XV и XVI столѣтій, отличавшаяся чисто народнымъ характеромъ, оказала для «Возрожденія» не меньшую услугу, какъ и ученые труды гуманистовъ, работавшихъ надъ возстановленіемъ общечеловѣческихъ, гуманныхъ идей древняго міра. Одни разрушали старое зданіе Среднихъ вѣковъ, другіе закладывали основаніе новому.

Какое участіе принимали во всемъ этомъ средневѣковые университеты? Мы знаемъ очень хорошо, что университеты предъ началомъ «Возрожденія», какъ и самое общество, разошлись по двумъ противоположнымъ направленіямъ. Старые, схоластическіе университеты отстаивали прежній порядокъ вещей и вступили въ борьбу съ новыми университетами, modernae Universitates. Но, если мы не ошибаемся, до сихъ поръ не было обращено вниманія на то, что университеты того времени, кромѣ пути науки, имѣли еще другое, не менѣе важное вліяніе на борьбу стараго времени съ но-

вымъ. Несмотря на все богатство трудовъ по части исторіи средневѣковыхъ университетовъ, мы знали до послѣдняго времени преимущественно одну внѣшнюю сторону ихъ существованія,—администрацію, учебную дѣятельность и т. п.; но внутренняя жизнь университетовъ, по недостатку источниковъ, мало обращала на себя вниманія. Не далѣе какъ въ нынѣшнемъ году историкъ Лейпцигскаго университета Фрид. Царнке рѣшился пополнить этотъ недостатокъ изданіемъ документовъ, относящихся къ внутренней жизни средневѣковыхъ университетовъ, въ видѣ періодическаго сборника, подъ заглавіемъ: Die deutschen Universitäten im Mittelalter. Leipzig. 1857. 1-er Beitrag. Къ сожалѣнію, издатель не снабдилъ своего труда обстоятельными комментаріями, ни даже глоссами, подъ тѣмъ предлогомъ, что для знакомыхъ съ университетскою стариною, такія комментаріи были бы излишни, а для мало знакомыхъ краткія замѣчанія оказались бы недостаточными. Нѣкоторые изъ документовъ, изданныхъ въ первомъ выпускѣ, бросаютъ совершенно новый свѣтъ на изслѣдованіе вопроса о причинахъ—какъ «Возрожденія», такъ даже и самой реформаціи. Изъ этихъ-то документовъ и видно, что университеты въ XIV и XV столѣтіяхъ играли весьма важную роль въ исторіи современнаго имъ общественнаго переворота, и что ихъ вліяніе на этотъ переворотъ ограничивалось не однимъ путемъ классическаго образованія новыхъ университетовъ; еще болѣе широкій путь къ тому представляли университетамъ ихъ годичные Акты.

Какимъ образомъ Акты XV столѣтія могли имѣть такое важное историческое значеніе, въ чемъ выразилось ихъ вліяніе на эпоху «Возрожденія» и реформаціи—это именно тѣ вопросы, которые мы избираемъ предметомъ своего настоящаго изслѣдованія. Источникомъ къ тому намъ послужитъ главнымъ образомъ вышеупомянутое изданіе г. Царнке, въ которомъ между прочимъ помѣщены рѣчи, произнесенныя на Актахъ въ концѣ XV и XVI столѣтій, а именно, на Актѣ въ Гейдельбергѣ въ 1488 и 1500 г., и въ Эрфуртѣ 1494 и 1515 года. Для составленія же полной и общей картины средневѣковаго Акта, мы присоединимъ оффиціальныя извѣстія о порядкѣ ихъ празднованія, какъ то опредѣлялось древними университетскими Статутами. Самыя подробныя и обстоятельныя извѣстія по этому предмету находятся въ Статутахъ Кельнскаго (*) и Вѣнскаго (**) университетовъ, преимущественно Кельнскаго, из-

(*) Статуты Кельнскаго университета изданы въ «Прибавленіяхъ» къ сочиненію Fr. Jos. Bianco: Versüch einer Geschichte der ehemaligen Universität und der Gymnasien der Stadt Köln u. s. w. Köln am Rhein. 1833. стр. 402—511.

(**) Статуты Вѣнскаго университета изданы въ Geschichte der kaiserlichen Universität zu Wien, v. Kink. II Bd.

данная 6 декабря 1392 года, подъ заглавіемъ: Statuta Universitatis Generalis Studii Coloniensis.

Въ Средніе вѣка университетскіе Акты не были изолированнымъ явленіемъ въ общей внутренней жизни университета, и потому ихъ программы, ихъ содержаніе вытекали изъ той схоластической формы, какою вообще отличалось все преподаваніе въ средневѣковыхъ университетахъ; а преподаваніе того времени, по своей внѣшней формѣ, состояло главнымъ образомъ въ диспутахъ, имѣвшихъ цѣль—дать уму діалектическое развитіе. Извѣстное число разъ въ недѣлю должны были происходить подобные диспуты, называвшіеся quaestiones de quolibet, или quaestiones quodlibetariae т. е. споры о чемъ угодно. Схоларъ, какъ тогда называли студента, обязанъ былъ доказывать все ad libitum и тоже самое опровергнуть, говорить и pro и contra (*) Въ этой же диспутарной формѣ совершались и древнѣйшіе Акты средневѣковыхъ университетовъ въ XII и XIII столѣтіи; они отличались отъ обыкновенныхъ ежедневныхъ диспутовъ многочисленностью собранія и полною формою одежды, какъ профессоровъ, такъ и студентовъ. Но въ XIV и XV столѣтіи требованіе времени, не переносившаго сухихъ формъ схоластики, измѣнили въ Актахъ значеніе quodlibet. Это слово стало приниматься въ болѣе прямомъ его смыслѣ и относилось къ произволу выбора предмета для диспута, а еще болѣе къ произвольному рѣшенію предложеннаго вопроса. По схоластическимъ началамъ рѣшить, объяснить вопросъ, значило пріискать для него аргументы изъ древнихъ писателей; схоластическій умъ, нейдя далѣе своихъ авторитетовъ, какъ кукушка, высиживалъ свои мысли въ чужомъ гнѣздѣ. Въ средневѣковомъ образованіи цитата значила все, и потому тогда были въ большомъ ходу краткія руководства, въ которыхъ были собраны мысли древнихъ писателей, расположенныя въ системѣ предметовъ. Такія руководства назывались «авторитетами» auctoritates. До насъ дошло одно подобное собраніе подъ заглавіемъ: «Auctoritates Aristotelis, Senecae, Boëtii, Platonis, Apuleii Aftricani, Porphyrii et Gilberi» При помощи такого руководства предполагалось самымъ скорымъ, дешевымъ и удобнымъ способомъ соединить въ себѣ умъ и Аристотеля, и Платона, и Сенеки,

(*) Въ этомъ первоначальномъ значеніи опредѣляется Quodlibet у Дюканжа.

и еще нѣсколькихъ мудрецовъ. Къ этому собранію присоединенъ драгоцѣнный прологъ, въ которомъ объяснено примѣромъ, какъ должно пользоваться руководствомъ, на подобіе того, какъ нынѣ то дѣлается въ нашихъ самоучителяхъ. Этотъ прологъ даетъ намъ самое лучшее понятіе о схоластическихъ пріемахъ, и потому, чтобы въ послѣдствіи оцѣнить значеніе рѣчей на университетскихъ Актахъ XIV и XV столѣтій, мы должны сдѣлать небольшое извлеченіе изъ того пролога къ «Авторитетамъ»: Sit thema illud, Luc. XI: Beati qui audiunt verbum Dei et custodiunt illud! т. е. пусть будетъ такою темою изъ Луки, гл. XI: «Блаженны слышащіе слово Божіе и соблюдающіе оное». Сдѣлай вступленіе такъ: (introduc sic)— Аристотель говоритъ сначала о животныхъ—«Всякое животное имѣющее уши, имѣетъ ихъ подвижными, кромѣ человѣка, и это по причинѣ его благородной комплекціи (ratione nobilis complexionis)», ибо сказано тамъ же: «какъ золото превосходитъ всякій металлъ, такъ человѣкъ—всякое животное, потому что онъ — животное разумное, смертное, способное къ обученію и кроткое по природѣ (mansuetum natura)». Слѣдовательно (igitur), какъ такое животное, пусть человѣкъ внимательно слушаетъ слова спасенія, по глаголу Господню. Матѳ. XIII, Лук. VIII и Ап. II и III: «имѣющій уши слышать да слышитъ» и т. д. За этимъ составитель пролога извлекаетъ цитату изъ Псал. XLIII и изъ XII книги Августина Исповѣданій, только потому, что въ обоихъ мѣстахъ упоминается слухъ и уши. Цитата изъ Августина, въ которой говорится именно объ ослиныхъ ушахъ, даетъ оратору поводъ перейти къ Овидію и привести изъ книги VIII его Метаморфозъ разсказъ о царѣ Мидасѣ, Аполлонѣ и Панѣ. Непосредственно же за этою послѣднею цитатою слѣдуетъ и заключеніе рѣчи, въ которомъ повторяется главная тема: dictum est igitur: «Beati qui audiunt verbum Dei et custodiunt illud.

Едва ли бы кто съумѣлъ составить болѣе злую пародію схоластическаго направленія ума, какъ-то наивно сдѣлалъ неизвѣстный составитель нашего пролога. На университетскихъ Актахъ XIV и XV столѣтія появились первые слѣды реакціи противъ чужаго ума, первый голосъ въ пользу здраваго смысла, и путемъ къ тому послужили самые *кводлибеты*. Подъ кводлибетомъ разумѣлся не споръ pro и contra, но право рѣшать вопросы и излагать свои мысли ut cui libet, какъ кому угодно. Вслѣдствіе того, на Актахъ, діалектическая острота ума получила внезапно практическое примѣненіе и обратилась въ юморъ. Превратное состояніе общественныхъ отношеній въ концѣ Среднихъ вѣковъ, паденіе нравовъ, ложное направленіе самихъ наукъ,—все это давало обильную пищу кводли-

бетарному юмору. Въ XV столѣтіи кводлибеты обратились въ сатиру на современное общество; даже схоластика, породившая кводлибетъ, сама была поражена собственнымъ оружіемъ. Съ того времени кводлибетъ, составивъ главную часть Акта средневѣковаго университета, сдѣлался техническимъ названіемъ и самаго Акта; рѣчи, произносимыя на этомъ Quodlibet, назывались quaestiones quodlibetariae или quaestiones fabulosae, facetiarum et urbanitatis plenae, полныя остроумныхъ и деликатныхъ шутокъ; послѣднее, конечно, измѣрялось тогдашними понятіями о деликатности, и мы увидимъ, что въ то время нравы далеко нельзя было назвать взыскательными.

Самое обстоятельное и подробное описаніе порядка университетскаго Quodlibet—такъ будемъ и мы теперь называть средневѣковые Акты—находится въ одномъ изъ отдѣловъ Статута Кёльнскаго университета, а именно въ правилахъ «факультета артистовъ»,—такъ называли тогда философскій факультетъ. Въ силу этого устава (*) Quodlibet праздновался въ Кёльнѣ ежегодно; такъ было и въ прочихъ университетахъ, исключая Лейпцигскій, гдѣ подобное торжество совершалось всего одинъ разъ въ четыре года. Временемъ для Quodlibet избиралось осеннее равноденствіе, около праздника св. Лучіи. Факультетъ предварительно избиралъ темы для диспута изъ главныхъ семи наукъ, составлявшихъ въ Средніе вѣка циклъ преподаванія. До насъ дошли заглавія темъ, избранныхъ для Quodlibet Лейпцигскаго университета въ 1494 году: (**) О правилахъ, рѣчи, о тонкости убѣжденія, о діалектическомъ спорѣ, о числѣ и размѣрахъ математическихъ фигуръ, о недѣлимыхъ линіяхъ, о видѣ планетъ, о началѣ вещей, о проявляющихся и скрытыхъ свойствахъ природы, о нравахъ людей, о гражданскихъ постановленіяхъ, о гармоніи сферъ, о небесныхъ кругахъ, о совершенствахъ первобытнаго существа, и,—прибавляетъ въ заключеніе программа—вкратцѣ еще о всевозможныхъ вопросахъ, предложенныхъ съ обдуманностью (ac breviter de cunctis rationabiliter adductis quaestionibus)». Мы увидимъ ниже, что всѣ эти темы и въ XV столѣтіи предлагались вовсе не съ кводлибетарною цѣлью; эта часть Акта, предварительно опредѣляемая факультетомъ, была чистымъ продолженіемъ древнихъ Актовъ во всей ихъ схоластической формѣ. Вмѣстѣ съ темами предстоявшаго Quodlibet, изъ числа магистровъ—такъ называли тогда младшихъ профессоровъ — избирался самый способный, idoneus, для развитія этихъ темъ на Актѣ. Въ случаѣ

(*) У Bianco, стр. 435—437.

(**) Zeitschrift für Deutsches Alterthum, v. Moritz Haupt. IX Bd, стр. 120.

отказа со стороны избраннаго, онъ платилъ штрафу 6 флориновъ (*), а мѣсто его замѣнялось другимъ. Назначенный такимъ образомъ магистръ назывался dominus quodlibetarius, и онъ получалъ изъ университетской казны за предстоявшій ему подвигъ — три флорина. Кводлибетарій имѣлъ право въ свою очередь во время Акта предлагать каждому изъ магистровъ одинъ вопросъ съ аргументами и два кводлибета. Получившій такого рода предложенія обязанъ былъ отвѣчать на первое тремя умозаключеніями (conclusiones) и тремя положеніями (correlaria), если только не получитъ согласія президента на большее число корреларій; на послѣднее ему предоставлялось отвѣчать коротко (simpliciter). Такія ограниченія были предписаны для умѣренія жару спорщиковъ. Баккалавры (кончившіе курсъ) имѣли также право предлагать каждому магистру по одному quodlibet; тѣмъ же правомъ пользовались и схолары (студенты).

Изъ всѣхъ такихъ постановленій Кельнскаго Статута видно, что Актъ или Quodlibet средневѣковыхъ университетовъ состоялъ главнымъ образомъ изъ двухъ частей: во-первыхъ, Quodlibetarius долженъ былъ рѣшить и подробно развить назначенныя факультетомъ темы; эти темы и назывались quaestiones principales, главные вопросы, и Актъ Лейпцигскаго университета представилъ намъ образчикъ подобныхъ темъ. Во-вторыхъ, въ промежуткахъ между этими вопросами, или по окончаніи ихъ, сама университетская публика избирала предметы для своего диспута; вопросы, предлагаемые на этой второй части Акта, и назывались quaestiones minus principales, accessoriae, или просто quodlibetariae. Отъ первой части Акта, слѣдовательно отъ тѣхъ схоластическихъ рѣчей, которыхъ предметомъ могли служить «размѣры математическихъ фигуръ, недѣлимость линій, гармонія сферъ и другіе всевозможные вопросы, предложенные съ обдуманностью» — отъ всей этой части Акта до насъ не дошло ничего; новая жизнь покрыла собою и самыя воспоминанія о жизни стараго порядка вещей; но за то она не могла не сохранить слѣдовъ второй части Акта, въ которой такъ явно обнаружились проявленія этой самой жизни, въ формѣ громкаго протеста Среднимъ вѣкамъ. Самый Статутъ, удовлетворяя духу времени, долженъ былъ допустить подобные quodlibet. Длинныя, пересыпанныя цитатами рѣчи не имѣли уже ни какой привлекательности для новаго поколѣнія, носившаго въ себѣ зародышъ новой жизни, и Кельнскій Статутъ самъ сознается, и весьма наивно, въ несостоятель-

(*) Рейнскій флоринъ до XVI столѣтія былъ только золотою монетою и стоилъ на наши деньги 2 р. 60 к. сер.

Вотъ все, что сообщаютъ намъ историческіе документы для составленія общей картины и программы Акта средневѣковыхъ университетовъ. Празднество начиналось богослуженіемъ и проповѣдью; черезъ нѣсколько дней за тѣмъ открывался и самый Актъ рѣчами на темы, предварительно заданныя факультетомъ; эти рѣчи назывались quaestiones principales; въ промежуткѣ ихъ или по окончаніи слѣдовали юмористическія пренія, quaestiones minus principales или quodlibetariae; все это заключалось пиршественнымъ столомъ. Мы не имѣемъ никакого современнаго мемуара, который далъ бы намъ болѣе живую картину этихъ университетскихъ турнировъ, на которыхъ бились рыцари средневѣковой схоластики; однако, сохранившаяся форма ректорскаго циркуляра въ Libellus formularis (*), о прерваніи Акта по случаю безпорядковъ (propter certas violentias et molestias injuriose illatas), доказываетъ, что ученыя пренія не всегда ограничивались одними словами. Въ такихъ случаяхъ ректоръ останавливалъ Актъ, впредь до новаго объявленія.

Отсутствіе положительныхъ извѣстій объ общемъ характерѣ средневѣковаго Акта замѣняется съ избыткомъ тѣми кводлибетами, которые сохранились отъ Актовъ Гейдельбергскаго и Эрфуртскаго университетовъ. В ь нихъ мы найдемъ не только черты характера самаго торжества; но—что еще важнѣе — историческія свидѣтельства о современныхъ нравахъ общества и о близости переворота Среднихъ вѣковъ. Къ сожалѣнію, мы имѣемъ въ своихъ рукахъ всего только шесть кводлибетовъ. Отъ Гейдельбергскаго Акта 1488 года, сохранилось два подобныхъ кводлибета: первый принадлежитъ Іодоку Галльскому и носитъ заглавіе: *Monopolium et Societas vulgo des Lichtschiffs*, т. е. «Привиллегія и общество такъ называемаго «Легкаго Корабля»; второй кводлибетъ былъ произнесенъ Бартоломеемъ Грибомъ: *Monopolium Philosophorum, vulgo die Schelmenzunft*, т. е. «Привиллегіи философовъ такъ называемаго цѣха негодяевъ» (Schelmenzunft). Въ 1500 г., на другомъ Актѣ въ Гейдельбергѣ, между прочимъ представлены были слѣдующіе два кводлибета: (*) Іаковомъ Гартлибомъ—*De fide meretricum*, т. е. о вѣрности женщинъ дурнаго поведенія; и 2, Павломъ (**) Олеаріемъ: *De fide concubniarum, in sacerdotes;* послѣдній кводлибетъ направленъ противъ пороковъ домашней жизни католическаго духовенства того времени. Отъ Актовъ Эрфурт-

(*) Mandatum domini Rectoris pro suspensione Actuum scholasticorum. У Царике, стр. 161.

(*) Олеарій — псевдонимъ, принятый ораторомъ, по обычаю того времени, переводитъ нѣмецкія фамиліи на латинскій или греческій языки: Olearius вмѣсто Oelschlägel, точно также какъ Melanchton вмѣсто Schwarzerde.

скаго университета мы имѣемъ два кводлибета: въ 1494 г. Іоаннъ Шрамъ читалъ *Monopolium der Schweinezunft*, т. е. «Привиллегіи цѣха свиней»; и въ 1515 г. былъ произнесенъ кводлибетъ неизвѣстнаго: *De generibus ebriosorum et ebrietate vitanda*, т. е. «О видахъ пьяницъ и объ избѣжаніи пьянства» (*).

Послѣднія двѣ рѣчи во многомъ скопированы, какъ видно, съ рѣчей Гейдельбергскихъ, и потому представляютъ мало оригинальнаго. Гейдельбергскіе кводлибеты 1500 года, хотя и весьма любопытны по картинѣ современныхъ нравовъ, которая заключается въ нихъ, но подробности изложенія подобныхъ предметовъ, какъ fides meretricum и fides concubinarum, часто оскорбительны для нашихъ современныхъ нравовъ; потому въ отношеніи этихъ рѣчей мы ограничимся общими замѣчаніями. Прежде всего въ этихъ кводлибетахъ обращаетъ на себя вниманіе умышленная смѣсь латинскаго языка съ живымъ національнымъ языкомъ: такая смѣсь увеличиваетъ юморъ рѣчи и вмѣстѣ съ тѣмъ служитъ протестомъ въ пользу живаго языка, строжайше запрещеннаго; не только въ преподаваніи, но даже и въ разговорѣ студентовъ между собою (tam in collegiis, quam in bursis) какъ на лекціяхъ, такъ и въ буршахъ, т. е. въ домашней жизни. Такое запрещеніе говорить на родномъ языкѣ, и подъ страхомъ тяжкаго наказанія (sub poena non promotionis tempore suo), именно недопущенія до экзамена, мы находимъ въ числѣ приказовъ Декана, сохранившихся въ Libellus formularis Universitatis Lipozensis. На кводлибетахъ началась эманципація живаго языка, подготовившая окончательную его побѣду при Ульрихѣ Гуттенѣ, когда онъ въ 1520 году, оставилъ латинскій языкъ и въ первый разъ написалъ свою «Жалобу на папъ» на нѣмецкомъ языкѣ:

Latein ich vor geschrieben hab,
Das war eim Jeden nit bekannt;
Jetzt schrei ich an das Vaterland,
Teutsch Nation in ihrer Sprach,
Zu bringen diesen Dingen Rach!

т. е. «Прежде я писалъ по латинѣ, но то не каждому было понятно; теперь я кричу на всю родину, всей нѣмецкой націи на ея родномъ языкѣ, чтобы вызвать ее къ мести подобнымъ вещамъ (т. е. притязаніямъ папъ) и т. д.

Другой отличительный характеръ кводлибетовъ составляютъ

(*) Подлинникъ всѣхъ этихъ шести кводлибетовъ, напечатанъ у Царнке стр. 49—134.

(*) Mandatum Decani pro intrando diligenter disputationes ordinarias et serotinas, latinitateque observanda. У Царнке, стр. 183.

ихъ безпрерывныя цитаты изъ римскаго права, въ перемежку съ стихами Горація, Виргилія и др.; но все это — одна насмѣшка надъ старою, схоластическою системою мышленія чужимъ умомъ, какъ мы то уже видѣли прежде, говоря о средневѣковыхъ «Auctoritates». Поэтому не должно удивляться, что всѣ цитаты кводлибетовъ вымышлены,—какъ ссылки на римское право, такъ и самые стихи древнихъ поэтовъ.

Но самая интересная сторона кводлибетовъ 1500 года заключается въ той смѣлости, съ которою ораторъ, помимо мертвыхъ цитатъ и сентенцій, обращается къ дѣйствительной жизни и черпаетъ изъ нея урокъ для своихъ современниковъ. Мы остановимся долѣе на этой сторонѣ значенія кводлибетовъ 1500 года, потому что въ ней заключается зародышъ новѣйшихъ національныхъ литературъ. Іаковъ Гартлибъ, авторъ кводлибета de fide meretricum, самъ молодой человѣкъ, долженъ былъ предъ своими сверстниками, на Актѣ, публично осмѣять слабость молодыхъ людей къ женскому полу, которая, какъ извѣстно, и до сихъ поръ по особенному духу нѣмецкаго студенчества, безъ всякаго назиданія со стороны старшихъ, преслѣдуется студентами, какъ величайшее преступленіе противъ чести и правилъ ихъ общества, не допускающихъ въ молодомъ человѣкѣ никакой любви, кромѣ рыцарской; кто не имѣетъ мужества для такой любви и впадаетъ въ преступленіе, тотъ наказывается своими товарищами, сначала денежнымъ штрафомъ, а потомъ и исключеніемъ изъ ихъ общества; эти нравы сохраняются и до сихъ поръ между современными намъ нѣмецкими студентами, какъ напримѣръ, въ Гейдельбергѣ, въ Галлѣ и др.

На Актѣ Гейдельбергскаго университета въ 1500 г., одинъ изъ товарищей Іакова Гартлиба предлагаетъ ему слѣдующій вопросъ, quaestio minus principalis или quodlibet: «отчего мы можемъ ослѣпляться до того, что любимъ женщину болѣе Бога?» Намъ извѣстно, что кводлибетарій обязанъ былъ рѣшить вопросы даже и серьёзнаго содержанія непремѣнно въ формѣ шутки. Гартлибъ, хотя въ своемъ кводлибетѣ преслѣдуетъ нравственную цѣль, но при всемъ томъ его рѣчь забавляетъ до конца всякаго, кто нѣсколько знакомъ съ общественными нравами XV столѣтія. Съ самыхъ первыхъ словъ Гартлибъ нападаетъ на схоластику и осмѣиваетъ ее безпощадно; насъ поражаетъ смѣлость оратора, съ которою онъ обращается къ сидѣвшимъ предъ нимъ представителямъ схоластики; но въ кводлибетѣ подъ формою шутки допускалось многое.

«Мнѣ предложенъ вопросъ, началъ онъ, отчего мы ослѣпляемся до того, что любовь къ женщинѣ предпочитаемъ любви къ Богу? Patres et domini praestantissimi,—такъ называетъ онъ профессо-

ровъ—объявляю вамъ прежде всего, что я намѣренъ говорить не о словахъ, или звукахъ: «Богъ, любовь, женщина»; но о самыхъ вещахъ, которыя разумѣются подъ этими словами. Кто нынче будетъ на столько ничтоженъ и безуменъ (hebes et insanus), чтобы, говоря о Богѣ, о любви, останавливаться на однихъ буквахъ и говорить: *Deus*, Богъ и *Amor*, любовь, оба — мужескаго рода, но Deus склоняется по второму, а Amor по третьему склоненію» и т. д. Кто знаетъ сущность схоластической методы познанія, тотъ поймете всю иронію словъ Гартлиба; надобно перенестись въ XV столѣтіе, когда сухія формы и пустыя слова давили всякую живую мысль, чтобы понять, какъ должно было подѣйствовать вступленіе Гартлиба на молодую публику, которая, быть можетъ, за нѣсколько дней предъ тѣмъ задыхалась въ сферѣ схоластическихъ опредѣленій и упражненій.

Гартлибъ, переходя къ своей главной темѣ, убѣждаетъ юношество заботиться о сохраненіи чистоты тѣла, но въ этомъ убѣжденіи онъ является совершенно новымъ человѣкомъ. Онъ не развертываетъ предъ своими слушателями длинныхъ свитковъ моральныхъ сентенцій, но вторгается въ окружающую его жизнь и анализируетъ ея ежедневныя событія; потому-то въ рѣчи Гартлиба нельзя не провидѣть начатка современнаго намъ романа и драмы. Въ этихъ мѣстахъ рѣчи мы невольно забываемъ пространство трехъ съ половиною вѣковъ, отдѣляющее насъ отъ Гартлиба; онъ является какъ будто бы нашимъ современникомъ. Гартлибъ избираетъ для своего разсказа событіе, которое, вѣроятно, было тогда извѣстно всѣмъ въ Гейдельбергѣ. Но какой скандалъ для XV ст. заимствовать назиданіе не въ какой нибудь сентенціи древняго философа, а въ живыхъ событіяхъ обыденной жизни!... То, что для насъ теперь такъ просто и естественно, благодаря смѣлости подобныхъ Гартлибовъ, въ XV ст. было еще новостью и казалось кощунствомъ надъ наукою, которое можно было терпѣть только подъ маскою кводлибета и не болѣе, какъ одинъ разъ въ годъ. Этотъ разсказъ Гартлиба такъ простъ и наивенъ, и вмѣстѣ такъ драгоцѣненъ для насъ, какъ древнѣйшій памятникъ проявленія гуманнаго принципа въ новой европейской цивилизаціи, что мы приводимъ его въ цѣлости, заботясь притомъ о возможномъ сохраненіи современнаго колорита.

Дѣло идетъ о какой-то львицѣ XV стол. и объ увлекшемся юношѣ. Ораторъ разсказываетъ ихъ исторію, совершенно, впрочемъ, не оскорбительную и для нашихъ нравовъ, на латинскомъ языкѣ, примѣшивая постоянно старо-нѣмецкій, особенно въ такихъ мѣстахъ, которыя представляютъ въ себѣ драматическую оживленность.

«Жила здѣсь (въ Гейдельбергѣ) одна почтенная дама (matrona

quaedam), и она обратила вниманіе на какого-то глупаго схолара (studentem quondam stolidum), даря его различными бездѣлушками (parvis munusculis), напримѣръ, вышитыми ермолками (mitris) (*), перевязками (ligis), нагрудниками со складками (pectoralibus plicatis) шолковыми поясами (zonis ex serico confectis) и тому подобнымъ (et si qua sunt similia). Онъ, радуясь весьма такому вниманію, часто спрашивалъ ее: «за что вы мнѣ оказываете такую честь? я ничѣмъ не успѣлъ ее заслужить и даже ничѣмъ до сихъ поръ васъ не отдарилъ?» Предметъ его страсти (amatia), полный обмана и коварства, отвѣчаетъ ему на то: «увѣряю васъ, я и не желала бы принять отъ васъ что нибудь, и не желаю; но ваши видъ и ваше присутствіе производятъ во мнѣ радость и восторгъ (de tua praesentia et aspectu laetor et exulto)». А этотъ добрый человѣкъ и не понялъ цѣлей и намѣреній скрытной ея души. По прошествіи же нѣкотораго времени, она выдумала средство за свои дешевые подарки получить въ одинъ разъ большое вознагражденіе. Она встрѣтила его однажды съ плачемъ и рыданіемъ; и наша кукушка (названіе этой птицы было въ то время обиднымъ (*), и Гартлибъ такъ называетъ простодушнаго схолара) спрашиваетъ ее: «о, вы страдаете... умоляю васъ, что съ вами? А она ему отвѣчаетъ: «о, мой другъ, лучшій изъ всѣхъ (o, mi socie, ceterorum clarissime), я не хочу васъ обременять своимъ горемъ; если вы узнаете мое несчастіе, вы будете огорчены за меня; оставайтесь веселымъ, я не хочу васъ печалить; для васъ уже много и видѣть меня печальною и пораженною горемъ». И снова, нѣсколько секундъ спустя, она залилась слезами. Юноша почувствовалъ большое состраданіе и еще разъ обратился къ ней: «я очень желалъ бы знать вашу душевную печаль; скажите мнѣ ея причину хоть въ нѣсколькихъ словахъ». Но она молчала, не отвѣчая ему ничего.

«О, безсмысленный человѣкъ, восклицаетъ Гартлибъ, о, безконечное число глупцовъ, однимъ изъ которыхъ былъ и ты, юноша! Ну, какъ ты не вспомнилъ въ ту минуту одной извѣстной народной пословицы: Hund hincken, frowen weynen, und kremer schweren, daran soll sich niemand kehren! (т. е. собака ластъ, женщина плачетъ, торгашъ божится, но никто не долженъ обращать на это вниманія). Вмѣсто того, онъ самъ, хныкая (collachrymando), повторялъ ей все тѣже слова: «о, моя милая, что васъ такъ опечалило?»

—«Ахъ, отвѣчала она ему наконецъ:—мнѣ трудно и передать вамъ

(*) Эти ермолки и перевязки чрезъ плечо и до сихъ поръ сохраняются нѣмецкими студентами, какъ отличительный значекъ ихъ сословія.

(*) По замѣчанію Дюканжа, такъ называли въ Средніе вѣка обманутыхъ мужей.

причину моего горя; есть здѣсь одинъ портной (pannicida), который безъ денегъ, на слово, (sub bona solum spe), отпустилъ мнѣ семь аршинъ (ulnas) сукна на тунику, и каждый аршинъ стоитъ по 1 флорину; и вотъ назначенный имъ срокъ уплаты пришелъ къ окончанію; если я не удовлетворю его сегодня, меня выгонятъ изъ города. Это для меня еще ничего; но что меня повергаетъ въ крайнюю печаль, и едва ли я могу высказать ее словами: я должна буду, вслѣдствіе того, разстаться съ вами и никогда болѣе не видѣть васъ». На все это наша кукушка отвѣчала: Eya, sis laeta, sy frölich, myn Greta! Ich will dich nit lassen in deinen nöten, т. е. о, будь весела, sei fröhlich, моя Грётхенъ! я не оставлю тебя въ нуждѣ». Сказавъ это, онъ тотчасъ идетъ къ евреямъ и христіанамъ, занимающимся ихъ ремесломъ (judaisantes), закладываетъ свое платье, продаетъ книги, только чтобы помочь ей. Ограбивъ себя такимъ образомъ, онъ воротился домой и, сѣвъ на кровать, смотрѣлъ на свою ермолку, нагрудникъ и другіе пустые подарки своей возлюбленной, и со слезами говорилъ себѣ: «охъ, охъ! дорого ты мнѣ стоишь! я заложилъ и продалъ свое платье; что я теперь сдѣлаю? ахъ, я бѣдный и глупый человѣкъ!» Спустя нѣсколько времени, когда глупость этаго Шваба (Suevi) сдѣлалась извѣстною, родители его отозвали изъ университета: но ослѣпленный и опутанный своею любовью, онъ не могъ разстаться съ Грётхенъ безъ того, чтобъ не сказать ей послѣдняго прости (ultimum vale). Онъ отправился къ ней въ такой часъ, когда они могли быть одни. Услышавъ объ отъѣздѣ кукушки, она снова пролила ручьи слезъ; «о горе, горе! воскликнула она, сегодня и никогда болѣе! твой отъѣздъ разрываетъ мое сердце на тысячу кусковъ (bricht mir myn hertz in tusent stück) и поражаетъ глубокою печалью». Глупецъ, всхлипывая, отвѣчаетъ: «Ach, myn Gred! еслибъ только могло то случиться, то тебѣ не нужно было бы долго просить меня, и я пошелъ бы съ тобою въ церковь; ужь это было бы такъ, что der tüfel (Teufel) очутился бы тамъ!

«Направивъ путь на родину и подойдя къ Рейну, онъ размышлялъ самъ съ собою: «о ты, жалкій человѣкъ! неужели ты долженъ сегодня переплыть въ лодкѣ это пространное море, безъ того, чтобы еще разъ увидѣть свою возлюбленную?! Au, wie ist mir so eine grosse sach! И что же это за важное дѣло!» Тутъ ему пришло на умъ, какъ она обрадуется, если онъ неожиданно, хоть на одну минуту, возвратится къ ней. Въ самомъ дѣлѣ, онъ идетъ назадъ и является въ городъ поздно вечеромъ. Затѣмъ немедленно отправляется онъ къ мѣсту, забросанному соромъ и залитому помоями, что было между двухъ домовъ, гдѣ, именно находились тѣ прекрасныя палаты, которыя снабжаются клоаками и куда сваливается яич-

ная скорлупа и колбасные объѣдки. По обычаю подходитъ онъ къ окошку ея комнаты, но окошко было занавѣшено и заперто ставнями. Взглянувъ однако въ щелку, онъ увидѣлъ свѣтъ восковаго свѣтильника (lumen cereum ardens)» и т. д.

Здѣсь остановимся и мы. Послѣдующая сцена, которой долженъ былъ сдѣлаться свидѣтелемъ молодой человѣкъ, хотя и приведена ораторомъ съ нравственною цѣлью, но своимъ содержаніемъ много напоминаетъ новеллы Боккаціо; и вообще кводлибеты средневѣковыхъ университетовъ представляютъ много сходнаго съ этими новеллами по тому вліянію, которое они оказали на послѣдующее развитіе новѣйшихъ національныхъ европейскихъ литературъ.

Ораторъ нашего кводлибета, не измѣняя своему шуточному тону, при разсказѣ послѣдней сцены, которая удостовѣрила молодаго человѣка въ ложности клятвъ его Грётхенъ, принимаетъ сторону его соперника и съ ироническою важностью цитуетъ небывалую главу римскаго права: accedat alter, т. е. *да явится другой*, при чемъ подразумѣвается: когда одинъ уходитъ. Не довольствуясь одною ссылкою, Гартлибъ еще болѣе комически ссылается и на главу изъ Пандектъ: de concubitu clericorum et mulierum § narrabo. Новая выдумка!

Перейдемъ теперь къ болѣе интересному Акту того же Гейдельбергскаго университета, празднованному въ 1488 году. Кводлибеты этого Акта отличаются преимущественно историческимъ значеніемъ. Въ нихъ выразилось весьма наглядно предчувствіе близкаго переворота, который въ то время угрожалъ средневѣковому обществу. Первый изъ сохранившихся кводлибетовъ былъ произнесенъ Іолокомъ Галльскимъ, excitandi joci et animi laxandi causa, для возбужденія шутки и отдохновенія души. Тему предложилъ баккалавръ и еще молодой человѣкъ (optime adolescens), Николай Германъ: «описать привиллегіи общества, извѣстнаго подъ именемъ «Легкаго Корабля» (Lichtschiff).

Чтобы объяснить значеніе подобной темы, должно предварительно замѣтить, что Lichtschiff на студенческомъ языкѣ того времени имѣло совершенно особенное значеніе. О товарищѣ, избѣгавшемъ серьёзной работы, студенты говорили обыкновенно, что онъ съ «легкаго корабля». Однимъ словомъ, всякій пустой человѣкъ, безполезный для общества и даже тяготившій его, причислялся къ пассажирамъ того Lichtschiffs. Николай Германъ, предложивъ свою тему, задаетъ при этомъ слѣдующій вопросъ: an singuli, in navi Lichschiff secepti, sint pro parte majori ex numero studentium derivati, т. е. всѣ ли принятые на корабль Lichtschiff, состоятъ большею частью изъ однихъ студентовъ? Задать такой вопросъ въ XV ст., когда средне-

вѣковое общество находилось въ совершенномъ распаденіи, когда, слѣдовательно, въ немъ было много пассажировъ съ Lichtschiff, задать такой вопросъ,—значило открыть остроумію кводлибетарія обширное поле для развитія той темы. Если тогда еще не успѣлъ явиться литературный Донъ Кихотъ, то съ другой стороны, общество XV столѣтія было богато оригиналами для будущаго Донъ Кихота.

Optimi patres, domini fratres et vos tandem ingeniosissimi adolescentes, восклицаетъ ораторъ, обращаясь къ профессорамъ, къ товарищамъ и къ студентамъ. Въ предисловіи, которое слѣдуетъ за этимъ воззваніемъ, изложенъ порядокъ развитія заданной темы. Самый кводлибетъ начинается описаніемъ состава компаніи баснословнаго корабля, эмблемы отплывавшаго общества Среднихъ вѣковъ. Іодокъ въ порядкѣ разбираетъ всѣ сословія и состоянія современнаго ему общества и преслѣдуетъ при этомъ удобномъ случаѣ сарказмами всѣхъ противниковъ новаго порядка вещей. Эта часть кводлибета невольно напоминаетъ намъ извѣстную картину «Танца смерти», которую мы видимъ еще и теперь во многихъ средневѣковыхъ соборахъ. Главная идея «Танца смерти» и нашего кводлибета одна и таже; различны только форма и способъ выраженія: въ кводлибетѣ роль смерти выполняетъ исторія, и Lichtschiff, на которомъ она ведетъ длинною веренницей людей всѣхъ сословій и состояній—замѣняетъ собою историческую могилу.

Іодокъ, точно такъже, какъ и художникъ, начертавшій Танецъ смерти, открываетъ статистику своего корабля свѣтскимъ сословіемъ, но съ чрезвычайною осторожностью и боязнью, за которыми однако скрывается весьма оригинальный юморъ. Къ Максимиліану I, императору священной римской или германской имперіи, только-что вступившему тогда на престолъ, общество было расположено за его заботу нанести послѣдній ударъ феодализму; потому Іодокъ исключаетъ его изъ компаніи Lichtschiff. «Развѣ только, прибавляетъ онъ, мы можемъ быть не совсѣмъ довольны, и то по глупости нашей (nisi temere forsitan) тѣми ужасными людьми, quos vulgus lantzknecht appellat. Ораторъ намекаетъ на новое учрежденіе Максимиліаномъ наемнаго войска ландскнехтовъ съ цѣлью совершеннаго уничтоженія феодальнаго войска. Затѣмъ онъ переходитъ къ князьямъ Германіи, въ то время особенно многочисленнымъ. Оскорбить ихъ прямо своими насмѣшками кводлибетарій не посмѣлъ; но въ тоже время ему не хотѣлось и молчать. Онъ прибѣгнулъ къ баснѣ, для насъ весьма замѣчательной тѣмъ, что изъ нея видно, какъ смутны были въ то время познанія о Россіи въ остальной Европѣ. Іодокъ объявляетъ, что на его кораблѣ никакъ не должно искать нѣмецкихъ

князей, comites, illa terrae nostrae suprema capita. Въ замѣнъ того онъ исчисляетъ князей другихъ странъ, но чтобы намекъ былъ понятнѣе, онъ называетъ такія государства, которыхъ существованіе въ то время было неизвѣстно или сомнительно, и даже, наконецъ, просто придумываетъ никогда не существовавшія страны. Такъ, онъ приводитъ князей Моравіи, Далмаціи, Галатіи, Кроаціи, Оессаліи, Апуліи, Каппадокіи, Исавріи, Скиѳіи, Эѳіопіи, Гетуліи, наконецъ, говоритъ даже о воображаемомъ княжествѣ Schliffandriae съ ея графствами von Klein Egypten, von Kalenberge, von Hummeneck von Schwartzenloch, et, bene si numeres, Gerolzeck addere debes. Вмѣстѣ-то съ этими сомнительными и даже несуществующими владѣніями помѣщается и княжество Московское (Muscavia). Но упоминовеніе подобныхъ странъ служило автору прикрытіемъ, изъ-за котораго онъ нападалъ вовсе не на Эѳіопію или Schliffandria, но на современное ему состояніе Германіи и ея живыя личности. Отъ князей Іодокъ переходитъ къ баронамъ, рыцарямъ, и говоритъ о нихъ прямо, безъ обиняковъ.

Еще съ большею смѣлостью кводлибетъ нападаетъ на тогдашнее духовное сословіе католичества. Если вспомнить, что этотъ кводлибетъ былъ читанъ еще до появленія Лютера на исторической сценѣ, то это самое появленіе представится намъ весьма естественнымъ результатомъ того, что совершалось еще прежде въ общественномъ мнѣніи, которому кводлибетъ служилъ однимъ изъ ясныхъ выраженій.

Іодокъ начинаетъ съ епископовъ римскаго престола, которые, по его выраженію, проживали деньги въ Римѣ, чтобъ получить мѣсто въ Германіи, а по достиженіи цѣли заботились о возвращеніи истраченныхъ денегъ съ своей паствы. За ними слѣдуютъ (*) abbates infulati т. е. съ правомъ носить капуцинъ, которые усиливаются соединить удобство жизни на Lichtschiff съ тѣми доходами, которые они получаютъ съ своихъ мѣстъ. Но, прибавляетъ ораторъ, они кажутся столь благочестивыми, что иной подумаетъ, будто бы они посвятили себя религіозной жизни не болѣе, какъ за десятину съ мухъ (ex decimis muscarum). Капелланы, каноники, которые съѣдаютъ свои пребенды за годъ впередъ, никто не спасся отъ сарказма кводлибета.

Окончивъ дѣло съ двумя феодальными сословіями, Іодокъ переходитъ къ тому, что мы нынѣ называемъ среднимъ сословіемъ, и

(*) При этомъ случаѣ Іодокъ пользуется игрою словъ, возможною только въ латинскомъ языкѣ, и говоритъ: infulati, dicerem melius inflati. т, е. раздутые.

ищетъ пищи для своей насмѣшки вездѣ, гдѣ въ жизни промышленной, торговой, ученой, ложныя понятія и тяжелыя учрежденія должны были исказить народную дѣятельность и породить всеобщую безнравственность. Ораторъ начинаетъ съ алхимиковъ, которыхъ онъ остроумно сравниваетъ съ ростовщиками; одни — прожектеры безъ успѣха, другіе—съ успѣхомъ, но тѣмъ не менѣе—и тѣ, и другіе стремились къ одной цѣли: добывать золото безъ труда, изъ ничего. Отъ нихъ онъ переходитъ къ купцамъ, мѣнялъмъ, корабельщикамъ, даже наконецъ къ сапожникамъ и портнымъ; далѣе ораторъ касается и тѣхъ людей, которые посвятили себя наукѣ или искусствамъ. Особенно досталось медикамъ того времени, продававшимъ рецепты отъ всевозможныхъ болѣзней; ораторъ приводитъ оригинальный экземпляръ современныхъ ему рецептовъ, если только это не одна пародія, потому что весь рецептъ состоитъ изъ чистаго набора словъ, изъ которыхъ многія совершенно непонятны: fecana cageti daphenes bebare gedaco dindima pilius ysmara gargarus associamus ignis grando barbara cameron etc. Изъ поэтовъ для своего корабля ораторъ выбираетъ двухъ, вѣроятно пользовавшихся тогда сомнительною репутаціею, Самуила съ горы Рутильской и Петра Кута (Cutis); изъ теологовъ попался туда нѣкто Мартинъ Зеландскій, къ которому присоединены всѣ астрономы, хироманты, некромаиты, пѣвцы, музыканты и всѣ преподаватели quadrivium.

Изслѣдовавъ составъ компаніи «легкаго корабля», Іодокъ переходитъ къ ея привиллегіямъ и излагаетъ самую грамоту привиллегій въ формѣ папской буллы. Первая и главная привиллегія компаніи Lichtschiff состоитъ въ томъ, что ея корабль можетъ ходить не только по морю, но и по сушѣ. Никакія горы, ни обвалы, ни степи не могутъ препятствовать движенію корабля; ему предписывается только одно условіе: чтобы онъ не медлилъ въ Австріи и Франціи (Oesterrich, Franckrich) во избѣжаніе большаго числа желающихъ вступить въ компанію «легкаго корабля»; но за то онъ обязанъ долѣе оставаться въ Шварцвальдѣ, Оденвальдѣ и Крейхгау, т. е. въ окрестностяхъ Гейдельберга, гдѣ читался самый кводлибетъ. Компаніи дается право употреблять всѣ усилія обращать къ себѣ тѣхъ, которые упорствуютъ въ заблужденіяхъ, а именно, князей, отказывающихся отъ обременительныхъ феодальныхъ налоговъ, какъ-то, береговаго права и мостовщины (theloneis u pedagiis); епископовъ, которые избраны безъ симоніи; канониковъ, отказывающихся по безкорыстію отъ епископской кафедры; судей, имѣющихъ нелѣпость пренебрегать взятками; монаховъ, не раскаивающихся въ своихъ обѣтахъ; теолога, остающагося добросовѣстнымъ; медиковъ, которые ничего или мало берутъ съ бѣд-

ныхъ больныхъ; студента, (*) который не крадетъ ни пылинки (neque auca furavit); мельника, не скрывающаго умола; ткача, который не скрылъ бы питокъ; портнаго, возвратившаго остатки сукна, не обвѣшивающаго аптекаря, извощика, который бы не ругался и т. д. На всѣхъ такихъ заблудшихся предписывалось обращать вниманіе и принимать ихъ на корабль, si digni sunt.

Въ этой привиллегіи Іодокъ, съ свойственною ему ироніею, прослѣдилъ деморализацію своего вѣка, проникшую во всѣ слои общественной жизни. Паденіе нравовъ того времени дошло уже до той степени, что и тѣ немногіе, которые оставались вѣрными своему посту, несмотря на окружавшее ихъ растлѣніе жизненныхъ началъ, считались заблудшими, не понимающими своихъ выгодъ.

Въ послѣднихъ привиллегіяхъ компаніи Lichtschiff, Іодокъ обращается къ частностямъ, имѣвшимъ интересы для однихъ современниковъ. Такъ, напримѣръ, онъ осмѣиваетъ одного толстаго виноторговца изъ Эльзаса, которымъ въ Гейдельбергѣ, вѣроятно, не совсѣмъ были довольны за высокія цѣны на вино. Компанія Lichtschiff, при всемъ своемъ желаніи имѣть съ собою такого интереснаго для нея пассажира, не рѣшилась на то, изъ опасенія обременить корабль страшною тяжестью тѣла винопродавца и подвергнуться крушенію.

Мы переходимъ теперь къ второму кводлибету, который былъ предложенъ магистру Бартоломею Грибу изъ Страсбурга, и также pro excitando joco solatioque auditorum, ut moris est т. е. для возбужденія шутки и утѣхи слушателей, какъ то принято обычаемъ. Кводлибетарій спрашиваетъ: «отчего называютъ почтеннымъ именемъ философовъ секту лѣнтяевъ, живущихъ безъ всякой заботы (secta pigrorum et sine cura vitam degentium)»? Смыслъ этого вопроса и отвѣтъ, данный на него, также обнаруживаютъ одну изъ общественныхъ болѣзней того времени, которая проявляется при каждомъ разложеніи общества. Такъ древній міръ предъ своею кончиной былъ богатъ особеннаго рода людьми, которыхъ римскіе комики заклеймили именемъ паразитовъ, дармоѣдовъ. Тоже явленіе повторилось, видно, и въ средневѣковомъ обществѣ, когда приблизилось время его паденія. Такихъ-то паразитовъ и рисуетъ намъ Бартоломей Грибъ подъ именемъ цѣха философовъ, по простонародному die Schelmenzunft т. е. цѣхъ шельмъ. Но паразитъ среднихъ вѣковъ носитъ на себѣ особенный отпечатокъ; это—не только человѣкъ безъ всякихъ правилъ, безъ чести, съ одною цѣлью

(*) Въ то время большая часть студентовъ жила милостынею за пѣніе подъ окошками; такая бѣдность принуждала многихъ къ преступленію.

жить на чужой счетъ, какимъ представляется намъ римскій паразитъ;—паразитъ Среднихъ вѣковъ отличается вмѣстѣ и какимъ-то стоицизмомъ, впрочемъ болѣе близкимъ къ цинизму. Это—поддѣлка подъ Діогена; онъ играетъ роль равнодушнаго ко всему,—мы назвали бы его фатомъ,—онъ никогда не торопится и избѣгаетъ всѣми мѣрами имѣть видъ занятаго человѣка. Боясь труда, онъ предпочитаетъ быть нищимъ, но чтобы и не стыдиться своей нищеты, онъ возводитъ ее въ систему, какъ бы желая тѣмъ показать, что онъ пренебрегаетъ внѣшностью единственно потому, что онъ философъ. Кводлибетарій срываетъ личину съ подобнаго рода людей, показывая, что ихъ философское равнодушіе ко всему конечному и земному есть не что иное, какъ драпировка, за которою скрывается скудость ума и безнравственность. Припомнивъ одну народную басню, Б. Грибъ называетъ подобнаго рода людей черепокожными животными (conchaitae). Черепаха, говоритъ ораторъ, была приглашена на свадьбу; однако она не торопилась и пришла въ гости почти ровно черезъ годъ послѣ свадьбы, и ничего чрезъ то не потеряла, потому, что она, какъ разъ, подоспѣла къ крестинамъ. Точно также и паразитъ, если ему случится опоздать на одно пиршество, то онъ непремѣнно попадетъ на другое.

Очертивъ общій характеръ своихъ философовъ, ораторъ переходитъ къ правиламъ Статута Schelmenzunft. Первое ихъ правило жить безъ всякаго правила, пить мѣру безъ мѣры и держаться діэты—есть безъ діэты (primae hujus privilegii regula est: vivere sine regula, mensuram bibere sine mensura, modus edendi sine modo), какъ то сказано въ римскомъ правѣ § parasitus, и въ Пандектахъ § de collegiis illicitis. Разумѣется, ссылки выдуманы. По второму правилу исключаются изъ общества всѣ, не дѣлающіе долговъ. Третье правило предписываетъ каждому въ воскресный день проѣсть все, что заработано въ будни, подъ страхомъ отлученія (sub poena anathematis); каждый членъ общества schelmenzunft обязанъ продать вино до винограднаго сбора и хлѣбъ на корню (vendant bleda (blé) priusquam in horreum sint deducta). Каждый обязанъ спать послѣ обѣда, чтобы быть бодрѣе на ночныхъ пирушкахъ до полуночи и немножко позже (ad horam duodecimam seu paulo amplius).

Четвертая привиллегія дозволяетъ имѣть у себя стаканы и бокалы преимущественно предъ Библіею, Аристотелемъ и сочиненіями какого бы то ни было ученаго мужа; стаканы и бокалы дозволяется закладывать только въ крайнемъ случаѣ, когда не на что купить вина; и тогда философу разрѣшается угощать друзей виномъ изъ сосуда, названіе котораго не употребительно въ нашей письменной литературѣ (scriola). Послѣдующими правилами дозволяется спать

не раздѣваясь, ходить въ платьѣ, залитомъ виномъ и облѣпленномъ пухомъ перины; лѣвый сапогъ надѣвать на правую ногу и наоборотъ; по разсѣянности утромъ желать добраго вечера (bonum sero), и вечеромъ добраго утра (bonum mane); садиться на лошадь лицомъ къ хвосту. Въ комнатѣ должны лежать на одномъ столѣ стаканы, книги, сыръ, шапка, гребень, чернильница, подушка, сапоги и проч.; самая комната не должна быть никогда метена, если только грязь и собравшаяся пыль не мѣшаютъ отворить двери. Особенную похвалу (laudandus insuper est) заслуживалъ тотъ, кто умѣлъ на дорогѣ оставить въ одномъ мѣстѣ ключи, въ другомъ ножикъ, въ третьемъ книжку, а въ четвертомъ и шапку.

Всѣ такія привиллегіи общества (indulgentiae Societatis) подтверждены, заключаетъ Бартоломей Грибъ, буллою, юмористическое содержаніе которой и приводится во всей подробности. Перевести эту буллу на какой либо новѣйшій языкъ было бы довольно трудно, потому что въ ней изображается составъ тогдашняго общества въ полномъ его раздробленіи. Каждое отдѣльное занятіе въ Средніе вѣка составляло цѣхъ, каждая привиллегія служила основаніемъ какому либо обществу. Въ этой буллѣ мы и находимъ весьма замѣчательную номенклатуру тогдашняго общества. По своей внѣшней формѣ она составляетъ копію съ папскихъ буллъ.

In nomine domini amen. Dromo Dromonis de Dromonia suffraganeus, securus securorum Bacchi, universis nobilibus, regibus, ducibus, comitibus, baronibus, tetrarchis, patriciis, praefectis, praetoribus, tribunis, advocatis, procuratoribus, centurionibus, archidapiferis, cauponibus, militibus, thyronibus, reverendis patribus, episcopis, archiepiscopis, praepositis, decanis, cantoribus, scolasticis, monialibus, monachis, thesaurariis, camerariis, archidiaconibus etc. etc. За этимъ слѣдуетъ еще около двадцати названій; всѣмъ этимъ поименованнымъ лицамъ Дромъ, сынъ Дрома изъ Дромоніи, желаетъ здравія и силы въ ѣдѣ, въ питьѣ и во снѣ, жизнь спокойную и твердое повиновеніе уставамъ общесва. Такъ какъ оригинальныя папскія буллы кончались индульгенціями, то и эта пародія буллы въ заключеніе объявляетъ, что повиновеніе будетъ щедро вознаграждено помѣшательствомъ, бѣлой горячкой, летаргіей, спазмами, головокруженіемъ, подагрой, хиагрой, и т. д. Буллу подписалъ Ortivinus, Seltenler Lubrica, Цереры и Бахуса виночерпій и нотарій (tabellio).

Чтеніемъ этой буллы былъ закончевъ кводлибетъ Бартоломея Гриба; этимъ вмѣстѣ ограничиваются наши свѣдѣнія объ «Актѣ», праздновавномъ въ Гейдельбергѣ въ 1488 году.

Подобные «Акты», какъ мы уже знаемъ, возобновлялись каждый годъ, но до сихъ поръ, кромѣ приведеннаго нами, ничего не

отыскано отъ этой богатой сатирической литературы университетскихъ кводлибетовъ. Вліяніе ихъ на общественную реформу XVI столѣтія не можетъ быть подвержено ни малѣйшему сомнѣнію и потому трудъ предпринятый г. Царнке (*), по изданію документовъ и грамотъ средневѣковыхъ университетовъ, можетъ дать много новыхъ данныхъ, какъ вообще для исторіи культуры Среднихъ вѣковъ, такъ и въ особенности для исторіи реформаціи.

Обычай праздновать университетскіе «Акты» въ старой кводлибетарной формѣ сохранялся во все XVI столѣтіе; но въ XVII столѣтіи исчезаютъ и его слѣды. Съ того времени годичныя торжества университетовъ принимаютъ ту форму, которая сохраняется и до настоящаго времени въ нѣмецкихъ и нашихъ университетахъ. Во Франціи этотъ обычай совсѣмъ исчезъ; по крайней мѣрѣ въ Сорбоннѣ лекціи открываются безъ всякаго торжественнаго собранія. Паденіе кводлибетарной формы «Актовъ» можно замѣтить уже въ концѣ XVI столѣтія; видно, что они начали выходить изъ употребленія и потеряли весь свой прежній интересъ. Это паденіе кводлибета болѣе всего замѣтно въ университетскихъ статутахъ. Такъ, въ статутахъ Пражскаго университета, извѣстныхъ подъ именемъ Liber Decanorum, въ XVI столѣтіи встрѣчаются сильныя мѣры противу тѣхъ, которые уклонялись отъ кводлибетовъ. По всему видно, что члены университета начали тяготиться этимъ учрежденіемъ, и надобно было прибѣгать къ принужденію, въ-то время какъ прежде кводлибеты давались animi laxandi causa, и въ нихъ видѣли solatium auditorum.

Но какъ объяснить такое явленіе? какой историческій результатъ можетъ быть выведенъ изъ паденія обычая, въ которомъ проявлялось столько жизни и столько интереса къ ея вопросамъ? Было ли это слѣдствіемъ охлажденія общества, апатіи, внезапно послѣдовавшей за необыкновеннымъ разгаромъ жизни? Уступило ли новое время Среднимъ вѣкамъ? Это—тотъ самый вопросъ, которымъ мы начали свое изслѣдованіе, въ надеждѣ точнѣе объяснить частнымъ случаемъ старый споръ о значеніи Среднихъ вѣковъ. Еще разъ: можно ли упрекнуть новое время за его равнодушіе къ высшимъ интересамъ ума, и притомъ только потому, что въ средневѣковой культурѣ мы встрѣчаемъ какую-то бодрость и свѣжесть силъ, въ которыхъ нельзя, въ самомъ дѣлѣ, отказать представленнымъ нами сценамъ кводлибетарныхъ преній, продолжавшихся сряду нѣсколько дней?

(*) Въ началѣ 1858 года долженъ выдти въ свѣтъ новый и весьма важный трудъ г. Царнке, который во многомъ облегчитъ чтеніе средневѣковой нѣмецкой литературы; это — словарь старонѣмецкаго языка.

Умственная сторона общественной дѣятельности заключаетъ въ себѣ большую аналогію съ другими ея отправленіями. Это и не удивительно, если принять въ соображеніе, что въ дѣятельности общественной является вездѣ одинъ и тотъ же агентъ — человѣкъ. Въ Средніе вѣка, когда промышленность и торговля не имѣли для себя свободнаго развитія и встрѣчали тысячи препятствій въ родѣ тѣхъ, которыя названы въ кводлибетѣ thelonia и pedagia, когда самый воздухъ былъ обложенъ податью, въ такое время ярмарки были необходимымъ явленіемъ; за годовымъ сномъ слѣдовало внезапное пробужденіе торговой дѣятельности на нѣсколько дней, и затѣмъ все снова стихало. Въ наше время ярмарки или исчезли, или потеряли свое прежнее значеніе и существуютъ силою привычки, если только характеръ предмета торговли, или географическія причины не дѣлаютъ необходимыми стараго способа мѣны. Но никто не заключитъ изъ этого паденія ярмарокъ, что мы уступаемъ въ торговой предпріимчивости Среднимъ вѣкамъ. Въ наше время промышленность, не стѣсняемая феодальными учрежденіями, свободно развивается каждый день, и въ большихъ городахъ круглый годъ происходитъ ярмарка. Въ Средніе вѣка имѣли чрезвычайное развитіе также карнавалы; ихъ значеніе для общественной жизни тоже, какое имѣла ярмарка въ торговлѣ. Въ общественной жизни потребность удовольствія имѣетъ такую же важность, какъ и потребность труда; если трудъ даетъ намъ понятіе о человѣкѣ; то съ другой стороны, скажите намъ, какъ кто веселится, и мы скажемъ вамъ, кто такой этотъ человѣкъ. Въ Средніе вѣка, одна часть общества, разбитая по замкамъ и разъединенная въ теченіе цѣлаго года, а другая, привязанная къ землѣ тяжелымъ трудомъ, искала для себя средства къ соединенію съ цѣлью удовольствій; человѣкъ всегда остается человѣкомъ, даже и въ тѣ минуты, когда онъ употребляетъ, повидимому, всѣ средства, чтобъ не быть человѣкомъ. Послѣ годовой скуки, средневѣковое общество упивалось на нѣсколько дней всѣми неистовствами карнавала. Въ наше время карнавалы имѣютъ для большинства одинъ смыслъ исторической церемоніи, а дѣйствительное ихъ значеніе утрачено. Быть можетъ, потому иногда замѣчаютъ, что въ наше время съ каждымъ годомъ общество какъ будто бы дѣлается задумчивѣе и печальнѣе; въ наше время, говорятъ старики, вспоминая свое прошлое, умѣли лучше веселиться. Но какой можетъ имѣть смыслъ карнавалъ или ему подобныя учрежденія въ нашемъ обществѣ? Благородный и свободный трудъ ищетъ достойныхъ себя удовольствій; одна работа притупляющая или безнравственная вызываетъ къ животнымъ и дикимъ удовольствіямъ; кромѣ того, при успѣхахъ нашего общежитія, мы можемъ считать

круглый годъ карнаваломъ. Подобный же взглядъ мы имѣемъ и на значеніе средневѣковыхъ кводлибетовъ; это былъ также карнавалъ человѣческой мысли, или, какъ выражается одинъ изъ кводлибетаріевъ, ludus philosophicus, философскій карнавалъ. Цѣлый годъ умъ человѣка томился въ пустыхъ схоластическихъ преніяхъ, отдѣленный непроницаемымъ туманомъ отъ дѣйствительной жизни, и въ цѣлый годъ только на четыре дня дозволялось ему сбросить свои вериги и говорить на родномъ языкѣ. Но съ XVI столѣтія сцена перемѣняется; эпоха возрожденія могла повторить извѣстное: «совершилось». Потому нисколько не удивительно, что съ XVI столѣтія, когда умственный человѣкъ сталъ лицомъ къ лицу съ жизнью, средневѣковые кводлибеты поблѣднѣли, потеряли свое значеніе и сдѣлались одною формою историческаго воспоминанія, сохраняющагося и донынѣ; подобное тому случилось, какъ мы видѣли, съ ярмарками и карнавалами. Новый человѣкъ предпочитаетъ и трудиться, и наслаждаться, и говорить живое слово — каждый день.

М. СТАСЮЛЕВИЧЪ.

Берлинъ, 10 декабря 1857.

ДѢЛЕЦЪ.

РАЗСКАЗЪ.

И вотъ общественное мнѣнье.
А. Грибоѣдовъ.

Умѣнье хорошо обдѣлывать свои дѣлишки дается, какъ извѣстно, не всякому, и напрасно многіе бьются всю свою жизнь, чтобы пріобрѣсти его. Въ прежнія времена я самъ сильно хлопоталъ объ этомъ умѣньи; съ пріобрѣтеніемъ его я надѣялся разрѣшить вопросъ, который, въ переводѣ съ обыкновеннаго, житейскаго языка на философскій способъ выраженія, недаромъ считается важнѣйшимъ вопросомъ всей человѣческой философіи, именуясь «стремленіемъ безсмертнаго духа нашего къ безконечному благу.» Изъ метафизической психологіи я зналъ, конечно, что «сіе стремленіе въ семъ мірѣ никогда не обрѣтаетъ полнаго удовлетворенія»; но практическая философія жизни доказывала мнѣ постоянно, что у человѣка, умѣющаго обдѣлывать свои дѣлишки, безсмертный духъ какъ-то болѣе удовлетворяется, чѣмъ у тѣхъ, чьи дѣлишки идутъ плохо. Принимая это въ соображеніе, я хотѣлъ, во что бы то ни стало, добиться до разрѣшенія заданнаго самому себѣ вопроса, и одно время вообразилъ даже, что—добился! Мнѣ представилось, на основаніи теоретическихъ воззрѣній, что для устройства дѣлишекъ совершенно довольно одного пустаго качества, которое называется *благодушіемъ*.

Я разсуждалъ тогда, совершенно логически, слѣдующимъ образомъ: положеніе нашихъ дѣлишекъ зависитъ отъ общества; общество состоитъ изъ отдѣльныхъ членовъ; каждый изъ членовъ дѣлаетъ добро тому, кого онъ любитъ и уважаетъ; любовь и уваженіе пріобрѣтаются услугами и угожденіями; для того, чтобы всѣмъ угождать, нужно постоянное, невозмутимое благодушіе во всѣхъ сношеніяхъ съ своими ближними; ergo... И далѣе я бойко выводилъ средство содѣлаться блаженнымъ на свѣтѣ. Долго оставался я въ моемъ заблужденіи и воображалъ себя счастливымъ обладателемъ философскаго камня, дающаго вѣрное средство быть здоровымъ, долговѣчнымъ, богатымъ и т. д. Но всѣ мои логическія построенія должны были разсыпаться въ прахъ при первомъ же практическомъ знакомствѣ съ общественнымъ бытомъ и отношеніями города Покорска, знаменитаго — сколько силою въ немъ общественнаго мнѣнія, столько же и упорною враждою ко всѣмъ отвлеченнымъ теоріямъ.

Къ утѣшенію моему, субъектъ, сокрушившій въ прахъ всѣ мои логическія построенія, былъ, по крайней мѣрѣ, не совсѣмъ мелкое лицо въ Покорскѣ. Это былъ Александръ Григорьичъ Щекоткинъ, старшій чиновникъ по особымъ порученіямъ при покорскомъ губернаторѣ. Объ него разбилась въ дребезги вся моя система благодушія, на которой хотѣлъ-было уже успокоиться умъ мой, утомленный философическими изысканіями. Первое мое свиданіе съ Александромъ Григорьичемъ исполнило сердце мое какимъ-то тяжкимъ предчувствіемъ, и послѣдствія вполнѣ оправдали мое вѣщее сердце. Чѣмъ болѣе присматривался я къ Щекоткину, чѣмъ болѣе собиралъ о немъ свѣдѣній въ Покорскѣ, тѣмъ болѣе убѣждался, что въ этомъ чиновникѣ никогда не было ни малѣйшаго слѣда того, что разумѣлъ я подъ именемъ благодушія; а между тѣмъ дѣлишки его обработывались отлично... Дальнѣйшій жизненный опытъ, наглядно показавшій мнѣ все безсиліе человѣческаго разума вообще, убѣдилъ меня, что и здѣсь напрасны мои усилія составить систему умѣнья достигать прочнаго благополучія въ жизни. Короткое знакомство съ Щекоткинымъ довело меня до смиреннаго сознанія, что въ устройствѣ дѣлишекъ каждаго человѣка есть что-то неисповѣдимое и что многообразны пути, которыми судьба ведетъ къ счастію своего избранника.

Лицо есть зеркало души,—дѣло извѣстное и не подлежащее ни малѣйшему спору; слѣдовательно, если бы Щекоткинъ имѣлъ

хотя малую толику благодушія; оно непремѣнно бы отразилось на его физіономіи. Уста, привыкшія произносить сладчайшія рѣчи,—какъ-то иначе раскрываются всегда, нежели губы, привыкшія къ брани и командѣ; глаза, пріученные вѣжливо улыбаться, смотрятъ не такъ, какъ обыкновенные глаза; даже менѣе подвижныя части лица, какъ напримѣръ носъ и уши,—и тѣ носятъ на себѣ отпечатокъ общаго характера ихъ владѣльца. Носъ благодушныхъ людей, говорятъ, получаетъ всегда открытое и нѣсколько широкое очертаніе, какъ бы для того, чтобы чутьемъ дознавать то, что можетъ ускользнуть отъ другихъ чувствъ; уши же человѣка благодушнаго, по увѣренію знающихъ людей, непремѣнно вытягиваются нѣсколько впередъ, такъ что благодушный обладатель ихъ всегда имѣетъ видъ человѣка, обязательно-приклонившаго ухо свое къ вашимъ словамъ. Ничего подобнаго не примѣтно было въ фигурѣ Александра Григорьича. Это былъ высокій и толстый брюнетъ, державшій себя чрезвычайно прямо. Черты лица его были совершенно неподвижны, какъ у восковой куклы. Его чорные глаза смотрѣли прямо на васъ, безъ всякаго выраженія, и потомъ — не опускались внизъ, а просто—на минуту закрывались вѣками; на лицѣ не появлялось никакого чувства, никакой мысли. Когда онъ говорилъ, голосъ его напоминалъ какъ-то звукъ обуха, вбивающаго долото въ дерево; губы его раскрывались широко, потому что всѣ слова произносилъ онъ раздѣльно и отчетливо,—но физіономія всегда оставалась безжизненной, что бы ни говорилъ онъ. Заслышавши издали его голосъ, вы бы подумали, что онъ бранится; подошедши ближе и всмотрѣвшись ему въ лицо, вы бы еще болѣе убѣдились въ своемъ предположеніи. Взбитый напереди хохолъ на гладко-стриженной головѣ, брови, нависшія надъ глазами, уши, совершенно плоско лежащія къ затылку, носъ, сплющенный и загнутый книзу, придавали Александру Григорьичу необычайно-суровый видъ и наводили на многихъ какой-то безотчетный страхъ. Но особенно приводили въ отчаяніе всѣхъ покорскихъ жителей, особенно же молодыхъ энтузіастовъ, глаза Щекоткина. Человѣкъ изъ кожи лѣзетъ, приходитъ въ неистовство, доказывая какую нибудь полезную идею, а Александръ Григорьичъ, съ своимъ мрачнымъ видомъ, смотритъ на него неподвижно, и хоть бы бровью моргнулъ. У бѣднаго энтузіаста ужъ и запасъ краснорѣчія истощается, онъ уже ждетъ и жаждетъ возраженій, какъ благодѣтельнаго масла для поддержки

потухающаго свѣтильника, онъ уже остановился, переводитъ духъ, смотритъ въ глаза своему собесѣднику; но глаза эти попрежнему тусклы и холодны, въ нихъ не выражается ничего, совершенно ничего! Энтузіастъ переходитъ взоромъ отъ глазъ къ губамъ, но губы сжаты, и вся физіономія Александра Григорьича не даетъ ни малѣйшаго права заключить, что онъ слышитъ слова своего собесѣдника. Несчастнаго энтузіаста обдаетъ холодомъ, онъ теряется, путается и умолкаетъ, внутренно удивляясь глупости своего положенія. Тогда Александръ Григорьичъ закрываетъ глаза вѣками, потомъ производитъ носомъ какой-то чрезвычайный звукъ, удивительно похожій на хрюканье,— и опять, уставивши глаза на энтузіаста, говоритъ своимъ обычнымъ деревяннымъ тономъ: «это все вздоръ, который слѣдуетъ изъ головы выбросить; а вы вотъ меня послушайте-ко.» И начиналъ разбирать пылкія мечты юности, — и очень дѣльно разбиралъ большею частію; даромъ что, казалось, вовсе и не слушалъ своего собесѣдника.

Такимъ зналъ я Александра Григорьича Щекоткина, когда онъ былъ уже почтеннымъ человѣкомъ, лѣтъ въ сорокъ слишкомъ. Но ни въ чьей головѣ не могло возникнуть ни малѣйшаго сомнѣнія, чтобы онъ не былъ точно таковъ же и въ тридцать, и въ двадцать, и въ пятнадцать лѣтъ. Такимъ онъ, дѣйствительно, и слылъ въ преданіяхъ города Покорска, съ незапамятныхъ временъ. Немногіе изъ покорскихъ старожиловъ могли уже въ мое время передать живой разсказъ о происхожденіи прозвища «азіятъ», которымъ бо́льшею частію замѣнялись въ общежитіи официальныя имена Щекоткина; большая часть гражданъ пользовалась имъ, какъ постояннымъ эпитетомъ, первоначальный смыслъ котораго былъ потерянъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ отлично разсказывалъ исторію объ азіятѣ, со всѣми подробностями, престарѣлый архиваріусъ губернскаго правленія, какъ очевидецъ дѣла, но теперь и онъ болѣе ограничивается покиваніемъ головы и ослабленіемъ беззубыхъ устъ своихъ, слушая, какъ разсказываютъ объ азіятѣ другіе, обязанные своими свѣдѣніями уже повѣствованіямъ почтеннаго старца. Колоритъ древности исчезаетъ, разумѣется, при переходѣ разсказа во вторыя уста; но строгая истина еще неизмѣнно соблюдается, потому что архиваріусъ всегда готовъ стать безмолвнымъ укоромъ разскащику, который бы вздумалъ дать слишкомъ много воли своему воображенію. Сущность разсказа состояла вотъ въ чемъ. Какому-то

темному господину, отданному за что-то подъ судъ, нужно было получить видъ на прожитіе и пріостановить нѣкоторыя бумаги, поступавшія на его счетъ къ губернатору. Щекоткинъ, бывшій тогда самымъ мелкимъ чиновникомъ губернскаго правленія, предложилъ темному господину какой-то ненужный никому паспортъ, и, съ помощію одного изъ своихъ пріятелей да еще архиваріуса, умѣлъ на нѣсколько дней запрятать опасныя бумаги. Архиваріусъ какъ-то глухо всегда отзывался о томъ, что это были за бумаги; но, вѣроятно, онѣ были довольно серьезнаго содержанія, судя по послѣдствіямъ. «Только день продержалъ я бумаги у себя,» говаривалъ старикъ въ былыя времена,—«и не зналъ совсѣмъ, что тутъ за исторія. Просили меня пріятельски, — ну, что же за бѣда? Мало ли бумагъ, думаю,—и по году цѣлому валяются. А тутъ велика бѣда-день. Черезъ день-то являюсь въ присутствіе, и объясняю, что вотъ, молъ, въ дѣлѣ одномъ сдали ко мнѣ какія-то бумаги, а онѣ къ тому дѣлу не принадлежатъ, такъ возьмите ихъ, чтобы послѣ спросу не было. Какъ только это я показалъ бумаги-то, на меня всѣ и вскинулись. «Что, говорятъ, вы надѣлали. Вѣдь этихъ самыхъ бумагъ-то мы со вчерашняго утра, сломя голову, ищемъ. Ужь лучше бы совсѣмъ эти бумаги пропали... Такъ, вишь, посовѣстились что-ли — или побоялись. Да и притянули меня, — слышь я виноватъ. Я туда-сюда. Нѣтъ,—ты, говорятъ, былъ подкупленъ преступникомъ. А я, вотъ хоть сейчасъ Богу душу отдать, ни одной полушки въ этомъ дѣлѣ не видалъ, да и не зналъ, что за дѣло такое. Послѣ ужь какъ-то пріятель-то Александра Григорьича мнѣ сказалъ, что они тутъ оба по пяти сотъ рублей нажили. А на нихъ никто и думать не думалъ. Мнѣ только досталось въ чужомъ пиру похмѣлье.» Дальнѣйшій разсказъ показывалъ, впрочемъ, что архиваріусу не только одно похмѣлье досталось, а что онъ принималъ участіе и въ самомъ пирѣ, который заданъ былъ на радостяхъ двумя пріятелями. На этомъ-то пирѣ Александръ Григорьичъ и отпустилъ штуку, доставившую ему названіе «азіята». Пиръ происходилъ въ одномъ изъ мѣстъ, гдѣ пріятное общество молодыхъ людей не контролируется степеннымъ начальствомъ. Пріятели уговорились пожертвовать по десятинѣ своихъ избытковъ и устроили сторублевый кутежъ, въ которомъ принялъ участіе и архиваріусъ, вѣроятно, еще не бывшій тогда такимъ маститымъ старцемъ (что, впрочемъ, утверждать съ достовѣрностью трудно). Пили пріятели до глубокой ночи и наконецъ

рѣшились отправиться домой. Но когда пришло дѣло къ расплатѣ, то оказалось, что Александръ Григорьичъ рѣшительно лишился всякаго сознанія и не понималъ, что ему говорили. Пріятель принялъ рѣшительныя мѣры: онъ собственноручно отправился въ карманъ одурѣвшаго товарища, чтобы отдѣлить изъ его денегъ слѣдующую часть. Александръ Григорьичъ не противился, но въ карманѣ его денегъ оказалось только 20 копѣекъ. Пріятель, пораженный изумленіемъ, принялся искать по комнатамъ, не выпали-ль деньги въ разгарѣ ихъ веселья. Но нигдѣ ничего не нашлось. Щекоткинъ ничего не понималъ и на всѣ вопросы и требованія мычалъ что-то, совершенно нечеловѣческое. Въ надеждѣ добиться чего-нибудь на-утро, пріятель расплатился за все и увезъ къ себѣ на квартиру и Щекоткина, и архиваріуса. На другой день Александра Григорьича опять не могли добудиться. Растолкаютъ его кое-какъ,—повернется онъ съ боку на бокъ, промычитъ что-нибудь, да и опять заснулъ. Наконецъ пріятель вышелъ изъ терпѣнья и ушелъ къ должности, оставивъ Щекоткина на произволъ судьбы. Во всю дорогу разсуждалъ онъ съ архиваріусомъ о непонятной пропажѣ денегъ у Щекоткина и о свинской его натурѣ, которая никакъ не можетъ проспаться. Но черезъ полчаса послѣ нихъ Александръ Григорьичъ явился въ правленіе, какъ ни въ чемъ не бывалъ. Глядя на него, никто и предположить не могъ, гдѣ онъ былъ вчера. Пріятель, какъ только замѣтилъ его приходъ, тотчасъ подбѣжалъ къ нему и тихонько сталъ спрашивать, что сдѣлалось съ его деньгами.

— Потерялъ, угрюмо и рѣзко отвѣчалъ Щекоткинъ.

— Какъ потерялъ? Вотъ тебѣ и на. Потерялъ!.. Да что жь, я за тебя платить, что-ли, долженъ?

— Не плати, возразилъ Александръ Григорьичъ, съ прежнимъ грубымъ спокойствіемъ.

— Не плати!.. Хорошъ гусь, — не плати!.. Выпустятъ тебя, коли не заплатишь. Ты вчера налилъ зѣнки-то, такъ и не помнишь ничего... Я вѣдь ужь заплатилъ.

— А мнѣ какое дѣло до этого?

— Какъ—какое дѣло? Да развѣ неты вчера натянулся больше всѣхъ? Ты развѣ половины не получилъ? Развѣ не общее было, — продолжалъ пріятель тѣмъ шипящимъ шопотомъ, которымъ люди разсерженные хотятъ скрыть отъ людей свой се-

кретъ, не замѣчая, что этотъ шопотъ дѣлается слышнѣе самаго громкаго разговора.

— Да что ты шепчешь-то, — съ убійственнымъ равнодушіемъ отвѣчалъ Щекоткинъ. Кричи громче, чтобы всѣ слышали. Напился вчера на полтинникъ, такъ нельзя не пошумѣть. Ты ужь все распиши лучше, какъ было: авось изъ службы выгонятъ.

Напоминаніе было благоразумно и пришло какъ разъ во время. Пріятель сообразилъ, что выдавать свою тайну опасно и, убѣжденный внутренно, что Щекоткинъ его дурачитъ, увидѣлъ однако грустную необходимость примириться съ мыслью о напрасной растратѣ пятидесяти рублей на угощеніе гнуснаго своего сообщника. Но, чтобы вознаградить себя хоть чѣмъ-нибудь, онъ далъ волю своему негодованію и разразился потокомъ жестокихъ восклицаній, начинавшихся такимъ образомъ: ахъ, ты деревянная рожа, жилдишка, надувало... азіятъ ты этакой, безчувственная ты образина, и пр. Стремительное краснорѣчіе оскорбленнаго пріятеля привлекло вниманіе чиновниковъ, и при словѣ «азіятъ» раздался всеобщій дружный хохотъ. Сослуживцы Александра Григорьича нашли, что названіе азіята какъ-то особенно къ лицу ему, и съ тѣхъ поръ случайное прозвище это сдѣлалось съ нимъ неразлучнымъ и пережило всѣ другія именованія, которыхъ Щекоткинъ удостоивался, въ теченіе своего поприща, отъ покорскихъ согражданъ. Одинъ изъ враговъ Александра Григорьича прозвалъ-было его *дубомъ*, но это прозвище не удержалось, какъ слишкомъ односложное. Подобная участь постигла и другое имя — *сфинкса*, которымъ окрестилъ-было Щекоткина молодой товарищъ предсѣдателя гражданской палаты: оно употреблялось только тѣми, кто, при взглядѣ на Щекоткина, могъ вспоминать англійскую набережную Невы съ ея египетскими украшеніями.

Такой-то человѣкъ, похожій скорѣе на сфинкса или на дубъ, нежели на человѣка, умѣлъ соединить въ себѣ съ видомъ «азіята» самое европейское умѣнье обработывать свои дѣлишки. Кто бы могъ это подумать? Ужь конечно — не я, съ своей системою благодушной угодливости. Я, напротивъ, долго немогъ повѣрить такому чрезвычайному явленію и долго наводилъ, относительно его, строжайшія справки. Но—увы!—всѣ мои разспросы и наблюденія очевиднѣйшимъ образомъ убѣждали меня, что дѣлишки «азіята» превосходно устроены, несмотря на совершенное отсутствіе въ немъ всякаго благодушія. Онъ, говорили мнѣ умные люди,

съ самаго начала замѣченъ былъ своимъ начальствомъ, «какъ исполнительный и благонамѣренный чиновникъ, никогда не забиравшій высоко, но бывшій всегда въ своемъ правѣ». Александръ Григорьичъ самъ разсказывалъ, что замѣчаній по службѣ онъ никогда не получалъ. «Что велятъ, то и сдѣлаешь, — говорилъ онъ,—а не въ свое дѣло не суешься,—такъ что̀ кому до тебя за дѣло? Иной разъ мнѣ такіе глупые приказы писать и исполнять доводилось, что смѣшно, бывало, дѣлается, — а ничего — работаешь себѣ, и виду не подаешь. Пусть ихъ тамъ творятъ, что хотятъ. Не моя забота. Кто приказалъ, тотъ и отвѣчаетъ, — а мнѣ только слушаться слѣдуетъ.» Такое рѣдкое самоотверженіе было оцѣнено по достоинству, и мало-по-малу Александръ Григорьичъ достигъ должности чиновника по особымъ порученіямъ. Трехъ губернаторовъ пережилъ онъ въ Покорскѣ и пользовался у всѣхъ ихъ особеннымъ расположеніемъ, которымъ не оставилъ его и четвертый начальникъ губерніи, поступившій уже во время силы и процвѣтанія Щекоткина. Столь же постоянно было и расположеніе всѣхъ согражданъ къ чорствому «азіяту», хотя онъ и не пользовался въ покорскомъ обществѣ особенно выгодной репутаціей.

О репутаціи, впрочемъ, Александръ Григорьичъ мало и заботился. Онъ вполнѣ понялъ свое положеніе въ обществѣ и убѣдился, что не отъ репутаціи зависитъ выгодное устройство дѣлишекъ, и что не слово важно, а дѣло. «Что мнѣ за надобность,—говорилъ онъ, съ своимъ обычнымъ, нѣсколько грубоватымъ равнодушіемъ, — что мнѣ за надобность знать, хорошо или худо обо мнѣ думаютъ? Я съ вами встрѣчаюсь, — вамъ кланяюсь, съ вами разговариваю,—и вы тоже;—этого для меня и довольно. А тамъ въ душу къ человѣку не влѣзешь. Думайте обо мнѣ, что хотите. Почему вы знаете, — можетъ быть, я-то объ васъ еще въ тысячу разъ хуже думаю, чѣмъ вы обо мнѣ. Чужая душа потемки». Съ послѣднимъ замѣчаніемъ невозможно было не согласиться, смотря на Александра Григорьича. При одномъ взглядѣ на его безжизненную физіономію, всякій непремѣнно думалъ: «дѣйствительно, никакъ не узнаешь, что у тебя на душѣ.... Можетъ быть, ты тамъ и чортъ знаетъ какую билиберду придумываешь.... у тебя на лбу ничего не написано. И съ этой мыслію всякій невольно взглядывалъ опять въ глаза Щекоткину, стараясь поймать въ нихъ хоть какой-нибудь отпечатокъ внутренняго состоянія души.... Но ловля эта всегда бы-

ла совершенно безплодна. Въ глазахъ Александра Григорьича соединялось какъ-то телячье выраженіе съ конскимъ, но человѣческаго въ нихъ ничего не было.

Несмотря на непривлекательность своей особы, Щекоткинъ составилъ даже выгодную партію и былъ, говорятъ, счастливъ въ семейной жизни. Въ него влюбилась дочь правителя канцеляріи губернатора, въ то время, какъ общественное положеніе Александра Григорьича было еще очень незавидно. Чѣмъ онъ привлекъ къ себѣ полную Ирину Ѳедоровну,—трудно сказать утвердительно. Можетъ быть — «статура его пришлась ей по комплекціи», какъ выражались современные событію покорскіе остряки; можетъ быть—суровый видъ его заинтересовалъ своей таинственностью начитавшуюся романовъ барышню; а можетъ быть—и такъ, по пословицѣ:—показался сатана лучше яснаго сокола.... Какъ бы то ни было, Ирина Ѳедоровна по уши влюбилась въ азіята, и даже романически хотѣла удалиться съ нимъ въ пустыню, до чего онъ однако же недопустилъ ее. Черезъ нѣсколько лѣтъ, разсказываютъ, въ одномъ круппомъ разговорѣ, при какой-то изъ близкихъ знакомыхъ,—онъ говорилъ ей, между прочимъ, высчитывая ея недостатки: «ты, матушка, ико мнѣ-то на шею бросилась чуть не съ перваго раза. Кабы я тебя не пожалѣлъ, да не велѣлъ у отца благословенья просить, такъ могъ бы просто повозиться съ тобой недѣлю другую, да и кинуть потомъ на улицѣ».

Ирина Ѳедоровна, разсказывала потомъ близкая ихъ знакомая,—мало смутилась такимъ укоромъ и отвѣчала немедленно: «да, если бы тогда одной глупости я съ собой не позволила сдѣлать, такъ не видать бы тебѣ меня, какъ ушей своихъ.... И до спхъ поръ бы лямку-то теръ въ писцахъ.... А то, бывало, чуть что нужно, такъ сейчасъ—попроси папеньку.... Позабылъ, небось теперь, кто тебя изъ грязи-то вывелъ....

— Ужь объ этомъ-то не говори, матушка, твердо возразилъ Александръ Григорьичъ на замѣчаніе супруги, — грязнѣе тебя никогда не были, и на своемъ мѣстѣ безъ папеньки твоего держаться умѣемъ.... Затѣмъ онъ умолкъ и спокойно принялся за свое дѣло, только взглядывая по временамъ своими безстрастными очами на раздраженную супругу, которая часа два еще продолжала работать языкомъ.—«Это славный моціонъ для нея; кровь хорошо разбиваетъ», замѣтилъ потомъ Александръ Гри-

горьичъ за обѣдомъ; и утомленная Ирина Ѳедоровна только улыбнулась на такое замѣчаніе.

Маленькія размолвки нисколько не разстроивали семейнаго счастія супруговъ и не мѣшали имъ въ дружномъ стремленіи къ общей цѣли—устройству своихъ дѣлишекъ. Ирина Ѳедоровна знала всѣ отношенія своего мужа и помнила очень твердо имена всѣхъ исправниковъ, становыхъ и городничихъ въ губерніи, съ ихъ супругами. Въ отсутствіе Александра Григорьича, нерѣдко уѣзжавшаго въ командировку, всѣ помянутыя лица адресовались къ ней,—если не по служебнымъ, то по разнымъ житейскимъ отношеніямъ. Многіе даже считали за лучшее передавать ей и служебныя свои обстоятельства, во избѣжаніе личныхъ объясненій съ азіятомъ, котораго нѣсколько трусили. Рѣшеніе дѣла, впрочемъ, нисколько не зависѣло отъ ходатайства Ирины Ѳедоровны: оно опредѣлялось обыкновенно свойсвомъ тѣхъ *данныхъ*, какія представлялись Щекоткину по самому существу дѣла.

Иногда Александръ Григорьичъ отправлялъ въ командировку и свою жену, вмѣстѣ съ двоими дѣтьми. Это бывало обыкновенно лѣтомъ, или въ тѣхъ случаяхъ, когда самому Щекоткину назначалась командировка, обѣщавшая быть очень продолжительною. Такъ случилось, напримѣръ, и при производствѣ того важнаго дѣла, которое сильно подвинуло дѣлишки Щекоткина и о которомъ я хочу разсказать подробнѣе.

Разъ, Щекоткинъ посланъ былъ на слѣдствіе по дѣлу о разграбленіи почты (это было уже давно); въ тоже время онъ нашелъ, что въ окрестностяхъ уѣзднаго города Глухарева въ имѣніи тамошняго исправника Житова, растутъ удивительныя сливы и всякія ягоды, изъ которыхъ можно славное варенье сварить. Немедленно послана была записка къ покорскому исправнику, чтобы онъ на другой день прислалъ лошадей для Ирины Ѳедоровны; и на утро оба супруга отправились — онъ производить слѣдствіе, она съ дѣтьми—варить варенье.

Въ дѣлѣ о разграбленіи почты Александръ Григорьичъ отличился. Полнѣйшій успѣхъ былъ результатомъ его неутомимыхъ трудовъ и необыкновеннаго умѣнья вести слѣдствіе. Дѣло, порученное ему, было не шуточное: Нужно было отыскать мошенниковъ, разбившихъ почтовый транспортъ, слишкомъ во сто тысячъ рублей. Въ покорской глуши разбои на большихъ дорогахъ не утихали въ прежнее время, несмотря на замысло-

ватую систему дѣйствій, принятую противъ нихъ мѣстнымъ начальствомъ и основанную на морали одной изъ крыловскихъ басенъ:

Собаку ты хоть меньше бей,
Да краденый кусокъ ты отнимай у ней.

Навѣрное, нигдѣ совѣтъ баснописца не нашелъ такого обширнаго и постояннаго приложенія, какъ въ Покорской губерніи. Служители полицейскаго правосудія весьма скоро и искусно ловили здѣсь всякаго вора и мошенника; но все ихъ наказаніе ограничивалось лишеніемъ краденыхъ кусковъ. Впрочемъ, справедливость требуетъ сказать, что, вопреки баснописцу, каждый разъ послѣ такой исправительной мѣры, воры не только не переставали шалить; но еще примѣтно разширяли кругъ своихъ дѣйствій и производили свои подвиги гораздо смѣлѣе и открытѣе. Послѣ какого нибудь, слишкомъ уже шумнаго, дѣла, полиція снова снаряжалась на поиски, и въ теченіе этого времени все было смирно. Всѣ, кому была надобность разъѣзжать по губерніи, отдыхали: они ужъ отвели свой чередъ, теперь вмѣсто ихъ были на очереди постоянные домосѣды придорожныхъ деревень, въ которыхъ располагались чиновники, отправленные для отысканія мошенниковъ. Какъ только воры были отысканы, взяты и наказаны обычнымъ способомъ, тотчасъ опять начинались въ окрестностяхъ страшныя сказанія о вновь учиненныхъ грабительствахъ. Мѣстное начальство, однако, не унывало: оно все продолжало дѣйствовать по своей системѣ и въ самомъ дѣлѣ до того наконецъ стѣснило ею покорскихъ мошенниковъ, что они рѣшились напасть на почтовый транспортъ.... Тутъ уже и начальство призадумалось: исполнить по прежнему полезный совѣтъ басни казалось ему теперь какъ-то уже не совсѣмъ удобно. Дѣло было опасное и требовало другихъ мѣръ, при которыхъ бы краденый кусокъ самъ по себѣ былъ отнятъ, да кромѣ того и виновные все-таки были представлены. Рѣшились прибѣгнуть къ крайнему средству: командировать на слѣдствіе Щекоткина съ *строжайшимъ* предписаніемъ—«*немедленно* изловить разбойниковъ и отыскать украденныя деньги». Говоря съ такой рѣшительностью, достойною лучшихъ временъ Рима, мѣстное начальство показывало полную увѣренность въ своемъ могуществѣ. И,— что всего похвальнѣе, — увѣренность эта не была какимъ нибудь фанфаронствомъ, а имѣла твердое основаніе въ тысячахъ

прежнихъ опытовъ. Мѣстное начальство постоянно обращало особенное вниманіе на туземныхъ грабителей и мошенниковъ и всегда знало о покражѣ тотчасъ по ея совершеніи: до того хорошо ему знакомы были темные пути мошенническихъ продѣлокъ. Оно всегда было увѣрено, что если захочетъ, то всякаго мошенника сыщетъ, всякое воровство откроетъ. Оттого-то оно и пребывало постоянно въ величавомъ спокойствіи, которое иные, разумѣется, болѣе по неопытности и по непривычкѣ къ административнымъ вопросамъ, называли даже бездѣйствіемъ. Мѣстное покорское начальство подобно было скорѣе хозяину обширнаго садка, достающему оттуда рыбу, какую ему нужно,— нежели трепетному рыболову, отваживающемуся на невѣрные поиски въ неизвѣстныхъ пространствахъ. Въ дѣятельности его не было ничего судорожнаго, порывистаго; оно разсуждало, что суетиться много не изъ чего; мошенникъ во всякомъ случаѣ отъ нашихъ рукъ не уйдетъ и, рано или поздно, неправедно-пріобрѣтенное добро перейдетъ въ руки правосудія. Такимъ образомъ, вполнѣ сохраняя свое достоинство, мѣстное управленіе умѣло пользоваться всѣми выгодами своего положенія и при случаѣ «не ударить себя лицомъ въ грязь». Такъ рѣшилось оно отличиться и въ въ настоящемъ случаѣ, чтобы изумить высшее начальство своею дѣятельностью и распорядительностью. Для представленія означенныхъ качествъ въ наиболѣе яркомъ свѣтѣ не нашли никого лучше Александра Григорьича Щекоткина.

Отправился Александръ Григорьичъ на слѣдствіе съ полнымъ сохраненіемъ своего всегдашняго хладнокровія. Повидимому, все дѣло имѣло для него значеніе только въ томъ отношеніи, что дало поводъ отправить Ирину Ѳедоровну въ имѣніе исправника Житова—варенье варить. За то исправникъ находился совсѣмъ въ другомъ положеніи: грабительство произошло въ его уѣздѣ, и онъ, еще за два дня до назначенія Щекоткина на слѣдствіе, явился къ нему съ умильной физіономіей и имѣлъ съ нимъ какіе-то таинственные переговоры. Выходя отъ Александра Григорьича, исправникъ смотрѣлъ ему въ глаза съ особеннымъ, тоскливо-лакомымъ выраженіемъ....

— Такъ я буду надѣяться, Александръ Григорьичъ,—говорилъ Житовъ, что вы во всякомъ случаѣ....

— Я вамъ сказалъ, что ничего не могу сказать, возразилъ Щекоткинъ. Доставьте прежде всѣ свѣдѣнія, о которыхъ я

вамъ говорилъ. Иначе я принужденъ буду донести, что былъ совершенно лишенъ вашего содѣйствія.

— Помилуйте, Александръ Григорьичъ. На этотъ счетъ будьте ужь совершенно спокойны.... Я ничего не упущу, что отъ меня зависитъ.

— Да вѣдь я, батюшка, не первой годъ служу при губернаторѣ-то. Немножко еще пораньше васъ поступилъ.... такъ меня оплетать-то нечего. Я знаю, что всѣ воровскіе притоны-то у васъ вотъ — какъ на ладонкѣ. Я недавно еще вотъ Михайлу Александрычу говорилъ (Щекоткинъ заочно называлъ губернатора по имени), что въ Глухаревскомъ уѣздѣ стоитъ только захотѣть,—и завтра же всѣхъ воровъ переловимъ: такъ исправникъ тамъ заботится.... Онъ мнѣ и сказалъ, что, говоритъ, это хорошо, что такой исправникъ есть; всегда онъ для службы можетъ полезенъ быть своими свѣдѣніями. А то, говоритъ, что и держать на службѣ тунеядцевъ, отъ которыхъ, въ случаѣ надобности, ничего добиться нельзя. Михаилъ Александрычъ очень будетъ удивленъ, когда я ему скажу, что вы отказываетесь.

— Помилуйте Александръ Григорьичъ.... Какъ же это можно-съ? Я и не думалъ отказываться.... Я только имѣлъ честь вамъ доложить, что, можетъ быть, какая-нибудь случайность, что нибудь непредвидѣнное.... Бываютъ обстоятельства совершенно особенныя.

— Да, бываютъ, да не такія. Разумѣется, вотъ намеднись было дѣло, что у полицмейстера часы пропали, — и полиція не знала, куда они дѣвались. Искали цѣлую недѣлю, съ ногъ сбились, человѣкъ сорокъ въ острогъ посадили, — и все толку не было.... А потомъ самъ ужь Ѳедоръ Терентьичъ-то нашелъ ихъ у Глазицкой,—у младшей,—той, что горничныхъ-то играетъ. Онъ было на нее вскинулся,—гдѣ взяла? А она и припомнаетъ,—прошедшую пятницу, говоритъ, ночью пожаръ близко случился, такъ вы у меня второпяхъ-то ихъ и забыли.... Ну, такъ этакое дѣло—точно случайность. Ѳедоръ Терентьичъ и самъ это понялъ. Двумъ квартальнымъ велѣлъ было подавать въ отставку, а потомъ, какъ нашелъ свою пропажу, такъ и ихъ оставилъ опять. Но, чтобы почту разграбили случайно, — это, батюшка, ежели вы скажете,—такъ надъ вами куры насмѣются. Вы тамъ были въ это время и должны знать всю подноготную

А впрочемъ, я вѣдь это такъ.... Если вамъ трудно; такъ я и самъ все узнаю, безъ васъ.

— Нѣтъ-съ, я совсѣмъ не къ тому, Александръ Григорьичъ.... Какой же тутъ трудъ, помилуйте. Я даже считаю своимъ долгомъ. Я постараюсь завтра же вамъ доставить всѣ нужныя свѣдѣнія, только позвольте попросить и васъ.

— Да, если вы завтра прилете, такъ мы и увидимъ. Я тогда такъ и Михаилу Александрычу буду говорить.

На другой день глухаревскій исправникъ опять былъ у Щекоткина, и, вѣроятно, свѣдѣнія, принесенныя имъ, удовлетворили любезнательность Александра Григорьича, потому что, выходя отъ него, Житовъ говорилъ поздравительнымъ тономъ:

— Мое почтеніе, Александръ Григорьичъ. Такъ я уже буду надѣяться, что вы обратите вниманіе его превосходительства на мои старанія. Право, вы не повѣрите, чего это стоитъ. Вѣдь вотъ, какъ передъ Богомъ,—даже съ омерзѣніемъ смотришь на всю эту сволочь, а дѣлать нечего—бережешь и даже прикармливаешь ее, для пользы службы.... Вдругъ, пожалуй, какое-нибудь обстоятельство.... Изволите помнить, напримѣръ, исторію съ княгиней Ирбитовой?

— Да, разумѣется, кто же объ этомъ и говоритъ.... Съ тѣхъ поръ Михаилъ Александрычъ и обратилъ на васъ вниманіе. Эта старуха имѣла большую силу; она грозила, что и ему самому на мѣстѣ не усидѣть, если все, что у ней пропало, не отыщется.... А тутъ, какъ на другой день принесли ей все сполна, даже туфли ея старыя, что къ чемодану съ боку были привязаны, такъ она вѣдь надивиться не могла... Всѣмъ послѣ разсказывала о нашемъ порядкѣ.... За то Михаилъ Александрычъ и орденъ получилъ въ тотъ годъ.

— А вѣдь чего это стоило-съ. Въ туже ночь у купца чемоданъ отрѣзали, и я зналъ, что тѣже самые-съ.... Купецъ просто волосы на себѣ рвалъ, тамъ у него бумаги какія-то важныя были и денегъ много. Если бъ повести дѣло слѣдствіемъ, то, конечно, и то и другое можно бы отыскать. Но тутъ нужно было представить вещи княгини на другой день, слѣдовательно требовалось добровольное согласіе. А ати каналыи тотчасъ сообразили мое положеніе и согласились въ цѣлости возвратить княгинины вещи только подъ условіемъ, чтобы купца имъ предоставить. Что же дѣлать было-съ? Долгъ повиновенія начальству, разумѣется, прежде всего.... я долженъ былъ согласиться.... Хо-

рошо, что еще нашлась возможность тотчасъ удовлетворить требованіямъ его превосходительства.

— Ну, а потомъ вѣдь вы и купца вашего тоже успокоили. Знаемъ мы всю эту исторію.

— Только бумаги-съ, Александръ Григорьичъ,—только бумаги.... Болѣе ничего не могъ вытребовать.

— Да объ этомъ что толковать.... Дѣло прошлое. А теперь мнѣ собираться надо. Значитъ, я такъ и устрою, что вы тутъ почти въ сторонѣ будете....

— Да-съ.... т. е. Александръ Григорьичъ, вы изволили обѣщать, что его превосходительству....

— Михаилу Александрычу-то я представлю, что ваше содѣйствіе было мнѣ во многомъ полезно, и все тамъ, что нужно.... Это я сдѣлаю.... Такъ прощайте, пока. На слѣдствіи, вѣрно, увидимся.

Руководясь собранными отъ Житова свѣдѣніями, Щекоткинъ отправился прямо на постоялый дворъ, находившійся не далеко отъ того мѣста, гдѣ разбили почтовый транспортъ. Изслѣдованія его были непродолжительны. Только-что вошедши въ комнату, онъ потребовалъ къ себѣ хозяина и встрѣтилъ его такой рѣчью:

— Ты дуракъ, болванъ, скотина несмысленная.... Что на тебя смотрятъ сквозь пальцы, такъ ты думаешь, что ужь все можешь дѣлать. Ты не знаешь, что-ли, тварь ты поганая, что казна значитъ?... Да тутъ я тебя на вѣчную каторгу запрячу, каналью.... Носъ тебѣ оборву, уши обрѣжу, колесую тебя, нехристя.... Вишь,—задумалъ царскую казну воровать.... Да еще хуже, чѣмъ воровать: не тотъ воръ, кто воруетъ, а кто принимаетъ.... Не мимо пословица-то идетъ.

Слова Александра Григорьича звучали какой-то роковой рѣшимостью. Они выходили изъ устъ его ровно и мѣрно, и раздавались по комнатѣ, какъ-то назойливо врѣзываясь въ уши, точно звукъ дятла, долбящаго дерево.... Мужикъ не могъ не поддаться обаянію этого гремучаго звѣря, и началъ запираться очень слабо и нерѣшительно. Когда же Александръ Григорьичъ потребовалъ колодки, предварительно обѣщавъ прощеніе въ случаѣ откровенности,—мужикъ повинился во всемъ. Отъ него узналъ Щекоткинъ, что два отставныхъ солдата, двое бѣглыхъ изъ некрутовъ, да одинъ молодой бобыль изъ сосѣдняго села давно уже держали у него притонъ и прятали до времени свои

ночныя пріобрѣтенія. Къ нему же пришли они и въ ту ночь, какъ почта была разграблена. Сначала они выслали хозяина вонъ и принялись считать деньги; но онъ подсматривалъ за ними изъ окна и видѣлъ, что они насчитали денегъ тысячъ десять, а потомъ онъ подслушалъ, что они гдѣ-то еще спрятали большія деньги.... Пересчитавши деньги, мошенники позвали хозяина и принялись пить, расплачиваясь очень щедро. На другой день они ушли, на этотъ разъ ничего не оставивши у хозяина. Выслушавши признанія мужика, Щекоткинъ сказалъ только: «Єказки!.. слыхали мы это»,—и велѣлъ дѣлать обыскъ. Пока сотскій съ понятыми рылись въ разныхъ углахъ, самъ Александръ Григорьичъ полѣзъ въ подпечку и началъ тамъ разбрасывать дрова, кирпичи, черепки, негодныя онучи и всякій хламъ. Видя, что азіятъ упорно продолжаетъ свои розысканія и уже добрался до груды черепковъ, засыпанныхъ золою и дресвою и бывшихъ сверху заваленными всякой дрянью, хозяинъ сказалъ, что вспомнилъ еще что-то и хочетъ сообщить слѣдователю. Александръ Григорьичъ велѣлъ всѣмъ идти вонъ, и, оставшись съ мужикомъ наединѣ, снова началъ допросъ, продолжая разрывать черепки въ подпечкѣ. Хозяинъ признался, что точно получилъ пять тысячъ отъ мошенниковъ, за молчаніе и укрывательство и просилъ оставить ему *хоть половинку*, обѣщая за то показать, что они принесли домой всего 90 тысячъ, а еще мѣшокъ съ десятью тысячами обронили на дорогѣ. Щекоткинъ принялъ предложеніе съ равнодушіемъ человѣка, смотрящаго на хлѣбъ послѣ сытнаго обѣда. Онъ *исторгъ* у мужика показаніе, что часть денегъ спрятана у него на дворѣ, въ сусѣкѣ, а большая часть — тысячъ около 60 — гдѣ-то въ лѣсу; но гдѣ именно,—мужикъ не зналъ, а совѣтовалъ скорѣе захватить одного изъ бѣглыхъ некрутовъ, который теперь живетъ въ выселкахъ, версты за три отъ постоялаго двора, съ одной вдовою — солдаткой. Узнавши все, что было нужно, Щекоткинъ вытащилъ наконецъ изъ подпечки казанокъ, въ которомъ сверху было серебро, а внизу оказалось золото.

— Ты получилъ это затѣмъ, чтобы молчать обо всемъ, — спросилъ онъ у мужика.

— Виноватъ, батюшка, Богъ попуталъ.... я, батюшка, ужь ничего въ противность вамъ не покажу, — только оставьте меня, батюшка ... А то, вотъ сейчасъ Богу душу отдать, одно только разоренье отъ нихъ, отъ мошенниковъ; одного вина сколь-

ко, проклятые, выпьютъ, да еще сколько поразнымъ дѣламъ съ ними израсходуешь.... Смилуйтесь, батюшка, — оставьте хоша сколько нибудь бѣдному человѣку.... Все одно, — что нищему подать.

— А вотъ я тебѣ, каналья, подамъ.... Ты меня подкупить, что-ли, хочешь? Такъ я вѣдь не то, что ты.... Ты вотъ взялъ деньги, чтобы молчать, а самъ все разболталъ. Я зналъ все прежде, чѣмъ сюда пріѣхалъ. За что жь тебѣ и деньги-то?... А показанія твои завтра еще будутъ снова отобраны и записаны судебнымъ порядкомъ. За твое чистосердечное признаніе я скажу, пожалуй, завтра, чтобъ тебя судили по неопытности и соучастія твоего не записывали.... А коли самъ хочешь показать, что покорыствовался, такъ ужь тамъ какъ знаешь.... Не моя будетъ вина.

Произнесши такую резонную рѣчь, Александръ Григорьичъ отправился съ казанкомъ въ отведенную ему комнатку, находившуюся возлѣ избы, гдѣ происходилъ обыскъ и допросъ, минуты черезъ двѣ возвратился оттуда, заперъ комнатку и кликнулъ народъ въ окошко. Щекоткинъ объявилъ торжественно, что воры найдены и деньги также, и велѣлъ связанному хозяину вести ихъ въ амбаръ. Тамъ, дѣйствительно, найдены были въ сусѣкѣ мѣшки съ деньгами, которыя были Щекоткинымъ публично пересчитаны. Оказалось, что тутъ лежало сорокъ тысячъ. Объ остальныхъ нужно было допросить самихъ мошенниковъ. За однимъ изъ нихъ, по указанію хозяина постоялаго двора, немедленно отправленъ былъ чиновникъ, присланный вмѣстѣ съ Щекоткинымъ, для помощи ему при изслѣдованіи дѣла. Отыскать другихъ долженъ былъ становой. Между тѣмъ самъ Александръ Григорьичъ парядилъ цѣлое село—оцѣпить опушку лѣса между постоялымъ дворомъ и мѣстомъ, гдѣ почта была разбита,—и велѣлъ осматривать землю около каждаго дерева и искать на деревьяхъ, нѣтъ ли какой-нибудь замѣтки. Поиски еще продолжались, когда чиновникъ привезъ сюда некрута, подъ хмѣлькомъ, только-что вырваннаго изъ нѣжныхъ объятій вдовы—солдатки.... Щекоткинъ тутъ же, на мѣстѣ принялся его допрашивать, а мужики той порой все продолжали искать замѣтки.

— Глядь-ко, Ванюха, говорилъ одинъ, указывая какую-то царапину на одной соснѣ: — никакъ замѣтка?

— Котора?

— Да вонъ ефта.

— Которо мѣсто?

— Эхъ, парень, подыми глаза-ти, повыше-ти маненько...

— Ефта, что ли, спрашивалъ Ванюха, указывая заступомъ на царапину.

— Она и есть....

— А и то, кажись, замѣтка....

Доложили Александру Григорьичу; тотъ приказалъ рыть.... Мужики рыли около получаса и ничего не могли дорыться. Вдругъ раздается крикъ изъ другаго мѣста:

— Это вы чего вы тамъ копаѣте? Вотъ гдѣ замѣтка...

— Замѣтка.... и тутъ у насъ замѣтка на деревѣ, да толку-то мало....

— Что тамъ у васъ за замѣтка?.. и рослый мужикъ приближается къ мѣсту работы.

— Вонъ, погляди....

Мужикъ вглядывается въ царапину и наконецъ кричитъ:

— Коего праха тутъ вы ищете? Это какъ я давеча мимо проходилъ, такъ заступомъ ударилъ по соснѣ, вотъ она и есть царапина....

Вишь ты, сказали мужички, а мы думали, что тутъ замѣтка.... И всѣ медленно оставили работу и, окруживъ дерево, принялись разсуждать о царапинѣ, введшей ихъ въ заблужденіе....

— И то парень, говоритъ одинъ: — царапина-то заступомъ сдѣлана. Такъ,—какъ есть заступъ.

— И заступъ-отъ Васюхинъ, замѣчалъ другой: —смотри-ко, такъ и отпечатался.

— Эко диво, разсуждалъ третій:—не запримѣтили мы давича, что рана-то совсѣмъ свѣжая.

— Да и земля-то не перерыта, прибавлялъ четвертый.

— А я только что не сказалъ, дополнилъ пятый: — а то самъ я эту сосну еще давеча запримѣтилъ: какъ мы пришли съ первоначалу-то, такъ на ней тутъ чисто было, никакого знака не было....

Разсужденія эти, вѣроятно, продолжались бы еще долго, но Александръ Григорьичъ прервалъ ихъ вопросомъ объ успѣхѣ работы. Ему объяснили, что замѣтка, найденная ими — не замѣтка, а такъ, Васюха заступомъ сдѣлалъ, и что замѣтка отыскана на другомъ деревѣ. Отправились туда копать.... Че-

резъ полчаса и оттуда воротились безъ успѣха: предполагаемая замѣтка состояла въ томъ, что у одной березы сучья были съ одной стороны обломаны; но двое стариковъ, помучась надъ работой съ полчаса, вдругъ вспомнили, что эти сучья ужь два года какъ обломаны. Осмотръ дерева убѣдилъ, что обломъ, дѣйствительно, давнишній.... Опять принялись искать....

Между тѣмъ Александръ Григорьичъ сильно прижалъ рекрута, крѣпко связаннаго и стоявшаго передъ нимъ уже часа два. Молодой шалунъ не былъ упорнымъ злодѣемъ, и теперь находился въ такомъ состояніи, что хотѣлъ только, чтобы его оставили въ покоѣ. Уже нѣсколько разъ просилъ онъ своего мучителя отпустить душу на покаяніе, отложить допросъ до завтра.... Азіятъ былъ непреклоненъ и хлестко билъ въ уши хмѣльнаго и разнѣженнаго рекрута своей дубоватой рѣчью, безпрестанно требуя отъ него отвѣтовъ. Такое состояніе казалось молодому рекруту хуже всякой пытки и казни; онъ потерялъ рѣшительно всякое сознаніе о томъ, что съ нимъ можетъ быть впослѣдствіи, и чувствовалъ только невыносимую тяжесть настоящаго своего положенія. Нѣсколько времени онъ еще крѣпился, но наконецъ рѣшился отдѣлаться отъ невыносимаго допроса, разомъ покончивъ все дѣло. Онъ указалъ на срубленную березу, лежавшую между двумя толстыми соснами, возлѣ которыхъ стоялъ Щекоткинъ, и объявилъ, что деньги тутъ.... Тотчасъ начали рыть и вырыли пять мѣшковъ, въ которыхъ, оказалось пятьдесятъ тысячъ. Выговоривши свое признаніе, рекрутъ сдѣлался вдругъ спокойнѣе и даже веселѣе, точно какая тяжесть свалилась съ него. Но когда деньги были вырыты, въ немъ внезапно явилась какая-то дикая энергія; онъ ударился головой о дерево, потомъ упалъ на землю и глухо зарыдалъ. Когда его подняли и посадили на телегу, чтобъ вести въ деревню, онъ принялся страшно проклинать свое малодушіе, удивляясь дьявольскому навожденію, которое могло такъ его отуманить. За то Александръ Григорьичъ былъ вполнѣ доволенъ собою и хрюкалъ носомъ чаще и громче обыкновеннаго.

На другой день привезли и остальныхъ участниковъ грабежа. Становой представилъ тысячи три денегъ, у нихъ отобранныхъ; но этого было мало: по разсчетамъ Щекоткина, тутъ недоставало еще тысячъ восьми. Начались опять грозные допросы. Мошенники съ перваго разу во всемъ повинились и объявили, что они успѣли истратить всего пятьсотъ рублей, да тысячу

дали, до окончательнаго раздѣла, молодому рекруту, который, не хотѣлъ кутить съ ними, а отправился къ своей вдовѣ. Немедленно нарядили обыскъ въ ея домѣ, а рекрута принялись допрашивать. Но тутъ уже и могучій голосъ Щекоткина не помогъ: молодой негодяй, съ изумительнымъ упрямствомъ, въ теченіе цѣлаго дня, отказывался объявить, гдѣ спрятаны деньги, полученныя имъ отъ товарищей. Между тѣмъ къ вечеру, обыскъ возвратился изъ дома вдовы, объявивъ, что ничего не найдено. Александръ Григорьичъ велѣлъ было немедленно взять самоё вдову въ колодки, но потомъ вдругъ одумался и самъ поскакалъ къ ней въ домъ, чтобы ее допросить хорошенько. Но оказалось, что это вовсе не нужно: Щекоткинъ съ своими провожатыми застали солдатку за работой: напуганная обыскомъ, она вырывала деньги изъ подъ крылечка, чтобы запрятать ихъ куда нибудь подальше. Поспѣшность слѣдователя предупредила ея излишнюю предусмотрительность, — и солдатка, какъ участница въ преступленіи, была взята подъ караулъ, лишенная плодовъ своего злодѣянія. По возвращеніи въ село, Александръ Григорьичъ обратился опять къ допросу пятерыхъ злодѣевъ и выказалъ необычайное искусство въ своемъ дѣлѣ. Первый допросъ запуталъ кругомъ становаго, доказавши, что онъ утаилъ часть денегъ, отобранныхъ у воровъ; становой сконфузился и явился къ Щекоткину для особенныхъ объясненій. По окончаніи объясненій, опять пошелъ допросъ, и показанія мошенниковъ начали сбиваться и противорѣчить другъ другу... Еще болѣе запутывалось дѣло показаніями сотни постороннихъ свидѣтелей. Щекоткинъ, отыскавшій деньги, хлопоталъ уже теперь о карѣ преступленія и велѣлъ забирать всѣхъ, прикосновенныхъ къ дѣлу. Взяты были такимъ образомъ, родные мошенниковъ, всѣ, кто когда нибудь бывалъ у вдовы-солдатки, всѣ, когда нибудь видѣвшіе мошенниковъ на постояломъ дворѣ, цѣловальники всѣхъ кабаковъ, гдѣ пили злодѣи, всѣ тѣ, кого они встрѣчали въ кабакахъ, у кого что нибудь купили, у кого спросили о дорогѣ, и т. п. Набралось всего человѣкъ полтораста. Противорѣчія показаній были неслыханныя.

— Гдѣ ты купилъ это кольцо серебрянное, спрашивали рекрута.

— На ярмаркѣ, въ Гремячихѣ.

— У кого?

— У Григорья Парамонова.

Брали Григорья Парамонова. Тотъ клялся и божился, что знать не знаетъ ничего. Обращались опять къ преступнику съ вопросомъ, кто видѣлъ, что онъ купилъ кольцо у Парамонова... Да староста самъ видѣлъ, отвѣчалъ рекрутъ. Посылали за старостой. Тотъ говорилъ, что не помнитъ, но при очной ставкѣ припоминалъ, что точно видѣлъ рекрута на ярмаркѣ. Григорій Парамоновъ признавался.... Далѣе шла рѣчь о цѣнѣ. Мошенникъ говорилъ, что заплатилъ за кольцо цѣловый, а продавецъ клялся, что взялъ только шесть гривенъ. Разнорѣчіе записывали съ замѣчаніемъ, что кольцо и шести гривенъ не стоитъ, и что мошенникъ явно вретъ, чтобы умепьшить преступленіе и скрыть свою скверную расточительность, показывая издержки болѣе благопристойныя. Замѣчаніе это подтверждалось посголовно дальнѣйшими допросами. Когда дѣло дошло до кабачка, въ которомъ пили мошенники; то они показали, что всего-то роспили тамъ полштофа. Но свидѣтели показали, что видѣли, какъ одинъ изъ воровъ, бросилъ цѣловальнику цѣловый, не требуя сдачи. Цѣловальникъ, призванный для разрѣшенія противорѣчія, показалъ, что, дѣйствительно, четверо мошенниковъ выпили у него на цѣловый, т. е. три полштофа, при которыхъ и закуски требовали. Здѣсь уже явно видѣнъ былъ умыселъ злодѣевъ скрыть свое преступное мотовство и оставить слѣдователей въ недоумѣніи на счетъ затраты денегъ, которыхъ все-таки еще много недоставало до полной суммы.... Для возвращенія казенныхъ суммъ отовсюду, откуда только было возможно, приняты были всѣ мѣры. Григорья Парамонова заставили возвратить рубль, сообразно показанію рекрута; а потомъ посадили подъ караулъ, вмѣстѣ съ другими, за сношенія съ преступниками, и взяли пять рублей штрафа за то, что учинилъ противозаконную продажу разбойнику, котораго долженъ былъ бы схватить на мѣстѣ и немедленно предать въ руки правосудія. Черезъ нѣсколько дней Парамонова выпустили, но не ранѣе, какъ онъ оставилъ двадцать пять рублей въ рукахъ слѣдователя, для удостовѣренія, что никуда не убѣжитъ, и явится къ допросу по первому востребованію. На тѣхъ же основаніяхъ, послѣ предварительныхъ контрибуцій отпущены были и цѣловальники и другіе податные люди, захваченные по подозрѣнію въ прикосновенности къ дѣлу. Вся исторія продолжалась недѣли три. Наконецъ Александръ Григорьичъ приготовился къ послѣднему, рѣшительному допросу. Онъ не спалъ

почти цѣлую ночь, потомъ, прогулявшись поутру, занялся пересмотромъ всѣхъ допросныхъ показаній, пообѣдалъ весьма рано и улегся спать. Спалъ онъ часовъ семнадцать. Около десяти часовъ утра, проснулся онъ, напился чаю и немножко послѣ полудня, принялся за допросъ. Всѣ злодѣи стояли передъ нимъ посреди комнаты, связанные. Допрашивалъ, онъ ихъ весь тотъ день, до вечера, допрашивалъ всю ночь, до самаго утра; допрашивалъ на слѣдующій день съ утра до поздняго вечера.... Тридцать два часа простояли предъ нимъ преступники ни разу не присаживаясь, ни на что не опираясь, кромѣ какъ другъ на друга. Долго крѣпились они и все твердили свое, что они изъ всѣхъ денегъ всего только сотъ пять истратили, да пять тысячъ хозяину постоялаго двора дали, но наконецъ всѣ умаялись, и, оставивъ упрямство свое, единодушно, одинъ за другимъ, показали все, чего добивался Александръ Григорьичъ. Оказалось, что злодѣи, по совершеніи преступленія, кутили страшно и сыпали деньги направо и налѣво, не считая. За каждую вещь платили они вдесятеро противъ настоящей цѣны, и кромѣ того, просто теряли еще больше денегъ, чѣмъ тратили. По ихъ собственнымъ припоминаніямъ, прокутили они такимъ образомъ денегъ въ одну недѣлю около семи тысячъ: цифра эта какъ разъ совпадала съ суммой, которой въ отысканныхъ деньгахъ недоставало до ихъ настоящаго количества, отправленнаго съ транспортомъ. Такимъ образомъ все было приведено въ ясность. Неутомимость и дѣятельность мѣстнаго начальства торжествовала въ лицѣ Щекоткина, который на другой же день составилъ объ успѣшномъ окончаніи слѣдствія донесеніе, полное величаваго спокойствія и вмѣстѣ съ тѣмъ благородной гордости и сознанія своего собственнаго достоинства. По его словамъ, пойманные имъ разбойники были закоренѣлые злодѣи, давно уже укрывавшіеся отъ бдительности полиціи; но при существующемъ порядкѣ управленія, они не смѣли и думать о нападеніи на казенный транспортъ, и все случившееся произошло единственно отъ недоразумѣнія. Разбойники думали, что ѣдетъ какой-нибудь богатый купецъ въ дилижансѣ, при которомъ только и были — мальчишка-ямщикъ, кондукторъ, да еще одинъ провожатый, сидѣвшій внутри кареты. Остановили лошадей, свалили на земь ямщика, бросились внутрь кареты,—но тамъ уже никого не было: провожатый, равно какъ и кондукторъ, обратились въ бѣгство. Ночь была еще въ началѣ, лѣсъ возлѣ, вблизи ни одной деревеньки, и мошенники совер-

менно безопасно могли разобрать все добро, которымъ нагружена была карета. Но когда они увидѣли, что тутъ все деньги и догадались, что деньги казенныя, то, по собственному ихъ признанію, голова у нихъ закружилась и руки затряслись отъ страха. Они пустились бѣжать, точно ихъ гналъ кто-нибудь, — да ужь пробѣжавши—такъ шаговъ двѣсти,—опомнились они и остановились. Начали разсуждать они, и словно какъ будто жалко имъ стало даромъ оставить такое сокровище. Хоть бы одинъ мѣшочекъ утащить, порѣшили они, и побѣжали назадъ. Ну, а какъ подошли къ каретѣ-то, да увидѣли, что возлѣ нея никого нѣтъ и даже мальчишка-ямщикъ, отпрягши лошадей, куда-то скрылся; то ужь какъ-то лукавый и совсѣмъ ихъ попуталъ: вмѣсто однаго-то мѣшечка, рѣшились они забрать ужь лучше все, что только можно. Такъ разсказывали преступники и разсказъ ихъ подробно прописанъ былъ въ донесеніи Александра Григорьича, находившаго, впрочемъ, въ семъ вымыслѣ новое доказательство преступной опытности и изобрѣтательности закоренѣлыхъ злодѣевъ. «Только неусыпная моя дѣятельность и опытность въ подобныхъ дѣлахъ, заключалъ Щекоткинъ, только самыя очевидныя свидѣтельства и соображенія относительно преступленія, и наконецъ мѣры благоразумной кротости, состоявшія въ строгосообразномъ и обдуманномъ увѣщаніи и разговорѣ съ разбойниками, продолжавшемся болѣе 30 часовъ сряду, могли наконецъ подѣйствовать на огрубѣлыя въ преступленіи сердца ихъ и привести къ полному сознанію въ преступленіи, съ объясненіемъ всѣхъ его причинъ и обстоятельствъ. Донося о семъ вашему превосходительству, священнымъ долгомъ почитаю обратить вниманіе вашего превосходительства на то обстоятельство, что вся почти пропавшая сумма, именно 94,483 р. 75 копѣекъ сер. отыскана мною, и такимъ образомъ сдѣланъ казнѣ значительный и явный прибытокъ; — о растратѣ же преступниками остальной суммы 7,512 р. 25 копѣекъ имѣются подробныя свѣдѣнія.»

Донесеніе было принято, разумѣется, съ особеннымъ благоволеніемъ и послужило основаніемъ для распоряженій, которыми мѣстное начальство справедливо покарало порокъ и наградило добродѣтель. Лучшая награда досталась, по всей справедливости, Щекоткину, который «за пріобрѣтеніе для казны столь значительной суммы денегъ и за приведеніе кроткими мѣрами закоренѣлыхъ разбойниковъ къ полному сознанію и чистосердечному раскаянію, на основаніи такой-то статьи статута объ орденѣ

св. Владиміра, представленъ къ награжденію симъ орденомъ 4-й степени для ношенія въ петлицѣ.»

Но, не смотря на очевидность заслугъ Щекоткина общему дѣлу, нашлись клеветники, увѣрявшіе, что онъ остался не совсѣмъ чистъ въ этомъ дѣлѣ. Одинъ изъ самыхъ усердныхъ распространителей такой клеветы былъ становой, посыланный для поимки преступниковъ; ему помогали—глухаревскій исправникъ и чиновникъ, бывшій на слѣдствіи вмѣстѣ со Щекоткинымъ, въ качествѣ его помощника. Общественное мнѣніе давно не любило Александра Григорьевича за его «азіятство», и потому обрадовалось новому, неблагопріятному для него, слуху. Разсказывали вещи несбыточныя, разсказывали и анекдоты, имѣвшіе всѣ признаки исторической истины, но тѣмъ не менѣе ложные. Говорили напримѣръ, что первыя показанія разбойниковъ о пяти тысячахъ, данныхъ хозяину постоялаго двора, какъ-то проходили каждый разъ незамѣченными, и что хозяинъ ни разу на этотъ счетъ допрашиванъ не былъ. Слухъ этотъ явно противорѣчилъ оффиціальнымъ даннымъ, сообщеннымъ Александромъ Григорьичемъ; тамъ именно было указано, что при повальномъ обыскѣ означенныхъ пяти тысячъ найдено не было и сами преступники потомъ сознались, что показывали такъ, единственно желая прикрыть свою распутную расточительность. Тѣмъ не менѣе многіе вѣрили слуху и придавали ему большое значеніе. Дошло до того, что самъ губернаторъ разъ, по окончаніи какого-то доклада, сказалъ Александру Григорьичу:

— Что это, Александръ Григорьичъ, тутъ идетъ слухъ о какихъ-то еще пяти тысячахъ, которыя еще найдены были или могли найтись у содержателя постоялаго двора?

— Объ этомъ обо всемъ я имѣлъ ужь честь доносить вашему превосходительству, угрюмо отвѣчалъ азіятъ.

— Но это обстоятельство какъ-то не совсѣмъ уяснено, снова замѣтилъ его превосходительство.

— Да вы, ваше превосходительство, читали донесенія-то мои, или нѣтъ, рѣзко спросилъ Щекоткинъ,—и тотчасъ же продолжалъ: какъ же не уяснено, когда точный итогъ подведенъ. Изъ 102 тысячъ почти 95 возвращены, а о растратѣ семи тысячъ—именныя свидѣтельства полутораста человѣкъ и собственныя признанія преступниковъ приведены. Какія-жь тутъ еще пять тысячъ, ваше превосходительство?

— Да, но... т. е. я хотѣлъ сказать, что дѣло относительно

содержателя постоялаго двора не ясно представлено, возразилъ губернаторъ, уже тономъ ниже.

— Да этотъ содержатель просто дуракъ, ваше превосходительство, котораго выпороть слѣдуетъ — больше ничего. Ему, я думаю, и во снѣ не снились пять-то тысячъ,—не то, что на яву. Впрочемъ, если вашему превосходительству не угодно цѣнить мое усердіе, то не угодно ли новое слѣдствіе нарядить?

— Я не знаю... т. е. если этого потребуютъ обстоятельства, отвѣчалъ начальникъ, уже чрезвычайно перѣшительно, какъ бы преклоняясь предъ избыткомъ энергіи подчиненнаго.

— А я, нужно вамъ сказать откровенно, ваше превосходительство, сдѣлалъ здѣсь то, чего бы никто другой не сдѣлалъ. Я посѣдѣлъ и похудѣлъ въ этотъ мѣсяцъ, ваше превосходительство. Я даже и послѣ окончанія допросовъ и отправленія сюда послѣднихъ донесеній, все заботился о дѣлѣ. Но больше ничего нельзя было сдѣлать. Все, что мнѣ удалось, это — открыть еще пятьсотъ рублей въ щели, между лавкой и стѣной, въ одномъ домѣ, гдѣ мошенники ночевали и, вѣрно, обронили пачку ассигнацій. Ихъ я вашему превосходительству представлю сегодня же; теперь же хотѣлъ только спросить,—при рапортѣ ихъ представить, или такъ?

— При рапортѣ, конечно—при рапортѣ; какъ же иначе?

— Собственно, дѣло-то вѣдь теперь ужь кончено и вами отослано; такъ я думалъ, что, можетъ быть, это еще подастъ поводъ къ какимъ нибудь придиркамъ.

— Нѣтъ-съ, ничего, — отвѣчалъ Михаилъ Александровичъ, уже совершенно ласково,—можно дополнительный рапортъ на мое имя сдѣлать. Еще лучше: это именно покажетъ, что неусыпная ваша заботливость не прекращается....

И служители правосудія разстались друзьями. Замыслы недоброжелателей — повредить Щекоткину въ служебномъ отношеніи — не удались.

Не болѣе успѣха имѣли коварныя посягательства на разстройство семейной жизни Александра Григорьевича. Цѣломудренныя старыя дѣвы десятками ходили къ Ириѣ Ѳедоровнѣ, возвратившейся между тѣмъ изъ окрестностей Глухарева съ нѣсколькими возами всякаго варенья и соленья,—и на ухо пересказывали ей подъ секретомъ, краснѣя отъ стыда и негодованія, то, что цѣлый городъ трубитъ. Городъ трубилъ, видите,—будто Александръ Григорьевичъ допросы молодыхъ бабъ подводилъ

всегда къ вечеру и потомъ оставлялъ ихъ до утра подъ стражей въ избѣ постоялаго двора, смежной съ его собственной комнатой. Далѣе цѣломудренныя дѣвы не разсказывали, а прибавляли только, что вчера, или на дняхъ, «сама уже, матушка Ирина Ѳедоровна,—слышала отъ одной бабы... Приходила къ намъ съ холстомъ, такъ просто слушать мерзко, какъ онъ надъ ней безстыдничалъ. За то только и выпустилъ»... и т. п.

Щекоткину удалось застать одну изъ первыхъ вѣстовщицъ, пришедшихъ къ его женѣ, въ самомъ жару разсказа. Ирина Ѳедоровна тутъ же обратилась къ нему съ упреками; дѣва, хотя особа почтенная, тетка губернскаго прокурора и внучатная сестра старшаго совѣтника губернскаго правленія,—сильно однако же струсила, зная нравъ «азіята», и старалась умѣрить гнѣвные порывы Ирины Ѳедоровны, приговаривая, что это все вѣдь люди говорятъ, а, можетъ быть, это все злые люди и нарочно выдумали. Такая уловка только повредила; Ирина Ѳедоровна тотчасъ вскипѣла: какъ люди говорили? да не сами ли вы сказали, что баба съ холстомъ сама вамъ разсказывала, какъ.. И пошло подробное изложеніе обвинительныхъ пунктовъ противъ мужа. Александръ Григорьевичъ не долго думалъ... Онъ велѣлъ женѣ замолчать, и потомъ грозно и рѣшительно, хотя совершенно хладнокровно сказалъ старой дѣвѣ:

— Любите, матушка, языкъ-то почесать; только не расчешите, чтобы больно не было. Чѣмъ этакую-то мерзость врать, вы лучше приведите-ко сюда бабу-то эту; тогда мы и посмотримъ... Слышите? Иначе и не смѣйте къ намъ являться, какъ вмѣстѣ съ бабой,—да при мнѣ.... А коли еще разъ однѣ пожалуете, такъ и дверей у меня не найдете, — черезъ окошко домой отправитесь... Ступайте же скорѣе, — отыскивайте свою бабу.

Выговоривъ это, азіатъ неподвижно уставился на смущенную дѣву, которая въ такомъ необычайномъ случаѣ, сочла за самое приличное — заплакать и, произнесши нѣсколько жалобныхъ словъ, прерываемыхъ рыданіями и всхлипываньями, —отправиться во своясы. Послѣ ея ухода, Ирина Ѳедоровна продолжала еще нѣкоторыя демонстраціи мужу, но онъ уже не обратилъ на нихъ ни малѣйшаго вниманія.

Мѣсяца два неблагонамѣренные толки на счетъ Щекоткина были неугомонны. Но навѣрное никто ничего не могъ сказать, и, надобно отдать честь осторожности покорскихъ гражданъ,—

всѣ они ругали азіята, только за глаза,—въ непосредственныхъ же сношеніяхъ съ нимъ выказывали прежнее уваженіе и съ довѣрчивымъ вниманіемъ выслушивали его собственный разсказъ о совершенныхъ имъ подвигахъ. Правда, что и Александръ Григорьевичъ велъ себя примѣрно: онъ подхватывалъ малѣйшій намекъ, неблагопріятный для себя, съ благороднымъ прямодушіемъ и рѣзкостью тона выводилъ наружу тайную мысль своего собесѣдника и начиналъ опровергать ее положительными фактами, заимствованными изъ офиціальныхъ данныхъ или основанными на собственномъ авторитетѣ непоколебимаго азіята. На всякое—«говорятъ»,—онъ возражалъ съ гордымъ сознаніемъ собственнаго достоинства: «да что говорятъ, вы мнѣ повѣрьте; я-то вѣдь ужь лучше знаю все это дѣло; оно все черезъ мои руки шло. Такъ кому лучше знать-то, мнѣ или какому нибудь Петру Васильичу, который ни разу и на слѣдствіи-то не бывалъ?» Противъ такихъ резоновъ спорить было нельзя, и коварный изобрѣтатель намека всегда оставался посрамленнымъ.

Толки возобновились, съ большимъ еще ожесточеніемъ, тогда, когда Александръ Григорьевичъ явился въ первый разъ предъ покорскимъ обществомъ съ Владиміромъ въ петличкѣ. Со времени происшествія прошло болѣе полугода, и, какъ всегда, отдаленность времени придала всему происшествію колоритъ нѣсколько фантастическій. Въ легендѣ, сочиненной объ отысканіи денегъ, Щекоткинъ являлся какимъ-то Аттилой, съ прибавленіемъ утонченныхъ продѣлокъ подъячества. Говорили, что Щекоткинъ возилъ по цѣлому уѣзду, точно мертвое тѣло, своего писаря подъ именемъ кондуктора, бывшаго при почтѣ; въ каждомъ селѣ созывалъ сходку, ставилъ всѣхъ крестьянъ въ рядъ и заставлялъ кондуктора, проходя по рядамъ, узнавать, кто изъ крестьянъ былъ въ числѣ разбойниковъ. Писарь говорилъ, что какъ будто признаетъ человѣкъ двухъ, трехъ, что чуть ли самъ староста не былъ въ ихъ числѣ, но что окончательно онъ можетъ сказать это только послѣ ночнаго осмотра, такъ какъ лица днемъ нѣсколько иначе кажутся, чѣмъ ночью. Назначался ночной смотръ и мужики оставались въ недоумѣніи, на кого же падетъ грозное обвиненіе. Подъ вечеръ являлся староста съ поклономъ, что, дескать, нельзя ли, батюшка, ослободить. Слѣдователь говорилъ, что, пожалуй, и можно, ежели согласятся мужички внести часть разграбленныхъ денегъ въ казну государеву. Мужички соглашались, и тутъ, смотря по достатку села, наклады-

валъ на нихъ Александръ Григорьевичъ то по четвертачку, то по три гривенничка, а гдѣ и по полтинничку съ души. Да такъ-то шестьдесятъ тысячъ душъ объѣздилъ, прибавляли разскащики (а иные говорили и 80, нѣкоторые даже до 100 доходили); такъ посудите сами, хоть по четвертаку, такъ 60 тысячъ четвертаковъ вѣдь это пятнадцать тысячъ. Никто не возражалъ противъ этихъ разсказовъ, хотя всѣ почти знали, что Щекоткину не было времени для подобной продѣлки и,—главное,—что она съ успѣхомъ совершена была другимъ, еще лѣтъ за десять до исторіи съ почтой. Но Щекоткинъ былъ теперь героемъ современности, и къ нему, какъ всегда бываетъ въ народныхъ преданіяхъ, относили большую часть даже и тѣхъ подвиговъ, о которыхъ было достовѣрно извѣстно, что они совершены другими.

Случалось иногда, въ первую пору всеобщаго движенія языковъ, что Александръ Григорьевичъ внезапно появлялся въ томъ самомъ обществѣ, гдѣ шелъ ожесточенный разсказъ о его злодѣяніяхъ. Тогда, разумѣется, всѣ окружали его и начинали привѣтливо поздравлять съ монаршей милостью; разсказъ прекращался самъ собою. Развѣ только иной вѣжливый хозяинъ снова заводилъ разговоръ: а мы вотъ только сейчасъ говорили о вашей исторіи, Александръ Григорьевичъ. Въ отвѣтъ на это, Александръ Григорьевичъ хрюкалъ и молча устремлялъ на хозяина свои безстрастные взоры. Если его просили, то онъ самъ начиналъ разсказывать о своихъ подвигахъ, съ такимъ видомъ, какъ будто бы читалъ протоколъ о дѣлѣ, совершенно для него постороннемъ,—ровно, спокойно, безъ малѣйшей аффектаціи, словомъ какъ дьякъ, въ приказахъ посѣдѣлый. Не нужно прибавлять, что его разсказъ отличался офиціальной точностью и достовѣрностью, хотя слушатели, по выходѣ его, и говорили съ чувствомъ благороднаго негодованія: вотъ мерзавецъ-то! Вретъ и не краснѣетъ!..

Но не отъ рѣчей людскихъ, пустыхъ и неосновательныхъ, зависитъ благоденствіе человѣка,—справедливо замѣчаютъ практическіе люди. Несмотря на всеобщее противъ себя озлобленіе, Александръ Григорьевичъ въ томъ же году весьма выгодно купилъ одно, продававшееся по случаю имѣніе, душъ около 200, пользуясь правомъ, которое давала ему четвертая степень Владиміра. Снова поднялись вопли озлобленія, снова перебрали всю прошедшую жизнь Александра Григорьевича и разобрали даже жизнь и дѣянія его родителя Григорія Петровича, добрались

даже до его дѣдушки, но, къ счастію его старческаго праха, въ Покорскѣ не отыскалось человѣка, который бы могъ сказать не a priori, что у Александра Григорьевича былъ какой нибудь дѣдушка. По здравому смыслу, таковое невѣжество должно бы, конечно, упасть на главу самихъ же покорскихъ гражданъ и покрыть ихъ посрамленіемъ; но нашлись искусники, умѣвшіе доказать всему городу, что того, чего они не знаютъ, нѣтъ и не бывало на свѣтѣ и не бывало именно потому, что они не знаютъ этого. Такимъ образомъ, разборъ родословной Александра Григорьевича въ покорскихъ аристократическихъ кругахъ, привелъ къ рѣшительному заключенію, что у Щекоткина нѣтъ предковъ, нѣтъ даже дѣдушки, и что онъ съ своимъ отцомъ произошелъ изъ грязи.. Ожесточеніе дошло до того, что *лучшіе люди* города Покорска не хотѣли имѣть никакого дѣла съ Щекоткинымъ, развѣ ужь случалась какая нибудь надобность. Такая надобность встрѣтилась напр. весьма многимъ въ началѣ осени,—когда начали носиться слухи, что губернатора куда-то переводятъ изъ Покорска, и что на его мѣсто назначается какой-то родственникъ Ирины Ѳедоровны... Къ Александру Григорьевичу, какъ человѣку, близкому къ его превосходительству, приступали всѣ съ вопросами: правда-ли, что мы лишаемся нашего добраго, благодѣтельнаго начальника? Когда же Щекоткинъ говорилъ, что это очень вѣроятно, вопрошающіе обыкновенно прибавляли: впрочемъ, говорятъ, что мы будемъ вполнѣ утѣшены и вознаграждены новымъ назначеніемъ? Объ этомъ еще ничего неизвѣстно, отрывисто отвѣчалъ всегда Александръ Григорьевичъ, и больше отъ него нельзя было добиться ни одного слова... Прикидывается, бестія, думали любопытные граждане; впрочемъ, ужь насъ-то не надуетъ: знаемъ мы его, мошенника.

Слухи о смѣнѣ губернатора оказались пока ложными. Но Щекоткинъ имѣлъ нѣкоторыя основанія полагать, что они сбудутся въ непродолжительномъ времени, исключая, разумѣется, толковъ о родственникѣ Ирины Ѳедоровны, потому что у ней самый почетный родственникъ былъ совѣтникомъ казенной палаты, изъ которыхъ въ губернаторы, какъ извѣстно, мудрено попасть. Сообразивши всѣ обстоятельства, Александръ Григорьичъ рѣшился служить по выборамъ и заявилъ претензію на должность предсѣдателя уголовной палаты, умершаго въ октябрѣ мѣсяцѣ, почти передъ самыми выборами. Какъ только сдѣлалось извѣстнымъ намѣреніе безроднаго «азіята», во всемъ городѣ поднялось ужаснѣйшее волненіе.

— Это ужь будетъ курамъ на смѣхъ, говорилъ уѣздный предводитель дворянства: — что мы будемъ за дворяне, когда всякую выскочку въ свой кругъ пускать будемъ?

— И съ европейскими понятіями совершенно несогласно, острилъ вице-губернаторъ: — вручить такой важный постъ «азіяту».

— И эта свинюшка съ своимъ хрюканьемъ будетъ имѣть голосъ между нами, отзывался пріѣзжій изъ уѣзда помѣщикъ.

— Да наконецъ эта должность можетъ быть поручена другому кому-нибудь, горячо вступилъ въ разговоръ молодой товарищъ предсѣдателя гражданской палаты: —да я самъ наконецъ думалъ объ этой должности... потому что здѣсь нуженъ именно человѣкъ благонамѣренный, добросовѣстный и умѣющій понимать высшія требованія человѣчества. Здѣсь не палачъ нуженъ, а нуженъ самоотверженный, непреклонный въ правдѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и проникнутый гуманными чувствами служитель правосудія. А тутъ, помилуйте, какія же гуманныя чувства въ этомъ сфинксѣ?

Всѣ соглашались, что въ сфинксѣ гуманныхъ чувствъ нѣтъ ни на полушку, и что въ уголовную палату опредѣлить его, дѣйствительно, нельзя. Но о товарищѣ предсѣдателя собесѣдники отозвались, вскорѣ послѣ этого разговора, тоже не совсѣмъ хорошо. Вице-губернаторъ назвалъ его шутомъ гороховымъ, а помѣщикъ выразился, что этотъ малый съ своими *туманными* чувствами просто вѣтеръ, и больше ничего. Замѣчаніе было, конечно, болѣе справедливо, нежели остроумно.

Прошелъ мѣсяцъ. Надъ притязаніями Александра Григорьича смѣялись даже писцы уголовной палаты. Онъ зналъ свое положеніе, но не унывалъ. Губернаторъ былъ на его сторонѣ, и въ одинъ высоко-торжественный день, на большомъ официальномъ завтракѣ у градскаго главы сказалъ даже прямо, что, вѣроятно, Александръ Григорьичъ вполнѣ замѣнитъ покойнаго Парѳена Игнатьича. Всѣ присутствовавшіе переглянулись между собою съ весьма значительнымъ видомъ и, по окончаніи завтрака, сами старались заговорить съ азіятомъ относительно его намѣренія балотироваться. Почти каждый счелъ своимъ долгомъ увѣрить Щекоткина въ своемъ всегдашнемъ расположеніи и предостеречь отъ козней другихъ, которые «всегда точатъ зубы на человѣка», Александръ Григорьичъ отвѣчалъ, съ сознаніемъ собственнаго достоинства и съ полною увѣренностью въ своемъ ус-

пѣхѣ, что никто въ Покорскѣ лучше его на этомъ мѣстѣ не будетъ.

— Вы послушайте молокососовъ-то, говорилъ онъ вслухъ, не взирая даже на присутствіе задорнаго товарища предсѣдателя гражданской палаты, такъ они вамъ такихъ турусовъ на колесахъ наскажутъ, что вы только ротъ разинете. А какъ примутся они за дѣло, такъ только горе съ ними. У меня былъ одинъ чиновникъ этакой-то. Бывало, слѣдствіе: вотъ онъ и допрашиваетъ. Кто ты такой, откуда?—Не помню, говоритъ. Онъ и вспылитъ тотчасъ. Какъ, мошенникъ,—ты, говоритъ, самъ себя не помнишь? Да сейчасъ и въ рыло. Тотъ сейчасъ и смекнетъ, бестія, съ кѣмъ онъ дѣло имѣетъ. Когда, говоритъ, вы драться изволите, такъ я ни на что отвѣчать не буду. Пусть меня другіе допрашиваютъ,—тогда отвѣчать стану. Такъ вѣдь, повѣрите ли, до чего эта дрянь струситъ, бывало, и осовѣетъ: упрашивать начнетъ, преступника-то упрашивать, — чтобы тотъ отвѣчалъ что-нибудь. Ну, тотъ и вретъ ужь, разумѣется, послѣ этого, насколько силы хватитъ. А тутъ надо главное — съ этими каналіями умѣть обращаться; я ужь тутъ опытенъ; меня учить нечего. Нѣсколько сотъ уже, я думаю, на своемъ вѣку слѣдствій-то произвелъ, и всегда отъ начальства благодарность получалъ.... И ужь дѣйствительно, могу сказать, что присягу исполняю, не то, что другіе.... У меня, когда слѣдствіе, такъ ни сна, ни апетита, ни заботы другой, кромѣ дѣла. Иной разъ ночью встанешь, да за бумаги примешься.... Кто это нынче станетъ дѣлать? скажите-ко, кому нужно дѣло-то дѣлать, какъ слѣдуетъ? Говорить-то много есть охотниковъ.... Да что въ нихъ!

Александръ Григорьичъ говорилъ, какъ всегда, тономъ недопускающимъ возраженій, твердо, рѣшительно, хотя безъ малѣйшаго азарта. Никто не осмѣлился противорѣчить ему; только товарищъ предсѣдателя, задѣтый за живое, попросилъ, запинаясь «указать наконецъ этихъ тунеядцевъ, умѣющихъ только говорить, а не дѣло дѣлать.»

— И указывать нечего; на выборахъ само собою окажется, лаконически отвѣчалъ Щекоткинъ,—и забастовалъ: въ дальнѣйшемъ разговорѣ онъ уже не принималъ никакого участія и отвѣчалъ на вопросы только односложными фразами, въ родѣ «да» и «нѣтъ.»

— А вѣдь каковъ! Въ самомъ дѣлѣ вѣдь въ предсѣдатели лѣзетъ,—говорилъ товарищъ предсѣдателя совѣтнику, выходя отъ градскаго главы послѣ завтрака.

— Да неужто же вы это допустите! Вамъ надо самимъ балотироваться, увѣрительно отвѣчалъ совѣтникъ.

— Но знаете, вѣдь тутъ ни на кого положиться нельзя. Они собственной пользы не понимаютъ.

— Да-съ, это конечно.

— Просто на всѣхъ хоть рукой махни, рѣзко заключилъ товарищъ предсѣдателя, садясь въ сани.

Совѣтникъ пошелъ пѣшкомъ и на углу улицы догналъ одного изъ ассессоровъ губернскаго правленія.

— Павелъ Дмитричъ, крпчалъ онъ, Павелъ Дмитричъ! Имѣю честь поздравить: какъ васъ честятъ нынче!...

— Это что значитъ?

— А вотъ сейчасъ Сушкинъ говорилъ. И положиться-то говоритъ ни на кого нельзя, и проку-то ни въ комъ нѣтъ и на всѣхъ рукой махнуть надобно....

— Да что онъ, съ ума, что ли, сошелъ?

— Нѣтъ, а просто озлился, что Щекоткина, а не его, въ уголовную палату хотятъ выбрать.

— Ну, признаться вамъ сказать,—оба хороши. Щекоткинъ этотъ тоже продувной! Онъ только—что смотритъ этакимъ а самъ себѣ на умѣ. Вотъ ужь кому палецъ-то въ ротъ не кладите. Знаемъ мы его, часто въ правленіи-то такія штуки сочинитъ, что чортъ знаетъ, просто... бьются, бьются. А все изъ за чего? Чтобы слупить что нибудь. Не даромъ деревню-то нажилъ.

— Да еще и другую наживетъ, Павелъ Дмитричъ. Дайте ему только въ предсѣдатели-то попасть.

— Желалъ бы я знать, кто туда его пуститъ. Еслибы у меня было пятьдесятъ шаровъ въ рукахъ, всѣ бы ему, канальѣ, черные положилъ.

Общее мнѣніе было, слѣдовательно, неблагопріятно для Александра Григорьича. Не надѣясь измѣнить его въ свою пользу, онъ не далъ даже ни одного обѣда передъ выборами, и не сдѣлалъ ни одной вечеринки. За нѣсколько дней до открытія выборовъ, губернскій предводитель давалъ балъ, такъ какъ время было праздничное,—святки. Тутъ собралось все благородное дворянство покорское, и, между прочими разговорами, зашла было рѣчь и о Щекоткинѣ. Всѣ отзывались о немъ невыгодно и расположены были явно противъ него. Появленіе въ гостиной самого Александра Григорьича помѣшало, впрочемъ, дальнѣйшему продолженію совѣщанія, и многія думы остались невысказаны. Между тѣмъ Щекоткинъ не теряя времени даромъ, не-

медленно началъ разговоръ о предстоящихъ выборахъ, началъ хвалить губернатора и ругать неопытныхъ молокососовъ, потомъ перешелъ къ уголовнымъ дѣламъ и наконецъ прямо спросилъ окружающихъ, неужели они не захотятъ понять своей пользы и не выберутъ его на мѣсто, на которомъ никто лучше его сидѣть не съумѣетъ? Общество смутилось и отвѣтствовало молчаніемъ. Щекоткинъ, оставивъ общую аттаку, попробовалъ сдѣлать частныя нападенія.

— Что же вы, напримѣръ, Павелъ Дмитричъ, обратился онъ къ сидѣвшему возлѣ ассесору, такимъ тономъ, какъ обыкновенно учитель выговариваетъ ученику за незнаніе самой простой вещи, неужто вы меня забракуете? А?

— Нѣтъ-съ, помилуйте Александръ Григорьичъ, отвѣчалъ смущенный ассессоръ, вспоминая недавній разговоръ съ совѣтникомъ:—я не понимаю, почему вы именно обо мнѣ такъ думаете....

— Объ васъ-то я, правду сказать, и не думаю, потому что знаю васъ; а вотъ, я думаю, господа-то помѣщики противъ меня будутъ, отвѣчалъ Щекоткинъ, обращаясь къ тремъ помѣщикамъ, сидѣвшимъ съ другой стороны.

— Намъ-то что за дѣло до уголовной, возразилъ одинъ изъ нихъ. Дай-Богъ вѣкъ не знать ея... Я и шара класть не буду, а ужь если положу, такъ, вѣрно, всякому бѣлый: что порочить человѣка, съ которымъ никогда, Богъ дастъ, и дѣла имѣть не придется.

— Да это вѣдь вы такъ говорите, Александръ Андреичъ. А вотъ Василій Трифонычъ не то думаетъ, замѣтилъ Щекоткинъ, указывая на того помѣщика, который называлъ его свинюшкой...

— Я, отвѣчалъ этотъ, смутившись, я ничего не думаю. Напротивъ.

— Такъ и вы, значитъ, понимаете, что надо поддержать меня?.. Вы мнѣ обѣщаете, Василій Трифонычъ?

— Да-съ, я... разумѣется...

— Благодарю васъ, Василій Трифонычъ. А я, признаться, на васъ не надѣялся... Вотъ я еще Андрея Семеныча боюсь, обратился онъ къ уѣздному покорскому предводителю.

— Ну, объ этомъ оставимъ, Александръ Григорьичъ, язвительно возразилъ предводитель. — На выборахъ само собой все окажется, прибавилъ онъ, парадируя отвѣтъ, данный недавно самимъ Щекоткинымъ товарищу предсѣдателя.

— Это вы потому говорите, Андрей Семенычъ, что не хотите прямо отказать мнѣ. Да отчего же не сказать прямо? Я вѣдь не навязываюсь и не упрашиваю. Я только говорю, чтобы на общую пользу обратили вниманіе. Черезъ мои руки уголовныхъ-то дѣлъ столько перешло, что я ужъ точно вѣкъ палатой управлялъ теперь же. Этого вы у меня отнять не можете?

— О вашей опытности никто не споритъ...

— Такъ что же вы противъ меня имѣете? Взяточникъ, что ли я? или дѣлами не занимаюсь, барствую? Или глупъ, способности не имѣю? Скажите, чтобы всѣ знали, что вы за мной замѣтили?

— Я не говорю, чтобы замѣтилъ что нибудь...

— А что же?

— Я просто сказалъ, что нужно до выборовъ оставить, и только. А тамъ, — что будетъ.

— Да какъ же это — что будетъ... я думаю мужики на сходкѣ, и тѣ сначала посовѣтуются, а тутъ ужъ толковать принимаются. А дворянство-то должно предварительно разсудить обо всемъ хорошенько... Я потому васъ и спрашиваю, что знаю, вы человѣкъ сильный, вамъ вѣрятъ, такъ я и хочу знать, чего мнѣ ждать нужно. Я позорить своего дворянства не хочу: оно у меня заслуженное. Коли увижу, что меня не хотятъ, такъ и Богъ съ вами... У меня мѣсто есть; Михаилъ Александрычъ меня любитъ, я и хочу знать заранѣе, поддержите вы меня, или нѣтъ?

— Я, право, затрудняюсь. Такъ, вѣдь, разныя будутъ обстоятельства...

— Да что обстоятельства. Это отговорка одна... Ну, такъ скажите: коли особенныхъ обстоятельствъ не будете, такъ вы меня поддержите? Ничего вы противъ меня не имѣете?

— Нѣтъ-съ, что же мнѣ именно имѣть противъ васъ...

— Ну, значитъ вы во всякомъ случаѣ противъ меня-то не будете... Этаго я всегда отъ васъ надѣялся. Вы, конечно, своему слову не измѣните.

Такъ обошелъ Александръ Григорьичъ всѣхъ людей, имѣвшихъ какое-нибудь вліяніе на выборахъ, и у всѣхъ умѣлъ вытянуть благопріятный отвѣтъ. Никто не нашелъ въ себѣ силы сопротивляться его убѣжденіямъ, никто не умѣлъ уклониться отъ прямаго отвѣта: вопросъ былъ поставленъ слишкомъ прямо, и притомъ, сдѣлавши его, Щекоткинъ обыкновенно уставлялъ

неподвижный взглядъ на вопрошаемаго и ждалъ. Взгляда этого никто не могъ выдержать. Иные давали обѣщаніе съ намѣреніемъ — не исполнять его, но другіе, давши отвѣтъ утвердительный, уже совѣстились потомъ не исполнить своего слова. Да и изъ людей, хотѣвшихъ сначала просто отвязаться отъ Щекоткина, обманувши его, нѣкоторые были поражены замѣчаніемъ, которое онъ часто повторялъ въ этотъ вечеръ, что «честный человѣкъ, и особенно дворянинъ, своему слову не измѣнитъ»... Кромѣ того, много нашлось людей, которые серьёзно убѣдились разсужденіями Александра Григорьевича и дали ему свое обѣщаніе отъ чистаго сердца. Все это привело къ тому, что Александръ Григорьичъ выбранъ былъ наконецъ въ предсѣдатели уголовной палаты значительнымъ большинствомъ голосовъ.

Черезъ два дня послѣ выборовъ, товарищъ предсѣдателя столкнулся съ губернскимъ стряпчимъ, у подъѣзда Александра Григорьича.

— Откуда это, Николай Владимірычъ,—не безъ ироніи спросилъ стряпчій, поглядывая на крыльцо, съ котораго сходилъ Сушкинъ.

— Да вотъ, къ сановнику-то новому являлся, отвѣчалъ Николай Владиміровичъ, съ неимовѣрно-саркастическимъ выраженіемъ. Надобно же хоть карточку оставить. Что вы будете дѣлать?

— Д-да-съ, глубокомысленно замѣтилъ стряпчій. Да что же это вы сами-то, Николай Владимірычъ, — началъ онъ, помолчавъ:— вы вѣдь, сами кажется, балотироваться хотѣли?

— Помилуйте, съ достоинствомъ отвѣчалъ Сушкинъ, нѣсколько закинувъ назадъ голову: за кого же вы меня принимаете? Чтобы я сталъ на одну доску съ какимъ нибудь Щекоткинымъ! Никогда-съ! Повѣрьте, что я умѣю держать себя въ такихъ случаяхъ, однако-я боюсь васъ задержать: вы, вѣрно,— пріѣхали принести ваше поздравленіе новоизбранному?

— Да-съ, язвительно возразилъ стряпчій, обиженный тономъ послѣднихъ словъ:—нужно же... Жаль только, что мы не вмѣстѣ съ вами сошлись... лучше бы... Да вотъ вы, къ сожалѣнію, раньше меня поспѣли... До свиданія-съ.

И они разстались, не совсѣмъ довольные другъ другомъ. За то Александръ Григорьичъ былъ вполнѣ доволенъ собой.

НИКОЛАЙ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ.

О ТОРГОВЫХЪ ОПЕРАЦІЯХЪ

ПЕТЕРБУРГСКАГО ПОРТА

СЪ ИНОСТРАННЫМИ ГОСУДАРСТВАМИ.

Nos ports de mer sont le plus éloignés de principaux marchés de l'Europe occidentale.
L. Tengoborski.

Не прошло десяти лѣтъ съ основанія Петербурга, какъ уже портъ его обратилъ на себя вниманіе европейскихъ государствъ; а въ 1724 году къ петербургскому порту уже было въ приходѣ 180 иностранныхъ кораблей. Съ тѣхъ поръ торговая дѣятельность петербургскаго порта принимала все болѣе и болѣе обширные размѣры, такъ что въ настоящее время портъ этотъ занимаетъ уже мѣсто между первоклассными портами Европы, какъ это можно видѣть изъ слѣдующихъ данныхъ:

Съ 1824 по 1858 годъ торговые обороты петербургскаго порта были:

	Привезено товаровъ.	Вывезено товаровъ.	
A. Съ 1824 по 1828 г.	на 34,171,000 р. с.	на 27,843,300 р. с.	
B. — 1849 — 1853 — —	51,125,300 —	— 35,560,000 —	(1)
C. Въ 1853 г.	53,834,752 —	— 46,347,104 —	
— 1854 —	21,075,410 —	— 2,871,329 —	
— 1855 —	12,948,219 —	— 1,340,543 —	
— 1856 —	52,317,400 —	— 53,672,942 —	(2)
— 1857 —	88,908,190 —	— 61,875,751 —	(3)
За пять лѣтъ	229,083,971 р. с.	165,507,669 р. с.	

(1) Forces productives de la Russie. T. IV. L. Tengoborski.
(2) Виды торговли.
(3) Годовой отчетъ С.-Петербургской таможни.

Такимъ образомъ, общая цифра ввоза и вывоза товаровъ и денегъ доходила:

Въ первое пятилѣтіе	до	62,014,300 р. с.
— второе —	—	86,685,300 —
— третье —	—	394,591,640 —

Увеличеніе торговыхъ оборотовъ въ послѣднее пятилѣтіе, несмотря на блокаду русскихъ портовъ, можно приписать обширному развитію фабричнаго производства въ Россіи.

Степень участія различныхъ государствъ въ торговыхъ оборотахъ петербургскаго порта за послѣднее пятилѣтіе, опредѣляется слѣдующими цифрами, обнародованными Департаментомъ Внѣшней Торговли:

I. Англія.

	Въ 1853 г.	Въ 1854 г.	Въ 1855 г.	Въ 1856 г.
Ввезла товаровъ и звонкой монеты . . . на	Р. сер. 22,892,282.	Р. сер. 5,989,343.	Р. сер. 9,985.	Р. сер. 17,380,036.
Вывезла. . . . . —	30,906,412.	118,518.	872.	30,632,949 (1)
Общая цифра оборота —	53,798,794	6,107,861	10,857	48,012,985

Въ военное время, т. е. въ 54 и 55 годахъ, главный ввозъ Англіи состоялъ изъ хлопчатой бумаги, красокъ, москотильныхъ товаровъ, соли, сандала и виноградныхъ винъ. Главный вывозъ-изъ щетины, мѣди, льнянаго сѣмени и хлѣба. Общая цифра торговаго оборота Англіи съ петербургскимъ портомъ за это время была болѣе, чѣмъ на 6,000,000 р. сер.

Послѣ окончанія войны, т. е., въ 1856 г., торговые обороты Англіи съ петербургскимъ портомъ, сравнительно съ прежними годами, хотя и увеличились значительнымъ образомъ; но все-таки не могли сравниться съ 1853 годомъ. За то въ 1857 г. цифра ввоза была болѣе, чѣмъ въ 40,000,000 р. с.; въ особенности хлопчатою бумагою, машинами и сахаромъ были завалены таможенные пакгаузы, скверъ и улицы. Въ 1856 г. Англія ввезла на 17,380,036 р. с.; вывезла на 30,632,949 р. с.; что представляетъ вмѣстѣ оборотъ болѣе, чѣмъ въ 48,000,000 р. с. Главные предметы ввоза и вывоза Англіи въ этомъ, т. е., 1856 году были:

Ввезла.	Руб. сер.	Вывезла.	Руб. сер.
Бумаги хлопчатой . . на	6,275,424	Сала скотскаго на	8,499,416
Индиго . . . . . —	2,146,600	Сѣмени льнянаго —	3,064,726

(1) Виды торговли.

Машинъ и моделей . на	1,051,235	Пеньки	—	2,349,002
Свинца . . . . . —	821,936	Щетины	—	1,623,482
Угля каменнаго . . . —	815,044	Льна	—	1,622,478
И проч.		Овса	—	1,624,025
Итого на	17,380,036	Желѣза.	—	1,083,787
		И проч.		
		Итого на		30,632,949

Послѣ Англіи, по обширности торговыхъ оборотовъ съ петербургскимъ портомъ, первое мѣсто занимаетъ Пруссія, второе — Ганзеатическіе города, третье — Сѣверо-Американскіе Штаты, четвертое — Голландія, и только пятое—Франція, какъ это усматривается изъ слѣдующихъ свѣдѣній, почерпнутыхъ изъ «Видовъ Торговли».

2. ПРУССІЯ.

	Въ 1853 г.	Въ 1854 г.	Въ 1855 г.	Въ 1856 г.
Ввезла товаровъ и звон-	Руб. сер.	Руб. сер.	Руб. сер.	Руб. сер.
кой монеты . . . на	4,428,326	2,221,988	12,057,979	11,012,676
Вывезла . . . . . на	2,844,332	2,294,751	1,197,510	5,174,544
Общая цифра оборота	7,272,658	4,516,739	13,255,489	16,187,220

Въ военное время главный ввозъ Пруссіи состоялъ: изъ шелковыхъ и шерстяныхъ издѣлій, деревяннаго масла, крѣпкихъ напитковъ (которыхъ привезено на сумму отъ 94,000 р. до 3,000,000 р. с.), шампанскаго (1), сахара рафинада, кофе и хлопчатой бумаги; вывозъ—ленъ, пенька. хлѣбъ, скотъ, желѣзо, мѣдь, масло конопляное, сало, кожи и холстъ.

Послѣ окончанія войны главнѣйшія статьи торговли Пруссіи съ петербургскимъ портомъ были слѣдующія:

Въ 1856 г. Пруссія

Ввезла.		Вывезла.	
	Руб. сер.		Руб. сер.
Сахара сырца . . . . на	2,534,170	Ржи . . . . . на	1,231,428
Вина виноградн аго . . —	1,093,947	Мѣди. . . . . —	955,827
Масла деревяннаго . . —	867,822	Сала . . . . . —	750,180
Шелку . . . . . —	822,243	Юфти . . . . . —	262,755

(1) Въ послѣднее пятилѣтіе къ Петербургскому порту вообще привезено шампанскаго изъ разныхъ странъ:

Въ 1853 г. 716,210 бутылокъ.
— 1854 — 283,890 —
— 1855 — 254,783 —
— 1856 — 916,287 —
— 1857 — 835,237 —

} «Коммерческій Листокъ», издаваемый С.-Петербургскою Таможнею.

Шелковыхъ издѣлій . на	803,153	Мягкой рухляди —	306,987
И проч.		И проч.	
Всего на	11,012,676 .		5,174,544

3. ГАНЗЕАТИЧЕСКІЕ ГОРОДА.

	Въ 1853 г.	Въ 1854 г.	Въ 1855 г.	Въ 1856 г.
Ввезли товаровъ и звон-	Руб. сер.	Руб. сер.	Руб. сер.	Руб. сер.
кой монеты . . . . на	5,203,825	2,882,093	69,531	5,982,634
Вывезли. . . . . на	1,935,968	16,507	57,536	2,401,906
Общая цифра оборота на	7,139,793	2,898,600	127,067	8,384,540

Въ военное время Ганзеатическіе города привозили преимущественно: кофе, табакъ, краски, шелковыя и шерстяныя издѣлія; вывозили: хлѣбъ, поташъ, мягкую рухлядь, металлы не въ дѣлѣ и сало.

Послѣ окончанія войны главныя статьи торговли Ганзеатическихъ городовъ съ петербургскимъ портомъ были слѣдующія:

Въ 1856 году

Ввезли.	Руб. сер.	Вывезли.	Руб. сер.
Бумаги хлопчатой. . . на	1,318,112	Мѣди . . . . . на	312,040
Шерсти овечей . . . . —	604,379	Ржи . . . . . —	280,758
Кофе . . . . . —	318,285	Сала . . . . . —	196,320
Шелку . . . . . —	310,327	Мягкой рухляди . —	164,630
Табаку . . . . . —	299,722	Щетины. . . . . —	152,107
Москотильныхъ това-		Версвокъ и кана-	
ровъ . . . . . —	280,598	товъ . . . . . —	152,005
Часовъ . . . . . —	281,355	И проч.	
Шелковыхъ издѣлій . —	224,155		
		Всего на	2,401,906
Фруктовъ. . . . . —	132,695		
Вина виноградиаго . . —	122,818		
И проч.			
Всего на	5,982,634		

4. СѢВЕРО-АМЕРИКАНСКІЕ ШТАТЫ.

	Въ 1853.	Въ 1854.	Въ 1855.	Въ 1856.
Ввезли товаровъ и звон-				
кой монеты . . . . . на	3,661,702	1,001,091	—	5,017,702
Вывезли	2,501,229	208,623	69	1,788,530
Общая цифра оборота	6,162,931	1,209,714	69	6,816,232

Въ военное время, именно въ 1854 г., торговля Сѣверо-Американскихъ Штатовъ съ петербургскимъ портомъ была самая незначительная и въ 1855 г. совершенно почти прекратилась. Главныя статьи ввоза были: сахаръ, хлопчатая бумага и сандалъ; вывоза — пенька, ленъ, щетина и желѣзо.

Въ 1856 г. Сѣверо-Американскіе Штаты преимущественно

Привозили		Вывозили	
Бумагу хлопчатую на	4,158,768 р.	Желѣзо . . . . на	376,634 р.
Сахаръ сырецъ. .	477,830—	Льняную пряжу	365,732—
Сандалъ	114,090—	Холстъ. . . .	253,984—
и проч.		Щетину . . .	167,092—
		и проч.	
Всего	5,017,702		1,788,530

5. ГОЛЛАНДІЯ.

	Въ 1853.	Въ 1854.	Въ 1855.	Въ 1856.
Ввезла товаровъ и звонкой монеты на	2,587,512 р.	930,172 р.	53,338 р.	4,945,356 р.
Вывезла	2,854,521—	8,355—	24—	4,453,586 —
Общая цифра оборота	5,442,033	938,527	53,362	9,398,942

Въ военное время Голландія преимущественно привозила: сахаръ, краски, масло деревянное, камни драгоцѣнные, жемчугъ и москательные товары; вывозила — хлѣбъ, перья, ленъ, сѣмя льняное и пеньку.

Въ 1856 г. Голландія

Ввезла		Вывезла	
Сахара сырца . . на	1,417,520 р.	Сѣмени льнянаго на	905,216 р.
Бумаги хлопчатой	627,712—	Ржи	851,424 —
Индиго.	614,250—	Пшеницы	550,350 —
Камня драгоцѣннаго и жемчугу.	557,800—	Сала скотскаго .	475,732 —
Металла разнаго не въ дѣлѣ. . .	339,805—	Поташа.	419,154 —
и проч.		и проч.	
Всего	4,945,356		4,453,586

6. ФРАНЦІЯ.

Ввезла товаровъ и звонкой монеты на	4,562,080 р.	2,515,979 р.	219,746 р.	3,292,404 р.
Вывезла	1,138,936—	50,701 —	25,746 —	1,802,791—
Общая цифра оборота	5,701,016	2,566,680	245,492	5,095,695

Въ военное время Франція преимущественно привозила: шампанское, другія виноградныя вина, драгоцѣнные камни и жемчугъ, краски, благовонные товары, фрукты и шелковыя издѣлія. Вывозила—мягкую рухлядь и металлическія издѣлія.

Въ 1856 г. Франція

Ввезла		Вывезла	
Шампанскаго	на 898,415 р.	Сала	779,544 р.
Вина виноградн. . . .	362,257 —	Мѣди	89,808 —
Индиго	200,148 —	Пеньки	89,705 —
Мосвтильн. товаровъ . .	190,231 —	Сѣмени льнян. .	87,831 —
Разныхъ красокъ	168,366 —	Щетины.	55,457 —
Фруктовъ	174,990 —	Поташа	55,359 —
Бумаги хлопчатой. . . .	92,384 —	Перьевъ писчихъ	50,227 —
Рыбы разной	70,895 —	Кожъ	47,151 —
Шелковыхъ издѣлій . .	52,122 —	Пшеницы	44,880 —
Камней драгоц. и жемчуга	47,100 —	и проч.	
Книгъ печатныхъ . . .	45,852 —		
и проч.			
Всего	3,292,404 —		1,802,791 —

Участіе другихъ государствъ въ торговлѣ петербургскаго порта не слишкомъ значительно. На долю ихъ въ 1856 г. приходится:

	Ввезли	Вывезли
Данія . . . . . на	929,463 р.	2,402,149 р.
Испанія	635,997 —	—
Королевство Обѣихъ Сицилій . . .	634,954 —	—
Бельгія	344,420 —	—
Норвегія	315,565 —	374,430 —
Португалія	282,667 —	50,341 —
Тоскана и Папскія владѣнія	260,211 —	7,573 —
Швеція	229,541 —	2,995,334 —
Сардинія	125,469 —	—
Австрія	25,715 —	11,566 —
Турція	7,389 —	3,250 —
Прочія мѣста	895,203 —	170,412 —

Такимъ образомъ, по важности торговыхъ оборотовъ петербургскаго порта съ иностранными государствами, первое мѣсто, какъ и вездѣ, занимаетъ Англія,—послѣднее Турція и Австрія. Для показанія степени участія различныхъ государствъ въ торговлѣ петербургскаго порта, представимъ, по степенямъ, общія цифры ихъ торговаго оборота за 1856 годъ.

	Ввезли на	Вывезли на
1, Англія	17,380,036 р.	30,632,949 р.
2. Пруссія	11,012,676 —	5,174,544 —
3. Ганзеатическіе города	5,982,634 —	2,401,906 —
4. Сѣверо-Американскіе Штаты .	5,017,702 —	1,788,530 —
5. Голландія	4,945,356 —	4,453,586 —
6. Франція	3,292,404 —	1,802,791 —
7. Остальныя за тѣмъ государства	4,686,592 —	7,418,637 —

Изъ приведенныхъ здѣсь данныхъ видно, что торговые обороты петербургскаго порта въ послѣднее пятилѣтіе значительно возвысились. Въ 1857 г. привозъ иностранныхъ товаровъ былъ еще больше, чѣмъ въ 1856 году. Таможенные пакгаузы, старый гостиный дворъ, пристань, скверъ, Таможенный островокъ, Гутуевскій островъ, — до того были завалены разными иностранными товарами, что складка ихъ началась наконецъ по улицамъ и площадкамъ вокругъ таможни.

Несмотря однакожь на этотъ явный прогрессъ торговой дѣятельности петербургскаго порта, портъ этотъ, по своему географическому положенію, до сихъ поръ еще не можетъ пріобрѣсть коммерческой репутаціи — удобнаго и выгоднаго торговаго порта: отдаленность его отъ главныхъ европейскихъ рынковъ, продолжительное замерзаніе Финскаго залива и множество еще другихъ причинъ препятствуютъ во многихъ отношеніяхъ болѣе успѣшному ходу торговыхъ оборотовъ.

Преимущество европейскихъ портовъ предъ петербургскимъ состоитъ какъ въ близости ихъ другъ къ другу, такъ и въ томъ, что всѣ торговыя операціи тамъ производятся большею частью непосредственно съ мѣстными производителями; а скорость и удобство сообщеній не ставятъ иностраннаго купца въ полную зависимость отъ спекуляторовъ или вообще коммиссіонеровъ. Такъ, напримѣръ, корабль, пришедшій съ товаромъ изъ какого нибудь отдаленнаго европейскаго или американскаго порта въ одинъ изъ портовъ Англіи, Франціи или Голландіи, если находитъ, напримѣръ, въ Лондонѣ, цѣны на привезенный имъ товаръ низкими, то отправляется въ другой, ближайшій портъ—Гавръ, Амстердамъ, Гамбургъ, Любекъ и другіе, гдѣ цѣны стоятъ болѣе выгодныя; и только въ крайности, т. е. если цѣны на привезенный товаръ въ европейскихъ портахъ слишкомъ низкія, а капиталу нужно дать оборотъ;—тогда только корабль рѣшается идти въ Петербургъ. Владѣтель такого груза, случайно попавшаго въ петербургскій портъ, если не успѣетъ раздать свой товаръ кому нибудь на коммиссію, по значительной дороговизнѣ фрахта, бываетъ иногда вынужденъ продать товаръ по самой низкой цѣнѣ, какъ уже потому, что петербургскіе купцы съ неподражае-

мымъ хладнокровіемъ умѣютъ выждать времени, пока цѣны на извѣстный товаръ упадутъ до невозможности; такъ и потому, что въ подобныхъ случаяхъ владѣтелю груза не только нѣтъ никакого разсчета везти товаръ свой обратно, но даже убыточно. Вотъ почему большая часть иностранныхъ товаровъ, привозимыхъ къ петербургскому порту, доставляются сюда только по заказу; на комиссію же заграничные товары, въ настоящее время, почти вовсе не посылаются, въ особенности если нѣтъ на это требованія; или если и посылаются, то не иначе, какъ на общій счетъ нѣсколькихъ торговыхъ домовъ. Предосторожность эта берется какъ изъ опасенія понести значительные убытки, такъ и оттого, что въ главныхъ европейскихъ рынкахъ, напримѣръ въ Лондонѣ, заведены огромнѣйшія складочныя помѣщенія, въ которыхъ товаръ можетъ пролежать сколько угодно времени и дождаться болѣе благопріятныхъ обстоятельствъ къ его сбыту.

Отдаленность петербургскаго порта отъ главныхъ европейскихъ рынковъ имѣетъ еще и ту невыгоду, что всѣ почти наши заграничныя торговыя операціи должны производиться чрезъ посредство иностранныхъ комиссіонеровъ, на долю которыхъ, вмѣстѣ съ издержками по доставкѣ товаровъ на мѣсто потребленія, приходится большая часть барышей, которые, при другомъ родѣ нашей внѣшней торговли, должны были доставаться русскому купцу, если бы послѣдній могъ имѣть непосредственное, прямое сношеніе съ мѣстными производителями. Въ особенности цѣнность заграничныхъ товаровъ значительно возвышается какъ отъ слишкомъ высокаго фрахта въ наши порта, такъ и отъ безчисленнаго множества надбавочныхъ издержекъ, происходящихъ отъ слишкомъ сложнаго процесса самой торговой операціи. Эти надбавочныя издержки, какъ-то: за коммисію, фрахтъ, укупорку, погрузку и проч. еще не столь значительны на товары отправляемые большими партіями, т. е. товары составляющіе такъ сказать главныя статьи нашей привозной торговли, какъ напр. сахаръ, хлопчатая бумага и др.; но на предметы моды, извѣстные подъ именемъ *articles de Paris*, которые большею частію присылаются небольшими ящиками, *faux frais* доходятъ до огромнѣйшихъ цифръ, вся тяжесть которыхъ падаетъ на потребителя.

Въ минувшемъ 1857 г., въ одномъ изъ иностранныхъ журналовъ *Le Lloyd Français*, была напечатана статья г. Гартмана: *Sur les intérets commerciaux de la Russie*, въ которой, между прочимъ, говорится о неудобствахъ, испытываемыхъ русскими купцами отъ производства торговли чрезъ посредство иностранныхъ коммиссіонеровъ. Такъ какъ нѣкоторыя замѣчанія г. Гартмана намъ показались немного преувеличенными, то мы, говоря о заграничныхъ нашихъ торго-

выхъ операціяхъ, постараемся хотя приблизительно опредѣлить: во сколько обходятся намъ привозимыя изъ за границы товары.

Торговыя операціи на петербургской биржѣ, какъ извѣстно, совершаются большею частью иностранными купцами или коммиссіонерами, записанными въ гильдіи; собственно природныхъ русскихъ купцевъ, занимающихся оптовою заграничною торговлею при портѣ — весьма немного, какъ это можно усмотрѣть изъ Коммерческаго Листка за 1857, издаваемаго при С. Петербургской Таможнѣ.

Въ числѣ 283 лицъ и обществъ, торговавшихъ въ 1857 году на здѣшней биржѣ значится:

Иностранныхъ купцевъ	213 (*)
Русскихъ	64
Компаній и Обществъ .	5
Итого	283 (**)

(*) Намъ желательно было показать, сколько природныхъ русскихъ купцевъ православнаго исповѣданія торговало на биржѣ, а потому всѣхъ иностранныхъ гостей, купцевъ 1 и 2 гильдіи и временныхъ купцевъ, мы назвали иностранными купцами, принявъ во вниманіе ихъ вѣроисповѣданіе.

(**) По свѣдѣніямъ С. Петербургской Купеческой Управы, въ 1857 г. купцевъ 1 и 2 гильдіи въ С. Петербургѣ было:

Почетныхъ гражданъ 1 гильдіи. .	49
— — 2 —	37
Иностранныхъ гостей	19
Мѣстныхъ купцевъ 1 гильдіи . .	33
— — 2 — . .	144
Дворянъ 1 гильдіи	12
— 2 —	8
Временныхъ купцевъ 1 гильдіи. .	42
— — 2 — . .	49
Итого. .	393

Въ томъ числѣ:

1. Почетныхъ гражданъ 1 гильдіи	49
Иностранныхъ исповѣданій . . .	19
Природныхъ русскихъ купцевъ. .	30
2. Почетныхъ гражданъ 2 гильдіи	37
Природныхъ русскихъ купцевъ. .	32
Иностранныхъ исповѣданій . . .	5
3. Иностранныхъ гостей	19
Иностранныхъ исповѣданій . . .	19
4. Временныхъ купцевъ 1 гильдіи	42
Природныхъ русскихъ.	8
Иностранныхъ исповѣданій . . .	34
5. Временныхъ купцевъ 2 гильдіи	49
Природныхъ русскихъ.	14
Иностранныхъ исповѣданій . . .	35
6. Мѣстныхъ купцевъ 1 гильдіи	33

Торговые обороты иностранныхъ купцевъ, по цѣнѣ какъ привозныхъ такъ и вывозныхъ товаровъ, были несравненно значительнѣе оборотовъ русскихъ купцовъ, какъ это усматривается изъ того же Коммерческаго листка.

Число купцовъ, коихъ торговый оборотъ въ 1857 г. простирался:

	По цѣнѣ привозныхъ товаровъ.	По цѣнѣ отвозныхъ товаровъ.
На сумму до 6 мил. р. с. и болѣе.		
Число иностранныхъ купцевъ	1 (Frerichs)	1 (Stieglitz).
— русскихъ купцовъ. .	0	0
На сумму до 3 мил. р. и болѣе.		
Число иностранныхъ купцевъ	4	1
— русскихъ —	1	0
На сумму до 2 мил. р. и болѣе.		
— иностранныхъ купцевъ	5	10
— русскихъ —	0	0
На сумму до 1 мил. р. и болѣе.		
— иностранныхъ купцевъ	12	7
— русскихъ —	4	0
На сумму до 900,000 р. и болѣе.		
— иностранныхъ купцевъ	3	3
— русскихъ —	0	0
На сумму до 800,000 р. и болѣе.		
— иностранныхъ купцевъ	5	1
— русскихъ —	0	1
На сумму до 700,000 р. и болѣе.		
— иностранныхъ купцевъ	2	7
— русскихъ —	1	2
На сумму до 600,000 р. и болѣе.		

Природныхъ русскихъ 24
Иностранныхъ исповѣданій . . . 9

7. Мѣстныхъ купцевъ 2 гильдіи . 144
Природныхъ русскихъ 104
Иностранныхъ исповѣданій . . . 40

8. Дворянъ 1 гильдіи. . . . 12
Природныхъ русскихъ. 5
Иностранныхъ фамилій. 7

9. Дворянъ 2 гильдіи 8
Природныхъ русскихъ. 4
Иностранныхъ фамилій. 4

Всего: природныхъ русскихъ. . . 221
Иностранныхъ исповѣданій . 172
393

— иностранныхъ купцевъ	3	0
— русскихъ —	0	0
На сумму до 500,000 р. и болѣе.		
— иностранныхъ купцевъ	5	4
— русскихъ —	3	2
На сумму до 300,000 р. и болѣе.		
— иностранныхъ купцевъ	6	2
— русскихъ —	5	2
На сумму до 200,000 р.		
— иностранныхъ купцевъ	10	6
— русскихъ —	1	1
На сумму до 100,000 р.		
— иностранныхъ купцевъ	13	7
— русскихъ —	4	3
На сумму менѣе 100,000 р.		
— иностранныхъ купцовъ	136	159
— русскихъ —	49	59

Оборотный капиталъ 5 Обществъ и Компаній былъ:

По цѣнѣ привозныхъ товаровъ.	По цѣнѣ отвозныхъ товаровъ.
1.113,850 р.	На 24,111 р.

Общая цифра ввоза товаровъ и денегъ въ 1857 доходила до 104.473,419 р.; вывоза—до 61,604,539 р., что представляетъ вмѣстѣ оборотъ 166,077,958 р.

Изъ числа 283 лицъ и Обществъ торговавшихъ въ 1857 г. на здѣшней биржѣ, участіе не принимали:

	Въ привозной торговлѣ.	Въ отвозной торговлѣ.
Иностранныхъ купцевъ	2	87
Русскихъ —	2	28

Приведенныя здѣсь данныя показываютъ, что вся почти наша внѣшняя торговля находится въ рукахъ иностранцевъ, т. е. нѣмцевъ, англичанъ и небольшаго числа французовъ и грековъ. Въ особенности капиталы англійскихъ торговыхъ домовъ, которые завладѣли большею частью нашихъ отпускныхъ товаровъ, имѣютъ сильное вліяніе, какъ на русскихъ перепродавцевъ, такъ и на мѣстныхъ производителей.

Торговыя операціи на петербургской биржѣ, какъ и вездѣ, совершаются двоякимъ образомъ: a) куплею или продажею товаровъ на срокъ, съ платежемъ денегъ чрезъ 6 или 9 мѣсяцевъ или выдачею всѣхъ денегъ сполна, и b) продажею или покупкою товаровъ по *купеческимъ запискамъ*, которыя могутъ перепродаваться и переходить изъ рукъ въ руки, какъ бы наличный товаръ. Напримѣръ

въ послѣднее время, большая часть акцій покупаются не для того, чтобы беречь ихъ и получать хорошіе проценты, но чтобы при повышеніи курса продать за болѣе выгодную цѣну. При передачѣ или продажѣ *купеческихъ записокъ*, покупатель ихъ, сверхъ показанной въ запискѣ цѣны товару, приплачиваетъ еще извѣстный процентъ по существующему въ день продажи биржевому курсу. Напримѣръ, по купеческой запискѣ продано пудъ сахару сырца, января 29, 1858 года за 6 р. 25 к.; владѣтель этой записки тотъ же товаръ можетъ продать въ мѣсяцѣ мартѣ, и по биржевому курсу получитъ уже 8 р. 50 к. Такихъ оборотовъ, смотря по обстоятельствамъ, спекуляторъ можетъ въ теченіе года сдѣлать безчисленное множество. Операція эта, какъ извѣстно, называется *биржевою игрою*.

Покупка заграничныхъ товаровъ, съ условіемъ доставки въ Петербургъ или Москву, производится чрезъ посредство иностранныхъ комиссіонеровъ. На западѣ, по общепринятому обычаю, каждый, болѣе или менѣе извѣстный, торговый домъ имѣетъ почти во всѣхъ главныхъ европейскихъ рынкахъ своихъ агентовъ, которые, сообразаясь съ потребностью и вкусомъ народа, извѣщаютъ торговый домъ, отъ котораго они посланы, чтобы выслать къ такому-то времени извѣстные товары; товары эти потомъ продаютъ оптомъ различнымъ торговцамъ или пересылаютъ для продажи въ окрестные города; тѣже самые агенты, смотря по надобности, закупаютъ и мѣстныя произведенія для отправки за границу. Большая же часть петербургскихъ купцевъ, за неимѣніемъ своихъ агентовъ за границею, въ подобныхъ случаяхъ должны прибѣгать къ посредничеству иностранныхъ комиссіонеровъ и уже чрезъ нихъ выписывать товары вырабатываемые въ извѣстной мѣстности, на фабрикахъ или заводахъ. Комиссіонерамъ этимъ, по необходимости, приходится платить, какъ за ихъ хлопоты, такъ и за всѣ по доставкѣ издержки, возвышающія цѣнность заграничныхъ товаровъ, вдвое и втрое дороже первоначальной ихъ цѣны.

Г. Гартманъ, въ статьѣ своей: Sur les intérêts commerciaux de la Russie, помѣщенной какъ мы сказали въ Le Lloyd Francais, описывая торговыя наши операціи съ Франціею, говоритъ, что дороговизна привозимыхъ въ Россію заграничныхъ товаровъ происходитъ оттого, что каждый французскій фабрикантъ, какъ и французскій купецъ, имѣютъ обыкновенно на свои товары двѣ различныя цѣны: одну, низшую—для коммиссіонера, съ которымъ онъ ведетъ постоянныя дѣла, другую, высшую — для иностраннаго купца, если бы послѣдній захотѣлъ обратиться къ фабриканту съ заказомъ лично. При большой конкуренціи, одинъ фабрикантъ дѣлаетъ уступки ко-

миссіонеру ¹/₄, другой ¹/₃, а третій ¹/₂ продажной цѣны товара; такъ что при окончательномъ разсчетѣ заграничнаго комиссіонера съ русскимъ купцемъ, т. е. въ день réglement de la facture, первый получаетъ барыша за свою комиссію отъ до 25 до 75%.

Кажется, г. Гартманъ, при всемъ своемъ желаніи выставить съ самой выгодной стороны французскихъ комиссіонеровъ, слишкомъ даже увлекся въ своихъ расчетахъ, возвысивъ барыши комиссіонеровъ до 75%! Въ такомъ случаѣ ни одинъ иностранный купецъ не обратился бы въ другой разъ къ такому недобросовѣстному комиссіонеру.

На сколько удалось намъ говорить объ этомъ предметѣ съ нѣкоторыми иностранными комиссіонерами, уступки эти никогда не бываютъ болѣе 10 или 15%, и то только на одни предметы моды, цѣнность которыхъ на сколько возвышается въ моментъ новизны, на столько же упадаетъ впослѣдствіи. Во всякомъ случаѣ, такъ какъ подобнаго рода сдѣлки комиссіонера съ фабрикантомъ не могутъ подлежать никакому контролю и зависятъ совершенно отъ доброй воли фабриканта уступать свой товаръ комиссіонеру даже даромъ, то мы, при опредѣленіи комиссіонерскихъ расходовъ и вообще стоимости привозимыхъ къ намъ заграничныхъ товаровъ, не будемъ принимать во вниманіе уступки фабриканта, а ограничимся общеизвѣстными свѣдѣніями, по которымъ на долю иностраннаго комиссіонера приходится среднимъ числомъ отъ 3 до 10% за отправку модныхъ товаровъ или вообще посылокъ, и не болѣе 3% за предметы, составляющіе главныя статьи нашей привозной торговли.

Теперь посмотримъ, чрезъ какія операціи долженъ пройти иностранный товаръ, прежде, чѣмъ достанется русскому потребителю, и постараемся, по имѣющимся у насъ фактурамъ и биржевымъ даннымъ, сдѣлать хотя приблизительное исчисленіе, во сколько обойдется доставка извѣстнаго заграничнаго товара въ Петербургъ со всѣми другими издержками. Для примѣра возьмемъ два рода товаровъ: одинъ — предметъ необходимости, напр. сахаръ, другой — предметъ роскоши, напр. шелковыя матеріи. Первый товаръ купленъ въ Гаваннѣ, второй въ Парижѣ. Должно замѣтить, что гаванскій сахаръ покупается нашими купцами или чрезъ посредство агентовъ американскихъ, проживающихъ въ Петербургѣ, или чрезъ лондонскихъ комиссіонеровъ. Въ первомъ случаѣ сахаръ доставляется прямо изъ Гаванны въ Петербургъ, а потому и комиссіонерскія издержки будутъ меньше; во второмъ—сахаръ пріобрѣтается уже изъ вторыхъ рукъ, слѣдовательно и издержки будутъ больше.

Пудъ сахару сырца стоитъ въ Гаваннѣ . . . . 3 р. 50 к. (*).

(*) Цѣна эта послѣднихъ двухъ годовъ и выставлена здѣсь потому, что про-

Пудъ сахару сырца въ Петербургѣ стоитъ . . . . . 8 — 50 —
Въ магазинахъ мы платимъ за пудъ сахара рафинада . . . . . 11 — 19 —

Слѣдовательно за колоніальный сахаръ мы платимъ втрое дороже первоначальной цѣны его.

Стоимость пуда сахара, т. е. 11 р. 19 к., распредѣляется слѣдующимъ образомъ:

По фактурѣ:

1) На долю гаванскаго плантатора за пудъ сахара приходится	3 р. 50 к. с,	
2) За фрахтъ, т. е. доставку въ Петербургъ.	» 41 к. —	на 12%
3) Таможенныхъ пошлинъ, двухъ процентныхъ и складочнаго сбора	3 р. 13 к. —	на 90%
4) Петербургскому купцу на имя котораго адресованъ пудъ сахара	» 38 к. —	на 1%
	7 р. 42 к.	
а) Изъ этихъ 38 к. купецъ долженъ уплатить: Своему экспедитору 2%. Драгилямъ и артельщикамъ . . .	» 10 к. с.	
Въ свою пользу купецъ или адресователь товара беретъ обыкновенно 3% со всей цѣны товара, т. е. съ 7 р. 20 к.	» 22 к.	
	38 к.	
5) На биржѣ пудъ сахара сырца 1-го сорта продается за 8 р. 49 к.; слѣдовательно биржевому продавцу прійдется съ пуда сахара 1 р. 7 к.	1 р. 7 к. —	на 30%
6) Рафинадъ на биржѣ продается по 10 р. с. за пудъ. Слѣдовательно на долю фабриканта, приготовившаго сахаръ вмѣстѣ съ издержками по производству прійдется.	1 р. 50 к. —	на 43%

даваемый нынѣ на биржѣ сахаръ купленъ въ Гаванѣ по этой цѣнѣ, то есть въ неурожайные годы. Въ 1847 г. пудъ сахару въ Гаванѣ обходился отъ 2 р. 80 к. до 3 р. с. Несмотря на то, что биржевые купцы продавали въ теченіе 1857 и 1858 годовъ сахаръ по 8 р. 50 к., все таки, такъ какъ сахаръ былъ купленъ въ неурожайные годы, многіе изъ купцевъ понесли убытку до 30%. Въ нынѣшнемъ году ожидается обильный сборъ сахара въ Гаванѣ и должно полагать, что сахаръ значительно подешевѣетъ.

7) Въ лавкахъ пудъ сахару стоитъ 11 р. 19 к., слѣд. лавочнику прійдется . . 1 р. 20 к. — на 34%

Итого 11 р. 19 к. — на 220%,

Такимъ образомъ, одни расходы по доставкѣ сахара въ Петербургъ, вмѣстѣ съ пошлиною, доходятъ до 220% съ первоначальной цѣны, т. е. возвысили цѣнность пуда сахара на 220%.

Если же взять отдѣльно каждаго изъ лицъ, участвовавшихъ въ этой торговой операціи, и опредѣлять количество полученныхъ барышей относительно затраченнаго капитала, то увидимъ, что выгоды эти вовсе не такъ значительны, какъ говоритъ г. Гартманъ въ своей статьѣ, а именно:

Плантаторъ въ Гаваннѣ получитъ 3 р. 91 к. потому, что онъ же обыкновенно беретъ на себя и доставку сахара.	12 %
Правительство за право ввоза получитъ	90 %
Выписывающій сахаръ	11 %
Биржевой продавецъ	14¹/₂%
Фабрикантъ	17³/₄%
Лавочникъ	12 %
Итого	157¹/₄%.

Расчетъ этотъ показываетъ довольно ясно, на чью долю приходится болѣе всего барышей, и что цѣнность заграничныхъ произведеній возвышается вслѣдствіе сложности торговой операціи, а не отъ выгодъ, получаемыхъ отдѣльно каждымъ лицемъ, участвовавшимъ въ торговлѣ; въ особенности если принять во вниманіе очень часто бывающіе въ торговлѣ убытки, какъ напр., въ нынѣшнемъ году. Притомъ, свеклосахарное производство распространилось у насъ въ такихъ обширныхъ размѣрахъ, что при болѣе продолжительномъ существованіи высокой охранительной пошлины, современемъ свеклосахарное производство можетъ совершенно вытѣснить приготовленіе рафинада. Уже въ настоящее время высшіе сорты свекловичнаго сахара такъ чисты и хороши, что не уступятъ бѣлизною рафинаду (конечно только одною бѣлизною, но не сладостью). Высокая пошлина на сахаръ имѣла то вліяніе, что свекловичный сахаръ въ послѣднее время продавался на биржѣ немногимъ дешевле рафинада. Такъ напр. пудъ гаванскаго сахару въ минувшемъ мѣсяцѣ мартѣ продавался по 8 р. 50 к. Цѣна за пудъ свекловичнаго сахара была въ тоже время 7 р. 80 к. — Разница въ 70 к. с.

Но разница эта должна вознаградить потерю, понесенную фабрикантомъ при варкѣ колоніальнаго сахара; потому что изъ одного пуда сахара-сырца нельзя получить пудъ рафинада, а только 26 ф.,

какъ это можно видѣть изъ доставленныхъ намъ рафинадными заводомъ слѣдующихъ свѣдѣній:

40 ф. сахара-сырца даютъ:

26 ф.	рафинада . . .	65 проц.
10 —	мелису	25 —
4 —	сиропу	10 —
40 ф.		100 проц.

Весьма интересно было бы знать, который изъ двухъ родовъ сахара, т. е. колоніальный или свекловичный, представляетъ болѣе выгодъ въ торговлѣ? За недостаткомъ подробныхъ свѣдѣній для рѣшенія этого вопроса, мы постараемся составить хотя примѣрное исчисленіе прибыли, получаемой отъ торговли этими двумя родами сахара.

1) Выше мы имѣли случай показать, что на долю фабриканта рафинада приходится не болѣе 17¾ проц. съ издержками по производству сахара, а именно:

На покупку пуда сахара-сырца . . . . . 8 руб. 50 коп.
Прибыль и издержки по производству сахара 1 — 50 —

2) По свѣдѣніямъ, доставленнымъ намъ въ 1857 году, однимъ изъ свекловичныхъ заводовъ Черниговской губерніи, Борзенскаго уѣзда, имѣнія К., видно, что втеченіе года находилось въ производствѣ на заводѣ 12,319½ берковцевъ свекловицы, всего на сумму до 6,159 руб. сер. Изъ означеннаго количества свекловицы получено сахарнаго песку:

	Продано на мѣстѣ:	Выручено:
1-го сорта 3,695 п. 24 ф.	по 6 р. — за пудъ	22,173 р. 60 к.
2-го сорта 1,231 — 32 —	по 5 — 50 — —	6,774 — 90 —
Итого . . 4,927 п. 16 ф.		28,948 р. 50 к.

Вычитая затраченный на это производство капиталъ 6,159 руб., останется . . . . . 22,789 р. 50 к.
Такимъ образомъ, на капиталъ 6,159 руб., получ. 22,789 — 50 —

Вычитая изъ этой суммы стоимость переработки свекловицы, которая обошлась до 5,789 руб. 50 коп., увидимъ, что чистой прибыли заводчику досталось 17,000 руб. сер. Представляя теперь годовой оборотный капиталъ завода цифрою 100, получимъ:

На покупку свекловицы и на добычу изъ нея сахара, расходуется . . . . . 42 проц.
Чистой прибыли выручается . . . . . 58 —
100 проц.

Впрочемъ, цифры эти взяты съ одного завода, и потому на другихъ заводахъ величины ихъ могутъ измѣняться.

Итакъ, выгоды, получаемыя фабрикантомъ колоніяльнаго сахара, вмѣстѣ съ издержками по производству равняются. . . . . 17¾ проц.
Выгоды отъ свекло-сахарнаго производства доходятъ до 58 —

Слѣдовательно, уменьшая прибыль, получаемую свекло-сахарнымъ заводчикомъ на половину, все-таки онъ получитъ достаточное вознагражденіе за трудъ и употребленный капиталъ, т. е. почти до 30 проц., а чрезъ это уменьшилась бы и цѣнность песку на 30 проц. и сахарный песокъ могъ бы продаваться съ значительной пользою:

1-й сортъ по 4 руб. 20 коп. за пудъ и
2-й — — 3 — 85 — — —

Это почти бы подходило къ цѣнности гаванскаго сахара, съ доставкою его въ Петербургъ, т. е. 3 руб. 91 коп., не считая другихъ расходовъ.

По нынѣ дѣйствующему тарифу, колоніальный сахаръ обложенъ пошлиною въ 3 руб. сер. съ пуда, т. е. 20 коп. дороже стоимости сахара на мѣстѣ производства (1); это уже показываетъ, что свекло-сахарное производство у насъ не могло бы упасть, еслибъ пошлина была еще ниже настоящей. Со времени изданія тарифа 1822 года, привозъ сахара дозволенъ только къ портовымъ таможнямъ. Такъ какъ большая часть колоніальнаго сахара привозится къ петербургскому порту, гдѣ преимущественно сосредоточивается главная фабрикація рафинада, то мы представимъ здѣсь свѣдѣнія о количествѣ, привезеннаго въ Петербургъ сахара, съ 1827 по 1857 годъ включительно.

	Привезено: Среднимъ числомъ:	Пошлины было:	
Съ 1827 по 1831 г.	1,004,523 пуда	2 руб. 50 коп. съ пуда.	
— 1832 — 1836 —	1,226,915 —	3 — 15 — — —	
— 1837 — 1841 —	1,515,413 —	3 — 15 — — —	
— 1842 — 1847 —	1,383,666 —	3 — 80 — — —	(1)
— 1850 — 1853 —	1,854,399 —	— — — — — —	
— 1853 — 1856 —	707,486 —	— — — — — —	
Въ 1856 —	1,285,015 —	— — — — — —	
— 1857 —	1,895,763 —	3 — — — — —	(2).

Данныя эти показываютъ, что количество привоза колоніальнаго

(1) По свѣдѣніямъ, полученнымъ купцами въ мартѣ 1858 года, пудъ сахара въ Гаваннѣ стоитъ 2 руб. 80 коп. сер. или 9 реаловъ за англійскій фунтъ.

(1) «Статистическое обозрѣніе Внѣшней Торговли Россіи», Г. Небольсина. Томъ I.

(2) Годовые отчеты С.-Петербургской Таможни.

сахара, со времени возвышенія пошлины, отъ 2 руб. 50 до 3 руб. 80 коп., хотя значительно не уменьшался, но пропорція его приращенія не увеличилась.

II.

Посмотримъ теперь, во сколько обходится у насъ въ Петербургѣ, привозимый изъ-за границы модный товаръ и вообще предметы роскоши.

Въ основаніе примемъ фактуру купца А., по которой за 13 кусковъ шелковой непрозрачной матеріи (каждый кусокъ составляетъ одно дамское платье), вѣсомъ 27 фун., заплачено въ Парижѣ 558 руб. По доставкѣ въ Петербургъ, матеріи эти обошлись въ 696 руб. сер.

По фактурѣ:

1) Уплачено комиссіонеру въ Парижѣ	558 руб.		
2) За доставку изъ Парижа въ Штетинъ и штетинскому комиссіонеру за комиссію.	16	13	коп.
3) За доставку изъ Штетина въ Петербургъ . . .	1	—	
4) За отсылку письма или извѣщенія		86	—
5) Пошлинъ за право вывоза	10	16	—
6) Получателю товара, т. е. купцу 1-й гильдіи, на имя котораго присланы матеріи	9	85	—
а) Въ этомъ числѣ заключается:			
Купцу	3	—	
Его экспедитору	4	50	—
Дрягилямъ и артельщикамъ	2	35	—
Итого . . .	9 р.	85	коп.
Всего . . .	696 руб.		

Полагая среднимъ числомъ первоначальную цѣну каждаго платья 43 руб. сер., одно платье, при выпускѣ его изъ конторы купца А. въ модный магазинъ, гдѣ должно быть приготовлено платье, обойдется: модисткѣ — 54 руб. 7 коп., а потребителю — 82 руб. 57 коп. сер. Деньги эти распредѣляются слѣдующимъ образомъ:

1) Первоначальная цѣна однаго платья въ Парижѣ	43 руб.		
2) Доставка и комиссія въ Штетинѣ и присылка въ Петербургъ	1	32	коп.
3) Пошлинъ за одно платье	8	93	—

4) Выписывателю товара, т. е. купцу А. . .	30 —	(1)
5) Купеческому экспедитору	34 —	(2)
6) Дрягилямъ и артельщикамъ	18 —	
Итого . . .	54 руб. 7 коп.	

Далѣе:

Модисткѣ за фасонъ — приблизительно	5 руб.	
— за уборку платья среднимъ числомъ можно поставить	15 — 50 —	
— Прибыль (модистки обыкновенно берутъ прибыли 15 проц.)	8 —	(3)
Всего . . .	82 руб. 57 коп.	

Такимъ образомъ, если разсчитывать барыши, полученные каждымъ лицомъ, принимавшимъ участіе въ торговлѣ однимъ шелковымъ платьемъ, то увидимъ, что болѣе всего приходится на долю правительства за право ввоза, потомъ модисткѣ, и наконецъ комиссіонерамъ иностранному и русскому, а именно:

Первоначальная цѣна 43 р., то на 43 р. с. приходится:

		приблизительно.
1) Доставка въ Штеттинъ, комиссіонеру штеттинскому и доставка въ Петербургъ	1 р. 32 к., т. е.	3½ процент.
2) Пошлинъ	8 — 93 — —	20 —
3) Выписывающему товаръ	30 — —	¾ —
4) Экспедитору	34 — —	⅘ —
5) Дрягилямъ и артельщикамъ . . .	18 — —	⅖ —
6) За фасонъ	5 — —	11½ —
7) Уборка платья	15 — 50 — —	36 —
8) Прибыль модисткѣ	8 —	18½ —
Итого цѣнность платья возвысилась до		91½ процент.

Но не думайте, чтобы кусокъ шелковой матеріи, стоющій въ Парижѣ 43 р., обходился въ Петербургѣ 54 р. 7 к. Если бы потребитель выписалъ одинъ только кусокъ шелковой матеріи, то доставка его въ Петербургъ и другіе расходы будутъ, за исключеніемъ пошлинъ, почти такіе же, какъ и на тринадцать кусковъ шелковой мате-

(1) Выписыватель товара въ Петербургѣ получаетъ обыкновенно 3 проц. со всей цѣны, или 3 руб. сер. съ ящика.

(2) Экспедиторъ получаетъ 2 проц. съ пошлиннаго рубля; но это только въ такомъ случаѣ, когда присылаются товары большими партіями. Обыкновенно же, за каждое товарное мѣсто или ящикъ, экспедиторъ, въ свою пользу, беретъ 4 р. 50 коп., а выписывающій товаръ получаетъ сверхъ того еще 3 руб.

(3) Счетъ за уборку платья выписанъ изъ подлиннаго счета, представленнаго модисткою.

ріи; потому что для комиссіонера, какъ иностраннаго, такъ и русскаго, все равно: присылается ли одно платье или тринадцать платьевъ, если только вещи эти помѣщаются въ одномъ ящикѣ, то издержки на окончательномъ счетѣ выставляются однѣ и тѣ же, а именно: комиссіонеръ въ Штеттинѣ или въ пограничной русской таможнѣ, съ одного ящика никогда не возьметъ менѣе 5 р. с., комиссіонеръ въ Петербургѣ беретъ обыкновенно съ ящика 3 р. с., экспедиторъ 4 р. 50 к., на артельщиковъ, дрягилей и прочіе расходы, какъ мы видѣли выше, выставлены съ ящика, въ которомъ помѣщались тринадцать кусковъ шелковой матеріи, 2 р. 35 к. с. Счеты эти, я думаю, очень хорошо извѣстны всѣмъ путешествовавшимъ за границею, которые по какимъ нибудь обстоятельствамъ не могли привезти съ собою купленныя тамъ вещи. Такимъ образомъ, если бы кто нибудь купилъ въ Парижѣ ящикъ чистой парижской грязи и захотѣлъ прислать въ Петербургъ, то грязь эта ему обойдется:

1) Первоначальная цѣна	0		
2) Доставка изъ Парижа въ Таурогенъ и Таурогенскому комиссіонеру	17 р.		
3) Доставка изъ Таурогена въ Петербургъ	1 —	80 к.	
4) Пошлинъ	0 —		
5) Адресователю товара	3 —		
6) Экспедитору	4 —	50 —	
7) Дрягилямъ, артельщикамъ, складка въ пакгаузахъ и проч.	1 —	5 —	
Итого . .	27 р.	35 к. (*)	

Слѣдовательно платье, стоющее въ Парижѣ 43 р. с., обошлось бы по этому счету не 54 р. 7 к., какъ это мы разсчитали выше, но 69 р. 28 к. модисткѣ, потребителю же 97 р. 78 к.

Конечно, многіе могутъ сказать, что потребитель можетъ довольствоваться произведеніями мѣстнаго производства, не носить французскихъ матерій, словомъ, если средства не позволяютъ, воздерживаться отъ потребленія предметовъ роскоши. Безъ сомнѣнія, истина справедливая, но, къ несчастію, устарѣлая, и какъ бы вы ни проповѣдывали воздержность, какъ бы ни преслѣдовали роскошь, всѣ ваши доводы и убѣжденія будутъ лишь пустыя слова, не приносящія желанной пользы. При настоящемъ состояніи общества, каждый трудящійся человѣкъ, какъ бы онъ ни былъ воздержанъ, всегда будетъ стремиться къ удовлетворенію, хотя на сколько нибудь, своихъ при-

(*) Данныя эти не выдуманы, а взяты изъ подлинной фактуры купца П..., представленной для уплаты счета по доставкѣ изъ Парижа забытой тамъ старой шинели.

хотей; иначе—удовольствіе заработанныхъ денегъ теряется, и человѣкъ превращается въ жалкаго труженика, которому нѣтъ свѣтлыхъ дней, нѣтъ этаго счастія, которое дается лишь излишкомъ заработанныхъ собственными своими трудами денегъ! Съ другой стороны, должно сознаться, что приготовляемыя у себя дома издѣлія, хотя и дешевле иностранныхъ, но никогда не могутъ сравниться въ прочности и чистотѣ отдѣлки съ послѣдними. Къ этому прибавьте, что съ тѣхъ поръ, какъ иностраннымъ издѣліямъ вообще стали отдавать преимущество предъ русскими, едва ли на какой нибудь изъ русскихъ фабрикъ станутъ приготовлять издѣлія хорошей доброты: обработка ихъ стоитъ такъ дорого, что очень часто фабрикантъ или продавецъ тотчасъ прибѣгаютъ къ хитрости и произведенія эти выдаютъ за иностранныя. Въ этомъ случаѣ «одинъ продуктъ, дорогой только потому, что платитъ высокую пошлину, — замѣняется другимъ продуктомъ, который обходится дорого самому производителю, и бремя налога, падающаго на потребителя, нисколько не облегчается» (*).— Притомъ отъ подобной недобросовѣстности вкралась недовѣрчивость между покупателемъ и продавцемъ и обманъ между нашими розничными торговцами встрѣчается чаще, чѣмъ въ какомъ либо другомъ государствѣ. Не дальше, какъ въ Петербургѣ, взойдите въ нѣкоторыя изъ лавокъ гостинаго двора, посмотрите, что дѣлается въ лавкахъ Апраксина двора, гдѣ плутовство доведено до высшей степени совершенства, и вы убѣдитесь, что лучше заплатить дороже за какую нибудь вещь въ иностранномъ магазинѣ, чѣмъ купить гнилой и ни къ чему негодный товаръ за самую дешевую цѣну.

Но возвратимся къ причинѣ дороговизны иностранныхъ произведеній и разберемъ отдѣльно выгоды каждаго изъ лицъ, черезъ руки которыхъ долженъ пройти товаръ, прежде чѣмъ достанется потребителю.

Мы видѣли, что шелковыя матеріи, прежде чѣмъ дошли до потребителя, должны были пройти слѣдующія 7 инстанцій :

1) Производитель или фабрикантъ.

2) Комиссіонеръ въ Парижѣ.

3) Комиссіонеръ въ Штетинѣ.

4) Таможня.

5) Русскій купецъ 1-й или 2-й гильдіи, на имя котораго адресованъ товаръ.

6) Экспедиторъ, артельщики и дрягили.

7) Модистка и потребитель.

(*) «Статистическое обозрѣніе внѣшней торговли Россіи, Г. Небольсина». Т I, стр. 333.

Каждый изъ приведенныхъ здѣсь посредниковъ въ торговлѣ шелковыми матеріями не станетъ работать даромъ, и если взять во вниманіе всѣ хлопоты и очень часто убытки, неизбѣжные въ каждой торговой операціи, то немудрено, что каждое лицо потребуетъ за свой трудъ вознагражденіе, и вознагражденіе такое, которое бы вполнѣ удовлетворяло его за всѣ эти хлопоты и потери. Отъ этаго и цѣна товара, по мѣрѣ перехода его изъ одной инстанціи въ другую, все болѣе и болѣе возвышалась, и каждое лице накидывало отъ 2 до 20%, не считая модистки, которой одной приходится 66%; наконецъ довели до того, что цѣна однаго шелковаго платья поднялась до 91⅓% противъ первоначальной его стоимости. Что комиссіонеръ русскій беретъ за свою комиссію 3%, его экспедиторъ 2%, иностранный комиссіонеръ 3, 5 и 10%, — вещь весьма натуральная: кто изъ насъ захочетъ работать и быть цѣлый день на побѣгушкахъ за капиталъ, приносящій дохода менѣе 3, 5 и 10%? Нѣтъ никакого сомнѣнія, что помянутые посредники торговли иногда увлекаются корыстолюбіемъ и тѣмъ возвышаютъ цѣнность иностранныхъ товаровъ вдвое и втрое дороже первоначальной ихъ стоимости; но такіе посредники, обогащаясь на скорую руку, такъ же скоро и теряютъ кредитъ у своихъ довѣрителей, — слѣдовательно это не можетъ быть общимъ правиломъ и есть нечто иное, какъ злоупотребленіе, которое, быть можетъ, когда нибудь и искоренится. Притомъ, ограничить прибыль комиссіонеровъ или вообще посредниковъ въ торговлѣ такъ же трудно, какъ невозможно кого нибудь заставить работать за низкую плату, несогласную съ запросомъ; тѣмъ болѣе, что это будетъ уже родъ насилія, а насиліе въ каждомъ свободномъ и необязательномъ трудѣ влечетъ за собою самыя вредныя послѣдствія. Слѣдовательно, чтобы удешевить иностранныя произведенія, нужно пріискать такія мѣры, которыя могли бы благодѣтельно дѣйствовать какъ на производителя и торговца, не лишая ихъ приличнаго вознагражденія за капиталъ и трудъ, такъ и на потребителя, не обременяя послѣдняго высокою цѣною на предметы потребленія.

Выше мы имѣли случай показать, что иностранный товаръ долженъ былъ пройти чрезъ 7 рукъ, прежде чѣмъ достался русскому потребителю. А потому главная причина дороговизны иностранныхъ товаровъ заключается въ сложности самой торговой операціи, возникшей по необходимости вслѣдствіе охранительной системы и исключительнаго права производить заграничную торговлю только извѣстному классу торгующихъ, которымъ потребовалось имѣть въ разныхъ мѣстахъ комиссіонеровъ и экспедиторовъ, и, платя имъ за труды, возвышать тѣмъ цѣнность заграничныхъ произведеній. Мы не думаемъ выставлять этотъ порядокъ въ видѣ упрека существую-

щей нынѣ охранительной системѣ, мы указываемъ на него, какъ на фактъ, который вытекаетъ самъ собою изъ настоящаго порядка вещей. Выписывай изъ-за границы самъ потребитель все для него необходимое, расточай онъ деньги, какъ ему заблагоразсудится, но пусть посредниками въ торговлѣ будутъ только производитель и потребитель (а не спекуляторъ), дающій самъ себѣ отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ, — иностранныя произведенія, безъ всякаго сомнѣнія, значительно подешевѣютъ. Разумѣется, что тогда не потребуется русскому потребителю имѣть комиссіонера въ Штеттинѣ или другомъ пограничномъ городѣ, ни особаго получателя товара и его экспедитора въ Петербургѣ, и тогда потребителю придется заплатить только стоимость товара на мѣстѣ производства или на мѣстѣ его продажи и издержки по доставкѣ товара въ Россію. Но если мысль о свободной торговлѣ неосуществима, по крайней мѣрѣ въ настоящее время, какъ потому, что государство можетъ потерпѣть убытки, такъ и потому, что отъ этого можетъ остановиться развитіе мѣстныхъ фабрикъ; то удешевить цѣнность заграничныхъ произведеній, не нарушая таможенныхъ постановленій, можно было бы, предоставивъ право заграничной торговли каждому, и, не прибѣгая къ посредничеству комиссіонеровъ или купцевъ первыхъ двухъ гильдій, заставить платить установленную пошлину за право ввоза товаровъ, за право торговли, каждаго, выписывающаго изъ-за границы различные товары. Тогда налогъ будетъ падать равномѣрно-какъ на капиталъ, такъ и прибыль каждаго, а не извѣстнаго только класса людей Отъ этого выиграютъ производитель и потребитель: первый потому, что увеличитъ сбытъ своихъ произведеній, и тѣмъ удешевитъ пиья, — второй потому, что сдѣлаетъ сбереженіе, и вмѣсто одного, напримѣръ платья, въ состояніи будетъ купить еще и другую необходимую вещъ. А что главное,— торговля приметъ болѣе нравственный характеръ,—не станетъ этихъ блестящихъ приманокъ въ модныхъ магазинахъ, такъ часто вводящихъ въ искушеніе небогатый классъ людей, заставляя закупать предметы излишней роскоши, безъ которыхъ, хотя и очень можно было бы обойтись, но, которыя, вслѣдствіе какихъ-то свѣтскихъ приличій и даже, какъ говорятъ, необходимости, должны быть у каждой, болѣе или менѣе благовоспитанной, по нынѣшнимъ понятіямъ, женщины. Тогда только явится конкуренція, и каждый будетъ стремиться къ удешевленію цѣнъ заграничныхъ произведеній и тѣмъ распространенію довольства между небогатымъ классомъ людей; тогда и классъ торгующихъ, не находя никакой выгоды прибѣгать въ продажѣ товаровъ къ разнымъ уловкамъ и хитрости, быть можетъ получитъ болѣе правильное понятіе о торговлѣ и, сознавая нравственное свое достоинство и безграничную пользу, приносимую обществу,

станетъ вести дѣла свои честнымъ и правымъ образомъ, не обогащаясь на счетъ другихъ. Въ настоящее время сословіе торгующихъ у насъ какъ-то отдѣлено отъ другихъ сословій, въ особенности дворянства; рѣдко кому случается встрѣтить въ гостиной какого нибудь, не говорю уже сіятельнаго, но даже превосходительнаго, господина, гостино-дворца или магазинщика съ Невскаго проспекта и провести съ нимъ вмѣстѣ вечеръ. Отчего бы это? Во-первыхъ потому, что между людьми такого сословія очень мало попадается людей съ приличнымъ и хорошимъ образованіемъ, которое одно только уравниваетъ права всѣхъ сословій; (мы совершенно далеки отъ мысли распространять этотъ приговоръ вообще на всѣхъ купцевъ и прикащиковъ, какъ иностранныхъ, такъ и многихъ русскихъ, между которыми, въ особенности въ молодомъ поколѣніи, можно встрѣтить и высшее образованіе, честность и истинное понятіе о торговлѣ), а во-вторыхъ, кажется, болѣе оттого, что на торговое сословіе у насъ какъ-то искони привыкли смотрѣть, какъ на людей, не слишкомъ часто отличающихся правотою и добросовѣстностью въ торговыхъ сдѣлкахъ. Къ этому присоединились старинные и закоренѣлые предразсудки вести знакомство только съ равными и вообще не допускать въ сословіяхъ никакого mésalliance: да и какъ можно, по нашимъ средневѣковымъ понятіямъ, какому нибудь дворянину, чиновнику, словомъ — благородному, вести хлѣбъ и соль съ купцемъ?!... за то, впрочемъ, по какому-то особенному стеченію обстоятельствъ, многія изъ дамъ этихъ благородныхъ сословій находятъ какую-то неизъяснимую прелесть въ разговорѣ съ этими же прикащиками и купцами, проводя, большею частью безъ всякой надобности, цѣлые дни, какъ бы въ какомъ нибудь клубѣ, въ модныхъ магазинахъ гостинаго двора, ни чуть не чуждаясь общества гг. прикащиковъ;—напротивъ того, многія даже увлекаются ихъ прелестными разсказами о всевозможныхъ модныхъ принадлежностяхъ дамскаго туалета.

Такимъ образомъ, только сдѣлавъ торговлю доступною каждому, предоставивъ каждому, помѣрѣ силъ и возможности, свободно располагать своими познаніями и примѣнять ихъ къ дѣлу, не стѣсняясь никакими предразсудками и ложными понятіями о приличіи, только тогда можно ожидать настоящаго развитія промышленныхъ силъ народа; только тогда въ каждомъ лицѣ пробудится достаточно энергіи для надлежащей производительности, и каждый найдетъ себѣ возможность наилучшимъ образомъ употребить въ дѣло свои познанія и способности. При настоящемъ развитіи общества, когда нужды къ существованію распространяются все больше и больше, а средства къ жизни не увеличиваются; когда тысячи молодыхъ людей, оканчивая курсы наукъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, не знаютъ

куда дѣться и какъ примѣнить свои познанія къ практикѣ, кажется-самымъ лучшимъ образомъ можно было бы посвятить часть своихъ познаній занятіямъ торговымъ, занятіямъ благороднымъ, независимымъ, ни для кого не обременительнымъ. Почему бы этимъ молодымъ людямъ, большая часть которыхъ не имѣетъ другихъ средствъ къ существованію, кромѣ собственнаго труда, вмѣсто того, чтобы набивать собою присутственныя мѣста и департаменты, не заниматься торговлею? Почему бы и женамъ этихъ молодыхъ людей не раздѣлять занятій мужей, и вмѣсто того, чтобы проводить цѣлые дни въ праздности, въ гуляніяхъ по Невскому проспекту, или просиживаніи по нѣскольку часовъ, безъ всякой нужды, въ лавкахъ гостинаго двора, почему бы дамамъ этимъ не сидѣть въ такихъ же лавкахъ и не продавать издѣлія собственнаго труда или иностранныя? Скажутъ — это унизительно. А не унизительно цѣлый день проводить въ праздности, отъ которой развивается страсть къ тщеславію, мотовству, а въ заключеніе — безнравственность? А не унизительно, что пока мужъ работаетъ на службѣ, жена, сложа руки, въ праздности проводитъ время, сидя у окошка, разглядывая прохожихъ и придумывая, какая шляпка идетъ ей больше всего къ лицу, какое сшить ей платье къ предстоящему балу, какую купить матерію для обивки старой мебели? А не унизительно, что мужъ, проводя ночи въ занятіяхъ и видя, что заработанныя трудовыя деньги недостаточны для удовлетворенія не только прихотей возлюбленной супруги, но и необходимыхъ нуждъ семейства, наконецъ теряетъ всякое терпѣніе и примѣняетъ къ практикѣ разсказы о «Медвѣжьемъ углѣ» и «Крутогорскѣ?» Если бы молодые люди, кончившіе курсъ наукъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, занимались торговлею и своими высшими познаніями распространяли въ торговомъ классѣ примѣры правоты и честности, тогда и на купца стали бы смотрѣть совершенно другими глазами, и занятіе торговое не считалось бы унизительнымъ. Можно сказать съ достовѣрностью, что въ Петербургѣ между служащимъ классомъ несравненно болѣе холостыхъ, чѣмъ женатыхъ — почему бы это? Потому, что большая часть служащихъ—люди безъ средствъ, живущіе однимъ жалованьемъ, а при настоящемъ понятіи о жизни—жалованье чиновника недостаточно для содержанія семейства, въ особенности если захотятъ поддерживать знакомства и связи. Почему бы женѣ, съ своей стороны, не пособлять своими трудами въ содержаніи семейства? А потому, что дамы наши вовсе къ тому не приготовлены; онѣ и хотѣли бы трудами своими приносить какую нибудь пользу, но, къ несчастію, связаны какими-то свѣтскими приличіями, которыя не позволяютъ имъ заниматься чѣмъ-нибудь другимъ, унижающимъ положеніе ихъ въ свѣтѣ. Онѣ такъ вос-

питаны, что въ крайности для нихъ только два честныя средства: быть гувернанткой, и то большею частью очень плохой, или проводить дни и ночи за вышиваніемъ воротничковъ, за которые платятъ очень дурно, и вовсе не столько, чтобы можно было содержать семейство. Мы увѣрены, что многія изъ дамъ были бы очень рады заработывать своими трудами деньги, хотя изъ одной любви къ мужу, но сами не знаютъ какъ ихъ заработать? а рѣшиться сѣсть за прилавокъ въ магазинѣ—невозможно! Но не лучше ли быть выставкой въ модномъ магазинѣ (если только занятіе въ магазинѣ можетъ назваться выставкой?) и честнымъ образомъ заработывать кусокъ хлѣба, быть независимой, ни въ чемъ никому небытьобязанной, не слышать упрековъ въ одолженіяхъ и оказанныхъ благодѣяніяхъ, чѣмъ терзаться и мучиться всю жизнь потому только, что изъ какого нибудь ложнаго стыда, нѣтъ никакой возможности ни пропитать дѣтей, ни дать имъ приличное воспитаніе? Пора бы забыть намъ эту спѣсь; пора перестать заглядываться на высшіе слои общества, ослѣпляющіе насъ своимъложнымъ блескомъ; пора перестать подражать роскоши знатныхъ и закладывать послѣдніе часы, чтобы только явиться прилично одѣтымъ на ихъ балы, посидѣть въ ихъ блестящихъ гостиныхъ, гдѣ принимаютъ васъ больше изъ состраданія. Пора научиться, что тысячу разъ лучше умѣть пріобрѣсть себѣ уваженіе своими собственными трудами въ среднемъ кругу, который вездѣ и всегда приносилъ пользу обществу, чѣмъ опасаясь потерять знакомство ея сіятельства, ничѣмъ не заниматься и быть въ тягость мужу, себѣ и услышать потомъ не разъ упрекъ собственныхъ же своихъ дѣтей. Мысли эти уже высказывались не разъ, и нѣтъ сомнѣнія, что въ настоящее время общество проникнуто ими вполнѣ; но къ несчастію, предразсудки такъ глубоко пустили свои корни, что едва ли кто скоро еще рѣшится отстать отъ нихъ и занимаясь государственною службою, позволить женѣ или дочери заниматься торговлею. «Такъ человѣкъ не скоро рѣшается на мучительное леченіе и предпочитаетъ лучше возиться съ своимъ недугомъ до послѣдней крайности!» (*).

(*) Атеней № 6-й.

Г. ПЕЙЗЕНЪ.

15-го Апрѣля 1858 года.

ДРАМАТИЧЕСКІЯ СЦЕНЫ.

I.

ФИЛАНТРОПЫ.

(И. Ф. Становичу.)

ЛИЦА:

ВАЖНАЯ ОСОБА, недавно прибывшая въ городъ, и потому до нижеописаннаго событія еще непосредственная личность.

ИВАНЪ САВИЧЪ ЛАДЫЖКИНЪ, предсѣдатель комитета о бѣдныхъ, въ губернскомъ городѣ. Въ кондуитномъ спискѣ значится: усердевъ, добръ и свѣдущъ, а со времени избранія его въ предсѣдатели комитета, сдѣлана приписка: сердоболенъ.

НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧЪ ЛАСТОЧКИНЪ, 23-хъ лѣтъ, секретарь комитета о бѣдныхъ. По кондуиту: кротокъ, ласковъ, подаетъ большія надежды.

КИРИЛЛЪ КИРИЛЫЧЪ МОРДОХЛЕСТОВЪ. помѣщикъ 50 лѣтъ, какъ большая часть помѣщиковъ его лѣтъ.

ЛЕОНИДЪ КИРИЛОВИЧЪ МОРДОХЛЕСТОВЪ, братъ его, 28 лѣтъ, гусаръ. По кондуиту *пылокъ*, но *благороденъ* и *воспріимчивъ*.

КАРПЪ ИВАНОВИЧЪ КОЧЕТОВЪ, статскій совѣтникъ. Управляющій казенною палатою.

КОНОТОПОВЪ, юноша-чиновникъ, служащій у Кочетова. Изъ неблагонадежныхъ. характера безпокойнаго.

СТАРЫЙ ЧИНОВНИКЪ.

Военные и гражданскіе чиновники.

Залъ въ домѣ благороднаго собранія. Посреди̇нѣ столъ, покрытый краснымъ сукномъ. Кругомъ разставлены кресла и стулья.

ЯВЛЕНІЕ 1.

Ласточкинъ (*укладывая на столъ бумаги*). Ну! слава Богу! Теперь, кажется, все въ порядкѣ. (*Садится въ кресло и съ удовольствіемъ потираетъ себѣ руки*). А вѣдь пріятно быть секретаремъ

комитета о бѣдныхъ. Очень пріятно! особенно для молодаго человѣка. Всегда на виду у его превосходительства. Есть возможность отличиться, показать свои способности. Да-съ! Напримѣръ, хоть бы отчетъ о дѣйствіяхъ комитета. (*Вздыхаетъ*). Не знаю, какъ онъ нынче удастся мнѣ, а прошлый годъ я просто фуроръ произвелъ. Ужь на что прежній нашъ начальникъ, — серьезнаго характера былъ человѣкъ,—да и тотъ тронулся. Публично изволилъ прослезиться. Взялъ меня за руку, пожалъ съ этакимъ начальническимъ чувствомъ, да и говоритъ: вы, говоритъ, благородный молодой человѣкъ! А у самого слезы такъ и капаютъ. Очень трогательно было! Вижу, говоритъ, что вы родителями своими въ страхѣ и заповѣдяхъ Божьихъ воспитаны. Вотъ какъ! (*Напьваетъ*). Турлю-лю! турлю-лю! (*Вдругъ останавливается*). А интересно знать, какое впечатлѣніе моя рѣчь на его превосходительство произведетъ. Хмъ! признаюсь, есть надежда, что пожну лавры, пожну! (*Опять напьваетъ*). Я нарочно въ «Сѣверной Пчелкѣ» парламентскія пренія читалъ;—ну да и статистику тоже вклепалъ. Странно, нынче безъ статистики ни одна рѣчь не говорится. Признаюсь, мнѣ это не нравится, сухо очень! Да и притомъ съ этими глупыми цифрами и періоды не могутъ быть такъ круглы. То-ли дѣло, когда одни возвышенныя мысли излагаются — прелесть! Но чтожь дѣлать, — потребность вѣка. Образованный человѣкъ долженъ въ уровень съ вѣкомъ идти. Впрочемъ, я цифры такъ, наобумъ ставилъ. Больше для шику. (*Опять напьваетъ*). А удивительная вещь — воображеніе. Ей-Богу! Когда я читаю отчетъ, мнѣ иногда кажется, что это не я читаю. Право, кажется, что это не я читаю, а Пальмерстонъ, или какой нибудь Джонъ-Россель,—и не въ нашей залѣ, а въ этакомъ, какомъ нибудь... скверѣ, что-ли? Какъ это у нихъ тамъ называется? Всѣ въ глаза тебѣ смотрятъ... боятся слова проронить, а ты... пріятно! очень пріятно! Одно досадно, — отчего это у насъ не принято рукоплескать, а? А вѣдь въ Англіи рукоплещутъ!.. Все отсталыя понятія... необразованность. (*Пауза*). Да-съ, пріятно быть секретаремъ комитета о бѣдныхъ. Самое благотвореніе чего-нибудь да стоитъ. Пріѣдешь къ какой нибудь бѣдной вдовѣ. У ней хорошенькая дочка. Начнешь любезничать... Одно досадно—эти бѣдные никогда по-французски не говорятъ. Я одинъ разъ одержалъ было рѣшительную побѣду, да этотъ Конотоповъ вмѣшался, такихъ непріятностей наговорилъ, что я еще удивляюсь себѣ, какъ у меня стало характеру

снести его оскорбленія. Впрочемъ, такихъ людей только презирать слѣдуетъ Одно непріятно въ моей обязанности: это — лазитъ по чердакамъ, посѣщая бѣдныхъ. Впрочемъ, я нынче не дѣлаю этой глупости... всегда человѣка посылаю. Онъ и объяснится съ ними лучше можетъ, а то я ихъ рѣшительно не понимаю. Чортъ знаетъ, на какомъ нарѣчіи они говорятъ. Такихъ иногда словъ наслушаешься,—да и грязь-то какая, Боже мой,— ужасъ! Признаюсь откровенно, я къ подобнымъ созданіямъ, кромѣ презрѣнія, ничего не могу питать. Конечно, понятно, что не всѣ же могутъ быть богатыми, должны быть и бѣдные—это законъ природы. Но по моему, бѣдность извинительна только въ такомъ случаѣ, ежели она прилична. Требовать отъ бѣдняка роскоши, богатства — было бы безразсудно; по моему это утопія, ей-Богу, утопія, что тамъ ни говори комунисты. Но по крайней мѣрѣ, будь все это мило, опрятно, чисто, а то лохмотья, и одни лохмотья. Развѣ бѣдность не можетъ быть изящна? Нѣтъ, я васъ спрашиваю, развѣ бѣдность не можетъ быть изящна? (*Съ ироніей*). Конечно, не у насъ. Все недостатокъ развитія, невѣжество! Посмотрите-ко вы на бѣдняковъ Сю, на ихъ мансарды: какъ это все мило, граціозно!

Голосъ Ладыжкина. Ну что? никого еще нѣтъ?

Второй голосъ. Никого-съ. Одинъ Николай Иванычъ.

ЯВЛЕНІЕ II.

ЛАСТОЧКИНЪ и ЛАДЫЖКИНЪ.

Ладыжкинъ (*плотный мужчина, съ одышкой*). А! Николай Иванычъ. Ну, что?

Ласточкинъ. Ничего-съ, Иванъ Савичъ. Все приготовилъ.

Ладыжкинъ. Уфъ! Поскорѣй бы покончить все. Этотъ комитетъ у меня въ горлѣ коломъ стоитъ. Второй день, часику покою не имѣю. Отъ бѣдныхъ и нищихъ отбою нѣтъ. Собачье чутье у канальевъ! Сегодня утромъ просто изъ терпѣнья вывели. Я велѣлъ ихъ взашей гнать. Чортъ знаетъ, что такое. Вчера у Никодима Петровича до четырехъ часовъ въ ерунду проиграли. Только что успокоился на зарѣ, а тутъ и начали хлопать дверьми. Уфъ! хоть бы поскорѣе покончилось все. Роздалъ бы этимъ потаскушкамъ, кому что приходится. Гора бы съ плечь свалилась.

Ласточкинъ. На ихъ долю, Иванъ Савичъ, не Богъ—знаетъ,

сколько придется. (*Молчаніе*). Иванъ Савичъ, знаете ли что я думаю. Не много-ли мы назначили Мордохѣевой. Весь остатокъ не превышаетъ четырехъ сотъ, а вѣдь мы ей триста вкатили.

Ладыжкинъ. Кто-жь говоритъ, что мало? Много! — уфъ; очень много, да что жь прикажете дѣлать? Попробуйте ей не дать, такъ она, чего добраго, глаза выцарапаетъ. Такую сплетню протрезвонитъ по городу, что и жизни не радъ будешь.

Ласточкинъ. Это дѣйствительно такъ, Иванъ Савичъ. Только какъ его превосходительству покажется.

Ладыжкинъ. Э! Объ этомъ-то нечего безпокоиться. Она уже успѣла втереться къ нимъ. У генеральши ручки цалуетъ, благодѣтельницей называетъ. Дѣтямъ сказки разсказываетъ, да пѣсенки поетъ. Вѣдь это такая безсовѣстная женщина, что прикажи ей только генералъ какую нибудь неприличность сдѣлать, такъ она и неприличность сдѣлаетъ. Ей-Богу, сдѣлаетъ! При всемъ обществѣ сдѣлаетъ! Вотъ какъ честный человѣкъ. Знаю я ея натуру. Только бы за это ей платье старенькое дали. И вѣдь пусть бы нищая была, а то пенсіонъ, бестія, получаетъ, а семейство не Богъ—знаетъ какое,—сынъ да дочь. Уфъ! 250 рублей пансіону получаетъ каналья.

Ласточкинъ. Да-съ, у ней довольно странный характеръ. А вѣдь изъ хорошаго дома. Прекрасно по-французски говоритъ.

Ладыжкинъ. Чортъ ее побери съ ея французскимъ языкомъ. Охъ-хо-хо! Вы, Николай Ивановичъ, ужь пожалуйста похлопочите, чтобъ все какъ слѣдуетъ было. Его превосходительство человѣкъ новый, во все самъ будетъ входить. Надобно себя зарекомендовать. Онъ хоть, повидимому, и обходительный человѣкъ, да вѣдь Богъ—знаетъ его душу. Чтобъ не опростоволоситься.

Ласточкинъ. Будьте покойны, Иванъ Савичъ.

ЯВЛЕНІЕ III.

ТѢЖЕ и К. К. МОРДОХЛЕСТОВЪ, и нѣсколько чиновниковъ, которые вскорѣ дѣлятся на группы.

Ладыжкинъ. А! И вы, Кирилъ Кирилычъ, къ намъ на засѣданіе.

К. Мордохлестовъ. Нельзя-съ. *Самъ* вчера приглашалъ.

Ладыжкинъ. Ну-съ, какъ вамъ понравился его превосходительство?

К. Мордохлестовъ. Молодецъ!

Ласточкинъ. А какая деликатность,—свѣтскій человѣкъ.

К. Мордохлестовъ. Молодецъ! Не въ похвальбу ему скажу. Я Россію таки вдоль и поперегъ проѣхалъ. Знаю ее. Насмотрѣлся вдоволь на всякія начальства. Противъ него немного будетъ. Молодецъ!...

Ладыжкинъ. А что за душа,—ангелъ.

К. Мордохлестовъ. Само собой разумѣется. Съ такимъ человѣкомъ и поговорить пріятно. Къ такому человѣку уваженіе невольное чувствуешь.

Ласточкинъ (*со вздохомъ*). Истинно, достойный уваженія человѣкъ.

К. Мордохлестовъ. Понятно! Такіе люди, батинька вы мой, самимъ провидѣніемъ для управленія земли созданы. Вѣдь на него посмотрѣть любо. Да что это? Такая гибель васъ засѣдать будетъ!

Ладыжкинъ. Воля его превосходительства.

К. Мордохлестовъ. А! Молодецъ! (*Непродолжительное молчаніе*).

Ласточкинъ. А Леонидъ Кирилычъ отчего не пріѣхалъ? Здоровъ ли онъ?

К. Мордохлестовъ. Что съ нимъ сдѣлается! Такого быка ничто не свалитъ. Вотъ уже недѣля, какъ я его съ глазъ потерялъ. Пьянствуетъ гдѣ нибудь... Хотѣлъ эту ночь назадъ, да нѣтъ что-то.

ЯВЛЕНІЕ IV.

Еще НѢСКОЛЬКО ЧИНОВНИКОВЪ и КОНОТОПОВЪ съ СТАРЫМЪ ЧИНОВНИКОМЪ; они отдѣляются отъ другихъ группъ и идутъ, продолжая разговоръ, къ лѣвой сторонѣ аванъ-сцены.

Старый чиновникъ. Да, Иванъ Петровичъ, жаль; похристіански жаль старушку Малаеву. Больно ужь ее бѣдность одолѣла. Семеро дѣтей, малъ-мала-меньше; вѣдь это — ой-ой! Звѣрю лютому ихъ житье-бытье показать, такъ и того слеза прошибетъ.

Конотоповъ. А вотъ нашихъ филантроповъ такъ не прошибаетъ. Я проспалъ за нее и Ласточкина и Ладыжкина. Я, никогда, никого, ни о чемъ не проспавшій, — я почти умолялъ ихъ

помочь ей,—мнѣ отказали. Я грозилъ жаловаться его превосходительству,—они смѣются. Что прикажете дѣлать? Они смотрятъ на меня какъ на задорнишку, на мальчишку, крикуна, котораго и раздавить-то не трудно. Но они слишкомъ много надѣются на свое общественное положеніе. Они сильны—это правда; но только до перваго обличенія, и это обличеніе буду — я!

Старый чиновникъ. Что вы-съ, полноте-съ: — вы изъ-за своей доброты только погубите себя. Они васъ черпѣе грязи передъ его превосходительствомъ сдѣлаютъ.

Конотоповъ (*горячо*). Не бойтесь! Я знаю, что его превосходительство—честный, благородный человѣкъ. Это говорятъ всѣ. Это и его лице говоритъ. А ежели его считаютъ слабымъ; виноватъ не онъ — а мы! Его обманываютъ. Его угощаютъ отчетами о благосостояніи. Да-съ! Онъ человѣкъ. Человѣку свойственно ошибаться. Мы виноваты, что не откроемъ ему глаза,— мы боимся. А отчего это? Оттого, что мы слишкомъ равнодушны къ страданіямъ ближняго. Въ насъ много эгоизма.... мы боимся потерять мѣсто. Вотъ отчего.

Ласточкинъ (*Ладыжкину.*) Иванъ Савичъ, посмотрите, какъ Конотоповъ горячится.

Ладыжкинъ. А! пусть моська полаетъ. Полаетъ да и отстанетъ.

Старый чиновникъ (*Конотопову*). Ахъ, Иванъ Петровичъ, куда намъ, маленькимъ людямъ, съ такими особами говорить.

Конотоповъ. А вотъ увидите, я сегодня ему скажу въ глаза всю правду.

Старый чиновникъ. Что вы-съ, Богъ съ вами! Да онъ васъ....

Конотоповъ (*горячась*). Не бойтесь, онъ выслушаетъ и пойметъ меня. Знаю, что онъ сначала вспылитъ, потому что непривыкъ слышать голой правды; но онъ честный и умный человѣкъ, значитъ, онъ пойметъ и оправдаетъ меня. Знаю, что меня всѣ осмѣютъ за это, назовутъ мальчишкой, крикуномъ, театральнымъ героемъ. Но чтожь дѣлать, если у этого мальчишки душа возмущается, при видѣ этихъ господъ, ежели у него все сердце выболѣло, глядя, какъ эти филантропы распоряжаются съ нищими. Ахъ, если бы знали вы, какая жолчь душитъ меня при одномъ взглядѣ на нихъ (*всѣ обращаютъ вниманіе на Ко-*

потопова). Фи, какое ребячество! Я какъ мальчикъ раскричался, — отойдемте къ сторонѣ.

ЯВЛЕНІЕ V.

ТѢЖЕ и КОЧЕТОВЪ.

Ладыжкинъ. А! Карпъ Иванычъ.

Кочетовъ (*здороваясь со всѣми.*) Здравствуйте, здравствуйте. Ну, слава Богу, не опоздалъ. Кое-какъ чаю напился.

К. Мордохлестовъ. Что это вы? Времени, кажется, довольно было, чтобъ выспаться; двухъ часовъ не было, какъ мы отъ Никодима Петровича разъѣхались. Али, можетъ быть, вы... ха-ха-ха! (*всѣ хохочутъ*).

Кочетовъ (*махнувъ рукой*). Ну.... ужь вы! (*Ладыжкину*). А съ вами я, Иванъ Савичъ, больше играть не буду, сердитесь не сердитесь. (*обращаясь ко всѣмъ*). Представьте себѣ, господа. У Ивана Савича тузъ валетъ самъ-семъ червей.... Я иду съ дамы. Никодимъ Петровичъ маленькую ... Иванъ Савичъ думалъ думалъ, да какъ размахнется, да по уху ее—тузикомъ. А? что?

Ладыжкинъ. У васъ всегда претензіи. А прорѣжь, да какъ хлопнули бы королемъ, тогда что бы запѣли. Небось, сказали бы, зачѣмъ рѣзалъ.

Кочетовъ. Нѣтъ, не сказалъ бы.

Ладыжкинъ. Нѣтъ, сказали бы.

Кочетовъ. Нѣтъ, не сказалъ бы.

Ладыжкинъ. Нѣтъ, сказали бы. Да еще какъ бы и сказали. (*передразнивая*). Что это вы, Иванъ Савичъ, на зиму что ли даму солите, али огурцовъ не успѣли посолить. Вотъ такъ бы и сказали, знаю я васъ.

ЯВЛЕНІЕ VI.

ТѢЖЕ и ЛЕОНИДЪ МОРДОХЛЕСТОВЪ.

К. Мордохлестовъ. А! давно ли пріѣхалъ?

Л. Мордохлестовъ. Пріѣхалъ-то? утромъ. Я бы еще вчера прикатилъ, да на послѣдней станціи подлецъ станціонный смотритель задержалъ.

К. Мордохлестовъ. Ну, ужь вѣрно безъ исторіи не обошлось.

Л. Мордохлестовъ. Не обошлось? Конечно не обошлось. Вѣдь я, кажется, не пудель какой нибудь ошпаренный. Не могу же я сносить оскорбленія. Въ моихъ жилахъ, я думаю, дворянская кровь течетъ.

К. Мордохлестовъ. Да ты не горячись, а разскажи, какъ было.

Л. Мордохлестовъ (*одушевляясь*). Какъ было? Извѣстно какъ было. Третьяго дня я у Корякина въ деревнѣ обѣдалъ. Вотъ, братецъ, пожалѣлъ-то я, что тебя не было тамъ. Наливки... просто уму непостижимо, что за прелесть! Шампанское — тоже. По дворянски живетъ! Ну-съ, пообѣдавши я и отправился въ путь. Пріѣзжаю на станцію. Часовъ, я думаю, восемьбыло. Въ головѣ у меня немножко того. Кричу: лошадей! Выходитъ станціонной смотритель. Рожа такая скаредная... Вышелъ онъ, братецъ, этакъ ужомъ, знаешь, какъ-то бокомъ все подходилъ ко мнѣ. Да какъ брякнетъ мнѣ вдругъ: — «позвольте васъ попросить быть скромнѣе, у меня жена въ тягостномъ положеніи». Ну, ты представь себѣ только... вообразите себѣ, господа. Какой нибудь станціонный смотритель, и вдругъ мнѣ, штабъ-офицеру, говоритъ такія вещи... А? Какъ онъ сказалъ это, у меня все въ глазахъ запрыгало. Налетѣлъ я на него да и пошелъ.... До свадьбы не забудетъ.

К. Мордохлестовъ. Ну, чѣмъ онъ тебя оскорбилъ, скажи мнѣ на милость.

Л. Мордохлестовъ (*горячо*). Такъ тутъ нѣтъ оскорбленія? Тутъ, по вашему, оскорбленія нѣтъ? Вамъ — говорятъ: «будьте скромнѣе», а вы ничего! Вѣдь это другими словами: «ты, братецъ, пьянъ, что ты тутъ раскричался? я велю тебя выгнать». Вѣдь это вотъ что значитъ! Да я тому въ глаза наплюю, кто этимъ не оскорбится.

Ласточкинъ. Но, послушайте, станціонный смотритель тоже чиновникъ. Онъ законами отъ оскорбленій огражденъ.

Л. Мордохлестовъ. Тю-тю-тю-тю! Экъ куда вы мѣтнули. Да вы, я вижу, тоже изъ нынѣшнихъ (*съ иронією*). Станціонный смотритель оскорбиться можетъ, отлично сказано! Нечего сказать, отлично! прекрасно! Да послѣ этого хоть не живи.

Одинъ изъ чиновниковъ. Пріѣхалъ! пріѣхалъ! (*всеобщая суматоха; всѣ устанавливаются въ порядкѣ; тишина*).

ЯВЛЕНІЕ VII.

ТѢЖЕ и ВАЖНАЯ ОСОБА (дѣлаетъ легкій общій поклонъ, всѣ отвѣчаютъ почтительно низкимъ поклономъ).

Особа. Господа, я искренно радуюсь, что встрѣтилъ въ моихъ сослуживцахъ такое теплое сочувствіе къ нашей общей цѣли. (*Поклонъ*). Господа, Богъ не безъ милости. Съ его помощію, мы, по мѣрѣ силъ и умѣнья, успѣемъ сдѣлать что нибудь для нашихъ меньшихъ братьевъ. Еще разъ благодарю васъ, господа, за то, что вы собрались всѣ. (*Подходитъ къ столу, но вдругъ дѣлаетъ шагъ назадъ и говоритъ снова*). У кого есть добрый совѣтъ въ запасѣ, — подѣлитесь имъ съ нами. Мы его примемъ съ горячей благодарностію. Господа, благословясь, за дѣло! Начнемъ-те!

(Садится въ кресло. Всѣ слѣдуютъ его примѣру, что исполняется нѣкоторыми чиновниками съ робостію, доходящею до душевнаго безпокойства и тоски.)

Ладыжкинъ. Неугодно ли будетъ вашему превосходительству выслушать отчетъ о дѣйствіяхъ комитета за прошлый годъ.

Особа (*любезно.*) Очень радъ. Познакомьте меня, какъ у васъ все дѣлалось.

Ласточкинъ (*встаетъ и начинаетъ читать, сначала нѣсколько дрожащимъ голосомъ, а потомъ болѣе твердымъ и съ одушевленіемъ*). Отчетъ Комитета о бѣдныхъ за прошлый 1838 годъ. Комитетъ о бѣдныхъ, благодаря горячему сочувствію всѣхъ сословій къ высокой цѣли благотворенія и значительнымъ взносамъ разныхъ лицъ, съ искреннею радостію извѣщаетъ о благодѣтельныхъ результатахъ его дѣйствій за прошлый годъ.

Конотоповъ (*про себя.*) Благодѣтельные результаты! о, фразы!

К. Мордохлестовъ (*Кочетову.*) Періодъ слишкомъ великъ. Нынѣ такъ не пишутъ.

Ласточкинъ (*продолжая читать.*) Дѣйствія комитета за предшествующіе годы, по незначительной суммѣ, находящейся въ распоряженіи его, ограничивались единственно временными пособіями бѣднымъ семействамъ здѣшняго города. Въ прошлый же годъ, большіе, противу прежняго, взносы и пожертвованія, дали возможность комитету разширить кругъ его дѣйствій, и

обезпечить болѣе нуждающіяся семейства постоянными пенсіями, независимо отъ частныхъ, временныхъ пособій, которыя по примѣру прежнихъ лѣтъ и выдавались.

К. Мордохлестовъ (*Кочетову.*) Вотъ, батинька, тутъ и-то и подгадило.

Ласточкинъ (*продолжая читать.*) Комитетъ считаетъ для себя священною обязанностію, довести до свѣдѣнія всѣхъ, внесшихъ свою посильную лепту, что результаты его благотвореній велики. Къ прошлому году бѣдныхъ семействъ, нуждающихся въ пособіи, было сорокъ-три. Къ концу нынѣшняго года ихъ осталось только двадцать-два, изъ которыхъ четырнадцать получаютъ постоянныя пенсіи. Остальныя же пользовались временными пособіями. Изъ этихъ цифръ явно усматривается благодѣтельный и важный результатъ. Съ своей стороны комитетъ не щадилъ ни силъ, ни рвенія для облегченія участи бѣдныхъ, и лучшею наградою за свои неусыпные труды видѣлъ благословеніе матерей, радостныя слезы сиротъ, и теплыя молитвы невинныхъ младенцевъ, столь пріятныя Богу.

К. Мордохлестовъ (*Кочетову.*) Вотъ это лихо сказано! молодецъ!

Особа. Да, наши малыя приношенія не пропадутъ. Вѣрьте мнѣ господа, мы во сто кратъ будемъ вознаграждены тамъ! (*раздаются рыданія, сначала сдержанныя, потомъ сильныя и сильныя. Всеобщее вниманіе обращается на чиновника, который припавъ головой къ столу, громко рыдаетъ*). Что такое? что съ нимъ?

Кочетовъ (*про себя, тоскливо*). Ахъ Боже мой, и зачѣмъ это онъ пришелъ. (*подбѣгаетъ къ нему и говоритъ, окружающимъ*). Выведите его поскорѣе. (*Чиновника уводятъ. Кочетовъ подбѣгая къ Особѣ*). Это, ваше превосходительство, съ нимъ всегда дѣлается, если онъ что нибудь трогательное слышитъ, или радость большая. Въ прошломъ году, ваше превосходительство, я обѣщалъ его за отличіе въ слѣдующій чинъ представить, такъ онъ такъ и залился, точно малый ребенокъ, такъ что его изъ канцеляріи домой увезли.

Особа. Что же, это прекрасная черта. У него, значитъ, благодарное сердце.

Кочетовъ. Очень благодарное, ваше превосходительство.

Особа. Ну-съ, господа, теперь подумаемъ о средствахъ. (*всѣ смотрятъ ему въ глаза съ подобострастіемъ*). Господа, сдѣлаемъ-те вотъ что. Дайте мнѣ листъ бумаги. Каждый, по мѣрѣ

усердія и средствъ, пожертвуетъ, что можетъ. Скупиться не будемъ. У Престола Всевышняго мы будемъ вознаграждены сторицею. Кто можетъ что сказать противъ этого?

Конотоповъ (*съ маленькимъ дрожаніемъ въ голосѣ*). Ваше превосходительство, позвольте мнѣ сказать нѣсколько словъ.

Особа (*обращаясь къ Кочетову*). Кто это такой?

Кочетовъ (*тоскливо*). Чиновникъ-съ.... у меня служитъ... примѣрнаго поведенія ваше превосходительство.

Особа (*Конотопову*). Извольте, мы слушаемъ.

Конотоповъ. Ваше превосходительство, единовременныя пособія.... слишкомъ неопредѣленны.... и притомъ.... (*вдругъ смѣшавшись*). Извините ваше превосходительство, что я осмѣливаюсь.... только рѣшительное ваше желаніе...

Кочетовъ дѣлаетъ ему знакъ, чтобъ онъ молчалъ.

Особа (*Конотопову*). Короче, что вы хотите сказать?

Конотоповъ. Слушаю, ваше превосходительство. Подписка на листѣ ставитъ многихъ въ печальную необходимость жертвовать болѣе своихъ средствъ. Это бѣда ничего,—деньги идутъ на доброе дѣло. Но сила въ томъ, что многіе со всѣмъ отказываются отъ пожертвованій,—не изъ равнодушія къ положенію бѣднаго класса, а отъ стыда, да, отъ стыда, ваше превосходительство. Другой съ радостію бы пожертвовалъ полтинникъ; но взглянувъ на подписной листъ, онъ видитъ, что менѣе трехъ рублей никто не давалъ. И такъ онъ поставленъ въ необходимость или вовсе отказаться отъ пожертвованій, или, по свойственному человѣку, ложному стыду и щепетительности, подписать тоже три рубля. Какъ же отстать отъ другихъ? стыдно! а между тѣмъ самъ получаетъ въ мѣсяцъ пять или десять рублей серебромъ. У него семейство; волей или неволей, онъ самъ долженъ будетъ нищенствовать. И такъ, ваше превосходительство, выходитъ, что доброе намѣреніе не достигаетъ своей цѣли. Жертвуя однимъ — разоряются другіе. Я говорю о чиновникахъ, служащихъ на ограниченномъ жалованьи, а большинство жертвователей составляютъ они.

Особа (*сдерживая свой гнѣвъ*). Вы много сказали, молодой человѣкъ,—даже болѣе, нежели слѣдовало говорить передъ начальствомъ.

Конотоповъ (*скромно*). Это была воля вашего превосходительства.

Особа. Воля! хмъ! Что же вы, учить что ли насъ хотите?

Яица курицу не учатъ, милостивый государь, да-съ! Ну, что вы за вздоръ тутъ толковали.... Я знаю откуда, эти идеи берутся, милостивый государь.... Знаю-съ. Берегитесь, молодой человѣкъ. (*Нѣсколько успокоившись, съ иронiей*). Впрочемъ, можетъ быть, вы какія нибудь другія средства отыскали? административныя мѣры? Такъ повѣдайте намъ, молодой человѣкъ, повѣдайте! Мы послушаемъ, поучимся у васъ. Вѣдь старики нынче ужъ ни на что не годятся.

Конотоповъ. Да, ваше превосходительство. Я осмѣливаюсь предложить средство: независимо отъ временныхъ пособій, образовать постоянный, опредѣленный капиталъ для бѣдныхъ. Это будетъ зависѣть отъ воли вашего превосходительства. Что же касается до чиновниковъ, то я убѣжденъ, что они съ радостію согласятся на ваше соизволеніе. Это средство.... вносить въ комитетъ бѣдныхъ всѣми служащими, по нѣскольку процентовъ съ каждаго рубля, получаемаго ими жалованья. Хоть по копѣйкѣ. Жалованье чиновниковъ здѣшней губерніи не мало. По копѣйкѣ съ рубля каждый пожертвуетъ охотно. Пожертвованія будутъ соразмѣрны получаемымъ окладамъ, а главное — у бѣдныхъ будетъ постоянный и опредѣленной капиталъ.

Особа (*убѣжденная нѣсколько его словами, но подъ вліяніемъ оскорбленнаго начальническаго чувства*). Хмъ! Оно конечно. Впрочемъ, вы слишкомъ молоды, милостивый государь, чтобъ совѣтовать старшимъ. (*Ко всѣмъ*). Господа, не можетъ ли кто предложить другія средства?

Ладыжкинъ. Въ прежніе годы, ваше превосходительство, у насъ часто составлялись спектакли въ пользу бѣдныхъ, балы.

Особа. А! это мило! это очень мило!

Конотоповъ (*съ сдержанной злостью*). Только на долю бѣдныхъ приходилось очень немного, ваше превосходительство. Господа благородные актеры ужинали и пили шампанское на деньги, собранныя за спектакль.

Особа (*пораженная*).... Хмъ!... признаюсь... я...

Ладыжкинъ (*поспѣшно, заискивающимъ голосомъ*). Не соизволите-ли, ваше превосходительство, утвердить распредѣленіе суммы, оставшейся къ нынѣшнему году.

Особа. Хорошо! (*беретъ листъ бумаги и читаетъ въ полголоса*). Четыреста рублей... это не мало.... Ивану Кондакину — десять рублей; вдовѣ Марьѣ Власовой — три рубли; Аннѣ Его-

ровнѣ Мордохѣевой—триста рублей. (*Говоритъ*). А! Аннѣ Егоровнѣ! Да, ей слѣдуетъ помочь. Она стоитъ.

Кочетовъ (*подобострастно*). Прекрасная дама, ваше превосходительство.

Особа. Да, прекрасная женщина. Она очень понравилась моей женѣ.

Кочетовъ. Вы не изволили ли слышать, ваше превосходительство, какъ она поетъ. Соловьиный голосъ! и въ такія лѣта. Это удивительно, ваше превосходительство.

Особа. Оставя въ сторонѣ ея таланты—я долженъ сказать, что она прекрасная хозяйка.

Кочетовъ. Дѣйствительно, ваше превосходительство,—хозяйка: какъ она огурцы солитъ, уму непостижимо. Твердость во всемъ корпусѣ какая-то необыкновенная! Ужь хозяйка, такъ хозяйка.

Особа (*внушительно*). Прекрасная мать семейства.

Кочетовъ. Что и говорить, ваше превосходительство. Сами изволили замѣтить, ваше превосходительство, какъ она дѣтей наряжаетъ. Просто херувимчики, ангельчики небесные. Точно, какъ на картинкахъ при «Библіотекѣ для Чтенія» прилагается.

К. Мордохлестовъ. Неужели ей, ваше превосходительство, и въ пенсіонѣ отказано?

Особа. Пенсіонъ она получаетъ, но вѣдь какой пенсіонъ—двѣсти пятьдесятъ рублей. Ну, возможно ли на эти деньги прожить съ семействомъ. Конечно, для другой женщины двѣсти пятьдесятъ рублей большая помощь. Эта сумма могла бы совершенно обезпечить ея семейство. Но вѣдь она—женщина съ образованіемъ, привыкла къ хорошему обществу. У ней потребности выше. Ей грѣшно было бы отказать въ помощи. У ней дѣти. Надобно имъ воспитаніе дать, а она одному гувернеру платитъ триста рублей, а туалетъ? Вѣдь она дочь вывозитъ въ общество. Это все денегъ стоитъ! для всего этого—одного пенсіона мало. Вы взгляните на это, съ человѣческой точки зрѣнія. Вѣдь мы христіане, на насъ лежитъ святой долгъ.

(Одинъ изъ чиновниковъ громко икаетъ.)

Особа (*строго*). Господа, мы, кажется, для богоугоднаго дѣла собрались. (*Продолжая читать списокъ*). Казанцеву—десять; вдовѣ Малаевой—три рубля.

Конотоповъ. Ваше превосходительство, вдова Малаева въ крайней нищетѣ. У ней семеро дѣтей, одинъ меньше другаго,

средствъ нѣтъ никакихъ. Пенсіона она не получаетъ. Мужъ не выслужилъ.

Особа (*нѣсколько смутившись*). Гм! хм! Но послушайте, молодой человѣкъ. Вы должны были объ этомъ прежде сказать предсѣдателю комитета, а не теперь и не въ такихъ выраженіяхъ.

Конотоповъ. Ваше превосходительство, я говорилъ, но мнѣ отказали.

Особа (*совершенно сконфуженная*). Признаюсь, господа, все это меня удивляетъ

Ладыжкинъ. Ваше превосходительство, средства комитета не позволяютъ. Она еще недавно получила вспоможеніе.

Особа (*вспыхнувъ, Конотопову*). Такъ чтожъ еще вы хотите, милостивый государь? Вы дерзки!

Конотоповъ. Она, дѣйствительно, получила вспоможеніе, ваше превосходительство, но всего два цѣлковыхъ У ней семеро дѣтей. Старшая дочь въ злой чахоткѣ. Маленькій болѣетъ корью. Онѣ сидятъ не только безъ лекарствъ, но и безъ хлѣба въ нетопленой комнатѣ. Я нѣсколько разъ говорилъ объ этомъ господину предсѣдателю: но онъ не хотѣлъ даже посѣтить ее. Ваше превосходительство, войдите въ ея положеніе. Вы—христіанинъ. Это—честное семейство, ваше превосходительство, простите мою дерзость. Если вдовѣ Мордохѣевой назначено пособіе въ триста рублей, то Малаева имѣетъ право на полученіе тысячи. Если признаютъ законной—потребность носить шелковое платье, то еще законнѣе прикрыть чѣмъ нибудь свое нагое тѣло. Онѣ сидятъ безъ платья, ваше превосходительство.

(Особа сидитъ безмолвно, совершенно озадаченная.)

Кочетовъ (*Мордохлестову*). Ахъ ты, батюшка! Упрячетъ онъ тебя въ сибирку.

Мордохлестовъ. И по дѣломъ. Не волтерьянствуй.

Особа. Хм! Признаюсь, господа.... Я.... я совершенно сконфуженъ. Неужели это все правда. (*Кочетову, съ горечью*). Неужели, въ нашемъ городѣ есть семейство въ подобномъ положеніи

Кочетовъ (*припоминая*). Вдова Малаева? Позвольте, ваше превосходительство. Да, дѣйствительно, ваше превосходительство, есть, точно есть. Еще на прошлой недѣлѣ этотъ самый человѣкъ мнѣ что-то разсказывалъ. (*Припоминая*). Да, да, да, вспомнилъ, ваше превосходительство. Этотъ самый человѣкъ

просилъ у меня жалованья впередъ. Но я, ваше превосходительство, слѣдя, по моей обязанности, за нравственностью своихъ чиновниковъ, пожелалъ знать причину. Позвольте доложить вашему превосходительству, что я всегда, когда чиновникъ проситъ у меня денегъ, спрашиваю его: «скажите, говорю, молодой человѣкъ, причину.» Потому, ваше превосходительство, что молодость—всегда молодость. Увлеченіе страстей (*Припоминая*). Такъ, позвольте-съ. Что онъ мнѣ сказалъ. (*Вспомнивъ*). Да, да, дѣйствительно, онъ мнѣ сказалъ такъ. Есть, говоритъ, большое семейство въ нуждѣ, онъ даже и фамилію сказадъ. (*Припоминая*). Позвольте, позвольте. (*Вспомнивъ*). Такъ-съ, Малаева, дѣйствительно, Малаева.

Особа (*про себя*). Признаюсь, меня какъ туманомъ ошибло. Что такое мы дѣлаемъ, незнаю. Одни нагло обманываютъ, другой дерзко говоритъ въ глаза правду.... Ужасно! Больно душѣ..... Хм! (*Задумывается*) Онъ честный человѣкъ. Да, онъ, дѣйствительно, честный человѣкъ, за это ручается его поступокъ. Отдать свое жалованье, бѣдной вдовѣ; это не всякій сдѣлаетъ. Да, молодое поколѣніе имѣетъ тоже хорошія побужденія. Жаль, что они всѣ такъ дерзки. Впрочемъ, что дѣлать? я долженъ протянуть руки этому дерзкому. (*Конотопову, громко*). Молодой человѣкъ, вашу руку! Вы честный человѣкъ. Еслибы Богъ послалъ мнѣ побольше такихъ людей, въ нашей губерніи было-бы больше правды. Вашъ поступокъ за васъ говоритъ.

Конотоповъ. Ваше превосходительство! Я давалъ въ долгъ вдовѣ Малаевой.

Особа. Не отказывайтесь, я васъ понимаю. (*Ладыжкину.*) А вы, гг. филантропы... впрочемъ я съ вами поговорю послѣ. А теперь... я назначаю секретаремъ комитета о бѣдныхъ этого молодаго человѣка (*показываетъ на Конотопова*). Извольте сегодня же принять всѣ отчеты, и завтра явиться съ ними ко мнѣ.

Конотоповъ. Слушаю-съ.

Особа. А распредѣленіе оставшейся суммы мы сдѣлаемъ такъ. (*Задумывается*). Мордохѣева получитъ 100, а вдова Малаева 200 рублей. Этого требуетъ и Богъ, и правда. (*Конотопову*) Поѣдемте со мной. Вы мнѣ покажете квартиру Малаевой.

(Встаетъ, дѣлаетъ поклонъ и собирается уйти. Въ это время раздается храпъ. Одинъ изъ чиновниковъ, припавъ головой къ столу, спитъ.)

Особа (*со злостью*). Этого еще недоставало! Хороши филантропы! (*Уходитъ*).

Ладыжкинъ (*тосклично*). Вотъ тебѣ и засѣданіе!

Ласточкинъ (*со злостью*). Вотъ тебѣ и отчетъ! А еще цѣлыя ночи коптѣлъ за нимъ. Чортъ знаетъ сколько сочиненій долженъ былъ прочитать. «Сѣверную Пчелу» выписывалъ. Только здоровье свое разстроилъ ни за копѣйку.

Кочетовъ (*подбѣжавъ къ чиновнику, который заснулъ*). А этотъ и захрапѣлъ, контрбасъ этакой!... ну, чему обрадовался? и вѣдь храпитъ-то не почеловѣчески, точно быкъ (*передразнивая его*). Тьфу! (*плюетъ и отходитъ къ сторонѣ*). А, господа? Каковъ Конотоповъ? .

Л. Мордохлестовъ. Мальчишка! выскочка! Вотъ кого бы фухтелями на обѣ корки отвалять.

К. Мордохлестовъ. Да, признаюсь, меня какъ варомъ обдали! Вѣрь послѣ этого наружности. Ничего нѣтъ сановитаго въ поступкахъ. Позволить мальчишкѣ точить балясы... да помилуйте... вѣдь это безбожіе, столпотвореніе вавилонское. Ошибся же я! Какой это сановникъ. Далеко ему до сановника. Вы посмотрѣли бы на *Кочерышкина*. Вотъ это сановникъ, такъ сановникъ! Росту большаго, носъ горбомъ, на манеръ греческаго, а о поступкахъ и говорить нечего. Разъ къ нему приходитъ чиновникъ, а онъ въ ту пору сигару курилъ. Ну-съ, этотъ чиновникъ не такъ что-то распорядился. Того и взорвало. Налѣтѣлъ онъ на него, да и давай бранить. Самъ бранитъ, а самъ все ему сигарой въ зубы тычетъ. Ну-съ, какъ уходился онъ немного, сложилъ руки на крестъ, такимъ манеромъ (*принимаетъ позу*) а самъ и говоритъ: ну, что ты, говоритъ, мнѣ на это скажешь, такой-сякой! А чиновникъ этотъ—отъ страху, что ли, это, желудокъ ли у него былъ разстроенъ, Богу одному извѣстно — только и забурчи у него въ животѣ, — у чиновника то. Тотъ, знаете, опять. Да ты, говоритъ, что? Вольтеріянскія идеи проповѣдывать, либеральничать. Да я, говоритъ, тебя туда сошлю, куда Макаръ телятъ не гонялъ. А у того, какъ на грѣхъ, опять забурчи. Ну, ужь тутъ что было—неизвѣстно. Только на другой день его изъ службы выключили за неблагонадежность. Вотъ это сановникъ! Передъ такимъ начальникомъ подчиненный утробой своей не посмѣетъ подумать, а нынче чортъ знаетъ что! Такіе случаи въ книги бы надобно помѣщать, чтобъ они примѣромъ служили для подчиненныхъ, а то, нынче, чортъ знаетъ что печатаютъ. Половину-то и не поймешь, все аллегоріями какими-то загибаютъ.

Кочетовъ. Охъ, ужь нынче! Я болѣе ужь ничего и не выписываю. Прежде бывало прочтешь «Библіотеку для Чтенія» или «Галатею», какое-то удовольствіе чувствуешь. Ей Богу, чувствуешь!.. такъ это все заманчиво, мысли нравственныя... а теперь! (*махнувъ рукой*).

Л. Мордохлестовъ. Все англійская политика! Взять бы этихъ англичанъ въ шенкеля! такъ! (*сжимаетъ кулакъ*).

Ладыжкинъ (*все на тотъ же мотивъ, не принимая никакого участія въ разговорѣ, тоскливо*). Вотъ тебѣ и засѣданіе филантропическое! Прахъ бы его побралъ!

II.

У СУДЬИ.

ДѢЙСТВУЮЩІЕ:

Семенъ Семеновичъ Брундуковъ, Салойскій уѣздный судья, 40 лѣтъ.
Кононъ Ѳедоровичъ Карповъ, чиновникъ особыхъ порученій при гражданскомъ губернаторѣ.
Иванъ Петровичъ, штабсъ-капитанъ въ отставкѣ.
1, 2 | Чиновники изъ уѣзднаго суда
Старшій писецъ.
Младшій писецъ.
Слуга.

ЯВЛЕНІЕ 1.

Брундуковъ (*въ креслахъ, съ листомъ газеты въ рукахъ*). Пріятная, очень пріятная газета. Главное, что описанія этакія, остроуміе; съ большимъ, съ большимъ чувствомъ. Праздникъ у Излера, напримѣръ, онъ вамъ описываетъ; рощи, говоритъ, точно сады Семирамиды; вы, говоритъ, на коврѣ-самолетѣ перенесены въ древне-историческія времена; фонтаны тамъ, балюстрады этакія, рефлексія.... Вотъ только не знаю, чтобы это слово значило: (*задумываясь*) рефлексія; впрочемъ, я думаю болѣе для красоты слога постановлено. Однимъ словомъ, выписываю и на слѣдующій годъ. А главное, что въ ней хорошо, такъ это вотъ-съ. (*Читаетъ*). За отличіе по службѣ изъ титулярныхъ совѣтниковъ въ коллежскіе ассесоры Салойскій уѣздный судья Брундуковъ; а?—пріятно (*нѣсколько времени читаетъ*).

А что ни говорите, великая вещь образованіе! Газеты, жур-

налы — вѣдь это все способствуетъ этому, какъ его? славное слово,—забылъ, вотъ еще Гаврило Петровичъ его часто употребляетъ... (*старается вспомнить*). Да! да, популярности, популярности способствуетъ. Вотъ тамъ, гдѣ нибудь, за тридевять земель возметъ этакъ какой-нибудь чиновникъ газету да и прочитаетъ, что вотъ-дескать Семенъ Семенычъ и въ коллежскіе хватилъ. Вотъ, вѣдь, что значитъ образованіе. Да и человѣкомъ-то другимъ становишься. Политика, разумѣется, тамъ, все это.... Пріѣдешь къ кому нибудь, сейчасъ тебя окружатъ; что, говорятъ, новенькаго Семенъ Семенычъ? Ну, разумѣется, сейчасъ имъ и разскажешь: такъ и такъ, говорю, господа, Пальмерстонъ новый биль предложилъ; ну, конечно парламентскія пренія имъ развиваешь. Оно, правду сказать, и для самого тебя все это темно; ну, да главное, уваженіе во всѣхъ къ себѣ вселяешь: подчиненные другими глазами на тебя смотрятъ.—Что ни говорите, а....

ЯВЛЕНІЕ II.

БУРУНДУКОВЪ и СЛУГА.

СЛУГА. Гаврило Петровичъ бумаги для подписи прислали. Говорятъ, на почту сейчасъ нужно.

БУРУНДУКОВЪ. Хорошо, положи въ кабинетъ. (*слуга уходитъ.*) Охъ, ужь эти бумаги!—Что ни говорите, а для образованнаго человѣка нужно болѣе обширное поле дѣятельности.—Что эти бумаги?—только зарываешь таланты, данные отъ Бога. Мнѣ бы этакъ (*дѣлаетъ жестъ рукою*)....

ЯВЛЕНІЕ III.

СЛУГА (вслѣдъ за нимъ КАРПОВЪ).

СЛУГА. Господинъ Карповъ пріѣхали.

БУРУНДУКОВЪ. А! Кононъ Ѳедорычъ, какимъ судьбамъ обязанъ (*встрѣчаетъ его въ передней*)?

КАРПОВЪ. По пути, въ Бирекъ командированъ. Ну-съ, какъ вы поживаете?

БУРУНДУКОВЪ. Да вотъ, посмотрите, какая куча (*показываетъ на бумаги.*) День и ночь сижу.

Карповъ. Ну, ужь будто день и ночь?

Бурундуковъ. Не шутя, Конюнъ Ѳедорычъ, право не шутя; я, впрочемъ, не жалуюсь, а къ слову. Вѣдь это пища моя; не могу, не могу преодолѣть себя.—Иногда подумаю: ну, потрудился и отдохни; нѣтъ, тянетъ вотъ тебя къ бумагамъ, такъ и тянетъ. Вѣдь я просто наслажденіе испытываю, когда этакую какую-нибудь закожуроватую бумагу выкопаю.—Сплю и во снѣ ее вижу, и когда наконецъ удастся истину, истину-то открыть, то есть такое наслажденіе посѣтитъ тебя.

Карповъ. За то вѣдь вы и извѣстны за отличнаго чиновника; кстати, васъ можно поздравить.

Бурундуковъ. Благодарю, благодарю. (*Жметъ Карпову руку.*) Конечно, мнѣ грѣшно жаловаться. Цѣнятъ мои труды. Разумѣется, сами по себѣ что же такое награды? Вѣдь мы нестоимъ ихъ, вѣдь насъ не за что награждать, вѣдь это наша обязанность, нашъ долгъ,—не правда-ли? а?

Карповъ. Оно такъ, Семенъ Семенычъ, однако....

Бурундуковъ. (*Перебивая его*). Ну да! Я и своимъ чиновникамъ говорю: «Господа, долгъ есть наша священная обязанность; долгъ, честь, служба.» Ну, у меня либералы тоже, знаете, есть.—«Честь, говоритъ, условное понятіе».—«Нѣтъ, говорю, господа, тутъ никакого не можетъ быть условнаго понятія. Кто служитъ, подъ судомъ не былъ, формуляръ чистъ, тотъ и честный человѣкъ». Не правда-ли? а?

Карповъ. Ну, я не совсѣмъ согласенъ; можно быть и не совсѣмъ чистымъ, но съ чистымъ формуляромъ.

Бурундуковъ. Ну да, оно конечно;—а совѣсть-то, совѣсть-то начнетъ тебя мучить, вѣдь это должно быть ужасное состояніе: а чиста у тебя совѣсть, и спишь спокойно, и все какъ слѣдуетъ, и въ глаза всѣмъ прямо смотришь.

Карповъ. Вы говорить-то мастеръ, а вотъ у меня есть дѣльце къ вамъ. (*Смотритъ на него пристально*).

Бурундуковъ (*нѣсколько смутившись*). Что такое?

Карповъ. Губернаторъ проситъ васъ покончить какъ нибудь съ Галкинымъ.—Онъ жалуется, что вы у него сукно что-ли взяли.

Бурундуковъ. Какъ? что? неужели? (*Смущаясь*). Ахъ, Боже мой, Боже мой! (*Оправясь нѣсколько, съ поддѣльнымъ жаромъ*). Вѣдь это преуморительная исторія. (*Совершенно оправясь*). Взялъ я у него сукно, дѣйствительно взялъ; но вѣдь какъ взялъ? это

просто смѣхъ. Галкинъ, надобно вамъ сказать, воплощенная скупость, а денегъ тьма. Вотъ я и думаю себѣ: дай, я тебя попугаю, голубчикъ; пріѣзжаю къ нему въ лавку, взялъ сукно на домъ посмотрѣть, да и заперъ въ сундукъ, попугать, знаете, его захотѣлъ;—и вотъ вѣдь какая исторія вышла! — Ахъ ты, Боже мой!

Карповъ. Притомъ онъ пишетъ, что вы сына, что-ли, его стращали.

Бурундуковъ. Ну да! ну да! Онъ дѣйствительно подъ судомъ, такъ я знаете, чтобы его еще болѣе попугать, — шутка, знаете. А я еще и говорю ему, когда онъ пришелъ за сукномъ: что, говорю, борода? Сукна-то я не отдамъ, вѣрно топиться тебѣ придется .. И вдругъ! ахъ ты, Боже мой! и неужели его превосходительство?...

Карповъ. Нѣтъ, онъ убѣжденъ, что тутъ какое нибудь недоразумѣніе.

Бурундуковъ. Я думаю, я думаю. Оно знаете, меня не смущаетъ, совѣсть у меня чиста; но все таки непріятно: не правда-ли, — все таки непріятно?

Карповъ. Конечно. Однако прощайте; мнѣ надобно еще кое къ кому, да и въ путь.

Бурундуковъ. Не смѣю, права не имѣю васъ задерживать. Ваша служба—не наша (*Провожаетъ Карпова въ переднюю*). Надѣюсь, что вы передадите его превосходительству.

ЯВЛЕНІЕ IV.

Бурундуковъ (*одинъ*). Каковъ? а?—(*ходитъ въ раздумьи*). Это не онъ писалъ, голову на отсѣченье, не онъ.—Не въ первый же разъ я у него беру. А это друзья, пріятели подкапываются; вотъ что! Скоро выборы, такъ вотъ они тебя и хотятъ въ ямуто; да вѣдь не на таковскаго напали, господа.—Меня губернаторъ лично знаетъ. Я помню его слова: «Если бы побольше было въ мірѣ Семенъ Семеновичей, были бы въ судахъ и честь и правда.» Это его слова.—Не даромъ меня Богъ краснорѣчіемъ надѣлилъ. (*Одушевляясь*). Я ихъ всѣхъ прежде упеку, я ихъ разберу по ниточкамъ. Ужь если на то пошло, напишу сочиненіе объ обязанностяхъ гражданина, или тамъ объ исцѣленіи общественныхъ язвъ; однимъ словомъ этакое что нибудь; главное,

заглавіе позаимствуйте. Самъ не могу, у меня есть чиновникъ-докa, удивительный слогъ у подлеца.—Какъ начнетъ говорить о честности, даже завидно слушать; а самъ такая бестія, что всѣхъ насъ за поясъ заткнетъ. Дастъ же Богъ этакой талантъ человѣку! Чего съ нимъ не сдѣлаешь!

ЯВЛЕНІЕ V.

БУРУНДУКОВЪ, ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ и три чиновника.

Бурундуковъ. А! Иванъ Петровичъ, очень радъ, очень радъ, милости просимъ. (*Слегка киваетъ головой чиновникамъ, которые разшаркиваются*). Прошу покорно садиться (*всѣ садятся; чиновники на кончики стульевъ*). Ну, что, господа, ѣдемъ сегодня къ Аннѣ Ивановнѣ,—а?

Иванъ Петровичъ. Непремѣнно-съ.

Бурундуковъ. Ну-съ, а видѣли вы ея племянницу изъ института?

Иванъ Петровичъ. Да-съ, недурна, можно бы приволокнуться. Какъ взглянулъ я на нее, такъ и вспомнилъ Фирмаэова—поручикъ у насъ былъ въ полку; огневая голова, такой отчаянный, право, ни одной бабенки не пропуститъ, бывало, мимо, чтобы не затронуть; ну, да и часто ему бока мяли, сердечному, какъ стоишь, бывало, въ деревнѣ, со взводомъ... А лихой былъ. Да чего! я вамъ скажу, онъ съ родной сестрой такую штуку удралъ, что просто смѣхи.

Бурундуковъ. Бываютъ такіе, бываютъ. (*Чиновникамъ*). Ну, господа, вы тоже непремѣнно будьте у Анны Ивановны. (*Чиновники нерѣшительно смотрятъ другъ на друга*). Непремѣнно—общество необходимо для молодыхъ людей. Я долженъ вамъ замѣтить, что прошлый разъ на балѣ у Евгеніи Павловны нѣкоторые изъ васъ вели себя очень странно (*обращаясь къ первому чиновнику*). Вы, напримѣръ, вы танцовали польку и все это тамъ очень игриво, только одно нехорошо: вы нагробастали въ карманъ конфектъ и во время кадрили ихъ разсыпали. Ну, хочется полакомиться дома на чужой счетъ, такъ надобно карманы, по крайней мѣрѣ, покрѣпче носить. То-то! Да еще у васъ привычка одна странная есть.... Когда вы говорите съ дамою.... вы всегда... впрочемъ, я это вамъ послѣ скажу... не дѣлайте этого, другіе подумаютъ чортъ знаетъ что такое.

Иванъ Петровичъ. Вѣрно это у нихъ, Семенъ Семенычъ, съ малолѣтства привычка?

Бурундуковъ. Что-съ? все-таки это его не извиняетъ. Вѣдь, это, господа, прямо ко мнѣ относится. «Какіе у васъ, скажутъ, Семенъ Семеновичъ, чиновники! никакого обращенія». Пріятно-ли? Вѣдь мы въ 19 вѣкѣ живемъ. (*Ко второму чиновнику*): А стихи къ Аннѣ Ивановнѣ вы писали?

Второй чиновникъ. Я-съ, съ Григоріемъ Ѳедорычемъ вмѣстѣ.

Бурундуковъ. Не дурно, очень не дурно.—Тамъ, вы, кажется, жизнь съ ручьемъ сравниваете;—очень игриво! Пишите—стихи развиваютъ слогъ; только и вы не безъ грѣшка.—Вы знаете французскій языкъ?

Второй чиновникъ. Нѣтъ-съ.

Бурундуковъ. То-то: нѣтъ-съ, а суется говорить.—Мнѣ Евгенія Павловна жаловалась, что вы ей неприличность какую-то сказали пофранцузски.

Второй чиновникъ. Это меня Григорій Ѳедоровичъ научилъ.

Бурундуковъ. Научилъ!—то-то научилъ! Онъ научилъ васъ, да и въ сторону, а вы въ дуракахъ.—Не знаете, такъ ужь не суйтесь.—Это ужь такой языкъ, того и смотри, что неприличность какую нибудь скажешь. При дамахъ на немъ говорить по настоящему даже не слѣдовало бы.

Иванъ Петровичъ. Нѣтъ, не говорите, Семенъ Семеновичъ; языкъ ничего!—пріятный. Вотъ, я вамъ разскажу былъ у насъ штабсъ-капитанъ Пивоваровъ—славно рѣзалъ пофранцузскому: и полковой командиръ тоже изволили говорить, только они больше въ пересыпочку съ русскимъ, и такъ славно выходило—все, бывало, понимаешь.

Бурундуковъ. Это такъ! (*Чиновникамъ*). Ну, а ужь о Палкинѣ, господа, я и словъ не нахожу выразить мое удивленіе (*Ивану Петровичу*). Представьте себѣ, Ивану Ивановичу пришлось по разсчету заплатить за карты. Онъ, знаете, положилъ деньги на столъ, и вдругъ Палкинъ изволилъ ихъ слимонить, а? каково покажется? Вѣдь онъ не нищій, кажется, вѣдь онъ жалованье получаетъ.

Первый чиновникъ. Помилуйте, какое его жалованье!

Бурундуковъ. Да какое бы ни было. Согласитесь, вѣдь это неприлично, неправда-ли, вѣдь неприлично?

Иванъ Петровичъ. Дѣйствительно, неприлично. А что, Семенъ Семеновичъ, я думаю можно и къ Аннѣ Ивановнѣ?

Бурундуковъ. Дѣлишки нос-какія есть. Вѣдь наша служба не ваша.

Иванъ Петровичъ. Какъ-съ — не моя?

Бурундуковъ. Ну да, — теперь у васъ, конечно, никакой службы нѣтъ; а я, знаете, съ военной сравниваю.

Иванъ Петровичъ. Нѣтъ-съ, не извольте такъ говорить, Семенъ Семеновичъ. Оно — всегда штатская служба считается какъ-то головоломнѣе; а все одно-съ и военная. Уставы разные, пунктики... тоже большое нужно соображеніе.

Бурундуковъ. Все не то, согласитесь.

Иванъ Петровичъ. Не спорьте, право не спорьте. Одно, чѣмъ наша служба лучше — пакостей у насъ нѣтъ такихъ, какъ у васъ,—вотъ что!

Бурундуковъ. (*Нѣсколько обидясь*). Что вы этимъ хотѣли сказать?

Иванъ Петровичъ. Да ужь такъ, Семенъ Семеновичъ, такъ-съ. Знаю я этихъ штафировъ. Ведешь, бывало, партію, а земскій засѣдатель ужь тутъ; пристанъ къ тебѣ, какъ банный листъ, прости Господи, «Не благоугодно ли, говоритъ, будетъ?» Ну, понимаете...

Бурундуковъ. Я согласенъ, негодяи бываютъ...

Иванъ Петровичъ. Вотъ ужь истинно изволили правду сказать, подлинно что бываютъ!.. Вотъ, я вамъ разскажу, случай какой со мной былъ. Живу я, знаете, въ отставкѣ, живу и начинаю скуку испытывать. Деревенька-то у меня не мудрящая, доходишки дрянные; дай, думаю себѣ, служить пойду; а тутъ какъ будто и самъ Богъ о тебѣ заботится: въ уѣздномъ городкѣ у насъ одинъ изъ властителей, такъ сказать, умеръ. И умеръ-то такъ странно: косточкой изъ кулебяки подавился—ужь очень покойный кулебяки любилъ. Ну, думаю себѣ, мѣстечко—ничего. Супруга-то его, властителя-то, на другой годъ въ иностранныя земли отправилась. Она, знаете, изъ этакихъ была (*дѣлаетъ рукою знакъ, изъ какихъ она была*). Значитъ, ничего, служить можно. Пріѣзжаю я въ Петербургъ. Говорятъ: «ступайте туда-то!» Пришелъ. Важное лицо тутъ такое нашлось, говоритъ мнѣ: «Конечно, говоритъ, отчего же? можно; но впрочемъ»..... и все знаете, руками какъ-то странно. «Впрочемъ, говоритъ, у секретаря спросите». Пришелъ въ канцелярію. Ходитъ этакой славный мужъ-

чина, вотъ съ Ефима Герасимовича будетъ, и плотный такой же; только физіономія, какъ говорится, пряничная, вѣрно у маленькаго оспу застудили. Ну, вижу, пріемы такіе, благородство въ манерахъ, вѣрно въ военной службѣ служилъ. Разсказываю ему— такъ и такъ. Выслушалъ онъ. «Можно, говоритъ; но вѣдь хлопоты разные, надержки; сами, говоритъ, знаете». Подошелъ къ окну, да и дышетъ на него. Что, думаю, это онъ дѣлаетъ? Глядь, а онъ уже вывелъ пальчикомъ 5000, да и отошелъ. Ну, смекнулъ я, думаю: такъ-то! «Извините, говорю, средствъ не имѣю» да тягу. Вотъ какъ-съ: насмотрѣлся-таки я на своемъ вѣку.

Бурундуковъ Вы совершенно правы. Злоупотребленія есть; но, благодаря Бога, ихъ клеймятъ позоромъ, позоромъ клеймятъ. Статьи этакія разныя печатаютъ; въ комедіяхъ выставляютъ.

Иванъ Петровичъ. Правду изволите говорить. Какія, вѣдь, иногда комедіи представляютъ: просто умористика. Ревизоръ-то, напримѣръ. Вотъ я вамъ разскажу: у насъ это офицеры затѣяли «Ревизора» представлять. Поручикъ Берендѣевъ взялъ роль городничаго, надѣлъ, знаете, фракъ, что ему по наслѣдству отъ дѣдушки достался. Ему отъ дѣдушки, по правдѣ сказать, только фракъ-то одинъ и достался. Подушку подложилъ сюда. Ну, ужь комедія—просто умора—животики надорвешь.

Бурундуковъ. Нѣтъ, это что! Вы взгляните на нравственное значеніе ея. Вѣдь это наши общественныя язвы на позоръ выставляютъ. Вѣдь это другими словами говорятъ: полюбуйтесь, господа, какъ вы хороши! Въ этомъ смѣхѣ звучитъ упрекъ совѣсти, слышатся горькія слезы. Да! И какъ это мудро, какъ это хорошо. Это дѣйствуетъ сильнѣе всего, потрясаетъ душу, заставляетъ глубже взглянуть въ самого себя. Это лекарство,— горькая правда; но вѣдь безъ лекарства выздоровѣть нельзя, неправда ли? а?

Первый чиновникъ. Вотъ еще, Семенъ Семеновичъ, хорошенькая комедія есть: «Женихъ, чемоданъ и невѣста» и стишки въ ней разные такіе забавные.

Бурундуковъ. Эхъ! вы меня совсѣмъ не понимаете, это совсѣмъ другое.

Иванъ Петровичъ. Вы въ самомъ дѣлѣ, Семенъ Семенычъ, немножко темно изволили выразиться. Оно хорошо, очень хорошо, точно въ книжкѣ; но темно. Этакой, вѣдь, талантъ вамъ Богъ далъ, Семенъ Семенычъ. Вотъ я вамъ скажу, былъ у насъ въ пол-

ку прапорщикъ Висюлькинъ, удивительная тоже голова была. Начнетъ ему полковой командиръ замѣчанія дѣлать, онъ ему въ отвѣтъ и почнетъ. Говоритъ ему, говоритъ, да и перейдетъ къ образованію тамъ, или... ну, и все этакое, знаете. «Вы, говоритъ, полковникъ, вникните въ нравственное значеніе человѣка!» и пойдетъ, ничего, бывало, не поймешь! Это, говорилъ онъ намъ, въ какой-то нѣмецкой книгѣ знаній почерпнулъ. Вѣдь у нихъ много такихъ книжекъ выходитъ. Полковникъ слушаетъ, слушаетъ его, да и плюнетъ, бывало. «Чортъ, говоритъ, знаетъ, что вы такое говорите.» Голова была, а плохо кончилъ. что-то слишкомъ сильно напроказилъ, разумѣется, въ отставку велѣли подать. Не будь этого грѣха, далеко бы ушелъ.

Брундуковъ (*глубокомысленно*). Хмъ!.. Однако, господа, не пора ли намъ и къ Аннѣ Ивановнѣ?

Иванъ Петровичъ. А и въ правду, Семенъ Семенычъ, можно.

Брундуковъ. Отправляемтесь. (*Чиновникамъ*). Ну, и вы, господа, тоже. (*уходятъ въ переднюю*).

ЯВЛЕНІЕ VI.

СЛУГА и ДВА ПИСЦА.

Слуга (*махнувъ рукой*). Ну, укатилъ!

Младшій писецъ. А что, Клементій Ѳедорычъ, на долго они изволили уѣхать?

Слуга. Жди его теперь! развѣ незнаешь? не въ первый разъ, кажется. Засядетъ гдѣ нибудь въ картишки на цѣлый день.... да оно и лучше.

Младшій писецъ. Вѣстимо лучше.

Старшій писецъ. Ужь чего не лучше. А тамъ завтра опять руганцы; зачѣмъ, вишь, во время не потрафилъ бумаги принести для подписа.

Слуга. Да вѣдь они тамъ для разсужденія больше разные резонты приводятъ, а въ душѣ опъ ничего, грѣхъ жаловаться.

Младшій писецъ (*къ старшему*). Такъ, значитъ, и намъ можно, Иванъ Ѳедорычъ?

Старшій писецъ. Куда-съ это можно?

Младшій писецъ. Да къ Ефиміи Сидоровнѣ, ужь оченно просила, гостей много будетъ-съ.

Слуга. Ну, а Машка Камбулинская будетъ?

Младшій писецъ. Какъ же, и Григорьева Пелагея тоже будетъ.

Слуга. Чтожь, идемъ? Вѣдь его теперь всѣми собаками на дворъ не заманишь Чтожь, Иванъ Ѳедорычъ?

Старшій писецъ. Пожалуй. — Ехъ-хе-хе! (*уходятъ*).

III.

ДВѢ НЕВѢСТЫ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ.

АННА ПЕТРОВНА БЫКОВА, 60 лѣтъ.
ЛИЗА, дочь ея, 26 лѣтъ
ОЛЬГА, племянница Быковой, 18 лѣтъ.
МАРЬЯ ОСИПОВНА СУРУНОВА, вдова 45 лѣтъ.
ГРИГОРІЙ ѲЕДОРОВИЧЪ КОЛОВСКІЙ, помощникъ окружнаго, 25 лѣтъ.
СЕМЕНЪ СЕМЕНОВИЧЪ БУРУНДУКОВЪ, судья.
ФИРКИНЪ, прапорщикъ.
1, 2 } Помѣщики.
ПРОХОРЪ СЕМЕНОВИЧЪ БИКУЛИНЪ, откупщикъ.
ПРОКЛЪ ИВАНОВИЧЪ ПЕЧЕНКИНЪ, учитель уѣзднаго училища.

Гостиная въ домѣ Быковой.

ЯВЛЕНІЕ I.

БЫКОВА, СУРУНОВА, ЛИЗА и ОЛЬГА.

Ольга (*почти плача*). Но я не люблю его, я не хочу замужъ.

Быкова. За что же ты его не любишь? а? за что? ну, скажи мнѣ, за что ты его не любишь?

Ольга. Онъ такой гадкій, необразованный!

Быкова. То-то васъ ужь больно образовывать стали! необразованный видите! да чѣмъ же онъ необразованный? Мѣсто занимаетъ хорошее, человѣкъ богатый; да ты у него такъ щеголять начнешь, что подруги твои полопаются съ досады. А что онъ книжки разныя не читаетъ, такъ это глупости. Не фордабыка онъ какой, чтобы книжки читать.

Сурунова. Нѣтъ, не говорите этого, мать моя, не говорите.

Онъ любитъ почитать, только времени у него нѣтъ. Да чего лучше: пріѣзжаю я на дняхъ провѣдать его, голубчика; сидитъ онъ въ кабинетѣ своемъ, и на лицѣ у него разныя соображенія. «Что, говорю, батюшка ты мой, расписываешь?» «Да вотъ, говоритъ, Марья Осиповна, календарь у меня замѣчательный есть, еще отъ дѣдушки достался.» Онъ и имя-то назвалъ сочинителя, да забыла. Память стала плоха, мать моя. Кажись, Борисова какого-то. «Ну, такъ чтожь, говорю, дѣло хорошее календарь читать. Вотъ у насъ и начальникъ, кромѣ календаря ничего не читаетъ.» «Не знаю, говоритъ, жениться ли мнѣ нынѣшній годъ, по календарю что-то не выходитъ.» И тутъ онъ мнѣ началъ про разныхъ козероговъ небесныхъ разсказывать. Какъ книга, мать моя, говоритъ какъ книга! Всю Божію планиду, какъ свою канцелярію знаетъ. Начитанный человѣкъ, очень начитанный! Брось, говорю я ему, дрянь изъ головы, да женись.

Быкова. Чтожь, его кажется, никто не принуждаетъ жениться. Ольга еще молоденькая, нѣтъ нужды за каждаго хвататься.

Сурунова. Что вы, что вы мать моя! да онъ спитъ и видитъ Ольгу Петровну, а странностей у кого не бываетъ, особенно-то у начитанныхъ людей, ой-ой много! Это я по себѣ знаю. Покойный-то мой, тоже ученый человѣкъ былъ, всѣмъ душа былъ, а какъ запьетъ бывало, хоть изъ дому бѣги.

Быкова. Ну, мужъ пьяница — небольшая радость.

Сурунова. Охъ, какая ужь тутъ радость! Я больше къ слову сказала, а Прохоръ Семенычъ—человѣкъ почтенный, солидный.

Ольга. Я не пойду за него замужъ.

Лиза. Фи! какое ребячество! видно что съ институтской скамейки недавно. Обязанность каждой дѣвушки сдѣлать себѣ партію. Ты только подумай о правилахъ замужней женщины, это прелесть!

Ольга (*съ досадой*). Чтожь, выходи за него, ежели тебѣ это такъ нравится.

Лиза. Я не имѣла счастія ему понравиться.

Принужденно хохочетъ.

Быкова. Чему ты расхохоталась?... Кажется, ничего нѣтъ смѣшнаго.

Лиза (*продолжая хохотать*). Много, много, maman. Сдѣлай онъ только мнѣ предложеніе, я за него пойду не думавши. Быть

самостоятельной женщиной — да это прелесть. У меня были бы балы, рауты; онъ, говорятъ, очень богатъ.

Быкова. Ты все вздоръ городишь. Главное важно то, что дѣвушка пристроится, вотъ что!

Сурунова. Ужь чего не важно, я это по себѣ знаю. Какъ вздумали меня родители замужъ выдавать, я и руками и ногами. Въ ту пору, у насъ взводъ уланъ квартировалъ, такъ, вѣдь, я, прости Господи, даже бѣжать сбиралась съ корнетомъ, вотъ что. Вспомнить-то стыдно! Да отецъ у меня былъ, не тѣмъ будь помянутъ, звѣрь, звѣрь былъ. Я говоритъ, велю тебѣ косу обрѣзать, если не выйдешь, за кого хочу. Я въ слезы, дура была... а послѣ, бывало, не наблагодаришься своимъ родителямъ. Начитанный человѣкъ былъ у меня мужъ.

Лиза. Выходи, Ольга, какой maman балъ дастъ!

Быкова. Ужь конечно дамъ, такой дамъ, что Бархатцева съ досады язычекъ прикуситъ.

Лиза (*Ольгѣ*). Послушай, неужели ты вѣришь въ браки по страсти?... ха, ха, ха. Это забавно! Въ нашъ вѣкъ, моя милая, ихъ не бываетъ. Конечно, пріятно выдти за человѣка, который тебѣ нравится и притомъ богатъ; но ужь ежели выбирать между ненавистнымъ богачемъ и бѣднякомъ милымъ сердцу, я бы не задумавшись схватилась за перваго.

Ольга (*съ негодованіемъ*). Какъ это честно, какъ это благородно. Отъ тебя-то я не ожидала такихъ сужденій.

Лиза. Не горячись—годъ, много два, и ты тоже скажешь. Ты еще институтка. Вамъ бы только аркадскіе пастушки, да слезы, да вздохи, да взаимная любовь. Ты сентиментальна; это все старо для нашего вѣка. Надо быть женщиной.

Ольга (*съ запальчивостію*). То есть выдти за перваго встрѣчнаго, не чувствуя къ нему ни какой симпатіи, даже презирая его? Выдти только для того, чтобъ имѣть возможность давать балы и наряжаться? Видѣть въ мужѣ своего управляющаго и только? Не смѣть требовать отъ него ни любви, ни участія, однихъ нарядовъ и только нарядовъ? Такъ это, по вашему, называется быть женщиной? Если это такъ, если вы меня не обманываете.... Боже! Боже! оставь меня вѣчно институткой.

Лиза. Ха, ха, ха, какой пафосъ! (*хохочетъ*).

Ольга. Но я не вѣрю, я не хочу вѣрить, чтобъ всѣ женщины были таковы. Можетъ быть....

Лиза (*перебивая*). Что можетъ быть?... можетъ я одна такая?

Ольга (*съ усиліемъ*). Да.

Быкова. Полно, Лиза, не тревожься, она еще молода, въ ней нѣтъ благоразумія. Она сама пойметъ, не тревожь ея.

Лиза. Я, кажется, и не тревожу ея... Она невыносимо глупа.

Ольга, плача, уходитъ.

Быкова. Что, ты ее обижаешь, Лиза? Этакъ пожалуй, добрые люди чего не наговорятъ. Вотъ, скажутъ, Быкова злится, что не ея дочь сватаютъ, такъ и хочетъ у дѣвушки вѣкъ заѣсть.

Сурунова. Не вините, мать моя, Лизавету Ивановну, охъ не вините! Знаю я это институтское воспитаніе; не знаю, чему они тамъ ихъ учатъ. Она, пожалуй, и на фуртупьянахъ споетъ, и пропляшетъ, а того, чтобы жениха поймать — куда тебѣ! не бойки, очень не бойки!

Лиза. Не ручайтесь за всѣхъ.

Сурунова. Какъ можно ручаться за всѣхъ, мать моя, какъ можно! Да вотъ хоть бы Илишевой дочь — какая бойкая дѣвка вышла. Вѣдь мы съ Илишевой душа въ душу, такъ она мнѣ разсказывала, какъ она дочь-то свою замужъ выдала.

Лиза. Какъ же? разскажите, это интересно.

Сурунова. Да ужь такая интереснѣйшая исторія, мать-моя, ужь такая!... За Илишевой началъ раскидывать Пѣтуховъ Петръ Иванычъ, ужь не молодой человѣкъ, а сластена такой, что не приведи Богъ! Увидь онъ только барышню... въ деколтеяхъ, что ли это говорится, — съ голыми-то плечами...

Лиза. Ну, такъ что же?

Сурунова. Ну, мать моя, точно внутренность у него вся перевернется; глаза-то, какъ у волка кровожаднаго разъиграются. Ужь такая непрезентабельная фигура сдѣлается!

Лиза (*съ нетерпѣніемъ*). Ну, да какъ же свадьба?

Быкова (*Суруновой*). Бросьте вы вашу исторію, вѣрно глупость какая нибудь.

Сурунова. Зачѣмъ глупость, мать моя, поучительная для барышенъ исторія. Вотъ Илишева дочь и подмѣтила въ немъ эти чувства, да и говоритъ матери: «мамочка, говоритъ, мы люди небогатые, не лучше ли мнѣ выдти за Пѣтухова? онъ, говорятъ, человѣкъ зажиточный.» Та и ротъ разинула. «Если бы,

говоритъ, Господь сподобилъ! да человѣкъ-то онъ гордый, въ Петербургѣ всю службу проходилъ.» Ничего, говоритъ, я сдѣлаю. Вотъ какъ-съ!

Лиза. Какъ же она сдѣлала?

Сурунова. Да такъ, мать моя. Пріѣхалъ это онъ къ нимъ передъ баломъ. Она-то расфуфырилась, плечи почитай по сихъ поръ вылущила изъ платья, да и проситъ его къ себѣ въ кабинетъ, шляпку, изволите видѣть, показать. Да тамъ передъ нимъ— и такъ и этакъ. Человѣкъ онъ слабый, схватилъ ее за руку, да и говоритъ: «жизнь моя — поцалуйте!» а самъ, мать моя, весь дергается, такъ всѣми членами и дергается, да и чмокъ ее въ губы. А мать ужь тутъ у дверей стоитъ. Ну, и съиграли свадебку. Поучительная для барышенъ исторія! Поучительная!

Быкова. Ну, ужь нашли въ чемъ поучительное! Наглость, просто наглость.

Сурунова. Эхъ, мать моя! да вѣдь безъ наглости жить нельзя; вѣкъ ужь такой!

Быкова (*охаетъ*). Охъ.

Сурунова (*смотритъ въ окно*). Эхъ! да къ вамъ кто-то прикатилъ. .. Замучатъ васъ теперь визитами, мать моя.

Быкова. Ничего. Мы съ вами пойдемъ ко мнѣ, а Лизочка приметъ гостей.

Сурунова. Пойдемте, пойдемте. Охъ, жаль человѣка такого, канталисть! (*Быкова и Сурунова уходятъ*).

ЯВЛЕНІЕ II.

Лиза. Кто бы это? (*смотритъ въ окно*) а! (*дѣлаетъ кислую гримасу*). Вотъ будетъ нестерпимая скука! (*беретъ книгу и садится на диванъ, Фиркинъ расшаркивается съ большимъ усердіемъ*).

Лиза. Здравствуйте.

Фиркинъ. Что это вы книжечку изволите читать.

Лиза. Да.

Фиркинъ. Пріятное занятіе, чтеніе. Позвольте полюбопытствовать заглавіе?

Лиза. «Домби и Сынъ», англійскій романъ.

Фиркинъ. Хмъ! Не нравятся мнѣ ихніе-съ романы, чувства въ нихъ мало описывается.

Лиза. Какіе же вы болѣе любите?

Фиркинъ. Разные-съ; водевили въ репертуарѣ очень люблю, куплеты иногда бываютъ очень остроумные; ну-съ и графъ Соллогубъ тоже очень хорошо иногда чувства описываетъ. Главное то хорошо, что у него все свѣтское общество описывается, для образованнаго человѣка читать пріятно; а вотъ другіе больше непріятности разныя пишутъ. У нихъ, съ позволенія сказать, прачка важнѣе роль играетъ, чѣмъ какая нибудь графиня. Чиновникамъ-то это все очень нравится; но никакъ для военныхъ, могу васъ завѣрить.

Лиза. Такъ вамъ его сочиненія очень нравятся?

Фуркинъ. Очень-съ. «Большой Свѣтъ» напримѣръ. У насъ былъ штабсъ-капитанъ Попуховъ, мы всѣ его звали Сафьевымъ.

Лиза. Сафьевымъ? Ахъ да, знаю, помню. Развѣ онъ очень похожъ?

Фиркинъ. Въ моральномъ-съ отношеніи больше. Всегда, бывало, разстегнутъ, и все одинъ палецъ за жилетомъ. Очень свѣтскій человѣкъ. А вотъ другой у насъ есть штабсъ-капитанъ Пуповъ, такъ того всѣ Велизаріемъ зовутъ-съ.

Лиза. Велизаріемъ?

Фиркинъ. Да-съ. Намедни онъ напился и подрался съ становымъ, тотъ ему и вышибъ глазъ, вотъ мы и зовемъ его Велизаріемъ. Правду-съ сказать, это я ему далъ названіе.

Лиза. Какой вы злой.

Фиркинъ. Помилуйте-съ.

Лиза. Но вѣдь это ужасно — лишиться глаза.

Фиркинъ. Образованія никакого не получилъ. Кромѣ книжки о геморроѣ, онъ никогда ничего не читалъ. Все больше въ обществѣ лошадей время проводитъ, а все отъ того, что въ кавалеріи спервоначально служилъ. И это много значитъ.

Лиза. Будто кавалерійскіе офицеры всѣ такіе?

Фиркинъ. Почти всѣ-съ. Мнѣ Анна Львовна жаловалась:— когда здѣсь стоялъ кавалерійскій полкъ, такъ не было возможности сидѣть у окна во время ихъ ученья. Такъ-съ непріятно ругаются, такъ непріятно.

Лиза (*стараясь замять разговоръ*). А вы давно здѣсь?

Фиркинъ. Вчера-съ пріѣхалъ. Все въ деревнѣ со взводомъ стоялъ, скука смертельная; для образованнаго человѣка никакого развлеченія нѣтъ.

ЯВЛЕНІЕ III.

ЛИЗА, ФИРКИНЪ и КОЛОВСКІЙ.

Коловскій. Добрый день. (*Жметъ Лизѣ руку, и слегка киваетъ Фиркину*). О какой матеріи у васъ разговоръ?

Фиркинъ. Я хоть-съ и дамскій кавалеръ, а въ матеріяхъ-съ толку не знаю. (*Хохочетъ*).

Лиза (*хохоча*). Какой вы каламбуристъ, monsieur Фиркинъ.

Фиркинъ (*самодовольно охорашиваясь*). Помилуйте-съ. Однако, мнѣ надобно къ полковницѣ еще заѣхать. Мое почтеніе, Лизавета Ивановна.

Коловскій (*развалясь въ креслахъ*). Послушайте, Фиркинъ, вы опасный человѣкъ. Анна Львовна жалуется, что вы ей покою не даете. (*Къ Лизѣ*). Можете представить, Лизавета Ивановна, онъ постоянно мимо ея дома водитъ караулъ, и для этого дѣлаетъ крюку двѣ версты.. каковъ? А еще, говорятъ, что въ нашъ вѣкъ нѣтъ жертвъ для любви.

Фиркинъ. Это напраслина. (*Раскланивается и уходитъ*).

Коловскій. Я воображаю, какъ вамъ было весело.

Лиза. Отчего же вы думаете, что только съ вами и не можетъ быть скучно?

Коловскій. Со мной вы хоть кокетничать можете, а съ нимъ... (*Дѣлаетъ презрительную гримасу*). Впрочемъ, кто любитъ арбузы, а кто и соленые огурцы.

Лиза. Вы сегодня кажется не въ духѣ.

Коловскій. Какъ всегда. (*Зѣвая*). Скучно жить на этомъ свѣтѣ.

Лиза. Я не вѣрю, чтобы ваша скука была искренна; вы рисуетесь.

Коловскій. Ужь не для васъ ли?

Лиза. Неужели вы утратили вѣру во все святое, все лучшее; неужели у васъ нѣтъ ни любви, ни привязанностей, и вамъ не холодно?

Коловскій. Ваша правда; у меня нѣтъ ни любви, ни привязанностей; отчего мнѣ, дѣйствительно, не холодно, хоть и не тепло: самый здоровый воздухъ.

Лиза. Все это странно. Цѣлые дни сидѣть за картами, не

чувствовать никакого влеченія къ высокимъ наслажденіямъ, довольствоваться этимъ обществомъ! Я не понимаю васъ.

Коловскій. Скажите же и вы мнѣ, неужели вы думаете, что любезничать съ вами пріятнѣе, чѣмъ сидѣть за карточнымъ столомъ?

Лиза. У васъ всегда на готовѣ дерзость.

Коловскій. Вы избаловали меня. Однакожь, оставимъ-те это; хотите,—я вамъ скажу новость.

Лиза. Какую?

Коловскій. Иволгина выходитъ за Карпова. Чтожь вы не радуетесь?

Лиза. Чему же тутъ радоваться.

Коловскій. Какъ чему? Приличная партія.

Лиза. Признаюсь, хороша партія, семнадцатилѣтняя дѣвушка и шестидесяти-лѣтній старикъ. Меня удивляетъ Иволгина: въ молодой дѣвушкѣ и столько низкаго разсчета. Неужели вы можете чувствовать хоть маленькое уваженіе къ подобнымъ созданіямъ?

Коловскій. Съ ея стороны это благоразумно: онъ богатый человѣкъ.

Лиза (*насильственно одушевлялсь*). Я удивляюсь вамъ, мужчинамъ: вы преклоняетесь передъ подобной женщиной, безъ стыда, безъ женственности, и въ тоже время вы первые готовы бросить камень въ дѣвушку, которая пала въ глазахъ свѣта, пала только потому, что у ней есть сердце, больное сердце, не слушающее ни разсудка, ни благоразумія, потому, что она вся — женщина, вся — любовь, вся—жертва. Теперь-то я узнаю васъ; вы чорствое, холодное созданье.

Коловскій. Это я прежде васъ зналъ.

Лиза. А! вы знали. Зачѣмъ вы играли комедію?

Коловскій. Когда? гдѣ?

Лиза. Да, вы забыли... а вспомните нашу деревню. По вашему—благородно безъ всякой цѣли увлечь дѣвушку, прикинуться влюбленнымъ, вскружить ей голову.... а?

Коловскій. Полноте, ужь не вамъ ли я вскружилъ голову, это немножко трудно. Комедія только что начинается.

Лиза. Чтожь, говорите еще дерзости, говорите; только ихъ не достаетъ, все уже сдѣлано. А я вѣрила вашимъ клятвамъ, ваши рѣчи были тогда такъ сладки; я безотчетно предалась вамъ моей неопытной душой.

Коловскій. Вамъ тогда было двадцать четыре года.

Лиза. Изъ за васъ я отказала богатому жениху.

Коловскій. Да вѣдь и я не бѣденъ; вы это знали.

Лиза. Что вы хотите сказать?

Коловскій. А вотъ что. Во первыхъ,—мы играемъ комедію, а вѣдь это неприлично. Мы съ вами люди неглупые, а хотимъ одурачить другъ друга. Это не хорошо. Чувствъ вы ко мнѣ никогда никакихъ не питали, равно какъ и я къ вамъ,—мы шалили. Только мое положеніе было опаснѣе: вы хорошенькая, и я могъ поддаться на удочку. Сознайтесь, что вамъ замужъ хотѣлось. Чтожь, это хорошее дѣло; вы успѣете поймать другаго.

Лиза. Кто вамъ далъ право говорить дерзости?

Коловскій. Вотъ вы и разсердились.. а я даю добрые совѣты. Послушайте, вы знаете Корякина?. Онъ немножко глупъ, да это не бѣда; вамъ такого мужа и надобно. Жените его на себѣ, у него шестьсотъ душъ.

Лиза (*задыхаясь отъ гнѣва*). Послушайте, вы...

ЯВЛЕНІЕ IV.

ЛИЗА, КОЛОВСКІЙ, БЫКОВА и СУРУНОВА.

При входѣ Быковой, Коловскій берется за шляпу и раскланивается.

Быкова. Григорій Ѳедоровичъ, куда вы такъ торопитесь?

Коловскій. Такъ, кой-куда. До свиданья. (*Уходитъ*).

Сурунова. Не нравится онъ мнѣ, мать моя: дерзостный человѣкъ, охъ дерзостный. Со мной, прощалыга этакой, какую штуку сыгралъ. Пріѣзжаю я къ Матюревой, а онъ ужь тамъ. Ну, думаю себѣ, вѣрно мужа дома нѣтъ. — Знаю я вѣдь эту Матюреву. — Иду въ залъ, а онъ на встрѣчу; «извините, говоритъ, у меня съ собой денегъ нѣтъ.» «Какія, говорю, деньги сударь? я титулярная совѣтница Сурунова.» «Ахъ, говоритъ извините, а я думалъ, что вы безпомощная вдова, аль на богадѣльню сбираете.» Каковъ?—А Матюрева-то, дура, заливается со смѣху.

Быкова. Да, онъ таки дерзокъ.

Сурунова. Дерзостный, дерзостный человѣкъ. А кто виноватъ, сами избаловали. Воспитанный человѣкъ, кричатъ. Какой

же это воспитанный, мать моя; танцуетъ кадриль съ барышней, а самъ положитъ себѣ нога на ногу, да подошвы и разсматриваетъ. Да онъ—Богъ съ нимъ, онъ отпѣтый, а Матюрева-то молодица взорвала меня: хохочетъ себѣ, дура этакая. Мужъ подъ судомъ, а она и въ хвостъ и въ рыло франтитъ; будуаръ себѣ для утра заказала — такой же, какъ у Павлищевой, и фестончики такіе же. А намедни Коровина къ ней пріѣзжаетъ, нечего было къ закускѣ подать; къ сосѣдямъ за селедкой Палашку посылала.

Быкова. Жаль бѣдную.

Сурунова. Есть ужь кого жалѣть.

(Нѣсколько минутъ молчаніе).

Лиза. А что Ольга, maman, соглашается?.

Быкова. Нѣтъ. Я и незнаю какъ съ ней быть. Принуждать мнѣ ее не приводится. Чего добраго—найдутся люди, скажутъ, что Быкова хлопочетъ, какъ бы поскорѣе племянницу съ рукъ сбыть.

Сурунова. Да, вѣдь Прохора Семеновича жаль, мать моя, человѣкъ-то онъ хорошій, капиталистъ, по правдѣ сказать я и не знаю, что ему такъ далась Ольга Петровна. Ужь то ли дѣло Лизавета Ивановна, королева — просто королева. Ну, да поди, сладь съ нимъ. «Люба, говоритъ, мнѣ и Лизавета Ивановна, да Ольга Петровна поплотнѣе будетъ», вкусъ ужь такой незящной. Я ему и говорю. «Бога ты побойся, Прохоръ Семеновичъ: что за бѣда? Когда я была холостой человѣкъ, спичка-спичкой была, а теперь грѣхъ Бога гнѣвить. Самъ видишь.»

Лиза. Надобно еще знать, пойду ли я за него.

Сурунова. А, вѣдь сами вы сказали, Лизавета Ивановна, душенька моя, что пойдете. Грѣхъ не выходить за такого человѣка... хорошій человѣкъ. Вѣдь вотъ мы съ вами теперь растобарываемъ, а онъ ужь чай пять губерній откупилъ. Ужь не чета какому нибудь Коловскому (*въ передней слышенъ шумъ*). Э! сколько къ вамъ прикатило.

ЯВЛЕНІЕ V.

ЛИЗА, БЫКОВА, СУРУНОВА, БУРУНДУКОВЪ и ПЕЧЕНКИНЪ.

Бурундуковъ (*Быковой*). Какъ живете — можете, Анна Петровна.

Быкова. Благодарю васъ, Семенъ Семеновичъ, живу понемножку.

Бурундуковъ (*Суруновой*). А вы, Марья Осиповна?

Сурунова. Охъ, терпитъ Богъ грѣхи, терпитъ.

Бурундуковъ (*Лизѣ*). Лизавета Ивановна, мое почтеніе. А мы къ вамъ съ Прокломъ Ивановичемъ отъ Бикулина; насилу покончили его дѣло съ Евлампіемъ Петровичемъ.

Быкова. Какое это дѣло Семенъ Семеновичъ?..

Бурундуковъ. Да вотъ, спросите у Прокла Ивановича, это дѣло при немъ случилось.

Печенкинъ. Бикулинъ-съ, Анна Петровна, безвинно виноватъ, право безвинно. Онъ больше по неопытности въ танцахъ лягнулъ Ефимію Калистратовну, а Евлампій Петровичъ и обидѣлись, думаютъ — съ намѣреніемъ сдѣлано.

Сурунова. Какъ же это его угораздило, отецъ мой?

Печенкинъ. Бикулинъ всегда, когда танцуетъ галопъ-съ, то все ногой какъ-то на отлетъ больше, точно дрягаетъ. Вотъ-съ Ефимія Калистратовна и подвернулись, а онъ, — право не для насмѣшки, — ее и задѣлъ.

ЯВЛЕНІЕ VI.

ПРЕЖНІЕ и ДВА ПОМѢЩИКА.

1-й Помѣщикъ (*Быковой*). Наше-съ вамъ.

Быкова. Благодарю; какъ здоровье Перепѣтуи Павловны?

1-й Помѣщикъ. Охъ, ужь не извольте говорить. Замучила она меня, замучила. Она, съ позволенія сказать, теперь беременна, и такія прихоти у ней проявляются, что просто уму непостижимо; то ей кисленькаго дай, то ей сладенькаго дай.

2-й Помѣщикъ. Истинно такъ. Вотъ и моя жена въ прошломъ году была точно въ такомъ же положеніи; такъ ей просто чортъ знаетъ чего не хотѣлось, даже и сказать неприлично при всѣхъ. (*Судьѣ*). А! вы здѣсь Семенъ Семеновичъ, очень радъ, очень радъ, что съ вами встрѣтился. Ну-съ, не скажете ли чего новенькаго. (*Быковой*). Вы ужь извините меня, Анна Петровна, люблю о политикѣ послушать; самому газеты не приходится выписывать, такъ я всегда къ Семену Семеновичу обращаюсь: это по ихъ части.

Бурундуковъ (*значительно*). Да особенно важнаго, такъ сказать популярнаго—мало, очень мало. Пальмерстонъ конечно..

2-й Помѣщикъ. Вотъ-съ его-то, его-то и давайте сюда, Семенъ Семеновичъ: онъ, говорятъ, человѣкъ того!

Бурундуковъ. Ну да, человѣкъ, конечно, съ образованіемъ: въ высшемъ университетѣ воспитаніе получалъ.

Сурупова. Начитанный человѣкъ, отецъ мой, начитанный.

Печенкинъ. Желательно знать, Семенъ Семеновичъ, въ какомъ это онъ университетѣ образованіе получалъ.

Бурундуковъ. Въ Парижскомъ, напримѣръ, ну и въ другихъ тоже, у него почти всѣхъ университетовъ дипломы есть. Ну, и конечно взглядъ—это, администраторство; все это, какъ слѣдуетъ у него.

2-й Помѣщикъ. Ну, такъ чтожь Пальмерстонъ-то этотъ?

Бурундуковъ. Ну, конечно, тамъ въ парламентѣ, развиваетъ какую нибудь идею этакую.

2-й Помѣщикъ. Такъ вотъ оно что!

Бурундуковъ. Ну, да. Опровергаетъ какой нибудь биль. По правдѣ сказать, я нынѣшнею почту еще не читалъ; но ужь предвижу, знаете, предвижу. Стоитъ только, такъ сказать, втянуть себя въ политическій міръ, а тамъ ужь, конечно развитіе это, политическіе вопросы, все это тамъ само идетъ.

1-й Помѣщикъ. Не по сердцу мнѣ эта политика, да и не наше дѣло о ней разсуждать. На это въ Петербургѣ есть особый департаментъ, пусть ихъ тамъ и занимаются. А то вы съ политикой вашей все носитесь, а почтовое дѣло у васъ до сихъ поръ лежитъ.

Бурундуковъ. Не безпокойтесь, ему уже дано движеніе, дано.

1-й Помѣщикъ (*ко* 2-*му*). Ну, а какъ ваша вчерашняя ерунда?

2-й Помѣщикъ. Плохадыровато, плохадыровато, Степанъ Савичъ: 8 карбованцевъ просолилъ.

ЯВЛЕНІЕ VII.

ПРЕЖНІЕ и КОЛОВСКІЙ.

Коловскій. Вотъ я и опять къ вамъ, Анна Петровна.

Быкова. Очень пріятно.

Коловскій (*обращаясь ко всѣмъ*). Чтожь вы, господа, здѣсь засѣли? а Никаноръ Федулычъ ищетъ васъ по всему городу. — Ѣдемъ-те.

Быкова. Куда это вы моихъ гостей уводите, Григорій Ѳедоровичъ?

Коловскій. Нельзя, нельзя, Анна Петровна. У Никанора Федулыча утренничекъ составляется.

2-й Помѣщикъ. А ерунда будетъ?

Коловскій. Все будетъ, и ерунда будетъ, и любишь не любишь будетъ. Вашу руку на счастье, Анна Петровна.

Лиза. Возьмите мою.

Коловскій (*отводя ея руку*). Я давно вижу, что вы мнѣ свою руку предлагаете. Да, вѣдь, я не гожусь въ мужья, вотъ хоть у него спросите (*показываетъ на 2-го помѣщика*).

2-й Помѣщикъ. Ай, ай, какой вы, Григорій Ѳедоровичъ! Мое почтеніе (*всѣ раскланиваются и уходятъ*).

Коловскій. До свиданья.

Быкова. Прощайте, да ужъ не откажите насъ не безпокоить вашимъ посѣщеніемъ.

Коловскій. Пожалуй, съ удовольствіемъ. (*Уходитъ.*)

Быкова. Какова дерзость, а? (*Лизѣ*). А все вы, сударыня, виноваты: нашли, кому на шею вѣшаться.

Лиза. Я не вѣшалась никому на шею; сами же вы прокричали мнѣ уши про его деревню. Я считала его за благороднаго человѣка.

Сурунова. Ну, ужъ нашла въ комъ благородство, мать моя. Вотъ-съ Прохоръ Семенычъ, тотъ человѣкъ благородный, почтительный человѣкъ.

Лиза. Что вы ко мнѣ пристали съ своимъ Прохоромъ Семенычемъ?

Быкова. Да ужь, конечно, Прохоръ Семенычъ не надѣлалъ бы такого скандалу.

Сурунова. Почтенный человѣкъ, почтенный, — да вотъ, кажись, и онъ самъ (*смотритъ въ окно*). Вы ступайте-ко къ себѣ, мать моя, успокойте Лизавету Ивановну, а я его приму (*Лиза уходитъ, Быкова слѣдуетъ за ней*). Анна Петровна! Анна Петровна.

Останавливаетъ Быкову, что-то шепчетъ ей на ухо. Быкова уходитъ

ЯВЛЕНІЕ VIII.

СУРУНОВА и БИКУЛИНЪ.

Бикулинъ (*выражается коротко и отрывисто*) А, вы здѣсь. А Анна Петровна?

Сурунова. Она, мой батюшка, по хозяйству хлопочетъ съ Лизаветой Ивановной.

Бикулинъ. Подождемъ. Ну, какъ дѣло?

Сурунова. Плохо, плохо отецъ мой. Ольга Петровна супротивляется.

Бикулинъ. Отчего?

Сурунова. Больно молода, отецъ мой; понятій еще никакихъ не имѣетъ, ну и боится.

Бикулинъ. Чего-съ бояться, вы внушите; дѣло, кажется, обыкновенное.

Сурунова. Конечно, дѣло обыкновенное; внушала, ну, да поди ты съ ней.

Бикулинъ. То-то поди, теперь поди.... а тогда, небось, не поди, какъ домишко выклянчила.

Сурунова. Что жь ты, батюшка, попрекать сталъ. Кажись, не сложа руки сижу; все о тебѣ-же радѣю. Да я не знаю, право, что тебѣ такъ далась Ольга Петровна? ну, то-ли дѣло Лизавета Ивановна? королева, просто королева.

Бикулинъ. Хороша королева! поджарая....

Сурунова. Что за поджарая, лѣта еще такія; перепала немножко, а выйдетъ замужъ,—въ тѣло войдетъ.

Бикулинъ (*съ злобою*). Изведешь ты меня, Марья Осиповна... А докторъ опять сегодня строго приказалъ жениться; а то, говоритъ, плохо будетъ.

Сурунова. А кто тебѣ батюшка запрещаетъ жениться, женись!—А что за хозяйка Лизавета Ивановна, просто уму невѣроятно. Я, говоритъ, противность чувствую къ этимъ баламъ, да театрамъ, больше къ семейной жизни расположеніе имѣю. Чудо, что за дѣвушка! А Ольга Петровна—что.—Она на другой годъ такъ тебя окреститъ отецъ мой, что послѣ не покаешься.

Бикулинъ (*послѣ нѣкотораго раздумья рѣшительно*). А.— все равно, давай хоть Лизавету Ивановну. Докторъ больно строго приказалъ жениться. Бѣда, говоритъ, будетъ.

Сурунова. Вотъ, что разумно, такъ разумно, отецъ мой, я сейчасъ-же скажу Аннѣ Петровнѣ. (*уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ IX.

Бикулинъ. (*одинъ*). Эхъ!—если бы не болѣзнь моя, за сто печеныхъ раковъ не женился бы. (*Ходитъ въ раздумьи*). Вотъ опять началась тоска въ ногахъ.

(Входятъ Быкова, Сурунова и Лиза).

Быкова. Я и Лиза благодаримъ васъ за честь, которую вы намъ дѣлаете и съ удовольствіемъ принимаемъ ваше предложеніе.

Бикулинъ. Очень пріятно. (*Цѣлуетъ руку у Лизы*). Премного обязали меня, сударыня. (*Въ сторону*). Слава Богу! теперь не велю доктора на дворъ пускать.

С. ѲЕДОРОВЪ.

ФРИДРИХЪ ВЕЛИКІЙ.

изъ МАКОЛЕЯ.

Прусская монархія, младшая изъ большихъ европейскихъ державъ, занимаетъ между ними пятое мѣсто по населенію и по доходамъ; но по искусствамъ, наукамъ и вообще по просвѣщенію ей принадлежитъ третье, а можетъ быть, даже второе мѣсто въ Европѣ. Въ первыя времена своего существованія, Пруссія была самымъ незначительнымъ государствомъ. Въ началѣ XV-го вѣка, императоръ Сигизмундъ отдалъ маркграфство Бранденбургское въ ленное владѣніе благородному семейству Гогенцоллерновъ, которое въ XVI-мъ столѣтіи приняло реформу, а въ первые годы XVII-го вѣка получило въ ленъ отъ польскаго короля герцогство Прусское. Но даже послѣ такого усиленія, главы Гогенцоллернскаго дома едва могли стоять наравнѣ съ курфирстами саксонскими и баварскими. Почва маркграфства была по большей части неплодородная: самыя окрестности Берлина, столицы Бранденбургіи, и Потсдама, любимой резиденціи маркграфовъ, представляли совершенную пустыню; только кое-гдѣ, на глубокихъ пескахъ, послѣ тщательной обработки, росли кое-какъ тощіе колосья ржи и овса. Въ другихъ мѣстахъ стояли первобытные лѣса, до которыхъ еще не дотрогивалась рука человѣческая. Изъ нихъ-то оттѣснены были къ Дунаю завоеватели римской имперіи. Только болотистыя мѣста были плодородны, но вредный ихъ климатъ столько же пугалъ земледѣльцевъ, сколько привлекали хорошіе урожаи. Фридрихъ Вильгельмъ «великій курфирстъ,» политикой своей положилъ основаніе

могуществу своихъ преемниковъ; посредствомъ Вестфальскаго мира, онъ увеличилъ предѣлы своего государства многими важными пріобрѣтеніями, въ числѣ которыхъ былъ богатый городъ Магдебургъ съ округомъ; сыну своему Фридриху онъ оставилъ такое значительное владѣніе, что съ нимъ не могло сравниться ни одно изъ европейскихъ государствъ, не носившее названіе королевства. Фридрихъ стремился получить королевское достоинство. Тщеславный и расточительный, небрежный въ отношеніи къ своимъ истиннымъ интересамъ и къ своей главной обязанности, жаждавшій ничтожныхъ отличій, онъ нисколько не увеличилъ истиннаго могущества государства, которымъ управлялъ. При немъ Пруссія, можетъ быть, болѣе ослабѣла, чѣмъ усилилась; но ему посчастливилось добиться цѣли своей жизни: онъ получилъ королевскій титулъ и въ 1700 году возложилъ на себя новое достоинство, при чемъ ему пришлось испытать много непріятностей. Зависть людей того разряда, изъ котораго вышелъ Фридрихъ, и вѣжливое пренебреженіе тѣхъ, къ которымъ онъ втерся въ ровни, были очень и очень замѣтны. Курфирстъ саксонскій первый отказался признать за нимъ королевское достоинство. Людовикъ XIV смотрѣлъ на своего новаго брата такими глазами, какъ, напримѣръ, графъ въ мольеровой комедіи смотритъ на мосье Журдена, когда тотъ еще совершенно ошеломленъ маскарадомъ, посредствомъ котораго сдѣлался дворяниномъ. Австрія,—хотя признала за Фридрихомъ королевское достоинство, — но сдѣлала это очень недружелюбно, несмотря на то, что за признаніе вынудила у Пруссіи много тяжелыхъ жертвъ.

Фридриху наслѣдовалъ сынъ его Фридрихъ Вильгельмъ; у этого государя нельзя отнять нѣкотораго умѣнья управлять государствомъ; но характеръ его не лишенъ былъ многихъ порочныхъ наклонностей и странности его часто помрачали природный его здравый смыслъ. Онъ былъ аккуратенъ, прилеженъ во всѣхъ нужныхъ занятіяхъ, и первый задумалъ посредствомъ сильной военной организаціи захватить для Пруссіи такое мѣсто въ ряду другихъ европейскихъ державъ, на какое она не могла имѣть притязанія ни по своему пространству, ни по населенію. Строгая бережливость дала ему возможность содержать въ мирное время шестидесяти-тысячную армію. Эта армія была такъ дисциплинирована, что, въ сравненіи съ нею, версальская или сентъ-джемская гвардія показались бы безпорядочнымъ сбродомъ. Повелитель подобной военной силы могъ быть для своихъ сосѣдей или опаснымъ врагомъ, или драгоцѣннымъ союзникомъ.

Однако умъ Фридриха Вильгельма былъ такъ странно устроенъ,

что всѣ его склонности обращались въ страсти, а всѣ страсти носили на себѣ отпечатокъ какой-то моральной и интеллектуальной болѣзни. Бережливость его доходила до скупости. Онъ былъ безъ ума отъ военной пышности и отъ военнаго порядка. Между тѣмъ какъ для набора рослыхъ солдатъ всякія издержки были ничтожны, посланники берлинскаго двора находились въ такой бѣдности, что служили посмѣшищемъ для иностранныхъ столицъ, а столъ, предлагаемый прусскимъ принцамъ и принцессамъ королевскаго дома, былъ такъ скуденъ, что они едва могли утолить голодъ, и такъ дуренъ, что не понравился-бы даже голодному. Король поставлялъ себѣ за честь собрать полкъ великановъ, и въ каждой странѣ агенты его отыскивали людей, которые были бы выше обыкновеннаго роста. Эти розыски не ограничивались Европой. Отъ наборщиковъ Фридриха Вильгельма не могла ускользнуть ни одна голова, выдававшаяся изъ толпы другихъ головъ на алеппскомъ, каирскомъ, или суратскомъ базарѣ. Одинъ ирландецъ, ростомъ болѣе семи футовъ, завербованный въ Лондонѣ прусскимъ посланникомъ, былъ нанятъ за 1300 ф. стер., что далеко превышало жалованіе самого посланника. Такая странность была тѣмъ удивительнѣе, что коренастый молодой парень, пяти футовъ, восьми дюймовъ росту, готовый наняться за пару талеровъ, былъ-бы навѣрное гораздо-лучшимъ солдатомъ.

Замѣчательно, что хотя главною цѣлью Фридриха-Вильгельма было созданіе значительной военной силы, хотя его правленіе составляетъ важную эпоху въ исторіи военной дисциплины и хотя господствующею его страстью были разные маневры,—однако онъ былъ самымъ миролюбивымъ государемъ. Мы думаемъ, впрочемъ, что его отвращеніе отъ войны проистекало не изъ человѣколюбія, а просто было однимъ изъ многихъ его капризовъ. Любовь Фридриха-Вильгельма къ своимъ войскамъ, кажется, очень походила на любовь скупаго къ своимъ деньгамъ. Его величайшимъ удовольствіемъ было собирать своихъ солдатъ, пересчитывать ихъ и видѣть, какъ войско увеличивалось; но онъ никакъ не могъ рѣшиться истратить часть своего сокровища. Король заранѣе представлялъ себѣ ту минуту, когда его Патагонскій баталіонъ погонитъ передъ собою непріятельскую пѣхоту, словно стадо барановъ. Но эта минута, долженствовавшая наступить, никакъ не наступала, и очень вѣроятно, что еслибъ Фридрихъ прожилъ еще 30 лѣтъ, то его великолѣпной арміи не досталось бы совершить никакого подвига, труднѣе маневра на берлинскомъ полѣ. Но военныя силы, собранныя Фридрихомъ-Вильгельмомъ, были предназначены для того, чтобы ихъ употребилъ въ дѣло умъ болѣе смѣлый и находчивый.

Фридрихъ, названный Великимъ, сынъ Фридриха-Вильгельма, родился въ январѣ 1712 года. Можно сказать положительно, что онъ получилъ отъ природы свѣтлый, острый умъ и рѣдкую силу души и воли. Что касается до другихъ сторонъ его характера, то трудно сказать, былъ ли онъ ими обязанъ — природѣ или странному воспитанію, которое получилъ отъ отца. Исторія его дѣтства возбуждаетъ наше любопытство. Оливеръ Твистъ въ рабочемъ домѣ и Сминэ въ Дотебойсъ-Галлѣ были изнѣженными дѣтьми въ сравненіи съ несчастнымъ наслѣдникомъ прусскаго престола. Фридрихъ Вильгельмъ и по природѣ своей не былъ нѣженъ и добръ, а привычка къ самовластью сдѣлала его жестокимъ и грубымъ. Гнѣвъ его часто доходилъ до ярости и выражался проклятіями и даже ударами. Оттого онъ внушалъ постоянный страхъ окружающимъ, и во время его прогулки всѣ, по возможности, избѣгали встрѣчи съ нимъ, чтобы не подвергнуться порыву его гнѣва. Даже женщины не пользовались въ его глазахъ особенными правами на снисхожденіе. Нерѣдко, при встрѣчѣ съ женщиной на улицѣ, Фридрихъ давалъ ей толчокъ ногой, совѣтуя убраться поскорѣе домой и заняться своимъ дѣломъ. Но особенно не любилъ онъ, когда пасторъ разговаривалъ съ его солдатами; замѣтивши подобный разговоръ, онъ немедленно внушалъ пастору, чтобы онъ занимался своимъ дѣломъ—книгами и обрядами.

Въ домашней жизни Фридрихъ былъ еще хуже, страннѣе и причудливѣе. Онъ особенно не любилъ сына своего Фридриха и дочь Вильгельмину, которая была впослѣдствіе маркграфиней байрейтской. Самъ онъ былъ совершенно необразованъ и презиралъ литературу; онъ равно питалъ отвращеніе къ папистамъ, невѣрующимъ и философамъ, хотя не зналъ, какое существовало между ними различіе. Развлеченія его состояли въ томъ, чтобы сидѣть въ облакахъ табачнаго дыма, хлебать шведское пиво, играть въ токадиллу, ловить дикихъ кабановъ, и тысячами стрѣлять куропатокъ.

Наслѣдный принцъ не оказывалъ большаго сочувствія ни къ занятіямъ, ни къ удовольствіямъ своего отца. Онъ не любилъ военной службы и успѣлъ отъ нея отдѣлаться, не могъ курить безъ отвращенія, не находилъ удовольствія ни въ игрѣ, ни въ охотѣ. Обладая необыкновеннымъ слухомъ, онъ хорошо игралъ на флейтѣ.

Первыми учителями его были французскіе выходцы, которые пробудили въ своемъ воспитанникѣ страсть къ французской литературѣ и къ французскому обществу. Фридрихъ-Вильгельмъ смотрѣлъ съ негодованіемъ и презрѣніемъ на склонности своего сына; но выговоры и преслѣдованія только усиливали ихъ. Вмѣсто того,

чтобъ перемѣниться, наслѣдный принцъ еще болѣе утвердился въ своихъ мысляхъ, достигнувъ того возраста, когда происходитъ великая перемѣна въ физическомъ и умственномъ состояніи человѣка. Въ это время онъ сдѣлалъ нѣсколько необдуманныхъ поступковъ, на которые, впрочемъ, всякій добрый и благоразумный человѣкъ смотрѣлъ бы снисходительно. Изъ проступковъ Фридриха Великаго въ его молодости, ни одинъ не былъ особенно тяжелымъ. Не менѣе того, они приводили въ гнѣвъ короля, ненавидѣвшаго всѣ пороки, кромѣ тѣхъ, которымъ онъ самъ былъ подверженъ, и воображавшаго, что такою нетерпимостью онъ вполнѣ искупаетъ собственные грѣхи. Притомъ же, наслѣдный принцъ не былъ изъ числа людей, готовыхъ принимать все на вѣру. Онъ иногда отпускалъ насмѣшливые вопросы и приводилъ такія доказательства, которыя не совсѣмъ согласовались съ чистымъ лютеранскимъ ученіемъ, котораго держался Фридрихъ. Король заподозрилъ, что сынъ его, чего добраго, склоненъ сдѣлаться еретикомъ, кальвинистомъ или атеистомъ. (Большой разницы между этимъ онъ не видѣлъ). Жестокость была въ натурѣ Фридриха Вильгельма; въ этомъ же случаѣ жестокость онъ почиталъ своей обязанностью, и вся его совѣсть раздувала въ немъ ненависть. Флейту сломали, французскія книги были выброшены изъ дворца, принца били ногами, сѣкли и таскали за волосы. За столомъ блюда летѣли ему въ голову, часто доводилось оставаться на хлѣбѣ и на водѣ, а иногда глотать такую дрянь, что потомъ начиналась рвота. Однажды гнѣвъ короля дошелъ до того, что даже жизнь Фридриха была въ опасности. Королева почитала себя преступницей за то, что не желала смерти своему сыну, подверженному такимъ униженіямъ. Съ принцессой Вильгельминой, которая держала сторону брата, обходились почти такъ же дурно, какъ и съ воспитанницами мистриссъ Броунриггъ. Несчастный принцъ, доведенный до отчаянія, пытался спастись бѣгствомъ, и этимъ довелъ до крайней степени ярость своего отца. Фридрихъ былъ офицеромъ, слѣдовательно его бѣгство было вмѣстѣ съ тѣмъ и дезертирствомъ, что считалось у отца его величайшимъ изъ преступленій. «Намѣреніе дезертировать», говоритъ этотъ король-богословъ въ одномъ изъ своихъ писемъ, «безъ сомнѣнія, происходитъ изъ ада, отъ дѣтей сатаны, и, слѣдовательно, не можетъ происходить отъ сыновъ божіихъ.» Одинъ соумышленникъ принца былъ безпощадно казненъ, хотя за него вступился военный судъ. Всѣ полагали очень вѣроятнымъ, что такая же судьба постигнетъ и самого принца. Только съ большимъ трудомъ голландской республикѣ, королямъ шведскому и польскому, и нѣмецкому императору,—удалось своимъ вмѣша-

тельствомъ избавить Бранденбургскій домъ отъ подобнаго событія. Послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ тяжкаго ожиданія, узналъ наслѣдный принцъ, что жизнь его будетъ пощажена. Однако онъ долгое время оставался плѣнникомъ, хотя это было для него же лучше. Въ своихъ тюремщикахъ нашелъ онъ ту нѣжность, которой никогда не встрѣчалъ въ родномъ отцѣ. Столъ его не былъ пышнымъ, но здоровая пища давалась ему въ достаточномъ количествѣ, чтобъ утолить голодъ. Онъ могъ читать «Генріаду», и могъ играть на флейтѣ, не опасаясь, что она будетъ разбита. Когда заключеніе кончилось, то Фридрихъ былъ уже взрослымъ двадцати-двухъ лѣтнимъ человѣкомъ, и едва ли юношу можно было такъ же крѣпко держать на узлѣ, какъ прежде держали ребенка. Страданія развили его умъ, но очерствили сердце и испортили характеръ. Онъ выучился самообладанію и притворству, старался показать, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ заботится о видахъ короля, и съ покорностью изъ рукъ своего отца принялъ жену, которая была женщиною только по имени. Онъ съ честью служилъ подъ командою принца Евгенія, хотя и не имѣлъ случая отличиться блистательнымъ образомъ, потому что походъ не ознаменовался никакими особенными событіями. Теперь ему дозволено было имѣть собственный придворный штатъ, и поэтому принцъ былъ въ состояніи осторожно слѣдовать своимъ собственнымъ наклонностямъ. Частью для того, чтобы заслужить благорасположеніе короля, а также, безъ сомнѣнія, отчасти и по собственному желанію, занимался онъ военными и политическими дѣлами, и такимъ образомъ пріобрѣлъ въ нихъ опытность, какой и не подозрѣвали въ немъ даже самые близкіе къ нему люди.

Любимымъ мѣстопребываніемъ его былъ Рейнсбергъ, лежавшій на границѣ Пруссіи съ герцогствомъ Мекленбургскимъ. Рейнсбергъ есть плодородное и цвѣтущее мѣсто среди песчаной пустыни. Изъ замка, окруженнаго дубовыми и буковыми лѣсами, можно видѣть обширное озеро. Здѣсь Фридрихъ занимался разведеніемъ садовъ, проложеніемъ прямыхъ аллей и скрытыхъ тропинокъ, строеніемъ обелисковъ, храмовъ и оранжерей, цвѣтоводствомъ и разведеніемъ деревьевъ. Въ своемъ уединеніи, онъ развлекался съ немногими товарищами, и между ними, кажется, особенно любилъ тѣхъ, которые по рожденію или происхожденію были французы. Съ этими товарищами онъ проводилъ время за хорошимъ обѣдомъ или ужиномъ, дѣлалъ попойки, иногда устраивалъ концерты и, между прочимъ, написалъ уставъ новаго братства, которое назвалъ «Орденомъ Баярда». Однако литература была главнымъ его развлеченіемъ. Онъ былъ воспитанъ преимущественно на французскій ладъ.

Вліяніе Людовика XIV на Европу и рѣзко выдающіяся достоинства французскихъ трагическихъ и комическихъ писателей, сатириковъ и проповѣдниковъ, писавшихъ при этомъ тщеславномъ государѣ, сдѣлали французскій языкъ господствующимъ въ цѣлой Европѣ, господствующимъ даже въ такихъ странахъ, которыя имѣли собственную литературу и могли гордиться именами людей болѣе великихъ, нежели Мольеръ, Расинъ и Массильонъ. Даже въ отечествѣ Данта, въ отечествѣ Сервантеса, на родинѣ Шекспира и Мильтона, парижскія литературныя моды господствовали почти безусловно. Германія тогда не успѣла произвести ни одного замѣчательнаго образца поэзіи или прозаическаго краснорѣчія, поэтому французскій вкусъ царствовалъ въ ней, не имѣя ни соперниковъ, ни границъ. Каждый молодой человѣкъ, сколько нибудь порядочнаго происхожденія, долженъ былъ научиться говорить и писать пофранцузски. Знаніе же собственнаго языка считалось сравнительно неважнымъ; даже самъ Фридрихъ Вильгельмъ при всѣхъ своихъ баварскихъ и сѣверныхъ нѣмецкихъ предразсудкахъ, находилъ нужнымъ, чтобъ дѣти его понимали пофранцузски, и думалъ, что нѣмецкій языкъ совершенно для нихъ безполезенъ; латинскій же былъ строго запрещенъ. «Что касается до латыни», писалъ онъ, «то моему сыну не слѣдуетъ ей учиться, и я тоже не хочу, чтобы мнѣ кто нибудь о ней говорилъ». Одинъ изъ учителей осмѣлился прочесть вмѣстѣ съ наслѣднымъ принцемъ Золотую Буллу въ оригиналѣ. Фридрихъ Вильгельмъ вошелъ въ комнату и разразился, своимъ обыкновеннымъ, безцеремоннымъ слогомъ: «Что ты здѣсь дѣлаешь, съ моимъ сыномъ?» — Съ позволенія вашего величества,» — отвѣчалъ учитель, — я объясняю его королевскому высочеству auream bullam. — А вотъ я тебѣ задамъ auream bullam», загремѣлъ Фридрихъ. Королевская палка поднялась, испуганный учитель убѣжалъ изъ комнатъ, и классическія занятія Фридриха навсегда кончились, хоть онъ и любилъ потомъ отпускать иногда латинскія сентенціи или такія избранныя цицероновскія фразы, какъ напримѣръ: Stante pede morire. De gustibus non est disputandus. Tot verbas, tot spondera. Поитальянски онъ зналъ такъ мало, что съ трудомъ могъ перевести какое нибудь мѣсто изъ Метастазіо, — а поиспански и поанглійски онъ не понималъ, сколько намъ извѣстно, ни единаго слова.

Такъ какъ лучшія литературныя произведенія, доступныя Фридриху, написаны были французскими писателями, то неудивительно, что поклоненіе его этимъ писателямъ было безгранично. Честолюбивый и воспріимчивый умъ рано подстрекалъ его подражать тому, чему онъ удивлялся; можетъ быть, ни одно изъ стремленій

его не было такъ сильно, какъ желаніе занять мѣсто между образцовыми французскими писателями. Онъ писалъ прозу и стихи такъ неутомимо, какъ будто былъ сотрудникомъ Кью или Осборна; но природа, надѣлившая его въ высшей степени дарованіями полководца и правителя, совершенно отказала ему въ тѣхъ высокихъ и рѣдкихъ дарахъ, безъ которыхъ не поможетъ ни какое прилежаніе и невозможно создать безсмертныя произведенія ораторскаго или стихотворнаго искуства. И въ самомъ дѣлѣ, если бы онъ даже былъ надѣленъ большею силою воображенія, остроуміемъ и богатствомъ идей, чѣмъ это, кажется, было на самомъ дѣлѣ, — и въ такомъ случаѣ въ немъ еще оставался бы одинъ недостатокъ, который, безъ сомнѣнія, воспрепятствовалъ бы ему занять мѣсто въ ряду великихъ писателей. Онъ не могъ владѣть въ совершенствѣ ниоднимъ языкомъ. У него не было такого средства выражать мысли, которымъ бы онъ могъ пользоваться съ совершенной легкостью, увѣренностью и свободою. Попѣмецки онъ зналъ на столько, чтобы выбранить своего слугу или скомандовать гренадерамъ; но въ грамматикѣ и произношеніи былъ очень несиленъ. Онъ съ трудомъ могъ понять даже самое простое нѣмецкое стихотвореніе. И все таки, хотя Фридрихъ совершенно пренебрегъ своимъ отечественнымъ языкомъ, чтобы обратить все свое вниманіе на французскій,— и пофранцузски зналъ онъ, какъ иностранецъ. Ему всегда приходилось имѣть у себя нѣсколько парижскихъ литераторовъ, поправлявшихъ его солецизмы и фальшивыя рѣмы, отъ которыхъ Фридрихъ никогда не умѣлъ отдѣлаться. Если бы даже въ немъ была творческая сила, въ чемъ мы очень сомнѣваемся,—то незнаніе языковъ не допустило бы его сдѣлаться великимъ поэтомъ. Сколько мы можемъ запомнить, всѣ великія произведенія творческой фантазіи были написаны на такомъ языкѣ, которому сочинитель учился въ дѣтствѣ, изъ устъ цѣлаго народа, и на которомъ умѣлъ свободно выражаться прежде, чѣмъ узналъ его грамматическій строй. Нѣкоторые чрезвычайно талантливые римляне писали греческія стихотворенія; но многія ли изъ этихъ стихотвореній пережили своихъ сочинителей? Многіе геніальные люди рѣшались и въ наше время писать латинскіе стихи; но ни одно изъ этихъ стихотвореній по эстетическому достоинству не можетъ быть поставлено на первую или хотя на вторую степень стихотворнаго совершенства; мы не исключаемъ даже произведеній Мильтона. Вотъ почему неудивительно, что Фридрихъ писалъ не лучше всякаго прилежнаго, но не весьма даровитаго человѣка; вотъ почему произведенія Фридриха не возвышаются надъ уровнемъ школьной поэзіи какого нибудь Сэтона. Лучшія его стихотворенія стоятъ наравнѣ съ худшими образ-

цами, помѣщенными въ сборникѣ Долеля. Въ исторіографіи ему болѣе посчастливилось. Конечно, ни въ одной части его объемистыхъ мемуаровъ не встрѣчаемъ мы ни глубокихъ размышленій, ни живой картинности описаній; но разсказъ его отличается точностью, сжатостью, здравымъ человѣческимъ смысломъ, и какимъ-то простымъ, правдивымъ взглядомъ, имѣющимъ особенную привлекательность въ человѣкѣ, который, совершивши великія дѣла, самъ ихъ разсказываетъ. Вообще изъ всѣхъ его сочиненій, намъ болѣе всего нравятся его письма, серіознаго содержанія и неиспорченныя стихами. Нѣтъ ничего страннаго въ томъ, что человѣкъ, почитающій литературу и знакомый только съ французскимъ языкомъ, удивлялся генію Вольтера. «Человѣка, никогда не видавшаго солнца», говоритъ Кальдеронъ въ одной изъ своихъ увлекательныхъ комедій, «нельзя порицать за то, что онъ думаетъ, будто нѣтъ ничего свѣтлѣе луны; а человѣка, не видавшаго ни солнца, ни луны, нельзя порицать, если онъ говоритъ о несравненномъ блескѣ утренней звѣзды». Если бы Фридрихъ былъ въ состояніи читать Гомера и Мильтона, или хоть Виргилія и Тасса; то его удивленіе Генріадѣ показывало бы въ немъ совершенное отсутствіе эстетическаго пониманія; если-бы онъ былъ знакомъ въ Софокломъ и Шекспиромъ; то, вѣроятно, сужденіе его о Заирѣ Вольтера было бы вѣрнѣе. Если бы онъ былъ въ состояніи читать Оукидида и Тацита на греческомъ и латинскомъ языкѣ, то, безъ сомнѣнія, увѣрился бы, что могутъ быть исторіографы несравненно выше составителя жизнеописанія Карла XII. Но лучшія эпопеи и трагедіи, самыя блистательныя и живописныя историческія произведенія, которыя удавалось читать Фридриху, принадлежали перу Вольтера; поэтому удивленіе высокому и многостороннему генію его Фридрихъ доводилъ почти до обожанія. Мнѣнія Вольтера о религіозныхъ и философскихъ вопросахъ тогда еще не были вполнѣ извѣстны публикѣ; онъ ихъ высказалъ въ позднѣйшемъ періодѣ своей жизни, когда былъ выгнанъ изъ Франціи и находился въ открытой войнѣ съ церковью. Но въ то время, когда Фридрихъ жилъ въ Рейнсбергѣ, Вольтеръ былъ еще придворнымъ человѣкомъ, и если не всегда успѣвалъ обуздывать свое своевольное остроуміе, то, по крайней мѣрѣ, не печаталъ такихъ произведеній, за которыя могъ быть выгнанъ изъ Версаля; онъ даже издавалъ очень мало такихъ, которыя не могъ бы прочесть съ удовольствіемъ какой нибудь духовный кроткой и терпѣливой школы Гроціуса и Тиллотсона. Въ Генріадѣ, Заирѣ и Альзирѣ, христіанское благочестіе представляется въ самомъ благопріятномъ свѣтѣ, и даже черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ того времени, о которомъ мы говоримъ, папа принялъ посвященіе

«Магомета». Однако проницательный человѣкъ легко могъ угадать настоящій образъ мыслей Вольтера, несмотря на ихъ искусное маскированіе. Фридрихъ понялъ Фернейскаго философа, потому что самъ тоже мыслилъ и тоже привыкъ притворствовать; онъ написалъ къ Вольтеру, какъ человѣкъ, слѣпо его обожающій, и получилъ отвѣтъ чрезвычайно веселый и искусный. Началась переписка, которой изученіе было бы полезно для желающаго усовершенствоваться въ недостойномъ искусствѣ лести. Никто не умѣлъ платить за комплименты лучше Вольтера. Его сладкія конфекты всегда имѣли тонкій и острый вкусъ, пріятный для того человѣка, который успѣлъ пресытиться пошлостями, приготовленными артистами низшаго разряда. Только изъ руки Вольтера можно было проглотить столько сахару, не подвергаясь опасности заболѣть. Фридрихъ сообщалъ ему свои сочиненія и получалъ за нихъ столько похвалъ, какъ будто сомнѣвался въ себѣ таланты Расина и Боссюэта. Въ одномъ изъ сочиненій его королевскаго высочества было опроверженіе Макіавеля; Вольтеръ задумалъ издать это произведеніе, которое было названо «Анти-Макіавель», и написано противъ грабежа, измѣны, своеволія и несправедливой войны, словомъ, противъ всего, чего не со всѣмъ чуждъ былъ впослѣдствіи самъ авторъ опроверженія. Старый король иногда сердито ворчалъ противъ рейнсбергскихъ увеселеній, но здоровье его было разстроено, смерть приближалась и силы слабѣли. Ему оставалось одно удовольствіе:— смотрѣть на рослыхъ солдатъ. Можно было заслужить его милость во всякое время, подаривши ему гренадера шести футовъ и 4 или 5 дюймовъ росту, и наслѣдный принцъ дѣлалъ иногда такіе подарки королю. Въ 1740 году Фридрихъ Вильгельмъ умеръ, съ такою твердостью и самообладаніемъ, которыми могъ бы гордиться всякій человѣкъ. Сыну его только-что исполнилось 28 лѣтъ; онъ сдѣлался Прусскимъ королемъ.

Фридриха Великаго мало понимали: въ томъ, что характеръ его не лишенъ былъ хорошихъ сторонъ, не сомнѣвался никто изъ говорившихъ или переписывавшихся съ нимъ; но эпикурейская жизнь, которую велъ молодой король, его приверженность къ хорошему столу и къ хорошему вину, его любовь къ музыкѣ, разговору и изящной литературѣ, заставляли многихъ считать его за умнаго и даровитаго сластолюбца. Онъ привыкъ распространяться высокимъ слогомъ о воздержаніи, мирѣ, свободѣ и счастьи, которое доброе сердце должно почерпать изъ счастія другихъ, и этимъ успѣлъ прельстить нѣкоторыхъ изъ людей, которымъ можно было бы знать его получше. Самые близкіе къ нему люди ожидали, что изъ него выйдетъ Фенелоновскій Телемакъ; другіе предсказывали возвращеніе

временъ Медичи, благопріятствовавшихъ развитію искусствъ, наукъ, и роскошной жизни. Никто и не подозрѣвалъ того, что на престолъ вступилъ деспотъ, съ необыкновенными военными и правительственными талантами, съ чрезвычайнымъ трудолюбіемъ, не знающій ни страха, ни вѣры, ни милосердія. Разочарованіе Фальстафа при коронованіи его стараго товарища было не обиднѣе того, которое ожидало нѣкоторыхъ изъ рейнсбергскихъ товарищей Фридриха. Они давно уже ожидали вступленія его на престолъ, какъ такого событія, съ котораго должно было начаться ихъ собственное благосостояніе и величіе. Наконецъ они достигли обѣтованной земли, въ которой ожидали найти рѣки, текущія млекомъ и медомъ; но оказалось, что обѣтованная земля была пустыня. «Ни слова больше объ этихъ глупостяхъ»,—такимъ отрывистымъ и рѣзкимъ напоминаніемъ надѣлилъ Фридрихъ одного изъ своихъ прежнихъ товарищей. Скоро сдѣлалось яснымъ, что въ важнѣйшихъ пунктахъ новый государь имѣлъ большое семейное сходство съ своимъ предшественникомъ. Конечно, существовало огромное различіе между прежнимъ государемъ и его наслѣдникомъ въ отношеніи къ обширности и силѣ ихъ ума, ихъ философскимъ взглядамъ, склонностямъ, занятіямъ и внѣшнимъ пріемамъ. Но основаніе ихъ характеровъ было одинаково. Оба они любили порядокъ, практическую дѣятельность, солдатскіе нравы, бережливость, самовластіе. У обоихъ былъ въ высшей степени раздражительный характеръ. Но къ этимъ склонностямъ присоединялась у Фридриха-Вильгельма, какая-то общая умственная аномалія тогда какъ у его наслѣдника, подъ вліяніемъ сильнаго и образованнаго ума, эти склонности казались совершенно другими. Такъ, напримѣръ, Фридрихъ былъ такъ полонъ усердія къ силѣ своей арміи, какъ только можно быть государю; но заботы его никогда не превращались въ мономанію, и онъ не платилъ огромныхъ суммъ за рослыхъ людей, какъ дѣлалъ его отецъ. Фридрихъ былъ настолько бережливъ, на сколько можетъ быть бережливъ государь или частный человѣкъ, не погрѣшая противъ справедливости. Но онъ не ѣлъ, подобно отцу, даровую капусту, только для того, чтобъ сберечь 4 или 5 талеровъ въ годъ. Фридрихъ, кажется, былъ не добрѣе покойнаго короля, но остроуміе его давало ему возможность выражать свою злость приличнѣе: часто одно язвительное слово Фридриха было гораздо дѣйствительнѣе толчковъ и ударовъ его отца. Правда, Фридрихъ оставилъ за собой и наслѣдственное право давать толчки и удары ногой. Но въ такомъ случаѣ его дѣйствія отличались въ нѣкоторыхъ пунктахъ отъ дѣйствій его отца. Если покойный король хотѣлъ кого нибудь ударить, то это въ его глазахъ было уже достаточной причиной, чтобы побить перваго встрѣчнаго,—будь то муши-

на, женщина или дитя, прусскій подданный или иностранецъ. Но чтобы Фридрихъ рѣшился на подобную мѣру, нужно было чѣмъ-нибудь раздражить его. Притомъ же свою патріархально-исправительную методу примѣнялъ онъ только къ прусскимъ подданнымъ, хотя одному господину Тибо (Thiebault) пришлось разъ отдѣлываться отъ высокой чести быть исключеніемъ изъ этого общаго правила.

Какъ собственные подданные, такъ и сосѣди Фридриха еще очень мало знали его характеръ, когда совершились событія, рѣзко-обозначившія личность новаго прусскаго короля. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ по вступленіи на престолъ Фридриха Великаго, умеръ нѣмецкій императоръ Карлъ VI, со смертью котораго угасла мужская линія Австрійскаго дома.

У Карла не было сыновей, и еще задолго до смерти онъ потерялъ всякую надежду имѣть наслѣдника. Поэтому, въпродолженіе всей послѣдней половины своей жизни, онъ болѣе всего хлопоталъ о томъ, чтобы передать женской линіи Габсбургскаго дома всѣ короны, ему принадлежавшія. Съ этой цѣлью онъ обнародовалъ новый законъ престолонаслѣдія, который извѣстенъ въ цѣлой Европѣ подъ именемъ прагматической санкціи. Въ силу этого закона владѣнія Карла VI переходили къ его дочери, эрцгерцогинѣ Маріи-Терезіи, супругѣ Франца Лотарингскаго.

Ни одинъ государь не имѣлъ болѣе несомнѣнныхъ правъ на престолъ, чѣмъ Марія-Терезія. Вся политика Австрійскаго кабинета, въ продолженіе цѣлыхъ двадцати лѣтъ, была направлена къ одной цѣли: къ утвержденію новаго порядка престолонаслѣдія. Отъ всѣхъ лицъ, которыхъ права были хоть сколько нибудь нарушены вступленіемъ Маріи-Терезіи на престолъ, добыты были формальныя объявленія въ томъ, что они совершенно отступаются отъ своихъ правъ. Всѣ сословія всѣхъ королевствъ и княжествъ, составлявшихъ Австрійскую имперію, утвердили новый законъ престолонаслѣдія. Англія, Франція, Испанія, Россія, Польша, Пруссія, Швеція, Данія и Германія обязались поддерживать прагматическую санкцію, которая такимъ образомъ находилась подъ общей защитой всѣхъ цивилизованныхъ народовъ.

Если бы даже не существовало никакихъ положительныхъ договоровъ объ этомъ предметѣ; то все-таки вопросъ былъ такъ поставленъ, что благомыслящій человѣкъ не рѣшился бы препятствовать исполненію прагматической санкціи. Она не нарушала мира, была выгодна для огромнаго населенія, котораго благо, конечно, должно было стоять на первомъ планѣ, не была опасна для системы политическаго равновѣсія христіанскихъ государствъ, и нако-

вещъ—уничтожить ее можно было только послѣ всеобщей европейской войны, и слѣдствіемъ этого было бы нарушеніе политическаго равновѣсія Европы, жестокое оскорбленіе честнаго патріотизма цѣлыхъ милліоновъ людей и насильственное расторженіе огромныхъ провинцій, соединенныхъ между собою въ продолженіе нѣсколькихъ вѣковъ.

Поэтому всѣ европейскіе государи должны были свято охранять и защищать права эрцгерцогини. Ея положеніе и личныя ея достоинства были такого рода, что должны были возбуждать въ каждомъ благородномъ человѣкѣ состраданіе, удивленіе и рыцарскую готовность къ услугамъ. Маріи-Терезіи былъ двадцать-четвертый годъ. Она поражала всѣхъ своей величественной фигурой, прекрасными чертами кроткаго и отшлифованнаго лица, пріятнымъ голосомъ и мягкими, исполненными достоинства пріемами. Безупречная въ своей семейной жизни, она была замужемъ за человѣкомъ, ее любившимъ, и готовилась подарить ему сына, когда умеръ Карлъ VI. Въ ея положеніи эта печальная утрата и непривычныя правительственныя заботы были слишкомъ тяжелы. Она предалась унынію, и свѣжій румянецъ сбѣжалъ съ ея лица. Казалось, что справедливость, гуманность и договоры были на ея сторонѣ и что никто не осмѣлится посягнуть на ея права, такъ торжественно гарантированныя. Англія, Россія, Польша и Голландія формально объявили свое намѣреніе сообразоваться съ принятыми ими обязательствами. Французскіе министры на словахъ увѣряли въ томъ-же. Но ниоткуда не получила королева такихъ положительныхъ увѣреній въ дружбѣ и готовности помочь, какія послалъ ей Фридрихъ Великій. И это было въ то самое время, когда прусскій король, этотъ Анти-Макіавель, уже почти окончательно рѣшился измѣнить данному слову, напасть на свою союзницу, которую онъ обязался защищать, и предать всю Европу ужасамъ долгой, кровопролитной и опустошительной войны; и все это только для того, чтобы распространить свои владѣнія и заставить говорить о себѣ въ газетахъ. Онъ рѣшился по возможности тайно и поспѣшно собрать армію, напасть на Силезію, прежде чѣмъ Марія-Терезія узнаетъ о его намѣреніяхъ, и присвоить себѣ эту провинцію.

Мы не хотимъ вдаваться въ длинныя опроверженія тѣхъ, заимствованныхъ у доктора Прейса, оправданій, которыя приводитъ компиляторъ лежащихъ передъ нами мемуаровъ. Всѣ они основаны на томъ, что Бранденбургскій домъ имѣлъ нѣкоторыя, старинныя притязанія на Силезію, и въ протекшемъ столѣтіи Вѣнскій кабинетъ принудилъ его отказаться отъ этихъ притязаній. Кто бы ни былъ правъ въ началѣ, все-таки нѣтъ сомнѣнія, что Пруссія согласилась

отказаться отъ своихъ правъ, и многіе государи Бранденбургскаго дома смотрѣли на это очень спокойно. Берлинскій дворъ въ послѣднее время даже заключилъ союзъ съ Австрійскимъ кабинетомъ, и гарантировалъ неприкосновенность его владѣній. Ясно, какъ день, что если бы всѣ стали выставлять свои старинныя притязанія противъ новыхъ договоровъ и долгаго владѣнія; то миръ сдѣлался бы какимъ-то миѳическимъ преданіемъ. Законы всѣхъ народовъ весьма благоразумно назначили срокъ, послѣ котораго земли, пріобрѣтенныя хотя бы и не совсѣмъ справедливо, ни въ какомъ случаѣ не могутъ быть оспариваемы. Если бы дозволено было лишить кого нибудь правъ на владѣніе, основываясь на томъ, что это владѣніе несправедливо пріобрѣтено было во времена Тюдоровъ; то, всякій пойметъ, что отъ этого произошло бы такое же зло, какъ отъ самовольнаго отнятія чужаго владѣнія, и что всякая собственность сдѣлалась бы такимъ образомъ невѣрною. Общее благо—говоритъ законодательное правило—требуетъ, чтобы всякому спору о правѣ былъ конецъ. Правило это не съ меньшею справедливостью можетъ быть приложено и къ благу государствъ, потому что, относительно этого общаго блага, споръ о правѣ означаетъ опустошеніе провинцій, прекращеніе торговли и промышленности, осады, подобныя осадѣ Бадахоса и С. Себастіана, сраженія, подобныя битвѣ Эйлауской и Бородинской. Положимъ, что переходъ Норвегіи отъ Даніи къ Швеціи былъ противозаконенъ; но былъ ли датскій король правъ, когда, безъ всякаго новаго вызова, онъ высадился въ Норвегію и началъ тамъ военныя дѣйствія. Безъ сомнѣнія, голландскій король думаетъ, что Бельгія несправедливо отъ него отложилась. Положимъ—такъ. Но могъ ли бы онъ оправдаться, еслибъ на этомъ основаніи отправился въ походъ противъ Бельгіи? Фридрихъ былъ еще болѣе виновенъ; потому что несправедливость, на которую онъ опирался, произошла слишкомъ за сто лѣтъ назадъ. Кромѣ того, онъ лично былъ многимъ обязанъ Австрійскому дому. Можетъ быть, онъ обязанъ былъ жизнью тому государю, дочь котораго хотѣлъ теперь лишить части владѣній. Чтобъ отдать Фридриху справедливость, нужно сказать, что онъ не имѣлъ притязаній на добродѣтель, и въ манифестахъ своихъ, только ради формы, впускалъ нѣсколько ничего незначащихъ выраженій о своемъ просроченномъ правѣ на Силезію; въ разговорахъ же своихъ и въ мемуарахъ говорилъ онъ совершенно другое. Вотъ собственныя слова его: «честолюбіе, интересы, желаніе заставить о себѣ говорить — окончательно одержали надо мною побѣду, и я рѣшился начать войну.»

Принявши однажды это намѣреніе, онъ дѣйствовалъ съ ловкостью и энергіей. Но приготовленія его не могли остаться со-

вершенною тайною; во всѣхъ прусскихъ провинціяхъ приводились въ движеніе войска, орудія и обозы. Австрійскій посланникъ въ Берлинѣ далъ знать обо всемъ этомъ своему двору и выразилъ подозрѣніе на счетъ замысловъ Фридриха; но министры Маріи-Терезіи не хотѣли вѣрить такому черному обвиненію на молодаго принца, прославившагося своимъ нравственнымъ и филантропическимъ образомъ мыслей. «Мы не хотимъ, писали они, мы не можемъ этому вѣрить.»

Между тѣмъ военныя силы Пруссіи были собраны. Безъ всякаго объявленія войны, безъ предварительнаго требованія удовлетворенія, не прекращая взаимныхъ привѣтствій и увѣреній въ дружбѣ, Фридрихъ началъ военныя дѣйствія. Нѣсколько тысячъ войска уже вступили въ Силезію, прежде нежели венгерская королева могла узнать о притязаніяхъ Фридриха на которую нибудь изъ областей ея государства. Наконецъ онъ отправилъ къ ней посла, предложенія котораго не могли быть приняты иначе, какъ за обиду. Фридрихъ говорилъ, что если королева уступитъ ему одну только Силезію; то онъ готовъ стоять за нее противъ всякаго государя, который захочетъ лишить ее другой части ея владѣній. Какъ будто онъ и такъ не былъ уже связанъ обѣщаніемъ стоять за нее, и какъ будто второму обѣщанію его можно было вѣрить, послѣ того, какъ онъ измѣнилъ первому. Это происходило зимой. Холодъ былъ невыносимъ, а дороги болотисты. Но прусскія войска подвигались впередъ. Сопротивленіе было невозможно. Австрійская армія въ то время была малочисленна и въ плохомъ состояніи. Небольшая часть ея, расположенная въ Силезіи, не была поставлена на военную ногу. Глогау былъ блокированъ, Бреславъ отворилъ свои ворота, Олау оставленъ былъ своими защитниками. Немногія крѣпости еще держались; но вообще вся страна была уже покорена, никто не осмѣливался сопротивляться Фридриху въ открытомъ полѣ, и въ январѣ 1741 года онъ уже возвращался въ Берлинъ, гдѣ встрѣченъ былъ поздравленіями своихъ подданныхъ.

Если бы силезскій вопросъ затрогивалъ только интересы Фридриха и Маріи-Терезіи, то все-таки прусскій король былъ бы виновенъ въ вѣроломствѣ. Но когда мы бросимъ взглядъ на бѣдствія, которыя его политика навлекла и неминуемо должна была навлечь на большинство европейскихъ цивилизованныхъ государствъ; то мы принуждены будемъ произнести еще болѣе строгій приговоръ. Прежде, нежели онъ началъ войну, достиженіе общаго мира казалось возможнымъ и даже вѣроятнымъ. Похищеніе большаго Австрійскаго наслѣдства было безъ сомнѣнія сильнымъ искушеніемъ, и многіе кабинеты дѣлали уже честолюбивые планы. Но договоры,

гарантировавшіе прагматическую санкцію, не были двусмысленны и притомъ сохранялись у всѣхъ еще слишкомъ свѣжо въ памяти. Привести всю Европу въ замѣшательство для достиженія цѣли, явно несправедливой, было, кажется, не малостью. Англія оставалась вѣрною своему долгу. Совѣстливый Флери всегда стоялъ за миръ: онъ достигъ глубокой старости, и послѣ такой жизни, которую, принимая во вниманіе его положеніе, можно считать совершенно чистою, онъ не хотѣлъ предстать передъ небесное судилище, занятнанный важнымъ преступленіемъ. Даже тщеславный Бель-Иль, человѣкъ нетвердыхъ правилъ, котораго вся жизнь была дикимъ соединеніемъ завоеваній и грабежа, даже и онъ чувствовалъ, что Франція, связанная торжественными договорами, не могла безъ стыда произвести открытое нападеніе на австрійскія владѣнія. Курфирстъ Карлъ Баварскій изъявлялъ притязаніе на большую часть Австрійскаго наслѣдства, которую прагматическая санкція присуждала венгерской королевѣ; но онъ не былъ довольно силенъ, чтобы имѣть возможность дѣйствовать безъ чужой помощи. Поэтому можно было почти навѣрное ожидать, что послѣ непродолжительнаго періода несогласій, всѣ христіанскія державы согласятся съ распоряженіями покойнаго императора. Но эгоистическій поступокъ прусскаго короля былъ сигналомъ для его сосѣдей. Успѣхъ Фридриха прельстилъ ихъ; они убѣдились, что раздробленіе австрійской монархіи не такъ трудно. Вся Европа взялась за оружіе. На совѣсти Фридриха лежитъ вся кровь, пролитая во время этой войны, длившейся нѣсколько лѣтъ во всѣхъ частяхъ свѣта, кровь колонны Фонтенейской, кровь горныхъ шотландцевъ, умерщвленныхъ при Куллодахъ. Бѣдствія, вызванныя его беззаконнымъ поступкомъ, чувствовались и тамъ, гдѣ самое имя Пруссіи было неизвѣстно; и вслѣдствіе того, что онъ ограбилъ сосѣда, котораго обѣщался защищать, черные люди сражались на Коромандельскомъ берегу и красные люди скальпировали другъ друга въ Сѣверной Америкѣ, на берегу Великаго Океана.

Силезія была отдана безъ выстрѣла, но австрійскія войска шли на выручку тѣхъ крѣпостей, которыя еще держались. Весной Фридрихъ снова явился съ войскомъ. Онъ мало знакомъ былъ съ войной и никогда не командовалъ такою сильною арміей. Поэтому неудивительно, что первыя военныя дѣйствія его не отличаются тѣмъ искусствомъ, которое впослѣдствіи приводило въ удивленіе всю Европу. То, что знатоки говорятъ о юношескихъ произведеніяхъ Рафаэля, можно сказать и объ этомъ походѣ. Онъ веденъ былъ такъ, какъ ведены были всѣ первые, худшіе походы Фридриха. Къ счастію прусскаго короля, генералы, сражавшіеся противъ него, были

весьма обыкновенные люди. Дисциплина его войскъ, преимущественно пѣхоты, не имѣла себѣ подобной; кромѣ того, нѣкоторые способные и опытные офицеры были у него всегда подъ рукой и поддерживали его своими совѣтами. Самый замѣчательный изъ нихъ былъ фельдмаршалъ Шверинъ, храбрый авантюристъ, померанецъ по происхожденію, человѣкъ, служившій у половины европейскихъ государей, отправлявшійся съ порученіями отъ голландской республики и отъ герцога Мекленбургскаго, сражавшійся при Блейгеймѣ, подъ начальствомъ Мальборуга, и при Бендерахъ вмѣстѣ съ Карломъ XII.

Первое сраженіе Фридриха дано было при Мольвицѣ, и никогда поприще великаго полководца не начиналось такъ дурно. Войска его одержали побѣду, но самъ онъ не только не показалъ никакого признака военнаго искусства, а даже заставилъ сомнѣваться въ своей храбрости. Кавалерія, которою онъ предводительствовалъ, обращена была въ бѣгство. Непривыкнувъ къ шуму и рѣзнѣ, онъ потерялъ присутствіе духа и охотно послѣдовалъ совѣту тѣхъ, которые убѣждали его спасаться. Англійская лошадь отнесла короля на нѣсколько миль отъ поля сраженія, между тѣмъ, какъ Шверинъ, получившій двѣ раны, лично предводительствовалъ войскомъ. Благодаря искусству стараго фельдмаршала и стойкости прусскихъ баталіоновъ, австрійская армія вытѣснена была съ поля сраженія, потерявъ восемь тысячъ человѣкъ.

Извѣстіе это поздно ночью достигло до мельницы, у которой король искалъ убѣжища. Оно заставило его испытать горькія ощущенія. Побѣда была одержана, но онъ обязанъ былъ ею искусству своихъ полководцевъ и храбрости войскъ, которыя сражались, между тѣмъ какъ онъ бѣжалъ. Такъ мало обѣщалъ лебютъ перваго воина своего времени.

Сраженіе при Мольвицѣ было сигналомъ къ общей тревогѣ въ Европѣ. Баварія взялась за оружіе, Франція хотя не сдѣлалась одною изъ главныхъ участницъ войны, но тѣмъ не менѣе объявила себя союзницей Баваріи. Два великіе государственные мужа, которымъ свѣтъ долгое время обязанъ былъ своей тишиной, исчезли въ это время со сцены и къ концу своей политической жизни имѣли слабость пожертвовать чувствомъ справедливости и миролюбіемъ ради нѣкоторыхъ пустыхъ надеждъ. Буйность Бель-Иля принудила сойти съ поприща стараго и слабаго Флери. Вальполь пересталъ служить неблагодарному отечеству и удалился къ своимъ лѣсамъ и картинамъ въ Гоутонѣ, очистивъ мѣсто для высокопарнаго Картерета. Каковы были министры, таковы и народы. Тридцать лѣтъ всеобщаго спокойствія въ Европѣ предъуготовили умы къ

большой и трудной войнѣ. Выросло новое поколѣніе, которое не помнило ни осады Турина, ни кровопролитія при Мальплаке,—которое знало войну только по трофеямъ и которое, разсматривая съ гордостью бленгеймскія фрески, или статуи на площади Побѣдъ, мало думало о томъ, какими лишеніями, какою гибелью частной собственности и какими горькими слезами покупаются завоеванія. Одно время счастіе, казалось, было противъ венгерской королевы. Фридрихъ двинулся впередъ, а французы и баварцы прорвались въ Богемію, гдѣ соединились съ саксонцами. Прага пала, баварскому курфирсту германскіе князья предложили императорскую корону, которою владѣлъ Австрійскій домъ уже въпродолженіе нѣсколькихъ вѣковъ и на которую почти имѣлъ право смотрѣть, какъ на наслѣдственную собственность.

Но такія событія не могли уничтожить бодрость Маріи-Терезіи. Венгрія еще неоспоримо принадлежала ей, и хотя предки ея считали Венгрію самою мятежною страною своего государства; но она рѣшилась довѣриться народу, правда, грубому, безпокойному и нетерпящему притѣсненій, но за то храброму, благородному и правдивому. Среди нуждъ и опасностей, королева родила сына, который былъ потомъ императоромъ Іосифомъ II. Едва успѣвши оправиться отъ родовъ, она поспѣшила въ Пресбургъ; тамъ, на глазахъ безчисленнаго народа, на нее возложили корону и одѣяніе св. Стефана. Ни одинъ изъ зрителей не могъ удержаться отъ слезъ при видѣ красивой, молодой матери, еще слабой послѣдавнихъ родовъ, когда она, по обычаю своихъ предковъ, выѣхала верхомъ на Королевскую гору, обнажила старый государственный мечъ и, съ мимолетнымъ румянцемъ на блѣдномъ лицѣ, махала имъ противъ сѣвера и юга, востока и запада, вызывая на бой всѣ четыре стороны свѣта для защиты правъ своего сына. На первое засѣданіе сейма она явилась въ глубокомъ траурѣ по отцѣ своемъ и съ жаромъ и достоинствомъ призывала народъ на защиту праваго дѣла. Магнаты и депутаты поднялись съ мѣстъ, ударили по своимъ саблямъ и поклялись, съ неистовыми криками,—пожертвовать для королевы кровью и имуществомъ. До той поры твердость Маріи-Терезіи ни разу не измѣняла ей въ глазахъ народа. Но при этой бурѣ усердія она безсильно опустилась на престолъ и громко заплакала. Еще трогательнѣе было зрѣлище, когда черезъ нѣсколько дней послѣ этого засѣданія, она снова появилась предъ сословіями своего государства и показала сейму своего маленькаго сына. Тогда-то воодушевленіе венгерцевъ разразилось тѣмъ воинственнымъ кликомъ, который прогремѣлъ потомъ по всей Европѣ: «Moriamur pro rege nostro Maria Theresia»!» Фридрихъ, между тѣмъ, думалъ измѣнить свою политику

ку: онъ вовсе не старался помогать Франціи и нисколько не хотѣлъ, чтобы она получила перевѣсъ въ Европѣ на счетъ Габсбургскаго дома. Первое его желаніе состояло въ томъ, чтобы обезсилить венгерскую королеву, а второе, чтобы, если можно, никто кромѣ его самого не отнималъ ея владѣній. Онъ вступилъ въ разныя обязательства съ союзными державами, враждебными Австріи; но всѣ эти обязательства были въ глазахъ его не болѣе важны, какъ и прежнія его обѣщанія гарантировать прагматическую санкцію. Новый планъ прусскаго короля состоялъ въ томъ, чтобы, упрочить за собой захваченную часть добычи. Маріи-Терезіи очень не хотѣлось входить въ какія бы то ни было соглашенія такого рода. Но англійское правительство такъ настоятельно представляло ей необходимость сдѣлки съ пруссіей, что она наконецъ согласилась поторговаться. Но едва-ли Австрія и Пруссія сошлись бы въ цѣнѣ, еслибы оружіе Фридриха Великаго не увѣнчалось второй побѣдой. Принцъ Карлъ Лотарингскій, шуринъ Маріи-Терезіи, смѣлый и дѣятельный, хотя несчастливый полководецъ, далъ пруссакамъ сраженіе при Котузицѣ и былъ побѣжденъ. Король былъ еще ученикомъ въ военномъ искусствѣ. Онъ потомъ сознавался, что въ этомъ случаѣ успѣхъ вовсе не зависѣлъ отъ его предводительства, а былъ слѣдствіемъ единственно храбрости и стойкости его войскъ. Но пятно, которое Мольвицъ оставилъ на его славѣ, онъ смылъ совершенно своей личной храбростью и энергіей.

Миръ, заключенный при посредничествѣ Англіи, былъ слѣдствіемъ этого сраженія. Марія-Терезія уступила Силезію, а Фридрихъ отступился отъ своихъ союзниковъ. Саксонія послѣдовала его примѣру, и королева такимъ образомъ развязала себѣ руки для нападенія всѣми силами на Францію и Баварію. Она вездѣ побѣждала. Французы принуждены были очистить Богемію и едва успѣли убраться во свояси. Дорога, по которой они отступали, была покрыта тысячами труповъ, солдаты погибали отъ холода, голода и усталости. Многіе изъ возвратившихся въ отечество принесли уже въ себѣ зародышъ смерти. Бавaрія была затоплена толпами воиновъ той кровавой и суровой страны, которая лежитъ на границѣ христіанства съ исламомъ. Тогда Европа впервые познакомилась съ ужасными именами пандуровъ, кроатовъ и гусаровъ. Побѣжденный Австріей, преданный Пруссіей, прогнанный изъ своихъ наслѣдственныхъ земель и оставленный всѣми своими союзниками, несчастный король баварскій преждевременно умеръ отъ стыда и раскаянія. Англійская армія появилась въ срединѣ Германіи и поразила французовъ при Деттингенѣ. Австрійскіе полководцы уже думали

о томъ, какъ бы довершить дѣло Мальборуга и Евгенія, принудивъ Францію уступить Эльзасъ и три епископства.

Находясь въ такихъ тѣсныхъ обстоятельствахъ, версальскій дворъ ожидалъ помощи отъ Фридриха. Но Фридрихъ, не былъ надежнымъ союзникомъ и на этотъ разъ. Герцогиня де-Шатору имѣла тогда большое вліяніе на слабаго Людовика. Она добилась до того, что въ Берлинъ отправили посла, которымъ былъ Вольтеръ. Философъ жадно ухватился за это дѣло, потому что его мучило ребяческое желаніе прославиться въ политикѣ, хотя литературная его слава уже гремѣла по всей Европѣ. Вольтеръ не безъ основанія гордился своею ловкостью и краснорѣчіемъ и льстилъ себя той надеждою, что король прусскій находится совершенно подъ его вліяніемъ. Но въ то время онъ зналъ еще только одну сторону характера Фридриха Великаго, зналъ маленькое тщеславіе и претензіи Фридриха-стихотворца, но не понималъ того, что эта маленькая слабость въ прусскомъ королѣ соединялась со всѣми достоинствами и пороками, которые ведутъ къ успѣху въ практической жизни; Вольтеръ и не подозрѣвалъ, что ему придется имѣть дѣло съ самымъ бдительнымъ, подозрительнымъ и неумолимымъ политикомъ. Онъ былъ принятъ со всѣми знаками вниманія и дружбы. Ему дали помѣщеніе во дворцѣ, и философъ каждый день обѣдалъ за королевскимъ столомъ. Переговоры шли такъ, что ихъ трудно описать. Нельзя себѣ представить ничего комичнѣе конференцій, происходившихъ между первымъ писателемъ и первымъ государственнымъ мужемъ своего времени, которые оба были подвержены странной слабости: желанію помѣняться ролями. Великій писатель говорилъ только объ обязательствахъ и гарантіяхъ, а великій король о метафорахъ и стихахъ Разъ Вольтеръ подалъ его величеству записку о состояніи Европы и получилъ ее назадъ съ нацарапанными на поляхъ стихами. Втихомолку они оба смѣялись другъ надъ другомъ. Вольтеръ не щадилъ королевскихъ стихотвореній, а король выразилъ потомъ слѣдующимъ образомъ свое мнѣніе о появленіи Вольтера на дипломатическомъ поприщѣ: «у него не было, говорилъ онъ, никакого полномочія, и все посольство было просто игрушкой, фарсомъ.»

Но чего не могло сдѣлать вліяніе Вольтера, то сдѣлали возрастающіе успѣхи австрійскаго оружія; если бы Марія-Терезія и Георгъ II могли предписать Франціи условія мира, то какая надежда оставалась бы тогда Пруссіи на обладаніе Силезіею? Совѣсть Фридриха подсказывала ему, что онъ поступилъ неблагородно и безчеловѣчно съ венгерской королевой. Въ ея гнѣвѣ онъ достаточно убѣдился, а на святость договоровъ не надѣялся, потому что самъ

нихъ не соблюдалъ. «Всѣ гарантіи, говорилъ онъ, просто пустячки: онѣ очень красивы на видъ, но слишкомъ ломки и не могутъ выдержать ни малѣйшаго давленія.» Фридрихъ разсчиталъ, что вѣрнѣе будетъ соединиться съ Франціей и еще разъ напасть на императрицу-королеву. На этомъ основаніи, безъ всякаго предварительнаго увѣдомленія и сколько нибудь приличнаго предлога, осенью въ 1744 году, онъ снова началъ непріятельскія дѣйствія: прошелъ чрезъ курфиршество Саксонію, не заботясь о позволеніи курфирста, ворвался въ Богемію, взялъ Прагу и угрожалъ даже Вѣнѣ; но здѣсь впервые пришлось ему испытать непостоянство счастія. Австрійская армія, подъ начальствомъ Карла Лотарингскаго, угрожала отрѣзать его отъ Силезіи. Въ тылу вся Саксонія вооружилась. Пришлось спасаться отступленіемъ. Впослѣдствіи Фридрихъ сознавался, что неудача его была естественнымъ послѣдствіемъ собственныхъ его ошибокъ. «Ни одинъ полководецъ, говорилъ онъ, никогда не дѣлалъ такихъ промаховъ.» Нужно замѣтить, что позднѣйшіе свои успѣхи, онъ приписывалъ неудачамъ этого похода. Среди нуждъ и несчастій, Фридрихъ впервые ясно понялъ основныя правила военнаго искусства.

Наступилъ достопамятный 1745 годъ. Война свирѣпствовала на морѣ и на сушѣ, въ Италіи, Германіи и Фландріи; даже Англія, пользовавшаяся глубокимъ внутреннимъ спокойствіемъ, въ продолженіе многихъ лѣтъ, увидѣла непріятельскія арміи въ боевомъ порядкѣ. Въ этомъ году, Фридрихъ получилъ опытность въ военномъ дѣлѣ. Были полководцы, которыхъ раннее и само собою выработавшееся военное искусство походило на вдохновеніе свыше; таковъ Конде, Клейвъ и Наполеонъ. Но Фридрихъ не былъ однимъ изъ этихъ блестящихъ чудесъ. Его успѣхи въ военномъ дѣлѣ были просто такими же успѣхами, какіе дѣлаетъ всякій человѣкъ съ большими способностями въ той наукѣ, на которую обращаетъ серьёзно и прилежно весь свой умъ. При Гогенъ-Фридбергѣ онъ впервые доказалъ, какъ много принесли ему пользы его промахи и ихъ послѣдствія. Побѣдой этой онъ болѣе всего обязанъ своимъ искуснымъ распоряженіямъ, и съ тѣхъ поръ Европа убѣдилась, что государь, которому за нѣсколько лѣтъ передъ этимъ грезились привидѣнія, при бѣгствѣ изъ Мольвица, достигъ теперь до такого искусства въ военномъ дѣлѣ, что никто изъ его современниковъ не могъ съ нимъ сравниться, исключая, можетъ быть, маршала де-Сакса. Вскорѣ послѣ побѣды Гогенъ-Фридбергской, Фридрихъ разбилъ австрійцевъ при Саррѣ. Въ то же время французы торжествовали въ Нидерландахъ. Прусскому королю уже нечего было бояться, что Марія-Терезія будетъ въ

о томъ, какъ бы довершить дѣла [illegible] и онъ началъ подумывать
нудивъ Францію уступить Эл[illegible] обязательствъ. Это привело въ смя-
Находясь въ такихъ [illegible] который былъ внѣ себя отъ досады. Въ
дворъ ожидалъ по[illegible] собственноручное письмо Людовика, на-
дежнымъ союзн[illegible] и упреками: но это не помогло. Осенью 1745
тогда большо[illegible] Фридрихъ заключилъ миръ съ Англіей, а потомъ и съ Ав-
что въ Бер[illegible] въ томъ же году. Притязанія Карла на Баварію не могли
софъ жа[illegible] быть препятствіемъ для мира. Несчастный король уже умеръ, и
ское ж[illegible] Францъ Лотарингскій, супругъ Маріи-Терезіи, былъ избранъ им-
уже [illegible] ператоромъ, по общему согласію всѣхъ германскихъ государей.
с[illegible] Для Пруссіи снова наступилъ миръ, но европейская война все
продолжалась до 1746 года, когда заключенъ былъ Аахенскій трак-
татъ. Изъ всѣхъ державъ, участвовавшихъ въ немъ, одна только
Пруссія была въ выигрышѣ.

Не говоря уже о томъ, что Фридрихъ прибавилъ къ своему на-
слѣдству прекрасную провинцію Силезію, ему такъ выгодна была его
не совсѣмъ нравственная ловкость, онъ такъ искусно вредилъ то
Австріи, то Франціи, что на него всѣ смотрѣли, какъ на человѣка,
въ рукахъ котораго находится равновѣсіе Европы. Это была боль-
шая честь для того, кто считался младшимъ изъ королей, и котора-
го прадѣдъ былъ только маркграфомъ. Общественное мнѣніе того
времени смотрѣло на короля прусскаго какъ на политика, лишеннаго
нравственности и чувства приличія, и общественное мнѣніе, ка-
жется, до нѣкоторой степени имѣло основаніе. Въ тоже время
Фридриха признавали даровитымъ человѣкомъ, искуснымъ полко-
водцемъ, мудрымъ правителемъ. Тѣ качества, въ которыхъ онъ
превосходилъ прочихъ людей, были въ то время такъже неизвѣстны
другимъ, какъ и ему самому, потому что это были качества, блис-
тающія только на темномъ фонѣ. До этого времени, за малыми ис-
ключеніями, ему все удавалось, и истинное его величіе выказа-
лось только въ безнадежномъ и безвыходномъ положеніи, въ не-
счастіи, которое сломило бы людей, даже прославившихся своею
твердостью. Съ самаго начала своего царствованія, Фридрихъ зани-
мался государственными дѣлами болѣе, нежели кто либо изъ госу-
дарей. Людовикъ XIV былъ своимъ собственнымъ первымъ ми-
нистромъ и постоянно наблюдалъ за всѣми отраслями государс-
твеннаго управленія; Фридрихъ же этимъ не довольствовался. Онъ
хотѣлъ быть не первымъ, а единственнымъ своимъ министромъ.
При немъ не было мѣста — не только для Ришелье или Мазарини,
но даже для Кольберта, или Лувуа. Любовь и потребность заня-
тій, ненасытное властолюбіе, страсть вмѣшиваться въ чужія дѣла
и давать чувствовать свое могущество, глубокое презрѣніе и недо-

вѣріе къ равнымъ себѣ, все это было причиной того, что онъ не любилъ спрашивать совѣта у кого бы то ни было, довѣрять другимъ важныя тайны, или возлагать на нихъ обширныя полномочія. Высшіе государственные сановники были при немъ не болѣе, какъ писцами, и притомъ такими писцами, которые пользовались съ его стороны гораздо меньшимъ довѣріемъ, нежели дѣятельные канцелярскіе чиновники со стороны любого начальника отдѣленія. Онъ былъ своимъ собственнымъ казначеемъ, полководцемъ, главноуправляющимъ публичными зданіями, министромъ торговли и юстиціи, министромъ внутреннихъ дѣлъ, штальмейстеромъ, оберъгофмейстеромъ и камергеромъ. Дѣла, о которыхъ въ любомъ государствѣ ни одинъ директоръ департамента не захотѣлъ бы и слышать, въ Пруссіи рѣшались самимъ королемъ. Если путешественникъ желалъ имѣть хорошее мѣсто на смотру, то долженъ былъ писать къ Фридриху, и на другой день, чрезъ королевскаго посла, получалъ отвѣтъ, подписанный собственной рукой его величества. Это была какая-то излишняя, почти болѣзненная дѣятельность. Что касается общественныхъ дѣлъ, то было бы, конечно, гораздо лучше поставить каждое вѣдомство подъ начальство даровитаго и честнаго человѣка, между тѣмъ, какъ король могъ бы довольствоваться общимъ надзоромъ. Такимъ образомъ сохранились бы всѣ выгоды, происходящія отъ единства плана и отъ раздѣленія работы. Но такая система не соотвѣтствовала странному характеру Фридриха. Въ своемъ государствѣ онъ не терпѣлъ чужой воли и чужаго мнѣнія. Онъ не хотѣлъ никакихъ помощниковъ, кромѣ писцовъ, которые имѣли бы достаточно смысла, чтобы переводить и переписывать, разбирать царапанье короля и облекать въ офиціальную форму его сильное «да» или «нѣтъ». Онъ столько же требовалъ высшихъ умственныхъ способностей отъ какого нибудь сановника, сколько ихъ можно требовать отъ машинъ для переписки или отъ литографскаго пресса.

Самъ онъ напрягалъ всѣ свои силы такъ, что едва ли можно было ожидать, чтобъ человѣческое тѣло и человѣческій духъ могли выдержать столько усилій. Въ Потсдамѣ, своей обыкновенной резиденціи, онъ вставалъ лѣтомъ въ три, а зимой въ четыре часа. Тотчасъ же являлся пажъ съ огромной корзиной, наполненной письмами на имя короля, привезенными послѣднимъ курьеромъ. Тамъ были депеши изъ посольствъ, извѣстія о сборѣ податей, планы строеній, проекты осушки болотъ, жалобы обиженныхъ, просьбы о титулахъ, чинахъ, о полученіи гражданскихъ или военныхъ должностей. Вполнѣ увѣренный, что его окружаютъ предатели, король всегда тщательно осматривалъ печати. Потомъ онъ принимался

состояніи предписывать законы Европѣ, и онъ началъ подумывать о четвертомъ нарушеніи своихъ обязательствъ. Это привело въ смятеніе версальскій дворъ, который былъ внѣ себя отъ досады. Въ Берлинъ было отправлено собственноручное письмо Людовика, наполненное выговорами и упреками; но это не помогло. Осенью 1745 года, Фридрихъ заключилъ миръ съ Англіей, а потомъ и съ Австріей, въ томъ же году. Притязанія Карла на Баварію не могли быть препятствіемъ для мира. Несчастный король уже умеръ, и Францъ Лотарингскій, супругъ Маріи-Терезіи, былъ избранъ императоромъ, по общему согласію всѣхъ германскихъ государей.

Для Пруссіи снова наступилъ миръ, но европейская война все продолжалась до 1746 года, когда заключенъ былъ Аахенскій трактатъ. Изъ всѣхъ державъ, участвовавшихъ въ немъ, одна только Пруссія была въ выигрышѣ.

Не говоря уже о томъ, что Фридрихъ прибавилъ къ своему наслѣдству прекрасную провинцію Силезію, ему такъ выгодна была его не совсѣмъ нравственная ловкость, онъ такъ искусно льстилъ то Австріи, то Франціи, что на него всѣ смотрѣли, какъ на человѣка, въ рукахъ котораго находится равновѣсіе Европы. Это была большая честь для того, кто считался младшимъ изъ королей, и котораго прадѣдъ былъ только маркграфомъ. Общественное мнѣніе того времени смотрѣло на короля прусскаго какъ на политика, лишеннаго нравственности и чувства приличія, и общественное мнѣніе, кажется, до нѣкоторой степени имѣло основаніе. Въ тоже время Фридриха признавали даровитымъ человѣкомъ, искуснымъ полководцемъ, мудрымъ правителемъ. Тѣ качества, въ которыхъ онъ превосходилъ прочихъ людей, были въ то время такъже неизвѣстны другимъ, какъ и ему самому, потому что это были качества, блистающія только на темномъ фонѣ. До этого времени, за малыми исключеніями, ему все удавалось, и истинное его величіе выказалось только въ безнадежномъ и безвыходномъ положеніи, въ несчастіи, которое сломило бы людей, даже прославившихся своею твердостью. Съ самаго начала своего царствованія, Фридрихъ занимался государственными дѣлами болѣе, нежели кто либо изъ государей. Людовикъ XIV былъ своимъ собственнымъ первымъ министромъ и постоянно наблюдалъ за всѣми отраслями государственнаго управленія; Фридрихъ же этимъ не довольствовался. Онъ хотѣлъ быть не первымъ, а единственнымъ своимъ министромъ. При немъ не было мѣста — не только для Ришелье или Мазарини, но даже для Кольберта, или Лувуа. Любовь и потребность занятій, ненасытное властолюбіе, страсть вмѣшиваться въ чужія дѣла и давать чувствовать свое могущество, глубокое презрѣніе и недо-

вѣріе къ равнымъ себѣ, все это было причиной того, что онъ не-любилъ спрашивать совѣта у кого бы то ни было, довѣрять другимъ важныя тайны, или возлагать на нихъ обширныя полномочія. Высшіе государственные сановники были при немъ не болѣе, какъ писцами, и притомъ такими писцами, которые пользовались съ его стороны гораздо меньшимъ довѣріемъ, нежели дѣятельные канцелярскіе чиновники со стороны любого начальника отдѣленія. Онъ былъ своимъ собственнымъ казначеемъ, полководцемъ, главноуправляющимъ публичными зданіями, министромъ торговли и юстиціи, министромъ внутреннихъ дѣлъ, штальмейстеромъ, оберъгофмейстеромъ и камергеромъ. Дѣла, о которыхъ въ любомъ государствѣ ни одинъ директоръ департамента не захотѣлъ бы и слышать, въ Пруссіи рѣшались самимъ королемъ. Если путешественникъ желалъ имѣть хорошее мѣсто на смотру, то долженъ былъ писать къ Фридриху, и на другой день, чрезъ королевскаго посла, получалъ отвѣтъ, подписанный собственной рукой его величества. Это была какая-то излишняя, почти болѣзненная дѣятельность. Что касается общественныхъ дѣлъ, то было бы, конечно, гораздо лучше поставить каждое вѣдомство подъ начальство даровитаго и честнаго человѣка, между тѣмъ, какъ король могъ бы довольствоваться общимъ надзоромъ. Такимъ образомъ сохранились бы всѣ выгоды, происходящія отъ единства плана и отъ раздѣленія работы. Но такая система не соотвѣтствовала странному характеру Фридриха. Въ своемъ государствѣ онъ не терпѣлъ чужой воли и чужаго мнѣнія. Онъ не хотѣлъ никакихъ помощниковъ, кромѣ писцовъ, которые имѣли бы достаточно смысла, чтобы переводить и переписывать, разбирать царапанье короля и облекать въ офиціальную форму его сильное «да» или «нѣтъ». Онъ столько же требовалъ высшихъ умственныхъ способностей отъ какого нибудь сановника, сколько ихъ можно требовать отъ машинъ для переписки или отъ литографскаго пресса.

Самъ онъ напрягалъ всѣ свои силы такъ, что едва ли можно было ожидать, чтобъ человѣческое тѣло и человѣческій духъ могли выдержать столько усилій. Въ Потсдамѣ, своей обыкновенной резиденціи, онъ вставалъ лѣтомъ въ три, а зимой въ четыре часа. Тотчасъ же являлся пажъ съ огромной корзиной, наполненной письмами на имя короля, принесенными послѣднимъ курьеромъ. Тамъ были депеши изъ посольствъ, извѣстія о сборѣ податей, планы строеній, проэкты осушки болотъ, жалобы обиженныхъ, просьбы о титулахъ, чинахъ, о полученіи гражданскихъ или военныхъ должностей. Вполнѣ увѣренный, что его окружаютъ предатели, король всегда тщательно осматривалъ печати. Потомъ онъ принимался

за письма, дѣлилъ ихъ на нѣсколько кучъ и выражалъ свои чувства разными жестами, двумя или тремя словами, а иногда рѣзкими эпиграммами. Въ 8 часовъ обыкновенно кончалась эта часть его ежедневныхъ занятій. Тогда являлся генералъ-адъютантъ и получалъ приказанія относительно его военнаго вѣдомства въ королевствѣ. Затѣмъ король отправлялся осматривать свои сады, но осматривалъ ихъ не такъ, какъ короли обыкновенно это дѣлаютъ, а съ тою мелочною внимательностью и строгостью, съ которой старый унтеръ-офицеръ упражняетъ рекрутъ. Въ тоже время всѣ четыре кабинетъ-совѣтника должны были отвѣчать на письма, о которыхъ король еще утромъ объявлялъ свое мнѣніе. Эти несчастные должны были круглый годъ работать, какъ негры на сахарныхъ плантаціяхъ. Для нихъ не существовало праздниковъ; они не знали, что такое обѣдъ. Никогда не случалось, чтобы они кончали свое дѣло прежде ужина. Король, всегда опасавшійся измѣны, бралъ наудачу нѣсколько писемъ и перечитывалъ ихъ, чтобы убѣдиться въ точности ли выполнены были его приказанія. Это была благоразумная предосторожность противъ двуличности секретарей. Если бы одинъ изъ нихъ хоть на волосъ отступилъ отъ приказаній короля, то былъ бы счастливъ, отдѣлавшись пяти-лѣтнимъ тюремнымъ заключеніемъ. Фридрихъ подписывалъ отвѣтныя бумаги, которыя въ тотъ же вечеръ отправлялись по принадлежности.

Общія правила, на которыхъ основывалось это необыкновенное правленіе, заслуживаютъ вниманія. Политика Фридриха была въ сущности таже, что и политика его отца; но стремясь къ цѣлямъ, о которыхъ отецъ его никогда и не думалъ, Фридрихъ въ то же время освобождалъ прусскую политику отъ нелѣпостей, которыя навязалъ ей Фридрихъ Вильгельмъ. Главнымъ стремленіемъ короля было составить значительную, сильную и хорошо-дисциплинированную армію. Королевство его, по пространству и по населенію, едва занимало второстепенное мѣсто въ ряду европейскихъ державъ, и несмотря на это, онъ все таки стремился стать наряду съ Англіей, Франціей и Австріей. Для этого нужно было бы, чтобы вся Пруссія превратилась, такъ сказать, въ одно копье. Людовикъ XV, у котораго было впятеро болѣе подданныхъ и который получалъ впятеро болѣе доходовъ, имѣлъ войско не сильнѣе прусскаго. Отношеніе числа солдатъ ко всему населенію Пруссіи было почти невѣроятно. По самому вѣрному счету, изъ всѣхъ жителей Пруссіи мужескаго пола, годныхъ на службу по своему возрасту, седьмая часть была подъ ружьемъ. Эта сильная масса войска, вслѣдствіе постоянныхъ ученій, смотровъ и всегдашней строгости, достигла до такой скорости и точности въ исполненіи всѣхъ военныхъ движеній, что мо-

гла бы удивить самого Евгенія и Виллара. Чувство человѣческаго достоинства, которое прилично и лучшему солдату, было въ то время совершенно неизвѣстно прусскимъ воинамъ. Въ рядахъ прусской арміи не было той религіозной и политической восторженности, которою отличались пикенеры Кромвеля, не было и того патріотическаго рвенія, той жажды славы, той преданности великому предводителю, которыя воодушевляли старую гвардію Наполеона. Но что касается до механизма въ военномъ дѣлѣ, то прусскія войска стояли настолько же выше англійскихъ и французскихъ, на сколько послѣднія въ этомъ отношеніи выше какой нибудь милиціи.

Хотя жалованье прусскихъ солдатъ было самое незначительное, и каждый талеръ, нужный для непредвидѣннаго расхода, выдавался Фридрихомъ только послѣ самаго тщательнаго и недовѣрчиваго разсмотрѣнія дѣла; но, несмотря на всю эту бережливость Фридриха, содержаніе войскъ на такой ногѣ было совершенно не по силамъ Пруссіи. Чтобы эти расходы не были вредны для государства, необходимо было какъ можно болѣе сокращать всѣ прочія издержки. Вотъ почему Фридрихъ не имѣлъ флота, несмотря на то, что владѣнія его были при морѣ. У него не было, и онъ не желалъ, имѣть колоніи. Его чиновники юстиціи и сборщики податей получали весьма скудное содержаніе. Его резиденты при иностранныхъ дворахъ ходили пѣшкомъ или ѣздили въ старыхъ колымагахъ, пока наконецъ не лопались оси. Даже высшія дипломатическія лица, посланники въ Парижѣ и Лондонѣ, получали менѣе 1000 ф. с. ежегодно. Дома король жилъ бѣднѣе любаго изъ богатыхъ людей между его подданными, не говоря уже о владѣтельныхъ особахъ. Онъ любилъ хорошо поѣсть и хорошо выпить, любилъ также приглашать гостей къ своему столу; а между тѣмъ расходы на его кухню не превышали 2000 ф. с. въ годъ. Онъ такъ заботился о каждомъ лишнемъ мѣстѣ за столомъ, что такая заботливость гораздо болѣе была бы прилична какой нибудь содержательницѣ пансіона, нежели королю.

Если съ него просили болѣе 4 талеровъ за сотню устрицъ, то онъ поднималъ такой шумъ, какъ будто бы одинъ изъ его генераловъ сдалъ крѣпость императрицѣ – королевѣ. Ни одной бутылки шампанскаго нельзя было раскупорить безъ его именнаго приказанія. Охота въ королевскихъ паркахъ и лѣсахъ, важный расходный пунктъ въ большей части европейскихъ государствъ, напротивъ приносила еще доходъ Фридриху. Вся она отдана была на аренду; и несмотря на то, что арендаторы почти разорились, благодаря заключеннымъ контракту, Фридрихъ не соглашался ничего имъ ус-

тупить. Гардеробъ его состоялъ изъ великолѣпнаго парадного костюма, служившаго ему во всю его жизнь, изъ двухъ или трехъ старыхъ платьевъ, годныхъ для Монмутской улицы, изъ нѣсколькихъ желтыхъ жилетовъ, запачканныхъ нюхательнымъ табакомъ, и наконецъ изъ чудовищныхъ, покрасиѣвшихъ отъ ветхости, сапоговъ. Только одна страсть побѣждала иногда его бережливость, даже его разсудокъ — это страсть къ постройкамъ. Во всѣхъ прочихъ случаяхъ его разсчетливость простиралась до того, что ее можно было бы назвать худшимъ именемъ, если бы доходы свои онъ не получалъ съ народа, обремененнаго податями; а этотъ народъ не могъ бы существовать, если бы король захотѣлъ въ одно время содержать значительное войско и поддерживать пышность своего двора. Фридрихъ, безъ сомнѣнія, заслуживалъ похвалу за свое управленіе. Строгій порядокъ господствовалъ во всѣхъ его земляхъ, частная собственность была неприкосновенна, дозволена была большая свобода въ словахъ и въ литературѣ. Надѣясь на свое непреоборимое могущество, поддерживаемое большимъ войскомъ, король смотрѣлъ съ мудрымъ презрѣніемъ на недовольныхъ и либераловъ и очень мало поощрялъ шпіоновъ и доносчиковъ. Если случалось, что королю разсказывали о ненависти къ нему кого нибудь изъ его подданныхъ, то онъ спрашивалъ только; сколько тысячъ человѣкъ можетъ недовольный имъ выставить въ поле? Однажды король увидѣлъ толпу, глядѣвшую на стѣну. Онъ подъѣхалъ къ сборищу и увидѣлъ, что предметомъ любопытства былъ шутовской пасквиль противъ него самого. Фридрихъ велѣлъ своей свитѣ снять его со стѣны и привѣсить пониже. «Мой народъ и я, сказалъ онъ:— мы сошлись другъ съ другомъ на томъ, что народъ можетъ себѣ говорить все, что ему взбредетъ на умъ, а я за то могу дѣлать все, что мнѣ нравится». Никто въ Лондонѣ не осмѣлился бы обнародовать противъ Георга II сатиру, по грубости выраженій хоть сколько нибудь походившую на сатиры противъ Фридриха, которыя берлинскіе книгопродавцы безнаказанно продавали. Одинъ книгопродавецъ послалъ въ королевскій дворецъ экземпляръ самаго обиднаго для Фридриха сочиненія, которое когда либо было написано. Это были мемуары Вольтера, изданныя Бомаршѣ. Книгопродавецъ спрашивалъ у короля, что ему дѣлать съ этой книгой. «Онъ не долженъ объявлять о ней слишкомъ рѣзко, отвѣчалъ король:—но продавать ее онъ можетъ, сколько ему угодно; я надѣюсь, что это принесетъ ему барышъ.» Даже между государственными мужами, привыкшими къ свободѣ книгопечатанія, рѣдко можно встрѣтить такую твердость духа.

Кромѣ того, мы обязаны упомянуть, что Фридрихъ серьёзно

заботился о томъ, какъ бы устроить для своего народа скорое и дешевое правосудіе. Онъ былъ одинъ изъ первыхъ государей, уничтожившихъ жестокія и нелѣпыя пытки. Ни одинъ смертный приговоръ не исполнялся безъ его утвержденія, которое давалось очень рѣдко, если подсудимый не былъ убійцей. Совершенно другимъ образомъ поступалъ онъ съ своими солдатами, которыхъ за промахи по службѣ наказывалъ такимъ жестокимъ бичеваньемъ, что они считали разстрѣливанье болѣе легкимъ наказаніемъ. Въ самомъ дѣлѣ, основнымъ правиломъ политики Фридриха было то, что чѣмъ строже поступаешь съ войскомъ, тѣмъ беззаботнѣе можно быть кроткимъ съ остальнымъ народомъ. Религіозныя преслѣдованія не существовали въ его время; только евреи подвергались нѣкоторымъ безразсуднымъ и несправедливымъ стѣсненіямъ. Политика короля относительно католиковъ въ Силезіи представляла лестную для него противоположность той политикѣ, которой, въ очень сходныхъ обстоятельствахъ, слѣдовала Англія съ своими ирландскими католиками. Всякая религія или нерелигіозность находили вѣрное прибѣжище въ его государствѣ. Шпеттеръ, осужденный Французскимъ парламентомъ на жестокую казнь, былъ принятъ въ прусскую службу. Іезуиты, не смѣвшіе нигдѣ показываться, состоявшіе подъ страхомъ наказанія въ Великобританіи, изгнанные изъ Франціи, Португаліи, Испаніи и Неаполя, выданные головой даже Ватиканомъ, находили въ Пруссіи безопасность и средства къ существованію. Главные пороки и главные недостатки въ управленіи Фридриха, всѣ сводятся къ одному—къ страсти во все вмѣшиваться. Этотъ недостатокъ происходилъ отъ неутомимой дѣятельности его ума, отъ его властолюбія и военныхъ привычекъ. Онъ такъже безпокоилъ народъ, какъ и своихъ гренадеровъ. Капиталъ и трудъ были сбиты съ естественнаго пути своего развитія цѣлой кучей слишкомъ поспѣшныхъ и неосмотрительныхъ учрежденій. Тутъ была монополія и на кофе, и на табакъ и на рафинированный сахаръ. Общественныя деньги, на которыя король былъ вообще такъ бережливъ, бросались на то, чтобы дѣлать болота способными къ воздѣлыванію, чтобы среди песковъ сажать тутовыя деревья и чтобы выписывать изъ Испаніи овецъ, для улучшенія сѣверно-нѣмецкой шерсти. Тратились деньги на построеніе фарфоровыхъ и шпалерныхъ, стальныхъ и кружевныхъ фабрикъ. Ни примѣръ другихъ государей, ни собственный опытъ короля не могли научить его, что нужно кое-что побольше указа и денежнаго вспомоществованія для того, чтобы основать городъ, подобный Ліону, Брюсселю или Бирмингаму. Но торговая его политика была отчасти извинительна, потому что такой же политикѣ

слѣдовали многіе знаменитые люди, и ее одобрялъ общій предразсудокъ. Какъ ни тяжко онъ ошибался, но онъ ошибался заодно съ своимъ вѣкомъ. За то въ другихъ случаяхъ его страсть во все вмѣшиваться была совершенно непозвительна. Онъ точно такъ же вмѣшивался въ ходъ правосудія, какъ и въ торговлю, и собственныя свои грубыя понятія о правдѣ ставилъ выше законовъ, которые были утверждены единогласнымъ приговоромъ самыхъ замѣчательныхъ юридическихъ коллегій. Ему никогда не приходило на умъ, что люди, занимавшіеся рѣшеніемъ спорныхъ вопросовъ въ продолженіе всей своей жизни, могутъ лучше обсудить дѣло, чѣмъ онъ, котораго вниманіе раздѣлено между тысячью предметовъ и который не прочелъ до конца ни одной юридической книги. Противорѣчіе судовъ приводило его въ ярость. Онъ уволилъ своего канцлера и дурно обходился съ судьями. Правда, что намѣреньемъ его было уничтожить несправедливость. Онъ твердо вѣрилъ, что дѣйствуетъ на пользу правосудія и поддерживаетъ сторону бѣднаго противъ богатаго; а все-таки очень вѣроятно, что его благонамѣренное вмѣшательство надѣлало больше бѣдъ, чѣмъ всѣ проявленія всѣхъ другихъ страстей. Еще можно было бы жить подъ управленіемъ человѣка тупаго или жестокаго. Но человѣкъ не можетъ ужиться съ такимъ господиномъ, который во все вмѣшивается. Страсть всѣмъ управлять и все исправлять была въ высшей степени вредна даже для политики короля. Каждый молодой человѣкъ извѣстнаго возраста долженъ былъ посѣщать извѣстныя школы въ прусскомъ государствѣ, и если молодой пруссакъ хоть только на двѣ недѣли отправлялся поучиться въ Лейденъ или Геттингенъ, то его за это не принимали въ государственную службу или наказывали конфискаціей всего имѣнія. Никто не могъ путешествовать безъ позволенія его величества, а если позволеніе было дано, то король опредѣлялъ, сколько денегъ позволяется истратить путешественнику. Купцу позволялось взять съ собой 250 талеровъ золотомъ, а дворянину — 400. Нужно замѣтить мимоходомъ, что Фридрихъ заботливо сохранялъ различіе между благородными и неблагородными, между дворянами и недворянами. По теоріи былъ онъ французскимъ философомъ, а на дѣлѣ — нѣмецкимъ государемъ. Онъ говорилъ и писалъ о правахъ рожденія слогомъ Сэ, а на практикѣ ни на что не обращалъ въ своемъ государствѣ столько вниманія, какъ на происхожденіе и на гербы.

Таковъ былъ Фридрихъ, какъ правитель. Но былъ еще другой, рейнсбергскій Фридрихъ, скрипачъ и флейтистъ, стихокропатель и философъ. Несмотря на правительственныя заботы, король сохра-

нилъ свою страсть къ музыкѣ, чтенію, писательству и обществу литераторовъ.

Этимъ развлеченіямъ посвящалъ онъ все время, которое оставалось ему отъ его военныхъ и правительственныхъ занятій, и можетъ быть, то, что происходило въ эти часы его отдыха, можетъ пролить болѣе яркій свѣтъ на его характеръ, нежели всѣ его битвы и узаконенія.

Шиллеръ справедливо гордился тѣмъ, что во время дѣтства нѣмецкой поэзіи, не было въ Германіи ни Августа, ни Медичи. Богатый и сильный языкъ Лютера, изгнанный изъ школъ педантовъ латинскимъ языкомъ, а изъ чертоговъ сильныхъ міра сего — французскимъ, нашелъ себѣ убѣжище у народа. О силѣ его Фридрихъ не имѣлъ ни малѣйшаго понятія. Онъ выражался о нѣмецкомъ языкѣ и о тѣхъ, которые говорили на немъ, съ презрѣніемъ невѣжды. Библіотека его вся состояла изъ французскихъ книгъ; за столомъ его слышался всегда разговоръ на французскомъ языкѣ. Тѣ, съ которыми онъ проводилъ часы досуга, были большею частію иностранцы. Британія даровала королевскому кружку двухъ отличныхъ мужей высокаго происхожденія, которые, вслѣдствіе смятеній, изгнаны были изъ своего отечества, и для которыхъ, при лучшихъ обстоятельствахъ, ихъ дарованія и превосходныя качества могли сдѣлаться источникомъ могущества и славы. Георгъ Кэйтъ, эрль — маршалъ шотландскій, въ 1715 г. взялся за оружіе для защиты дома Стюартовъ, и меньшой братъ его Іаковъ, тогда только 17-ти лѣтняго возраста, храбро сражался рядомъ съ нимъ. Когда все было потеряно, они оба удалились на материкъ, переходили изъ одной страны въ другую, служили подъ различными знаменами и вели себя такъ, что заслужили уваженіе и приверженность многихъ, вовсе не расположенныхъ къ дѣлу Іакова. Продолжительныя странствованія двухъ братьевъ окончились въ Потсдамѣ, и при дворѣ Фридриха не было ни одного человѣка, который бы въ равной степени съ ними пользовался заслуженнымъ уваженіемъ короля. Это были не только образованные люди, но и люди высокаго происхожденія и притомъ воины, которые могли помогать Фридриху и въ военное время, и въ дипломатическихъ дѣлахъ, а также могли занимать его и пріятнымъ разговоромъ за вечернимъ столомъ. Изъ всѣхъ сподвижниковъ прусскаго короля, кажется, они только одни не имѣли никогда причины жаловаться на его обращеніе. Тѣ, которые хорошо знакомы были съ прусскимъ дворомъ, часто повторяли, что лордъ-маршалъ былъ единственнымъ человѣкомъ, котораго Фридрихъ когда либо истинно любилъ. Италія дала королевскому обществу въ Потсдамѣ остроумнаго и любезнаго Альга-

ротти, а также и Бестіани, самаго хитраго, осторожнаго и подобострастнаго изъ аббатовъ. Но большую часть кружка Фридриха составляли французскіе писатели. Мопертюи заслужилъ нѣкоторую извѣстность своимъ путешествіемъ по Лапландіи, предпринятымъ имъ съ цѣлью опредѣлить съ точностью видъ нашей планеты. Онъ служилъ въ должности президента Берлинской Академіи, бывшей жалкимъ подражаніемъ знаменитой Французской Академіи. Д'Аржо, молодой поэтъ, отъ котораго ожидали многаго, судя по первымъ его опытамъ, принужденъ былъ оставить свое отечество и поселиться при дворѣ Фридриха. Маркизъ д'Аржанъ надѣленъ былъ пріятными талантами и любезностью въ обращеніи совершенно французскою, но на дѣлѣ былъ лѣнивымъ, малодушнымъ и самонадѣяннымъ человѣкомъ. Онъ принадлежалъ къ тому негодному классу людей, которые суевѣрны, не имѣя ни капли религіозности въ душѣ. Ненавидя христіанство съ ожесточеніемъ, которое не позволяло ему безпрестанно и благоразумно размышлять о немъ, не умѣя различать признаки божественной мудрости и силы въ гармоніи и красотѣ вселенной, онъ, между тѣмъ, суевѣрно вѣрилъ снамъ и гаданьямъ, не рѣшался обѣдать, если за столомъ было 13 человѣкъ, блѣднѣлъ, когда ему случалось опрокинуть солонку, умолялъ гостей не класть ножъ и вилку крестъ на крестъ, и ни за что на свѣтѣ не пустился бы въ дорогу въ пятницу. Состояніе здоровья было предметомъ постоянныхъ его опасеній. Если у него болѣла голова, или пульсъ бился скорѣе обыкновеннаго, то трусость его и мѣры, которыя онъ принималъ для выздоровленія, дѣлались потѣхою всего Берлина. Все это соотвѣтствовало цѣлямъ короля. Ему нуженъ былъ человѣкъ, который занималъ бы его и котораго въ то же время онъ могъ бы презирать. Когда Фридрихъ хотѣлъ провести полчаса въ легкомъ веселомъ разговорѣ, то д'Аржанъ былъ превосходнымъ товарищемъ; когда онъ хотѣлъ дать волю своему худому расположенію духа и презрѣнію къ людямъ, то тотъ же д'Аржанъ былъ прекрасной цѣлью для насмѣшекъ.

Съ этими людьми и съ подобными имъ Фридрихъ проводилъ все время, свободное отъ государственныхъ дѣлъ. Онъ желалъ, чтобы за его столомъ всѣ были веселы и безцеремонны, и просилъ гостей своихъ забыть, что подъ его начальствомъ находится сто-шестидесяти-тысячное войско, и что онъ воленъ надъ жизнью или смертью тѣхъ, которые сидятъ у него за столомъ. Потому въ этихъ собраніяхъ господствовалъ внѣшній видъ общаго довольства. Остроумію и знаніямъ собранныхъ гостей представлялось здѣсь обширное поле. Историческіе и литературные споры были иногда въ высшей степени интересны. Но истинной свободы и насто-

ящей приверженности нельзя было найти въ этомъ блестящемъ обществѣ. Абсолютисты-короли рѣдко имѣютъ друзей, а недостатки Фридриха были такого рода, что даже при условіяхъ совершеннаго равенства, дѣлали дружбу его очень сомнительною. У него, конечно, было много свойствъ, которыя могли завлечь при первомъ знакомствѣ. Его разговоръ былъ живъ, обхожденье съ тѣми, кому онъ желалъ понравиться, было даже предупредительно. Никто не умѣлъ льстить тоньше его. Никому не удавалось лучше его вселить надежду на какую нибудь большую выгоду въ тѣхъ, которые къ нему приближались. Но подъ этой блестящей оболочкой скрывался характеръ деспотическій, высокомѣрный, подозрительный и злорадный. У него была страсть, которая становится почти всегда признакомъ дурнаго сердца, если обратится въ привычку у человѣка зрѣлыхъ лѣтъ и твердаго ума. Это была страсть къ жестокимъ шуткамъ. Когда кто нибудь изъ придворныхъ слишкомъ заботился о своемъ платьѣ, то на него нечаянно проливали масло. Если попадался какой-нибудь скупецъ, то выдумывали средства, чтобы заставить его издержать болѣе денегъ, нежели онъ могъ получать ихъ. Если дѣло доходило до ипохондрика, то его убѣждали, что онъ страдаетъ водобоязнію, и если ему особенно хотѣлось куда нибудь поѣхать, то стряпали письмо, отклонявшее его отъ этого намѣренія. Всѣ эти шутки были, конечно пустяками;но все-таки въ нихъ можно видѣть проявленія характера.. .

Фридрихъ ловко подмѣчалъ слабости другихъ и охотно дѣлился своими открытіями. У него была нѣкоторая способность къ насмѣшкѣ и большое искусство находить слабыя стороны людей. Онъ восхищался досадой и смущеніемъ тѣхъ, которые находились подъ колкимъ огнемъ его остроумія; и все-таки насмѣшки такъже мало удавались королю, какъ и многое другое. Мы знаемъ, что Коммодъ однажды съ мечемъ въ рукѣ напалъ на несчастнаго гладіатора, вооруженнаго одной свинцовой рапирой, и проливши кровь беззащитной жертвы, велѣлъ вылить медали въ память этой безславной побѣды. Побѣды Фридриха въ перестрѣлкѣ на словахъ были подобнаго же рода. Вопросъ о томъ, какъ держать себя съ нимъ, былъ очень щекотливъ. Являться въ его присутствіи осторожнымъ—было не хорошо: про такого человѣка говорили, что онъ не повинуется приказаніямъ короля и портитъ его удовольствіе. А если собесѣдники, увлеченные любезностью короля, доходили до спокойной откровенности, то могли быть увѣренными, что за довѣрчивость имъ заплатятъ какимъ нибудь большимъ оскорбленіемъ.

Обижаться словами короля было опасно, а если кто не обижал-

ся, то говорили, что видно ему по дѣломъ достается. Въ глазахъ Фридриха тѣ, которые возставали противъ обидъ, были безстыдны и неблагодарны, а тѣ, которые покорялись, должны были съ одинаковымъ терпѣніемъ принимать и пинки, и благодѣянія. Въ самомъ дѣлѣ, трудно понять, — какъ что нибудь, кромѣ голода, могло заставить людей быть собесѣдниками великаго короля. Это было очень невыгодное положеніе. Его величество относительно дружбы былъ такъ же строгъ и экономенъ, какъ и относительно другихъ статей расхода, и такъ же не охотно жертвовалъ лишнимъ талеромъ для гостей, какъ и для обѣда. Сумма, которую онъ давалъ на вспоможеніе какому-нибудь поэту или философу, была самая малая, и только-что могла склонить поэта или философа продать себя королю; купленный писатель былъ еще очень счастливъ, если послѣ цѣлыхъ годовъ мученія, у него не отнимали данныхъ ему денегъ.

Потсдамъ былъ, по словамъ одного изъ обитателей его, истиннымъ дворцомъ Альцинои. На первый взглядъ онъ казался восхитительнымъ мѣстопребываніемъ, гдѣ счастливаго авантюриста ожидали всякія духовныя и физическія наслажденія. Всякій новоприбывшій былъ принимаемъ съ необыкновеннымъ радушіемъ: его отуманивали лестью и надеждой на счастіе и величіе. Цѣлый рядъ любимцевъ, вступившихъ съ надеждой и восхищеніемъ въ это мѣсто и скоро разочаровавшихся въ своемъ мнимомъ благополучіи, былъ наказанъ за свою глупость цѣлыми годами бѣдствій и униженій. Наказанные предостерегали новаго искателя, который приближался къ волшебному порогу. У однихъ доставаало ума, чтобы во время остановиться, и было довольно храбрости, чтобы безъ оглядки бѣжать назадъ. Другіе же оставались тутъ до безрадостной и безчестной старости. Мы можемъ утверждать, что бѣднѣйшій изъ тогдашнихъ лондонскихъ литераторовъ, спавшій на чердакѣ, обѣдавшій въ погребѣ, и украшенный бумажнымъ галстухомъ и деревянной запонкой вмѣсто булавки на груди, былъ счастливѣе всѣхъ литераторовъ при дворѣ Фридриха. Но изъ всѣхъ, которые съ восхищеньемъ вступили въ очарованный садъ и оставили его, измученные яростью и стыдомъ, знаменитѣйшимъ былъ Вольтеръ. Многія обстоятельства заставляли его желать найти себѣ убѣжище подальше отъ своего отечества. Слава великаго писателя доставила ему враговъ, которымъ обидчивость его дала важный перевѣсъ. Конечно, это были презрѣнные враги. Изъ всѣхъ сочиненій ихъ дошло до насъ только то, что сохранилъ самъ Вольтеръ. Но устройство его духа было сходно съ устройствомъ тѣхъ тѣлъ, для которыхъ невыносима малѣйшая царапина терновника, невыносимо

укушеніе комара. Хотя слава его скорѣе была возвышена, нежели унижена порицаніями такихъ писакъ, какъ Фреронъ или де-Фонтэнъ, и месть его была хуже бичеванія и клеймованія; но все-таки должно думать, что эти презрѣнные писаки дѣлали ему болѣе огорченій, нежели онъ имъ. Хотя Вольтеръ еще при своей жизни пользовался славой классика, и современники считали его выше всѣхъ поэтовъ, философовъ и историковъ; хотя творенія его читали съ такимъ же восторгомъ и удивленіемъ въ Москвѣ, Вестминстерѣ, Стокгольмѣ и Флоренціи, какъ и въ Парижѣ; но все таки его мучило безпокойное честолюбіе, которое, кажется, сродно только людямъ, стремящимся къ славѣ и знаменитости и чувствующимъ, что достиженіе этой цѣли имъ не по силамъ. Съ учеными и писателями, которые не могли сдѣлаться его соперниками и хорошо съ нимъ поступали, онъ былъ не только справедливъ и вѣжливъ, но даже часто дѣлался для нихъ истиннымъ другомъ и щедрымъ благодѣтелемъ. Но онъ былъ тайнымъ или явнымъ врагомъ всякаго писателя, который стремился къ славѣ. Изподтишка онъ унижалъ Монтескье и Бюффона, открыто смѣялся надъ Руссо. У него даже не было искусства скрывать свои истинныя чувствованія подъ видомъ веселаго простодушія или пренебреженія. При всѣхъ своихъ способностяхъ и долгой опытности, Вольтеръ имѣлъ такъ же мало самообладанія, какъ капризный ребенокъ или истерическая женщина. Какъ скоро ему наносили обиду, то онъ исчерпывалъ все свое краснорѣчіе, чтобы выразить досаду и горе. Потоки горькихъ словъ, которыми онъ разражался, его топотъ ногами и проклятія, простые жесты и слезы, доставляли истинное удовольствіе тѣмъ дюжиннымъ натурамъ, которыя радуются мученіямъ мощнаго генія и безсмертнаго имени. Они нашли наконецъ средство поражать Вольтера во внутренней его жизни. Даже и зависть должна сознаться, что по крайней мѣрѣ въ одномъ отношеніи у него не было соперниковъ. Съ тѣхъ поръ, какъ Расинъ присоединился къ великимъ мертвецамъ, не было ни одного трагическаго писателя, который могъ бы оспаривать пальму первенства у сочинителя Заиры, Меропы и Альзиры. Наконецъ явился соперникъ—старый Кребильонъ, котораго сочиненія имѣли нѣкогда успѣхъ на сценѣ и который давно уже былъ забытъ. Онъ вдругъ вышелъ изъ своего чердака, находившагося въ одной изъ бѣднѣйшихъ улицъ, недалеко отъ улицы св. Антонія, и вновь принялся сочинять для сцены, привѣтствуемый завистливыми писателями и капризною публикой. Пьеса, названная Катилиной и написанная имъ во время его уединенія, имѣла огромный успѣхъ. Достаточно сказать объ этой гнусной трагедіи, что все ея содержаніе основано на любовной связи,

напыщенной à-la Скюдери, между Катилиною, имѣющаго своимъ наперсникомъ претора Лентула, и Туллiей, дочерью Цицерона. Театръ оглашенъ былъ громомъ рукоплесканій. Король назначилъ пенсію счастливому поэту, и кофейни рѣшили, что Вольтеръ, конечно, человѣкъ не безъ дарованія, но что истинное трагическое вдохновеніе, этотъ небесный огонь, который отличалъ Корнеля и Расина, можно найти только у Кребильона.

Ударъ этотъ поразилъ Вольтера прямо въ сердце. Если бы его благоразуміе и сила души равнялись плодовитости его генія и блеску его остроумія, то онъ ясно увидѣлъ бы, что никакіе хвастуны и клеветники не могли ставить Катилину выше Заиры; но онъ не имѣлъ того великодушнаго терпѣнія, съ которымъ Мильтонъ и Бентлей сносили несправедливости своихъ современниковъ. Онъ унизился до соперничества съ Кребильономъ и написалъ нѣсколько трагедій одинаковаго сюжета съ произведеніемъ своего противника. Всѣ эти трагедіи встрѣчены были общимъ равнодушіемъ. Въ досадѣ на дворъ и на столицу, Вольтеръ вздумалъ сдѣлаться добровольнымъ изгнанникомъ. Его отношенія къ мадамъ дю-Шатолэ долго препятствовали исполненію этого намѣренія. Смерть ея возвратила ему наконецъ свободу, и онъ рѣшился удалиться въ Берлинъ.

Въ Берлинъ его призывалъ цѣлый рядъ писемъ, исполненныхъ выраженіями восторженной дружбы и удивленія. Въ этомъ, единственномъ, впрочемъ, случаѣ, Фридрихъ оставилъ въ сторонѣ всю свою разсчетливость. Ордена, почетныя должности, значительную пенсію, превосходный столъ, великолѣпную квартиру подъ одной крышей съ королемъ—вотъ что Фридрихъ приготовлялъ для Вольтера, въ замѣнъ удовольствія и чести видѣть у себя перваго генія своего вѣка. 1000 лундоровъ назначены были на дорогу. Ни одинъ посланникъ, отправляемый изъ Берлина къ первокласснымъ дворамъ Европы, не получалъ болѣе. Но Вольтеръ все-таки былъ недоволенъ. Впослѣдствіи, владѣя значительнымъ имѣніемъ, онъ былъ довольно щедръ; но пока средства его были незначительны и не соотвѣтствовали его желаніямъ, онъ былъ такъ корыстолюбивъ, что иногда даже нарушалъ законы приличія. Вольтеръ имѣлъ безстыдство попросить еще 1000 лундоровъ, чтобы быть въ состояніи привезти также свою племянницу мадамъ Дени, отвратительнѣйшую изъ кокетокъ. Неделикатная жадность его произвела обыкновенное дѣйствіе на строгаго и разсчетливаго короля. Вольтеру было сухо отказано. «Я не вижу надобности имѣть честь принимать у себя мадамъ Дени,» отвѣчалъ король. Это привело Вольтера въ ярость. «Возможна ли такая скупость. Въ его погребахъ

сотни бочекъ, набитыхъ талерами, а онъ жалѣетъ нечтожной тысячи лундоровъ!» и казалось, что дѣло этимъ и кончилось. Но Фридрихъ съ необыкновеннымъ искусствомъ притворился совершенно равнодушнымъ и сдѣлалъ видъ, будто бы перенесъ свое уваженіе на д'Арно. Король даже сочинилъ нѣсколько дурныхъ стишковъ, въ которыхъ намекалъ, что Вольтеръ есть заходящее солнце, между тѣмъ, какъ д'Арно только восходитъ. Добродушные друзья передали эти стихи Вольтеру. Онъ, въ то время лежалъ въ постели. Вскочивъ въ одной рубашкѣ, онъ съ бѣшенствомъ началъ бѣгать по комнатѣ и немедленно послалъ за паспортомъ и за почтовыми лошадьми. Не трудно было угадать конецъ дружбы, начинавшейся такимъ образомъ.

Въ 1750 году Вольтеръ оставилъ великую столицу, которую онъ долженъ былъ увидѣть только лѣтъ черезъ 30, для того, чтобы подъ гнетомъ лѣтъ умереть среди блестящаго, почти волшебнаго тріумфа. Пріемъ, сдѣланный ему въ Пруссіи, былъ такого рода, что заставилъ бы возгордиться даже менѣе тщеславнаго и восторженнаго человѣка. Онъ писалъ друзьямъ своимъ въ Парижъ, что внимательный и дружественный пріемъ, который ему сдѣлали, выше всякаго описанія, что король любезнѣйшій изъ людей, а Потсдамъ—рай философовъ. Онъ назначенъ былъ камергеромъ, и вмѣстѣ съ золотымъ ключемъ получилъ орденскій крестъ и патентъ на 800 ф. с. пожизненной пенсіи. 160 ф. с. назначены были его племянницѣ, въ случаѣ, если бы она пережила его.

Королевскіе повара и кучера отданы были въ его распоряженіе. Вольтеръ помѣщенъ былъ въ тѣхъ самыхъ палатахъ, гдѣ жилъ маршалъ де-Саксъ, когда, на высшей точкѣ могущества и славы, онъ посѣтилъ прусскаго короля. Въ самомъ дѣлѣ, Фридрихъ доходилъ даже до лести Вольтеру. Онъ прижималъ къ губамъ своимъ костлявую ручку скелета, которая произвела столько безсмертныхъ вещей. Король говорилъ, что ко всѣмъ титуламъ, которыми онъ былъ обязанъ своимъ предшественникамъ и своему оружію, онъ хотѣлъ бы присоединить еще одинъ, происходившій отъ его послѣдняго и лучшаго пріобрѣтенія. Титулъ этотъ былъ слѣдующій: «Фридрихъ, король Прусскій, маркграфъ Бранденбургскій, владѣтель Силезскій, обладатель Вольтера.» Но даже среди удовольствій медоваго мѣсяца, странное тщеславіе Вольтера уже начало безпокоиться. Чрезъ нѣсколько дней послѣ своего пріѣзда онъ не могъ воздержаться, чтобы не разсказать своей племянницѣ, что любезный король имѣетъ дурную привычку—одной рукой всегда наносить легкія царапины, между тѣмъ какъ другою гладитъ и ласкаетъ. Скоро явились намеки, которые имѣли тѣмъ болѣе обезпокоивающій характеръ, что

были таинственны. «Вечернія собранія великолѣпны. Король душа всего. Но,... Я имѣю оперы и комедіи, смотры и концерты, мои занятія и книги. Но.... но.... Берлинъ, красивый городъ, принцессы восхитительны, фрейлины хорошенькія. Но....»

Эта странная дружба скоро начала охлаждаться. Фридрихъ и Вольтеръ были какъ будто сотворены для того, чтобъ мучить другъ друга. Каждый изъ нихъ имѣлъ именно тѣ недостатки, которые были всего несноснѣе для другаго, и оба они, какъ нарочно, были самыми антипатичными людьми другъ для друга. Фридрихъ былъ бережливъ до скряжничества. Купивши игрушку, онъ нашелъ, что слишкомъ дорого заплатилъ за нее. Съ другой стороны, Вольтеръ, былъ корыстолюбивъ до безстыдства, даже до плутовства, и думалъ, что монархъ, у котораго погреба набиты золотомъ и серебромъ, долженъ надѣлить своего любимца имѣніемъ, которому, по крайней мѣрѣ, могъ бы позавидовать богатый банкиръ.

Король и философъ скоро поняли другъ друга. Оба они были раздосадованы, и началась война, въ которой Фридрихъ принялъ на себя роль Гарпагона, а Вольтеръ роль Скапина. Совѣстно даже сказать, что великій полководецъ и государственный человѣкъ, запретилъ выдавать своему гостю сахаръ и шеколадъ. Если это только возможно, то еще болѣе интересенъ поступокъ Вольтера, который вознаграждалъ убытокъ тѣмъ, что пряталъ себѣ въ карманъ восковыя свѣчи изъ королевской передней. Но ссоры изъ-за денегъ были не единственными ссорами этихъ странныхъ друзей. Сарказмы короля вскорѣ начали жестоко обижать Вольтера. Д'Арно и д'Аржанъ, Гишаръ и Ла-Метри, могли сносить изъ-за куска хлѣба грубости своего господина; но характеръ великаго философа былъ совершенно другаго разбора. Вольтеръ зналъ, что и онъ тоже повелитель, въ своемъ родѣ, что европейская слава и несравненный талантъ къ осмѣянію всего, ему ненавистнаго, дѣлали его страшнымъ даже для предводителя армій и повелителя народовъ. Въ самомъ дѣлѣ, изъ всѣхъ оружій ума, когда либо доставшихся на долю человѣка, насмѣшка Вольтера была самымъ страшнымъ. Люди, которыхъ не поколебали бы проклятія милліоновъ людей, блѣднѣли при его имени.

Мы не можемъ, впрочемъ, не напомнить при этомъ, какъ часто этотъ рѣдкій талантъ насмѣшки былъ обращаемъ противъ соперниковъ, достойныхъ уваженія; какъ часто онъ былъ употребляемъ, чтобы уничтожить враговъ, заслуживавшихъ только молчаливаго презрѣнія, какъ часто онъ служилъ для постыднѣйшей цѣли,—для того, чтобы разрушить послѣднее утѣшеніе въ земныхъ скорбяхъ и послѣднюю узду земнаго могущества. Точно такъже мы не можемъ

не упомянуть и того, какъ часто эта могучая насмѣшка защищала дѣло справедливости, человѣколюбія и терпѣнія, основанія истинной философіи Впрочемъ, здѣсь не мѣсто для подробной характеристики Вольтера.

Скоро поводы къ ссорѣ еще умножились. Случилось, что Вольтеръ, который, отчасти изъ любви къ деньгамъ, а отчасти по страсти къ сильнымъ ощущеніямъ, пускался въ биржевыя спекуляціи, запуталъ свои дѣла до крайности. Король былъ въ восторгѣ, что нашелъ случай унизить своего гостя. Съ обѣихъ сторонъ посыпались горькіе упреки и жалобы. Кромѣ того, Вольтеръ былъ въ войнѣ со всѣми литераторами, окружавшими короля, что было весьма досадно Фридриху. На дѣлѣ же онъ самъ былъ этому главной причиной, потому что преобладающая въ немъ страсть унижать другихъ заставляла его расточать похвалы самымъ незначительнымъ людямъ и дурнымъ книгамъ, единственно для того, чтобы забавляться досадой и гнѣвомъ Вольтера, который, при тогдашнихъ обстоятельствахъ, не старался скрывать свои чувства. Но вскорѣ его величеству пришлось раскаяться въ своихъ стараніяхъ — зародить непріязнь между окружавшими его. Весь дворецъ былъ въ волненіи отъ литературныхъ интригъ. Сильный голосъ повелителя 160-тысячной арміи не могъ успокоить раздраженныхъ литераторовъ. Гораздо легче было возбудить эту бурю, нежели уничтожить ее. Да и самъ Фридрихъ, какъ занимавшійся изящными искусствами, былъ ли совершенно чуждъ этихъ несогласій? Онъ далъ Вольтеру множество своихъ стиховъ, прося его отослать ихъ назадъ съ замѣтками и поправками. «Смотрите!» сказалъ однажды Вольтеръ, «сколько грязнаго бѣлья король заставляетъ меня мыть.» Сплетники не замедлили довести эту остроту до свѣдѣнія Фридриха, который былъ страшно разсерженъ этимъ.

Дѣло не могло оставаться долго въ такомъ положеніи. Въ то время, когда обоюдное уваженіе друзей было еще въ полномъ цвѣтѣ, разсказанный нами случай послужилъ бы только поводомъ къ насмѣшкамъ; теперь же онъ произвелъ сильный взрывъ. Мопертюи пользовался расположеніемъ Фридриха болѣе, нежели кто либо другой изъ ученыхъ. Онъ былъ президентомъ академіи въ Берлинѣ и занималъ, хотя къ неизмѣримомъ разстояніи отъ Вольтера, второе мѣсто въ литературномъ обществѣ прусскаго двора. Фридриху, игравшему чувствами обоихъ завистливыхъ и славолюбивыхъ французовъ, удалось посѣлить между ними непримиримую вражду. Вольтеръ рѣшился наложить на чело Мопертюи такое клеймо, которое невозможно было бы стереть, и написалъ чрезвычайно смѣшную «Діатрибу д-ра Акакія.»

Онъ прочелъ рукопись королю, который имѣлъ слишкомъ много вкуса и лукаваго остроумія, чтобы не оцѣнить шутки поэта. Въ самомъ дѣлѣ, даже и теперь ни одинъ человѣкъ, сколько нибудь смѣшливаго характера, не можетъ прочесть безъ хохоту шутки о латинскомъ городѣ, о пятагонцахъ и объ отверстіи въ землѣ, доходящемъ до самаго центра ея. Но несмотря на то, что Фридриху очень понравился пасквиль Вольтера, онъ ни за что не согласился бы выпустить его въ свѣтъ. Самолюбіе его пострадало бы черезъ это. Мопертюи былъ президентомъ его академіи. Еслибы всей Европѣ доставленъ былъ случай смѣяться надъ этимъ президентомъ, вѣроятно слава академіи, можетъ быть даже достоинство ея державнаго покровителя, были бы скомпрометированы. Поэтому Фридрихъ просилъ Вольтера оставить свое сочиненіе въ тайнѣ. Вольтеръ обѣщался, но не сдержалъ слова. Пасквиль былъ выпущенъ въ свѣтъ, и произвелъ фуроръ между всѣми, кто умѣлъ читать по французски. Король приведенъ былъ въ ярость. Вольтеръ, привыкшій лгать, увѣрялъ, что онъ невиноватъ, и свалилъ всю вину на переписчика и типографщика. Впрочемъ, король не былъ этимъ обманутъ. Онъ приказалъ палачу сжечь пасквиль и требовалъ отъ автора извиненій въ самыхъ униженныхъ выраженіяхъ. Вольтеръ отослалъ королю свои ордена, свой золотой ключь и патентъ на пенсіонъ. Но и тому и другому стало стыдно своихъ порывовъ: рѣшились торжественно примириться.

Къ несчастію, они не могли ужебольше сойтись, и философъ навсегда простился съ королемъ. Они разстались съ холодною вѣжливостью, но изъ своего знакомства вынесли много тягостныхъ впечатлѣній. У Вольтера сохранился томъ стихотвореній короля, который онъ забылъ возвратить Фридриху. Весьма вѣроятно, что это была не болѣе какъ разсѣянность, нисколько неудивительная со стороны человѣка, отправляющагося въ дорогу. Невозможно было и предположить, чтобы Вольтеръ имѣлъ въ виду совершить литературное похищеніе. Мы можемъ сказать навѣрное, что даже за полъ-царства Фридриха онъ не согласился бы присвоить себѣ ни одного стиха прусскаго короля. Но Фридрихъ, цѣнившій свои сочиненія гораздо выше того, чего они стоили, и глядѣвшій на всѣ дѣйствія Вольтера съ дурной стороны, приведенъ былъ въ ярость отъ одной мысли, что любимыя произведенія его-пера находятся въ рукахъ непріятеля, который былъ воровать, какъ сорока, и золъ, какъ обезьяна. Мучимый этой мыслью, онъ потерялъ благоразуміе и приличіе и рѣшился на непохвальный и странный поступокъ.

Вольтеръ достигъ Франкфурта. Тамъ встрѣтилась съ нимъ его племянница, мадамъ Дени. Онъ думалъ, что находится уже въ бе-

опасности со стороны своего послѣдняго господина, какъ вдругъ, по требованію прусскаго посланника, былъ арестованъ. Драгоцѣнная книжка была выдана. Но прусскіе агенты, вѣроятно, получили приказаніе не выпускать Вольтера, не нанесши ему грубаго и низкаго оскорбленія. Цѣлые двѣнадцать дней держали его взаперти. Вооруженные часовые стерегли писателя. Племянницу его солдатъ безъжалости потащилъ черезъ грязь. Безсовѣстные тюремщики сорвали съ Вольтера не менѣе шести сотъ талеровъ. Всѣ это происходило, конечно, не безъ воли Фридриха. Былъ ли кто нибудь за это наказанъ? Потребованъ ли былъ отчетъ объ этомъ поступкѣ у кого бы то ни было? Не согласовался ли онъ съ характеромъ Фридриха? Не поступалъ ли король въ этомъ случаѣ точно такъже, какъ поступалъ и прежде въ подобныхъ же обстоятельствахъ? Не достовѣрно ли, что онъ неоднократно повторялъ своимъ чиновникамъ тайныя приказанія грабить и разрушать домы тѣхъ, къ которымъ онъ чувствовалъ непріязнь, прибавляя къ приказанію, внушеніе о томъ, чтобы имя его не было скомпрометировано? Такимъ образомъ онъ поступилъ въ отношеніи къ графу Брюллю, во время семилѣтней войны. Почему же не могъ онъ сдѣлать тогоже самаго въ отношеніи къ Вольтеру?

Когда знаменитый узникъ получилъ свободу, передъ нимъ открылась печальная будущность. Онъ былъ изгнанъ, какъ изъ родины своей, такъ и изъ втораго отечества. Французское правительство съ неудовольствіемъ смотрѣло на поѣздку его въ Пруссію и запретило ему въѣздъ въ Парижъ; вблизи отъ Пруссіи онъ не былъ безопасенъ. Наконецъ Вольтеръ рѣшился бѣжать къ живописнымъ берегамъ Женевскаго озера. Тамъ, свободный отъ всѣхъ узъ, державшихъ его до того времени въ извѣстныхъ границахъ, зная, что дворы и церкви не могутъ ему сдѣлать ни добра, ни зла, онъ началъ свою продолжительную войну противъ всего, что составляетъ предметъ уваженія для людей. Слова Борна о конституціонныхъ народныхъ собраніяхъ, въ полномъ смыслѣ прилагались къ Вольтеру: онъ не умѣлъ строить; онъ умѣлъ только разстроивать, и былъ настоящій «Витрувій разрушенія.» Онъ не оставилъ намъ ни одного наставленія, которое могло бы быть названо его именемъ, и ничего не прибавилъ къ сокровищамъ нашихъ положительныхъ знаній. Но ни одинъ учитель человѣчества не оставлялъ такого огромнаго количества истинъ и заблужденій, высокаго и низкаго, полезнаго и вреднаго. Съ того времени, когда мѣстомъ жительства Вольтера сдѣлались окрестности Альпъ, онъ изъ драматическаго писателя, литератора и историка сдѣлался еще болѣе важною особой: сдѣлался

патріархомъ, основателемъ секты, главою особаго умственнаго царства. Онъ часто пользовался удовольствіемъ мстить за невинность, не имѣвшую другаго защитника, обличать грозную несправедливость, наказывать высоко поставленную тиранію. Онъ удовлетворилъ и свое личное тщеславіе, такъ какъ устрашенные капуцины назвали его антихристомъ. Но чѣмъ бы онъ ни занимался, добромъ или зломъ, а все таки не забывалъ Потсдама и Франкфурта и внимательно прислушивался ко всякому шопоту, извѣщавшему о поднимавшейся въ Европѣ грозѣ и о приближавшейся для него минутѣ мщенія. Желаніе его скоро исполнилось. Марія-Терезія не могла забыть вѣроломнаго поступка Фридриха въ отношеніи къ ней. Молодая и нѣжная, беременная и только-что осиротѣвшая, она принуждена была бѣжать изъ своей столицы и видѣть, какъ ея прекрасное наслѣдство расхищали чужіе владѣтели, изъ которыхъ первымъ былъ прусскій король. Безъ повода, безъ вызова, пренебрегая священнѣйшими обязанностями, онъ напалъ на свою безпомощную союзницу, которую самъ долженъ былъ защищать. Императрица обладала и пороками и добродѣтелями, связанными съ раздражительностью и съ возвышеннымъ образомъ мыслей. Не было опасности, которой бы она не презрѣла, не было бѣдствія, котораго она не согласилась бы навлечь на своихъ подданныхъ или даже на все человѣчество, для того только, чтобы насладиться мщеніемъ. Месть представлялась ея ограниченнымъ и суевѣрнымъ понятіямъ въ видѣ обязанности. Силезія была похищена не только у Австрійскаго дома, но и у Римской церкви. Фридрихъ, конечно, предоставилъ свободу вѣроисповѣданія своимъ новымъ подданнымъ. Но этого было мало: для ханжества казалось невыносимымъ притѣсненіемъ, что католическая церковь, прежде всегда господствовавшая, принуждена была довольствоваться уравненіемъ правъ съ лютеранской. И это было не единственною причиной, по которой Марія-Терезія считала Фридриха врагомъ Божьимъ. Невѣріе, которымъ дышали сочиненія и разговоры Фридриха, ужасные слухи о безнравственности его частной жизни—казались, конечно, неприличными женщинѣ, вѣрившей всему, что говорилъ духовникъ ея,—женщинѣ, хотя окруженной испытаніями, молодой, красивой и страстной, владѣвшей неограниченною силою, но заслужившей доброе имя въ полномъ смыслѣ этого слова.

Возвратить Силезію, унизить династію Гогенцолерновъ, это было главною цѣлью ея жизни. Она нѣсколько лѣтъ трудилась для этой цѣли, съ такимъ же неутомимымъ рвеніемъ, какое поэтъ приписываетъ величественной богинѣ, которая вызывается предать разрушенію свои любимыя Микены и Спарту, если только

удастся ей увидѣть пожаръ пріамовой твердыни. Съ такимъ же намѣреніемъ австрійская Юнона стремилась составить коалицію, какой Европа еще не видывала. Ничто не могло отклонить ее отъ цѣли: соединить противъ одного народа весь цивилизованный міръ отъ Бѣлаго моря до Адріатическаго, и отъ Бискайскаго залива до Танаиса. Различными способами удалось ей склонить на свою сторону Россію. Значительная часть добычи обѣщана была польскому королю, который, подъ вліяніемъ своего любимца, графа Брюлля, согласился предоставить саксонскія войска на защиту императрицы. Самое большое затрудненіе было со стороны Франціи. Соединеніе домовъ Бурбонскаго и Габсбургскаго для какой нибудь общей цѣли, по выраженію Фридриха, долго считалось такъ же невозможнымъ, какъ соединеніе огня и воды. Вся европейская исторія, въ теченіе трети столѣтія, состояла исключительно изъ обоюдной зависти и вражды между Франціей и Австріей. Со времени правленія Ришелье, политика христіаннѣйшаго короля состояла въ томъ, чтобы при всякомъ удобномъ случаѣ мѣшать Вѣнскому двору и принимать подъ свое покровительство всякую отдѣльную часть Германіи, которая возставала противъ диктаторства цезарей. Одинаковость религіи не могла смягчить этой политической антипатіи. Несмотря на то, что французскіе государи облекались въ римскій пурпуръ и преслѣдовали еретиковъ ла-рошельскихъ и оверисскихъ, они благосклонно глядѣли на германскихъ князей, лютеранъ и кальвинистовъ, которые возмущались противъ власти императоровъ. Если бы французскіе министры уважали старинныя правила, которыми руководствовались многія поколѣнія, то они должны были бы дѣйствовать въ отношеніи къ Фридриху такъ же точно, какъ дѣйствовали въ отношеніи къ Густаву-Адольфу. Смертная вражда между Пруссіей и Австріей была уже достаточной причиной для дружбы между Франціей и Пруссіей. Съ Франціей Фридрихъ никогда не могъ имѣть серьезнаго спора. Владѣнія его были такъ расположены, что какъ ни было велико его честолюбіе, но оно не могло его увлечь къ нападенію безъ достаточной причины. Онъ былъ болѣе, чѣмъ на половину французъ, писалъ и говорилъ не иначе, какъ по французски; любилъ французское общество; одобреніе французовъ считалъ онъ высшей наградой за свои дѣла. Казалось невѣроятнымъ, чтобы французское правительство, какъ бы оно ни было легкомысленно и ослѣплено, лишило бы себя такого союзника.

Но Вѣнскій дворъ не отчаявался. Австрійскіе дипломаты приняли новую политическую систему, которая, правду сказать, была довольно притворна. Великія державы, вслѣдствіе этой теоріи, долго находились въ заблужденіи. Они взаимно смотрѣли другъ на друга,

какъ на естественныхъ враговъ, между тѣмъ какъ на дѣлѣ они были естественными союзниками. Рядъ кровавыхъ войнъ опустошилъ Европу, уменьшилъ народонаселеніе, истощилъ средства къ полученію доходовъ, обременилъ правительства долгами; и когда послѣ двухъ сотъ лѣтъ убійственной вражды или обманчивой тишины, знаменитые дома, ссоры которыхъ волновали всю вселенную, принимались считать свой выигрышъ,—на сколько тогда простиралась съ той или другой стороны чистая прибыль? Вся прибыль состояла въ томъ, что они взаимно удерживали себя отъ приращенія. Не французскій король и не императоръ собрали плоды тридцатилѣтней войны, или войны за прагматическую санкцію. Плоды эти были собраны державами втораго или третьяго разряда, державами, которыя незначительностью своею защищены были отъ зависти, и которыя искуснымъ образомъ распространили свои предѣлы, между тѣмъ какъ дѣлали видъ, будто бы служили ожесточенію большихъ христіанскихъ государствъ. Между тѣмъ, какъ левъ и тигръ дрались, шакалъ уносилъ добычу. Тридцатилѣтняя война принесла пользу не Франціи и не Австріи, а Швеціи. Война за прагматическую санкцію также была выгодна не для Франціи или Австріи, а для Бранденбурга. Франція, употребивъ огромныя усилія, значительно увеличила и свою военную славу и свои налоги; но съ какою цѣлью? единственно для того, чтобы ввести Фридриха во владѣніе Силезіею. Для этого, цѣлая французская армія погибла въ Богеміи, истребленная голодомъ и оружіемъ; и Фридрихъ заставилъ Францію заплатить потоками благороднѣйшей крови, за безполезную славу фонтенейскую. И хоть бы государь, ради котораго Франція столько претерпѣла, былъ по крайней мѣрѣ благородный и надежный союзникъ! Но не показалъ ли онъ себя такимъ же вѣроломнымъ противъ Версальскаго двора, какъ и противъ Вѣнскаго? Не игралъ ли онъ, только въ большемъ размѣрѣ, роль, которую играютъ въ частной жизни люди, подстрекающіе къ ссорѣ своихъ сосѣдей, вводящіе ихъ въ дорогіе, безконечные процессы и постоянно обманывающіе то одного, то другаго, находясь въ той увѣренности, что сами они обогатятся, кто бы ни разорился? Очевидно, что великія державы поступили бы истинно мудро, если бъ соединенными силами напали на этого общаго врага, который, возбуждая страсти противниковъ, обѣщая служить каждому изъ нихъ и каждаго обманывая, самъ между тѣмъ становился выше того мѣста, для котораго былъ рожденъ. Главною цѣлью Австріи было возвратить Силезію, главною цѣлью Франціи—расширить свои предѣлы со стороны Фландріи. Если бъ они пристали къ противоположнымъ партіямъ, то, вѣроятно, послѣ продол-

жительной войны, въ которой погибли бы тысячи человѣкъ и огромныя суммы денегъ, они принуждены были бы сложить оружіе, не достигнувъ своей цѣли; но если бы они соединились, то достигли бы своихъ цѣлей безъ труда и опасностей. Австрія, вѣроятно, согласилась бы на такія уступки въ Бельгіи, какихъ Франція не могла ожидать даже послѣ десяти побѣдъ. Съ другой стороны Силезія легко могла быть возвращена тому государству, которому она столько времени принадлежала. Соединеніе такихъ могущественныхъ державъ съ разу напугало бы прусскаго короля. Если бъ онъ и рѣшился сопротивляться, то непродолжительный походъ немедленно рѣшилъ бы его участь. Франція и Австрія, привыкшія съ нѣкотораго времени къ потерямъ въ войнѣ, вышли бъ теперь въ первый разъ побѣдительницами. Между ними не могла бы зародиться зависть. Могущество ихъ увеличилось бы въ одно время, равновѣсіе удержалось бы, а пострадалъ бы только своевольный и несправедливый зачинщикъ, который не заслуживалъ пощады ни съ той, ни съ другой стороны.

Это ученіе, привлекательное по своей новости и откровенности, скоро вошло въ моду въ парижскихъ вечернихъ собраніяхъ и кофейняхъ. Объ немъ толковалъ тотъ веселый маркизъ и остроумный аббатъ, который допускался къ мадамъ де-Помпадуръ, когда она чесала и пудрила себѣ волосы. Но странная коалиція между Франціей и Австріей произошла не вслѣдствіе одной политической теоріи. Истинныя причины, побудившія два великія государства забыть свою давнюю враждебность и измѣнить своимъ правительственнымъ правиламъ, состояли въ личной ненависти къ прусскому королю. Это чувство сильнѣе проявлялось въ Маріи-Терезіи, но было не въ ней одной. Фридрихъ во многихъ отношеніяхъ былъ хорошимъ государемъ для своихъ подданныхъ, но въ полномъ смыслѣ слова былъ дурнымъ сосѣдомъ. Не неуступчивость и привязчивость въ спорныхъ вопросахъ дѣлали его въ такой степени ненавистнымъ. Его насмѣшливыя и горькія слова наносили раны тяжелѣе, чѣмъ его честолюбіе. Какъ остроумецъ, онъ былъ еще болѣе неосмотрителенъ, чѣмъ какъ государь. Его перу приписывали сатирическіе стихи противъ всѣхъ государей и министровъ Европы. Въ письмахъ своихъ и разговорахъ онъ позволялъ себѣ намекать на важнѣйшихъ государей того времени въ такихъ выраженіяхъ, которыя гораздо лучше шли бы къ Колло въ перебранкѣ съ молодымъ Кребильономъ за столомъ Пелletье, нежели къ государю, говорящему о другихъ государяхъ. О женщинахъ онъ имѣлъ привычку выражаться такъ, что самая кроткая изъ нихъ никогда бы не простила ему; а къ несчастію въ это время почти вся Европа управ-

лялась женщинами, которыя вовсе не отличались кротостью. Даже сама Марія-Терезія не избѣгла его двусмысленныхъ шуточекъ. Маркизѣ де-Помпадуръ, которая была истинною главою французскаго правительства, онъ наносилъ самыя тяжкія оскорбленія. Она пыталась-было привлечь на свою сторону прусскаго короля, посредствомъ самой тонкой лести; но въ замѣнъ всѣхъ своихъ посланій получала только сухіе и саркастическіе отвѣты. Совершенно другимъ образомъ поступила императрица-королева. Хотя она была самою гордою изъ государынь и женщиною самой строгой нравственности, но жажда мести заставила ее забыть и достоинство своего происхожденія, и чистоту своего характера. Она рѣшилась польстить безнравственной и рожденной въ низкомъ сословіи любовницѣ французскаго короля, которая достигши своего вліянія посредствомъ собственнаго паденія, поддерживала его паденіемъ другихъ. Марія-Терезія дѣйствительно написала собственной рукой письмо, наполненное выраженіями дружбы и уваженія, дочери мясника Пуасона, женѣ сборщика податей Детіоля, развратной женщинѣ, продававшей молодыхъ дѣвушекъ для гарема стараго сластолюбца. Куртизанка, вполнѣ очарованная этимъ письмомъ, легко склонила на свою сторону Людовика, который также былъ обиженъ Фридрихомъ. Французскій король не умѣлъ слишкомъ живо чувствовать; но презрѣніе, по словамъ восточной пословицы, проникаетъ даже сквозь чешую черепахи, а Фридриха никогда не могли удержать ни благоразуміе, ни приличіе, отъ выраженій его безмѣрнаго презрѣнія къ лѣности и безразсудству Людовика. Такимъ образомъ Франція вступила въ коалицію, и примѣръ ея опредѣлилъ поведеніе Швеціи, которая тогда находилась вполнѣ подъ французскимъ вліяніемъ.

Враги Фридриха были, безъ сомнѣнія, довольно могущественны, чтобъ напасть на него открытой силой. Но ко всѣмъ своимъ выгодамъ они хотѣли еще прибавить выгоду нечаянности, а Фридрихъ былъ не такой человѣкъ, котораго можно бы было застать врасплохъ. При каждомъ дворѣ у него были услужливые господа, извѣщавшіе его обо всемъ; и онъ получилъ изъ Вѣны, Дрездена и Парижа такія обстоятельныя и согласныя извѣстія, что не могъ сомнѣваться въ угрожающей ему опасности. Король узналъ, что Франція, Австрія, Россія, Саксонія, Швеція и Германія должны въ одно и тоже время напасть на него, что большую часть его владѣній враги предположили раздѣлить между собою, что Франція, которая по своему географическому положенію не могла принимать непосредственнаго участія въ дѣлежѣ, будетъ вознаграждена нидерландскими землями, Австрія получитъ Силезію, Россія восточную Прус-

сію, Августъ Саксонскій разсчитываетъ на Магдебургъ, а Швеція благосклонно довольствуется частью Помераніи. Если бъ эти планы удались, то Бранденбургскій домъ съ разу упалъ бы до такаго положенія въ системѣ европейскихъ государствъ, какое занимаютъ теперь герцоги Виртембергскіе или маркграфы Баденскіе.

А какая была надежда на то, что эти планы рушатся? Еще никогда не было такого мощнаго союза континентальныхъ державъ. Лига, въ одну недѣлю завоевавшая всѣ провинціи Венеціи, была слабѣе, а Венеція въ то время стояла на высшей степени могущества, богатства и славы. Менѣе сильная лига усмирила гордаго Людовика. Даже въ наше время, менѣе страшная лига побѣдила еще болѣе могущественное государство и унизила еще болѣе гордое имя. Никогда еще воюющія стороны не представляли столь неравныхъ силъ. У Фридриха было не болѣе пяти мильоновъ подданныхъ; а населеніе враждебныхъ ему странъ доходило до ста мильоновъ. Разница въ богатствѣ была, по меньшей мѣрѣ, такъ же велика. Маленькія общины, воодушевленныя честнымъ патріотизмомъ, часто успѣшно воевали противъ большихъ государствъ, внутренно ослабленныхъ раздорами партій. Но королевство Фридриха, какъ оно ни было мало, заключало въ себѣ сравнительно болѣе недовольныхъ всякаго рода, чѣмъ всѣ противныя ему государства. Силезія составляла четвертую часть его владѣній, а отъ силезцевъ, привыкшихъ къ австрійскимъ государямъ, онъ могъ ожидать только равнодушія, отъ католиковъ же силезскихъ. долженъ былъ разсчитывать даже на сопротивленіе.

Нѣкоторыя государства могли успѣшно защищаться противъ болѣе могущественныхъ противниковъ, благодаря своему географическому положенію. Море много разъ защищало Англію отъ ярости цѣлаго континента. Венеціанское правительство, потерявши всѣ свои континентальныя владѣнія, еще могло противиться камбрэйскимъ союзникамъ въ самой Венеціи, защищенной лагунами. Многія большія и хорошо вооруженныя арміи, которыя смотрѣли на швейцарцевъ, какъ на легкую добычу, погибали въ альпійскихъ проходахъ. Но Фридрихъ не пользовался такими выгодами: его далеко раскинутыя и разрозненныя владѣнія, какъ будто нарочно имѣли такой видъ, который былъ наиболѣе удобенъ для нападающихъ. Пруссія не была защищена ни моремъ, ни горами. Ни одна изъ ея границъ не отстояла дальше недѣльнаго перехода отъ непріятелей. Даже столица, въ случаѣ войны, всегда была бы подвержена нападенію. Въ самомъ дѣлѣ, едва ли существовалъ въ Европѣ политикъ или воинъ, который сомнѣвался бы въ томъ, что черезъ

[illegible] этой союзной [illegible] свое дѣло [illegible] Бранденбургскаго дома.

Самъ Фридрихъ былъ такого же мнѣнія. Онъ уже приготовлялся къ своему собственному паденію и къ паденію своего семейства. И все-таки существовало еще одно средство, одно слабое средство къ спасенію. Владѣнія Фридриха были, по крайней мѣрѣ, сосредоточены въ одномъ мѣстѣ. Между тѣмъ враги его были раздѣлены другъ отъ друга, и не могли соединить свои силы въ одномъ пунктѣ. Они жили въ различныхъ поясахъ, и части года, которыя однимъ представляли удобства для военныхъ дѣйствій, для другихъ, напротивъ, были совершенно неблагопріятны. Кромѣ того, Прусская монархія была свободна отъ извѣстныхъ немощей, находящихся у гораздо обширнѣйшихъ и важнѣйшихъ государствъ. Истинную силу ея, въ отчаянной борьбѣ, нельзя было измѣрять по числу квадратныхъ миль и по величинѣ населенія. Въ этомъ худомъ, но закаленномъ и хорошо испытанномъ тѣлѣ, не было ничего, кромѣ жилъ, мускуловъ и костей. Не было государственныхъ заимодавцевъ, которые надѣялись бы на дивидендъ. Не было отдаленныхъ колоній, требовавшихъ защиты. Не было льстецовъ и любимцевъ, поглощавшихъ жалованье пятнадцати баталіоновъ. Прусская армія была гораздо менѣе соединенныхъ армій своихъ противниковъ, но относительно къ величинѣ владѣній была несравненно больше. Кромѣ того, будучи необыкновенно хорошо обучена и управляема, она привыкла повиноваться и побѣждать. Доходы не только не были обременены никакими долгами, но даже превышали обыкновенные расходы въ мирное время. Изъ всѣхъ европейскихъ государей, Фридрихъ былъ единственный, отложившій часть своихъ доходовъ на черный день. Онъ былъ одинъ, а враговъ его было много. Въ ихъ лагерѣ непремѣнно должны были вселиться зависть и различіе мнѣній, неразлучныя съ коалиціями; а на его сторонѣ были энергія, единство и диктаторство. Недостатокъ военныхъ средствъ замѣнялся, въ нѣкоторой степени, военнымъ искусствомъ. Королевская армія, при всей своей малости, въ сравненіи съ 600-тысячнымъ войскомъ, которое могли выставить въ поле союзники, вознаграждала скоростью движеній недостатокъ силъ. Весьма возможно было, что геній Фридриха, соединенный съ рѣшительностью и счастіемъ, могъ заставить прусскую армію выдержать одинъ или два похода; даже мѣсяцъ выигрыша былъ чрезвычайно важенъ. Въ самомъ непродолжительномъ времени необходимо должны были выказаться ошибки, всегда происходящія при союзахъ. Всякій членъ лиги считалъ бы свое участіе въ войнѣ слишкомъ важнымъ, а свою добычу — слишкомъ незначительною.

Въ жалобахъ и обвиненіяхъ не могло быть недостатка. Можетъ быть, турки зашевелились бы у Дуная; можетъ быть, государственные люди Франціи открыли бы ошибку, которую они сдѣлали, отступивъ отъ основныхъ правилъ всей своей національной политики. Притомъ же, чья нибудь смерть могла освободить Пруссію отъ опаснѣйшихъ ея враговъ. Война была слѣдствіемъ нерасположенія, которое три или четыре государя питали къ Фридриху: кончина того или другаго изъ нихъ могла произвести совершенный переворотъ въ тогдашнемъ состояніи Европы.

Среди этого темнаго и бурнаго горизонта, Фридрихъ различалъ свѣтлую точку. Со времени мира между Англіей и Франціей въ 1748 году, въ Европѣ было не болѣе какъ перемиріе, а въ другихъ частяхъ свѣта и того не было. Въ Индіи происходилъ великій споръ о владычествѣ надъ Карнатикой; съ одной стороны взятъ былъ фортъ св. Георгія, а съ другой — Пондишери, и, въ продолженіи цѣлаго ряда сраженій и осадъ, войска Лоуренса и Клейва сражались съ войскомъ Дюплейкса. Война, менѣе важная своими послѣдствіями, но способная произвести ожесточеніе, велена была между французскими и англійскими авантюристами, которые, на берегу Гвинеи, вели торговлю неграми и собирали золотой песокъ. Зависть и ненависть обоихъ народовъ болѣе, нежели гдѣ-либо выказывались въ Сѣверной Америкѣ. Французы, посредствомъ цѣпи военныхъ станцій, тянувшейся отъ Великаго Океана до устья Миссисипи, хотѣли установить преграду для англійскихъ колонистовъ. Англичане взялись за оружіе. Дикіе туземцы появились въ обѣихъ странахъ, смѣшанные съ бѣлыми людьми. Произошли сраженія, фортъ взятъ былъ штурмомъ. Нужно прибавить ко всему этому ужасные разсказы о людяхъ, посаженныхъ на колъ и скальпированныхъ; они еще болѣе разлували національную вражду, порожденную соперничествомъ цѣлыхъ поколѣній. Въ несогласіяхъ между Франціей и Англіей произошелъ кризисъ, именно тогда, какъ гроза, висѣвшая надъ Пруссіей, готова была разразиться. Пристрастіе и интересы заставили бы Фридриха взять сторону Бурбоновъ, если бы только выборъ былъ на его сторонѣ. Но безразсудство Версальскаго двора принудило его поступить иначе. Франція была орудіемъ Австріи, и Фридрихъ рѣшился сдѣлаться союзникомъ Англіи. Онъ, конечно, не могъ и думать, чтобы страна, которая содержала флотъ на всѣхъ моряхъ, которая въ одно время вела войну въ Гангѣ и на Огіо, могла высадить въ Германію значительное войско. Но Англія, хотя и бѣдная въ сравненіи съ нынѣшней Англіей, была и въ то время богата въ сравненіи со всѣми прочими государствами Европы. Сумма ея доходовъ, съ прибавленіемъ вспо-

могательныхъ средствъ, которыя доставлялъ ей сильный кредитъ приводила въ удивленіе всѣхъ политиковъ тогдашняго времени, хотя она и покажется маловажною поколѣнію, видѣвшему, какъ въ одинъ годъ издержано было 130,000,000. Весьма незначительная часть ея богатствъ, употребленная умнымъ и бережливымъ государемъ, въ странѣ, гдѣ цѣны были невысоки, могла служить къ устройству и содержанію сильной арміи.

Вотъ положеніе, въ которое поставилъ себя Фридрихъ. Онъ понималъ, какъ оно опасно, но видѣлъ также, что есть слабое средство къ спасенію и съ мудрою отвагою рѣшился нанести первый ударъ. Въ августѣ 1756 года, началась семилѣтняя война. Король потребовалъ у императрицы рѣшительнаго объясненія насчетъ ея видовъ, и объявилъ, что отказъ ея будетъ принятъ за рѣшительное объявленіе войны. «Я не хочу получить въ отвѣтъ загадочное безмолвіе», говорилъ онъ, и все-таки получилъ гордый и рѣшительный отказъ. Тотчасъ же курфиршество Саксонское наводнено было 60-ти тысячнымъ прусскимъ войскомъ. Августъ съ своей арміей утвердился въ Пирнѣ. Польская королева была въ то время въ Дрезденѣ. Главною цѣлью Фридриха было овладѣть государственнымъ архивомъ; такъ какъ хранившіяся тамъ бумаги могли служить вѣрнымъ доказательствомъ того, что онъ, хотя и казался зачинщикомъ, но на дѣлѣ былъ не болѣе, какъ защитникомъ собственныхъ владѣній. Королева польская, которая не хуже Фридриха понимала важность бумагъ, велѣла ихъ собрать и спрятала у себя въ спальнѣ; она уже собиралась отослать ихъ въ Варшаву, какъ вдругъ явился предъ нею прусскій офицеръ. Въ надеждѣ, что онъ не осмѣлится оскорбить ее, женщину, королеву, дочь императора и тещу дофина, она стала передъ ящикомъ и, наконецъ, сѣла на него. Но сопротивленіе было напрасно. Бумаги переданы были Фридриху, который не ошибся, надѣясь, что найдетъ въ нихъ болѣе, нежели необходимыя свѣдѣнія о планахъ коалиціи. Важнѣйшія документы тотчасъ же были обнародованы, и послѣдствія этого обнародованія были чрезвычайно важны. Очевидно, что сколько бы ни былъ виновенъ въ войнѣ король прусскій, но теперь онъ былъ обиженъ и старался предотвратить такой планъ, которымъ хотѣли уничтожить его могущество.

Саксонскій лагерь въ Пирнѣ, былъ, между тѣмъ, запертъ со всѣхъ сторонъ; но осажденные все еще не отчаявались въ спасеніи.

Сильная австрійская армія, подъ начальствомъ маршала Броуна, должна была перейти тѣснины, отдѣлявшія Саксонію отъ Богеміи. Фридрихъ оставилъ при Пирнѣ довольно значительное войско,

чтобъ держать Саксонію въ страхѣ, а самъ между тѣмъ поспѣшилъ въ Богемію, встрѣтилъ Броуна при Ловозицѣ и разбилъ его. Сраженіе это рѣшило судьбу Саксоніи. Августъ съ любимцемъ своимъ Брюллемъ бѣжалъ въ Польшу. Вся армія курфиршества сдалась на капитуляцію, и съ этого времени до самаго окончанія войны Фридрихъ смотрѣлъ на Саксонію, какъ на часть своихъ владѣній. Саксонія была въ его власти, такъже точно, какъ Бранденбургія; но о благосостояніи ея онъ гораздо менѣе заботился, нежели о благосостояніи Бранденбургіи. Поэтому въ покоренной провинціи онъ, съ гораздо большею суровостью формировалъ войско и забиралъ подати и налоги, нежели въ другихъ частяхъ своего государства. 17 тысячъ человѣкъ, находившихся въ Пирнѣ, онъ силою и убѣжденіемъ заставилъ служить подъ своими знаменами. Такимъ образомъ, черезъ нѣсколько недѣль послѣ начатія военныхъ дѣйствій, одинъ изъ враговъ Фридриха былъ уже обезоруженъ и военныя силы его обращены противъ союзниковъ. Зима положила конецъ битвамъ. Все до того времени шло какъ нельзя лучше. Но война еще не достигла всей своей силы. Можно было предвидѣть, что 1757 годъ заставитъ Европу долго вспоминать о себѣ.

Планъ короля былъ простъ, смѣлъ и хорошо обдуманъ. Герцогъ кумберландскій, стоявшій въ западной Германіи съ англійскимъ и ганноверскимъ войскомъ, казалось, въ состояніи былъ удержать французовъ отъ нападенія на Пруссію. Русскіе, удерживаемые сильнымъ снѣгомъ, не могли принять участія въ войнѣ до наступленія весны. Саксонія была окончательно во власти Фридриха. Швеція не могла сдѣлать ничего особеннаго. Фридрихъ расчитывалъ, что въ продолженіе двухъ или трехъ мѣсяцовъ, онъ будетъ имѣть дѣло съ одной только Австріей. И такъ, хотя перевѣсъ силъ, даже и въ этомъ случаѣ, не былъ на его сторонѣ, но искусство и смѣлость предотвращали еще большія опасности. Въ началѣ 1757 года прусскія войска въ Саксоніи начали приходить въ движеніе. Черезъ четыре горныхъ прохода они перешли въ Богемію. Фридрихъ хотѣлъ овладѣть сперва Прагой, а за тѣмъ, вѣроятно, и самой Вѣной. У Праги расположился Маршалъ Броунъ съ значительною арміей. Даунъ, осторожнѣйшій и счастливѣйшій изъ австрійскихъ полководцевъ, приближался съ другою арміей. Фридрихъ рѣшился разбить Броуна прежде нежели подоспѣетъ Даунъ. 6-го мая, подъ тѣми же стѣнами, которыя 130 лѣтъ тому назадъ были свидѣтелями побѣды католической лиги и бѣгства несчастнаго пфальцграфа, произошло сраженіе, непмѣвшее себѣ подобнаго во все время отъ битвы при Мальплакэ до Прейсишъ-Эйлаускаго побоища. Король и принцъ Фердинандъ Брауншвейг-

скій равно отличились храбростью въ этотъ знаменитый день. Но болѣе всѣхъ прославился Шверинъ. Когда прусская пѣхота начала колебаться, неустрашимый маршалъ сорвалъ знамя съ древка и, махая имъ по воздуху, повелъ опять свои полки впередъ. Такимъ образомъ, 72-хъ лѣтъ, онъ погибъ въ самомъ пылу сраженія, держа въ рукахъ своихъ знамя съ изображеніемъ чернаго орла на серебряномъ полѣ. Побѣда осталась за королемъ, но дорого стоила ему. Цѣлые ряды его храбрыхъ воиновъ пали. Онъ говоритъ, что потеря доходила до 18 т. человѣкъ. Со стороны непріятеля 24 т. человѣкъ было убито, ранено или взято въ плѣнъ.

Часть побѣжденной арміи заперлась въ Прагѣ. Другая часть бѣжала, чтобы присоединиться къ войскамъ Дауна, находившагося въ весьма недалекомъ разстояніи. Фридрихъ рѣшился сдѣлать тоже, что такъ хорошо удалось ему при Ловозицѣ. Онъ оставилъ сильный отрядъ для осады Праги, а самъ съ 30-тысячною арміей двинулся противъ Дауна. Осторожный маршалъ хотя и командовалъ гораздо сильнѣйшимъ войскомъ, не хотѣлъ ничѣмъ рисковать. Онъ занялъ при Коллинѣ почти неприступную позицію и ожидалъ тамъ нападенія короля.

Это было 18-го іюня, день, о которомъ можно было бы сказать, что онъ посвященъ Немезидѣ, если бы суевѣріе Грековъ сохранило свое вліяніе и въ наше время,—день, въ продолженіе котораго въ новѣйшее время два великіе государя горькимъ опытомъ научены были, что ни искусство, ни храбрость не могутъ наложить оковъ на непостоянство счастія. Битва началась раньше полудня и часть прусскаго войска сражалась до самаго захожденія лѣтняго солнца. Но наконецъ король убѣдился, что войска его, неоднократно отбитыя съ огромнымъ урономъ, не могли долѣе производить нападеніе. Съ трудомъ убѣдили его оставить поле сраженія. Офицеры прусскаго королевскаго штаба принуждены были съ нимъ спорить и одинъ изъ нихъ имѣлъ смѣлость сказать ему: «Ваше Величество желаете, вѣроятно, одни взять батареи!» Тринадцать тысячъ самыхъ храбрыхъ воиновъ пали. Ему не оставалось ничего болѣе, какъ въ порядкѣ отступить, снять осаду Праги и какъ можно скорѣе очистить Богемію. Этимъ сраженіемъ, казалось, должно было все кончиться. Въ началѣ войны положеніе Фридриха было таково, что, по всѣмъ вѣроятіямъ, только непрерывное счастіе могло избавить его отъ погибели. И теперь, почти въ началѣ военныхъ дѣйствій, онъ потерпѣлъ такое пораженіе, которое даже при равныхъ силахъ могло бы считаться гибельнымъ. Прежде вся Европа удивлялась его арміи. Во все время его правленія прусскія войска всегда одерживали верхъ надъ австрійскими. А теперь слава прусской арміи исчезла. Всѣ тѣ,

которые оскорблены были сарказмами Фридриха спѣшили отомстить за нихъ насмѣшками надъ насмѣшникомъ. Солдаты перестали вѣрить его счастливой звѣздѣ. Въ каждой части лагеря всѣ приказанія короля были подвергаемы критикѣ. Въ самомъ семействѣ у Фридриха былъ поноситель. Ближайшій къ нему, братъ его Вильгельмъ, наслѣдникъ престола, прадѣдъ нынѣ существующаго короля, не могъ не сожалѣть о своей собственной участи и объ участи дома Гогенцоллерновъ, прежде великаго и счастливаго, теперь же вошедшаго въ пословицу, благодаря ненасытному властолюбію его главы. Эти жалобы и нѣкоторые промахи Вильгельма при отступленіи изъ Богеміи раздражили неумолимаго короля, и рѣзкими выговорами онъ растерзалъ сердце своего брата, который оставилъ войско и удалился въ деревню, гдѣ вскорѣ умеръ отъ стыда и досады.

Казалось, что положеніе короля не могло быть хуже. А между тѣмъ его ожидалъ новый ударъ, ужасный не менѣе Коллинскаго пораженія. Французы, подъ начальствомъ маршала д'Эстрэ, вторглись въ Германію. Герцогъ кумберландскій далъ имъ сраженіе при Гастэмбокѣ и былъ разбитъ. Чтобы избавить курфиршество Ганноверское отъ совершеннаго покоренія, онъ рѣшился заключить съ французскими генералами при монастырѣ Сефенъ условіе, давшее имъ возможность обратить оружіе на прусскія владѣнія.

Къ довершенію несчастій Фридриха, въ это же самое время онъ потерялъ свою мать; и, кажется, это горе поразило его глубже, нежели можно было ожидать отъ его чорствaго и нечувствительнаго характера. Въ самомъ дѣлѣ, вытерпѣнныя несчастія запали у него глубоко въ сердце. Щеки его впали, весь онъ такъ исхудалъ, что, возвращаясь изъ Богеміи, при проѣздѣ черезъ Лейпцигъ едва былъ узнанъ народомъ. Сонъ его былъ безпокоенъ, часто невольныя слезы выступали на глазахъ его, и гробъ казался ему лучшимъ убѣжищемъ отъ бѣдствій и стыда. Онъ принялъ твердое намѣреніе не отдаваться живымъ въ руки побѣдителей и никогда не заключать мира, по которому Пруссія сошла бы съ своего тогдашняго положенія въ ряду европейскихъ державъ. Ему не оставалось другаго средства къ избавленію, кромѣ могилы; и послѣ долгаго размышленія онъ выбралъ себѣ даже родъ смерти: постоянно носилъ съ собой небольшую стклянку съ сильнымъ ядомъ и не скрывалъ этого отъ тѣхъ немногихъ приближенныхъ, которымъ вполнѣ довѣрялъ.

Но мы имѣли бы весьма слабое понятіе о тогдашнемъ душевномъ состояніи Фридриха; если бы оставили безъ вниманія тѣ странныя его особенности, которыя были въ такомъ рѣзкомъ разладѣ съ его строгостью и энергіей. Трудно сказать, что преобладало въ

тогдашней роли короля: трагическое или комическое. Среди неблагопріятныхъ обстоятельствъ, окружавшихъ его, страсть къ сочиненію весьма плохихъ стиховъ развивалась въ немъ все болѣе и болѣе. Окруженный врагами, съ отчаяніемъ въ сердцѣ, съ ядовитыми пилюлями въ карманѣ, онъ, все-таки, производилъ на свѣтъ сотни стихотвореній, полныхъ жолчной ненависти. Забавно сравнить то, что онъ писалъ, съ тѣмъ, что онъ дѣлалъ въ послѣдніе мѣсяцы 1757 года. Сомнительно, можетъ ли такая же непродолжительная часть жизни Аннибала, Цезаря или Наполеона, сравниться съ этимъ краткимъ періодомъ, самымъ блестящимъ въ исторіи Пруссіи и въ исторіи Фридриха. И между тѣмъ непродолжительный досугъ короля былъ все-таки посвященъ произведенію одъ и посланій, крайне плохихъ. Въ этихъ виршахъ кое-гдѣ проглядываетъ чувство, достойное быть написаннымъ прозой, но это чувство гибнетъ среди Прометеевъ и Орфеевъ, Элизіумовъ и Ахероновъ, тоскующихъ филомелъ, маковыхъ кустовъ Морфея и прочей старинной дребедени. Это чувство похоже на платье, которое гордая красавица даритъ своей горничной: геніи давно уступили его посредственности.

Мы не знаемъ другаго такого страннаго примѣра силы и слабости человѣческой природы, какъ въ этомъ гордомъ, рѣшительномъ, проницательномъ государѣ-писателѣ, полу-Митридатѣ и полу-Трессотинѣ, который сражается противъ всей Европы и въ одномъ карманѣ держитъ унцію яду, а въ другомъ пукъ своихъ дрянныхъ виршей. Фридрихъ, незадолго до этого времени, сдѣлалъ нѣсколько попытокъ къ примиренію съ Вольтеромъ и они обмѣнялись нѣсколькими вѣжливыми письмами. Послѣ Коллинскаго сраженія, переписка ихъ, повидимому, сдѣлалась дружественнѣе и откровеннѣе. Мы не знаемъ собранія писемъ, которое проливало бы болѣе яркій свѣтъ на человѣческую природу, какъ письма этихъ странныхъ существъ, послѣ того, какъ оба они простили другъ другу. Оба они чувствовали, что ссора между ними уронила ихъ въ общественномъ мнѣніи. Они удивлялись другъ другу, и нуждались другъ въ другѣ. Великій государь хотѣлъ увѣковѣчить свое имя посредствомъ дружбы съ великимъ писателемъ. Великій писатель чувствовалъ себя гораздо выше, когда видѣлъ благоговѣніе великаго государя передъ собою. А между тѣмъ раны, которыя они нанесли другъ другу, были слишкомъ глубоки, и не могли совершенно исцѣлиться. Не только оставался шрамъ, но и самыя раны часто открывались и гноились. Письма ихъ, большею частью, состояли въ комплиментахъ, въ благодареніяхъ, въ предложеніяхъ услугъ, въ увѣреніяхъ дружбы. Но, когда король вспоминалъ одну изъ злыхъ шутокъ, которыя Воль-

теръ позволялъ себѣ на его счетъ, то, между лестью, прокрадывались слова недоброжелательства и ненависти. Гораздо хуже было, если Вольтеръ вспоминалъ оскорбленія, нанесенныя ему и его племянницѣ во Франкфуртѣ. Тотчасъ похвалы его прерывались и давали мѣсто самымъ горькимъ упрекамъ. «Помните ли вы обращеніе ваше со мной? Черезъ васъ я лишился милости своего государя. Черезъ васъ я теперь изгнанъ изъ отечества. Я любилъ васъ. Я на васъ полагался. Лучшею мечтой моей было окончить жизнь свою при васъ. И что было моей наградой? Вы лишили меня всего того, чѣмъ прежде одарили: камергерскаго ключа, ордена, пенсіона; я принужденъ былъ бѣжать изъ вашихъ владѣній. Вы меня преслѣдовали, какъ преслѣдовали бы дезертира одного изъ вашихъ гренадерскихъ полковъ. Меня заперли, оскорбили, ограбили. Племянницу мою влачили по франкфуртской грязи; какъ будто бы она составляла часть вашего обоза. У васъ есть талантъ. У васъ есть превосходныя качества, но есть и ненавистные пороки. Вы радуетесь униженію вашихъ ближнихъ. Вы обезславили имя философа. Король отвѣчалъ ему съ меньшимъ жаромъ, но съ равною грубостью. «Вы знаете, что вы вели себя въ Пруссіи самымъ постыднымъ образомъ. Счастіе для васъ, что вы имѣли дѣло съ человѣкомъ, столь снисходительнымъ, къ слабостямъ генія, какъ я. Вы заслуживали того, чтобы я познакомилъ васъ со внутренностью тюрьмы. Ваши таланты не превосходятъ вашей неблагонадежности и злости. Самый гробъ не полагаетъ предѣловъ вашей ненависти. Мопертюи уже умеръ, но вы все-таки продолжаете злословить его и смѣяться надъ нимъ, какъ будто бы при жизни его вы не надѣлали ему достаточно бѣдъ. Перестаньте объ этомъ. Но прежде всего оставьте меня въ покоѣ съ вашей племянницей. Имя ея наскучаетъ мнѣ до смерти. Я могу сносить ваши недостатки ради вашихъ заслугъ; но она не написала ни Магомета, ни Меропы.»

Письма такого рода, казалось должны были прекратить всякія дружескія отношенія между королемъ и философомъ. Но на дѣлѣ было не такъ. Когда каждый изъ нихъ высказывалъ все, что у него было на сердцѣ, то оба они дѣлались нѣжнѣе прежняго и мѣнялись комплиментами и увѣреніями въ уваженіи съ видомъ истинной откровенности.

Если они такъ безцеремонно писали другъ другу, то неудивительно, что и въ разговорахъ не слишкомъ стѣснялись. Англійскій посланникъ Митхель, который зналъ, что прусскій король откровенно писалъ Вольтеру о самыхъ важныхъ дѣлахъ, былъ весьма удивленъ, когда услышалъ, что какъ его величество честилъ своего коррес-

понента. Вольтеръ, въ своихъ разговорахъ, еще лучше чествлъ Фридриха.

Вѣроятно, что самъ Вольтеръ пришелъ бы въ затрудненіе, если бы пожелали узнать его истинное мнѣніе о королѣ. Оно составлено было изъ всевозможныхъ чувствованій, начиная отъ вражды до дружбы, отъ ненависти до почитанія, и отношеніе, въ которомъ находились всѣ эти различныя чувствованія, мѣнялось ежеминутно. Старый патріархъ похожъ былъ на избалованное дитя, которое кричитъ, топаетъ ногами, дерется и потомъ черезъ нѣсколько минутъ смѣется, цѣлуется и ласкается. Злоба его противъ короля еще не прошла, но, тѣмъ не менѣе, онъ чувствовалъ симпатію къ своему старому пріятелю. Какъ французъ, онъ желалъ успѣха оружію своего отечества. Какъ философъ онъ сочувствовалъ престолу, на которомъ возсѣдалъ философъ. Съ одной стороны онъ желалъ спасенія Фридриха, съ другой жаждалъ его униженія. Только однимъ путемъ всѣ его противорѣчащія чувства могли примириться. Если бы черезъ посредничество Франціи, Фридрихъ былъ спасенъ, если бы было извѣстно, что онъ этимъ посредничествомъ обязанъ вмѣшательству Вольтера; то это въ самомъ дѣлѣ была бы сладкая месть, которая подобно раскаленнымъ углямъ жгла бы гордое чело короля. Тщеславный и безпокойный поэтъ не считалъ невозможнымъ даровать миръ Европѣ изъ своего убѣжища, вблизи альпійскихъ горъ. Д'Эстре удалился изъ Ганновера, а начальство надъ французскими арміями перешло въ руки герцога де-Ришелье, человѣка, котораго слава была преимущественно основана на любовныхъ успѣхахъ. Въ самомъ дѣлѣ Ришелье былъ замѣчательнѣйшимъ изъ всѣхъ обольстителей по ремеслу, которые служили образцами для героевъ молодаго Кребильона и Ла-Кло. Но теперь герцогу было 60 лѣтъ. Съ отягощеннымъ сердцемъ, съ головой, изъ давна привыкшей думать только о пустякахъ, съ разстроеннымъ тѣломъ, разореннымъ имѣніемъ, и, что хуже всего, съ чрезвычайно краснымъ носомъ, онъ сдѣлался дряхлымъ, легкомысленнымъ и всѣми пренебрегаемымъ старикомъ. Безъ всякихъ способностей, необходимыхъ для предводительства арміей, исключая личной храбрости, которая была принадлежностью всего французскаго дворянства, онъ, ставъ во главѣ ганноверской арміи, грабежемъ и кражей старался привести въ порядокъ свое имѣніе, разстроенное безпечною и расточительною жизнью.

Къ концу своей жизни, герцогъ Ришелье возненавидѣлъ философовъ, какъ секту, не изъ-за тѣхъ сторонъ ихъ, которыя всякій умный и благонамѣренный человѣкъ находитъ дурными, а именно изъ-за всего того, что было въ нихъ хорошаго, изъ-за любви ихъ

къ смѣлымъ изслѣдованіямъ и ненависти къ тѣмъ общественнымъ злоупотребленіямъ, которыхъ самъ онъ былъ представителемъ. Но между тѣмъ, подобно многимъ одинаково съ нимъ мыслящимъ, онъ вычеркнулъ имя Вольтера изъ списка писателей-изгнанниковъ, и часто посылалъ льстивыя посланія въ Ферней. Онъ дѣлалъ философу честь занимать у него деньги и доводилъ свою снисходительную дружбу до того, что забывалъ платить ему проценты. Вольтеръ думалъ, что онъ будетъ въ состояніи сдѣлать герцога и прусскаго короля союзниками. Онъ писалъ къ обоимъ объ этомъ предметѣ и достигъ того, что между ними завязалась переписка.

Фридриху, между тѣмъ, нашлась возможность избавиться совершенно другимъ образомъ. Въ началѣ ноября, сѣти, казалось, были разставлены ему со всѣхъ сторонъ. Русскіе выступили въ поле и распространяли опустошеніе въ восточныхъ провинціяхъ прусскаго королевства; Силезія занята была Австрійцами; съ запада наступала сильная французская армія подъ начальствомъ маршала Субиза, принца, принадлежавшаго къ знаменитому дому Роганъ. Самый Берлинъ былъ взятъ и ограбленъ кроатами. Вотъ каковы были дѣла, изъ которыхъ Фридрихъ со славою выпутался въ продолженіи тридцати дней.

Прежде всего онъ двинулся на встрѣчу къ Субизу. 5 ноября обѣ арміи встрѣтились у Росбаха. Французы были вдвое многочисленнѣе, но худо дисциплинированы; а генералъ ихъ былъ человѣкъ неспособный. Тактика Фридриха и хорошо разсчитанная храбрость прусскихъ войскъ, одержали рѣшительную побѣду. Большая часть войска взята была въ плѣнъ Фридрихомъ,—орудія, знамена, обозъ все попало въ руки побѣдителей. Тѣ, которые избѣжали плѣна, бѣжали въ такомъ-же безпорядкѣ, какъ толпа народа, разогнанная кавалеріей. Оставшись побѣдителемъ на западѣ, король перенесъ оружіе въ Силезію. Казалось, съ этой стороны все было потеряно. Бреслау палъ, и Карлъ Лотарингскій съ значительнымъ войскомъ готовъ былъ защищать провинцію отъ Фридриха. 5 декабря, ровно черезъ мѣсяцъ послѣ Росбахскаго сраженія, король съ 40 т. войскомъ, встрѣтился съ принцомъ Карломъ, подъ начальствомъ котораго было 60 т. человѣкъ, при Лейтенѣ, въ самомъ близкомъ разстояніи отъ Бреслау. Король, обыкновенно считавшій простыхъ солдатъ не болѣе, какъ машиною, въ этотъ великій день, для возбужденія энтузіазма, прибѣгнулъ къ средству, употребленному Наполеономъ при подобныхъ же обстоятельствахъ и увѣнчавшемуся полнымъ успѣхомъ. Старшіе офицеры были собраны. Король привѣтствовалъ ихъ съ силою и жаромъ, и велѣлъ имъ передать его слова подчиненнымъ. Когда войска расположены были въ боевомъ

порядкѣ, они пришли въ бурное волненіе, но волненіе выказывалось въ нихъ, какъ въ серіозномъ народѣ. Колонны двинулись въ аттаку при громѣ барабановъ и звукѣ трубъ, напѣвая древнія церковныя пѣсни. Никогда они такъ хорошо не дрались, и ни въ одномъ случаѣ не выказался такъ блистательно геній ихъ предводителя. «Это сраженіе, сказалъ Наполеонъ», «истинно образцовое». Оно одно можетъ поставить Фридриха въ рядъ величайшихъ полководцевъ. Побѣда была рѣшительная. Двадцать-семь тысячъ австрійцевъ было убито, ранено и взято въ плѣнъ; 15 знаменъ, сто орудій, четыре тысячи возовъ съ поклажей достались въ руки побѣдителей. Бреслау открылъ свои ворота. Силезія была вновь покорена. Карлъ Лотарингскій удалился, и отправился въ Брюссель, чтобы тамъ скрыть свой стыдъ и свою грусть, а Фридрихъ далъ отдохнуть своимъ войскамъ на зимнихъ квартирахъ послѣ кампаніи, которой, по перемѣнамъ счастія, нельзя найти подобной ни въ древней, ни въ новой исторіи.

Слава короля наполняла вселенную. Въ продолженіе послѣдняго года онъ побѣдоносно велъ войну съ тремя державами, изъ которыхъ самая слабая, имѣла, по крайней мѣрѣ, втрое большія средства нежели Пруссія. Во время этой войны произошло четыре сраженія и всякій разъ силы непріятельскія превышали силы прусскихъ войскъ. Три изъ этихъ сраженій были выиграны, а Коллинское пораженіе, не имѣвшее никакихъ послѣдствій, скорѣе увеличило, нежели уменьшило военную славу Фридриха. Лейтенская побѣда до сихъ поръ считается величайшимъ успѣхомъ прусскаго оружія. Конечно, Лейпцигское и Ватерловское сраженія имѣли гораздо важнѣйшіе послѣдствія, но при Лейпцигѣ славу прусскихъ войскъ раздѣляютъ русскіе и австрійцы, а при Ватерлоо — англійская пѣхота несла на себѣ почти всю тягость дѣла. Росбахская побѣда, въ военномъ отношеніи, была менѣе замѣчательна, нежели Лейтенская, потому что французскія войска были совершенно неустроены и сражались подъ начальствомъ совершенно неспособнаго человѣка; но нравственное вліяніе ея было огромное. Всѣ прежнія побѣды Фридриха одержаны были надъ нѣмцами и не могли возбудить національной гордости въ нѣмецкомъ народѣ. Гессенецъ и ганноверецъ не могли радоваться, если слышали, что померане произвели рѣзню между моравами или что саксонскія знамена повѣшены въ берлинскихъ церквахъ. Въ самомъ дѣлѣ, хотя воинскій характеръ нѣмцовъ и славился по всей Европѣ, но они не могли до сихъ поръ гордиться побѣдой, которая была бы обще-германскою Большая часть побѣдъ одержана была ими надъ соотечественниками, и единственныя, блестящія пораженія, нанесены были иностранцамъ подъ начальствомъ принца

Евгенія, который и самъ былъ иностранецъ. Извѣстіе о Росбахской побѣдѣ взволновало кровь народа отъ Альпъ до Балтійскаго моря, и отъ границъ Курляндіи до самой Лотарингіи. Вестфалія и Нижняя Саксонія опустошены были сильнымъ войскомъ непріятелей, которые говорили непонятнымъ, для нѣмцевъ языкомъ и которыхъ своевольные и наглые поступки заслужили общую ненависть. Это сильное войско было разбито небольшимъ нѣмецкимъ войскомъ, подъ предводительствомъ государя, по отцу и по матери нѣмецкой крови, государя, въ которомъ свѣтлые волоса и голубые глаза обнаруживали нѣмца. Ни разу послѣ раздѣленія имперіи Карла Великаго, германскіе народы не одерживали такой рѣшительной побѣды надъ французами. Извѣстіе о ней произвело общій взрывъ радости и гордости во всемъ великомъ поколѣніи, говорящемъ различными нарѣчіями древняго языка Арминія. Слава Фридриха, до извѣстной степени, была вознагражденіемъ за то, что въ Германіи не было общаго правленія и общей столицы. Онъ сдѣлался центромъ соединенія для всѣхъ настоящихъ нѣмцевъ, предметомъ поздравленій для баварцевъ, и вестфальцевъ, для гражданъ Франкфурта и Нюренберга. Тогда только сдѣлалось очевиднымъ, что германцы составляютъ одинъ народъ. Тогда только обнаружился тотъ патріотическій духъ, который въ 1813 году былъ причиной освобожденія средней Европы, который теперь оберегаетъ и долго еще будетъ оберегать рейнскія берега отъ властолюбія чужестранцевъ. Но послѣдствія этого знаменитаго дня были важны не въ одномъ только политическомъ отношеніи. Великіе германскіе поэты и прозаики рѣшили, что хотя Фридрихъ не цѣнилъ и не понималъ своего роднаго нарѣчія, хотя онъ и считалъ Францію единственною страною, гдѣ господствуютъ вкусъ и философія, тѣмъ не менѣе онъ, невольнымъ образомъ, много способствовалъ къ освобожденію духа своего народа отъ чужеземскаго вліянія, и побѣждая Субиза, безъ намѣренія пробуждалъ тотъ геній, который вскорѣ началъ оспаривать первенство у Вольтера и Буало! Случай иногда такъ странно измѣняетъ планы людей! Такимъ образомъ государь, который не читалъ ничего, кромѣ французскихъ классиковъ, незамѣтнымъ образомъ сдѣлался орудіемъ избавленія Германіи отъ владычества французской эстетики, которой онъ остался вѣренъ до конца своей жизни.

Но все одушевленіе Германіи, въ отношеніи къ Фридриху, едва ли могло сравниться съ одушевленіемъ Англіи. День его рожденія праздновался здѣсь съ такимъ же энтузіазмомъ, какъ и день рожденія собственнаго государя, и ночью въ этотъ день улицы Лондона были великолѣпно иллюминованы. Изображеніе героя росбахскаго съ его треугольной шляпой и длинною косою мож-

стараго полководца. Между тѣмъ, Фридрихъ во время неблагопріятныхъ обстоятельствъ, былъ все-таки предметомъ удивленія своихъ подданныхъ, союзниковъ и враговъ. Преслѣдуемый горькою участью, пресыщенный жизнью, онъ велъ войну съ такимъ же искусствомъ въ пораженіи, въ бѣгствѣ, по видимому въ безнадежномъ положеніи, какъ во время своихъ величайшихъ побѣдъ.

Послѣ побѣды надъ русскими, поспѣшилъ онъ въ Саксонію, чтобы противостать войскамъ императрицы австрійской, которыми предводительствовалъ осторожный Даунъ и Лаудонъ, изобрѣтательнѣйшій и самый предпріимчивый изъ тогдашнихъ генераловъ. Эти два полководца начертали планъ, въ которомъ счастливо соединены были мудрость одного изъ нихъ и энергія другаго. Ночью они напали на лагерь короля, расположенный при Гохкирхенѣ. Присутствіе Фридриха спасло войско его отъ совершеннаго истребленія, но не могло спасти отъ пораженія и отъ значительнаго урона. Маршалъ Кейтъ былъ въ числѣ убитыхъ. Первый пушечный выстрѣлъ пробудилъ благороднаго изгнанника, и мгновенно онъ бросился въ самый пылъ сраженія, былъ тяжело раненъ, но не хотѣлъ оставить битвы, и между тѣмъ какъ собиралъ свои разстроенные полки, австрійская пуля положила конецъ его славной и богатой приключеніями жизни.

Для Фридриха это было большое несчастіе. Но лучше всѣхъ полководцевъ онъ зналъ, какъ вознаградишь свое пораженіе, между тѣмъ какъ Даунъ не умѣлъ воспользоваться побѣдой. Дня черезъ два прусская армія была въ такомъ же положеніи, какъ и до сраженія. Но все-таки будущность представлялась покрытою густымъ туманомъ. Австрійская армія, подъ начальствомъ генерала Гарша, вторглась въ Силезію и окружила крѣпость Нейссе. Даунъ, послѣ побѣды при Гохкирхенѣ, писалъ къ Гаршу въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «подступайте къ Нейссе; что касается до короля, то не безпокойтесь: я хочу задать ему славный урокъ.» Въ самомъ дѣлѣ, положеніе пруссаковъ было не блестяще. Между ними и Силезіей расположена была побѣдоносная армія Дауна. Не легко было возвратить Силезію, а если бы даже это и удалось, то пришлось бы оставить Саксонію на произволъ австрійцевъ. Но энергія и дѣятельность Фридриха побѣждали всякія препятствія. Онъ съ необыкновенною быстротою обошелъ Дауна, вступилъ въ Силезію, выручилъ осажденную Нейссе и прогналъ Гарша въ Богемію. Даунъ, пользуясь отсутствіемъ Фридриха, хотѣлъ овладѣть Дрезденомъ. Пруссаки отчаянно защищали его. Жители этой богатой столицы просили пощады у осаждающихъ и осажденныхъ. Роскошныя дрезденскія предмѣстія были выжжены до тла. Очевидно, что австрій-

цы въ самомъ городѣ принуждены были—бы брать штыками всякую улицу. Въ такомъ положеніи находились дѣла, когда Фридрихъ, освободивъ Силезію отъ враговъ, прислалъ сказать защитникамъ Дрездена, что самъ онъ форсированнымъ маршемъ спѣшитъ къ нимъ на помощь. Даунъ отступилъ и возвратился въ Австрію. Король съ своимъ побѣдоноснымъ войскомъ вошелъ по развалинамъ въ несчастную столицу, которая такъ мужественно стояла за вѣроломную политику своего государя. Это было 20 Ноября. Холодъ прекратилъ военныя дѣйствія, и король снова избралъ въ Бреслау свои зимнія квартиры.

Третій годъ семилѣтней войны уже прошелъ, а Фридрихъ все еще твердо стоялъ противъ своихъ враговъ. Въ послѣднее время его преслѣдовали какъ военныя, такъ и домашнія несчастія. 14 октября, въ день пораженія его при Гохкирхенѣ, въ день, въ который черезъ 48 лѣтъ Прусская монархія потерпѣла пораженіе гораздо ужаснѣйшее, скончалась Вильгельмина, маркграфиня байретская. По извѣстіямъ, сообщеннымъ намъ ею самою и ея остроумными современниками, можно судить, что она была груба, неделикатна и не вселяла къ себѣ симпатіи, но не была лишена великодушныхъ и высокихъ чувствъ. Ея умъ, сильный и проницательный отъ природы, былъ необыкновенно развитъ: она была любимой сестрой Фридриха и заслуживала это. Онъ принялъ извѣстіе о ея смерти съ тою грустью, съ какою его желѣзная природа могла только принять дурное извѣстіе, если дѣло шло не о провинціи и не о сраженіи.

Зимою въ Бреслау онъ неутомимъ былъ въ своихъ поэтическихъ занятіяхъ. Самыя остроумныя строки, которыя онъ когда либо написалъ, находимъ мы въ пасквилѣ на Людовика и m-me de-Ротрадонъ, который написалъ онъ въ это время, и отослалъ къ Вольтеру. Стихи были, дѣйствительно, такъ хороши, что Вольтеру показалось весьма возможнымъ, что его самого могли подозрѣвать авторомъ или по крайней мѣрѣ поправщикомъ ихъ; и частью вслѣдствіе этой мысли, а частью отъ нежеланія надѣлать бѣдъ, онъ отослалъ ихъ къ герцогу Шуазёлю, тогда первому министру Франціи. Шуазёль весьма благоразумно рѣшился отвѣчать Фридриху его собственнымъ оружіемъ, и обратился за помощью къ Палиссо, который былъ порядочнымъ стихотворцемъ и имѣлъ нѣкоторый талантъ въ сатирѣ. Палиссо написалъ довольно ѣдкое стихотвореніе на моральный и стихотворный характеръ Фридриха; герцогъ отослалъ эти стихи къ Вольтеру. Эта война, происшедшая немедленно послѣ пондорфской рѣзни и послѣ дрезденскаго пожара, бросаетъ

яркій свѣтъ на странный, разнообразный характеръ прусскаго короля.

Въ тоже время Фридрихъ нажилъ себѣ новаго врага. Бенедиктъ XIV, одинъ изъ лучшихъ и благоразумнѣйшихъ наслѣдниковъ св. Петра, умеръ. Въ непродолжительное время, между правленіемъ Бенедикта и ученика его Ганганелли, римскою церковью управлялъ Реццонихо, принявшій имя Климента XIII. Онъ рѣшился испытать, что его власть могла сдѣлать въ пользу православѣрующей Маріи-Терезіи, противъ еретика короля. Во время литургіи, въ день Рождества Христова, папа торжественно освятилъ мечъ съ богатою перевязью и драгоцѣнными ножнами, шляпу изъ краснаго бархата, подбитую горностаемъ и жемчужнаго голубя, символическое изображеніе Святаго Духа, и все это отправилъ къ маршалу Дауну, побѣдителю при Коллинѣ и Гохкирхенѣ. Эти знаки милости часто давались папами знаменитымъ поборникамъ католицизма. Такъ, напримѣръ, почести эти оказаны были Готфриду Бульонскому, болѣе нежели шесть сотъ лѣтъ тому назадъ, папою Урбаномъ II, герцогу Альбѣ-за уничтоженіе свободы Нидерландовъ, и Іоанну Собѣскому-за освобожденіе Вѣны. Но подарки, которые въ XI вѣкѣ съ глубокимъ почтеніемъ приняты были «Барономъ Гроба Господня», и которые въ XVII столѣтіи еще не потеряли своей цѣны, не возбудили теперь особеннаго благоговѣнія. Фридрихъ написалъ саркастическое стихотвореніе о подаркѣ, о томъ, кто подарилъ, и о томъ, кто получилъ его. Видно было, что время крестовыхъ походовъ давно прошло.

Для Фридриха четвертый походъ былъ самый несчастный изъ всѣхъ походовъ этой ужасной войны. Въ началѣ весны австрійцы расположились въ Саксоніи и грозили Берлину. Русскіе, разбивъ прусскихъ генераловъ на Одерѣ и угрожая Силезіи, соединились съ Лаудономъ, вмѣстѣ съ которымъ укрѣпились при Куперсдорфѣ. Фридрихъ спѣшилъ на нихъ напасть. Началась страшная битва. Въ продолженіе первой половины дня все уступало бѣшенству пруссаковъ и искусству ихъ полководца. Укрѣпленія взяты были штурмомъ, половина русскихъ орудій перешла въ руки непріятелей. Король отправилъ въ Берлинъ курьера съ краткимъ извѣстіемъ о побѣдѣ. Между тѣмъ упрямые русскіе, хотя и разбитые, но не сломанные, заняли почти неприступное мѣсто на возвышеніи, гдѣ франкфуртскіе евреи хоронили своихъ мертвецовъ. Здѣсь битва возобновилась. Прусская пѣхота послѣ шести-часоваго сраженія въ почти тропически-жаркій день, была чрезвычайно утомлена, но принуждена была возобновить нападеніе. Король самъ водилъ войско два раза въ аттаку. Двѣ лошади убиты были подъ нимъ. Многіе офи-

церы главнаго штаба пали на его глазахъ. Платье его въ нѣсколькихъ мѣстахъ было прострѣлено. Но пѣхота была отбита съ огромнымъ уронамъ. Страхъ распространился между пруссаками. Въ эту минуту кавалерія Лаудона, еще не употребленная въ дѣло, ринулась на разстроенные ряды. Тогда произошло общее бѣгство. Самъ Фридрихъ едва не попался въ руки непріятеля, и былъ спасенъ храбрымъ офицеромъ, который съ нѣсколькими гусарами сдѣлалъ хорошую диверсію. Разбитый физически и морально, король достигъ деревушки, разоренной козаками и тамъ, въ полуразрушенномъ и пустомъ домѣ мызника, бросился въ изнеможеніи на связку соломы. Тотчасъ же онъ отправилъ въ Берлинъ новую депешу, совершенно различную отъ первой: «Пусть королевское семейство оставитъ Берлинъ. Какъ можно поспѣшнѣе перенести архивъ въ Потсдамъ. Городъ въ опасности отъ непріятеля.»

Въ самомъ дѣлѣ, пораженіе было окончательное. Изъ пятидесяти тысячъ человѣкъ, которые утромъ еще такъ стройно стояли подъ черными знаменемъ, теперь осталось неболѣе 3-хъ тысячъ. Король вспомнилъ о своихъ ядовитыхъ пилюляхъ и написалъ пріятелямъ послѣднее прости, поручая имъ вмѣстѣ съ тѣмъ принять извѣстныя мѣры въ случаѣ его смерти. «Мнѣ не осталось никакого средства къ спасенію, писалъ онъ: —все потеряно. Я нехочу пережить паденія своего отечества. Простите навсегда.»

Но союзники спорили и медлили два дня, а Фридрихъ двумя днями могъ воспользоваться лучше, нежели другой двумя годами. Утромъ послѣ сраженія у него было уже осьмнадцать тысячъ человѣкъ. Въ самое непродолжительное время войско его достигло 30 тысячъ. Орудія доставлены были изъ всѣхъ окрестныхъ крѣпостей и такимъ образомъ армія его была приведена въ порядокъ. Берлинъ на нѣсколько времени былъ въ безопасности; но между тѣмъ несчастія преслѣдовали короля, если не съ одного конца, то съ другаго. Одинъ изъ его генераловъ съ значительнымъ отрядомъ былъ захваченъ въ плѣнъ при Максенѣ, другой разбитъ при Мейсенѣ, и когда наконецъ, съ наступленіемъ суровой зимы, война была прекращена, то положеніе Пруссіи было самое печальное. Единственнымъ утѣшительнымъ обстоятельствомъ было то, что на западѣ Фердинандъ Брауншвейгскій дѣйствовалъ успѣшнѣе, нежели его учитель на востокѣ, и нѣсколькими побѣдами, изъ которыхъ Мейденская самая замѣчательная, уничтожилъ всѣ покушенія французовъ, такъ, что съ ихъ сторонъ небыло уже никакой опасности.

Такимъ образомъ окончился пятый годъ семилѣтней войны. Казалось, Пруссія, нѣсколько разъ опустошенная превосходными си-

лами непріятелей, не могла долѣе выдержать бремя войны. Но Фридрихъ продолжалъ войну такъ, какъ ни одно изъ европейскихъ государствъ никогда ея не вело. Онъ управлялъ своимъ королевствомъ, какъ управляютъ осажденнымъ городомъ, не заботясь о томъ, на сколько потерпѣли частныя имущества и на сколько частныя занятія были прерваны; онъ только желалъ противиться непріятелю.

Пока оставался хоть одинъ человѣкъ въ Пруссіи, этотъ человѣкъ долженъ былъ нести мушкетъ; пока оставалась одна лошадь, эта лошадь должна была везти артиллерійскіе снаряды. Деньги чеканились худшаго достоинства, чиновники не получали жалованья, и нѣкоторыя провинціи остались совершенно безъ гражданскаго управленія. Доколѣ оставалась рожь и картофель въ поляхъ, доколѣ оставался свинецъ и порохъ въ государствѣ, и доколѣ оставались средства къ сохраненію жизни своихъ и къ уничтоженію жизни непріятелей, Фридрихъ рѣшился ни за что не уступать.

Первая часть кампаніи 1760 года, была ему неблагопріятна. Берлинъ во второй разъ былъ занятъ непріятелями. Огромныя контрибуціи взяты съ жителей, и дворецъ ограбленъ. Но наконецъ, послѣ двухъ лѣтъ несчастія, счастіе начало снова благопріятствовать Фридриху. При Лигницѣ онъ разбилъ Лаудона. При Торгау, послѣ страшной рѣзни, продолжавшейся цѣлый день, восторжествовалъ надъ Дауномъ. Пятый годъ приходилъ къ концу, а ничего еще не было рѣшено. Въ странахъ, гдѣ свирѣпствовала война, жители бѣдствовали и были изнеможены больше, нежели когда либо; но въ Пруссіи были еще и люди и животныя, оружіе и продовольствіе, и Фридрихъ продолжалъ сражаться. Въ самомъ дѣлѣ, онъ почти сдѣлался какимъ-то дикаремъ. Сердце его полно было ненависти. Непримиримость враговъ его, хотя первоначально вызванная его собственнымъ противузаконнымъ честолюбіемъ, вызвала въ немъ какую-то жажду мести, которую онъ даже и не старался заглушить. «Тяжело для человѣка выносить то, что я выношу писалъ онъ въ одномъ письмѣ: я начинаю чувствовать, что месть, какъ говорятъ италіанцы, доставляетъ удовольствіе богамъ; страданія сдѣлали мою философію безполезною. Я не святой какъ тѣ, о которыхъ мы читаемъ легенды, и сознаюсь, что съ радостью согласился бъ умереть, если бъ передъ смертью могъ перенести на другихъ хоть часть своихъ страданій.»

Поддерживаемый такими чувствами, онъ велъ войну въ 1761 году съ перемѣннымъ счастіемъ, но съ постоянною славой. Вообще, послѣдствія этого похода были несчастливы для Пруссіи. Непріятель не выигралъ ни одного значительнаго сраженія; но, несмотря на отчаянные скачки травленнаго тигра, кругъ его преслѣдователей

все болѣе и болѣе стѣснялся. Лаудонъ захватилъ въ расплохъ важную крѣпость Швейдницъ. Съ этою крѣпостью, половина Силезіи и важнѣйшіе горные проходы перешли къ австрійцамъ. Русскіе разбили прусскихъ генераловъ въ Помераніи. Вся страна была такъ опустошена, что Фридрихъ по своему собственному признанію, со страхомъ началъ глядѣть вокругъ себя, не зная, гдѣ набирать рекрутъ, гдѣ добывать лошадей и военные припасы.

Именно въ это время, два великія событія произвели совершенную перемѣну въ отношеніяхъ почти всѣхъ державъ Европы. Первое изъ этихъ событій было удаленіе Питта отъ своей должности; второе—смерть императрицы Елизаветы. Удаленіе Питта казалось роковымъ предзнаменованіемъ окончательнаго паденія Бранденбургскаго дома. Гордый и надменный характеръ Питта неспособенъ былъ на что нибудь, похожее на страхъ или измѣну. Онъ часто говорилъ, что пока въ рукахъ его находиться будетъ управленіе, Англія никогда даже, въ крайнемъ бѣдствіи, не оставитъ союзника вслѣдствіе эгоистической причины. Континентальная война была его войною. Онъ былъ довольно смѣлъ, чтобы въ прежнія времена съ неодолимою силой рѣчи нападать на ганноверскую политику Картерета и на нѣмецкія субсидіи Ньюкастля, чтобъ объяснить, что Ганноверъ имѣлъ цѣну не менѣе Гэмпшира и что онъ хотѣлъ покорить Америку въ Германіи. Онъ палъ; и власть, которую онъ употреблялъ, если не всегда съ благоразуміемъ, то по крайнѣй мѣрѣ всегда съ силою и геніемъ, перешла въ руки любимца, представителя партіи тори, партіи, которую Вильгельмъ презиралъ, Мальборугъ преслѣдовалъ, а каталонцы оставили на произволъ мести Филиппа Анжуйскаго. Заключить миръ съ Франціей, со всевозможной, приличной или даже неприличной, поспѣшностью, прекратить всякіе союзы съ материкомъ, вотъ что было главною цѣлью новаго министра. Эта политика поселила въ Фридрихѣ несправедливую, но глубокую ненависть къ Англіи и вызвала послѣдствія, которыя и теперь еще ощущаются всѣмъ цивилизованнымъ міромъ; этой политикѣ Англія обязана была тѣмъ, что, черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ, она не могла найти ни одного союзника, который въ крайнемъ ея стѣсненіи согласился бы помочь ей противъ дома Бурбоновъ. Эта политика была причиной того, что Фридрихъ, отчужденный отъ Англіи, принужденъ былъ обратиться къ Россіи, и того, что Фридрихъ возъимѣлъ первую мысль о раздѣленіи Польши.

Въ то самое время, когда удаленіе Питта лишило короля единственнаго его союзника, смерть Елизаветы произвела совершенный переворотъ во всей политикѣ сѣверной Европы. Великій князь Петръ, ея племянникъ, вступившій теперь на престолъ Всероссій-

скій, не только былъ совершенно чуждъ предубѣжденій, которыя покойная императрица питала къ Фридриху, но напротивъ былъ даже поклонникомъ и подражателемъ великаго короля. Правленіе новаго императора было непродолжительно; но все таки могло произвести перемѣну въ тогдашнемъ положеніи христіанскихъ державъ. Онъ освободилъ прусскихъ плѣнниковъ, снабдилъ ихъ всѣмъ необходимымъ и отправилъ домой; кромѣ того, вывелъ войска свои изъ всѣхъ провинцій, которыя Елисавета хотѣла присоединить къ своимъ владѣніямъ, и всѣхъ тѣхъ прусскихъ подданныхъ, которые принуждены были присягнуть Россіи въ вѣрноподданичествѣ, разрѣшилъ отъ данной ими клятвы.

Недовольствуясь заключеніемъ мира на выгодныхъ для Пруссіи условіяхъ, онъ просилъ зачислить его въ прусскую службу, надѣлъ прусскій мундиръ, постоянно носилъ черный орелъ на груди, приготовлялся къ путешествію въ Пруссію, чтобы имѣть свиданіе съ предметомъ своего поклоненія, и наконецъ послалъ 15,000 превосходнаго войска, чтобъ пополнить ослабѣвшую армію Фридриха. Усиливъ такимъ образомъ свои средства, Фридрихъ снова покорилъ Силезію, разбилъ Дауна при Буркерсдорфѣ, окружилъ Шведницъ, взялъ его обратно, и въ концѣ года могъ сопротивляться Маріи-Терезіи точно также, какъ во время первыхъ сраженій 1759 года. Предъ окончаніемъ кампаніи, союзникъ Фридриха, императоръ Петръ скончался. Императрица Екатерина въ началѣ своего царствованія вовсе не была расположена къ Фридриху и вывела изъ Пруссіи войска, ему помогавшія; впрочемъ она не нарушала мира, заключеннаго ея супругомъ, и Пруссія такимъ образомъ была въ безопасности съ восточной стороны.

Между тѣмъ Англія и Франція заключили между собою договоръ, по которому обѣ державы согласились наблюдать строгій нейтралитетъ въ отношеніи къ германской войнѣ. Такимъ образомъ коалиціи была разрушены, и первоначальные враги, Австрія и Пруссія принуждены были вести войну одни, какъ въ началѣ.

Конечно, Австрія имѣла гораздо большія средства, нежели Пруссія, и къ тому же она не была такъ утомлена войною, но все таки казалось невозможнымъ, чтобы Австрія могла остаться побѣдительницей при тогдашнихъ обстоятельствахъ, когда она и прежде ничего не могла сдѣлать. Кромѣ того, Австрійской Имперіи, начала угрожать опасность съ другой стороны. Оттоманская Порта грозила ей, и 100 тысячъ турокъ были расположены у Венгріи. Гордая и мстительная императрица принуждена была смириться и Губертсбургскій миръ, заключенный въ февралѣ 1763 года, положилъ конецъ

войнѣ, семь лѣтъ опустошавшей Германію. Король ничего не уступилъ. Весь материкъ, вооруженный противъ Фридриха, не въ состояніи былъ исторгнуть Силезію изъ этого желѣзнаго кулака.

Война кончилась. Фридрихъ спасся. Слава его была внѣ нападеній зависти. Если онъ не прославился завоеваніями, какъ Александръ, Цезарь и Наполеонъ, если онъ не пользовался такимъ постояннымъ успѣхомъ, какъ Мальборугъ и Веллингтонъ, то тѣмъ не менѣе онъ представляетъ въ исторіи единственный примѣръ того, что дѣятельность и рѣшительность могутъ сдѣлать противъ превосходныхъ силъ и противъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ. Онъ торжественно вступилъ въ Берлинъ, послѣ шести-лѣтняго отсутствія. Городъ былъ великолѣпно иллюминованъ, и когда въ открытомъ экипажѣ онъ проѣзжалъ съ Фердинандомъ Брауншвейгскимъ по улицамъ Берлина толпы народа привѣтствовали его громкими кликами радости. Онъ былъ тронутъ этими знаками привязанности и нѣсколько разъ, повторилъ: «Да здравствуетъ мой любезный народъ! да здравствуютъ мои дѣти!» Но среди этой общей радости, вездѣ можно было примѣтить слѣды разрушенія. Городъ нѣсколько разъ былъ ограбленъ. Народонаселеніе значительно уменьшилось. И еще Берлинъ мало потерпѣлъ, въ сравненіи съ прочими частями королевства! Частныя имущества до того были разорены, всѣ сословія до того обѣднѣли, что видъ тогдашней Пруссіи потрясъ бы самую твердую душу. Всякая провинція служила поприщемъ войны, и притомъ безпощадной войны. Толпы кроатовъ вторглись въ Силезію. Десять тысячъ козаковъ разоряли Померанію и Брандебургъ. Одни контрибуціи, собранныя врагами Пруссіи, говорятъ, превышали сто мильоновъ талеровъ, а цѣнность того, что враги взяли съ собой, не могла и сравниться съ тѣмъ, что они разорили. Поля оставались необработанными. Даже и то зерно, которое оставалось для посѣва, истреблено было во время голода. Голодъ, и происходящія отъ него повальныя болѣзни, похитили большую половину крупнаго и мелкаго скота; справедливо можно было опасаться чумы, вслѣдствіе этой ужасающей войны. Около 15 тысячъ домовъ истреблено было огнемъ. Народонаселеніе королества, въ продолженіе семи лѣтъ, уменьшилось на десять процентовъ. Шестая часть всего населенія, способнаго носить оружіе, погибла на полѣ сраженія. Въ нѣкоторыхъ областяхъ, во время жатвы, одни только женщины занимались полевыми работами. Въ другихъ мѣстахъ путешественникъ съ ужасомъ встрѣчалъ опустѣлыя селенія, гдѣ не оставалось ни одного человѣка. Находившіяся въ обращеніи деньги, упали въ цѣнѣ; не существовало никакого правленія,

вся система общественной жизни рушилась. Въ продолженіе этой судорожной войны все, что не было военнымъ насиліемъ, было анархіей. Самая армія была въ разстройствѣ. Нѣсколько великихъ генераловъ и множество отличныхъ офицеровъ, погибло въ бою; замѣнить ихъ не было возможности. Затруднительность набора рекрутъ къ концу войны сдѣлалась такъ велика, что выбирать и браковать не было возможности. Цѣлые батальоны составлены были изъ дезертировъ и изъ плѣнныхъ. Невозможно было предполагать, чтобы въ продолженіе даже тридцати лѣтъ тишины и постоянныхъ усилій, можно было исправить бѣды семилѣтней войны. Но, несмотря на все это, существовало одно утѣшительное обстоятельство. Хотя война стоила огромныхъ, почти невозможныхъ издержекъ, но за тѣмъ прусское королевство не имѣло долговъ, которые въ мирное время могли бы поглощать государственные финансы.

ОРГАНИЧЕСКОЕ РАЗВИТІЕ ЧЕЛОВѢКА

ВЪ СВЯЗИ СЪ ЕГО УМСТВЕННОЙ И НРАВСТВЕННОЙ ДѢЯТЕЛЬНОСТЬЮ.

(ОРГАНИЧЕСКОЕ ВОСПИТАНІЕ ВЪ ПРИМѢНЕНІИ КЪ САМООБРАЗОВАНІЮ И КЪ РАЗВИТІЮ ЗДОРОВЬЯ ПИТОМЦЕВЪ. *Сочиненіе К. Ф. Шнелля. Перев. съ нѣмецкаго Ф. Бёмера. Спб. 1857 г.* КНИГА О ЗДОРОВОМЪ И БОЛЬНОМЪ ЧЕЛОВѢКѢ. *Сочиненіе доктора К. Э. Бока. Перев. съ нѣмецкаго І. Паульсона и Ф. Бёмера. Спб. 1857 г. двѣ части.*)

Оба, названныя нами, сочиненія вышли въ русскомъ переводѣ уже довольно давно, но, кажется, не обратили на себя особеннаго вниманія русской публики. А между тѣмъ это книги весьма замѣчательныя, и въ особенности для насъ, сбитыхъ съ толку выспренними теоріями ученыхъ педагоговъ, говорящихъ о духовномъ развитіи человѣка такія вещи, что просто волосъ дыбомъ становиться. Такъ Шнелль, не прибѣгая ни къ какимъ хитрымъ толкованіямъ, говоритъ просто-на-просто, что «верховною цѣлью воспитанія должно быть здоровье» (стр. 1.) Этимъ опредѣленіемъ онъ начинаетъ свою книгу, имъ же ее оканчиваетъ, оно же строго проведено по всѣмъ отдѣламъ его сочиненія. Докторъ Бокъ также утверждаетъ, что важнѣе всего при воспитаніи заботиться о здоровьи и постоянномъ упражненіи всѣхъ чувствъ, приспособляя ихъ къ различнымъ впечатлѣніямъ (стр. 469).

Нѣтъ сомнѣнія, что опредѣленіе Шнелля, по своей крайней про-

стотѣ, съ перваго же раза покажется понятнымъ для каждаго изъ читателей. Но вмѣстѣ съ тѣмъ несомнѣнно и то, что многіе поторопятся растолковать его въ смыслѣ очень ограниченномъ, и вслѣдствіе того возстанутъ съ благонамѣренными насмѣшками противъ Бока и Шпелля, и тутъ же противъ насъ, признающихъ начала ихъ совершенно разумными. «Ваша идея,—язвительно скажутъ намъ,—вовсе не нова; вы имѣете честь раздѣлять ее съ госпожей Простаковой, съ господиномъ Скотининымъ, съ родителями пана Халявскаго, изображеннаго Основьяненкомъ, и вообще со всѣми маменьками и паненьками, которые слово *воспитаніе* считаютъ однозначащимъ съ словомъ *откармливанье*. Къ сожалѣнію, ваша теорія *воспитанія для здоровья* находитъ еще многихъ представителей въ отживающемъ поколѣніи провинціальныхъ, степныхъ бабушекъ, тетушекъ, нянюшекъ, которыя встрѣчаютъ своего воспитанничка, пріѣхавшаго изъ университета, словами: «батюшка ты нашъ! какъ тебя тамъ измучили! Поѣхалъ—такъ любо посмотрѣть было; а теперь—спичка спичкой сталъ. Вотъ она, наука-то ваша проклятая!» Вашей идеѣ обрадуются всѣ балбесы, которые до 15 лѣтъ ничему не учатся, но за то—какъ яблочко румяны, потому, что съ утра до ночи собакъ гоняютъ», и пр. и пр.

На всѣ эти возраженія мы можемъ отвѣтить просвѣщеннымъ нашимъ противникамъ, что не всякая болѣзнь изсушаетъ человѣка и не всякая толстота означаетъ здоровье. Мы просимъ вспомнить поэтическую жалобу толстаго труженика, который утверждаетъ: люди, дескать,

По моей громадной толщинѣ
Заключаютъ ложно обо мнѣ, —

не зная,

....Что тотъ,
Кто счастливцемъ по виду слыветъ
Далеко не такъ благополученъ,
Какъ румянъ и шаровидно тученъ.

Да, ошибка госпожи Простаковой съ братіей состояла не въ томъ, что они заботились о здоровьи дѣтей, а въ томъ, что не понимали, что такое здоровье. Матушка откармливаетъ своего Митрофанушку, а онъ, съѣвши на сонъ грядущій солонины ломтика три, да пирожковъ подовыхъ пять или шесть,—ляжетъ да и тоскуетъ цѣлую ночь, а поутру какъ тальной ходитъ.... Развѣ это здоровье? Ежели здоровье состоитъ въ томъ, чтобы безпрепятственно совершались въ человѣкѣ отправленія растительной жизни и чтобы не было въ тѣлѣ постояннаго ощущенія какой нибудь острой боли, то, пожалуй, можно согласиться, что всѣ толстые идіоты совершенно здоровы.

Но въ такомъ случаѣ вѣдь и пораженнаго параличемъ надобно считать здоровымъ человѣкомъ, и одержимаго бѣлой горячкой—тоже здоровымъ. А между тѣмъ и то, и другое мы считаемъ болѣзнями, и даже весьма значительными. Мало этого, мы вѣдь признаемъ больнымъ, или, по крайней мѣрѣ, не совершенно здоровымъ, человѣка, подверженнаго безпрестаннымъ истерикамъ, спазмамъ, мигренямъ, всякаго рода нервнымъ разстройствамъ и т. п. Уродства разнаго рода—глухота, слѣпота, и т. д. тоже должно относить къ явленіямъ болѣзненнымъ. Точно также къ болѣзнямъ слѣдуетъ относить и особыя, ненормальныя положенія, въ которыя впадаютъ иные люди, какъ напримѣръ спячку или апатію по всему на свѣтѣ, совершенное безпамятство, всякія мономаніи, общее разслабленіе организма и невозможность сдѣлать надъ собой хотя малѣйшее усиліе, и т. п. Словомъ—подъ здоровьемъ нельзя разумѣть одно только наружное благосостояніе тѣла, а нужно понимать вообще естественное гармоническое развитіе всего организма и правильное совершеніе всѣхъ его отправленій.

Противъ этого опять можетъ быть возраженіе, и на этотъ разъ уже довольно основательное. Могутъ указать на низшій классъ народа, который физически бываетъ обыкновенно здоровѣе высшихъ классовъ; могутъ указать на дикарей, пользующихся отличнымъ здоровьемъ и громадной физической силой; а съ другой стороны — могутъ представить многихъ великихъ ученыхъ, поэтовъ, государственныхъ людей, истощенныхъ, больныхъ и слабыхъ.... Изъ этого сопоставленія можно вывести заключеніе такого рода, на первый взглядъ не лишенное своей основательности: «если все развитіе человѣка направлять только къ тому, чтобы онъ былъ здоровымъ, то придется взять за идеалъ ирокезовъ, которые, какъ говорятъ, не знаютъ никакихъ болѣзней,—и отвергнуть все значеніе великихъ людей, прославившихся умственной и нравственной дѣятельностью.

Возраженіе это, по внимательномъ его разсмотрѣніи, должно быть признано несправедливымъ по многимъ причинамъ. Прежде всего мы должны повторить, что подъ здоровьемъ организма мы вовсе не разумѣемъ одно физическое благосостояніе тѣла. Намъ кажутся смѣшны и жалки невѣжественныя претензіи грубаго матеріализма, который унижаетъ высокое значеніе духовной стороны человѣка, стараясь доказать, будто душа человѣка состоитъ изъ какой-то тончайшей матеріи. Нелѣпость подобныхъ умствованій такъ давно и такъ неопровержимо доказана, они такъ прямо противорѣчатъ результатамъ самихъ естественныхъ наукъ, что въ настоящее время только развѣ человѣкъ самый отсталый и невѣжественный можетъ еще не презирать подобныхъ матеріалистическихъ ум-

ствованій. Мы совсѣмъ не хотимъ сказать, что тѣлесная дѣятельность важнѣе духовной, совсѣмъ не хотимъ выставить довольство физическое цѣлью нашей жизни. Напротивъ — мы намѣрены говорить о томъ, что часто тѣло наше какъ служебное орудіе духовной дѣятельности, бываетъ испорчено разными слабостями и болѣзнями и не имѣетъ возможности исполнять своего назначенія. Мы возстаемъ противъ того, что часто мы заботимся только на словахъ о совершенствованіи духовномъ, а между тѣмъ на дѣлѣ вовсе не стараемся покорить тѣло духу и, предаваясь чувственности, разстраиваемъ и тѣло свое, и у духовныхъ способностей отнимаемъ возможность проявляться правильно; потому что разстроенные тѣлесные органы дѣлаются негодны для служенія возвышенной духовной дѣятельности. Это говоритъ намъ постоянный опытъ, говоритъ наше внутреннее сознаніе, наша вѣра; и это же самое подтверждается результатами новѣйшихъ изслѣдованій въ области естествовѣдѣнія. Эту именно необходимость—воспитывать тѣло для служенія правильной духовной дѣятельности, эту истину, сдѣлавшуюся даже избитою отъ частаго повторенія, истину, что mens sana, здоровый духъ, — долженъ быть in corpore sano, т. е. долженъ соединяться съ здоровымъ тѣломъ, — это и намѣрены мы подтвердить, указавши на несомнѣнные факты естествовѣдѣнія. Въ такомъ именно смыслѣ должны быть понимаемы всѣ наши замѣчанія о неразрывной связи душевной и тѣлесной дѣятельности.

Но возвратимся къ возраженію, приведенному нами. Кромѣ односторонняго, узкаго пониманія здоровья, — оно грѣшитъ еще тѣмъ, что беретъ для сличенія предметы не совершенно подъ одинаковыми условіями. Различіе племенъ и затѣмъ различіе занятій человѣка много имѣетъ вліянія на возможную степень его развитія во всѣхъ отношеніяхъ. Если бы можно было брать здоровье въ отвлеченности, то не нужно было бы даже къ людямъ обращаться, а прямо привести въ примѣръ животныхъ. На что намъ еще организмъ крѣпче и здоровѣе, чѣмъ, хоть примѣрно, у слона или у льва, или даже у быка? Не даромъ же говорятъ у насъ: »здоровъ какъ быкъ.« Но у этихъ животныхъ самое строеніе организма не то, что у насъ, и потому мы оставляемъ ихъ въ покоѣ. Есть, пожалуй, червяки, которыхъ разрѣжешь пополамъ, такъ обѣ половинки и поползутъ въ разныя стороны, — какъ ни въ чемъ не бывали; эти намъ не примѣръ. Точно такъ и ирокезы—не примѣръ для европейскихъ ученыхъ. Кромѣ того—нужно замѣтить, что болѣзненное состояніе вовсе не способствовало, конечно, полезнымъ открытіямъ и изысканіямъ, произведеннымъ этими учеными. Въ большей части случаевъ болѣзнь вовсе и не относилась къ тѣмъ

органамъ, которые необходимы были для ихъ спеціальности (Какъ исключеніе, можно бы привести Бэтховена; но и у него, поврежденіе слуховыхъ органовъ не было такъ сильно въ то время, когда онъ создавалъ лучшія свои творенія); мѣстное же пораженіе въ этомъ случаѣ не должно быть принимаемо въ разсчетъ. Конечно, Байронъ былъ хромъ, и это не помѣшало ему быть великимъ поэтомъ, точно такъ, какъ, напр. слабость зрѣнія не помѣшала многимъ другимъ быть великими учеными, философами, и пр. Но, конечно, всякій согласится, что наружное поврежденіе всего менѣе можно назвать болѣзнью организма. Съ другой же стороны всякій признаетъ, что каждое болѣзненное ощущеніе въ тѣлѣ разстраиваетъ, хоть на минуту, нашу духовную дѣятельность, и что слѣд. если бы великіе ученые были совершенно здоровы, то сдѣлали бы еще больше, чѣмъ сколько сдѣлали они при своихъ немощахъ.

Говорятъ, что напротивъ, — иногда болѣзнь тѣла возбуждаетъ сильнѣе духовную дѣятельность. Примѣровъ приводятъ много. Указываютъ на нѣсколькихъ поэтовъ, почувствовавшихъ и открывшихъ міру силу своего таланта послѣ того, какъ они стали слѣпы. Тутъ, разумѣется, являются Гомеръ и Мильтонъ, тутъ приводятъ и стихи Пушкина русскому слѣпцу-поэту:

Пѣвецъ, когда передъ тобой,
Во мглѣ сокрылся міръ земной,
Мгновенно твой проснулся геній, и проч.

Указываютъ также на Игнатія Лойолу, во время болѣзни почувствовавшаго призваніе къ основанію ордена; на Магомета, въ припадкахъ падучей болѣзни слышавшаго призваніе Аллаха; на аскетовъ, которыхъ духовныя созерцанія происходили именно отъ истощенія ими плоти своей и т. д. Примѣровъ на эту тему можно набрать тысячи; случаевъ, въ которыхъ обнаруживается антагонизмъ духовной и тѣлесной природы въ человѣкѣ, тоже насчитывается множество. Но во всемъ этомъ господствуетъ недоумѣніе; сначала виною ему послужили грубые матеріалисты; а потомъ и мечтательные идеалисты, опровергая ихъ, впали въ туже самую ошибку. Мы намѣрены объясниться на этотъ счетъ подробнѣе, считая объясненіе именно этого пункта самымъ необходимымъ для убѣжденія въ важности, какую имѣетъ здоровый организмъ, — не только для тѣлесной, но и для нравственной дѣятельности человѣка.

Начнемъ хоть съ того, что замѣчать антагонизмъ между предметами есть дѣло, совершенно естественное и неизбѣжное при раскрытіи въ человѣкѣ сознанія. Пока мы не замѣчаемъ разницы между предметами, до тѣхъ поръ мы существуемъ безсознательно.

Первый актъ сознанія состоитъ въ томъ, что мы отличаемъ себя отъ прочихъ предметовъ, существующихъ въ мірѣ. Уже въ этомъ отличеніи заключается и нѣкоторое противопоставленіе, и противопоставленіе это тѣмъ сильнѣе, чѣмъ болѣе самостоятельности признаемъ мы за своимъ существомъ. Сознавши себя, какъ нѣчто отдѣльное отъ всего прочаго, человѣкъ необходимо долженъ придти къ заключенію, что онъ имѣетъ право жить и дѣйствовать самъ по себѣ, отдѣльной и самостоятельной жизнью. Но на дѣлѣ онъ безпрестанно встрѣчаетъ непреодолимыя препятствія къ исполненію своихъ личныхъ стремленій и, сознавая свое безсиліе, но еще не сознавая ясно своей связи съ общими законами природы, ставитъ себя во враждебное отношеніе къ ней. Ему кажется, что въ природѣ есть какія-то силы, непріязненныя къ человѣку и вѣчно ему противоборствующія. Отсюда развивается мало по малу понятіе о темныхъ силахъ, постоянно вредящихъ человѣку. Между тѣмъ и благотворная сила природы не можетъ не быть замѣчена человѣкомъ, разъ уже отличившимъ себя отъ нея, и такимъ образомъ, вмѣстѣ съ понятіемъ о темной силѣ, является и сознаніе силы свѣтлой и доброй, покровительствующей человѣку. Вотъ начало того дуализма, который находимъ мы въ основаніи языческихъ религій: Вишну и Шива, Ормуздъ и Ариманъ, Бѣлбогъ и Чернобогъ, и проч. и проч. служатъ олицетвореніемъ первоначальныхъ понятій человѣка о силахъ природы. Въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи, соразмѣрно съ пріобрѣтеніемъ большей опытности человѣчествомъ, общая идея распадается на множество частныхъ и примѣняется ко всякому отдѣльному явленію. Такимъ образомъ являются понятія о противоборствѣ свѣта и мрака, тепла и холода, моря и суши, и т. д. Наконецъ человѣкъ обращается отъ внѣшняго міра къ себѣ и въ своей собственной натурѣ тоже начинаетъ замѣчать борьбу какихъ-то противоположныхъ побужденій. Не умѣя еще возвыситься до идеи о всеобщемъ единствѣ и гармоніи, онъ и въ себѣ, какъ въ природѣ, предполагаетъ существованіе различныхъ, непріязненныхъ другъ другу началъ. Доискиваясь, откуда взялись они, онъ, почти вполнѣ еще находящійся подъ вліяніемъ впечатлѣній внѣшняго міра, не задумывается приписать ихъ происхожденіе тѣмъ же враждебнымъ силамъ, какія замѣтилъ уже въ природѣ. Находя внутри себя какія-то неясныя стремленія, какое-то недовольство внѣшнимъ, онъ естественно заключаетъ, что внутри его есть какое-то особенное существо, высшее, нежели то, которое обнаруживается въ его внѣшней дѣятельности. Отсюда прямой выводъ, что въ человѣкѣ два враждебныхъ существа, — одно, происходящее отъ до-

браго начала,—внутреннее, высшее; другое, произведенное злою силой, внѣшнее, грубое, темное. Такимъ образомъ является то мрачное понятіе о тѣлѣ, какъ темницѣ души, которое существовало у дохристіанскихъ народовъ. Со временъ христіанства древній дуализмъ по немногу начинаетъ исчезать и до нѣкоторой степени теряетъ свою силу въ общемъ сознаніи. Но старыя понятія жалко было бросить схоластическимъ мудрецамъ Среднихъ вѣковъ, и они ухватились за дуализмъ, какъ за неистощимый источникъ діалектическихъ преній. Въ самомъ дѣлѣ, — когда все просто, естественно и гармонично, о чемъ тогда и спорить? Гораздо лучше, если будетъ два начала, двѣ силы, два противныхъ положенія, изъ которыхъ можно исходить, во всеоружіи софизмовъ, на поприще праздной діалектики. Эти-то премудрые схоластики и задержали общій здравый смыслъ, которому, конечно, давно пора бы понять, что послѣдняя цѣль знанія — не борьба, а примиреніе, не противоположность, а единство. Средневѣковые ученые постарались отдѣлить душу отъ тѣла и взглянувши на нее, какъ на существо, совершенно ему чуждое, принялись потомъ отгадывать: какъ же это душа съ тѣломъ соединяется? Въ древности Аристотель тоже разсуждалъ объ этомъ: тому было, разумѣется, простительно. Онъ воображалъ себѣ, что тѣло есть матерія грубая, а душа—тоже матерія, только очень тонкая, и слѣдовательно, вопросъ, поставленный имъ, можно понимать нѣкоторымъ образомъ въ химическомъ смыслѣ. Оттого-то и вышла у него хорошая теорія—*инфлюксусъ физикусъ*, для объясненія связи души съ тѣломъ... У средневѣковыхъ ученыхъ не могло существовать предположенія Аристотеля о матеріальности души. Всѣ они были христіане, большею частью духовные, всѣ вѣровали въ духовность и безсмертіе души, а между тѣмъ разсматривали вопросъ, который возможенъ былъ только при предположеніи Аристотеля. Какимъ способомъ духъ соединяется съ тѣломъ, спрашивали они, какое мѣсто занимаетъ онъ въ тѣлѣ? Посредствомъ какихъ связей передается душѣ боль, причиненная тѣлу? Какіе существуютъ проводники, передающіе тѣлу мысли и желанія воли?.. Дѣлая всѣ эти вопросы, схоластики не понимали, что, считая душу идеальнымъ существомъ, механически вложеннымъ въ тѣло, они черезъ то сами впадаютъ въ грубѣйшій матеріализмъ. Если душа занимаетъ опредѣленное мѣстечко въ тѣлѣ; то, разумѣется, она матеріальна; если она какими нибудь внѣшними связями соединяется съ тѣломъ, — опять тоже неизбѣжное слѣдствіе. Къ этому заблужденію присоединялось еще другое, тоже языческое, — что тѣло состоитъ подъ вліяніемъ злой силы и отъ него приходитъ въ душу все нечистое. На основаніи этого разсужденія,

средневѣковые аскеты превзошли даже тѣ жестокія и кровавыя истязанія, какія дѣлаютъ надъ собой индѣйцы въ своемъ религіозномъ изступленіи. Извѣстно, до какого безумія доходили бичующіеся въ своемъ усмиреніи плоти. Извѣстно и то, сколько кощунновъ и сколько несчастныхъ, такъ называемыхъ, «бѣснующихся», сожжено было тогда, вслѣдствіе увѣренности, что въ тѣлѣ ихъ воцарился дьяволъ....

Въ наше время успѣхи естественныхъ наукъ, избавившіе насъ уже отъ многихъ предразсудковъ, дали намъ возможность составить болѣе здравый и простой взглядъ и на отношеніе между духовной и тѣлесной дѣятельностью человѣка. Антропологія доказала намъ ясно, что прежде всего—всѣ усилія наши представить себѣ отвлеченнаго духа безъ всякихъ матеріальныхъ свойствъ, или положительно опредѣлить, что онъ такое въ своей сущности, всегда были и всегда останутся совершенно безплодными. Затѣмъ наука объяснила, что всякая дѣятельность, обнаруженная человѣкомъ, лишь на столько и можетъ быть нами замѣчена, на сколько обнаружилась она въ тѣлесныхъ, внѣшнихъ проявленіяхъ, и что, слѣдовательно, о дѣятельности души мы можемъ судить только по ея проявленію въ тѣлѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ мы узнали, что каждое изъ простыхъ веществъ, входящихъ въ составъ нашего тѣла, само по себѣ не имѣетъ жизни, — слѣд. жизненность, обнаруживаемая нами, зависитъ не отъ того или другаго вещества, а отъ извѣстнаго соединенія всѣхъ ихъ. При такомъ точномъ дознаніи уже невозможно было оставаться въ грубомъ, слѣпомъ матеріализмѣ, считавшемъ душу какимъ-то кусочкомъ тончайшей, эѳирной матеріи; тутъ уже нельзя было ставить вопросы объ органической жизни человѣка такъ, какъ ихъ ставили древніе языческіе философы и средневѣковые схоластики. Нуженъ былъ взглядъ болѣе широкій и болѣе ясный, нужно было привести къ единству то, что доселѣ намѣренно разъединялось; нужно было обобщить то, что представлялось до тѣхъ поръ какими-то отдѣльными частями. Въ этомъ возведеніи видимыхъ противорѣчій къ естественному единству, великая заслуга новѣйшей науки. Только новѣйшая наука отвергла схоластическое раздвоеніе человѣка и стала разсматривать его въ полномъ, неразрывномъ его составѣ, тѣлесномъ и духовномъ, не стараясь разобщать ихъ. Она увидѣла въ душѣ именно ту силу, которая проникаетъ собою и одушевляетъ весь тѣлесной составъ человѣка. На основаніи такого понятія, наука уже не разсматриваетъ нынѣ тѣлесныя дѣятельности отдѣльно отъ духовныхъ, и обратно. Напротивъ, во всѣхъ, самыхъ ничтожныхъ тѣлесныхъ явленіяхъ, наука видитъ дѣйствіе той же силы, участвующей безсознательно въ кро-

вотворенiи, пищеваренiи и пр., и достигающей высоты сознанiя въ отправленiяхъ нервной системы и преимущественно мозга. Отличаясь простотою и вѣрностью фактамъ жизни, согласный съ высшимъ, христiанскимъ взглядомъ вообще на личность человѣка, какъ существа самостоятельно-индивидуальнаго, взглядъ истинной науки отличается еще однимъ преимуществомъ. Имъ несомнѣнно утверждается та истина, что душа не внѣшней связью соединяется съ тѣломъ, не случайно въ него положена, не уголокъ какой нибудь занимаетъ въ немъ,—а сливается съ нимъ необходимо, прочно и неразрывно, проникаетъ его все и повсюду, такъ, что безъ нея, безъ этой силы одушевляющей, невозможно вообразить себѣ живой человѣческой организмъ.

Вникнувши въ этотъ взглядъ, немудрено понять, въ какомъ смыслѣ здоровье можетъ быть принимаемо за верховную цѣль развитiя человѣка. Если всякая душевная дѣятельность непремѣнно проявляется во внѣшнихъ знакахъ и если орудiемъ ея проявленiя служатъ непремѣнно органы нашего тѣла, то ясно, что для правильнаго проявленiя душевной дѣятельности, мы должны имѣть правильно-развитые, здоровые органы. При всемъ желанiи слушать хорошiе совѣты и видѣть добрые примѣры, человѣкъ слѣпой и глухой не можетъ исполнить своего желанiя, такъ же, какъ безногiй не можетъ ходить, нѣмой говорить, и т. п. Такъ точно, если въ насъ разстроены нервы, мы не можемъ быть спокойны и терпѣливы; если поврежденъ мозгъ, не можемъ хорошо разсуждать, и т. д. Во всѣхъ этихъ случаяхъ, мы нездоровы, хотя бы и не чувствовали острой тѣлесной боли. Равнымъ образомъ нельзя назвать совершенно здоровымъ и того организма, въ которомъ одна какая нибудь сторона развивается слишкомъ сильно, въ ущербъ другимъ. Такимъ образомъ тотъ организмъ, въ которомъ развитiе мозговыхъ отправленiй поглощаетъ собою всѣ другiя, развивается ненормально, болѣзненно. Точно также ненормально и развитiе того организма, въ которомъ усиленной дѣятельностью мускуловъ ограничивается и заглушается развитiе нервной системы и особенно мозга. Въ этомъ отношенiи, слѣдовательно, какъ блѣдныя, истощенныя ученыя дѣти, такъ и дикари, обладающiе страшной физической силой, но грубые и необразованные, развиты одинаково-односторонне, и односторонность эту можно назвать недостаткомъ полнаго здоровья организма. Недостатокъ этотъ, разумѣется, нисколько не мѣшаетъ правильной дѣятельности тѣхъ органовъ, которые хорошо развились, хотя онъ и мѣшаетъ воспроизведенiю полной гармонiи въ организмѣ. Оттого-то мы и видимъ всегда такъ много лихорадочнаго, судорожнаго въ дѣятельности энтузiастовъ, у которыхъ сила чувства и

воображенія преобладаетъ надъ разсудкомъ. Оттого-то мы находимъ такую ограниченность, тусклость понятій у людей, всю жизнь посвятившихъ физическому труду; животно-здоровой организаціи недостаточно для человѣка: для него нужно здоровье человѣческое, здоровье, въ которомъ бы развитіе тѣла не мѣшало развитію души а способствовало ему. Иначе является одностороннее, нездоровое развитіе, при которомъ,—совершенно естественно,—болѣзненное состояніе однихъ органовъ возбуждаетъ къ усиленной дѣятельности другіе. Собственно говоря, всякую болѣзнь можно опредѣлить, именно какъ нарушеніе правильнаго отношенія между частицами, входящими въ составъ нашего организма. Слѣдовательно, тотъ напр. фактъ, что при истощеніи тѣла отъ болѣзни усиливается дѣятельность воображенія, нисколько не противорѣчитъ общей гармоніи организма, а, напротивъ, подтверждаетъ ее. Давно уже замѣчено, что природа какъ бы старается вознаградить человѣка за недостатокъ однихъ органовъ большимъ совершенствомъ другихъ. Такъ слѣпые бываютъ одарены хорошимъ слухомъ и осязаніемъ, напротивъ глухіе часто отличаются остротою зрѣнія и т. п. Тоже самое должно произойти и въ дѣятельностяхъ, совершающихся при непосредственномъ участіи мозга. Онѣ могутъ развиваться тѣмъ сильнѣе, чѣмъ менѣе развиваются прочія дѣятельности. Такъ, лишеніе зрѣнія необходимо заставляетъ человѣка отказаться отъ нѣкоторыхъ общественныхъ занятій, и кромѣ того отнимаетъ у него возможность пріобрѣтать новыя впечатлѣнія посредствомъ глазъ. Весьма естественно, что, находясь въ такомъ положеніи, человѣкъ болѣе обращается къ своему субъективному міру и занимается переработкою тѣхъ впечатлѣній, которыя были уже получены имъ прежде. Точно такъ и какой-нибудь Лойола могъ развивать въ своемъ воображеніи какіе угодно великіе планы, несмотря на слабость своего тѣла во время выздоровленія. Это фактъ весьма естественный: такъ извѣстно, что ослабленіе тѣла, вслѣдствіе продолжительнаго голода, оканчивается бредомъ, и вообще бредъ всего чаще является въ болѣзняхъ, истощающихъ организмъ. Въ подобныхъ явленіяхъ мы должны видѣть скорѣе соотвѣтствіе, нежели антагонизмъ.

Смотря на человѣка, какъ на одно цѣлое, нераздѣльное существо, какъ на истинный индивидуумъ, мы устраняемъ и тѣ безчисленныя противорѣчія, какія находятъ схоластики между тѣлесной и душевной дѣятельностью. Разумѣется, если разсѣкать человѣка на части, то непримиримыхъ противорѣчій можно найти бездну, какъ и-во всемъ можно отыскивать ихъ при такомъ условіи. Что было бы, если бы мы вздумали искать, напр. въ какой части скрипки сидитъ звукъ, издаваемый ею, — въ струнахъ, или въ колышкахъ, или въ

вырѣзкахъ ея, или въ самой доскѣ?... Къ какимъ забавнымъ разсужденіямъ привела бы насъ попытка рѣшить подобный вопросъ, невозможный по самой сущности дѣла! Нѣчто, совершенно подобное, случилось съ схоластиками, старавшимися противопоставить тѣло духу. Какимъ это образомъ, говорили они, душа наша можетъ радоваться, когда тѣло чувствуетъ боль? Какъ душа можетъ не замѣчать предмета, когда глаза смотрятъ на него? Какъ душа можетъ чувствовать холодъ, когда руки ощупываютъ предметъ теплый непосредственно послѣ горячаго? и т. д. Противорѣчія были безконечны, и изъ нихъ схоластики,—безъ всякаго права, впрочемъ,—выводили заключеніе, довольно курьезное, именно: душа, дескать, въ человѣкѣ сама по себѣ, и тѣло само по себѣ; одна дѣйствуетъ по своимъ законамъ, а другое по своимъ, совершенно особеннымъ. Заключеніе это, какъ ни нелѣпо оно, долгое время принималось на слово, пока результаты, добытые естественными науками, не помогли опредѣлить точнѣе органическую природу человѣка. Теперь уже никто не сомнѣвается въ томъ, что всѣ старанія провести разграничительную черту между духовными и тѣлесными отправленіями человѣка напрасны, и что наука человѣческая никогда этого достигнуть не можетъ. Безъ вещественнаго обнаруженія мы не можемъ узнать о существованіи внутренней дѣятельности; а вещественное обнаруженіе происходитъ въ тѣлѣ; возможно ли же отдѣлять предметъ отъ его признаковъ, и что остается отъ предмета, если мы представленіе всѣхъ его признаковъ и свойствъ уничтожимъ? Совершенно простое и логичное объясненіе фактовъ видимаго антагонизма человѣческой природы происходитъ тогда, когда мы смотримъ на человѣка, просто какъ на единый, нераздѣльный организмъ. Тогда тотъ фактъ напр., что мы иногда смотря не видимъ, объясняется совершенно просто. Актъ зрѣнія не состоитъ въ томъ только, чтобы видимый предметъ отразился въ нашемъ глазѣ; главное дѣло здѣсь въ томъ, чтобы нервъ зрѣнія былъ возбужденъ и передалъ въ мозгъ впечатлѣніе предмета. Зрѣніе совершается не въ глазѣ, а въ мозгу, какъ и всѣ наши чувства; если перерѣзать напр. глазной нервъ, то предметы будутъ отражаться въ глазѣ по прежнему, а видѣть ихъ мы не будемъ. Поэтому вовсе ничего нѣтъ страннаго, что когда мы заняты какими нибудь важными думами, т. е. когда въ мозгу совершается усиленная дѣятельность, то слабое раздраженіе зрительнаго нерва, чувствительное для насъ въ другихъ случаяхъ, дѣлается уже недостаточнымъ и не пробуждаетъ въ мозгу сознанія о себѣ. Но какъ скоро раздраженіе нерва дѣлается слишкомъ сильнымъ, то вниманіе наше немедленно отвлекается отъ предметовъ, о которыхъ мы думали, и обращается на предметъ, произведшій раздраженіе. Такимъ же есте-

ственнымъ образомъ объясняетъ физіологія и всѣ противорѣчія, при думанныя схоластиками, впавшими безъ собственнаго вѣдома въ слишкомъ грубый матеріализмъ.

Сдѣлавши эти предварительныя объясненія, мы полагаемъ, что въ читателяхъ уже не остается болѣе недоумѣній относительно того, что мы разумѣемъ подъ здоровымъ развитіемъ организма и почему придаемъ ему такую важность. Въ наше время, вообще, вошло въ обычай, съ голоса превыспренныхъ поэтовъ, жаловаться на матеріализмъ и практическое направленіе вѣка. Но намъ кажется, что гораздо съ большимъ правомъ врачи и физіологи упрекаютъ наше время въ односторонненъ, нездоровомъ идеализмѣ. Посмотрите, въ самомъ дѣлѣ, какъ презрительно смотримъ мы на тѣлесный трудъ, какъ мало обращаемъ вниманія на упражненіе тѣлесныхъ силъ. Мы любимъ, правда, красоту, ловкость, грацію; но и тутъ часто выражается наше презрѣніе къ простому, здоровому развитію организма. Въ лицахъ часто намъ нравится мечтательное, заоблачное выраженіе и блѣдный цвѣтъ, «тоски примѣта»; въ строеніи организма — талія, которую можно обхватить одной рукой; о маленькихъ ручкахъ и ножкахъ и говорить нечего. Этого, конечно, нельзя назвать положительно дурнымъ, нельзя утверждать, что большая нога непремѣнно лучше маленькой; но все-таки наше предпочтеніе, основываясь не на понятіи о симметричности развитія всѣхъ органовъ человѣка, а на какомъ-то безотчетномъ капризѣ, служитъ доказательствомъ односторонняго, ложнаго идеализма. Мускулистыя, сильно развитыя руки и ноги пробуждаютъ въ насъ мысль о физическомъ трудѣ, развивающемъ, какъ извѣстно, эти органы; и это намъ не нравится. Напротивъ, миніатюрныя, нѣжныя ручки свидѣтельствуютъ, что обладающій или обладающая ими не преданы грубому труду, а упражняются въ какой нибудь высшей дѣятельности. Этого-то намъ и нужно... Искаженныя стремленія идеализма постоянно въ насъ проглядываютъ. Мы, напримѣръ, очень строги въ сужденіяхъ о поступкахъ другихъ людей и очень склонны требовать отъ каждаго, чтобы онъ былъ героемъ добродѣтели. Рѣдко, рѣдко обратимъ мы вниманіе на положеніе человѣка, на обстановку его быта, на разныя облегчающія обстоятельства.. Ну, не идеальный ли это образъ мыслей?.. А наши удовольствія? Мы даемъ благотворительные балы, разъигрываемъ благотворительныя лотереи, составляемъ благородные спектакли, тоже благотворительные: можно ли не видѣть въ этомъ высокихъ стремленій, чуждыхъ матеріальнаго разсчета? Мы восхищаемся всѣми искусствами и утверждаемъ, что звуки оперъ Верди, пейзажи Калама настраиваютъ насъ къ чему-то возвышенному, чистому, идеальному. На самомъ-то дѣлѣ подъ всѣмъ этимъ скрывается, мо-

жетъ быть, просто пріятное удовлетвореніе слуха и глазъ, а можетъ быть даже и желаніе убить скуку; но вѣдь мы въ этомъ не признаемся, и тутъ-то и выражается наше стремленіе къ какому-то идеализму. Мы совѣстимся представить себѣ вещи, какъ онѣ есть; мы непремѣнно стараемся украсить, облагородить ихъ, и часто навязываемъ на себя такое бремя, котораго и снести не можемъ. Кто изъ насъ не старался иногда придать оттѣнокъ геропзма, великодушія или тонкаго соображенія самому простому своему поступку, сдѣланному иногда совершенно случайно? Кто не убиралъ розовыми цвѣтами идеализма—простой, весьма понятной склонности къ женщинѣ? Кто изъ образованныхъ людей, наконецъ,—пошлемся на самихъ читателей,—не говорилъ съ увѣренностью, даже иногда съ восторгомъ, о Гомерѣ, о Шекспирѣ, пожалуй, о Бетховенѣ, о Рафаэлѣ и его мадоннѣ, и между тѣмъ, многіе ли сами-то понимали, въ глубинѣ души своей, то, что говорили? Нѣтъ, что ни говорите, а желаніе поидеальничать въ насъ очень сильно; врачи и натуралисты «имѣютъ резонъ».

Но ни въ чемъ этотъ ложный и безвредный идеализмъ не выражается такъ ясно и не приноситъ столько вреда, какъ въ воспитаніи. Гдѣ нынѣ заботятся о примѣненіи воспитанія къ индивидуальному организму дѣтей? Гдѣ занимаются наглядным обученіемъ въ раннемъ дѣтскомъ возрастѣ? Кто ищетъ для своихъ дѣтей здороваго развитія организма болѣе, чѣмъ внушенія имъ всяческихъ, часто очень уродливыхъ, отвлеченностей? Въ старину любили откармливать дѣтей; нынѣ любятъ морить ихъ голодомъ, чтобъ они не ожирѣли и не отупѣли. Въ старину до пятнадцати лѣтъ не принимались за ученье, въ той мысли, что пусть, дескать, дитя побѣгаетъ, ученье-то еще не уйдетъ; нынѣ дѣтямъ не даютъ бѣгать, заставляя ихъ сидѣть смирно и учиться. Бывало, спозаранку прогоняли дѣтей спать, чтобы не изнурились, и они просыпали половину сутокъ; теперь дѣтей заставляютъ сидѣть за урокомъ до тѣхъ поръ, пока отяжелѣвшая голова ихъ сама не упадетъ на столъ. Двухлѣтнему мальчику толкуютъ уже объ ученьи, а съ пяти лѣтъ, иногда и раньше, стараются уже вбить ему въ голову высокія идеи о его назначеніи—быть архитекторомъ, инженеромъ, генераломъ, правовѣдомъ, и т. п. Можетъ быть, въ этомъ скрывается матеріализмъ самый грубый; но только результаты его вовсе не благопріятны для тѣлеснаго здоровья и развитія дѣтей. Нынѣ уже не рѣдкость встрѣтить мать, которая съ гордостью и тайнымъ самоуслажденіемъ разсказываетъ о томъ, какъ сынъ ея не спалъ ночи, потерялъ аппетитъ, похудѣлъ и высохъ, какъ спичка, — во время экзаменовъ. Хвалиться прилежаніемъ и любовью къ наукѣ дѣло чрезвычайно похвальное, — объ этомъ что и говорить; но дѣтей все-таки жалко.

Въ дальнѣйшемъ ученьи тоже нельзя не замѣтить фальшиво-идеальнаго направленія, соединеннаго съ пренебреженіемъ къ органическому развитію дѣтей. Родители желаютъ, напримѣръ, чтобъ изъ сына ихъ произошелъ знаменитѣйшій полководецъ. Они понимаютъ, конечно, что этой цѣли не достигнутъ, если дитя умретъ, и вслѣдствіе этого стараются предохранить его отъ смерти, т. е., не пускаютъ бѣгать и рѣзвиться, берегутъ отъ простуды и сквознаго вѣтра, кутаютъ, держатъ на медицинской діэтѣ, и т. п. Ребенокъ, разумѣется, слабъ и нездоровъ, но отъ случайныхъ болѣзней оберегается, хотя и то не всегда. Приходитъ время ученья, и мальчику сейчасъ — геройскія внушенія и великіе историческіе примѣры. Слабость и малодушіе постыдны, внушаютъ ему; нужно всегдашнее мужество и присутствіе духа. Вотъ каковъ былъ Леонидъ Спартанскій, Александръ Македонскій, Юлій Цезарь, и пр. Вотъ какіе труды переносилъ Суворовъ; вотъ какимъ опасностямъ подвергался Наполеонъ; вотъ что сдѣлали Муцій Сцевола, Горацій Коклесъ, и пр., и пр. Достохвальныя качества и подвиги этихъ господъ, равно какъ и краснорѣчивыя внушенія родителей, производятъ сильное впечатлѣніе на ребенка. Онъ готовъ хоть сейчасъ идти на войну и совершать чудеса храбрости. Но *сейчасъ*, къ сожалѣнію, нельзя выдти и на дворъ: вчера шелъ дождикъ, и потому еще сыро. Подражать Муцію Сцеволѣ мальчикъ тоже радъ бы; но его останавливаетъ воспоминаніе о томъ, какая суматоха поднялась на дняхъ по всему дому, когда будущій герой, запечатывая письмо, капнулъ себѣ сургучемъ на пальчикъ. Онъ самъ ревѣлъ на цѣлую улицу, мать упала въ обморокъ, побѣжали за докторомъ, обвязали, уложили героя и два дня продержали въ постели. И видитъ мальчикъ, что быть Муціемъ Сцеволой нѣсколько затруднительно, и едва ли не напрасны всѣ высокія внушенія, которыя ему дѣлаютъ, стараясь дѣйствовать *только* на духъ и совершенно презирая тѣло.

Такъ точно поступаютъ у насъ во всемъ, что касается развитія дѣтей. Особенно часто терпятъ отъ этого дѣти, которыхъ назначеніе — вообще учиться, быть людьми. Съ ними начинаютъ съ того, что сажаютъ ихъ за книгу и изъ книги заставляютъ ихъ выучиться тому, что слѣдовало бы узнать живьемъ, на дѣлѣ. Такъ мальчикъ, живущій въ Петербургѣ, только уже начиная учиться разнымъ наукамъ, получаетъ свѣдѣнія о многомъ, что его окружаетъ. Изъ географіи узнаетъ онъ, что Петербургъ стоитъ на Невѣ, которая впадаетъ въ Финскій заливъ, образуя при этомъ нѣсколько острововъ; изъ исторіи знакомится онъ съ Петербургской Стороной, домикомъ Петра Великаго, и пр.; изъ естественной исторіи узнаетъ о существованіи гранита, и т. д. А подумайте, скоро ли еще, слѣдуя системѣ нашихъ

учебниковъ, дойдешь ло всѣхъ этихъ предметовъ? Не мудрено, если случаются у насъ анекдоты, подобные недавно слышанному нами, который, ради его курьёзности, приведемъ здѣсь. Мальчика, очень *образованнаго*, привезли въ гимназію; онъ выдержалъ экзаменъ прямо во второй классъ и остался жить у дядюшки. На другой день по отъѣздѣ родителей, онъ за обѣдомъ началъ жаловаться, что онъ ѣсть ничего не можетъ, потому, что Трифонъ у дядюшки дурной... Въ домѣ дядюшки никакого Трифона не было, и потому никто не могъ понять, чего мальчику нужно; а онъ никакъ не могъ объясниться, повторяя только одну брань и жалобы на Трифона. Такъ дѣло и осталось неразрѣшеннымъ. Но на другой день поднялась таже исторія, и тутъ только объяснилось, что деревенскій поваръ у родителей мальчика назывался Трифонъ, и *образованный* мальчикъ, приготовленный во второй классъ гимназіи, никогда не подумалъ о томъ, что такое Трифонъ, и не зналъ, что значитъ поваръ!

Все это очень ясно свидѣтельствуетъ о томъ, какъ мало распространено у насъ понятіе о необходимой связи органическихъ отправленій съ дѣйствіями внутреннихъ душевныхъ способностей. Мы вбиваемъ дѣтямъ въ голову огромнѣйшую массу разнородныхъ отвлеченныхъ понятій, совершенно имъ чуждыхъ, а между тѣмъ не хотимъ позаботиться о правильномъ, разумномъ воспитаніи тѣхъ органовъ, которые необходимы для того, чтобы умственная и нравственная дѣятельность могла совершаться правильно. Въ своихъ непрактическихъ—а можетъ быть—и слишкомъ уже практическихъ—мечтаніяхъ мы забываемъ, что человѣческій организмъ имѣетъ свои физическія условія для каждой духовной дѣятельности, что нельзя говорить безъ языка, слушать безъ ушей, нельзя чувствовать и мыслить безъ мозга. Это послѣднее обстоятельство особенно часто опускается изъ виду, и потому у насъ вовсе не заботятся о томъ, чтобы дать правильное развитіе дѣятельности мозга при воспитаніи. А между тѣмъ это-то и служитъ важнѣйшей помѣхой для достиженія успѣшныхъ результатовъ нашего воспитанія, безспорно очень умнаго и нравственнаго, но односторонняго въ своихъ средствахъ. Вотъ что говоритъ объ этомъ, между прочимъ, докторъ Бокъ, ученый, весьма извѣстный въ Германіи. «Слабость умственныхъ способностей и болѣзни мозга, — говоритъ онъ — могутъ произойти не только вслѣдствіе природныхъ недостатковъ, но и вслѣдствіе дурнаго питанія мозга и чрезмѣрнаго умственнаго напряженія. Это послѣднее обстоятельство, съ его печальными послѣдствіями, особенно гибельно для дѣтей, которыхъ мозгъ еще слишкомъ мягокъ и недостаточно развитъ, чтобы переносить трудъ-

ныя работы. А между тѣмъ какъ часто ихъ мучатъ отвлеченностями, вовсе недоступными ихъ возрасту и понятіямъ, какъ часто отъ хилыхъ, малокровныхъ дѣтей требуютъ успѣховъ въ наукахъ наравнѣ съ здоровыми дѣтьми! Прибавьте къ этому еще неправильный отдыхъ и несоотвѣтствующую дѣтскому возрасту пищу, и вы поймете, что ничто не можетъ быть вреднѣе этой умственной дрессировки!» (Бокъ, стр. 468). Точно такое же мнѣніе находимъ мы и у Шнелля, автора другой книги, заглавіе которой выписано нами въ началѣ статьи. У него есть на этотъ счетъ вотъ какая тирада (стр. 162).

«Познанія добываются гораздо легче естественнымъ путемъ, чѣмъ искуственнымъ, т. е. чтеніемъ изъ книгъ. Книга обременяетъ духъ чужимъ матеріаломъ, и потому часто не имѣетъ никакой пользы и разстраиваетъ здоровье духа. Болѣзни мозга (водяная и воспаленіе мозга), встрѣчаемыя у дѣтей перваго возраста, довольно часто происходятъ не столько отъ преждевременнаго ученья, сколько отъ дурной, неестественной методы преподаванія; оттого, что начинаютъ не наглядным преподаваніемъ, какъ бы слѣдовало, а набиваютъ голову формами, отвлеченностями, идеями, которыя впослѣдствіи, такъ сказать, приходятъ въ гніеніе и заражаютъ всю организацію мозга. И въ позднѣйшіе годы поверхностное усвоеніе отвлеченныхъ формъ можетъ совершенно притупить воспріимчивость къ здоровымъ чувственнымъ впечатлѣніямъ, т. е. къ природѣ и жизни. Мы уже знаемъ, что отъ неполнаго или несовершеннаго воспріятія впечатлѣній органами внѣшнихъ чувствъ происходятъ фантазмы, т. е. субъективныя впечатлѣнія или обманы чувствъ. Точно такимъ же образомъ фантастическіе образы, создаваемые воображеніемъ и умомъ, происходятъ вслѣдствіе несовершеннаго усвоенія (перевариванія) духомъ отвлеченныхъ формъ, или отъ недостаточности, неясности и слабости духовной пищи. Въ такомъ случаѣ умъ представляетъ себѣ не предметы, истинно существующіе во внѣшнемъ мірѣ, не существенность, а собственныя (субъективныя) произведенія фантазіи, бредни, мало по малу совершенно овладѣвающія умственными силами. И если число помѣшанныхъ и полупомѣшанныхъ людей, которыхъ умственное разстройство проявляется или необузданностью и своеволіемъ, или же рабскимъ, апатическимъ и безсмысленнымъ послушаніемъ, въ самомъ дѣлѣ со дня на день увеличивается, какъ утверждаютъ врачи-психологи, то это не есть историческое необходимое явленіе, вытекающее изъ современнаго порядка вещей, но результатъ духовной тунеядной жизни.»

Съ послѣднимъ замѣчаніемъ можно не согласиться, потому что самые недостатки воспитанія представляютъ, конечно, историческое явленіе, вытекающее изъ современнаго порядка вещей. Но негодованіе автора противъ отвлеченности воспитанія, господ-

ствующей въ наше время, вполнѣ справедливо. Во всѣхъ требованіяхъ и пріемахъ современнаго воспитанія обнаруживается полное презрѣніе къ органической жизни человѣка, какъ человѣка, а не какъ спеціальной машины для счетоводства, подвиговъ храбрости, строительства, героизма честности, необъятной учености, и т. п. Набивая голову дѣтей отвлеченностями всякаго рода, мы, конечно, и этимъ возбуждаемъ дѣятельность ихъ мозга, но дѣятельность одностороннюю и болѣзненную, именно потому, что мы не хотимъ обращать вниманія на связь отправленій мозга съ состояніемъ всего организма. Это обстоятельство оказываетъ самое неблагопріятное вліяніе на умственную и нравственную дѣятельность человѣка. Физіологія, непрерывнымъ рядомъ изслѣдованій и открытій послѣдняго времени, довольно ясно уже показала несомнѣнную связь нравственной жизни человѣка съ устройствомъ и развитіемъ мозга, и очень жаль, что наша образованная публика доселѣ такъ мало интересуется результатами, добытыми съ помощію естественныхъ наукъ. Имѣя это въ виду, мы и рѣшаемся представить здѣсь нѣсколько общеизвѣстныхъ фактовъ относящихся къ нашему предмету.

Одинъ изъ извѣстнѣйшихъ натуралистовъ новаго времени Молешоттъ приведенъ былъ своими изысканіями къ прямому выводу, что мысль, имѣетъ вліяніе на матеріальный составъ мозга и обратно составъ мозга на мысль. Выводъ этотъ развитъ имъ, въ одномъ изъ его сочиненій, съ нѣкоторыми подробностями, которыя мы считаемъ здѣсь излишними. Мы напомнимъ здѣсь читателямъ только положеніе, давно извѣстное изъ сравнительной анатоміи, — что въ непрерывной градаціи животныхъ, начиная отъ самыхъ низшихъ организмовъ и кончая человѣкомъ количество мозга все увеличивается по мѣрѣ приближенія животныхъ къ человѣку, и по мѣрѣ большей развитости всего ихъ организма. У самыхъ низшихъ животныхъ нѣтъ настоящаго мозга, а только нервные узлы, представляющіе какіе-то зачатки мозга. Наименьшее количество мозга представляютъ земноводныя и рыбы; наибольшее найдено у собакъ, слоновъ и обезьянъ, т. е. именно у тѣхъ животныхъ, которыя отличаются своей понятливостью. У человѣка же мозгу больше, чѣмъ у всѣхъ животныхъ. Количество мозга, конечно, разумѣется здѣсь относительное, сравнительно со всей массою тѣла, и кромѣ того—здѣсь не принимаются въ разсчетъ тѣ части мозга, въ которыхъ заключаются центральные органы движенія и чувствованія. Такое же отношеніе умственныхъ способностей находится и къ составу и устройству мозга. Такъ изслѣдованія Бибры доказали, что отправленія мыслительной способности въ животномъ

тѣмъ совершеннѣе, чѣмъ больше въ мозгу его жиру и фосфора. По изслѣдованіямъ другаго естествоиспытателя, понятливость и легкость мышленія находится въ прямомъ отношеніи къ вѣсу мозга. Наблюденія Гушке доказали, что чѣмъ выше стоитъ животное въ умственномъ развитіи, тѣмъ извилистѣе и глубже у него изгибы мозговой поверхности, и тѣмъ менѣе они имѣютъ замѣтной для глазъ правильности и симметріи. Въ приложеніи къ человѣку все это оправдывается совершеннѣйшимъ образомъ. Мозговой жиръ у него содержитъ болѣе значительное количество фосфора, чѣмъ у всѣхъ другихъ животныхъ; вѣсъ его больше, извилины глубже и своеобразнѣе. Различіе во всѣхъ этихъ отношеніяхъ замѣчается не только между человѣкомъ и животными, но даже и между людьми различныхъ племенъ, различнаго образа жизни, различнаго возраста и пола. Такъ у новорожденныхъ дѣтей жиру въ мозгу сравнительно меньше, чѣмъ у взрослыхъ; вообще дѣтскій мозгъ жиже, мягче, болѣе содержитъ въ себѣ бѣлаго вещества мозга, чѣмъ сѣраго, которое увеличивается уже впослѣдствіи, вмѣстѣ съ развитіемъ умственныхъ способностей. Фохтъ утверждаетъ, что раскрытіе умственныхъ способностей у дѣтей идетъ строго параллельно съ развитіемъ мозговыхъ полушарій. Вообще вещество мозга продолжаетъ развиваться и увеличиваться у человѣка до 40—50 лѣтъ: въ старости же онъ начинаетъ уменьшаться, сжиматься, дѣлается тягучимъ и болѣе волокнистымъ. Сообразно съ этимъ, замѣчается въ престарѣломъ возрастѣ ослабленіе памяти, быстрой и твердой сообразительности и т. п.

Тоже самое отношеніе замѣчается и въ вѣсѣ мозга. Обыкновенный вѣсъ человѣческаго мозга — отъ 3 до 3½ фунтовъ. Множество наблюденій показало, что мозгъ женщины вообще вѣситъ на ¼—⅛ фунта менѣе, чѣмъ мозгъ мужчины. Это совершенно согласно и съ ихъ умственнымъ развитіемъ: извѣстно, что (вслѣдствіе, вѣроятно, условій нашей цивилизаціи), у женщинъ разсудочная способность развита менѣе, чѣмъ у мужчинъ. Эта разница существуетъ также относительно вѣса мозга людей съ различными способностями. Такъ мозгъ Кювье вѣсилъ болѣе четырехъ фунтовъ, а мозги нѣсколькихъ идіотовъ, взвѣшенные Тидеманомъ, имѣли вѣсу только отъ одного до двухъ фунтовъ.

О томъ, какъ различается черепъ негровъ и другихъ низшихъ племенъ человѣчества — отъ черепа народовъ образованныхъ, мы полагаемъ излишнимъ распространяться. Кому неизвѣстно странное развитіе верхней части черепа у этихъ племенъ, доходящее до того, что у нѣкоторыхъ, напр. у новоголландцевъ, почти вовсе нѣтъ верхнихъ частей мозга? И кому, вмѣстѣ съ тѣмъ, неизвѣстно,

что въ отношеніи къ развитію умственныхъ способностей эти племена стоятъ несравненно ниже народовъ кавказскаго племени?

Укажемъ еще на замѣчательные факты, показывающіе неразрывную связь, существующую между мозгомъ и умомъ или вообще духовной жизнью человѣка. Родъ занятій человѣка имѣетъ вліяніе на состояніе мозга. Умственная дѣятельность увеличиваетъ его объемъ и укрѣпляетъ его, подобно тому, какъ гимнастика укрѣпляетъ наши мускулы. По наблюденіямъ нѣкоторыхъ натуралистовъ, мозгъ людей ученыхъ, мыслителей и пр. бываетъ тверже, болѣе содержитъ сѣрой матеріи и имѣетъ болѣе изгибовъ. Вообще — у людей образованнаго класса замѣчаютъ большее развитіе передней части черепа, нежели у простолюдиновъ. Всякое умственное разстройство отражается на состояніи мозга. Показанія медиковъ, изслѣдовавшихъ трупы умалишенныхъ, доказываютъ что поврежденія мозга непремѣнно являются при всякомъ помѣшательствѣ. Кромѣ того-много замѣчено несомнѣнныхъ случаевъ потери памяти при мѣстныхъ пораженіяхъ мозга, и, — что особенно замѣчательно, — часто терялась не вообще память, а только воспоминаніе о нѣкоторыхъ предметахъ. Нѣкоторые, напр. позабывали событія извѣстныхъ годовъ своей жизни, другіе забывали какой-нибудь изъ языковъ, имъ хорошо извѣстныхъ, иные переставали узнавать лица своихъ знакомыхъ, и т. п. Каждый изъ подобныхъ случаевъ былъ слѣдствіемъ мѣстнаго пораженія мозга.

Вообще связь духовной дѣятельности съ отправленіями мозга признана несомнѣнною въ сочиненіяхъ всѣхъ лучшихъ и добросовѣстнѣйшихъ натуралистовъ. Валентинъ говоритъ, что если мы станемъ срѣзывать мозгъ у какого нибудь изъ млекопитающихъ животныхъ; то проявленія его внутренней дѣятельности ослабѣваютъ по мѣрѣ того, какъ уменьшается количество мозга; когда же доходитъ при этомъ до такъ называемыхъ мозговыхъ пещеръ, то животное погружается въ совершенную безчувственность. Положеніе это представляется совершенно очевиднымъ въ опытахъ Флурана, который у нѣкоторыхъ животныхъ, могущихъ переносить поврежденія мозга, срѣзывалъ мозгъ сверху пластами. Такимъ образомъ дѣлалъ онъ опыты надъ курами и, постепеннымъ срѣзываньемъ мозга, доводилъ ихъ до того, что у нихъ исчезало всякое проявленіе высшей жизненной дѣятельности. Онѣ теряли даже способность произвольнаго движенія и всякую воспріимчивость къ впечатлѣніямъ внѣшнихъ предметовъ. Но при этомъ жизнь ихъ не прекращалась; ее поддерживали искусственнымъ питаніемъ, и куры въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ продолжали прозябать такимъ образомъ, даже увеличиваясь въ вѣсѣ.

Послѣ всѣхъ этихъ фактовъ, нельзя не признать важности правильнаго развитія мозга для правильности самыхъ отправленій духовной дѣятельности. И такъ какъ человѣкъ превосходитъ животныхъ всего болѣе совершеннѣйшимъ устройствомъ мозга, то для него этотъ органъ духовной дѣятельности долженъ имѣть особенно важное значеніе. Въ этомъ случаѣ можно повторить слова доктора Бока (русск. перев., стр. 171): «Высшее и совершеннѣйшее развитіе мозга отличаетъ человѣка отъ животныхъ; недостатки же мозга, несовершенное развитіе или болѣзненное измѣненіе его, болѣе или менѣе ослабляютъ сознаніе, способности духовныя и способность чувствовать и произвольно двигаться. Значительнѣйшіе недостатки мозга ставятъ человѣка иногда гораздо ниже животныхъ. Слѣдовательно, душа человѣческая прежде всего обусловливается здоровымъ мозгомъ.»

Но для того, чтобъ мозгъ былъ здоровъ и развился правильно, необходимы нѣкоторыя особенныя условія. Въ организмѣ человѣка нѣтъ ни одной части, которая существовала бы сама по себѣ, безъ всякой связи съ другими частями; но ни одна изъ частей нашего тѣла не связана такъ существенно со всѣми остальными, какъ головной мозгъ. Не входя ни въ какія подробности, довольно сказать, что въ немъ сосредоточиваются нервы движенія и чувствованія. Понятно, поэтому, въ какой близкой связи находится дѣятельность мозга съ общимъ состояніемъ тѣла. Очевидно, что всякое измѣненіе въ организмѣ должно отражаться и на мозгѣ, если не въ мыслительной, то въ чувствовательной его части. Доселѣ еще физіологическія изслѣдованія не объяснили вполнѣ микроскопическое строеніе частицъ и химическій составъ мозга, и слѣдовательно нельзя еще сказать, какими именно матеріальными измѣненіями организма обусловливается та или другая сторона дѣятельности мозга. Тѣмъ не менѣе доэнано уже достовѣрно, что, кромѣ охраненія мозга отъ поврежденій, для его развитія необходимы два главныя условія: *здоровое питаніе* и *правильное упражненіе*. Питаніе мозга производится изъ крови. Слѣдовательно для правильнаго питанія его необходимо, чтобы въ организмѣ правильно совершалось кровотвореніе, кровообращеніе и кровоочищеніе. Примѣры того, что порча крови вредно дѣйствуетъ на правильность отправленій мозга, — не рѣдки. Такъ, напримѣръ, бываетъ при развитіи желчи, въ нервной горячкѣ, въ такъ называемомъ собачьемъ бѣшенствѣ, и пр. Кромѣ питанія, для развитія мозга необходимо еще упражненіе, посредствомъ воспріятія внѣшнихъ впечатлѣній. «Здоровый мозгъ, говоритъ докторъ Бокъ (стр. 171), долженъ развить свои умственныя способности постепенно, съ помощію пяти чувствъ и внѣшнихъ впечатлѣній. На

этомъ основывается весь процессъ воспитанія. Человѣкъ, котораго тотчасъ по рожденіи удалили бы совершенно отъ общества людей, не имѣлъ бы и слѣда человѣческаго разума; а окруженный, при тѣхъ же условіяхъ, одними животными, онъ непремѣнно усвоилъ бы себѣ всѣ ихъ привычки, разумѣется на столько, на сколько это позволяетъ человѣческая организація.»

Наблюденія надъ исторіею духовнаго развитія человѣка несомнѣнно подтверждаютъ мнѣніе Бока, показывая, что чѣмъ менѣе внѣшнихъ впечатлѣній получалъ человѣкъ, тѣмъ менѣе, уже кругъ его понятій, а вслѣдствіе того — ограниченнѣе и способность сужденія. Противъ этого положенія возражаютъ многіе, утверждая, что понятія и сужденія существуютъ въ человѣкѣ при самомъ рожденіи, и что иначе онъ ничѣмъ бы не отличался отъ животныхъ, имѣющихъ внѣшнія чувства столь же совершенныя, а иногда и лучшія, чѣмъ человѣкъ. Кромѣ того, говорятъ, если бы всѣ понятія пріобрѣтались изъ внѣшняго міра, то дѣти, взросшія подъ одними вліяніями, должны бы быть одинаково умными. Такое возраженіе совершенно неосновательно; при немъ упускается изъ виду то обстоятельство, что ощущеніе внѣшнихъ впечатлѣній совершается не въ самыхъ органахъ чувствъ, а въ мозгу; мозгъ же неодинаковъ у людей и животныхъ, и даже допускаетъ нѣкоторое различіе въ различныхъ людяхъ. Что нѣкоторыя особенности въ строеніи тѣла, въ темпераментѣ, въ расположеніяхъ, — переходятъ наслѣдственно отъ родителей къ дѣтямъ, это есть фактъ, еще необъяснимый для естествовѣдѣнія, но вполнѣ достовѣрный. Поэтому часто одни и тѣ же впечатлѣнія дѣйствуютъ не одинаково на разныхъ людей. При этомъ, для сравненія, можно вспомнить замѣчательный фактъ, представляемый медициною. Лекарства, даваемыя больнымъ, дѣйствуютъ не на всѣ органы тѣла одинаково, а преимущественно на тѣ или другіе, для которыхъ они и назначаются. Процессъ ихъ уподобленія организмомъ совершенно одинаковъ во всѣхъ случаяхъ: они входятъ въ кровь и вмѣстѣ съ нею разносятся по всему тѣлу. Но при этомъ обращеніи ихъ совершается, по нѣкоторымъ, иногда извѣстнымъ, а иногда и неизвѣстнымъ намъ, химическимъ законамъ, притяженіе ихъ къ той или другой части организма. Такимъ образомъ, можно полагать, что и въ дѣятельности мозга совершается воспріятіе однихъ впечатлѣній преимущественно предъ другими, и что тѣ впечатлѣнія, которыя проходятъ какъ бы незамѣтно черезъ чувственные органы одного человѣка, производятъ сильное дѣйствіе на другаго.

Что человѣкъ не изъ себя развиваетъ понятія, а получаетъ ихъ изъ внѣшняго міра, это несомнѣнно доказывается множествомъ на-

блюденій надъ людьми, находившимися въ какихъ нибудь особенныхъ положеніяхъ. Такъ, напримѣръ, слѣпорожденные не имѣютъ никакого представленія о свѣтѣ и цвѣтахъ; глухіе отъ рожденія не могутъ составить себѣ понятія о музыкѣ. Люди, выросшіе въ лѣсахъ, въ обществѣ животныхъ, безъ соприкосновенія съ людьми, отличаются дикостью и неразвитостью понятій. Иногда эта неразвитость доходитъ почти до совершеннаго отсутствія всякихъ признаковъ разумности, какъ, напримѣръ, у извѣстнаго Каспара Гаузера, этой «неудачной попытки на разумное существованіе», по выраженію одного нѣмецкаго писателя.

Тоже самое подтверждается наблюденіями надъ дѣтьми, находящимися даже въ нормальномъ состояніи. Въ первое время жизни младенецъ не имѣетъ сознательной дѣятельности. По мнѣнію физіологовъ, онъ даже не чувствуетъ ни боли, ни голода; онъ беретъ грудь матери, но совершенно безсознательно, механически, просто вслѣдствіе извѣстнаго физіологическаго процесса въ его нервахъ. Онъ кричитъ и возится, потому что нервы ощущенія, раздражаясь, передаютъ раздраженіе и нервамъ движенія. Примѣры подобнаго непроизвольнаго движенія обнаруживаются нерѣдко и въ трупахъ, и въ тѣлахъ растительнаго царства. Что же касается до сознанія, то его еще нѣтъ и не можетъ быть въ новорожденномъ дитятѣ. «Внѣшнія впечатлѣнія, говоритъ Бокъ (стр. 506), не производятъ въ младенцѣ ощущеній или боли, потому что органъ ощущенія и сознанія, то есть мозгъ, еще неспособенъ къ дѣятельности. Крикъ дитяти происходитъ безъ всякаго сознанія, вслѣдствіе того, что раздраженные чувствительные нервы дѣйствуютъ на нервы органа голоса. Только впослѣдствіи, съ развитіемъ мозга, появляется сознаніе и ощущенія.»

Какимъ образомъ, мало по малу, происходитъ развитіе сознательной жизни въ человѣкѣ, довольно подробно излагается въ книгѣ доктора Бока, на стр. 521—529. Мы считаемъ не лишнимъ представить здѣсь его главныя положенія.

Появленіе сознательности въ ребенкѣ начинается, по мнѣнію доктора Бока, довольно рано. «Къ сожалѣнію, говоритъ онъ, большая часть родителей думаетъ, что разумъ, т. е. способность мозга чувствовать, мыслить и желать, является не въ младенческомъ возрастѣ, а гораздо позже; поэтому имъ и въ голову не приходитъ, что грудной ребенокъ нуждается уже въ правильномъ воспитаніи». Воспитаніе, предлагаемое докторомъ Бокомъ, вовсе, впрочемъ, не то отвлеченное воспитаніе, о которомъ у насъ хлопочутъ, а діэтетическое. Сначала чувства новорожденнаго чрезвычайно тупы, такъ что въ первое время онъ не можетъ отличить даже молока ма-

тери отъ самыхъ горькихъ веществъ, и только привычка къ сладкому мало по малу научаетъ его различать сладкій и горькій вкусъ. Точно такъ же постепенно, въ слѣдствіе привычки къ впечатлѣніямъ извѣстнаго рода, развиваются и всѣ остальныя чувства, слѣдовательно въ это уже время легко произвесть въ ребенкѣ много привычекъ и потребностей, которыя могутъ впослѣдствіи укорениться въ немъ. Раньше всѣхъ чувствъ появляется у ребенка осязаніе въ губахъ, которыми онъ ищетъ грудь матери; затѣмъ развивается зрѣніе, слухъ, и т. д. Въ первый мѣсяцъ жизни, глаза дитяти совершенно недѣятельны, а потому и взглядъ у него совершенно безсмысленный и неопредѣленный. На пятой или шестой недѣлѣ ребенокъ начинаетъ уже всматриваться въ окружающіе предметы, вслѣдствіе чего въ мозгу его происходятъ первыя чувственныя впечатлѣнія, то есть, умственные образы, постепенно все болѣе проясняющіеся. Мало по малу они доходятъ до такой степени ясности, что могутъ представляться сознанію ребенка даже и тогда, когда самыхъ предметовъ нѣтъ предъ его глазами. Съ этого начинается дѣятельность способности представленій. Слухъ развивается параллельно съ зрѣніемъ, и оба органа въ развитіи своемъ помогаютъ другъ другу, такъ что, напримѣръ, впечатлѣніе, произведенное на слухъ, заставляетъ уже дитя открыть глаза и смотрѣть въ ту сторону, откуда выходитъ звукъ. На третьемъ мѣсяцѣ жизни, въ ребенкѣ уже проявляется желаніе схватить видимый имъ предметъ; но при этомъ замѣчается въ немъ полное отсутствіе понятія о разстояніи и величинѣ, равно какъ и неумѣнье употреблять свои мускулы. Ребенокъ протягиваетъ ручонки обыкновенно *мимо* предмета, и если ему дадутъ что въ руки, то онъ не умѣетъ держать. Но мало по малу развивается въ немъ и осязаніе. Трехъ мѣсяцевъ дитя начинаетъ уже лепетать, или, какъ говорится, *гулить*. Если ребенокъ часто слышитъ одно и тоже слово, соединяемое съ видомъ какого нибудь предмета, то оба представленія—и названія, и самаго предмета—сближаются въ его головѣ, такъ что, при названіи вещи, онъ можетъ вспомнить ея видъ и понять, о чемъ идетъ рѣчь. Только связь между предметами и порядокъ дѣйствій остаются еще ему чужды; связная рѣчь совершенно непонятна для него. Въ это же время (то есть, пяти или шести мѣсяцевъ), ребенокъ научается различать ласковый тонъ рѣчи отъ сердитаго. Мѣсяца два спустя, въ немъ являются уже темныя представленія и о томъ, въ какомъ порядкѣ и для чего дѣлается то или другое. Достигши такой степени умственнаго развитія, ребенокъ уже пытается самъ говорить; но это умѣнье дается ему раньше или позже, смотря по тому, какъ развиты у него органы движенія. Воля развивается позже всего, уже на второмъ году, когда дитя

можетъ бѣгать безъ посторонней помощи, и когда имѣетъ уже запасъ впечатлѣній, достаточный для того, чтобы составлять собственныя сужденія и выводы. Изъ этого видно, какъ важны первыя впечатлѣнія, ложащіяся на мозгъ ребенка, для будущаго его характера и дѣятельности. Замѣчено, что дѣти, съ которыми мать или кормилица весело болтала и шутила въ первые мѣсяцы ихъ жизни, получаютъ нравъ добрый и веселый. Многія дѣти, которыхъ долго водили на помочахъ, не позволяя имъ ходить безъ посторонней помощи, навсегда сохраняютъ въ характерѣ нерѣшительность и недовѣріе къ своимъ силамъ. Дѣти, которыя въ первый годъ жизни привыкли только къ пріятнымъ ощущеніямъ, и отъ которыхъ, при первомъ ихъ крикѣ, удаляли все непріятное, съ большимъ трудомъ и впослѣдствіи переносятъ неудовольствія и злятся при малѣйшей неудачѣ. Большая часть дѣтей, которыхъ *учатъ* говорить, то есть, натверживаютъ имъ слова, не показывая самаго предмета, обнаруживаетъ впослѣдствіи большую поверхностность.

Еще бо́льшее значеніе имѣютъ внѣшнія впечатлѣнія для дитяти, вступившаго уже въ третій, четвертый годъ жизни. До этого времени, по мнѣнію Бока, можно еще допустить награды и наказанія, даже тѣлесныя; но вовсе не какъ разумную педагогическую мѣру, а единственно въ уваженіе того, что въ дитяти неразвиты еще органы разумной дѣятельности, и животная непосредственность преобладаетъ. Такъ лѣнивая лошадь неутомимо ѣдетъ цѣлую дорогу, если впереди ея ѣдетъ возъ съ сѣномъ: такъ ѣздокъ пришпориваетъ коня, чтобы онъ бѣжалъ скорѣе. Въ періодъ ранней, почти безсознательной жизни дитяти, награды и наказанія допускаются именно въ этомъ смыслѣ. Съ четвертаго года они становится излишними и замѣняются убѣжденіемъ. По мнѣнію д-ра Бока (стр. 543) «ожиданіе обычной награды за благонравіе можетъ вселить въ дѣтей начала корыстолюбія, продажности, эгоизма.» Наказанія, конечно пугаютъ дѣтей, а «боязнь, по словамъ Бока (стр. 550), есть начало трусости, криводушія и подлости.» Съ пятаго и особенно шестаго года необходимо пріучать дѣтей къ разсужденію и отчетливости во всемъ, что они дѣлаютъ. Поэтому, никогда не слѣдуетъ заставлять дѣтей дѣлать то, что превышаетъ ихъ понятія, и въ чемъ они не могутъ ясно убѣдиться при маленькомъ запасѣ своихъ знаній, почерпнутыхъ изъ наблюденія внѣшняго міра. Нужно сколько можно болѣе и правильнѣе упражнять внѣшнія чувства ребенка, чтобы увеличился запасъ впечатлѣній въ его мозгу, и тогда свѣтлые взгляды и сужденія о различныхъ отношеніяхъ предметовъ неизбѣжно явятся въ головѣ его сами собою. Набивая же голову ребенка разными понятіями, которыя выше его соображенія, мы производимъ только то, что дитя не можетъ дать себѣ отчета въ своихъ

ощущеніяхъ, не можетъ подчинить ихъ своей волѣ и освободиться отъ нихъ. «Многіе воспитатели, говоритъ докторъ Бокъ, конечно думаютъ, что такого рода воспитаніе развиваетъ въ дѣтяхъ благородныя и возвышенныя чувства; но они ошибаются. На дѣлѣ выходитъ совсѣмъ другое, то есть, образуются не люди съ благородными чувствами, а сентиментальные фантазеры, совершенно негодные въ практической жизни и безполезные себѣ и другимъ» (стр. 551).

Нѣсколько данныхъ, приведенныхъ нами, могутъ, кажется, дать нѣкоторое понятіе о связи нервныхъ и мозговыхъ отправленій съ умственной дѣятельностью человѣка. Несомнѣнные факты ясно показываютъ намъ, что для правильнаго хода и обнаруженія нашей мысли необходимо намъ имѣть мозгъ здоровый и правильно развитый. Слѣдовательно, если мы хотимъ, чтобы *умственная* сторона существа нашего развивалась, то не должны оставлять безъ вниманія и физическаго развитія мозга.

Но читателю можетъ еще представляться вопросъ: «что же нужно дѣлать для *нравственнаго* развитія, на которое мозгъ долженъ имѣть вліяніе не прямое, а посредственное?» На этотъ счетъ мы привели уже мимоходомъ нѣсколько замѣтокъ доктора Бока; но здѣсь можемъ прибавить и еще нѣсколько соображеній. Они очень не хитры, и потому не будутъ продолжительны.

Если слѣдовать старинному (и доселѣ общепринятому) раздѣленію душевныхъ способностей человѣка, то кромѣ ума остается еще чувство и воля. Дѣятельность чувства относится обыкновенно къ сердцу и совершенно освобождается отъ мозга. Мнѣніе это нельзя назвать совершенно основательнымъ. Собственно говоря, сердце въ нашихъ чувствахъ и страстяхъ не виновато нисколько. Все, что мы привыкли приписывать сердцу, зарождается опять-таки все въ томъ же головномъ мозгѣ. Но отъ мозга идутъ къ сердцу особые *нервы сердца*, которые находятся въ связи со всѣми прочими нервами тѣла; поэтому всякое, сколько нибудь чувствительное, раздраженіе, гдѣ бы и отчего бы оно ни произошло,—немедленно сообщается въ головномъ или спинномъ мозгѣ нервамъ сердца и производитъ усиленное его біеніе. Такъ какъ это біеніе для насъ легче замѣтить, чѣмъ дѣятельность мозговыхъ нервовъ, то мы и приписываемъ всякое чувство сердцу. Но что первоначальная причина всякаго чувства все-таки мозгъ, въ этомъ не трудно убѣдиться посредствомъ, напр. такого соображенія. Чувствованія возникаютъ въ насъ вслѣдствіе впечатлѣній, полученныхъ отъ предметовъ внѣшняго міра. Но впечатлѣнія эти только тогда могутъ быть нами сознаны, когда они подѣйствовали на мозгъ. Иначе мы будемъ смотрѣть на предметъ и не видѣть; перерѣзанный нервъ будетъ раздражаемъ всѣми возможными средствами, и мы не будемъ чувствовать бо-

ли, потому, что нервъ разобщенъ съ мозгомъ. Отсюда очевидно, что всякое чувство, прежде своего отраженія въ сердцѣ, должно явиться въ мозгу, какъ мысль, какъ сознаніе впечатлѣнія, и уже оттуда подѣйствовать на организмъ и проявиться въ біеніи сердца. Слѣдовательно на чувство надобно опять дѣйствовать посредствомъ мысли. Однѣ чувства развиваются въ насъ сильнѣе, чѣмъ другія; одни люди чувствуютъ иначе, нежели другіе,—все это такъ. Но причина такого различія вовсе не заключается въ развитіи сердца, этого полаго мускула, выгоняющаго кровь кверху. Причина находится по большей части въ различіи первоначальныхъ впечатлѣній, воспринятыхъ нашимъ мозгомъ. Если человѣкъ съ первыхъ дней дѣтства привыкъ, напримѣръ, слышать постоянно мелодическіе звуки, то естественно, что у него разовьется чувство музыкальное; если въ дѣтствѣ не привыкъ человѣкъ переносить непріятныхъ ощущеній, то понятно, что малѣйшая непріятность выводитъ его изъ себя; если въ ребенкѣ успѣшно старались задерживать свободную дѣятельность мысли, то неизбѣжно родится въ немъ чувство отвращенія къ умственной дѣятельности, и т. д. Вообще нужно сказать, что наши дурныя чувства происходятъ непремѣнно вслѣдствіе неполнаго, неправильнаго или совершенно превратнаго воспріятія впечатлѣній мозгомъ. Какъ послѣ сильнаго звука мы уже не слышимъ посредственнаго, но довольно слышнаго звука, или какъ мы ничего не видимъ, внезапно перейдя отъ яркаго освѣщенія въ мѣсто, слабо освѣщенное, но все же довольно свѣтлое; такъ точно бываютъ подобныя неправильныя воспріятія, а вслѣдствіе того и чувства, и въ предметахъ, прямо относящихся къ нашей духовной дѣятельности. Человѣкъ, привыкшій постоянно получать похвалы, не радъ и даже досадуетъ, когда его хвалятъ меньше обыкновеннаго; тотъ, кто привыкъ къ праздной жизни и мало испытывалъ сильныхъ впечатлѣній, пугается ничтожнаго труда, какъ неисполнимаго; человѣкъ издѣтства привыкшій къ воспріятіямъ сценъ грязныхъ и грубыхъ, наслаждается даже и въ пошломъ кругу, который хоть немножечко поопрятнѣе его прежняго общества. Такимъ образомъ всѣ, дурныя и хорошія, чувства и страсти наши находятся въ полной зависимости отъ степени развитія и отъ здоровья или нездоровья мозга. Развитіе симпатическихъ чувствованій вмѣстѣ съ образованностью и преобладаніе эгоистическихъ при невѣжествѣ—извѣстно всякому.

На основаніи этихъ данныхъ можно положительно сказать, что старанія многихъ воспитателей *дѣйствовать на сердце* дитяти, не внушая ему здравыхъ понятій, совершенно напрасны. Результатомъ подобнаго «дѣйствованія на сердце» бываетъ обыкновенно добродушіе по привычкѣ, при совершенной шаткости и безсиліи убѣжде-

вій. Можно рѣшительно утверждать, что только та доброта и благородство чувствованій совершенно надежны и могутъ быть истинно полезны, которыя основаны на твердомъ убѣжденіи, на хорошо выработанной мысли. Иначе — нѣтъ никакого ручательства за нравственность человѣка съ *добрымъ* сердцемъ, а тѣмъ менѣе за полезность его для другихъ: вспомнимъ, что «услужливый медвѣдь опаснѣе врага.»

При воспитаніи, слѣдовательно, развитіе чувства является само собою, если только умственныя воспріятія правильны, послѣдовательны и ясны. У дѣтей часто можно замѣчать, какое удовольствіе доставляетъ имъ ясное сознаніе какого-нибудь новаго предмета, новой мысли. Какъ будто какой-то свѣтъ озаряетъ ихъ, глаза ихъ свѣтятся, все лицо какъ будто сіяетъ, они начинаютъ говорить отъ избытка чувства, составляютъ свои соображенія, планы, и т. д. Это значитъ, что мысль усвоена ими съ полнотою и ясностью, достаточною для того, чтобы возбудить въ нихъ внутреннее чувство,—и счастливъ учитель, который умѣетъ часто приводить своихъ учениковъ въ такое состояніе. Въ этомъ отношеніи г. Шпель совершенно справедливо говоритъ (стр. 146): «при обученіи не нужно патетическихъ рѣчей, декламацій, и т. д., для того, чтобы мысль дѣйствовала и на чувство ученика. Всякое истинное преподаваніе само по себѣ доставляетъ богатый матеріалъ чувству, потому что познаніе просвѣтляетъ не только умъ, но и сердце, оживляя и радуя его. Познаніе и радость находятся въ ближайшемъ сродствѣ между собою.»

Что касается до воли, то она еще болѣе, нежели чувство, зависитъ отъ впечатлѣній, производимыхъ на нашъ мозгъ внѣшнимъ міромъ. Въ наше время уже всякій понимаетъ, что абсолютная свобода воли для человѣка не существуетъ, и что онъ, какъ всѣ предметы природы, находится въ зависимости отъ ея вѣчныхъ законовъ. Кромѣ г. Берви, автора «физіологическо-психологическаго взгляда», никто уже не можетъ нынѣ сказать, что человѣкъ существуетъ внѣ условій пространства и времени и можетъ по произволу измѣнять всеобщіе законы природы. Всякій понимаетъ, что человѣкъ не можетъ дѣлать все, что только захочетъ, слѣдовательно свобода его есть свобода относительная, ограниченная. Кромѣ того, самое маленькое размышленіе можетъ убѣдить всякаго, что поступковъ, совершенно свободныхъ, которые бы ни отъ чего, кромѣ нашей воли, не зависѣли,—никогда не бываетъ. Въ рѣшеніяхъ своихъ мы постоянно руководствуемся какими нибудь чувствами или соображеніями. Предположить противное — значитъ допустить дѣйствіе безъ причины.

Собственно говоря, воли, какъ способности, отдѣльной, самобытной, независимой отъ другихъ способностей, допустить невозможно. Всѣ ея дѣйствія обусловливаются и даже неизбѣжно произ-

водятся тѣмъ запасомъ знаній, какой скопился въ нашемъ мозгу и той степенью раздражительности, какую имѣютъ наши нервы. Орудіемъ выполненія нашихъ желаній служатъ нервы движенія, идущіе отъ мозга ко всѣмъ мускуламъ. Поэтому степень развитія мускуловъ также обусловливаетъ нашу дѣятельность. Необходимо также, чтобы нервы мускуловъ были соединены съ мозгомъ; иначе они не будутъ намъ повиноваться, и мы не въ состояніи будемъ произвести движенія.

Что желанія появляются сначала въ мозгу, доказательствомъ можетъ служить уже одно то, что желанія эти имѣютъ всегда какой нибудь предметъ, какую нибудь цѣль. Значитъ для желанія нужно, чтобы предметъ произвелъ сначала впечатлѣніе на нашъ мозгъ, потому, что нельзя же желать того, о чемъ не имѣешь никакого представленія. Далѣе нужно, чтобы впечатлѣніе предмета было пріятное, т. е. успокоительное, а не разрушительное для нашей натуры: какъ все въ мірѣ, человѣкъ стремится только къ тому, что соотвѣтствуетъ его натурѣ въ какомъ нибудь отношеніи, и отвращается отъ того, что ей противно. Такимъ образомъ такъ называемая свобода выбора—въ сущности означаетъ именно возможность, существующую въ нашемъ умѣ, сличить нѣсколько предметовъ и опредѣлить, какой изъ нихъ лучше. Здѣсь очень кстати припомнить извѣстный афоризмъ, что «всякій преступникъ есть прежде всего худой счетчикъ.» Дѣйствительно, большая часть преступленій и безнравственныхъ поступковъ совершается по невѣжеству, по недостатку здравыхъ понятій о вещахъ, по неумѣнью сообразить настоящее положеніе дѣлъ и послѣдствія поступка; и только немногія безнравственныя дѣйствія совершаются вслѣдствіе твердаго, но ложнаго убѣжденія. По этому можно отличить легкомысленные проступки отъ заблужденій серьёзныхъ. Нѣкоторые безнравственные люди оправдываютъ себя, считая свой образъ мыслей справедливымъ и соображая съ нимъ свои дѣйствія. Но такихъ не слишкомъ много. Большая часть людей совершаетъ проступки всякаго рода потому, что ни о чемъ собственно не имѣетъ опредѣленнаго понятія, а такъ-себѣ, колеблется между добромъ и зломъ. Хорошій стихъ нападетъ, такъ кажется, что вотъ это безнравственно, а другая минута придетъ, такъ, пожалуй, тоже самое и нравственнымъ покажется. Хочетъ человѣкъ выпить рюмку ради стомаха и очень хорошо понимаетъ, что много пить не слѣдуетъ; но для компаніи онъ не откажется выпить еще одну, и другую рюмку, и тутъ уже понятія его совершенно переворачиваются.. Пока у человѣка есть деньги и нѣтъ ни въ чемъ нужды, онъ не захочетъ принять какой нибудь благодарности, считая это безчестнымъ. Но тотъ же самый человѣкъ будетъ, пожалуй, даже напрашиваться на благодарность,

ежели нужда горькая придавитъ его. Такъ всѣ взяточники, обманщики, притѣснители мало по малу пріобрѣтаютъ привычку и достигаютъ нѣкотораго искуства въ своемъ дѣлѣ. Иногда вмѣстѣ съ практикою приходитъ и теоретическое убѣжденіе, съ нею сообразное. Но чаще всего нравственное убѣжденіе остается въ головѣ само по себѣ, въ отвлеченіи, а дѣла идутъ сами по себѣ. Все это — слѣдствіе того, что понятія о нравственности въ головахъ многихъ людей не выработываются самобытно, а западаютъ въ голову мимоходомъ, со словъ другихъ, въ то время, когда еще мы и не въ состояніи понять такихъ внушеній. Понятія многихъ людей о нравственности можно сравнить съ нашими понятіями о вредѣ, напримѣръ, куренья табаку, питья чаю, кофе, и т. п. Мы всѣ слыхали что-то такое о вредѣ всего этого; но, вѣдь, мало ли что мы слыхали? Ясное и вѣрное сужденіе о томъ, вредны ли табакъ и чай, и въ какихъ случаяхъ вредны, — пріобрѣсти довольно трудно; поэтому мы и довольствуемся слухами, да и о тѣхъ часто забываемъ. Нельзя же за каждой папироской и за каждой чашкой чаю вспоминать медицинскія наставленія, которыя еще, можетъ быть, и несправедливы. Совершенно такъже многіе забываютъ и о нравственности въ своихъ житейскихъ поченіяхъ. Вообще произволъ, который столь многіе смѣшиваютъ съ истинной свободой, означаетъ, напротивъ, самую рабскую зависимость человѣка отъ перваго встрѣчнаго впечатлѣнія. Оттого-то дѣти, которыхъ всѣ прихоти безпрекословно исполнялись, не смотря на всю ихъ шелкопость, — выростаютъ столь мало нравственно-свободными, какъ и тѣ дѣти, у которыхъ съ самаго начала жизни подавлены были всѣ проявленія воли, то есть, всѣ попытки къ самостоятельному обсужденію предметовъ. Г. Шнелль совершенно справедливо говоритъ объ этомъ (стр. 222.)

«Преимущественно должны мы предохранять себя и другихъ отъ произвола. Кто слѣпо слѣдуетъ минутному настроенію духа, кто въ своихъ поступкахъ руководствуется только произволомъ, не подчиняя свою волю высшей власти разума и справедливости, тотъ будетъ или слабымъ, безхарактернымъ человѣкомъ, или притѣснителемъ и тираномъ самого себя и другихъ, и это случается даже съ дѣтьми... Люди жестокіе, мучители человѣчества всѣ воспитываются такимъ образомъ. Это несчастнѣйшіе и опаснѣйшіе люди. Имъ нельзя довѣрять, хотя бы они сами проповѣдывали братство и законную гражданскую свободу; потому что произволъ, служащій рычагомъ всѣхъ ихъ поступковъ, есть также источникъ несправедливости, жестокости и злодѣйства.»

Несомнѣнное вліяніе органическаго развитія на умственную и нравственную дѣятельность человѣка уже очень давно сдѣлалось предметомъ изслѣдованія натуралистовъ. Способъ и самая сущность этого вліянія со дня на день все болѣе объясняются новѣйшими физіологическими изслѣдованіями. Опираясь на эти изслѣдова-

вія, мы уже смѣло можемъ сказать теперь, что естественное, правильное, здоровое развитіе всѣхъ силъ организма гораздо болѣе значитъ для умственной дѣятельности, нежели всевозможныя искусственныя внушенія. Здоровое же состояніе и нормальное развитіе мозга отражается и на чувствованіяхъ и желаніяхъ нашихъ сильнѣе и скорѣе, нежели всѣ тѣ нравоучительныя сентенціи и патетическія тирады, которыя мы заучиваемъ наизусть, большею частію безъ всякаго толку.

Указывая въ этой статьѣ на нѣкоторые результаты физіологическихъ изслѣдованій, мы вовсе не пускались ни въ какія объяснительныя подробности относительно строенія организма вообще, состава и устройства нашего мозга, нервной системы, и проч. Мы не хотѣли вводить этихъ подробностей въ статью нашу потому, что онѣ слишкомъ увеличили бы объемъ статьи, а между тѣмъ все-таки не могли бы дать читателямъ, незнакомымъ съ анатоміей и физіологіей, совершенно яснаго понятія о строеніи всего нашего организма: такое понятіе можетъ быть почерпнуто не иначе, какъ изъ книги, спеціально посвященной этому предмету. Между тѣмъ, статья наша написана именно для людей, совершенно незнакомыхъ съ физіологіей; кто хоть сколько нибудь занимался ею, тотъ не найдетъ здѣсь, вѣроятно, ни одного факта, ни одного положенія новаго... Но и для незнающихъ современнаго положенія физіологіи, статья наша не можетъ показаться удовлетворительною, именно по отсутствію подробностей. Строгіе критики замѣтятъ, что, слѣдовательно, вся наша статья безполезна и написана совершенно напрасно! Предупреждая такое заключеніе, мы спѣшимъ оговориться, что вовсе не приписываемъ нашимъ замѣткамъ какого нибудь особеннаго значенія. Единственная наша цѣль была — пробудить въ читателяхъ, совершенно чуждыхъ естественнымъ наукамъ, хотя нѣкоторый интересъ къ нимъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ обратить вниманіе публики на двѣ книги, весьма не безполезныя для перваго знакомства съ физіологіей и съ ходомъ человѣческаго развитія. Всѣ анатомическія и физіологическія подробности, которыхъ недостаетъ въ нашей статьѣ, читатель можетъ найти въ «Книгѣ о здоровомъ и больномъ человѣкѣ,» доктора Бока, сочиненіи весьма простомъ и популярномъ. Примѣненіе же физіологическихъ началъ къ воспитанію можно найдти въ сочиненіи Шпелля, который тоже излагаетъ много полезныхъ и справедливыхъ мыслей, хотя иногда и увлекается кое-какими мечтаніями, въ сущности вовсе не нужными для правильнаго органическаго развитія человѣка.

Н. А.

НОВЫЯ КНИГИ.

АПРѢЛЬ 1858.

Московскій университетскій благородный пансіонъ и воспитанники Московскаго Университета, гимназій его, университетскаго благороднаго пансіона и дружескаго общества. Сочиненіе *Н. В. Сушкова*, вновь исправленное и пополненное. Съ портретомъ *А. А. Прокоповича-Антонскаго*. М. 1858.

«Что ни есть въ печи, все на столъ мечи», говоритъ русская пословица, и хлѣбосольный господинъ Сушковъ держится ея даже до излишества. На бѣду — печь воспоминаній г. Н. В. Сушкова очень обширна: въ ней уже состряпанъ былъ, какъ извѣстно, цѣлый «обозъ къ потомству»; а теперь вновь состряпанъ лексиконъ собственныхъ именъ, бывшихъ когда нибудь въ спискахъ московскаго университета и университетскаго пансіона, съ краткими отмѣтками автора объ ихъ успѣхахъ на службѣ. Правда, многія изъ нѣсколькихъ сотъ именъ, перечисляемыхъ г. Сушковымъ, пользовались почетной извѣстностью когда-то давно, а теперь уже вкусъ ихъ совершенно утратился. Такія ученыя и литературныя извѣстности, какъ гг. Жихаревъ, Давыдовъ (Иванъ), Шевыревъ, Морошкинъ, и пр., не имѣютъ, въ глазахъ нынѣшней публики, особеннаго блеска. Равнымъ образомъ изящному пиру воспоминаній г. Н. В. Сушкова не дадутъ особеннаго вкуса, ни формулярные списки, сообщаемые имъ, ни дружественныя восхваленія, въ изобиліи расточаемыя, ни моральныя сентенціи, съ прибав-

кою идиллическихъ отвлеченностей. Къ счастію, мы можемъ не кушать тѣхъ изъ яствъ, изготовленныхъ г. Сушковымъ, которыя намъ не нравятся. За исключеніемъ ихъ останется, правда, весьма скудная трапеза; но все-таки кое-какія крохи еще останутся, если не въ воспоминаніяхъ г. Сушкова, то въ матеріалахъ, къ нимъ приложенныхъ. Приложенія составляютъ болѣе половины книги г. Сушкова, и представляютъ замѣчательное разнообразіе. Тутъ находятся и письма Вигеля, Шевырева, Чаадаева, и сочиненіе Антонскаго о воспитаніи, и мнѣніе г. М. Дмитріева о гекзаметрахъ, и слово архимандрита Митрофана, и даже знаменитое въ свое время объявленіе о *полезномъ изобрѣтеніи* дворянина Шенгелидзева. Перебирая всѣ эти приложенія, мы подумали: вотъ у кого бы нашимъ практическимъ юристамъ позаимствоваться искусствомъ притягивать людей къ дѣлу *по прикосновенности*!... Кажется, зачѣмъ бы письма Вигеля о Гоголѣ и Москвѣ, или «Силотворъ» г. Шенгелидзева, приплетать къ воспоминаніямъ о «Благородномъ пансіонѣ»? А нашелся поводъ. Въ старину, дескать, изъ пансіона вышло нѣсколько человѣкъ съ мистическимъ направленіемъ, которые, пожалуй, и отъ алхиміи, и отъ perpetuum mobile не прочь бы; вотъ на нихъ и Шенгелидзевъ похожъ былъ, въ слѣдствіе чего и помѣщаются въ приложеніяхъ подъ №№ VI, VII и VIII — разныя объявленія, какія онъ печаталъ о своихъ изобрѣтеніяхъ.

Впрочемъ, всякій въ своемъ добрѣ воленъ, и чѣмъ богатъ, тѣмъ и радъ. Мы вовсе не хотимъ упрекать г. Сушкова въ плохомъ составѣ его воспоминаній и приложеній. Мы можемъ, разумѣется, о нѣкоторыхъ предметахъ, имѣть другія понятія, нежели г. Сушковъ, можемъ не соглашаться съ нимъ; но это не заставитъ насъ дойти до несправедливаго осужденія всего, что говоритъ г. Сушковъ. Напримѣръ, мы не можемъ не признать высоко-идеальной правды въ афоризмѣ, высказанномъ имъ, что «благія намѣренія, никогда не остаются безъ награды (стр. 31). Такъ точно не можемъ не согласиться съ замѣчаніемъ г. Сушкова, что «упоительно замираетъ юное сердце предъ чтеніемъ своего стихотворенія» (стр. 50). Равнымъ образомъ нельзя не признать справедливыми показаній г. Сушкова о томъ, что Грибоѣдовъ написалъ «Горе отъ ума», что Лермонтовъ хорошо писалъ въ прозѣ и въ стихахъ, что Свиньинъ издавалъ «Отечественныя Записки», Бѣгичевъ написалъ «Семейство оХлмскихъ», и пр., и пр.

Но, отдавая полную справедливость интереснымъ афоризмамъ и свѣдѣніямъ г. Сушкова, мы не можемъ, однако, не замѣтить, что въ сужденіяхъ чисто литературныхъ онъ нерѣдко впадаетъ въ ошибки. На это, впрочемъ, нельзя сердиться, потому что ошибка въ фальшь не ставится.... Что же дѣлать, если человѣкъ ошибается? Когда

онъ молодъ, то нужно вразумить его; а когда старъ, то нужно вразумить молодыхъ людей, указавши имъ, что вотъ, молъ, сей старецъ ошибается. Больше нечего дѣлать. Г. Сушковъ кончилъ курсъ въ благородномъ пансіонѣ уже 45 лѣтъ назадъ, слѣдовательно старецъ. Поэтому мы его вразумлять не станемъ; но для читающаго юношества замѣтимъ, что увлечься нѣкоторыми ошибками г. Сушкова было бы непохвально. Такъ какъ г. Сушковъ говоритъ о Милоновѣ: «Талантъ его неоспоримъ. Сочиненія его напечатаны. Всѣ читающіе у насъ читали ихъ.» (Стр. 79). Послѣднее замѣчаніе, можетъ быть, не совсѣмъ справедливо. Точно такъ же не вполнѣ основательно, можетъ быть, мнѣніе, что «ужъ конечно *ни Дельвигъ, ни Кольцовъ* (!) ничего не написали лучше нѣкоторыхъ пѣсенъ Мерзлякова» (стр. 89). Нельзя также вполнѣ согласиться съ г. Сушковымъ, когда онъ говоритъ, что «одна изъ главнѣйшихъ заслугъ пансіона состояла *въ отдѣлкѣ и развитіи благороднаго письменнаго слога,*» и затѣмъ продолжаетъ (стр. 35):

«Тутъ дѣйствовали не одни писатели, а всѣ, подвизавшіеся на службѣ, воспитанники, какъ рѣшительно всѣ грамотные, грамотные въ полномъ значеніи слова: *грамотей.* Ихъ наперерывъ ловили начальства по всѣмъ частямъ: въ сенатъ, въ коллегій, въ министерства, въ палаты, и т. д. И. И. Дмитріевъ, будучи министромъ юстиціи, окружилъ себя ими. Они-то общими силами *очистили, обработали, облагородили, возвысили прежній канцелярскій, судейскій, словомъ приказный, подьяческій языкъ до настоящаго, яснаго, краткаго, литературно-дѣловаго слога!*»

Юноши! Не увлекайтесь похвалами почтеннаго старца нынѣшнему канцелярскому слогу; но избѣгайте онаго, помня, что слогъ сей ни кратокъ, ни ясенъ, ни литературенъ!

Подобныхъ воззваній къ юношамъ мы могли бы сдѣлать много, потому, что ошибокъ у г. Сушкова — много. Но отвратимъ свои взоры отъ несовершенствъ человѣческихъ и посмотримъ лучше на прекрасную, идеальную личность благодѣтеля, наставника и друга г. Сушкова—А. А. Прокоповича-Антонскаго, изображенную г. Сушковымъ весьма полно и краснорѣчиво.

Антонскій умеръ въ 1848 г. девяностолѣтнимъ старцемъ, исполненный дѣтскаго добродушія, простосердечія и невинности чувствованій. На службѣ онъ былъ 58 лѣтъ, какъ заключаетъ г. Сушковъ изъ того, что у него съ 1835 г. была уже пряжка за 45 лѣтъ. Въ чинѣ дѣйствительнаго статскаго совѣтника былъ онъ съ 1817 года. Послѣдняя награда, полученная имъ въ 1846 г., уже не за долго до смерти, была ему дарована, какъ вице-президенту Московскаго общества сельскаго хозяйства и начальнику земледѣльче-

ской школы. Это былъ орденъ св. Станислава 1-й степени. «И какъ онъ доволенъ былъ этой наградой!» прибавляетъ г. Сушковъ (стр. 65).

Какъ сильно дѣйствовала на любящую душу Антонскаго малѣйшая неисправность по службѣ, какъ близко принималъ онъ къ сердцу всякое замѣчаніе, — доказываетъ одинъ случай, разсказанный г. Сушковымъ.

«Предъ преобразованіемъ пансіона въ гимназію (1830 г.) государь императоръ посѣтилъ его и изъявилъ Антонскому, какъ начальнику, неудовольствіе свое, касательно наружнаго порядка, нестроты въ одеждѣ воспитанниковъ, и т. п. Антонскій заплакалъ. Императоръ сказалъ ему успокоительное, ласковое слово.» При всемъ томъ тяжелое воспоминаніе объ этомъ случаѣ глубоко запало въ душу семидесятилѣтняго старца, и онъ до конца жизни избѣгалъ говорить объ этомъ (стр. 64).

Замѣчаніе о неисправностяхъ, сдѣланное Антонскому, должно было тѣмъ сильнѣе подѣйствовать на чувствительное сердце его, что онъ во всей своей службѣ отличался рѣдкою аккуратностью и постоянною вѣрностью долгу. Такъ съ 1795 года, со времени учрежденія цензуры, Антонскій былъ цензоромъ, и «замѣчательно, говоритъ г. Сушковъ, (стр. 60), что при всѣхъ перемѣнахъ по цензурѣ, которая то была независима отъ гражданскихъ властей, то была въ завѣдываніи сената, то даже была нѣкоторое время подчинена московской полиціи, изъ множества одобренныхъ имъ, въ теченіе столькихъ лѣтъ, сочиненій или переводовъ на разныхъ языкахъ, изъ всѣхъ всякаго содержанія книгъ, повременныхъ изданій, журналовъ, вѣдомостей, отдѣльныхъ статей, тетрадокъ, листковъ, объявленій, и т. д., *никогда ни одна строка не подвергалась замѣчанію правительства!*» Въ самомъ дѣлѣ, это замѣчательно.

Кромѣ обязанностей собственно административныхъ, Антонскій принималъ на себя также весьма много званій ученыхъ и литературныхъ. Онъ былъ профессоромъ энциклопедіи, натуральной исторіи и сельскаго хозяйства; членомъ Временнаго Комитета для составленія ученой россійской исторіи, членомъ Вольнаго Экономическаго Общества, Общества исторіи и древностей россійскихъ, предсѣдателемъ Общества любителей россійской словесности, вице-президентомъ Обществъ—садоводства и земледѣльческаго. Во всѣхъ этихъ званіяхъ (и еще многихъ другихъ, нами опущенныхъ) онъ выказывалъ, по словамъ г. Сушкова, неутомимую дѣятельность и постоянное усердіе. Но всего умилительнѣе тотъ внутренній міръ и душевное настроеніе, которымъ сопровождалась гражданская дѣятельность Антонскаго. Чтобы дать читателямъ совершенно ясное

понятіе объ этомъ добромъ, благодушномъ характерѣ, мы считаемъ не лишнимъ выписать изъ разсказа г. Сушкова слѣдующія краснорѣчивыя строки:

«При всѣхъ многоразличныхъ трудахъ и обязанностяхъ своихъ по всѣмъ отраслямъ наукъ, словесности, художествъ, государственнаго хозяйства, сельскаго домоводства и, главное, по долголѣтнему воспитанію и образованію двухъ-трехъ поколѣній всѣхъ въ Россіи сословій, Антонъ Антоновичъ не забылъ и службы Богу—попеченія о благолѣпіи Дома Господня: онъ радостно принялъ на себя смиренное званіе церковнаго старосты при храмѣ во имя св. Николая Чудотворца (въ Хлыновѣ), въ приходѣ котораго, оставя по разстроенному здоровью пансіонъ, купилъ поземный, скромный о 5 окнахъ съ теремкомъ (мезониномъ) домикъ, ребромъ въ Леонтіевскій переулокъ и крыльцами въ садъ и на дворъ. Внутри старческой обители — чистота, уютность, простота, кругомъ ея каменная ограда, чугунная рѣшетка и львы подъ воротами. Дворъ усыпанъ пескомъ. Садъ опрятенъ, свѣжъ и прохладенъ.»

Нужно ли что нибудь прибавлять къ этой свѣтлой, благоуханной картинѣ?

Послѣднее время жизни маститаго старца, равно и всѣ факты, приводимые г. Сушковымъ изъ его служебной и воспитательной дѣятельности, обнаруживаютъ въ немъ простоту и добродушіе необыкновенное. Антонъ Антоновичъ былъ младенчески-невиненъ въ отношеніи ко всѣмъ такъ называемымъ *высшимъ* вопросамъ, волновавшимъ и волнующимъ людей, которыхъ г. Сушковъ весьма удачно называетъ «современниками вѣка сего». Чистая православная вѣра, приверженность къ постановленіямъ своего отечества, умѣренность въ жизни и строгая аккуратность въ исполненіи возложенныхъ на него обязанностей — вотъ въ чемъ протекала жизнь Антонскаго и его общественное служеніе. Нѣкоторые изъ людей, потерявшихъ вѣру въ безкорыстіе человѣческое, удивлялись, по замѣчанію г. Сушкова, откуда при всѣхъ этихъ качествахъ взялось состояніе Антонскаго? Г. Сушковъ весьма точно и ясно отвѣчаетъ на этотъ вопросъ, доказывая, что Антонскій, несмотря на свое добродушіе, вовсе не чуждъ былъ оборотливости, смѣтливости и умѣнья извлекать честныя выгоды изъ своего достоянія. Это обстоятельство еще болѣе возвышаетъ Антонскаго въ глазахъ людей благомыслящихъ, показывая, что онъ вовсе не былъ изъ числа какихъ нибудь наивныхъ мечтателей, которые, увлекаясь своими мечтами, считаютъ излишнимъ заботиться о своихъ житейскихъ дѣлахъ и потому вѣчно остаются бѣдняками, не умѣя ни нажить, ни пріумножить своего состоянія. Не таковъ былъ Антонскій, чело-

вѣкъ практическій, хозяинъ и пріобрѣтатель. Вотъ что говоритъ о немъ г. Сушковъ:

«Мнѣ случалось иногда слышать обидный вопросъ: откуда взялось состояніе Антонскаго? Объясню, откуда. Съ 1782 (т. е. съ того времени, когда онъ поступилъ казеннымъ студентомъ въ университетъ) по 1848 г., въ теченіе 66 лѣтъ строго-умѣренной жизни, немудрено составить нѣкоторый капиталъ. Антонъ Антоновичъ, съ 1782 по 1824 г., пользовался казеннымъ помѣщеніемъ, съ отопленіемъ и освѣщеніемъ; Дружеское Общество содержало его вначалѣ, потомъ онъ получалъ жалованье и пособія по разнымъ должностямъ; а между тѣмъ пускалъ въ обороты и сбереженія свои и присылаемыя ему деньги родителями его. Призанявъ къ своему капиталу 10,000 руб. у одного изъ своихъ пріятелей (В. А. Жуковскаго), онъ купилъ деревню въ такое время, когда ревизская душа была цѣнима въ 75 р. ас.; уплативъ изъ доходовъ деревни свой долгъ, по временамъ прикупалъ продаваемыя въ опекунскомъ совѣтѣ имѣнія, вновь выплачивалъ долгъ, вновь занималъ, вновь прикупалъ, и такимъ образомъ, при постоянной бережливости, разсчетливости и оборотливости, оставилъ наслѣдникамъ своимъ *честное стяжаніе труда и хозяйства* (*) —нѣсколько сотъ крестьянъ, домикъ въ Москвѣ и, можетъ быть, капиталъ, а вѣроятнѣе долги на имѣніи». (стр. 55).

Такимъ объясненіемъ г. Сушковъ не только оправдалъ память своего благодѣтеля и пѣстуна (такъ называетъ онъ Антонскаго), но и показалъ новую сторону его характера, бывшую, вѣроятно, неизвѣстною читающей публикѣ. Будучи до конца жизни другомъ Антонскаго, г. Сушковъ имѣлъ возможность знать о немъ многое, недоступное другимъ, и потому его воспоминанія объ Антонѣ Антоновичѣ имѣютъ важное значеніе. Интересно, что статью, изъ которой мы почерпнули всѣ, приведенныя выше, подробности, г. Сушковъ читалъ самому Антонскому, незадолго до его смерти, добродѣтельный старецъ прослезился послѣ чтенія статьи и сказалъ: «благодарю! Я знаю, что вы всегда любили меня; но не зналъ, что такъ сильно-то любите! Только ужъ это послѣ смерти моей будетъ напечатано». Сколько трогательнаго добродушія и наивной скромности въ этихъ словахъ!..

Характеръ отношеній Антонскаго къ г. Сушкову, отличавшійся добродушной патріархальностью и вмѣстѣ строжайшимъ соблюденіемъ общественныхъ и служебныхъ приличій, выразился весьма хорошо въ одной коротенькой его запискѣ, приводимой г. Сушковымъ въ предисловіи (стр. XI). Въ именины г. Сушкова, Антонскій посылаетъ ему свой портретъ и пишетъ своему воспитаннику и другу слѣдующее:

(*) Курсивъ въ подлинникѣ.

«По желанію вашего превосходительства, съ удовольствіемъ посылаю свой обликъ. Онъ уже, отъ старости и дряхлости, ненаряденъ, но съ душею, исполненной къ вамъ любви и уваженія».

Душевно преданный
А. Антонскій.

Г. Сушковъ немедленно отвѣчалъ на это: «не съумѣю выразить всѣхъ чувствъ радости и благодарности за драгоцѣнный подарокъ вашего превосходительства» и проч.

Съ тѣмъ же характеромъ является намъ Антонскій и въ сочиненіи своемъ «О воспитаніи», *приложенномъ* также къ книгѣ г. Сушкова. Всѣ его идеи направлены къ тому, чтобы сдѣлать молодыхъ людей мудрыми и добродѣтельными. Въ указаніи средствъ для этой цѣли и въ опредѣленіи нѣкоторыхъ частностей Антонскій, конечно, дѣлаетъ ошибки, свойственныя его времени. Кромѣ того, много встрѣчается у него общихъ мѣстъ (которыя, впрочемъ, тогда могли быть и не общими); но есть и нѣсколько мыслей, до сихъ поръ не потерявшихъ своей справедливости и свѣжести. Такова напр. его мысль, что дитя съ самыхъ первыхъ лѣтъ жизни, надо пріучать къ самостоятельному разсужденію, и что это разсужденіе «такъ сказать, съ млекомъ матернимъ должно быть всасываемо дѣтьми». (Прил. стр. 96). Таково мнѣніе о вліяніи естественныхъ и математическихъ наукъ, которыя пріучая дѣтей недовольствоваться простыми вѣроятностями и правдоподобіями и заставляя во всемъ искать достаточныхъ и убѣдительныхъ причинъ, укрѣпляютъ разсудокъ и дѣлаютъ его основательнымъ». (стр. 100). Точно также хороши въ сущности мысли о томъ, какъ воспитатель долженъ дѣйствовать на сердце своего питомца,—хотя онѣ и изложены нѣсколько идиллически (стр. 104). Но нельзя не замѣтить ошибочности взгляда Антонскаго на исторію, по которому весь ходъ исторіи является слѣдствіемъ «ухищренія и коварства страстей человѣческихъ». «Неизъяснима польза исторіи, говоритъ онъ (стр. 99). Благоразумный наставникъ все употребитъ въ свою выгоду: онъ дастъ почувствовать воспитаннику своему, какъ страсти человѣческія ухищрялись и коварствовали во всѣ времена, во всѣхъ странахъ у всѣхъ племенъ; какъ ниспровергали онѣ троны и начальства, премѣняли судьбу народовъ, преносили владычество отъ языка въ языкъ и какъ, содѣйствіемъ ихъ, подобно какъ содѣйствіемъ сокровенныхъ пружинъ, производились подъ солнцемъ тѣ великія явленія, тѣ неизъяснимыя происшествія, кои часто слѣпое невѣдѣніе приписывало слѣпому случаю». Такой взглядъ нельзя не назвать нѣсколько односторонними, равно какъ и мнѣніе Антонскаго о вредѣ посылки молодыхъ людей за границу. Полный патріотическихъ чувствова-

ній, престарѣлый воспитатель утверждаетъ, что намъ въ чужихъ земляхъ нечего искать, нечему удивляться, нечему учиться. Не смотря на ложность основной мысли, способъ доказательства, употребленный Антонскимъ, весьма любопытенъ и дѣлаетъ большую честь патріотизму его. Вотъ что говоритъ онъ. (стр. 112—113).

«И чего искать намъ въ странахъ чуждыхъ? Богатства природы? Россія преизбыточествуетъ ея сокровищами. Произведеній рукъ человѣческихъ? — Россія въ нѣдрахъ своихъ имѣетъ многочисленные тому памятники, на коихъ рѣзецъ безсмертія въ нетлѣнныхъ чертахъ изобразилъ имена сыновъ ея».

«Чему удивляться намъ за предѣлами своего отечества?—Могущество и слава Россіи поставляютъ ее наряду съ первыми государствами.—Благоденствію народовъ?—Изъ отдаленныхъ странъ текутъ искать его подъ сѣнію державы Россійской.

«Чему учиться намъ у иноплеменныхъ?—Любви къ отечеству, преданности къ Государямъ, приверженности къ законамъ? — Вѣки свидѣтельствуютъ, что сіе всегда было отличительною чертою великодушныхъ Россіянъ. Средствамъ руководящимъ къ просвѣщенію ума, къ образованію сердца, къ воспитанію? — Возведемъ окрестъ очи наши и узримъ повсюду въ отечествѣ своемъ открытые къ тому безчисленные способы».

«Съ тѣхъ временъ, какъ жизнодательный свѣтъ христіанства озарилъ сѣверъ, и мракъ язычества исчезъ, съ тѣхъ временъ Россія зрѣла въ Монархахъ своихъ Соломоновъ, къ коимъ изъ чуждыхъ странъ притекали вѣнценосцы внимать ученію мудрости и добродѣтели, зрѣла Августовъ и Авреліевъ, благодѣющихъ своему народу и неусыпно пекущихся о его просвѣщеніи».

Практическая дѣятельность Антонскаго въ дѣлѣ воспитанія вѣрна была общему характеру его жизненныхъ воззрѣній. Онъ постоянно имѣлъ въ виду приготовить вѣрныхъ слугъ Государю и отечеству, и къ этой главной цѣли старался приспособить весь курсъ воспитанія и ученія. Такъ въ пансіонѣ введены были, между прочимъ, артиллерія, фортификація, архитектура, ученіе ружьемъ и пр. для того, чтобы пансіонскіе воспитанники равно готовы были поступить потомъ въ какую угодно службу, по словамъ г. Сушкова «военную или статскую, придворную или гражданскую, ученую или дипломатическую, горную или морскую». Въ воспитаніи также обращалось вниманіе на исполнительность, аккуратность, повиновеніе. Главные пороки, подвергавшіе наказанію, были—лѣность, невѣжливость, неряшество, упрямство, вспыльчивость, позднее возвращеніе послѣ праздника изъ отпуска». Наказанія же и награды состояли главнымъ образомъ въ перемѣнѣ мѣстъ. Чувство соревнованія, столь необходимое для успѣховъ въ службѣ, было въ высшей

степени развито у воспитанниковъ пансіона, благодаря стараніямъ Антонскаго, который самъ такъ высоко цѣнилъ честь и отличіе. По словамъ г. Сушкова, «въ классахъ почиталось большою наградою пересѣсть выше, съ одного конца скамьи на другую или съ нижняго конца скамьи на верхній, или хоть на нѣсколько человѣкъ подвинуться впередъ. А стать первымъ или изъ первыхъ между товарищей — значило возбудить всеобщее въ нихъ къ себѣ уваженіе». И это было не только въ классахъ но и въ комнатахъ воспитанниковъ. Въ комнатахъ не было выше награды, какъ стать первымъ или изъ первыхъ по списку. Другаго рода отличіе было въ пансіонѣ—наблюденіе лучшихъ учениковъ надъ товарищами. Старшіе въ горницѣ наблюдаютъ за товарищами, со всѣми правами надзирателя. Результаты этихъ мѣръ, по мнѣнію г. Сушкова, были превосходны; и дѣйствительно, въ числѣ воспитанниковъ благороднаго пансіона, перечисляемыхъ г. Сушковымъ, мы видимъ такихъ, на которыхъ очевидно, произвели свое дѣйствіе, эти мѣры соревнованія.

Общая цѣль заслужить похвалу и расположеніе высшихъ своей исполнительностью и аккуратностью, — постоянно ставилось на видъ воспитанникамъ пансіона. Такъ, въ общихъ наставленіяхъ малолѣтнимъ и взрослымъ воспитанникамъ, читается между прочимъ слѣдующее изложеніе учебныхъ обязанностей, «для всегдашняго памятованія» Малолѣтнее дитя должно разсуждать (стр. 60):

«Прежде всего я попрошу Бога, чтобы Онъ помогъ мнѣ все вытверживать и помнить; въ классѣ буду сидѣть смирно, учтиво; безъ спора и позволенія не встану никогда съ мѣста; буду слушать и примѣчать, что говоритъ мой учитель, и ежели спроситъ меня, постараюсь отвѣчать исправно. Прекрасно! скажетъ онъ, и всѣ товарищи на меня посмотрятъ. Какъ тогда мнѣ будетъ весело! У меня все будетъ въ порядкѣ: перо очинено, чирильница чиста, тетради сшиты и написаны, какъ надобно. Учитель и за то меня похвалитъ, подпишетъ мнѣ: хорошо, дастъ лучшее мѣсто и скажетъ всѣмъ: вотъ прилежный ученикъ! такъ-то и вы дѣлайте!»

Такъ предписывается разсуждать малолѣтнему. Для взрослаго тѣже самыя наставленія представляются уже въ другой формѣ. Самыя же начала и побужденія остаются тѣже, какъ и должно было ожидать отъ Антонскаго, которой самъ до глубокой старости, руководился тѣми стремленіями, какія внушалъ своимъ воспитанникамъ. Вотъ наставленіе взрослымъ воспитанникамъ:

«При начатіи ученія незабывайте никогда, съ дѣтскою простотою возносить мыслей и желаній своихъ къ Высочайшей Премудрости, да возбудитъ и оживитъ всѣ способности ваши къ принятію сѣмянъ ис-

тины. Во все продолженіе онаго храните ненарушимо *благоустройство, тишину, вниманіе, скромность, повиновеніе, благопристойность и учтивость.* Приходите на мѣсто, наукамъ посвященное, безъ разсѣянія съ надлежащею готовностью; содержите всѣ учебныя свои вещи въ цѣлости и порядкѣ. Сіе послужитъ вамъ вмѣстѣ и къ тому полезному навыку, что вы, въ какомъ ни будете состояніи и званіи, *точностію и исправностію сдѣлаете всегда честь и украшеніе своей должности».* (стр. 61—2).

Какія широкія, жизненныя идеи воспитанія! Какая дальновидная заботливость не только о внутреннемъ развитіи воспитанника, но и о будущихъ внѣшнихъ успѣхахъ его служебной дѣятельности! Неудивительно, что воспитанники, собиравшіе плоды наставленій Антонскаго, такъ любили своего наставника!

Въ книгѣ г. Сушкова есть еще много интересныхъ вещей, рисующихъ намъ воспитаніе благороднаго пансіона. Но нельзя же все выбрать; пора и остановиться и перейти къ другимъ предметамъ.

Кромѣ пансіона, г. Сушковъ говоритъ очень о многомъ: и о гекзаметрахъ, и о «Силотворѣ», и о мистицизмѣ, и пр. Но мы остановимся только на болѣе интересномъ для насъ и, вѣроятно, для читателей, — на письмѣ Чаадаева къ кн. Вяземскому (прилож. № V) и на двухъ письмахъ Вигеля (прил. № III и IV).

Письмо Чаадаева чрезвычайно живо и бойко, какъ все, что писалъ этотъ необыкновенный человѣкъ. Писано оно въ 1847 г., по выходѣ «Переписки», Гоголя. Чаадаевъ прямо приписываетъ паденіе Гоголя отуманившему его кружку людей, которыхъ мнѣнія называются нынѣ славянофильскими. Онъ говоритъ, что средь общей напыщенности народною спесью, невозможно даровитому писателю, закуренному ладаномъ похвалъ, уберечься отъ самопоклоненія. «Мы нынче такъ довольны всѣмъ своимъ, роднымъ, домашнимъ, говоритъ Чаадаевъ, (стр. 26) такъ радуемся своимъ прошедшимъ, такъ потѣшаемся своимъ настоящимъ, такъ величаемся своимъ будущимъ, что чувство всеобщаго самодовольства невольно переносится и къ собственнымъ нашимъ лицамъ. Коли народъ русскій лучше всѣхъ народовъ въ мірѣ, то само собою разумѣется, что и каждый даровитый русскій человѣкъ лучше всѣхъ даровитыхъ людей прочихъ народовъ. У народовъ, у которыхъ народное чванство искони въ обычаѣ, гдѣ оно, такъ сказать, поневолѣ вышло изъ событій историческихъ, гдѣ оно въ крови, гдѣ оно вещь пошлая, тамъ оно, по этому самому принадлежитъ толпѣ и на умъ высокій никакого дѣйствія имѣть уже не можетъ; у насъ же слабость эта вдругъ развернулась, наперекоръ всей нашей жизни, всѣхъ нашихъ вѣко-

вмхъ понятій и привычекъ, такъ что всѣхъ застала врасплохъ, и умныхъ и глупыхъ; мудрено ли, что и люди, одаренные дарами, необыкновенными, отъ нея дурѣютъ!» Далѣе Чаадаевъ переходитъ къ этому кружку, погубившему Гоголя, и превосходно рисуетъ его немногими словами, говоря, что эти люди «утопаютъ въ самодовольномъ упоеніи, съ тѣхъ поръ какъ совершили свой мнимый подвигъ, какъ открыли свой новый міръ ума и духа!« По мнѣнію Чаадаева, московскіе поклонники Гоголя развили въ немъ до ужасающихъ размѣровъ гордость, которой онъ, разумѣется, не чуждъ былъ отъ природы. Затѣмъ Чаадаевъ объясняетъ причины самаго поклоненія Гоголя, — слѣдующимъ образомъ (стр. 27).

«Знаете ли, откуда взялось у насъ на Москвѣ это безусловное поклоненіе даровитому писателю? Оно произошло оттого, что намъ понадобился писатель, котораго бы мы могли поставить наряду со всѣми великанами духа человѣческаго, съ Гомеромъ, Дантомъ, Шекспиромъ и выше всѣхъ иныхъ писателей настоящаго времени и прошлаго. Это странно, но это сущая правда. Этихъ поклонниковъ я знаю коротко, я ихъ люблю и уважаю, они люди умные, хорошіе; но имъ надо, во чтобы то ни стало, возвысить нашу скромную, богомольную Русь надъ всѣми народами въ мірѣ; имъ непремѣнно захотѣлось себя и всѣхъ другихъ увѣрить, что мы призваны быть какими-то наставниками народовъ. Вотъ и нашелся на первый случай такой крошечный наставникъ; вотъ они и стали ему про это твердить, на разные голоса, и вслухъ и на ухо; а онъ, какъ простодушный, довѣрчивый поэтъ, имъ и повѣрилъ. Къ счастію его и къ счастію русскаго слова, въ немъ таился, какъ я выше сказалъ, зародышъ той самой гордости, которую въ немъ силились развить ихъ хваленія. Хваленіями ихъ онъ пресыщался; но къ самимъ этимъ людямъ онъ не питалъ ни малѣйшаго уваженія. Это можете видѣть изъ самой его книги, и это выражается въ его разговорѣ на каждомъ словѣ. Отъ этого родилось въ немъ какое-то тревожное чувство къ самому себѣ, усиленное сначала болѣзненнымъ его состояніемъ, а потомъ новымъ направленіемъ, имъ принятымъ, быть можетъ, какъ убѣжище отъ преслѣдующей его грусти, отъ тяжкаго, неисполнимаго урока, ему заданнаго современными причудами. Нѣтъ сомнѣнія, что еслибъ эти причуды не сбили его съ толку, еслибъ онъ продолжалъ идти своимъ путемъ, то достигъ бы чудной высоты; но теперь Богъ знаетъ, куда заведутъ его друзья, какъ вынесетъ онъ бремя ихъ гордыхъ ожиданій, неразумныхъ внушеній и неумѣренныхъ похвалъ».

Мнѣніе Чаадаева, такъ откровенно и благородно высказанное въ письмѣ къ князю Вяземскому, могло бы показаться преувеличеннымъ для тѣхъ изъ читателей, которые совершенно незнакомы съ московскимъ кружкомъ, сбившимъ съ толку Гоголя. Но, какъ бы для полнѣйшаго подтвержденія словъ Чаадаева, г. Сушковъ по-

мѣстилъ также въ своей книгѣ письмо Ф. Ф. Вигеля къ Гоголю, дающее мѣру того, до какихъ чудовищныхъ нелѣпостей доходили московскіе поклонники Гоголя. Вигель пишетъ, что доселѣ онъ смѣялся надъ тѣми, которые сравнивали Гоголя съ Гомеромъ; но теперь, послѣ изданія «Переписки» онъ кается въ этомъ, «признавая въ нихъ великій даръ предчувствія, предвѣдѣнія.» Далѣе говорится, что Гоголь и прежде писалъ, конечно, недурно; «но какъ это далеко отъ необыкновеннаго мужа, умѣвшаго соединить въ себѣ глубокую мудрость съ пламенной поэзіей души. Святость и геройство христіанина и патріота, которыми онъ кажется весь проникнутъ, превыше таланта, превыше даже генія, котораго, впрочемъ, въ сей книжкѣ даетъ онъ несомнѣнныя доказательства.» Въ прежнихъ произведеніяхъ Гоголя, этихъ доказательствъ по мнѣнію Вигеля, не было. «Сочинитель писемъ, говоритъ онъ, стоитъ такъ же высоко надъ авторомъ «Ревизора» и «Мертвыхъ Душъ», какъ сей послѣдній далеко отстоитъ отъ Шаликова». Далѣе Вигель сравниваетъ рѣчь Гоголя съ громами и молніями и въ своемъ поклоненіи совершенно осуществляетъ то, что высказано Чаадаевымъ о друзьяхъ послѣднихъ лѣтъ Гоголя. «Что за мысли! и какая ихъ выразительность!» восклицаетъ слишкомъ усердный поклонникъ. Съ фейерверкомъ сравнить ихъ мало! (Хороша похвала для Гоголя!) Въ нихъ нѣчто молніи подобное. Читая, право, какъ будто идешь, ослѣпленный свѣтомъ и оглушенной громами; глазамъ и слуху надобно привыкнуть къ его слогу. (Въ началѣ письма о Гоголѣ говорится въ третьемъ лицѣ). Меня также увѣряли, что это дѣйствіе произвело появленіе книги на всѣхъ глупцовъ, которые съ бѣшенымъ ревомъ, въ безсиліи своемъ пали ницъ. Позвольте съ ихъ внезапною ненавистью поздравить васъ, г. Гоголь!».

На это письмо Гоголь отвѣчалъ смиреннымъ посланіемъ, котораго начало, мы считаемъ не лишнимъ привести здѣсь (Соч. Гоголя, изд. Кулиша, т. VI, стр. 376).

«Мнѣ было очень чувствительно ваше доброе участіе ко мнѣ. Благодарю васъ много за ваше письмо! Вы, не оскорбившись ни дерзкимъ тономъ моей книги, ни неизвинительной самонадѣянностью ея автора, обратили вниманіе на *существенную* ея сторону. За *алканье добра*, которое проврѣли вы на страницахъ ея, вы умѣли простить мнѣ всѣ ея недостатки. Нѣтъ, я не ослѣпленъ собой въ такой мѣрѣ, какъ думаютъ. Даже и ваша оцѣнка моей книги (слишкомъ высокая) меня не наполнила той гордостью, которую теперь приписываютъ мнѣ вообще, хотя, признаюсь вамъ чистосердечно, я всегда васъ почиталъ за очень умнаго человѣка и, стало быть, имѣлъ бы право отъ вашего мнѣнія возгордиться....» и пр.

Довольно прочитать эти строки и сообразить ихъ съ словами Вигеля, чтобы увидѣть, какъ мѣтко и справедливо указалъ Чаадаевъ то вліяніе, какое производилъ на Гоголя кружокъ московскихъ его поклонниковъ. Вѣрно, Чаадаевъ былъ попроницательнѣе Вигеля, хотя этотъ господинъ и острится надъ нимъ, называя его «сочинителемъ безъ сочиненій и ученымъ безъ познаній.» (стр. 18).

Въ письмѣ Вигеля къ Гоголю, есть еще замѣчательная, по своей странной безцеремонности, выходка противъ тѣхъ, которые восхищались «Ревизоромъ» и «Мертвыми Душами» и бранили «Переписку.» Люди, теперь нападающіе на васъ, говоритъ Вигель, прежде «рукоплескали вамъ съ остервенѣніемъ». Затѣмъ онъ дѣлаетъ фигуру вопрошенія: «что побуждало ихъ къ тому? любовь ли къ родинѣ, коей сынамъ чаяли они оттого исправленія? Ненависть ли къ ней за неудачи свои, въ коихъ, право, не она и не правительство, а природа ихъ была виновата?» На такой вопросъ онъ самъ же отвѣчаетъ, по своимъ крайнимъ соображеніямъ, къ какимъ, какъ видно, способна была его собственная натура: «невольно надобно придержаться послѣдняго мнѣнія; ибо сколь тщательно убѣгали они отъ всякихъ сношеній, даже отъ простыхъ встрѣчъ съ писателями добрыми, умными, восторженными, которыхъ вся жизнь была любовь и гимнъ отечеству, столь усердно искали они сближенія со всѣми отъявленными руссофобами, въ числѣ коихъ и вы (Гоголь) были ими помѣщены.» Мы не въ силахъ выразить наше негодованіе на эту клевету, на это безсильное стараніе покрыть всю послѣ-гоголевскую литературу нашу, въ которой только-что и начинаетъ проявляться истинно-народная русская мысль, — позоромъ или, по крайней мѣрѣ, подозрѣніемъ. Да падетъ позорное слово это на память того, кто произнесъ его! Онъ, безвѣстный, бездарный, ничего не сдѣлавшій острякъ, авторъ парадоксальныхъ записокъ о Россіи, онъ осмѣлился выступить съ словомъ черной клеветы на Бѣлинскаго, на этого человѣка, который сгаралъ любовью къ родинѣ, который понималъ и цѣнилъ ее больше, чѣмъ тысячи Вигелей, со всѣми ихъ друзьями и единомышленниками. Грустный фактъ, — но его не забудетъ будущая исторія русской литературы и русскаго развитія.

Объ этомъ самомъ Вигелѣ г. Сушковъ, (бывшій его пріятелемъ) разсказываетъ, какъ онъ сантиментально преданъ былъ вѣрѣ въ приметы и предчувствія. Разъ онъ, прощаясь съ г. Сушковымъ, сказалъ, что три дурныхъ предвѣстія сопровождали его въ три послѣднія посѣщенія имъ дома Сушковыхъ. Въ первый разъ онъ упалъ съ лѣстницы, во второй — выронилъ часы изъ кармана, въ третій — потерялъ бумажникъ съ деньгами. Черезъ недѣлю послѣ

этаго разговора, онъ умеръ, и г. Сушковъ объясняетъ, что приѣты были правы и означали: паденіе съ лѣстницы на порогъ—близкій порогъ жизни, — смерть; потеря часовъ, остановка времени, послѣдній часъ,—смерть; утрата денегъ—прекращеніе житейскихъ заботъ, — смерть.» (стр. 15). Вотъ до какихъ мудростей доходили просвѣщенные восхвалители «Переписки» Гоголя!

Въ книжкѣ г. Сушкова напечатано еще письмо Вигеля, писанное въ 1853 г., о Москвѣ и Петербургѣ. Вигель нападаетъ на Москву и доказываетъ, что Петербургъ всегда былъ болѣе русскимъ городомъ, чѣмъ Москва. По не великую услугу оказалъ онъ Петербургу, если предположить, что антагонизмъ подобнаго рода существовалъ когда нибудь между нашими столицами. Вотъ нѣкоторые изъ фактовъ, приводимыхъ Вигелемъ въ защиту народности Петербурга.

Въ Петербургѣ были Богдановичъ, Петровъ и Рубанъ, писавшіе пламенныя (хотя и водянистыя) оды во славу отечества. Въ Петербургѣ не было мартинизма, зашедшаго въ Москву изъ Франціи и Германіи. Въ Петербургѣ Карамзинъ написалъ исторію, а въ Москвѣ только журналъ издавалъ да писалъ повѣсти. Въ Петербургѣ господствовала партія Шишкова, съ Станевичемъ, Анастасевичемъ, Львовымъ, Гераковымъ, и пр. «хотя ничтожными и безталанными, но исполненными безмѣрной, даже преувеличенной любви къ отечеству» (стр. 12). Въ Москвѣ издавался «Телеграфъ», «Телескопъ», а въ Петербургѣ «Сынъ Отечества» и другіе журналы съ русскими названіями. Въ Петербургѣ написаны стихи «Клеветникамъ Россіи», а въ Москвѣ ихъ не похвалили, сказавши, что это брань, а не поэзія.... и т. д. и т. д.

Мы не хотимъ дѣлать никакихъ разсужденій по поводу этихъ соображеній Вигеля, и только замѣтимъ въ заключеніе, что за напечатаніе писемъ Вигеля и Чаадаева нельзя не поблагодарить г. Сушкова. Въ нихъ, какъ въ зеркалѣ, отражаются обѣ эти, столь противоположныя, личности.

Прожектеры. Сочиненіе. *А. Половцева.* Москва 1858.

Былъ прежде прекрасный обычай — изображать въ романахъ и повѣстяхъ разбойниковъ, настоящихъ разбойниковъ, грабящихъ на большихъ дорогахъ, живущихъ въ подземельяхъ, вооруженныхъ съ ногъ до головы, одѣтыхъ въ странные, фантастическіе костюмы. Занимательность была необыкновенная,—просто сердце такъ и замираетъ, бывало, когда читаешь описаніе того, какъ добродѣтельная и невинная жертва попалась въ руки хищныхъ злодѣевъ!... Вмѣ-

стѣ съ тѣмъ для нравственности не только соблазна не было, но даже представлялась значительная выгода. Разбойники въ старину такъ ужъ на чистоту и изображались разбойниками: страшные, гнусные, грубые, безчувственные, — настоящіе разбойники! Ни минуты не могъ читатель сомнѣваться въ томъ, къ кому онъ долженъ направить свои симпатіи и противъ кого вооружиться всею своею ненавистью. Литература, такимъ образомъ, приносила и удовольствіе, и пользу.

Совсѣмъ не то нынѣ. Литераторы пустились въ изображенія мошенниковъ, носящихъ изящные фраки и бѣлыя перчатки, очень мило танцующихъ и грабящихъ въ гостиныхъ и кабинетахъ, за зеленымъ и краснымъ сукномъ. Здѣсь уже прежней, разбойничьей занимательности не было. Но это бы еще ничего. А вотъ бѣда: мошенниковъ и плутовъ всякаго рода принялись описывать такіе люди, которые не потрудились даже сами опредѣлить себѣ яснаго различія между плутомъ и честнымъ человѣкомъ. Стали писать разсказы о всякихъ шулерахъ и ворахъ съ той, — вѣрной, но не совсѣмъ идущей къ дѣлу,—точки зрѣнія, что все на землѣ непрочно и скоропреходяще. Это ужъ, надобно признаться, дѣло вовсе не подходящее въ современной литературѣ, и столь странная и неумѣстная тенденція не можетъ быть оправдана въ глазахъ читателей даже самымъ страшнымъ обиліемъ мошенниковъ, разсѣянныхъ въ повѣсти. Къ сожалѣнію, нѣкоторые господа, заслышавши объ обличательной литературѣ послѣдняго времени, подумали, что будь только въ повѣсти негодяй, больше ужъ ничего не нужно: повѣсть выйдетъ отличная. Вотъ напримѣръ Г. Половцевъ—узналъ какъ-то, что въ литературныхъ твореніяхъ послѣдняго времени пошли въ ходъ всякаго рода мошенники, и сдѣлалъ разсужденіе, подобное извѣстному силлогизму трусливаго капитана: «Суворовъ кричалъ пѣтухомъ и былъ великимъ полководцемъ; я тоже буду кричать пѣтухомъ и тоже буду Суворовымъ». Вслѣдствіе своего силлогизма, капитанъ, какъ извѣстно, бѣжалъ съ поля битвы и спрятался въ обозѣ, гдѣ его отыскали только потому, что услыхали его пѣтушьи возгласы. Г. Половцевъ въ отважности превзошелъ знаменитаго капитана. Составивши силлогизмъ: «тѣхъ, кто изображаетъ мошенниковъ, хвалятъ; слѣдовательно, если я изображу ихъ, то и меня тоже будутъ хвалить», —составивши этотъ силлогизмъ, г. Половцевъ не предался бѣгству, а, напротивъ,—стремительно ринулся на литературную арену и—дѣйствительно, изобразилъ мошенниковъ весьма безнравственныхъ. Но замѣчательно въ его разсказѣ то обстоятельство, что и надувающіе и надуваемые—одинаково негодные мошенники, и читатель, прочитывая одну продѣлку за другой, говоритъ: по дѣломъ вору и мука;

воръ у вора дубинку укралъ. Ни малѣйшаго состраданія или участія не возбуждаютъ жертвы обмановъ, изображаемыхъ г. Половцевымъ. Владиміръ Сергѣичъ Кроткій безобразно развратничаетъ съ Сычомъ, Дергуновымъ, Шишко, Кадуркинымъ и тому подобной компаніей. Сычъ, Дергуновъ и пр. надавали ему тысячъ пятнадцать взаймы и взяли заемныя письма на 50 тысячъ. Петръ Петровичъ Шустровъ берется избавить Кроткаго отъ Сыча, Кадуркина и пр., и беретъ съ Кроткаго безденежный векселъ въ 60 тысячъ цѣлковыхъ, чтобы остальныхъ должниковъ оставить съ носомъ. Получивши вексель, Шустровъ немедленно продалъ его за половинную цѣну Горемышкину и уѣхалъ въ другой городъ — чтобы надуть Деморденку, который получилъ отъ дяди 300 душъ, сочинивши фальшивое завѣщаніе, и который хочетъ надуть кляузника Тасова, но неуспѣвши въ этомъ, вмѣстѣ съ нимъ надуваетъ на двадцать тысячъ купчиху Вислоухову, и т. д. Во всей повѣсти мошенничества совершаются страшныя, и кромѣ того, каждый мошенникъ еще разсказываетъ о себѣ по десятку гнуснѣйшихъ исторій. Все это, если хотите,—ничего. Мысль — свести десятокъ мошенниковъ, которые взаимно другъ друга надуваютъ — великолѣпная мысль! Но исполненіе ея не по плечу придется каждому дюжинному беллетристу. Только Гоголь умѣлъ у насъ, сколько мы знаемъ, создавать, на основаніи этой идеи, сцены и положенія вполнѣ прекрасныя. Г. Половцевъ въ этомъ случаѣ уподобился Гоголю такъ, какъ помянутый выше капитанъ — Суворову. Онъ свелъ нѣсколькихъ мошенниковъ и заставилъ ихъ надувать другъ друга, но при этомъ забылъ бездѣлицу: забылъ дать имъ хотя бы малую частицу человѣческаго смысла. Вслѣдствіе того и выходитъ, что, напримѣръ, Деморденко, кляузникъ, поддѣлыватель фальшивыхъ бумагъ и пр. и пр.. даетъ 100 тысячъ Шустрову, котораго никто въ цѣломъ городѣ въ глаза не знаетъ, — прельстившись тѣмъ, что Шустровъ при немъ купилъ въ долгъ брильянтовъ на 35 тысячъ. Такимъ же умомъ и сообразительностью отличаются и всѣ дѣйствующія лица разсказа, за что самъ авторъ и казнитъ ихъ въ концѣ, однихъ представляя разоренными, а другихъ сажая въ сибирку.

Но все это куда бы ни шло еще. Глупые плуты такъ глупые: развѣ не бываетъ такихъ? Но хотъ въ чемъ главная бѣда: нравственнаго назиданія, никакого нѣтъ въ повѣсти г. Половцева. Читатель, пожалуй, и могъ бы еще что нибудь вывести; напримѣръ,—что воровать не слѣдуетъ, что шулерство есть занятіе непохвальное, и т. п. Но г. Половцевъ рѣшительно всякаго собьетъ съ толку, сочинивши,—отъ собственнаго, авторскаго лица,—тираду такого рода (на стр. 36 и 37).*

«Позвольте вамъ предложить одинъ вопросъ: для чего такъ хлопочутъ, трудятся многіе, чтобы какъ нибудь нажить себѣ состояніе?.. Да развѣ не можетъ человѣкомъ быть человѣкъ безъ состоянія и богатства? И пусть еще бы все, что мы имѣемъ здѣсь на землѣ, всѣ почести, богатства, уваженія, можно было взять съ собою и въ могилу! Ничего подобнаго не можетъ быть; а все-таки хлопочутъ, трудятся, бьются, пріобрѣтаютъ, пріобрѣтаютъ все больше и больше. И зачѣмъ же такая жадность ко всему тлѣнному и земному? На это многіе отвѣтятъ: для того, чтобы быть счастливымъ и не имѣть ни въ чемъ недостатка... Да развѣ счастіе-то въ деньгахъ? Много и очень много слезъ льется и черезъ золото, и часто богачъ проливаетъ слезы, какихъ не льетъ и послѣдній бѣднякъ. Да развѣ миръ души, спокойствіе совѣсти — не дороже всѣхъ богатствъ на свѣтѣ?»

Во всякомъ другомъ мѣстѣ тирада эта была бы превосходна; ни слова нельзя изъ нея выкинуть,—такъ она справедлива. Но позвольте васъ спросить, почтенный авторъ, какое отношеніе имѣютъ всѣ эти, весьма справедливыя мысли, къ морали вашихъ *прожектеровъ*? По нашему мнѣнію, онѣ служатъ оправданіемъ всѣмъ этимъ господамъ. Видите ли: г. Кроткій, какъ богатый человѣкъ, кутитъ и дурачится, будучи привязанъ къ тлѣнному; Шустровъ значительно обираетъ его и отнимаетъ возможность кутить, слѣдовательно оказываетъ ему большую услугу. Купчиха Вислоухова хотѣла получить 20 тысячъ долгу съ Надоѣдаловой; Деморденко укралъ у нея документы и тѣмъ научилъ ее не думать о пріобрѣтеніяхъ и богатствѣ. Корневъ средь игры подпоилъ купчика, а потомъ насчиталъ на него 100 тысячъ и заставилъ заплатить; опять онъ избавилъ купчика отъ лишней тяжести: вѣдь черезъ золото много и очень много слезъ льется!.. А всѣмъ ограбленнымъ остается миръ души и спокойствіе совѣсти,—что дороже всѣхъ богатствъ на свѣтѣ... Что же касается до самихъ мошенниковъ, то, какъ видно изъ повѣсти, они вовсе не привержены къ тлѣнному и вовсе *не трудятся*, чтобы нажить себѣ состояніе; они просто хотятъ весело пожить и для того удираютъ различныя штуки, проживая сегодня то, что достали вчера. Очевидно, авторъ и не имѣлъ ихъ въ виду, когда возставалъ противъ людей, которые *трудятся, бьются, пріобрѣтаютъ*, не зная, что богачъ слезъ проливаетъ болѣе, чѣмъ бѣднякъ... Вслѣдствіе того и возникаетъ весьма сильное подозрѣніе, что авторъ изображенныя имъ лица считаетъ въ нѣкоторомъ смыслѣ друзьями и благодѣтелями человѣчества... Справедливость такого подозрѣнія подтверждается тѣмъ, что и вся повѣсть весьма сильно обнаруживаетъ неясность понятій автора о многихъ предметахъ, и между прочимъ о здравомъ смыслѣ, о юморѣ, о благородствѣ понятій, и т. п. Не мудрено поэтому, если и своихъ прожектеровъ онъ изображалъ, какъ лю-

дей хорошихъ, на томъ основаніи, что они *не трудятся* для пріобрѣтенія денегъ... Вѣдь заставилъ же онъ одно изъ своихъ дѣйствующихъ лицъ сказать, что въ обществѣ встрѣчаются дурныя характеры, подобные Чичикову, Бреттеру, *Пасынкову*, Ноздреву, *Рудину и другимъ*, и что всякій честный человѣкъ отвернется отъ лицъ, подобныхъ Чичикову, Ноздреву *и другимъ* (т. е. вѣроятно — Рудину и Пасынкову (!)...

Френологія. Соч. *Матвѣя Волкова.* Спб. 1857.
Отрывки изъ заграничныхъ писемъ (1844 — 1848.) *Матвѣя Волкова.* Спб. 1858.

Если судьба когда нибудь приведетъ меня встрѣтиться съ г. М. Волковымъ, то я немедленно постараюсь уподобиться страусу, т. е. спрятать куда нибудь подальше свою голову. Совѣтую и вамъ, читатель, дѣлать тоже; иначе я не ручаюсь за вашу репутацію: г. Волковъ можетъ испортить ее на основаніи френологическаго разсмотрѣнія вашего черепа.

Дѣло вотъ въ чемъ. Г. М. С. Волковъ занимается френологіею и издалъ курсъ ея. Курсъ этотъ доказываетъ, что г. Волковъ, не принадлежитъ къ числу поверхностныхъ людей, для которыхъ френологія, хиромантія, астрологія — все едино-единственно. М. С. Волковъ приступаетъ къ френологіи съ пріемами истиннаго ученаго. Онъ спеціально занимается физіологіей мозга, путешествуетъ по разнымъ анатомическимъ музеямъ, разсматриваетъ и измѣряетъ черепа, издаетъ о толщинѣ черепа брошюру, отъ которой приходятъ въ восторгъ нѣмецкіе ученые, не отвергающіе френологіи, и пр. и пр. На всѣхъ частяхъ труда г. Волкова лежитъ печать глубокаго убѣжденія, добытаго учеными изслѣдованіями. Для желающихъ познакомиться съ строеніемъ мозга и убѣдиться въ его вліяніи на духовную дѣятельность человѣка — весьма полезно будетъ прочитать его книжку о френологіи и заграничныя письма, во многомъ ее дополняющія. Но... увы!.. все это не защищаетъ г. Волкова отъ преслѣдованій и насмѣшекъ (конечно невѣжественныхъ) со стороны тѣхъ, которые не хотятъ довѣрять френологіи. Разумѣется, г. Волкову это все равно: онъ знаетъ, что черезъ сто лѣтъ френологія побѣдитъ, и ему смѣшно недовѣріе профановъ. Но,—пусть извинитъ насъ г. Волковъ—мы сами, при всемъ уваженіи къ его ученымъ достоинствамъ, никакъ не можемъ убѣдиться въ великой важности френологіи, особенно когда г. Волковъ такъ преувеличиваетъ ея значеніе. Судите сами, читатели: не странны ли, не

забавны ли факты, которые мы сейчасъ сообщимъ вамъ о френологахъ и френологіи? Судите.

Г. М. Волковъ одержимъ неодолимою страстью ощупывать чужіе черепа: въ этомъ отношеніи заграничныя письма его доставляютъ много весьма интересныхъ данныхъ. Ѣдетъ ли онъ въ дилижансѣ, — онъ обращается къ своему спутнику: «позвольте ощупать вашъ черепъ.» — Извольте. — И ощупавши, господинъ Волковъ выводитъ въ благодарность весьма основательно, какъ кажется, заключеніе, что у спутника его мало развитъ органъ *самоуважательности*, и сильно развитъ органъ *почтительности*, или что-нибудь въ этомъ родѣ. Отправляется ли г. Волковъ въ Ватиканъ, онъ останавливается предъ бюстомъ Рафаэля, пораженный благоговѣніемъ — къ великому Галлю!.. Г. Волковъ ощупалъ, видите, черепъ Рафаэля и нашелъ въ немъ особенное развитіе органовъ *цвѣтностности*, *образности* и *глазомѣрности*. Изъ этого ясно, что Рафаэль *френологически долженъ былъ* быть великимъ живописцемъ, и потому бюстъ Рафаэля дѣлаетъ честь не кому иному, какъ Галлю. Является г. Волковъ въ картинную галлерею,—онъ смотритъ, всѣ ли френологическіе органы на мѣстѣ поставлены, и страшно негодуетъ, что на какой-то картинѣ на головѣ Донъ-Кихота выскочилъ органъ пріобрѣтательности, которому не слѣдуетъ быть у него. Въ Зальцбургѣ поставлена статуя Моцарту, и у него въ рукѣ карандашъ. Почему не перо? спрашиваетъ г. Волковъ, смотря на статую, и отвѣчаетъ: потому, что у нѣмцевъ слишкомъ развитъ органъ *осмотрительности*, требовавшій, чтобы вмѣстѣ съ перомъ была поставлена и чернилица, а чернилицы около статуи поставить было негдѣ... Слышитъ нашъ френологъ игру на скрипкѣ двухъ сестеръ Миланолло, и рѣшаетъ, что младшая играетъ лучше, рѣшаетъ потому собственно, что органъ звучностности (№ 33) у нея обширнѣе. Флуранъ пишетъ опроверженіе противъ выводовъ френологіи; г. Волковъ, ни мало не измѣняя себѣ, объясняетъ это тѣмъ, что у Флурана неразвитъ органъ *соображательности*. У французовъ, произошла въ 1848 г. революція: оттого, рѣшаетъ г. Волковъ, что у нихъ у нихъ въ головѣ органы *разрушательности* и *противоборности* сильны, а *органы рѣзсудка* и *благоволительности* — слабы. — Въ Англіи замѣчаетъ г. Волковъ уваженіе къ законамъ и, щупая черепа англичанъ, объясняетъ это тѣмъ, что у нихъ развитъ органъ *почтительности*. Словомъ—заграничныя письма г. Волкова служатъ практическимъ дополненіемъ къ тому, что излагается въ его теоріи френологіи; ихъ слѣдовало бы назвать «Френологическими письмами о заграничной жизни.»

«Френологія» г. Волкова особенно нравится намъ по своей просто-

тѣ. Это настоящая азбука. Всѣ человѣческія способности и наклонности объяснены въ ней посредствомъ 37 №№, — только двумя знаками больше, чѣмъ въ русской азбукѣ. Исходитъ г. Волковъ изъ самаго простаго положенія, которое давно уже принято всѣми физіологами, именно, — «что въ френологіи *нѣтъ и не можетъ быть ничего точнаго и математически-опредѣленнаго*» (Френ. стр. 32). Положивши въ основаніе своей науки истину, столь несомнѣнную, г. Волковъ старается еще подтвердить ее тѣмъ, что все различіе нашей умственной и нравственной дѣятельности зависитъ отъ внутренняго сложенія мозга, его состава, объема, вѣса расположенія частицъ и вида или фигуры мозга, и что наблюденіямъ френологовъ доступны только *видъ* и *объемъ*. Доселѣ спорили и противъ послѣдняго, утверждая, что по формѣ черепа нельзя судить о формѣ мозга. Но нынѣ г. Волковъ побѣдилъ своихъ противниковъ, сказавши, что «точныя измѣренія объема частей мозга — невозможны», (стр. 29) и что въ френологіи ничего точнаго искать не слѣдуетъ. Противники, разумѣется, должны умолкнуть, и такимъ образомъ наукѣ френологіи полагается г. Волковымъ твердое и незыблемое основаніе. Опираясь на это основаніе, г. Волковъ можетъ уже смѣло говорить, что френологія принадлежитъ къ наукамъ точнымъ, что она не то, что какая нибудь *исторія*, которую до сихъ поръ нельзя назвать и наукою. (Загр. пис. стр. 464). На основаніи своихъ френологическихъ наблюденій, г. Волковъ можетъ произносить непогрѣшительныя сужденія не только объ отдѣльныхъ лицахъ но даже о цѣлыхъ классахъ народа, о цѣлыхъ націяхъ, о всемъ человѣчествѣ наконецъ. Напр. по своимъ френологическимъ соображеніямъ, г. Волковъ вотъ что пишетъ изъ Франціи въ 1847 г. (стр. 39). «Хотите знать истинную правду о классѣ французскаго народа, который зовутъ пролетаріями? Вотъ она. Со времени уничтоженія внутреннихъ таможенъ, ремесленныхъ корпорацій, поземельной монополіи, старшихъ въ родѣ, и проч., тѣ только люди и семейства остаются въ постоянныхъ лишеніяхъ, которые принадлежатъ къ категоріи глупцевъ, безсильныхъ, небрежныхъ, лѣнивцевъ, невѣждъ, пьяницъ, и т. п.; ихъ-то и разумѣютъ нынѣ подъ названіемъ пролетаріевъ. Общій ихъ характеръ тотъ, что не имѣя, по собственной своей винѣ, способовъ къ существованію, они завидуютъ всякому, у кого что нибудь есть въ карманѣ, и выдумываютъ клеветы на имущихъ, для оправданія своего желанія овладѣть чужимъ добромъ.» Словомъ, говоря френологическимъ языкомъ г. Волкова, всѣ пролетаріи оттого бѣдны и несчастны, что у нихъ сильно развитъ № 5 и 6 (противоборность и разрушительность), вмѣстѣ съ № 8 (пріобрѣтательность) и № А (питатель-

ность); но совершенно неразвиты № 9 (работность), № 13 и 14 (благоволительность и почтительность) равно какъ и 16 (совѣстливость). Съ френологической точки зрѣнія такое рѣшеніе не подлежитъ ни какой апелляціи, и вотъ почему я постараюсь спрятать свою голову при встрѣчѣ съ г. Волковымъ. Что, если онъ меня, какъ человѣка небогатаго, тоже опредѣлитъ подобно французскому пролетарію, или,—что впрочемъ не столь ужасно, хотя и болѣе вѣроятно, скажетъ обо мнѣ тоже, что о Флуранѣ!..

Впрочемъ, утѣшимся: всѣ бѣдствія человѣчества исправлены будутъ френологіей. На это времени немного нужно: г. Волковъ требуетъ всего 100 лѣтъ, увѣряя, что тогда всѣ люди будутъ френологами и будутъ счастливы. Кто будетъ живъ тогда, тотъ увидитъ. А мы пока будемъ довольствоваться тѣми четырьмя главами книги г. Волкова, въ которыхъ излагается благодѣтельное вліяніе френологіи — 1, въ общественной повседневной жизни, 2, на науки и художества, 3, на провосудіе, 4, на улучшеніе человѣка вообще. Во всѣхъ отношеніяхъ польза френологіи, по изслѣдованіямъ г. Волкова, должна быть безпредѣльна. Такъ выборъ людей можетъ быть дѣланъ безошибочно, съ помощью френологіи. Къ вамъ, напр. является человѣкъ наниматься въ услуженіе; у него хорошій аттестатъ, но это ничего не значитъ: хорошіе аттестаты часто даются потому, что у многихъ хозяевъ сильно развитъ органъ *благоволительности*. Гораздо надежнѣе будетъ, если вы, открывши френологическій атласъ, тотчасъ же тщательно ощупаете черепъ человѣка, и опредѣлите какіе органы особенно развиты у него. Вы намѣрены сообщить какой-нибудь секретъ своему знакомому: не полагайтесь на его испытанную честность и скромность; основательнѣе поступите вы, если, прежде сообщенія секрета, отзовете вашего знакомаго въ сторону и скажете: позвольте мнѣ ощупать вашъ черепъ; мнѣ нужно узнать, достаточно ли развитъ у васъ № 7, т. е. органъ *скрытности*.

Вы хотите заказать портному платье: не спрашивайте, какой изъ нихъ лучше шьетъ, а просто идите, щупайте у каждаго портнаго черепъ и отыскивайте, въ достачной ли степени развиты у него органы *работности*, *изящности* и *глазомѣрности*. Если осмотръ окажется удовлетворительнымъ,—смѣло надѣйтесь, что портной васъ не надуетъ и сошьетъ вамъ платье хорошо.—Вы нанимаете квартиру: — ощупайте прежде всего черепъ хозяина, хозяйки и всѣхъ сосѣдей, чтобы узнать, достаточно ли развита въ нихъ *домашность* и *дружелюбность*, или, напротивъ того, у нихъ сильны *противоборность* и *разрушательность*. Такъ совѣтуетъ г. Волковъ. Поступайте такъ, и вы почти не будете дѣлать ошибокъ въ жизни.

говолительности (№ 13),—то, по мнѣнію г. Волкова, судья все-таки долженъ «удержаться отъ приговора».—Дѣйствуя такимъ образомъ, френологически, — «онъ, по словамъ г. Волкова, избѣгнетъ случайныхъ несправедливостей, столь частыхъ въ лѣтописяхъ правосудія и столь прискорбныхъ для свойственнаго намъ чувства любви къ ближнему». (стр. 186).

Словомъ, какъ только водворится френологія, ни пороковъ, ни несправедливостей, ни бѣдствій не будетъ на свѣтѣ. Развѣ только во снѣ будутъ люди забавляться, производя другъ въ другѣ представленія разныхъ бѣдъ, посредствомъ надавливанія на тотъ или другой органъ,—подобно тому, какъ дѣлалъ френологъ Шеффе надъ своими братьями. Г. Волковъ разсказываетъ, что Шеффе однажды придавилъ своему спящему брату органы *чадолюбивости* (№ 2), *разрушительности* (№ 6) и *звучности*,—и братъ его увидѣлъ во снѣ—*дѣтей убиваемыхъ подъ музыку* (Загр. II. стр. 453)! Подобныя забавы будутъ, вѣроятно, съ пользою и удовольствіемъ занимать человѣчество, возрожденное френологіей.

Но ничто не можетъ сравниться съ той умилительной картиной, какую представитъ все человѣчество, когда признаетъ всю пользу и значеніе френологіи. Тогда всѣ примутся изучать недостатки и пороки собственнаго черепа, подѣлавши слѣпки, съ собственныхъ головъ. «Въ этомъ изученіи, въ этомъ самопознаніи, френологія, по словамъ г. Волкова, представляетъ истинное сокровище для человѣка. Передъ слѣпкомъ собственной своей головы, человѣческому самолюбію нѣтъ убѣжища. Самолюбіе и самого себя увидитъ и оцѣнитъ въ осязательныхъ формахъ головы. И что, если бы каждый человѣкъ посвящалъ ежедневно по нѣскольку минутъ (отчего бы ужь и не часовъ?) одинокой бесѣдѣ съ слѣпкомъ съ своей головы, держа въ рукахъ курсъ френологіи! Какое бы вліяніе имѣлъ этотъ обычай на нравственное улучшеніе человѣчества»! (стр. 191).

Да, держать предъ собою слѣпокъ собственной головы—будетъ весьма полезно для человѣчества, и надобно желать, чтобы всѣ люди поскорѣе завели этотъ прекрасный обычай. Мы даже увѣрены, что многіе уже начали полезное занятіе, предлагаемое г. Волковымъ. Въ этомъ убѣждаетъ насъ, между прочимъ, одинъ изъ рисунковъ г. Данилова, который, какъ извѣстно, очень вѣрно изображаетъ наше современное общество. Остроумный карикатуристъ этотъ изобразилъ недавно господина, усатаго и завитаго, (что нѣсколько мѣшаетъ опредѣлить его френологически), который держитъ предъ собою ручное зеркальцо и (очевидно проникнутый идеями френологіи) восклицаетъ: «голова ль моя, ты, головушка!!»

Объ истинности понятій или достовѣрности человѣческихъ знаній. Сочиненіе *Алексѣя Кусакова*. Спб. 1858 г.

Френологіи я не вѣрю,—это ужъ положительно рѣшено; но относительно теоріи г. Кусакова я нахожусь еще въ недоумѣніи. Брошюра г. Кусакова написана очень убѣдительно, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ частяхъ своихъ. Сущность брошюры, если передать ее въ вопросахъ и отвѣтахъ, имѣетъ слѣдующій видъ. Г. Кусаковъ спрашиваетъ меня (то есть, не лично меня, а вообще всякое *я*, понимаемое въ философскомъ смыслѣ): «знаете ли вы что нибудь?» Я, не имѣя мудрости Сократа, чтобы отвѣтить: «знаю только то, что ничего не знаю», — отвѣчаю: «знаю». Г. Кусаковъ экзаменуетъ меня, вопрошая: «что вы знаете?...» Я, разумѣется, становлюсь въ тупикъ отъ внезапности вопроса, и, запинаясь, отвѣчаю: «да мало ли что я знаю.... многое знаю.... Ну, знаю, напримѣръ.... ну, напримѣръ, я знаю, что вотъ это — рука, и что рука эта мнѣ принадлежитъ.» И я рѣшаюсь посмотрѣть въ глаза г. Кусакову, полагая, что удовлетворилъ его своимъ отвѣтомъ. Оказывается, однако, что это не такъ легко сдѣлать; г. Кусаковъ продолжаетъ экзаменъ: «а почему вы знаете, что это ваша рука? Можетъ быть это не рука, или рука, да не ваша?» — Какъ не моя? восклицаю я, пораженный ужасомъ.... «Очень просто, возражаетъ г. Кусаковъ: — можетъ быть, она и не ваша.... Чѣмъ вы докажете, что она ваша, а не моя, напримѣръ?» Такая претензія на мою руку со стороны г. Кусакова поражаетъ уже меня окончательно; я смущаюсь, какъ могла бы смутиться отъ подобной претензіи только наивная, неопытная институтка. Въ самомъ дѣлѣ, какое философское доказательство можно привести на то, что моя рука — моя рука, а не г. Кусакова? Чѣмъ можно это доказать человѣку невѣрующему? Ему что ни скажешь, у него все одинъ отвѣтъ: а чѣмъ докажете? И пойдетъ безконечная исторія для отысканія начала всѣхъ началъ.... Такимъ образомъ я рѣшительно разстроенъ, и г. Кусаковъ торжествуетъ надо мною и гордо указываетъ мнѣ на седьмую страницу своей брошюры, на которой сказано: «изъ этого видно, что почерпаемое человѣкомъ понятіе о какомъ либо предметѣ внѣшняго міра никогда не можетъ быть истиннымъ.» Я предаюсь совершенному отчаянію и жалобно обращаюсь къ г. Кусакову съ вопросомъ: «такъ какъ же, г. Кусаковъ,—наши познанія рѣшительно не могутъ быть истинны?» Но «Афанасій Ивановичъ, довольный уже тѣмъ, что напугалъ Пульхерію Ивановну, улыбается и весело покачивается на своемъ стулѣ.» Г. Кусаковъ говоритъ мнѣ на той же страницѣ: «казалось бы послѣ этого, что для человѣка нѣтъ никакой возможности

узнать истину; но заключеніе это, какъ мы увидимъ, неосновательно. Если человѣкъ не можетъ непосредственно почерпать изъ природы истиннаго о вещахъ понятія, то онъ можетъ достигать до познанія истины чрезъ постепенное отрѣшеніе отъ заблужденій, въ которыя насъ вводятъ наружныя чувства. Этого отрѣшенія понятій отъ заблужденій человѣкъ достигаетъ чрезъ многократное наблюденіе предмета и разсматриваніе его съ разныхъ сторонъ.» Другими словами: внѣшнія чувства не всегда заблуждаются, и хоть случается съ ними иногда такой грѣхъ, но вообще на нихъ можно положиться. Это положеніе меня успокоиваетъ, но не на долго: чрезъ нѣсколько страницъ г. Кусаковъ опять говоритъ, что рѣшительно всѣ предметы «производятъ на нашу душу впечатлѣніе, болѣе или менѣе несоотвѣтственное предмету, слѣдовательно болѣе или менѣе ошибочное» (стр. 13). Я снова впадаю въ прежнее недоумѣніе и тоскливо восклицаю: «о, г. Кусаковъ! Повѣдайте же мнѣ, есть ли истина на свѣтѣ? Иначе я рѣшусь на отчаянную мѣру,—обращусь къ г. Герберу: онъ поэтъ добрый и, вѣрно, по своему обѣщанію,

«Онъ разрѣшитъ мои печали,
Сомнѣнья вѣчныя мои.»

Но г. Кусаковъ смягчается моими жалобами и великодушно объясняетъ, что истина возможна «при опредѣленіи высшихъ аксіомъ и построеніи на нихъ всѣхъ возможныхъ знаній» (стр. 9). Нѣкоторый свѣтъ начинаетъ озарять меня. «Высшія аксіомы, думаю я.....знаю теперь, на что онъ метитъ: на непогрѣшимость всеобщаго разума»... Но, увы! г. Кусаковъ отнимаетъ у меня и послѣдній слабый лучъ надежды, объявляя, что за аксіомы не могутъ быть приняты врожденныя идеи, будто бы производимыя внутренней дѣятельностью души, независимо отъ впечатлѣній внѣшняго міра (стр. 10). Слѣдовательно высшія аксіомы г. Кусакова тоже должны быть произведеніемъ внѣшнихъ чувствъ, которыя онъ же самъ, непостижимый г. Кусаковъ, считаетъ столь обманчивыми и ненадежными. Тутъ ужъ я рѣшительно теряюсь и предаюсь въ волю г. Кусакова, который, пользуясь моимъ положеніемъ, начинаетъ объяснять мнѣ свою теорію. «Цѣль и назначеніе моей брошюры, говоритъ онъ, состоитъ въ опредѣленіи и ясномъ математическомъ выраженіи этой высшей аксіомы». Формула ея очень проста: $a = b \times c$. (Я ничего не понимаю). Здѣсь *a* означаетъ дѣйствіе (продолжаетъ объяснять г. Кусаковъ), а *b* и *c*— предметы, дѣйствующіе другъ на друга. Такимъ образомъ, если двухъ подравшихся пріятелей изобразить — одного буквою *b*, а другаго *c*, то въ результатѣ и будетъ *a*, дѣйствіе, то есть,—драка. Пріятели, пожалуй, могутъ и не драться, — результатъ все будетъ тотъ же: для формулы нужно только, чтобы сошлись два пріятеля *b* и *c*, а

результатъ *a*, то есть, драка, самъ собою ужъ явится.» Я какъ будто начинаю понимать мудрость г. Кусакова и интересуюсь знать, на чемъ же основана высшая аксіома, что a = b × c. Оказывается слѣдующее. Мы чувствуемъ, что на насъ повсюду дѣйствуетъ что-то, отъ насъ отличное, внѣшнее, словомъ — *не я*. Отсюда мы заключаемъ, что кромѣ насъ существуетъ еще нѣчто, потому что иначе мы не могли бы ощущать никакого внѣшняго дѣйствія на наше *я*. Отсюда слѣдуетъ, что бытіе предметовъ сознается нами потому только, что они на насъ дѣйствуютъ, и что, слѣдовательно, нѣтъ возможности представить предметъ безъ дѣйствія. Общій же законъ всякаго дѣйствія состоитъ въ томъ, что *дѣйствіе соразмѣрно причинамъ*; это мы можемъ утверждать потому, что, узнавая предметы только по ихъ дѣйствію на насъ, мы только по дѣйствію можемъ опредѣлить и величину, и значеніе самихъ предметовъ. Все это очень основательно и ясно на первый взглядъ, и во всемъ этомъ я, какъ и всѣ,—я думаю,—съ давнихъ поръ былъ убѣжденъ... до того времени, пока не прочиталъ брошюры г. Кусакова. Но, прочитавши брошюру, я уже на такую удочку не поддамся. Я самъ теперь сдѣлался скептикомъ и самъ стану задавать вопросы г. Кусакову: «а чѣмъ вы, г. Кусаковъ, докажете, что эта аксіома ваша, а не моя, и не общая всѣмъ людямъ съ давнихъ поръ? Да и на какомъ основаніи утверждаете вы, г. Кусаковъ, что если предметъ на насъ дѣйствуетъ, то значитъ, что онъ существуетъ? Легко можетъ быть, что онъ дѣйствуетъ, а все-таки не существуетъ? Чѣмъ вы докажете, наконецъ, что предметы на насъ дѣйствуютъ? Можетъ быть, это только внѣшнія чувства васъ обманываютъ? На чемъ же вы вашу аксіому основываете? Нѣтъ, г. Кусаковъ, ваша аксіома, осмѣлюсь вамъ замѣтить, неосновательна. Въ отысканіи начала всѣхъ началъ вы меня не удовлетворите старой, избитой истиной, что нѣтъ дѣйствія безъ причины. Я хочу, чтобъ вы мнѣ эту самую причину-то отыскали, доказательства бы нашли.... Тогда я успокоюсь.... Иначе я все-таки буду васъ безпрестанно и безконечно допрашивать: отчего?

Г. Кусаковъ, повидимому, теряется и говоритъ что «это положеніе *не только не можетъ быть доказано, но даже не относится къ области ума*» (стр. 11). Я въ свою очередь торжествую и уже безъ всякаго благоговѣнія къ мудрости г. Кусакова выслушиваю дальнѣйшее его объясненіе о томъ, что «все существующее дѣйствуетъ, а всякое дѣйствіе совершается *отъ центра къ окружности*» (стр. 22). Во-первыхъ, я возглашаю: «чѣмъ докажете, г. Кусаковъ?», а во-вторыхъ я спрашиваю: какого центра, какой окружности? Я, напр., ѣду изъ Архангельска въ Тамбовъ; дѣйствую ли я отъ центра Россіи къ ея окружности, или отъ моего собственнаго цент-

ра къ моей собственной окружности? Но опредѣлите же, гдѣ мой центръ и моя окружность? Съ центромъ тяжести что-ли совпадаетъ центръ, открытый г. Кусаковымъ или онъ ни съ чѣмъ не совпадаетъ? Это, вѣдь, легко сказать: «вотъ, дескать, какая высшая аксіома, только она не можетъ быть доказана; а предметы, вслѣдствіе ея, дѣйствуютъ отъ центра къ окружности». Но сказать, не доказавши, еще ничего не значитъ, равно какъ ничего не значитъ и необъясненное положеніе. По аксіомѣ г. Кусакова, брошюра его дѣйствуетъ тоже отъ центра къ окружности. Можетъ быть, это и такъ; но задача въ томъ, чтобы отыскать: гдѣ же именно центръ-то ея находится? А этого ни за что и не отыщешь, потому, что г. Кусаковъ совершенный эксцентрикъ. Философіи, должно быть, онъ обучался; объ этомъ свидѣтельствуютъ фразы его, въ родѣ слѣдующей: «если бы мы захотѣли представить себѣ *я и не я* нераздѣльно, то это представленіе всецѣлаго бытія, указывающее на самый высшій родъ, не было бы понятіемъ, а чувствомъ, и имѣло бы въ дополнительной сферѣ, называемой несуществомъ или небытіемъ, выраженіе мнимое, происшедшее отъ примѣненія общей формулы раздѣленія понятій на двѣ сферы къ такому предмету, который дополнительной сферы не имѣетъ, и по этой причинѣ не относится болѣе къ предметамъ, о которыхъ можно имѣть понятіе». (стр. 12). Но философія, должно быть, невпрокъ пошла г. Кусакову: онъ вызвался вести насъ куда-то и завелъ въ лабиринтъ, изъ котораго, кажется, и самъ не можетъ выбраться. Онъ знаетъ только одно, — что надо идти отъ центра къ окружности; но гдѣ центръ, гдѣ окружность, до этого ему ужь рѣшительно нѣтъ никакого дѣла.

Что такое г. Тіеръ и нашествіе его на Россію. *А. Гаряинова.* Спб. 1858 г.

Въ XIV-мъ томѣ «Исторіи Консульства и Имперіи» Тіеръ описалъ войну 1812 года. Въ изложеніи его нашлось нѣсколько невѣрностей и ошибокъ, относящихся къ Россіи. Г. Гаряиновъ вздумалъ опровергнуть Тіера, и для этого издалъ брошюру, состоящую изъ пяти отдѣловъ: 1) знакомство съ г. Тіеромъ; 2) мелкіе грѣхи г. Тіера; 3) крупные грѣхи г. Тіера; 4) г. Тіеръ весь на лицо; 5) апоѳеоза г. Тіера.

Выписанныя нами заглавія достаточно опредѣляютъ полемическій характеръ книжки г. Гаряинова, обусловливаемой самымъ ея содержаніемъ. Все сочиненіе г. Гаряинова распадается на двѣ, рѣзко противоположныя части: въ одной горячая, патріотическая, возвышенная защита подвижниковъ 1812 года, приносящая честь

и чувствамъ, и убѣжденіямъ автора; въ другой выходки противъ Тіера, вовсе не нужныя при блистательной защитѣ г. Гаряинова и обнаруживающія скорѣе безсиліе человѣка, справедливо-задѣтаго, нежели спокойное достоинство, оскорбляемаго невинно. Для полнаго убѣжденія читателей и самого автора брошюры, представимъ примѣры и хорошей, и дурной стороны сочиненія г. Гаряинова.

Тьеръ повторяетъ, напримѣръ, общую ошибку, что русскіе не любили Барклая-де-Толли, какъ иностранца. Г. Гаряиновъ совершенно справедливо объясняетъ (стр, 6 — 7), что Барклай былъ лифляндецъ, а всѣ жители Остзейскихъ губерній — вовсе не иностранцы для русскихъ. «Они пользуются всѣми правами гражданства, дружбою нашею, преданы Россіи, доказали это въ тысячѣ случаяхъ и не позже, какъ въ послѣднюю войну».

Далѣе Тьеръ говоритъ, что солдаты роптали на Барклая и обижали его. Онъ сносилъ это, но «принужденъ былъ велѣть разстрѣлять нѣсколькихъ человѣкъ, вышедшихъ изъ повиновенія, болѣе другихъ оказавшихъ дерзости.» Г. Гаряиновъ весьма остроумно находитъ здѣсь противорѣчіе и говоритъ, что не могъ Барклай въ одно время сносить обиды и разстрѣливать солдатъ. «Одно изъ двухъ, говоритъ онъ, слѣдовало — или продолжать до конца систему терпѣнія, или разстрѣлять всѣхъ солдатъ» (стр. 9). Кромѣ того г. Гаряиновъ сильно опровергаетъ самый фактъ, упоминаемый Тьеромъ, говоря: «русскіе солдаты, извѣстные примѣрною дисциплиною и повиновеніемъ къ начальникамъ, обижаютъ своего главнокомандующаго, — и въ какое время? Въ виду непріятеля! Слыхано ли это — не только у насъ, но въ какомъ бы то ни было благоустроенномъ войскѣ?»

О Кутузовѣ Тьеръ также наговорилъ много вещей несправедливыхъ, и здѣсь г. Гаряиновъ весьма тонко подмѣтилъ у него нѣсколько грубыхъ противорѣчій. Напримѣръ: на стр. 359, Тьеръ приводитъ слова Кутузова предъ оставленіемъ Москвы: «моя голова можетъ быть хороша или дурна; но она *одна* рѣшитъ этотъ важный вопросъ.» На страницѣ же 401, тотъ же Тьеръ говоритъ, что послѣ оставленія Москвы «и Кутузовъ сталъ терять народность и старался коварными разсказами разгласить мнѣніе, что другія начальствующія лица въ арміи вынудили его покинуть Москву.» Не говоря уже объ эпитетѣ *коварный*, который горячо опровергнутъ г. Гаряиновымъ, въ словахъ Тьера подмѣчено имъ весьма важное противорѣчіе. Именно — г. Гаряиновъ говоритъ: «у г. Тьера злословіе часто не раздѣльно съ вѣтренностью, и служитъ ему настоящимъ антидотомъ; онъ забудетъ, что написалъ, и потомъ станетъ увѣрять въ

противномъ; такъ на стр. 359 сказано, что фельдмаршалъ самъ рѣшилъ покинуть Москву, а на стр. 401, что его къ тому вынудили. Слѣдовательно, у автора, князь Кутузовъ то беретъ на себя важную отвѣтственность оставленія столицы, то сбрасываетъ ее на другихъ» (стр. 50). Справедливо.

Не довольствуясь мелкими несправедливостями, Тьеръ приписалъ ки. Кутузову ужасную черту, касающуюся уже всего нравственнаго характера человѣка. Онъ сказалъ о фельдмаршалѣ (не имѣя подъ рукою Тьера, приводимъ слова его по переводу г. Гарянинова, стр. 62): «старикъ Кутузовъ не только не вѣрилъ въ Божію матерь, даже очень мало вѣрилъ въ Бога». Г. Гарянинъ горячо и благородно защищаетъ память великаго полководца отъ нелѣпаго и ужаснаго обвиненія Тьера. Онъ справедливо замѣчаетъ, что «никто, кромѣ самыхъ короткихъ людей и духовника князя Кутузова не могъ знать о степени его религіознаго убѣжденія», и что, конечно, «ни одинъ изъ нихъ не передавалъ г. Тіеру свѣдѣній по этому предмету. Далѣе г. Гарянинъ прибавляетъ, съ благородной горячностью, достойною истинно православнаго христіанина и человѣка двѣнадцатаго года, какъ онъ самъ себя называетъ: «фельдмаршалъ не былъ ханжа, но былъ хорошій христіанинъ въ духѣ православной каѳолической церкви, по старинѣ. Въ этомъ убѣждена вся Россія, и поручатся всѣ, его знавшіе. Могъ ли князь, особенно, не вѣровать Владычицѣ Небесной, онъ, добрѣйшій изъ людей, надежный другъ, преданный родной, и нѣжный отецъ! Всѣ эти качества въ человѣкѣ какъ-то еще болѣе располагаютъ молиться Пречистой Дѣвѣ, представительницѣ чистѣйшей любви Небесной. Образъ Божіей Матери даже въ походахъ не оставлялъ его, и онъ будто Ей не вѣровалъ!» (стр. 62—63).

Столь же блистательно опровергаетъ г. Гарянинъ и несправедливое сужденіе Тьера о положеніи нашихъ войскъ наканунѣ Бородинской битвы. Тьеръ говоритъ, что тогда какъ французы наканунѣ сраженія готовили оружіе и занимались веселыми разговорами, русскіе, печальные, отчаянные, полагали надежду только на Бога и на колѣняхъ молились предъ чудотворнымъ образомъ, «который, какъ разсказывали, спасенъ былъ на крыльяхъ ангеловъ изъ пылавшаго Смоленска. Образъ этотъ, окруженный тысячами факеловъ, носили по лагерю греческіе священники.» Г. Гарянинъ, весьма справедливо замѣчаетъ, что показанія Тьера дѣлаютъ честь русской арміи и выставляютъ ее въ самомъ лучшемъ свѣтѣ. «Кто не почувствуетъ, говоритъ онъ, глубокаго уваженія къ воинству, ведущему, по числу своему, неравную борьбу, и удивлявшему своимъ мужествомъ самого Наполеона, къ воинству, которое въ рѣшительную минуту общаго боя, готовясь

на родныхъ поляхъ сразиться за родину, просить у Бога силъ укрѣпить его!» (стр. 37). Далѣе, г. Гаряиновъ опровергаетъ частныя показанія Тьера: объ ангелахъ, спасшихъ образъ, г. Гаряиновъ справедливо замѣчаетъ, что такихъ разсказовъ въ войскѣ быть не могло, ибо вся армія видѣла, какъ образъ былъ вынесенъ изъ Смоленска, въ день сраженія, «не ангелами, а духовенствомъ» (стр. 32). Тысячи факеловъ не могли существовать тогда при войскѣ, *греческихъ* священниковъ у насъ въ Россіи почти нѣтъ, а «при чудотворной иконѣ находились полковые священники, всѣ коренные русскіе.» Ясно, что Тьеръ написалъ весьма много лишняго въ своей исторіи.

Такимъ блистательнымъ способомъ, противопоставленіемъ фактовъ выдумкамъ и основательныхъ разсужденій—ложнымъ умствованіямъ, опровергаетъ г. Гаряиновъ многія ошибки Тьера. Казалось бы, ему надобно было сохранить спокойствіе, надобно было съ увѣренностью силы, съ достоинствомъ истинной правоты обличать своего противника, не дѣлая изъ полемики перебранку. Но, къ удивленію и къ сожалѣнію нашему, г. Гаряиновъ не хотѣлъ удержаться въ этихъ предѣлахъ и самъ принялъ грубый, раздраженный тонъ, допустилъ много выходокъ, не совсѣмъ деликатныхъ, даже впалъ въ противорѣчія, которыя такъ ловко подмѣчаетъ онъ у Тьера. Такъ, защищая Барклая-де-Толли, г. Гаряиновъ говоритъ: «что кому за дѣло до происхожденія чьего-нибудь?» А между тѣмъ, самъ же онъ «знакомство съ г. Тіеромъ,» начинаетъ съ того, что «отецъ его былъ мастеровымъ, а сестра содержала обѣденный столъ, по два франка съ половиною съ персоны.» (стр. 3). И далѣе, во многихъ мѣстахъ, г. Гаряиновъ не оставляетъ кольнуть Тьера его низкимъ происхожденіемъ. Такъ, на стр. 13, онъ говоритъ: «чѣмъ же хуже простолюдины наши, напримѣръ, французскихъ, возьмемъ хоть отца г. Тьера, простаго марсельскаго работника?» А на стр. 69-й, есть даже выходка, говорящая, что въ Тьерѣ «сейчасъ видѣнъ выросшій между грубыми рабочими неучъ, неумѣющій даже вѣжливо браниться.» Признаемся, что въ отношеніи вѣжливости отзывовъ, мы затрудняемся, кому изъ двухъ противниковъ отдать преимущество. Пусть судятъ объ этомъ сами читатели.

Г. Гаряиновъ упрекаетъ Тьера, за то, что онъ назвалъ Кутузова, между прочимъ, *кривымъ* (что, въ сущности, вовсе и не обидно). Господинъ Гаряиновъ справедливо замѣчаетъ, что выставлять на видъ тѣлесный недостатокъ человѣка — неблагородно. А между тѣмъ самъ же г. Гаряиновъ издѣвается надъ малымъ ростомъ Тьера. Упрекая его за преувеличенное показаніе потери

русскихъ въ битвѣ при Молодечно, г. Гаряиновъ такъ говоритъ: «что за кровожадный человѣкъ этотъ г. Тьеръ! только и думаетъ, какъ бы поболѣе перебить народу, а посмотрѣть на него,—въ середнюю шеренгу внутренней стражи нельзя поставить; но чему дивиться — крошечныя собачки всегда бываютъ очень злы». (стр. 31). Это очень зло, но г. Горяиновъ недовольствуется тѣмъ, что *обзываетъ* Тьера прозвищами животныхъ (по выраженію г. Даля). Онъ прибавилъ еще примѣчаніе, въ которомъ говорится: «великій человѣкъ (т. е. Тьеръ) росту съ небольшимъ два аршина, слѣдовательно, если годится въ фельдмаршалы, далеко не годенъ въ рекруты», и т. д. Спрашиваемъ г. Гаряинова: какое отношеніе имѣетъ низкое происхожденіе и малый ростъ Тьера къ его историческому таланту и добросовѣстности?...

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ г. Гаряиновъ увлекается до того, что забываетъ сказать настоящее опроверженіе Тьеру и ограничивается восклицательнымъ знакомъ и обращеніемъ въ родѣ слѣдующаго: «люди 1812 года! скажите этому г. Тіеру, что онъ безсовѣстно и безстыдно клевещетъ!» (стр. 36). Вообще неумѣренность въ выраженіи своего гнѣва много вредитъ г. Гаряинову. По крайней мѣрѣ, намъ, людямъ не 12, а 58 года XIX столѣтія, крайне непріятно было въ брошюрѣ, посвященной защитѣ столь великаго дѣла, какъ слава отечества, встрѣтить выраженія, подобныя слѣдующимъ: «г. Тіеръ не боится писать разный вздоръ и храбриться, сидя въ халатѣ за письменнымъ столомъ» (стр. 9). «Лжецъ и хвастунъ» (стр. 15), «всегда дерзкій и вѣтренный историкъ» (стр. 25). «Честное слово, — на этого человѣка находитъ такъ, что онъ бываетъ не въ здравомъ умѣ! Какъ не пустить крови сочинителю такихъ нелѣпостей!» (стр. 29). «Тьеръ пишетъ преувеличенія, которыя доказываютъ, что онъ не умѣетъ даже считать по пальцамъ, или не хочетъ, а это еще хуже для историка: одно свидѣтельствуетъ отсутствіе смысла, а другое— недостатокъ добросовѣстности.... (стр. 35). Нечистыя животныя всегда ищутъ грязи (это то же къ Тьеру) (стр. 70). «Вся жизнь г. Тьера доказываетъ, что онъ не имѣетъ никакихъ убѣжденій и былъ всегда политическимъ флюгеромъ» (стр. 79). Тьеръ пишетъ противъ Россіи, «чтобы тѣшить себя и набивать свой карманъ» (стр. 82). Мы уже не говоримъ о выраженіяхъ: злонамѣренная ложь, гнусность, безсмыслица, сплетникъ, клеветникъ, и проч. и пр., которыя г. Гаряиновъ щедро разсыпаетъ почти на каждой страницѣ. Все это не хорошо, и мы обязаны предостеречь г. Гаряинова на счетъ одного обстоятельства, которое намъ кажется довольно важнымъ. Вотъ въ чемъ дѣло.

Въ одномъ изъ примѣчаній (стр. 73) г. Гаряиновъ говоритъ, что книжка его «должна перевестись на иностранные языки

и пошлется въ чужіе краи». Не лучше ли не дѣлать этого? Намъ кажется, что она можетъ болѣе повредить дѣлу, нежели защитить его. Сказать ли, какое впечатлѣніе производитъ эта брошюрка на людей, не знающихъ литературныхъ обычаевъ 1812 года, а привыкшихъ къ нынѣшней литературной деликатности? Они всѣ сдѣлаютъ изъ нея такое заключеніе: вѣроятно, въ книгѣ Тьера есть что нибудь особенное, о чемъ г. Гаряиновъ умалчиваетъ, но что болѣе всего задѣваетъ его, и можетъ быть по справедливости. Иначе не изъ чего бы такъ шумѣть. Конечно, Тьеръ написалъ много нелѣпаго о Россіи и обнаружилъ полное невѣжество, называя напр. Смоленскъ границей Европы и Азіи, донскихъ казаковъ — сынами востока, и пр. Но вообще все, указанное г. Гаряиновымъ, такъ нелѣпо или ничтожно, что вовсе не могло возбудить такого гнѣва, какой обнаруженъ г. Горяиновымъ. Къ сожалѣнію, мы не читали XIV тома, но, вѣроятно, тамъ есть еще что нибудь другое, столь сильно разшевелившее г. Горяинова, и озлобившее его противъ Тьера.» Такое впечатлѣніе производятъ на людей 1858 года выходки одного изъ людей 1812 года.

Пѣсни Гейне. въ переводѣ *М. Л. Михайлова*. Спб. 1858 г.

Безчисленные переводы Гейне, съ нѣкотораго времени появившіеся въ нашихъ журналахъ, скоро стали надоѣдать публикѣ. Виноватъ въ этомъ, по нашему мнѣнію, не Гейне, а его переводчики. Долгое время Гейне терпѣлъ гоненія отъ нашихъ переводчиковъ и дѣйствительно уподоблялся «трепетному оленю», за которымъ скачутъ охотники, — какъ является онъ въ прекрасномъ стихотвореніи г. Майкова, извѣстномъ нашимъ читателямъ:

«Давно его мелькаетъ тѣнь
Въ садахъ поэзіи родимой,
Какъ въ рощѣ трепетный олень,
Врагамъ невидимымъ гонимый!

Эти враги и суть переводчики. Чего же вы хотите въ самомъ дѣлѣ: одинъ взявшись переводить Гейне, увлекается собственнымъ образомъ, мелькнувшимъ въ головѣ; другой въ переводѣ называетъ милаго мальчика «почтеннымъ юношею», третій доходитъ до того, что слово Liebe смѣшиваетъ съ словомъ Leib и вмѣсто *любви* — переводитъ — *тѣло*! Съ этимъ послѣднимъ переводчикомъ мы знакомы: это г. Генслеръ-Семеновъ, о которомъ мы два раза уже упоминали въ «Современникѣ». Правду сказать—не поздоровится автору отъ этакихъ переводовъ!

Да и независимо отъ достоинства перевода, какія пьесы выбирались у насъ въ прежнее время для перевода! Многіе вѣроятно, пом-

нять, что у насъ, лѣтъ пять тому назадъ, понималось подъ стишками въ гейневскомъ родѣ. «Ручей мирно журчитъ; но я смущенъ. — я вспоминаю рѣчи измѣнницы-милой». Или — «облака несутся по небу; я смотрю на нихъ и думаю, что это не облака, а душа моей милой» или еще: «мы сидѣли съ милой и нѣжно разговаривали, а на крышѣ мяукали кошки.» Это называлось подражаніями Гейне. Только въ недавнее время стали мы знакомиться съ истиннымъ характеромъ поэзіи Гейне, недавно переведены у насъ нѣкоторыя изъ лучшихъ, болѣе серьёзныхъ его произведеній, и нѣтъ сомнѣнія, что хорошій переводъ хорошихъ вещей Гейне всегда будетъ имѣть значеніе въ нашей литературѣ и обратитъ на себя вниманіе публики. До сихъ поръ, у насъ набралось уже нѣсколько удачныхъ переводовъ, разбросанныхъ въ разныхъ журналахъ, но еще не было отдѣльнаго изданія Гейне въ русскомъ переводѣ. Изданіе г. Сеченова считать нечего: иначе придется считать г. Даниловскаго и г. Якимова въ числѣ переводчиковъ Шекспира, и г. Овчинникова въ числѣ переводчиковъ Фауста. Такимъ образомъ книжку г. Михайлова мы считаемъ первою литературною попыткою изданія Гейне въ русскомъ переводѣ, и не можемъ не выразить переводчику своей благодарности за это изданіе.

О достоинствѣ перевода г. Михайлова говорить, кажется, нечего. Переводы его нѣсколько лѣтъ печатались въ разныхъ журналахъ и всегда читались съ удовольствіемъ. Нельзя сказать, чтобъ они отличались буквальной вѣрностью подлиннику; но нельзя въ нихъ не замѣтить поэтическаго чувства, возбуждающаго въ читателѣ именно то настроеніе, какое сообщается и подлинникомъ. Чувствовать, а не только понимать, мысль Гейне, переводя его, необходимо, можетъ быть болѣе, нежели при переводѣ всякаго другаго поэта. Мысль является у него чувствомъ и чувство переходитъ въ думу такъ неуловимо, что посредствомъ холоднаго анализа нѣтъ возможности передать это соединеніе. Необходимо самому увлечься впечатлѣніемъ стихотворенія Гейне, самому прочувствовать его, и тогда только можно хорошо его передать. Намъ кажется, что у г. Михайлова есть именно эта способность чувствовать поэзію Гейне, и потому онъ до сихъ поръ лучше всѣхъ другихъ передавалъ силу впечатлѣнія, оставляемаго въ читателѣ стихами Гейне.

Что касается до выбора стихотвореній, онъ довольно разнообразенъ и очень удаченъ. Всѣхъ стихотвореній, напечатанныхъ въ книжкѣ г. Михайлова, до 60. Въ числѣ ихъ находятся, между прочимъ, два прекрасныя стихотворенія изъ «грезъ»: «Ночь могилы тяготѣла» и «Зловѣщій грезился мнѣ сонъ»; стихотвореніе «На Гарцѣ»; изъ думъ: «Замокъ Аѳронтенбургъ»; изъ романсовъ—«Рыцарь Олафъ», «Гаральдъ Гарфагаръ», «Гастингское поле», «Богомольцы

въ Кевларѣ», и др.; стихотворенія: «Отгадка на прошлое», «Скорбь вавилонская». Изъ «книги пѣсенъ» переведено 38 пьесъ, и на каждой, самой маленькой вещи, видѣнъ отпечатокъ поэзіи Гейне. Г. Михайловъ не передѣлываетъ Гейне, не подбавляетъ своихъ чувствъ и понятій къ его чувствамъ и понятіямъ, и потому для человѣка, съ любовью читавшаго Гейне, переводы г. Михайлова такъ живо напоминаютъ подлинникъ. Но и не читавшій Гейне можетъ изъ книжки г. Михайлова получить объ этомъ поэтѣ понятіе довольно полное и вѣрное. Еще болѣе можетъ способствовать этому предисловіе, написанное г. Михайловымъ и заключающее въ себѣ коротенькій очеркъ жизни и нѣсколько мыслей о характерѣ поэзіи Гейне. Единственный упрекъ, который можно сдѣлать этой статейкѣ,—тотъ, что она коротка. Особенно досадно это въ той части статьи, въ которой говорится, что Гейне «былъ барабанщикомъ воинственнаго легіона молодыхъ дѣятелей юной Германіи» (стр. XII). Самое выраженіе это непонятно безъ указанія на стихотвореніе Гейне, въ которомъ онъ говоритъ, между прочимъ:

Стучи въ барабанъ, и тревогой
Уснувшихъ отъ сна, пробуди.
Вотъ смыслъ глубочайшій искусства!
А самъ маршируй впереди.

Вотъ Гегель, вотъ книжная мудрость
Вотъ смыслъ философскихъ началъ.
Давно я постигъ эти тайны,
Давно барабанщикомъ сталъ.

Это стихотвореніе не мѣшало бы привести въ статейкѣ о Гейнѣ; тогда характеристика его съ этой стороны была бы полнѣе и яснѣе для читателей.

За то взглядъ на Гейне, просто какъ на лирическаго поэта, вышелъ у г. Михайлова очень хорошъ. Намъ, между прочимъ, понравилась эта манера характеризовать поэта словами, взятыми изъ его собственныхъ произведеній. Это придаетъ всей характеристикѣ какой-то увлекательный, поэтическій колоритъ.

Изданіе книжки изящно.

Былое. Стихотворная повѣсть. Глава 1-я и 2-я. Сочиненіе *Михаила Стаховича*. М. 1858 г.

Недавно удивлялись мы обилію поэтовъ, появившихся въ послѣднее время, и приписывали ихъ внезапное нашествіе на русскую литературу нѣкоему особенному духу, напущенному на насъ вслѣдствіе гнѣва Аполлонова. Въ дополненіе къ предшествовавшимъ, —

вотъ и еще стихи, которыхъ напечатаніе можетъ быть объяснено единственно только стихотворнымъ духомъ нашего времени. Г. Стаховичъ вздумалъ написать стихотворную повѣсть? Доброе дѣло! Въ 1854 г. онъ кончилъ первую главу; въ 1857 кончилъ вторую, и тотчасъ же приступилъ къ изданію.... Теперь спрашивается: отчего же г. Стаховичъ не издалъ первой главы въ 1854 г., или отчего не подождалъ онъ хоть третьей главы, которая должна быть кончена, вѣроятно, въ 1860 г? Нѣтъ никакой причины, кромѣ той, что нынѣ время благопріятное для стиховъ, и всѣ спѣшатъ имъ пользоваться. Скоро мы дойдемъ до того, что будемъ издавать стихотворенія *листками*. Напишетъ человѣкъ половину элегіи, и бухъ ее въ печать, а вторая половина будетъ, дескать, послѣ. Скоро будутъ, кажется, издаваться собранія стихотвореній, въ нѣсколько страничекъ. Выйдетъ вдругъ «Полное собраніе стихотвореній», такого-то. Вы смотрите: книжечка состоитъ изъ двухъ листочковъ; на первомъ напечатана шарада въ три стиха, а на второмъ эпиграмматическое двустишіе. Можно навѣрное утверждать, что это будетъ: въ журналахъ ужь мы дошли до такой премудрости, имѣемъ «Смѣхи» и «Потѣхи» и пр. Тоже будетъ и въ стихахъ, при нынѣшнемъ стихотворномъ повѣтріи.

Что же, однако, находится въ стихотворной повѣсти г. Стаховича? Да ничего пока, кромѣ вялыхъ стиховъ. Въ первой главѣ разсказывается, какъ дремалъ на печкѣ старикъ и думалъ про былое, состоявшее въ томъ, что баринъ за вѣрную службу отпустилъ его на волю. Во второй изображается студентъ Сосновъ, восхищающійся Мочаловымъ и отправляющійся въ свою деревню. Вотъ и все.

Есть у г. Стаховича изображенія сельской жизни, состоящія въ томъ, что мужикъ подъ старость,—

.... какъ дитя,
Кончаетъ жизнь полушутя.

Есть и мечты, возбужденныя этой жизнью и выражаемыя въ такихъ виршахъ:

«Я вѣрю, правдой и хвалой
Прославитъ Русь грядущій геній,
И, орлій зря ея полетъ,
И онъ, какъ Пушкинъ, воспоетъ.

«*Орлій зря ея полетъ*» — немножко напоминаетъ *Росска Флакка зракъ*, но это ничего.

Стихотворная повѣсть останавливается пока на томъ, что Сосновъ собирается ѣхать въ деревню и посылаетъ туда прикащика.

«Но о довѣренномъ лицѣ
Мнѣ долго объяснять въ концѣ
Моей главы; его значенье,

О муза русская, со мной
Ты новой пѣснею воспой!

Это — конецъ. Только едва ли муза русская будетъ *воспѣвать пѣснею* новой, вмѣстѣ съ г. Стаховичемъ. Вѣроятнѣе всего, что онъ самъ, и безъ музы, станетъ продолжать все туже, старую-престарую пѣсню.

Для Легкаго Чтенія. Повѣсти, разсказы, комедіи, путешествія и стихотворенія современныхъ русскихъ писателей. Изданіе книжнаго магазина Давыдова. Томы VI, VII, VIII. Спб. 1857—58 г.

Новыхъ замѣчательныхъ вещей по части беллетристики почти вовсе не появляется, какъ это, вѣроятно, извѣстно читателямъ. Любителямъ легкаго чтенія приходится перечитывать старое, забытое или пропущенное безъ вниманія въ свое время. Въ этомъ отношеніи книгопродавецъ Давыдовъ оказываетъ большую услугу русскимъ читателямъ, своимъ изданіемъ: «Для Легкаго Чтенія». Въ изданіи его постоянно помѣщаются произведенія лучшихъ нашихъ писателей, бывшіе разбросанными въ журналахъ прежнихъ годовъ и съ трудомъ въ нихъ отыскиваемыя. Въ послѣднихъ трехъ томахъ, изданныхъ съ того времени, какъ мы въ послѣдній разъ говорили о «Легкомъ Чтеніи»,—помѣщены четырнадцать повѣстей и разсказовъ гг. Авдѣева, Григоровича, Лажечникова, Майкова, Малиновскаго, Панаева, Печерскаго, Писемскаго, Полонскаго, Серебрицкаго, Станицкаго и Тургенева, сцена Островскаго, комедія Тургенева и двѣнадцать стихотвореній гг. Берга, И. Л., Майкова и Фета. Большая часть этихъ произведеній, вѣроятно, памятны читателямъ, слѣдившимъ за нашими журналами въ послѣдніе пятнадцать лѣтъ, и вѣрно для многихъ пріятно будетъ имѣть красиво-изданную недорогую книжку, въ которой собраны, напр. такія вещи, какъ «Провинціалка», Тургенева, «Смедовская долина» Григоровича, «Порядочный человѣкъ», М. В. Авдѣева, «Груня», Полонскаго, и пр. (т. VI); или такія, какъ «Помѣщикъ», стихотворный разсказъ» Тургенева «Старая барыня», Писемскаго, «Знакомство съ Пушкинымъ», И. И. Лажечникова, «Широкая натура», П. Серебрицкаго, «Желѣзная дорога между Петербургомъ и Москвою», Н. Станицкаго (т. VII); или такія вещи, какъ «Поярковъ», Печерскаго, «Семейная картина», Островскаго, «Прогулка по Риму», А Н. Майкова, «Двѣ Липки, поэма А. А. Фета, и пр. (т. VIII). Въ слѣдующемъ, девятомъ томѣ,—обѣщаны, между прочимъ, романъ Т. Ч. «Тернистый трупъ», повѣсть Писемскаго—«Фанфоронъ», и «Два Зайца», пов. Е. Я. Колбасина.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ИЗВѢСТІЕ.

Сообщаемъ важную литературную новость, за достовѣрность которой можемъ ручаться. Предпринимается полное изданіе драматическихъ произведеній Шекспира. Оно будетъ состоять изъ 12 томовъ; въ каждый томъ войдутъ три драмы, переведенныя сообразно тому, какъ написаны въ подлинникѣ,—то есть большею частію стихами. Въ изданіе войдутъ лучшія изъ прежнихъ стихотворныхъ переводовъ (напр. покойнаго А. И. Кронесберга); для перевода остальныхъ пьесъ приглашены извѣстные русскіе переводчики. Къ изданію будутъ приложены: 1) Очеркъ исторіи театра въ Англіи до Шекспира; 2) Біографія Шекспира; 3) Обозрѣніе русскихъ переводовъ Шекспира. Сверхъ того къ каждой пьесѣ будутъ приложены необходимыя примѣчанія, составленныя по Гервинусу и лучшимъ англійскимъ комментаторамъ. Все изданіе будетъ непремѣнно выдано въ теченіе трехъ лѣтъ. Издатели намѣрены назначить цѣну очень умѣренную, сдѣлавъ въ тоже время изданіе роскошнымъ. Дальнѣйшія подробности будутъ объявлены публикѣ въ непродолжительномъ времени.

Тѣ, которые пожелаютъ войти съ издателями по этому дѣлу въ какія либо сношенія, могутъ адресоваться въ редакцію «Современника».

ПЕТЕРБУРГСКАЯ ЖИЗНЬ.

ЗАМѢТКИ НОВАГО ПОЭТА.

Весна — и ея дѣйствія на меня. — Различныя глубокомысленныя разсужденія и вопросы, по поводу весны. — Благородные спектакли. — О талантахъ свѣтскихъ артистовъ и артистокъ. — Фанатики драматическаго искусства. — Совѣтъ Шекспира актерамъ.—Выставка Академіи Художествъ.—Баронъ Клодтъ 1, гг. Волковъ, Перовъ, Микѣшинъ, Филипповъ, Шарлемань, Боголюбовъ, Айвазовскій, графъ Моравиновъ, Куинкъ, Каламъ, Тенкате, Дорверъ, и проч. — Выставка садоводства.—Рѣдкія цвѣты и растѣнія.—Улучшенія въ Императорской Публичной Библіотекѣ — Аукціоны. — Парадъ. — Театральная новость. — Пріѣздъ Пастраны. — Уличныя изданія. — Замѣчательныя литературныя новости.

Въ послѣднихъ числахъ апрѣля въ Петербургѣ пахнуло весною.... какое блаженство!... Солнце замѣнило камины и печи, стеариновыя свѣчи, карсели и сальные огарки, проникая всюду и разливая тепло и свѣтъ — въ блестящія парадныя комнаты (гдѣ впрочемъ защищаются отъ него шолковыми, бархатными и тюлевыми занавѣсками и шторами) и въ сырые *углы*, (которые такъ не любятъ наши свѣтскіе писатели — гг. Гречь и Булгаринъ), въ углы бѣдняковъ, гдѣ такъ радуются даромъ освѣщающему и согрѣвающему доброму лѣтнему солнцу.... Весна! Весна!... птицы зачирикали, Нева разошлась (19 апрѣля), Петербургскіе сады и скверы зазеленѣли, у Лѣтняго сада сотни экипажей и не терпѣливыхъ рысаковъ, на Петербургскихъ улицахъ — мычанье коровъ и звуки пастушьяго рожка, маняще въ поля, въ лѣса, въ сады, въ парки, въ деревни и за границу!... Боже мой! Какъ хорошо быть богатымъ.... весною! (зимою — оно тоже, впрочемъ, не дурно, потому что въ Петербургѣ все вздорожало — и дрова и углы и квартиры и съѣстные припасы).... Я велѣлъ выставить у себя зимнія рамы къ 1 маю, отворилъ окна.... какой теплый и душистый воздухъ!... Нѣтъ, въ Петербургѣ

оставаться невозможно.... Дальше отъ каменныхъ стѣнъ: — въ глушь, въ степь....

Весною степь зеленая
Цвѣтами вся разубрана,
Вся птичками летучими,
Пѣвучими полнымъ полна....

Весною я впадаю въ лирическое настроеніе, пою и декламирую стихи на воздухѣ, самъ начинаю говорить съ рифмами, невольно дѣлаюсь поэтомъ (хотя и зимой я извѣстенъ подъ именемъ *Новаго поэта*, неизвѣстно почему); весною мнѣ начинаютъ казаться недурными даже тѣ стихи, которые зимой кажутся рѣшительно плохими и даже лишенными здраваго смысла. Еслибы я былъ критикомъ, я бы разбиралъ всѣхъ поэтовъ только весною, и приходилъ бы въ такой восторгъ отъ каждаго стишка, въ какой приходитъ парижская публика отъ знаменитой Тамберликовской ноты *ut-diéze*; я доказалъ бы міру, что всякая мѣрная, кадансированная строчка съ рифмованнымъ позвонкомъ на концѣ — важнѣе, полезнѣе и значительнѣе самой полезной и умной прозаической статьи.... Какимъ бы великимъ критикомъ считали меня поэты!... Весна и поэзія — почти синонимы....

«Весна идетъ, весна идетъ!»
. . . . . .
«Солнце теплое ходитъ высоко
И душистаго ландыша ждетъ....»

повторяемъ мы вмѣстѣ съ гг. Тютчевымъ и Фетомъ и выѣзжаемъ вонъ изъ города въ свои деревни, за границу или на дачи.... какъ всѣ *порядочные* люди, имѣющіе поэтическія искры въ душѣ и — деньги въ карманѣ....

Въ Петербургѣ лѣтомъ остаются только *inconnus*, бѣдные чиновники и рабочій, трудящійся классъ, живущій въ ненавистныхъ гг. Гречу и Булгарину *углахъ*.... Пусть люди, живущіе въ *углахъ*, пишутъ въ департаментахъ, мѣсятъ извѣстку, карабкаются на лѣса, мажутъ бѣлилами стѣны нашихъ домовъ, носятъ на спинѣ кирпичи и прочее. Они уже привыкли къ этому, ихъ обоняніе не такъ тонко, чтобы оцѣнить благоуханную прелесть весенняго ландыша; нервы ихъ слишкомъ грубы для ощущенія поэтическихъ красотъ природы; они не образованы, не развиты и потому не могутъ возвышаться до тѣхъ лирическихъ настроеній, до которыхъ возвышаемся весною мы — люди утонченно-образованные.... Поэзія жизни, наслажденіе жизнію понятны только намъ....

— Но... возразилъ мнѣ одинъ изъ самыхъ утонченно развитыхъ друзей моихъ — превосходный діалектикъ, анализующій самыя мельчайшія ощущенія и движенія души своей, когда я въ порывѣ весенняго восторга и поэтическаго настроенія, высказалъ ему то, что я теперь высказываю передъ моимъ читателемъ, — но любезный другъ, — жизнь вообще и для насъ въ особенности совсѣмъ не шутка, не наслажденіе и не забава; жить не такъ легко, какъ кажется, жизнь—борьба; жизнь для насъ людей развитыхъ, можетъ быть, еще гораздо тяжелѣе и труднѣе, чѣмъ для простыхъ, не образованныхъ, неразвитыхъ людей. Ихъ матеріальный трудъ, какъ бы онъ ни былъ тяжелъ, все-таки несравненно легче нашего умственнаго труда, труда мысли; они не знаютъ тѣхъ мучительныхъ, подтачивающихъ жизнь духовныхъ страданій, которымъ подвержены мы; имъ недоступны ни разъѣдающее человѣка сомнѣніе, ни ядовитая рефлексія, заставляющая насъ метаться на нашихъ эластическихъ тюфякахъ и проводить безсонныя ночи; они, счастливцы, спокойно засыпаютъ на голыхъ доскахъ, утомленные дневнымъ трудомъ и такъ крѣпко, что даже сновъ не видятъ; для нихъ жизнь проста и ясна, они не борятся съ нею, а мы....

— Да ты правъ, мой другъ, перебилъ я его, съ глубокимъ вздохомъ: — мы дѣйствительно страдальцы, но какъ ни велики наши моральныя страданія, наши внутреннія борьбы, — согласись, что обстановка, въ которую мы поставлены, все-таки облегчаетъ намъ нѣсколько эту борьбу.... Мы боремся съ жизнію, разъѣзжая по баламъ, раутамъ, театрамъ, маскерадамъ, клубамъ, кушая самыя утонченные обѣды и запивая ихъ самымъ утонченнымъ виномъ; мы боремся съ нею на прекрасныхъ и покойныхъ диванахъ, передъ мраморными каминами, вдыхая благовонный запахъ дорогихъ сигаръ, катаясь и прохаживаясь по великолѣпнымъ загороднымъ садамъ и паркамъ, или удаляясь въ прелестную глушь нашихъ родовыхъ имѣній, или... что еще пріятнѣе—мы боремся съ нею, зимой въ Парижѣ, лѣтомъ въ Швейцаріи, ранней весной и поздней осенью въ Италіи.... Я не спорю, что мы страдальцы, мученики и тѣмъ болѣе достойные сожалѣнія, что большинство намъ завидуетъ, воображая насъ счастливцами, потому только, что мы владѣемъ капиталами.... у большинства самый вульгарный взглядъ на счастіе!.. Это все такъ, я очень хорошо знаю это, но неужели борьба людей, непонимающихъ нашихъ утонченныхъ страданій, неужели черноработій трудъ легче нашихъ рефлексій, сомнѣній, внутреннихъ противорѣчій и другихъ утонченныхъ страданій?... О другъ мой! продолжалъ я, одушевляясь: — всѣ люди вообще чрезвычайно расположены къ лѣни, (особенно весною) я это по себѣ чувствую и если необходи-

мость не заставляетъ ихъ трудиться, они очень охотно ничего не дѣлаютъ. Тотъ, кто сказалъ, что человѣкъ созданъ для труда, какъ птица для летанья — сказалъ ужаснѣйшій вздоръ. Всякій трудъ — тяжесть (по крайней мѣрѣ весною), а летанье для птицы—наслажденіе, потому что она создана только для того, чтобы летать. А такъ какъ мы люди утонченные и развитые, несмотря на всѣ наши страданія, можемъ, по волѣ нашей фантазіи, какъ птицы перелетать съ одного мѣста на другое, то мы все-таки счастливѣе многихъ.

Мой утонченный другъ и еще болѣе утонченный страдалецъ не соглашался со мной и продолжалъ доказывать, что мы люди мыслящіе несчастнѣйшіе изъ людей.

Краснорѣчивая діалетика моего друга чуть непоколебала меня... Такова вообще сила краснорѣчія. Самая нелѣпѣйшая ложь, изложенная блестящимъ образомъ, самый вопіющій парадоксъ, увитый цвѣтами краснорѣчія, могутъ показаться намъ иногда непреложными истинами. Мы увлекаемся невольно красивою и блестящею внѣшностію. Какъ бы то ни было, правъ или неправъ мой утонченный другъ,—нельзя, говоря серьёзно, не замѣтить, что мы люди утонченные сдѣлали въ послѣднее время большіе шаги впередъ и сознали, что трудъ есть вещь почтенная. Дѣды наши и даже отцы считали праздность признакомъ благородства, гордились ею. Извѣстно, что всякое занятіе, особенно приносившее какіе нибудь выгоды, они считали унизительнымъ и позорнымъ для себя и только, какъ средневѣковые рыцари—владѣть оружіемъ и убивать людей, почитали занятіемъ благороднымъ, приличнымъ для своего званія... Теперь не то: врожденную человѣку наклонность къ лѣни мы стараемся искоренить въ себѣ. Конечно, есть и въ наше время праздношатающіеся, но ужъ никто не гордится въ сію минуту тѣмъ, что онъ праздношатающійся. Идея труда — облагородилась и укрѣпилась. Еще много людей, праздныхъ отъ лѣни, но людей безполезныхъ и другимъ и самимъ себѣ, праздныхъ по тщеславію, съ каждымъ днемъ становится менѣе. На нихъ въ наше время указываютъ пальцами — какъ на Митрофанушекъ, оставшихся отъ временъ Фонъ-Визина.

И во всякомъ случаѣ фраза моего друга: «жизнь есть трудъ», есть уже великій шагъ впередъ по пути нашего усовершенствованія... Слово трудъ — самое современное слово; всѣ мы толкуемъ о трудѣ, и государственные люди, и помѣщики, и ученые и литераторы, излагающіе намъ различныя системы политической экономіи. (Въ настоящую минуту всѣ изучаютъ политическую экономію—это самая модная, самая современная наука). Слово трудъ разносится по всѣмъ концамъ русской земли, оно на устахъ у всѣхъ насъ...

Увлеченный размышленіями и разсужденіями о трудѣ—и я было принялся за трудъ... писать эти замѣтки; но.... солнце такъ не по петербургски, такъ привѣтливо грѣетъ; вечернее небо такъ сине и ясно; воздухъ такъ мягокъ, что невольно пропадаетъ всякое расположеніе къ труду: я бросаю перо, выхожу вонъ изъ дома и отправляюсь гулять на набережную Невы.

Прогулки эта, впрочемъ, мало удовлетворяетъ меня. Какъ ни хороша Нева, но камень и гранитъ, громъ экипажей, разряженныя дамы въ кринолинахъ, блестящіе офицеры, гремящіе саблями, и франты съ стеклышками въ глазахъ—непріятная обстановка для весны... Все это погрузило меня въ горестныя размышленія о прошедшемъ зимнемъ сезонѣ...

Толпы знакомыхъ мнѣ Петербургскихъ лицъ обоего пола, живо появлялись передомною со всѣми ихъ интересами, взглядами, съ милымъ лицемѣріемъ, съ очаровательною пустотою, съ непостижимымъ легкомысліемъ, съ заученными фразами, съ напыщенною важностію, или съ сладкою угодливостію — дышащіе, двигающіеся и живущіе однимъ тщеславіемъ.

Отчего, напримѣръ, мой старинный знакомый NN, думалъ я, старичокъ съ такимъ пріятнымъ и внушающимъ уваженіе лицомъ, увѣнчанный сѣдиною, (говоря высокимъ слогомъ), и дѣйствительно, прекрасный, образованный, добрый, и развитый человѣкъ, усердно и честно служащій государю и отечеству, дослужившійся до значительнаго чина, до почетныхъ знаковъ отличія, и вслѣдствіе этого, получившій уже нѣкоторую самостоятельность,—отчего онъ, встрѣчаясь въ обществѣ съ высшимъ лицомъ, при видѣ его, весь подается впередъ, весь превращается въ умиленіе, и кажется, говоритъ глазами: — не прикажете ли мнѣ подставить кресло вашему сіятельству или вашему высокопревосходительству? или не удостоите ли вы мнѣ отдать какое-либо приказаніе:... сказать, въ которомъ часу вы изволите приказать пріѣхать вашей каретѣ? или что нибудь подобное... И это лицо вовсе не въ ходу. Оно ничего не можетъ сдѣлать для моего почтеннаго старичка!... Скажите, для чего же онъ такъ лицемѣрно разстилается передъ этимъ лицомъ?... Отчего, напримѣръ, одна очень почтенная дама — также изъ моихъ знакомыхъ, дама съ прекраснымъ независимымъ состояніемъ, съ умомъ, съ образованіемъ, весьма начитанная, съ очень свѣтлыми взглядами и разсужденіями, добивается изъ всѣхъ силъ, придать аристократическій лоскъ своему салону и ощущаетъ высочайшее блаженство, когда ея вечера бываютъ удостоиваемы посѣщеніемъ одной сановитой старушки, очень хорошо зная, что эта честь сопряжена для нее съ большими волненіями и безпокойствами,

что она должна водить знатную старушку подъ руку, наклоняться и подставлять ей скамейки, подкладывать ей подъ спину подушки, и прочее? Отчего моя добрая знакомая, съ незавидными состояніемъ, на своихъ вечерахъ, несравненно милѣе и внимательнѣе къ людямъ, съ звучными именами и титлами, и вообще къ тѣмъ, которые удостоиваютъ ее посѣщенія, нежели къ тѣмъ, которые просто ѣздятъ къ ней?... Отчего одинъ изъ моихъ друзей—человѣкъ замѣчательнаго ума и высокаго образованія, съ благородными убѣжденіями, подмѣчающій очень тонко различныя людскія слабости и бичующій ихъ своимъ безпощаднымъ словомъ, своею ядовитою ироніею... самъ, какъ будто незамѣчая того, подверженъ тѣмъ же самымъ слабостямъ, которые онъ бичуетъ?... Отчего онъ любезнѣе и милѣе съ титулованными дамами, нежели просто съ дамами? Отчего онъ, лѣнивый по своей натурѣ, часто отказывающійся отъ пріятельской бесѣды, не упускаетъ никогда ни одного приглашенія, если это приглашеніе получается изъ высшаго свѣта? Отчего ему трудно приподняться съ дивана, на одинъ мигъ нарушить свое спокойствіе для какой нибудь ничтожной услуги своему другу, короткому знакомому или короткой знакомой — людямъ нетитулованнымъ, и отчего онъ готовъ въ туже минуту объѣхать весь городъ, и даже не безъ удовольствія, для угожденія тѣмъ, которые окружены блескомъ и пользуются значеніемъ въ высшемъ свѣтѣ?...

Отчего и я, пишущій эти строки (да оцѣнитъ читатель мою откровенность), изобличающій мелкое тщеславіе, предразсудки и слабости моихъ друзей, пріятелей и знакомыхъ, понимающій всю нелѣпость предразсудковъ, всю смѣшную и печальную сторону слабостей человѣческихъ, подчиняюсь имъ съ непростительнымъ равнодушіемъ, и дѣлаюсь также смѣшонъ, какъ и тѣ, на которыхъ я намекаю, безпрестанно упрекая себя за свою постыдную уступчивость, свое непростительное безсиліе?...

Отчего?... Отчего?...

И чѣмъ болѣе порождались во мнѣ различные такого рода вопросы, чѣмъ ярче выступали передо мною различныя лица изъ петербургской жизни, и вся эта шумная и блестящая жизнь, которой такъ завидуютъ живущіе вдалекѣ отъ нея, тѣмъ грустнѣе и тяжелѣе становилось мнѣ....

Такъ и тянуло меня на просторъ, куда нибудь, все равно, — только бы подальше отъ грома, шума и блеска, отъ сплетенъ и толковъ, и отъ неизбѣжныхъ лицъ, ежедневно встрѣчаемыхъ мною.

Весна имѣетъ необыкновенно-благодѣтельное, освѣжающее и обновляющее вліяніе на петербургскаго человѣка. Вырвавшись изъ роскошныхъ, душныхъ клѣтокъ, съ двойными рамами, въ кото-

рыхъ мы сидимъ восемь мѣсяцевъ, на свѣжій воздухъ, — мы дышемъ легче, свободнѣе; всѣ наши мелкія, зимнія страстишки ослабѣваютъ, и лицомъ къ лицу съ природою мы становимся, какъ-то человѣчнѣе, лучше и чище. Я чувствую, что впадаю въ лиризмъ, но не могу удержаться.... это дѣйствіе весны. Весною и лѣтомъ, вдали отъ столицъ и городовъ, самыя черствыя сердца становятся мягче, и самыя недоступные люди дѣлаются снисходительнѣе и доступнѣе. Вотъ отчего, я думаю, въ своихъ дачныхъ или деревенскихъ дворцахъ, или въ заграничныхъ палацахъ, они снисходятъ даже до знакомствъ съ людьми простыми, которыхъ не только не допускаютъ зимой въ свои городскіе салоны, но даже не узнаютъ при встрѣчахъ.

Да здравствуетъ же весна съ своимъ теплымъ, всесогрѣвающимъ солнцемъ, съ своею свѣжею, пушистою зеленью, съ своими розами, левкоями и ландышами, даже съ своими громами и теплыми дождями!... (Въ Петербургѣ уже была гроза 20-го апрѣля, продолжавшаяся почти цѣлый день).... Поскорѣй вонъ изъ города, любезный петербургскій читатель, погрузимся въ природу: будемъ гулять въ лѣсахъ, въ поляхъ и въ садахъ, отдыхать на берегу чужихъ или родныхъ озеръ и рѣкъ, купаться, наслаждаться закатами солнца, кататься въ лодкахъ, словомъ предаваться всѣмъ невиннымъ, пасторальнымъ удовольствіямъ.... Намъ необходимо успокоиться отъ зимняго сезона, отдохнуть и поправить здоровье....

Будемъ наслаждаться природою безусловно, какъ поэты, немудрствуя лукаво, какъ философы, подобно какому нибудь Пиѳагору, изучившему въ школѣ гимнософистовъ — языкъ животныхъ, насѣкомыхъ и растеній, приведшій его къ печальному заключенію, что все въ мірѣ отъ человѣка до малѣйшей травки подвержено скорби и страданію....

Когда сей древній философъ, по сказанію одного, болѣе новѣйшаго философа, прогуливался однажды, во время пребыванія своего въ Индіи, на прекрасной полянѣ прилегавшей къ морю, онъ услышалъ грустный шопотъ цвѣтовъ и травъ, украшавшихъ эту поляну. «О, мы несчастные»,—шептали цвѣты и травы, — зачѣмъ мы родились цвѣтами и травами! Только что распустимъ мы свои лепестки и улыбнемся солнцу, какъ ужаснѣйшее чудовище начинаетъ топтать насъ своими огромными ножищами, разѣваетъ свою кровавую, пасть, раздираетъ насъ своими острыми зубами и поглощаетъ....Люди называютъ это чудовище— барашкомъ. Нѣтъ въ мірѣ страшнѣе и злѣе этого животнаго!... Нѣтъ ничего въ природѣ несчастнѣе насъ!»

Тронутый этими словами, глубокомысленный и чувствительный Пиѳагоръ, проливъ нѣсколько слезъ объ горькой участи травъ и цвѣтовъ, продолжалъ свою прогулку... Онъ увидѣлъ устрицу, прилѣпившуюся къ маленькой скалѣ. Въ это время онъ еще не дошелъ до той истины, что мы не должны поглощать животныхъ себѣ подобныхъ... Онъ уже хотѣлъ было проглотить устрицу, какъ вдругъ услышалъ трогательнѣйшій писк. «О природа!» пищала устрица, «какъ счастливы цвѣты и травы, которые, какъ и я, твое же произведеніе.... Когда ихъ скосятъ—они возраждаются, тогда какъ мы бѣдныя устрицы напрасно защищены нашими двойными, крѣпкими латами; безжалостные люди пожираютъ насъ десятками, дюжинами, сотнями, и мы погибаемъ на вѣки въ ихъ презрѣнныхъ желудкахъ.... О, какъ ужасна судьба бѣдной устрицы и какъ жестоки люди!»

Глубокомысленный и чувствительный Пиѳагоръ затрепеталъ, услышавъ это; онъ вдругъ понялъ всю неизмѣримость преступленія, которое хотѣлъ совершить; онъ зарыдалъ, умоляя устрицу о прощеніи и осторожно, съ величайшею вѣжливостію, положилъ ее на свое мѣсто.

На возвратномъ пути въ городъ, онъ долго размышлялъ о случившемся съ нимъ.... Онъ видѣлъ пауковъ, питающихся мухами, ласточекъ, питающихся пауками и такъ далѣе....

Мы съ вами, любезный читатель, не философы; мы не были въ школѣ гимнософистовъ. Философія вообще наводитъ на грустныя размышленія и мѣшаетъ намъ наслаждаться и пользоваться безъ церемоніи всѣми благами природы.... Будемъ же спокойно гулять по лугамъ, мять и топтать траву, ловить бабочекъ, ѣсть устрицы и прочее....

Кстати объ устрицахъ.... Устрицы въ нынѣшнемъ году появились въ Петербургѣ ранѣе обыкновеннаго. Нѣкоторые изъ привозовъ были очень удачны.... И взоръ и вкусъ услаждался, глядя на груды раскрытыхъ раковинъ. Какая свѣжесть, какая бѣлизна, какой ароматъ! Я искренно сожалѣю о тѣхъ, которые имѣютъ предубѣжденіе противъ устрицъ и не возвысились еще до ихъ пониманія....

Разставаясь съ Петербургомъ, на прощаньи съ нимъ.... (Я какъ и всѣ порядочные люди лѣтомъ не остаюсь въ Петербургѣ, что впрочемъ не помѣшаетъ мнѣ продолжать замѣтки о Петербургской жизни,) я долженъ поговорить, о томъ, чѣмъ былъ занятъ Петербургъ въ послѣднее время и какія любопытныя новости представлялъ онъ....

Самымъ любопытнымъ развлеченіемъ минувшаго зимняго сезона были — *домашніе спектакли*. Нѣкоторые изъ нихъ имѣли цѣль чисто благотворительную, другіе, не имѣя этой возвышенной цѣли, просто замѣняли балы и рауты.... Что касается до меня, я рѣшительно *за* домашніе спектакли. Я предпочитаю это пріятное развлеченіе, эту невинную игру въ искусство — танцамъ, которые нравятся увлекающейся молодости, живущей настоящимъ, но однообразны и утомительны для насъ, не танцующихъ, равнодушныхъ зрителей, начинающихъ жить однимъ прошедшимъ и выѣзжающихъ въ свѣтъ такъ, по привычкѣ, Богъ знаетъ для чего. Людямъ не танцующимъ, остается въ обществѣ играть въ карты, или разговаривать (causer).... Счастливы, умѣющіе играть въ карты? Это пріятнѣйшее и благонамѣреннѣйшее занятіе чрезвычайно сокращаетъ время. За зелеными, ярко-освѣщенными столами оно летитъ незамѣтно, быстро, и весело, особенно когда играешь въ большую игру и выигрываешь. При томъ занятіе это очень лестно для самолюбія, если играешь съ людьми значительными; въ такомъ случаѣ иногда даже не жалѣешь о проигрышѣ, потому что теряя деньги, которыя умный человѣкъ всегда можетъ легко достать, пріобрѣтаешь связи, протекцію... Я въ совершенномъ отчаяніи, что не посвятилъ себя изученію карточныхъ игръ... Не умѣя играть въ карты и не танцуя, я долженъ слѣдовательно разговаривать, но увы! я также совсѣмъ, не владѣю этимъ очаровательнымъ салоннымъ искусствомъ: бойко и занимательно говорить о самыхъ пустыхъ и незначительныхъ вещахъ, да и вообще мы, русскіе какъ то тяжелы на разговоръ: блестящій, свѣтскій даръ слова намъ не дается. Этимъ высокимъ даромъ владѣютъ даже изъ утонченныхъ русскихъ свѣтскихъ людей только не многіе, избранные.

Мнѣ нерѣдко случалось бывать за большими обѣдами, которые давались въ честь какого нибудь замѣчательнаго лица.... Сложишь въ честь этого лица небольшой спичь, очень краснорѣчивый и умный, выучишь его наизусть, повторишь его передъ двумя или тремя пріятелями и заранѣе восхищаешься эффектомъ, который произведетъ онъ... Но за обѣдомъ, при мысли о приближающейся минутѣ, начинаетъ забирать страхъ, сердце бьется.... При шампанскомъ, заигравшемъ въ бокалахъ, дѣлается какое-то внутреннее стѣсненіе и уже готовъ отказаться отъ спича, но бѣжать изъ-за стола нельзя. Всѣ смолкаютъ въ ожиданіи, всѣ смотрятъ на тебя, встаешь, начинаешь говорить, и непремѣнно смѣшаешься, запутаешься и кончишь кое-какъ, безъ всякаго эффекта, внутренно проклиная свою непростительную робость. Оратор-

скій талантъ намъ рѣшительно недался. И такъ, не танцуя, не играя въ карты, неумѣя живо и занимательно говорить и неимѣя достаточно характера, чтобы совсѣмъ отказаться отъ свѣта, я играю въ свѣтѣ самую плачевную роль, что очень непріятно дѣйствуетъ на мое самолюбіе.... Вотъ почему я и люди мнѣ подобные въ восторгѣ отъ развившейся у насъ въ послѣднее время страсти къ домашнимъ театрамъ....

Домашніе театры какъ будто созданы для насъ, безполезныхъ и ни къ чему не годныхъ посѣтителей салоновъ. Во время спектакля — я слушаю, смотрю, молчу, даже и не слушаю, и не смотрю, — потому что на меня никто не обращаетъ вниманія, — а просто думаю о чемъ хочу и аплодирую отъ времени до времени, вмѣстѣ съ другими, для удовольствія хозяина и хозяйки дома; я чувствую, что я не лишній, что мой аплодиссементъ нуженъ, что это съ моей стороны нѣкотораго рода любезность, которая не требуетъ при томъ никакого усилія, ибо ударять ладонью объ ладонь несравненно легче, нежели насиловать голову и изобрѣтать пріятную и любезную тэму для разговора. Къ тому же я не всегда аплодирую любителямъ и любительницамъ драматическаго искусства, импровизированнымъ свѣтскимъ актерамъ и актрисамъ изъ одной любезности къ нимъ и къ хозяйкѣ дома... Между ними есть прекрасные, замѣчательные таланты, которые могли бы быть украшеніемъ даже настоящей сцены, особенно между дамами, потому что игра свѣтскихъ дамъ, имѣетъ несравненно больше блеска, она изящнѣе и тоньше игры записныхъ актрисъ, которыя, какъ всѣмъ извѣстно, не отличаются у насъ большимъ изяществомъ и тонкостію. Если бы напримѣръ г-жи Т*, Н*, Я* (я очень сожалѣю, что не имѣю права выписать здѣсь полныя имена и фамиліи) и другія свѣтскія артистки могли появиться на сценѣ настоящаго театра, я убѣжденъ, что они привели бы въ восторгъ публику, возбудили громы рукоплесканій и были засыпаны букетами... Какая настоящая актриса по ремеслу могла бы съ такою смѣлостію и ловкостію, умомъ и тонкостію, сыграть роль *Constantine Cavalier* въ водевилѣ *Tambour battant*,—какъ г-жа Н*, или быть такъ увлекательно-граціозной и такъ выразительно и мило пропѣть куплеты, какъ г-жа А. П. Я*, выполнявшая роль *Madame de Mauntaubin*, въ небольшой и очень умной піэсѣ *la Veuve au Camélia* (на домашнемъ театрѣ у г.г. Т*)? Только талантливая и опытная актриса, съ такимъ простодушіемъ, съ такой правдой, и безъ искусственностію могла бы разыграть роль кумушки, сплетницы и салопницы, *Марьи Ивановны въ провинціальныхъ сценахъ* г. *Коровкина*, съ какою разыграла ее сама хозяйка дома и распоряди-

тельница театра Л. А. Т*.... Но перечислять всѣ піесы, дававшіяся на домашнихъ театрахъ и разбирать критически ихъ выполненіе было бы не ловко, неумѣстно да и не интересно для читателей. Къ тому же читатели, не имѣвшіе удовольствія присутствовать на этихъ милыхъ спектакляхъ, могутъ заподозрить мои похвалы, назвать мой восторгъ не искреннимъ, подумать, что я пишу это изъ того, чтобы заплатить любезностію за любезность приглашенія... Какой вздоръ! да и неужели же моя похвала можетъ принести удовольствіе этимъ дамамъ? Но, если бы читатель, заподозрившій меня въ неискренности и лести, хоть разъ, заглянулъ бы въ одинъ изъ этихъ домашнихъ театровъ (у княгини Г*, у С*, у П*, у Т* и пр.), онъ устыдился бы своей мысли и удивился бы какими талантами обладаютъ наши домашнія сцены. Въ послѣдніе годы въ Петербургѣ образовалась изъ любителей драматическаго искусства даже нѣчто въ родѣ труппы. Между любителями нѣкоторые пользуются въ своихъ кружкахъ справедливою извѣстностью, и въ самомъ дѣлѣ изъ нихъ гг. Н—овъ, Г—въ, С—ій, Гл... могли бы украшать сцену всякаго серьезнаго театра. Эти господа съ любовію, почти съ энтузіазмомъ отдаются сценическому искусству, а извѣстно, что любовь творитъ чудеса!.. Въ Петербургѣ устроилась недавно прекрасная театральная зала, въ домѣ княгини Голицыной, (близь Владимірской церкви) нарочно назначенная для благородныхъ спектаклей и концертовъ. Размѣры ея прекрасные. Въ ней могутъ помѣститься (если я не ошибаюсь) до 700 человѣкъ. Сцена въ этой залѣ очень удобная и большая—есть гдѣ разъиграться и показать свой талантъ. Декораціи и занавѣсъ очень мягкіе, ложа драпированна краснымъ бархатомъ, хоры, на стѣнахъ медальоны нашихъ лучшихъ композиторовъ—Львова, Глинки. Вссе это расположено и устроено съ большимъ вкусомъ.

Кстати о домѣ княгини Голицыной. Это одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ домовъ въ Петербургѣ... не по великолѣпію, потому что есть дома великолѣпнѣе, но по художественнымъ драгоцѣнностямъ, которыя украшаютъ его. Въ немъ вы можете найти нѣсколько замѣчательныхъ произведеній итальянской школы и, между прочимъ, двѣ картины Леонардо да Винчи, одинъ изъ превосходныхъ пейзажей неподражаемаго Рюисдаля, изъ современныхъ живописцевъ два большихъ пейзажа Калама и Кукука и прочее. Небольшое, но драгоцѣнное собраніе картинъ княгини Голицыной заслуживаетъ подробнаго описанія... Однако обратимся къ домашнимъ спектаклямъ. По поводу усилившейся къ нимъ страсти въ Петербургѣ въ послѣднее время, мнѣ хочется сказать нѣсколько словъ.

Многіе замѣчаютъ, что нашимъ свѣтскимъ артистамъ вмѣсто французскихъ водевилей гораздо лучше бы разъигрывать піесы изъ отечественнаго репертуара; это такъ, но бѣда въ томъ, что нашъ отечественный репертуаръ изъ рукъ вонъ бѣденъ. Грибоѣдовъ, Гоголь, Островскій слишкомъ серьезны для домашнихъ спектаклей; послѣдніе для хорошаго исполненія требуютъ, кромѣ таланта, изученія народной жизни, а развѣ народная жизнь доступна людямъ свѣтскимъ? Нѣсколько очень тонкихъ, легкихъ и умныхъ піесъ г. Тургенева, какъ будто нарочно-написанныхъ для домашнихъ спектаклей—вотъ все, на что можно указать свѣтскимъ любителямъ драматическаго искусства, но нельзя же повторять на всѣхъ домашнихъ сценахъ три или четыре піесы г. Тургенева. Это было бы слишкомъ однообразно. И наши любители, за неимѣніемъ оригинальныхъ русскихъ произведеній, вѣроятно, поневолѣ прибѣгаютъ къ французскимъ водевилямъ, къ нелѣпымъ русскимъ передѣлкамъ съ французскаго или къ *Арлекинадамъ* наскоро набросаннымъ, съ натянутыми неудачными остротами и каламбурами, съ претензіями на веселость, съ усиліями смѣшить вовсе не смѣшными. Одну изъ такихъ печальныхъ Арлекинадъ, недавно давали на одной изъ домашнихъ сценъ, въ спектаклѣ, съ благотворительною цѣлью, при многочисленномъ собраніи публики. Билеты на этотъ спектакль продавались по 5 р. сер. Благотворительная цѣль, была вполнѣ достигнутая, извиняетъ впрочемъ все.

Были впрочемъ и серьезныя попытки на нашихъ домашнихъ сценахъ... Я, напримѣръ, видѣлъ *Женитьбу Гоголя*, очень ловко и удачно разъигранную.

Роль *Кочкарева* была даже выполнена г. Глас.... несравненно лучше, правдоподобнѣе, нежели она выполняется обыкновенно на сценѣ Александринскаго театра; *Подколесинъ* (г. Н*), *Яичница* (г. С*), *свата* (г-жа Б*) и *невѣста* (г-жа Т*) разъиграли свои роли превосходно, и я убѣжденъ, что, при большемъ изученіи и вниманіи, комедія Гоголя и въ цѣломъ могла бы отличиться даже художественнымъ выполненіемъ.

Между нашими любителями-артистами, людьми не только съ сценическими, но и съ другими средствами, есть такіе, которые, говорятъ, отдали всю жизнь свою сценическому искусству, устроили у себя постоянные домашніе театры, знаютъ наизусть всѣ водевили и комедіи Александринскаго театра, говорятъ фразами изъ этихъ водевилей, находятся въ дружескихъ сношеніяхъ съ актерами, безпрестанно напѣваютъ водевильные куплеты, появляются на всѣхъ домашнихъ сценахъ, и прочее. Для этихъ счастливыхъ людей, погрузившихся въ сферы фантазіи, въ сферы легкихъ вымысловъ и

куплетовъ, живущихъ посреди прекрасно-росписанныхъ декорацій, сценическихъ обмановъ и рукоплесканій, не существуетъ скучная, прозаическая дѣйствительность съ своими скорбями и разочарованіями, свинцовая жизнь мысли и труда, увлеченій и обманутыхъ надеждъ, которою живемъ мы. Дѣйствительная жизнь заслонена отъ нихъ декораціями публичныхъ и домашнихъ театровъ; надъ явленіями ея имъ нѣкогда задумываться, — имъ надо учить роли, репетировать; они пользуются завидной и отрадной привиллегіей не знать не только людей окружающихъ ихъ, но и самихъ себя, потому что они постоянно видятъ передъ собою только однихъ замаскированныхъ и расписанныхъ людей съ необыкновенными лбами, носами и париками, въ неописанныхъ и неслыханныхъ нарядахъ и сами ежедневно мѣняютъ свою собственную личность и костюмы. Я ничему такъ ни завидую на свѣтѣ, какъ свѣтскимъ любителямъ, посвятившимъ себя сценическому искусству! Если бы я имѣлъ талантъ актера, или по крайней мѣрѣ ловкость, смѣлость и память (которая къ несчастію, у меня съ каждымъ днемъ слабѣетъ),—я непремѣнно сдѣлался бы артистомъ любителемъ; я каждый день кочевалъ бы изъ одного дома въ другой, собирая дань рукоплесканій, слушая со всѣхъ сторонъ комплименты, ощущая благодарное пожиманіе рукъ хозяекъ и хозяевъ домовъ; я пріобрѣлъ бы громкую свѣтскую извѣстность, какъ талантъ; завелъ бы обширныя знакомства, имѣлъ бы пріятнѣйшіе случаи близко и быстро знакомиться съ прелестнѣйшими артистками-любительницами, изъяснялся бы съ ними въ любви... на сценѣ; говорилъ бы имъ *ты*.... также, разумѣется, на сценѣ,—но и сценическое *ты* имѣетъ свою пріятность, а по окончаніи спектакля утомленный и проголодавшійся, отлично ужиналъ бы и пилъ холодное шампанское, заливая свой внутренній сценическій жаръ... Какъ легко, незамѣтно и весело протекла бы такимъ образомъ моя жизнь. Это была бы даже и не жизнь въ строгомъ смыслѣ слова, а водевиль съ куплетами, растянутый на сорокъ лѣтъ. Да здравствуютъ же свѣтскіе артисты — счастливѣйшіе изъ людей, и да процвѣтаютъ домашніе спектакли!

Въ самомъ дѣлѣ, что не говорите и какъ серьезно не смотрите на жизнь — игра въ искусство болѣе достойное препровожденіе времени, чѣмъ игра въ карты, или даже *игра въ кости*, то есть пересыпаніе изъ пустаго въ порожнее. Нельзя также не принять въ соображеніе, что наши кавалеры и дамы, въ особенности послѣднія, очень мало знакомы съ отечественной литературой, а черезъ домашніе театры они могутъ случайно познакомиться... хоть съ нѣкоторыми драматическими произведеніями

Гоголя, или съ прелестными пьесками Тургенева. Уже одно это говоритъ въ пользу домашнихъ спектаклей, и я, заявляя страсть къ нимъ въ петербургской публикѣ, искренно радуюсь этой страсти. Домашніе театры могутъ отчасти служить также къ развитію въ обществѣ эстетическаго вкуса, если они руководятся людьми, серьезно понимающими и любящими искусство. А это не безполезно. Нашей публикѣ необходимо утончить и развить эстетическій вкусъ. Здѣсь я уже разумѣю не столько публику домашнихъ спектаклей, сколько публику вообще, ту публику, которая посѣщаетъ публичные театры, и рукоплещетъ на Александринскомъ театрѣ актеру, представляющему чиновника Волкова, и приходитъ въ неумѣренный восторгъ отъ такихъ пьесъ, какъ напримѣръ «Свѣтъ не безъ добрыхъ людей». Нѣтъ сомнѣнія, что эта пьеса прелестна, но... но... говоритъ Гоголь: «конечно, Александръ Македонскій герой, да зачѣмъ же стулья-то ломать?»

На этотъ разъ я столько говорилъ о домашнихъ театрахъ, что о настоящихъ театрахъ умолчу вовсе, тѣмъ болѣе, что изъ пьесъ новыхъ ни одна не показалась мнѣ очень замѣчательною. Глядя на актеровъ (разумѣется на настоящихъ), мнѣ иногда приходятъ въ голову слова Шекспира, которыя очень полезны и для актеровъ, и для любителей-артистовъ и отчасти для публики и потому въ заключеніе я обращаюсь ко всѣмъ съ этими поучительными словами Шекспира:

«....Не терзай страсть на части», говоритъ Гамлетъ актеру, «не бѣснуйся и не юродствуй. Прошу тебя. Не будь также робокъ. Пусть собственное благоразуміе будетъ твоимъ наставникомъ. Соглашай движенія съ словами и слова съ движеніями; особенно старайся не преступать границъ натуральной простоты; всякая чрезмѣрность не сообразна съ цѣлію представленія, которое первоначально, какъ и теперь, была и есть—представить зеркало природы, явить добродѣтели и пороку точныя ихъ черты, всякому возрасту и состоянію его подобіе и отпечатокъ. Картина непомѣрно рѣзкая можетъ разсмѣшить (или разстрогать) невѣждъ, но оскорбить вкусъ разсудительныхъ, изъ коихъ мнѣніе одного должно быть для васъ важнѣе, нежели голосъ цѣлой толпы незнающихъ?...»

Превосходныя слова, которые должны выучить наизусть и никогда не забывать актеры всѣхъ странъ!...

Отъ диллетантовъ, актеровъ и драматическаго искусства обратимся къ настоящимъ художникамъ и къ другому искусству, — къ живописи. Залы Академіи художествъ въ апрѣлѣ мѣсяцѣ открылись для публики. Нынѣшняя годичная выставка Академіи представила нѣсколько произведеній очень замѣчательныхъ. Но прежде, нежели

я буду говорить объ нихъ (разумѣется не какъ критикъ, а какъ любитель), я считаю не безполезнымъ сообщить замѣчаніе одного изъ первыхъ нашихъ художниковъ, касательно самаго устройства выставки.

— Были ли вы на выставкѣ? спросилъ онъ меня тотчасъ послѣ ея открытія.

— Былъ и ничего не видѣлъ, отвѣчалъ я: — я только едва протолкался черезъ залы къ выходу, задыхаясь отъ пыли....

— Не мудрено, возразилъ художникъ: — при большомъ стеченіи публики на нашей выставкѣ, нѣтъ никакой возможности ничего видѣть, во-первыхъ, потому, что картины у насъ ставятся такъ низко, что толпа, которая обыкновенно тѣснится около нихъ, закрываетъ ихъ совершенно, а если вамъ и удается протолкаться къ самой картинѣ, то вы почти должны коснуться лицомъ полотна, а это совсѣмъ неудобный способъ для разсматриванія картины; во-вторыхъ, если толпа зрителей на выставкѣ и не велика, то все-таки встрѣчается значительное неудобство для свободнаго разсматриванія и оцѣнки выставляемыхъ картинъ, потому что старыя академическія картины и копіи, постоянно украшающія стѣны Академіи, производятъ пестроту, развлекаютъ вниманіе и мѣшаютъ глазу сосредоточиться на новыхъ выставляемыхъ картинахъ, на которыя, по преимуществу, должно быть обращено вниманіе публики. Поэтому мнѣ кажется, необходимо было бы ставить картины предназначаемыя для выставки выше, а старыя академическія картины на время выставки завѣшивать темнымъ коленкоромъ. Отъ этаго много выиграли бы выставляемыя картины.

Это замѣчаніе совершенно дѣльно и вѣрно, и нельзя не согласиться съ нимъ.

Для большаго удобства публики не мѣшало бы также человѣку сидящему у входа и продающему указатели выставки имѣть мѣлкія деньги для размѣна. Указатель стоитъ 25 коп. У васъ нѣтъ 25 к.— вы даете 30, или 50 к.; вамъ отвѣчаютъ, иногда, что сдачи нѣтъ и размѣнять негдѣ—и вы поневолѣ оставляете ваши 30 или 50 копѣекъ, а такая цѣна слишкомъ дорога за одинъ печатный листъ.

Но объ такихъ *мелочахъ* почти не стоитъ говорить. Для избѣжанія этаго, отправляясь на выставку, надобно только имѣть *мелочь* въ карманѣ.

Обратимся же къ произведеніямъ выставки.

Толпа, въ первые дни наполнявшая выставку постепенно рѣдѣла—и въ послѣдніе числа апрѣля, еще до платы за входъ, любители искусствъ могли довольно свободно и удобно разсматривать выставленныя произведенія.

Всѣхъ выставленныхъ картинъ до 250 съ тѣми, которые посту-

или уже послѣ открытія выставки и напечатанія указателя. Въ указателѣ значится только 245.

Картины эти можно раздѣлить на три разряда.

Къ первому относятся ученическія картины на серебряныя и золотыя медали.

Ко второму — картины пенсіонеровъ, художниковъ, почетныхъ вольныхъ общниковъ, академиковъ и профессоровъ.

Къ третьему—картины иностранныхъ художниковъ.

Между картинами учениковъ безспорно первое мѣсто занимаетъ *Видъ близъ г. Рима въ окрестностяхъ мѣстечка Зегвольда*, пейзажъ барона Клодта 1 (получившаго первую золотую медаль). Это, впрочемъ, вообще одинъ изъ лучшихъ пейзажей на нынѣшней выставкѣ. Г. Клодтъ, выставившій въ прошломъ году *Видъ на островъ Валаамъ* и получившій за него вторую золотую медаль, уже не могъ и тогда не обратить на себя особеннаго вниманія знатоковъ и цѣнителей искусства. Новымъ своимъ произведеніемъ онъ сдѣлалъ значительный шагъ впередъ и теперь можно сказать утвердительно, что г. Клодтъ обладаетъ несомнѣннымъ и прекраснымъ талантомъ и что, при его постоянномъ и правильномъ развитіи, онъ долженъ занять одно изъ первыхъ мѣстъ въ ряду нашихъ пейзажистовъ.

Многіе даже изъ даровитыхъ нашихъ пейзажистовъ воображаютъ, что для пейзажа непремѣнно нужна какая нибудь необыкновенная мѣстность со скалами, съ красивыми деревьями, съ водопадами и съ какимъ нибудь исключительнымъ освѣщеніемъ; что наша бѣдная, сѣверная природа вовсе негодится для пейзажа; что для пейзажа возможна только роскошная природа Италіи, или дикая природа Швейцаріи, жгучее солнце, бирюзовое небо и прочее. Эти господа, гоняющіеся за эффектами и увлекающіеся по преимуществу Каламомъ, съ презрѣніемъ смотрятъ на тощую березку, на сѣренькое небо, на какой нибудь полуразвалившійся навѣсъ, крытый соломой, на прудъ съ плакучими ивами у берега, на гладкое поле, покрытое рожью и на мужика, утонувшаго во ржи, освѣщенной безъэффектнымъ, блѣднымъ закатомъ сѣвернаго солнца; эти господа никакъ понять не могутъ, что поэзія природы—не въ одинокихъ водопадахъ, каскадахъ, скалахъ, бурякъ, въ искривленныхъ и въ уродливыхъ деревьяхъ; не въ одной южной природѣ; что печальная однообразная сѣверная природа съ своею гладкою или холмистою мѣстностію, съ своими болотами, тихими рѣчками, полями, волнующимися рожью и тощими лѣсами, имѣетъ свою прелесть, свою поэзію и что только надобно уловить ее, понять и провести сквозь свое художественное чувство; что пейзажъ, изображающій самую обыкновенную мѣстность, самую неблагодарную и блѣдную приро-

ду, прочувствованную и понятую художникомъ, имѣетъ во сто разъ болѣе поэзіи, нежели самый блестящій пейзажъ съ жгучимъ солнцемъ, со всѣми возможными роскошами южной природы, если послѣдній не прочувствованъ и если художникъ гонялся за одними только эффектами.

Эти волокиты за блескомъ и эффектами забываютъ, что одинъ изъ великихъ пейзажистовъ—Руисдаль умѣлъ отыскивать поэзію въ простомъ лѣсѣ и болотѣ.

Мѣстность, изображенная на пейзажѣ г. Клодта непредставляетъ ничего особеннаго, кидающагося въ глаза, — да и можетъ ли быть такая нибудь эффектная мѣстность возлѣ Риги?—На первомъ планѣ плоскій берегъ; рѣчки съ права два амбара съ соломенными крышами и съ полуразвалившеюся загородью на которой повѣшено платье; сзади лѣсъ, а за амбаромъ береза, нѣсколько выдавшаяся впередъ; передъ амбаромъ дѣвочка съ хворостиной; близъ нее корова лежащая на землѣ, покрытой сучьями, обрубками дерева и камнями, около которыхъ пробиваются трава, цвѣты, листки наперстника и прочее.... На второмъ планѣ рѣчка, къ которой пробираются коровы. За рѣчкою назадъ планъ нѣсколько отступаетъ гора покрытая густымъ кустарникомъ, съ развалинами замка на вершинѣ, въ легкомъ парѣ или туманѣ. Полдень. Небо чуть-чуть подернуто облаками и смягчаетъ солнечный свѣтъ. Вотъ и все; но отъ картины г. Клодта долго не хочется отойти; столько въ ней простоты и правды, такъ мало искусственности и такъ много искусства. Всѣ подробности отдѣланы съ изумительною, даже нѣсколько кропотливою отчетливостію, которая впрочемъ ни сколько не вредитъ цѣлому.—Чудное спокойствіе разлито на всемъ пейзажѣ, каждая маленькая вещица на своемъ мѣстѣ,—все полно гармоніи и поэзіи. Это не простая копія съ извѣстной мѣстности, списанная съ дарованіемъ, а одушевленное, живое созданіе, красота и достоинство котораго открываются постепенно.

Г. Клодтъ отправляется за границу. Нельзя не пожелать ему дальнѣйшихъ успѣховъ, но при этомъ нельзя также не замѣтить, что эти дальнѣйшіе успѣхи зависятъ не исключительно отъ одного только таланта.... что для этого прежде всего не должно слишкомъ увлекаться первыми успѣхами, часто возбуждающими неумѣренную и губительную самонадѣянность, мѣшающую развитію и что художнику необходимо усвоить себѣ прямой и вѣрный взглядъ на искусство, который дается ученіемъ великихъ образцовъ.

За будущность собственно г. Клодта почти бояться нельзя, но эта возмутительная самонадѣянность, разрастающаяся отъ неразвитости, много погубила у насъ талантливыхъ людей.

Мнѣ случалось нерѣдко встрѣчать молодыхъ художниковъ, картины которыхъ имѣли нѣкоторый успѣхъ на выставкахъ, за которыя они получали медали. Послѣ этихъ успѣховъ и медалей, они воображали уже себя настоящими, полными художниками, творцами; начинали судить объ искусствѣ вкось и вкривь, не прочитавъ ни одной строчки объ своемъ дѣлѣ, не видавъ въ глаза ни одной книжки объ искусствѣ, не взявъ на себя труда не только изучать, даже внимательно и подробно посмотрѣть на картины великихъ художниковъ въ нашемъ эрмитажѣ, и еще иронически улыбались, если вы подавали имъ добрый совѣтъ почаще заглядывать въ эрмитажъ... Разсадивъ и разставивъ нѣсколько мужскихъ и женскихъ лицъ въ извѣстномъ положеніи для выраженія задуманной имъ задачи, и рабски списавъ со всѣми мельчайшими подробностями эти лица, положенія и всѣ аксесуары, молодой, самонадѣянный ученикъ нерѣдко воображаетъ, что онъ создалъ картину и сдѣлавъ подъ нею какую нибудь подпись, приближающуюся къ его темѣ, убѣжденъ еще, что въ карт нѣ его заключена мысль.... Жалкое заблужденіе!... Мертвая, отчетливая, сухая копировка съ натуры, какъ бы копировка эта ни была искусна, не дастъ еще право кописту на названіе художника (въ полномъ смыслѣ этаго слова, а не въ академическомъ его значеніи). И не подпись подъ картиною, выражаетъ мысль: подпишите подъ нею, что хотите, скопируйте лица и всю около нихъ обстановку съ величайшею точностью и вѣрностью, все таки, ваша картина не будетъ художественнымъ произведеніемъ, до тѣхъ поръ, покуда ваша внутренная творческая сила (если она есть въ васъ) не оживитъ вашихъ натурщиковъ и натурщицъ, и не дастъ мысли вашему произведенію, которая будетъ просвѣчивать сквозь всѣ одушевленные и неодушевленные предметы, изображенные вами.

Вотъ возмемъ хоть слѣдующія подписи.... *Радостное письмо* (г. Попова, жаниста, ученика профессора Вильвальда) или *Семейное счастіе* (другаго ученика г. Вильвальда—г. Шильдера).... Для чего онѣ? Объясняютъ ли мнѣ что-нибудь эти подписи? выражаютъ ли что нибудь эти картины?— ровно ничего, это только болѣе или менѣе удачная копировка съ натуры, для искусства имѣющая весьма слабое значеніе.

Несравненно выше этихъ картинъ, произведеніе г. Волкова, удостоенное второй золотой медали — *Обжорный рядъ въ Петербургѣ*.... Это также вѣрно списано съ натуры, но это уже не совсѣмъ мертвая копія: — въ этой картинѣ есть небольшіе зачатки творчества, нѣкоторыя фигуры не только вѣрны, но одушевлены, живы и очень ловко поставлены; на нѣкоторыхъ лицахъ

есть жизнь, выраженіе, характеръ. Мнѣ особенно понравились двѣ крайнія фигуры на правой сторонѣ: женщина въ платкѣ, стоящая задомъ и солдатъ съ нею разговаривающій; не дурна также на лѣвой сторонѣ фигура, которую брѣютъ и другая, вытаскивающая изъ кармана у первой платокъ.... Колоритъ, кажется, не совсѣмъ удаченъ.

Картина ученика московскаго училища живописи и ваянія г. Перова—(1 серебр. медаль) *Пріѣздъ становаго на слѣдствіе* едва ли даже не лучше прекрасной картины г. Волкова. — Въ копировкѣ г. Перова болѣе мысли и лица его типичнѣе, особенно лицо самаго героя—становаго, курящаго трубку и рыжаго мужика, стоящаго сзади съ штофомъ водки.... г. Перовъ подаетъ большія надежды, въ качествѣ *жанриста*.

Вотъ, напримѣръ, картина г. Микѣшина (ученика профессора Вильвальда) *графъ Тилли въ Магдебургѣ въ* 1631 *г.*, удостоенная первой золотой медали, это ужь не копировка съ натуры. Это уже чистѣйшая и эффектнѣйшая фантазія, разыгравшаяся на историческихъ данныхъ изъ тридцатилѣтней войны. Передъ этой картиной постоянная толпа — и не мудрено.... Она кидается невольно въ глаза своимъ блескомъ, вычурностью, и тѣмъ, если такъ можно выразиться, французскимъ *шикомъ* (я знаю, что это неловкое слово въ примѣненіи къ искусству, но я не умѣю замѣнить его другимъ), который обнаруживаетъ не столько талантъ, сколько бойкость и ловкость художника. Фигура стараго Тилли на бѣломъ конѣ, на первомъ планѣ картины, задумана и выполнена недурно; остальныя фигуры набросаны съ претензіею на геніальную небрежность; всѣмъ имъ стоящимъ и лежащимъ, благословляющимъ и проклинающимъ, придана мелодраматичность, а лицамъ какой-то меловой, неестественный колоритъ..,. За бойкостью и ловкостью художника, проглядываетъ конечно талантъ, и даже талантъ, заслуживающій вниманія, но кажется, къ сожалѣнью, стоящій на ложной дорогѣ. Поменьше вычурности, мелодрамы, и побольше правды и простоты, поменьше геніальной небрежности и побольше добросовѣстности и отчетливости, и тогда г. Микѣшинъ, вѣроятно, произведетъ не только бросающуюся въ глаза и бойко набросанную, *кричащую* картину, но произведеніе болѣе серьёзное, такое, которое будетъ имѣть художественное достоинство.

Первая золотая медаль присуждена и г. Филиппову за его *Большую дорогу между Симферополемъ и Севастополемъ въ* 1855 году; но, по моему мнѣнію, картина г. Филипова несравненно выше:— въ ней много простоты, правды, натуры. Въ ней уже видѣнъ ло-

бросовѣстный трудъ, которому и слѣда нѣтъ въ эффектно-набросанной и мелодраматической картинѣ г. Макѣшина. На картинѣ г. Филиппова (картина эта невольно большаго размѣра) множество фигуръ: здѣсь русскіе солдаты, татары и татарки, лекаря, дѣлающіе перевязки, сестры милосердія наклоненныя къ раненымъ; здѣсь и тѣлеги, и верблюды, и лошади и жеребята.... И несмотря на все это картина не поражаетъ васъ пестротою, потому что она мастерски скомпанована. Всѣ эти люди и лошади, какъ будто движутся, воздухъ прозраченъ, дальніе планы превосходны.... и если ужъ замѣчать недостатки, то развѣ можно замѣтить, между прочимъ, что г. Филипповъ не совсѣмъ еще владѣетъ колоритомъ.

Пансіонеръ академіи Шарлеманъ выставилъ *Торжественный пріемъ фельдмаршала Суворова, въ Миланѣ, 19 апрѣля 1799*. Суворовъ изображенъ въ ту минуту, когда онъ только что вышелъ изъ своей парадной кареты и поднимается на паперть собора, гдѣ ожидаетъ его архіепископъ. Въ этой пестрой, парадной картинѣ, на которой изображено множество лицъ, есть жизнь и движеніе, и написана она очень бойко.

Другой пансіонеръ академіи, г. Боголюбовъ, выставилъ пять картинъ, изъ которыхъ нѣкоторыя, если я не ошибаюсь, были на прошлогодней парижской выставкѣ. Картины эти изображаютъ: 1. *Видъ Марино ди Вико, близъ Неаполя, утромъ*. 2. *Видъ мѣстечка Нетуно, близъ Рима, ночью*. 3. *Видъ изъ виллы Памфили Дорія, въ Римѣ*. 4. *Видъ замка Шильонъ, на Женевскомъ озерѣ* и 5. *Видъ Константинополя, съ Галатскаго кладбища, ночью*.

Изъ всѣхъ этихъ картинъ отличается несомнѣннымъ достоинствомъ, послѣдняя. Въ ней обнаруживается, кромѣ мастерства и ловкости кисти, поэтическое чувство художника, которое одушевляетъ его произведеніе и невольно сообщается зрителю, разсматривающему ее. Дѣйствительно, вы чувствуете глядя на картину, поэзію этой темной, чудной Константинопольской ночи... На переднемъ планѣ кладбище съ двумя кипарисами, въ нѣкоторыхъ изъ ближайшихъ къ кладбищу домовъ огонекъ въ окнахъ.... далѣе возвышаются массы зданій. За ними заливъ. Луна вполовину перерѣзана небольшимъ облачкомъ, она обливаетъ свои серебрянымъ блескомъ рябь воды и крыши домовъ... Эта серебреная полоса на срединѣ картины—остальное все въ тѣни.... г. Боголюбовъ, кажется съ особенною любовью изучалъ Ванъ дер Нера, который такъ чудно уловлялъ ночные оттѣнки въ своихъ пейзажахъ, и замѣтно, что этотъ великій пейзажистъ имѣлъ большое вліяніе на нашего художника.

Если вы перейдете отъ луны и ночи къ свѣту ихъ яркому, жгучему солнцу, отъ г. Боголюбова къ г. Айвазовскому—этотъ переходъ можетъ показаться слишкомъ рѣзокъ, и вамъ, не смотря на полное уваженіе къ высокому таланту г. Айвазовскаго, имѣющему европейскую извѣстность, можетъ показаться, что г. Айвазовскій немного злоупотребляетъ солнцемъ и иногда уже слишкомъ разсчитываетъ на его эффектъ. Но не смотря на это, можетъ быть и не совсѣмъ вѣрное впечатлѣніе, (и зачѣмъ же непремѣнно прямо отъ г. Боголюбова переходить къ г. Айвазовскому?) картины г. Айвазовскаго имѣютъ неотъемлемое, высокое достоинство, а прелестная картина его *Видъ части озера Маджіоре въ Сѣверной Италіи*, о которой я уже упоминалъ въ этихъ замѣткахъ, есть лучшее украшеніе нынѣшней выставки. Кромѣ этой картины г. Айвазовскій выставилъ девять картинъ, изъ которыхъ многія также были на парижской выставкѣ. Вотъ ихъ перечень:

1. *Картина въ память погибшаго корабля Лефортъ*. 2. *Транспортъ крымскихъ винъ на Кавказской дорогѣ*. 3. *Камыши на рѣкѣ Днѣпрѣ*. 4. *Рожь въ Малороссіи*. 5. *Крымскіе Цыгане*. 6. *Видъ г. Ѳеодосіи, при лунномъ свѣтѣ*. 7. *Буря*. 8. *Пастбище овецъ, въ окрестностяхъ Ѳеодосіи* (о которой я также упоминалъ) и 9. *Зима и постоялый дворъ въ Тульской губерніи*.

Разсматривать подробно эти произведенія, которыя заслуживаютъ серьозной художественной критики, я не могу: во первыхъ потому, что не имѣю права брать на себя трудную роль такого критика, а во вторыхъ потому, что подробное разсмотрѣніе ихъ заняло бы слишкомъ много мѣста въ этихъ бѣглыхъ замѣткахъ; —я скажу здѣсь только, что кромѣ Лаго-Маджіоре, по прекрасному выполненію заслуживаютъ, по моему мнѣнію, особеннаго вниманія *Рожь въ Малороссіи* — картина исполненная чудной простоты, гдѣ все такъ близко намъ — и волнующаяся рожь, и стада скворцовъ пролетающее надъ нею и сзади деревня съ крылатыми мельницами и отдыхающіе въ полѣ, возлѣ телеги —малороссійскія крестьянки, только что окончившія завтракъ.... Прекрасны также *Крымскіе Цыгане* и наконецъ *Зима*, которая, говорятъ, произвела въ Парижѣ большое впечатлѣніе. Кстати о зимѣ. Почетный вольный общникъ академіи графъ Мордвиновъ выставилъ, между прочимъ, двѣ картины зимы: *Почтовая станція зимой на большой дорогѣ* и *Ледоколы на р. Невѣ*, но русская зима удалась г. Айвазовскому болѣе, чѣмъ г. Мордвинову, у котораго она является слишкомъ прозаически, во всей страшной наготѣ своей. Что касается до меня, то мнѣ не-

сравненно болѣе нравятся *Виды набережной и дворца дожей* и *большаго канала, въ лунную ночь, въ Венеціи* — двѣ очень замѣчательныя картины г. Мордвинова, въ особенности послѣдняя, обнаруживающія прекрасный талантъ художника, котораго можно только упрекнуть развѣ въ нѣкоторой сухости.

За тѣмъ можно упомянуть о пейзажѣ пансіонера академіи г. Лагоріо: *Озеро Альбино, близь Рима*, хотя этотъ пейзажъ и не принадлежитъ къ удачнѣйшимъ изъ произведеній нашего талантливаго художника, и *объ одномъ изъ трехъ видовъ въ Ковенской губерніи* профессора С. Воробьева,—*Дѣвочка съ индѣйками*. Другіе двѣ картины г. Воробьева, кажется, немного грѣшатъ тѣмъ, что освѣщены, какъ будто итальянскимъ солнцемъ. Я полагаю, что солнце въ Ковенской губерніи свѣтитъ не такъ колоритно и ярко, какъ итальянское солнце. Но, вѣроятно, у г. Воробьева еще слишкомъ живы его итальянскія воспоминанія.

Пейзажъ г. Богомолова: *Видъ въ Финляндіи*, можетъ быть и имѣетъ достоинства, но ему много вредитъ рабское подражаніе. Г. Богомоловъ, кажется, силится сдѣлаться русскимъ Каламомъ и увлекается эффектами въ его вкусѣ. Во всякомъ случаѣ лучше быть самимъ собою и гоняться не за эффектами, а за простотою и правдою.

Портретовъ на нынѣшней выставкѣ, къ счастію, не такъ много. Самые замѣчательнѣйшіе изъ нихъ принадлежатъ г. Тютрюмову, а изъ нихъ самый замѣчательный флигель-адъютанта князя Барятинскаго. Также весьма удаченъ портретъ г. Огарева — работы г. Гебенса.

Теперь перейдемъ къ иностраннымъ художникамъ, приславшимъ на нашу выставку свои произведенія.

Первое мѣсто между ними занимаетъ пейзажъ г. Калама: *Видъ части озера четырехъ кантоновъ въ Швейцаріи* и его гравюры съ собственныхъ картинъ à l'eau forte—*два вида въ Швейцаріи* и его же *лѣсъ* (акварель). Пейзажъ масленными красками г. Калама отличается, безъ сомнѣнія, мастерствомъ кисти и другими, неотъемлемыми достоинствами высокаго таланта, но онъ не принадлежитъ къ лучшимъ исимпатичнымъ изъ его произведеній.

Г. Кукукъ (братъ извѣстнаго пейзажеста, если я не ошибаюсь), выставилъ два приморскихъ вида — *Штиль* и *Непогода*. Обѣ картины отличаются величайшею тонкостію и вкусомъ. Облака, воздухъ, вода въ затишье и въ бурю, суда, лодки и люди—все это написано съ замѣчательнымъ искусствомъ.

Изъ акварелей очень занимательны по мастерству — двѣ акварели г. Зички: *Спящая рысь* и *Спящій волкъ*.

Г. Дорнеръ выставилъ *Св. Семейство*,—картину, которую вдругъ

можно принять за копію съ **Рафаэля**, хоть это совсѣмъ не копія а мастерское, необыкновенно-тонкое и ловкое подражаніе Рафаэлю, или подѣлка подъ его стиль, когда геній этаго великаго художника, послѣ знакомства съ твореніями Леонарда-да-Винчи, Массаччіо и Микель-Анжа, начиналъ быстро идти впередъ, и когда Рафаэль проникнулся сознаніемъ, что искусство заключаетъ въ себѣ нѣчто высшее, нежели простое, подражаніе истинѣ и вѣрная копировка съ натуры... Картина г. Дорнера очень замѣчательна.

Г. Тенкатъ явился съ двумя картинами: *Продажа лошадей* и *Объявленіе войны*. Обѣ написаны очень бойко, но почему послѣдняя названа объявленіемъ войны—понять трудно.

Въ заключеніе, я долженъ упомянуть о Скульптурѣ и Архитектурѣ. Первая, къ сожалѣнію, не представляетъ ничего замѣчательнаго, кромѣ развѣ прекрасныхъ *Орнаментовъ* сочиненія гг. Дылевыхъ отца и сына. Что же касается до Архитектуры, то намъ болѣе всего понравился *проэктъ римско-католическаго собора* гг. Щедрина и Макарова.

Въ этомъ бѣгломъ обозрѣніи, я указалъ только на самыя замѣчательныя произведенія. Безъ сомнѣнія, что кромѣ указанныхъ мною есть еще на выставкѣ много произведеній, заслуживающихъ вниманія, но я и безъ того слишкомъ заговорился объ ней. Перейдемъ къ другой выставкѣ, также весьма замѣчательной въ своемъ родѣ, тѣмъ болѣе, что она у насъ совершенная новость. Эта первая *публичная выставка садоводства*. Она помѣщалась въ зданіи Гвардейскаго Штаба на Дворцовой площади въ экзерцицгаузѣ и привлекала туда многочисленную публику. Выставка эта была блистательна и представляла экземпляры многихъ весьма рѣдкихъ цвѣтовъ и растеній.

Изъ наиболѣе замѣчательныхъ растеній находились: *въ цвѣту* два экземпляра *cantua dependens*, растеніе, которое въ горшкахъ цвѣтетъ въ первый разъ въ Европѣ; до этого времени оно цвѣло разъ у Фанъ-Гута въ Бельгіи и въ заведеніи Кью, въ Англіи, но только въ грунту. Экземпляры эти изъ оранжерей Таврическаго Дворца, приведенныхъ въ настоящее блестящее состояніе трудами опытнаго садовника Е. И. Егорова; самое же растеніе «Cantua» выведено въ цвѣтъ сыномъ г-на Егорова, неимовѣрно-дѣятельнымъ и замѣчательно свѣтящимъ молодымъ садовникомъ.

«Datura albodi flora», изъ прекраснаго заведенія Альварта(*); она цвѣтетъ чуть ли не въ первый разъ въ Петербургѣ. Прекрасный, большой цвѣтокъ желто-зеленаго цвѣта, съ весьма сильнымъ, пріятнымъ, но сильно дѣйствующимъ на нервы запахомъ.

Небольшое собраніе растеній изъ Приамурскаго края «Phylo-

(*) На Петербургской сторонѣ, на Большомъ проспектѣ.

dendron Amurensis», «Maackia Amurensis» и другія, весьма удобныя, по видимому, къ разведенію въ умѣренномъ климатѣ.

«Bonapartia juncea» въ цвѣту, изъ заведенія одного любителя г. Соловьева; растеніе это видѣть въ цвѣту, удается не часто, точно также какъ и «Zamia Horida», тоже съ цвѣтомъ, выставленное любителемъ же г. Монферраномъ.

Пальма «Sabal Adansonii», съ роскошнымъ цвѣтомъ,—доставлена на выставку г. Рукомъ, садовникомъ въ Стрѣльнѣ.

Прекрасная группа цинерарій Барлова, изъ Царскаго Села.

Императорскій Ботаническій Садъ выставилъ большое собраніе коніферъ и замѣчательную коллекцію папоротниковъ, а также огромной величины рододендроны, кромѣ большаго количества другихъ растеній, значительныхъ размѣровъ, служащихъ на выставкѣ для обстановки.

Хороши чрезвычайно камелій Зюзмейера и Альварта; сохранить ихъ въ полномъ цвѣту до настоящаго времени, стоило конечно, не малаго труда.

Извѣстный любитель В. Ѳ. Громовъ выставилъ много прекраснаго; его огромной величины экземпляры «Araucaria excelsa» и «Kophola Corcovadensis», много содѣйствовали къ украшенію выставки; его трудолюбивый и знающій хорошо свое дѣло садовникъ Одинцовъ, вполнѣ заслужилъ присужденныя ему награды.

Весьма замѣчательно также собраніе коніферъ (83 вида) любителя г. Агамонова, который, какъ намъ извѣстно, обладаетъ также рѣдкимъ собраніемъ архидей. Г. Агамоновымъ же представлено на выступку прекрасный экземпляръ «Рододендрона» изъ рода Sekkim Hymalaja, съ нѣжнымъ, пышнымъ, бѣлымъ цвѣткомъ, и что въ породѣ рододендровъ рѣдкость—съ чрезвычайно пріятнымъ запахомъ.

Чрезвычайно богата коллекція пальмъ Зюзмейсера, садовника Великой Княгини Елены Павловны.

Собраніе пальмъ и розановъ, въ роскошной группѣ, которыхъ заключается 43 вида изъ заведеній Дорота (у Нарвской Заставы) не могло необратить особеннаго вниманія. Г. Дорота нельзя не благодарить за умѣренность въ назначеніи цѣны за свои растенія, чѣмъ, къ сожалѣнію, не могутъ похвастаться прочіе торговцы-садовники, за исключеніемъ, развѣ г. Рохеля (на Выборгской Сторонѣ, торгующаго подъ фирмою Марселя), который выставилъ много прекрасныхъ растеній. Его пальмы замѣчательны по своей величинѣ, свѣжести и культурѣ, его Zamia, «Enzepholarbos Altenstejnii» и «Latania borbonica», такъ и бросаются въ глаза, вмѣстѣ съ Cicas revoluta г. Егорова. Культура у послѣдняго образцовая.

По сознанію тѣхъ, которые видѣли не выставку садоводства въ Парижѣ, наша петербургская не уступаетъ ей ни по разнообразію, ни по мастерству обстановки, хотя экзерцицгаузъ и не представляетъ тѣхъ удобствъ, какія представляетъ Парижскій стеклянный дворецъ, въ которомъ помѣщается тамошняя выставка. Честь и слава учрежденіямъ Русскаго Общества Садоводства въ Петербургѣ.

Но здѣсь мы позволимъ себѣ маленькое замѣчаніе, относящееся до публики.... Многія изъ прелестныхъ посѣтительницъ (это мы слышали навѣрное), плѣняясь цвѣтками и вдыхая въ себя ихъ ароматы, въ тоже время срѣзывали ихъ очень ловко, вѣроятно на намять, а иногда пробовали даже вкусъ фруктовъ, поставляя этимъ учредителей выставки въ положеніе не совсѣмъ пріятное... Надобно удерживать себя отъ соблазновъ!...

Упоминая о петербургскихъ новостяхъ, мы къ сожалѣнію пропустили одну изъ самыхъ замѣчательныхъ новостей, касающихся улучшеній во внутреннемъ устройствѣ Императорской Публичной Библіотеки, совершенныхъ въ послѣднее время ея просвѣщеннымъ и попечительнымъ начальствомъ, и потому хотя нѣсколько поздно, но все-таки долгомъ считаемъ сообщить нашимъ читателямъ, объ этихъ улучшеніяхъ, заимствуя подробности объ нихъ изъ одного листка. Улучшенія эти состоятъ въ слѣдующемъ:

1.) Устройство залы для *инкунабулов*.

2.) Учрежденіе собственной типографіи.

3.) Открытіе Ларинской залы для занятія художниковъ.

I. Въ каждой большой государственной библіотекѣ важное и почетное мѣсто занимаютъ *инкунабулы* т. е. первопечатныя книги или, какъ называютъ ихъ Нѣмцы, — *колыбельныя изданія* (Wiegendrucke). С. петербургская Публичная Библіотека обладаетъ, начиная съ первыхъ образцовъ книгопечатанія, появившихся около половины XV столѣтія, до книгъ, вышедшихъ въ началѣ XVI вѣка, такимъ полнымъ собраніемъ ихъ, которымъ, по справедливости, можетъ гордиться наравнѣ съ другими замѣчательнѣйшими собраніями своихъ сокровищъ. Досихъ поръ, однакожъ, недостатокъ мѣста не дозволялъ отвести для этихъ первенцевъ типографскаго искусства особаго приличнаго помѣщенія и они стояли вмѣстѣ съ позднѣйшими изданіями, отчего конечно теряли и свой характеристическій видъ, и свое значеніе. По этому рѣшено было сосредоточить эти достопочтенные остатки глубокой старины въ особой залѣ, которая и внѣшнимъ своимъ видомъ, и всѣми архитектурными подробностями напоминала бы современную имъ эпоху. Исполненіе этого предположенія принялъ на себя служащій при библіотекѣ Академикъ Горностаевъ. Отдѣланная, по его проэктамъ, одна изъ небольшихъ

(въ два окна) комнатъ, служившая до того, для внутреннихъ занятій по библіотекѣ, превратилась въ готическую залу, напоминающую до послѣдней мелочи Средніе Вѣка, монастырскія *писцовыя* или *книжницы*.

«Извѣстно, что до изобрѣтенія книгопечатанія, не много нужно было мѣста для храненія какого нибудь десятка или дюжины рукописей, составлявшихъ весь монастырскій архивъ: но когда, благодаря Гуттенбергу, появились книги *начертанныя безъ пера* (absque calami exaratione effigiatus) или *оловянною рукою* (manustannea) и стали множится съ каждымъ днемъ, тогда нужно было отвести имъ особое помѣщеніе. Въ монастыряхъ, бывшихъ долго единственными средоточіями грамотности, отводились для этой цѣли келіи и молельни, такъ какъ эти первыя книгохранилища учреждались гораздо позже постройки самыхъ монастырей, по этому обращенныя въ книжницы молельни соединяли въ себѣ типы архитектуръ различныхъ вѣковъ. Отъ стрѣльчатыхъ, готическихъ оконъ раскидывалась по крестчатымъ сводамъ живопись позднѣйшаго времени, къ базамъ колоннъ древняго ордера придѣлывались новѣйшія украшенія. Весь этотъ историческій ходъ образованія древнихъ книгоположницъ вполнѣ соблюденъ Академикомъ Горностаевымъ, при устройствѣ залы для инкунабуловъ. Отворивъ толстую, тяжелую дверь, по которой отъ петель и замка расползлись желѣзныя, вычурныя закрѣпы, какъ бы для связи досокъ, вы входите въ довольно просторную комнату, въ которую таинственный полусвѣтъ проникаетъ чрезъ готическія, стрѣльчатыя окна съ цвѣтными, узорчатыми стеклами (*). Полукруглые своды, покрытые богатою и мастерою Джотовскою живописью, опираются на стоящую посреди комнаты группу изъ четырехъ колоннъ, къ базамъ которыхъ прильнули лапчатые листики Романскаго стиля, а на архитравѣ вылѣтся многознаменательная надпись вязью: *Incunabula artsi typographicae* (колыбельныя произведенія типографскаго искусства) и далѣе *Iohannis Guttenbergi Moguntini inventores nomen perire nequit* (имя изобрѣтателя Іоганна Гуттенберга, родомъ изъ Майнца, да не прейдетъ во вѣки); нѣсколько выше этихъ надписей, на дугахъ сводовъ, въ томъ мѣстѣ, гдѣ они сходятся въ срединѣ комнаты, изображены гербы первыхъ книгопечатниковъ. По стѣнамъ тянутся тяжелые, массивные шкапы съ выдающимися карнизами, опертыми на витые столбики, и съ выдвижными внизу ящиками. На пол-

(*) Такъ какъ нельзя было превратить четырехъ-угольныя окна библіотеки въ стрѣльчатыя, не нарушивъ единства цѣлаго зданія, поэтому академикъ Горностаевъ замаскировалъ ихъ внутренними рамами готическаго стиля, — съ цвѣтными стеклами.

какъ этихъ шкаповъ поколится тысячи фоліантовъ съ пергаментными или грубыми кожаными корешками, почернѣвшими отъ времени, въ переплетахъ изъ дубовыхъ досокъ, съ металлическими застежками. Каждый изъ этихъ сановитыхъ представителей глубокой древности имѣетъ свою отдѣльную исторію и, по слѣдамъ оставленнымъ въ нихъ прежними владѣльцами, часто можно насчитать до десяти поколѣній. Меблировка залы также вполнѣ соотвѣтствуетъ общему ея характеру: тяжолыя кресла, скамьи и столъ, сдѣланный покрѣпче, ради тяжести фоліантовъ; для письменныхъ занятій — аналой со шкафчикомъ на верху, по образцу тѣхъ, которые можно видѣть на самыхъ старинныхъ изображеніяхъ Св. Іеронима; наконецъ не забытъ и особый поставецъ, чтобы, по тогдашнему обыкновенію, приковать къ нему цѣпями нѣкоторыя книги, употреблявшіяся для ежедневнаго обихода; прикованныя книги расположены въ два ряда и стоятъ, какъ говорится, вверхъ ногами, потому что будучи потянуты за цѣпи, книги верхняго ряда опускаясь на поставецъ, поворачиваются верешною къ низу, а книги нижняго ряда поднимаются къ поставцу основаніемъ къ верху. Однимъ словомъ, старинная монастырская книжница снова вполнѣ возстановлена, если и не въ стѣнахъ какого нибудь бенедиктинскаго монастыря, то, покрайней мѣрѣ, въ томъ же самомъ видѣ. При устройствѣ этой залы, вмѣстѣ съ академикомъ Горностаевымъ, за работами наблюдалъ Старшій Библіотекарь Соболщиковъ.

II. Въ томъ же 1857 году учреждена, въ зданіи Библіотеки *собственная ея типографія*. — Уже давно преслѣдуя мысль о заведеніи, при нашемъ книгохранилищѣ, собственной, предположенной и въ его уставѣ, типографіи, которая была бы, во многихъ отношеніяхъ, очень полезна для Библіотеки, неутомимый Директоръ ея пріобрѣлъ въ Парижѣ, на первый разъ, для удовлетворенія лишь самыхъ необходимыхъ потребностей, ручной типографскій станокъ небольшаго размѣра, а изъ знаменитаго Вѣнскаго типографскаго заведенія Ауера нѣсколько такихъ шрифтовъ, которые до сихъ поръ еще не были употребляемы въ Россіи.

«III. Съ 1-го Января 1857 года открыта для художниковъ, имѣющихъ надобность изучать драгоцѣнныя художественныя изданія, особая (Ларинская) зала, гдѣ на огромномъ столѣ, назначенномъ для ихъ занятій, они могутъ удобно раскладывать изданія самаго большаго формата и рисовать съ нихъ, для чего сдѣланы и особые пюпитры, доставляющіе всѣ удобства къ подобнымъ работамъ. — Занимавшихся въ этой залѣ было, въ теченіе года, болѣе 1,000 лицъ, отъ профессоровъ и извѣстнѣйшихъ артистовъ до на-

чивающихъ учениковъ Академіи, такъ что Ларошевая зала представляетъ теперь, родъ академическаго класса.»

Аукціоны въ Петербургѣ не прерываются. Кромѣ разныхъ аукціоновъ картинъ и аукціона вещей, оставшихся послѣ покойнаго графа Л. А. Перовскаго, о которомъ мы уже упоминали, и который уже оконченъ (всѣ вещи на этомъ аукціонѣ распроданы по очень дорогой цѣнѣ), съ 30-го апрѣля начался аукціонъ *большой* (такъ говорится, по крайней мѣрѣ, въ афишахъ) *китайской выставки*.

Обыкновенный большой парадъ на Царицыномъ лугу былъ въ нынѣшнемъ году 21-го апрѣля. Парадъ этотъ былъ чрезвычайно блистателенъ, чему много способствовалъ теплый, совершенно лѣтній день.

Театры начинаютъ немного пустѣть; въ настоящее время при теплѣ и солнцѣ они мало интересны, однако, извѣщаютъ о томъ, что на Александрынскомъ театрѣ будетъ скоро поставлено новое произведеніе фаворита Александрынской публики, г. Львова, автора знаменитой комедіи «Свѣтъ не безъ добрыхъ людей», въ которой такъ трогалъ публику своей трагической игрой г. Максимовъ. Новая комедія г. Львова въ одномъ дѣйствіи называется: «Предубѣжденіе». Г. Максимову, вѣроятно, предстоитъ новый случай пожинать сценическіе лавры.

А вотъ еще новость—самая свѣжая новость, свѣжѣе даже свѣжихъ устрицъ, о привозѣ которыхъ объявляютъ теперь почти ежедневно.... Вмѣстѣ съ послѣднимъ привозомъ устрицъ привезена въ Петербургъ, *давно уже ожидаемая, и во всемъ мірѣ извѣстная* (какъ говоритъ Юліусъ Гебгардъ въ афишѣ) мисъ *Юлія Пастрана, представляющая невиданный феномэнъ*, танцующая, поющая, говорящая на нѣсколькихъ европейскихъ языкахъ, занимающая рукодѣліемъ, словомъ, дѣвица, отличающаяся блестящимъ образованіемъ, и притомъ, какъ извѣстно, чудовищною наружностью. На афишѣ она представлена подбоченившеюся и танцующею въ коротенькихъ юбкахъ, надутыхъ кринолиномъ. Эту милую дѣвицу можно будетъ видѣть въ первыхъ мѣстахъ за *три* рубля, а во вторыхъ за *два* рубля. Счастливые г. Юліусъ Гебгардъ и дѣвица Юлія Пастрана:—я воображаю, сколько они соберутъ денегъ! Петербургская публика такъ *любознательна*.

Спекуляція г. Юліуса Гебгарда выгоднѣе, я думаю, спекуляцій, начавшихся съ легкой руки «Весельчака», который, говоритъ, поступаетъ подъ редакцію автора комедіи «Свѣтъ не безъ добрыхъ людей.» «Весельчаку», какъ первому, удалось поддѣть публику, на его порожденіямъ — *Смѣяу, Смѣху и горю*, *Щелкамъ*, *Пустозвонамъ*, *Ералашамъ*, *Рододендронамъ*, *Шутамъ гороховымъ*, *Дрябл-*

деки, *Чепухи*, *Балалайки* и тому подобнымъ листкамъ, появляющимся ежедневно на петербургскихъ улицахъ, едва ли удастся штука «Весельчака». *Весельчакъ* и *Юлія Пастрана*—двѣ отлично-удавшіеся спекуляціи!

Оканчивая наши замѣтки, обратимъ вниманіе на важную и серьёзную литературную новость, — на три тома *Исторіи царствованія Петра Великаго*, профессора Устрялова, съ любопытнѣйшими и драгоцѣнными приложеніями, съ картами и планами. Этотъ замѣчательный трудъ останавливается на 1700 году. Успѣхъ новаго сочиненія г. Устрялова, говорятъ, блистательный, какъ и слѣдовало ожидать: — въ нѣсколько дней разошлось 1000 экземпляровъ. Изданіе великолѣпно.

Графъ Кушелевъ-Безбородко издалъ стихотворенія г. Майкова, въ двухъ томахъ, также съ роскошью необыкновенною.... Поэтъ помѣстилъ въ этомъ новомъ изданіи только избранныя свои сочиненія.... Бумага, выборъ шрифта, печатаніе, все отличается изяществомъ — и при этомъ цѣна очень дешевая. Оба большіе тома стоятъ два рубля. Нельзя не обратить особеннаго вниманія на это прекрасное изданіе.

Г-жа Жадовская издала свои *Стихотворенія*, изъ которыхъ многія проникнуты глубокимъ чувствомъ. Я рекомендую эту книжечку любителямъ истинной поэзіи.

4 мая г. Бауеръ будетъ защищать въ залѣ Университета (въ 12 часовъ) свою диссертацію *Авинская демонія*, написанную имъ на степень магистра исторіи.

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Статья г. Бабине. — Современное состояніе астрономіи. — Патріархъ деревъ. — Разстояніе земли отъ солнца. — Женщины, содѣйствовавшія успѣхамъ астрономіи. — Свѣтопреставленіе и комета. — Успѣхи метеорологіи. — Электрическіе телеграфы. — Трудъ академика Струве. — Наблюденія надъ земнымъ магнитизмомъ. — Гидрографія. — Состояніе географіи. — Примѣненіе фотографіи. — Гигантскій телескопъ. — Путешествіе принца Наполеона — Герои наукъ. — Выдѣлка алюминія. — Смерть Коши. — Комитетъ историческихъ работъ и ученыхъ обществъ. — Русскій государственный человѣкъ. — «Разсказы Охотника» г. Тургенева въ переводѣ г. Делаво. — «Кавказскій плѣнникъ» въ переводѣ г. Порри. — Курсъ исторіи Россіи въ Боннскомъ университетѣ. — Законъ о книгопечатаніи и журналахъ въ Испаніи. — Подписка въ пользу Ламартина. — Положеніе дѣла о канализаціи Суэзскаго перешейка. — Современное состояніе Каспійской флотиліи и Каспійскаго коммерческаго флота. — Примѣси въ съѣстныхъ припасахъ. — Общество покровительства животнымъ. — Еще о грамотности и о китайскомъ просвѣщеніи. — Замѣчательный случай въ Велетри. — Желѣзныя дороги въ Турціи и Персіи. — О введеніи новаго стиля въ Россіи — Замѣтка о лѣтосчисленіи у разныхъ народовъ. — Юліанское и Грегоріанское лѣтосчисленія. — Способъ для исправленія стиля въ Россіи. — Мнѣніе г. Маврокордато. — Статья г. Барановскаго. — О убавкѣ дней въ нѣкоторыхъ мѣсяцахъ. — Примѣненіе фотографіи къ археологіи. — Труды г. Савостьянова. — Аѳонская гора. — Микроскопическіе рисунки посредствомъ фотографіи. — Французскіе школы на Востокѣ. — Конгрессъ представителей ученыхъ обществъ. — Общество сельскаго хозяйства въ Варшавѣ.

Въ «Revue des deux Mondes» нынѣшняго года помѣщена небольшая статья члена Института Бабине, подъ заглавіемъ: «Les adieux de 1857 à la science.» Эта статья посвящена современному обозрѣнію умственной дѣятельности человѣка, проявляющейся, не только во Франціи и въ Европѣ, но и на всѣхъ точкахъ земнаго шара. Мы укажемъ на главныя части этой статьи, исполненной, какъ намъ кажется, большаго интереса.

Бабине начинаетъ статью свою предложеніемъ, чтобы къ полученію премій, допускались представители всѣхъ народовъ и чтобы та-

кимъ образомъ умственному развитію человѣка не было границъ, ни политическихъ, ни географическихъ, и чтобы сроки раздачъ премій были ни какъ не болѣе десяти лѣтъ. Ученый членъ Института, не довольствуясь этимъ, желаетъ, чтобъ наука была собственностью не однихъ только избранныхъ сословій или нѣкоторыхъ лицъ, но чтобы она обращалась повсемѣстно въ народное достояніе. «Прежде чѣмъ я начну говорить далѣе, замѣчаетъ г. Бабине, я хочу отвѣтить на тѣ возраженія, которыя представляютъ нѣкоторые люди противъ мысли довести науки до общаго, народнаго пониманія. Коперникъ съ гордостью говорилъ: математическія книги написаны только для математиковъ: и онъ имѣлъ основаніе сказать это. Но Араго, въ то время, когда около него толпились въ аудиторіи сотни слушателей, умѣлъ съ особеннымъ искусствомъ передать неприготовленнымъ еще людямъ всѣ блестящіе успѣхи астрономіи и оптики. Я, продолжаетъ г. Бабине, далекъ отъ этого. Я хочу показать одни только результаты наукъ, а не самую ихъ дѣятельность.»

Такимъ образомъ г. Бабине, отдаляя отъ своихъ читателей продолжительные разсказы о томъ, какъ науки труднымъ путемъ приходятъ къ общеполезнымъ результатамъ, говоритъ въ своей статьѣ только о послѣднихъ, съ цѣлью ихъ практическаго приложенія въ разныхъ случаяхъ человѣческой дѣятельности.

Говоря о современномъ состояніи наукъ, г. Бабине замѣчаетъ, что первый день настоящаго столѣтія, именно 1 января 1801 года по новому стилю былъ ознаменованъ ученымъ открытіемъ. Въ этотъ день, въ Палермѣ знаменитый астрономъ Піацци открылъ новую планету, названную Церерой. Съ легкой руки Піацци послѣдующіе годы XIX вѣка были богаты подобными открытіями. Къ настоящему 1858 году число всѣхъ новооткрытыхъ въ разное время планетъ простирается уже до пятидесяти. Изъ числа этихъ пятидесяти планетъ, двѣ были открыты въ Америкѣ, на Вашингтонской обсерваторіи, астрономомъ Фергюсономъ. «Изъ этого видно, замѣчаетъ г. Бабине, какъ мы нынѣ далеки отъ семи планетъ извѣстныхъ въ древности; добавимъ къ этому, что и самое число семь составлялось у древнихъ потому только, что они къ числу планетъ относили солнце и луну.»

Что касается кометъ, то въ настоящее время опредѣлены съ достовѣрностью пути пяти изъ нихъ. Прошедшій годъ изобиловалъ кометами; число кометъ, открытыхъ въ этомъ году, — было шесть. Но ожиданіе астрономовъ видѣть въ этомъ году знаменитую комету Карла V не исполнилось. Г. Бабине по поводу этого говоритъ, что по всѣмъ астрономическимъ вычисленіямъ ее слѣдуетъ ждать съ

большою вѣроятностію въ 1858 году. При этомъ онъ также замѣчаетъ, что для опредѣленія пути кометъ недостаточно того, если она явится только одинъ разъ, но непремѣнно нужно, чтобъ появленіе ея повторилось. Иногда кометы разсѣваются въ небесныхъ пространствахъ, вслѣдствіе неравнаго притяженія солнцемъ всѣхъ ихъ частей. Такъ г. Бабине сообщаетъ, что комета Вико, которую ожидали астрономы въ 1857, не явилась, вѣроятно потому, что разсѣялась подъ вліятельнымъ дѣйствіемъ солнца; а она изъ кометъ прошедшаго года проходила свой путь, будучи расколота на двѣ части вліяніемъ солнца.' «Все, говоритъ г. Бабине, подтверждаетъ ту мысль, что кометы суть не что иное, какъ груда пыли, частицы которой неплотно соединены между собою; а такъ какъ многія изъ кометъ, видѣнныхъ въ прошедшемъ году, шли въ небесныхъ пространствахъ почти однимъ и тѣмъ же путемъ, то это заставило ученыхъ астрономовъ предполагать, что всѣ эти кометы составляютъ обломки одной большой кометы, раздробленной притягательною силой солнца. Г. Бабине соглашается съ этимъ мнѣніемъ.

Г. Бабине въ своей статьѣ переходитъ къ разрѣшенію двухъ вопросовъ, дѣланныхъ ему и на словахъ и въ письмахъ. Первый вопросъ состоитъ въ томъ, почему въ 1857 году видѣли комет болѣе, чѣмъ въ 1856 году? и второй — почему зимой бываетъ болѣе кометъ, нежели лѣтомъ? На первый вопросъ г. Бабине отвѣчаетъ, что въ 1857 году болѣе открыто комет, чѣмъ въ 1856 году, потому что въ 1857 году ихъ больше искали. «Всѣ астрономы, замѣчаетъ г. Бабине, хотѣли найти комету, которую ожидали сперва въ 1848 году, которой потомъ назначили 1858 годъ. Слѣдовательно они разсматривали небо съ самымъ напряженнымъ вниманіемъ». Для разрѣшенія втораго вопроса г. Бабине приводитъ слѣдующія слова знаменитаго Араго: «Зимою ночи бываютъ въ два раза продолжительнѣе, нежели лѣтомъ. Зимнюю ночь должно считать въ 16, а лѣтнюю только въ 8 часовъ; кромѣ того лѣтомъ бываютъ продолжительныя сумерки, во время которыхъ весьма трудно видѣть предметы, слишкомъ слабо мерцающіе на небѣ». «Все противъ астрономовъ, продолжаетъ г. Бабине, потому что если небо бываетъ покрыто хотя бы и самыми легкими облаками, то слабо свѣтящіеся предметы дѣлаются невидимыми; если же небо бываетъ ясно, то сіяніе луны, полусвѣтъ сумерекъ и блескъ зари представляютъ много неудобствъ для наблюденій за небесными свѣтилами. Гершель полагалъ, что въ теченіе цѣлаго года въ общей сложности можно употреблять телескопы съ совершеннымъ удобствомъ не болѣе, какъ въ продолженіе сорока часовъ. Вслѣдствіе всѣхъ атмосферныхъ неудобствъ, Лапласъ предлагалъ помѣщать телескопы на вы-

сокихъ горахъ, въ атмосферѣ болѣе легкой и болѣе прозрачной. Въ наше время этою мыслью великого ученаго воспользовался шотландскій астрономъ Піацци Смитъ, сынъ извѣстнаго англійскаго адмирала. Смитъ въ 1856 году производилъ астрономическія наблюденія на Тенериѳскомъ пикѣ. Въ настоящее время, весь ученый міръ съ нетерпѣніемъ ожидаетъ изданія въ свѣтъ наблюденій, произведенныхъ г. Смитомъ. Этотъ астрономъ обогатилъ науку фотографическими рисунками луны въ разные моменты ея освѣщенія; рисунки эти, по отзыву г. Бабине, превосходятъ всѣ нынѣшніе рисунки разныхъ мѣстъ земной поверхности. Въ сочиненіяхъ Смита будетъ находиться фотографическій снимокъ съ дерева — драгуна; порода эта встрѣчается исключительно на Канарскихъ островахъ, а дерево, съ котораго снятъ снимокъ, должно считаться патріархомъ всѣхъ деревъ земнаго шара, такъ какъ, по мнѣнію дендрологовъ, оно существуетъ уже 5000 лѣтъ!

Кромѣ Смита, пользуется въ Англіи большою извѣстностью, какъ астрономъ, докторъ Лей, богатый владѣлецъ замка Гартвель, въ которомъ реставрація застала нѣкогда короля Людовика XVIII. Лей часть своихъ огромныхъ доходовъ жертвуетъ въ пользу наукъ, а самъ принадлежитъ къ числу дѣятельныхъ членовъ Англійскаго Астрономическаго Общества. Надобно также сказать, что въ послѣднихъ бюлетеняхъ этого общества королевскій астрономъ Эри помѣстилъ свои соображенія о средствахъ для опредѣленія разстоянія нашей планеты отъ солнца, при помощи наблюденій за Марсомъ въ 1860 и 1862 годахъ.» Надобно надѣяться, говоритъ по поводу этого г. Бабине, что мы наконецъ выйдемъ изъ того постыднаго для насъ незнанія относительно нашей солнечной системы, въ которомъ мы теперь находимся, не зная съ точностью разстоянія земли отъ солнца, такъ какъ въ опредѣленіяхъ этого растоянія встрѣчается разность между 500,000 льё и 4 километрами. Я не слишкомъ привязанъ къ жизни, продолжаетъ французскій ученый, но признаюсь, не хотѣлъ бы умереть прежде, чѣмъ опредѣлится окончательно этотъ вопросъ. Несомнѣнно, что въ 1860 и 1862 годахъ, какъ это было въ 1761 и 1769 годахъ, наблюдатели займутъ всѣ удобныя точки въ разныхъ мѣстахъ земнаго шара.»

Предположеніе г. Бабине имѣетъ много основаній. Нынѣ среди всѣхъ просвѣщенныхъ народовъ дѣятельно занимаются астрономіей, и конечно, надобно сказать къ чести нашего времени, не для пустыхъ астрологическихъ вымысловъ, какъ это было прежде, но для положительныхъ результатовъ не только въ пользу самой науки, но и въ пользу практической жизни. Прекрасный примѣръ этому подаютъ сѣверо-американцы, несомнѣнно самый положитель-

ный народъ изъ всѣхъ народовъ, когда либо существовавшихъ въ поднебесной.

Въ Соединенныхъ Штатахъ, въ городѣ Альбани, недавно возникла замѣчательная астрономическая обсерваторія, получившая названіе обсерваторіи Дудлея. Главной основательницей ея была Бландина Дудлей, вдова сенатора Соединенныхъ Штатовъ, а общественная признательность дала этому новому учрежденію названіе ея покойнаго мужа. Госпожа Дудлей начала съ того, что пожертвовала для этой обсерваторіи геліометръ цѣной въ 8000 долларовъ, т. е. около 12,000 рублей серебромъ, и кончила тѣмъ, что когда, при открытіи этой обсерваторіи, возникъ вопросъ объ обезпеченіи содержанія тѣмъ, которые будутъ при ней трудиться, и когда оказалось нужнымъ для этого около 200,000 долларовъ или около 300,000 руб. серебромъ, то она внесла тотчасъ четверть всей этой суммы.

Извѣстно, что многія женщины на западѣ съ успѣхомъ занимались астрономіей; отечество наше до сихъ поръ не представляетъ еще ни одного астронома женскаго пола; но что касается вообще славянскаго міра, то онъ можетъ указать на одну женщину, усердно трудившуюся на пользу астрономіи; это была княгиня Пузино, оказавшая большія услуги Виленской обсерваторіи, гдѣ и донынѣ хранится портретъ этого астронома въ фижмахъ.

Отъ астрономіи г. Бабине дѣлаетъ въ своей статьѣ переходъ къ свѣтопредставленію, котораго, какъ извѣстно, ожидали въ 1857 по поводу долженствовавшей явиться въ этомъ году огромной кометы. Во Франціи, вслѣдствіе этого описанія, получившаго свое начало изъ какого-то армянскаго календаря, господствовалъ повсемѣстно паническій страхъ. Г. Бабине содѣйствовалъ своимъ перомъ къ уничтоженію этого страха: статья его о прочной закрѣпкѣ комет на сводѣ небесномъ, развѣшивалась для успокоенія народа во многихъ мѣстахъ Франціи, въ видѣ объявленій, дѣлаемыхъ въ всеобщее свѣдѣніе. По словамъ г. Бабине, многіе предпринимали далекія и дорого стоющія путешествія для того только, чтобъ въ день всеобщей катастрофы умереть вмѣстѣ съ родными и друзьями. «По поводу кометы, говоритъ г. Бабине, я получилъ сотню писемъ и долженъ былъ принимать посѣщенія разныхъ депутацій отъ имени мастеровыхъ.» Ученый академикъ, которому, среди его занятій, крѣпко надоѣли и письма и депутаціи, очень желаетъ распространить въ народѣ тѣ правильныя свѣдѣнія, которыя выработала наука и которыми въ настоящее время пользуются только люди, посвященные въ ея таинства.

Поговоривъ о настоящемъ состояніи астрономіи, г. Бабине обращается къ метерологіи и сообщаетъ при этомъ весьма важную для

науки новость; именно, что Французская Академія будетъ имѣть подробныя метеорологическія свѣдѣнія не только изъ всей Франціи, но и изъ Алжира, и даже изъ Россіи. Свѣдѣнія эти будутъ сообщаться академіи посредствомъ электрическихъ телеграфовъ и такимъ образомъ заблаговременно будутъ предпринимаемы мѣры противъ бурь, градобитій, грозъ и урагановъ, идущихъ послѣдовательно съ одного мѣста на другое. Изъ свѣдѣній такого рода, которыя пытались-было прежде, но безуспѣшно, получать въ Брюсселѣ г. Кетле, а въ Парижѣ самъ г. Бабине, уже успѣли сдѣлать во Франціи практическое приложеніе. Такъ, когда посредствомъ электрическаго телеграфа, было сообщено объ угрожающемъ разливѣ рѣки Луары, то французскій военный министръ, маршалъ Вальянъ, отправилъ въ тѣ мѣста, которымъ угрожало наводненіе, военные отряды съ необходимыми инструментами, и тѣмъ самымъ не только успокоилъ жителей этихъ мѣстъ, но и далъ много способовъ для уменьшенія приближавшейся опасности.

Весьма замѣчательны мысли г. Бабине объ электрическомъ телеграфѣ, который предполагаютъ устроить между Европой и Америкой и о которомъ мы уже говорили въ «Современномъ Обозрѣніи» прошествовавшаго нумера. Попытка провести телеграфическую проволоку по дну Атлантическаго океана, какъ извѣстно, не удалась. «Какъ въ самомъ дѣлѣ, говоритъ г. Бабине, было не подумать о невозможности положить на дно морское, при огромной глубинѣ, желѣзную проволоку толщиною не болѣе обыкновенной восковой свѣчки на пространствѣ около 1200 лье.» Чтобы устранить эту невозможность, г. Бабине вновь предлагаетъ провести телеграфъ черезъ Гренландію.

Вотъ что, по поводу своего проэкта, говоритъ французскій ученый: «я указалъ на Сибирь, на Беринговъ проливъ, русскую Америку, Орегонъ и Соединенные Штаты, какъ на мѣстности самыя удобныя для проведенія черезъ нихъ электрическаго телеграфа изъ Лондона въ Нью-Іоркъ, съ тѣмъ, чтобъ эта линія телеграфа проходила черезъ Петербургъ и Калифорнію. Хотя Беринговъ проливъ и вдвое шире, нежели Па-де-Кале, но за то онъ раздѣленъ на двѣ части островами Св. Діомида. Итакъ въ этомъ пунктѣ нѣтъ никакого препятствія. Впрочемъ, быть можетъ проведеніе линіи черезъ Алеутскіе острова будетъ удобнѣе, такъ какъ климатъ этихъ острововъ умѣреннѣе. Надобно также замѣтить, что Алеутскіе острова, посредствомъ Курильскихъ, сближены съ устьемъ Амура, занятаго русскими. Въ этомъ случаѣ, телеграфическая проволока должна пройти черезъ Татарскій проливъ. Но при этомъ направленіи телеграфа представляется та выгода, что онъ не пойдетъ по безлюднымъ степямъ Си-

бири, потому что путь къ Амуру идетъ черезъ мѣстности, занятыя горными промыслами, черезъ тѣ мѣстности южной Сибири, которыя наиболѣе заселены и находятся на одной широтѣ съ Бельгіей и съ Англіей.

По этотъ проэктъ Бабине, какъ кажется, окончательно не принятъ, потому-что газета «Morning Chronicle», въ настоящемъ мѣсяцѣ сообщаетъ, что работы предпринятыя для соединенія электрическимъ телеграфомъ Европы и Америки, подвигаются впередъ съ неутомимою дѣятельностію. Канатъ, вложенный въ теченіе зимы, въ особаго рода ящики, приготовленные, по распоряженію правительства на Гейгэмской верфи, уже укладываютъ на корабль «Агагемнонъ» и фрегатъ «Ніагара», и уже, по послѣднимъ извѣстіямъ, на первый уложено 320, а на второй 84 мили этого каната. Остальная часть каната будетъ уложена въ половинѣ мая. Вообще же, для устройства телеграфической линіи между Англіей и Америкой, будетъ употреблено до пяти военныхъ судовъ; изъ числа ихъ одно Соединенные Штаты, въ самомъ непродолжительномъ времени, посылаютъ въ Англію. Само собою разумѣется, что неудачи прежней попытки будутъ служить полезнымъ урокомъ при настоящей, такъ какъ прежде чѣмъ узнать, что̀ нужно дѣлать, необходимо также узнать и то, чего не нужно дѣлать.

Но если не удалось еще исполнить это гигантское предпріятіе, уничтожающее для человѣческой мысли все разстояніе, занятое океаномъ, то устройство электрическихъ подводныхъ телеграфовъ въ другихъ мѣстахъ сопровождается замѣчательными успѣхами. Такъ, теперь Парижъ соединенъ съ Алжиромъ, и Парижская обсерваторія имѣетъ каждый день свѣдѣнія о состояніи погоды на сѣверномъ берегу Африки. Англичане не отстаютъ отъ французовъ и теперь ихъ телеграфъ идетъ изъ Сардиніи въ Мальту, изъ Мальты въ Корфу и на западный берегъ Греціи; скоро онъ достигнетъ Кандіи, изъ Кандіи потянется къ Александріи, а оттуда, по всей вѣроятности, въ Бомбей и Калькутту!

Замѣтимъ однако, что если англичане съ успѣхомъ устроиваютъ подводные телеграфы, то все же честь перваго ихъ изобрѣтенія принадлежитъ Франціи, въ лицѣ г. Брета.

Кромѣ выгоды въ быстротѣ сообщеній, электрическіе телеграфы принесутъ большую пользу географіи, доставивъ возможность опредѣлять градусы долготы съ безошибочною точностію. При этомъ случаѣ, г. Бабине съ справедливою похвалою отзывается о трудахъ на пользу географіи нашего извѣстнаго астронома г. Струве, окончившаго измѣреніе земли по пространству отъ устья Дуная до Нордкапа, т. е. на такомъ протяженіи, на какомъ не

производились еще подобныя измѣренія ни французами, ни англичанами.

Весьма утѣшительно видѣть, что наши ученые начинаютъ занимать въ наукахъ первыя мѣста своими обширными и основательными трудами. Сказавъ о современномъ состояніи географіи, намъ бы хотѣлось поговорить о настоящей дѣятельности Императорскаго Русскаго Географическаго общества, но мы, боясь слишкомъ увеличить объемъ нашего обозрѣнія, отлагаемъ этотъ предметъ до другаго нумера; а теперь перейдемъ снова къ статьѣ г. Бабине.

Наблюденія надъ магнитною стрѣлкою представляютъ нынѣ весьма важный предметъ ученыхъ наблюденій. По этой части, въ настоящее время, пріобрѣлъ особенную извѣстность англійскій генералъ Сабинь. Сочиненія его по этой части г. Бабине называетъ *удивительными*. Въ особенности важны наблюденія генерала надъ намагничиваніемъ луны землею. Генералъ Сабинь произвелъ свои наблюденія по распоряженію англійскаго правительства.

Изъ современныхъ географическихъ трудовъ особенно замѣчательна гидрографія береговъ (coast survey) Соединенныхъ Штатовъ. Трудъ этотъ исполнялся подъ руководствомъ г. Баша, правнука Франклина. Германія тоже усердно занимается географіей; изданія г. Петермана, въ Готѣ, по этой части, могутъ, какъ говоритъ г. Бабине, соперничать съ журналомъ Англійскаго Географическаго Общества, не смотря на то, что г. Петерманъ далеко не имѣетъ тѣхъ средствъ, какими располагаетъ упомянутое общество. Изданія г. Петермана содержатъ замѣчательныя статистическія подробности и географическую библіографію всѣхъ народовъ. Вышедшія въ послѣднее время въ Готѣ географическія карты отличаются какъ вѣрностью, такъ и изяществомъ отдѣлки.

Фотографія въ настоящую пору получила больше приложенія къ астрономіи. Извѣстный своими астрономическими рисунками, англійскій астрономъ Варренъ де-ла Рю примѣнилъ фотографію къ изображенію и измѣренію небесныхъ свѣтилъ. Луна, Юпитеръ, и звѣзды вышли на фотографіяхъ англійскаго астронома. Мало этого—онъ имѣетъ фотографическіе рисунки *облаковъ*, носящихся надъ Юпитеромъ! Всего этого г. Варренъ де-ла Рю достигаетъ посредствомъ изобрѣтеннаго имъ особаго механизма, который останавливаетъ почти на минуту изображеніе небеснаго свѣтила въ совершенной неподвижности, и тѣмъ самымъ дастъ возможность сдѣлать его фотографію съ изумительной точностью. Кромѣ г. Варрена, въ Соединенныхъ Штатахъ, близъ Бостона, г. Бондъ занимался также астрономическою фотографіей.

Здѣсь кстати замѣтить, что въ настоящее время г. Ласселемъ,

астрономомъ, переѣхавшимъ для избѣжанія англійскихъ тумановъ, на Мальту изъ Ливерпуля, заготовляется гигантскій телескопъ, достойный соперникъ знаменитаго телескопа лорда Росса.

Ища разгадокъ въ далекихъ небесахъ, современное наше поколѣніе не забываетъ однако и земной поверхности и силится также проникнуть въ самыя сокровенныя нѣдра нашей планеты. Для достиженія перваго служатъ путешествія, для достиженія втораго — геологическія изслѣдованія. Въ настоящее время лучшимъ изъ послѣдне-появившихся описаній путешествій, безспорно должно считать путешествіе принца Наполеона, хотя оно, впрочемъ, было слишкомъ коротко для того, чтобъ путешественникъ могъ пріобрѣсть обширныя и глубокія свѣдѣнія. Г. Бабине, правда немножко иронически, изъ всѣхъ лицъ, принимавшихъ участіе въ этомъ путешествіи, отдаетъ первенство г. Шарлю Едмонду (Хоецкому), принявшему на себя драматическую и описательную часть путешествія. Конечно, иронія академика относится не столько къ исторіографу этого путешествія, сколько, какъ кажется, къ *ученому* ея составу.

Касательно современнаго человѣческаго углубленія въ нѣдра земли скажемъ слѣдующее. Въ настоящее время одни ученые толкуютъ о водѣ, другіе объ огнѣ, находящихся будто бы въ утробѣ земли. Извѣстный астрономъ Лаландъ полагалъ, что внутренность земнаго шара наполнена какъ бы слоями водъ, прососавшихся черезъ его разщелины. Г. Бабине оспариваетъ нынѣ это мнѣніе и, кажется, довольно замысловато. Ученые геологи могутъ окончательно рѣшить этотъ споръ; но для насъ, людей неспеціальныхъ, онъ замѣчателенъ тѣмъ, что привелъ наше время къ слѣдующему весьма замѣчательному открытію,—по части *эластическихъ жидкостей*, какъ ихъ называетъ ученый академикъ. Нѣкто г. Добре заключилъ въ желѣзную трубку воду и другіе различные предметы (matières diverses) и потомъ сильно грѣлъ эти трубки въ продолженіе нѣсколькихъ недѣль. При этихъ опытахъ, по словамъ г. Бабине, вода съ ея смѣсью находилась въ тѣхъ же самыхъ условіяхъ, въ которыхъ находится лабораторія природы съ сильно сжатою и согрѣваемою водою. Что же вышло изъ этого? Вмѣсто воды и разныхъ вложенныхъ въ ней предметовъ явился кварцъ, троксенъ и земляной уголь. Въ тоже время г. Добре въ своихъ трубкахъ открылъ совершенно нежданныя имъ геологическія формаціи.

Главнымъ неудобствомъ этихъ опытовъ, столь важныхъ и для геологіи и для химіи, была опасность, происходящая отъ того, что пары сильно разогрѣтой въ металлическихъ трубахъ воды разрываютъ съ неимовѣрною силою эти трубы и поражаютъ взрывомъ наблюдателя! Если такъ называемое поле чести имѣетъ своихъ жертвъ,

то и поле науки, сравнительно съ огромнымъ числомъ воиновъ и съ малымъ числомъ ученыхъ, имѣетъ ихъ не меньше, особенно если возьмемъ, сколько тружениковъ науки легло на ея полѣ вслѣдствіе холодныхъ и голодныхъ дней и безсонныхъ ночей, не говоря уже о случайныхъ несчастіяхъ. Вспомнимъ, что у насъ въ Россіи, по странному стеченію обстоятельствъ, первое лицо, съ усердіемъ занимавшееся наблюденіемъ надъ электричествомъ, профессоръ Рихманъ — былъ убитъ громомъ.... Благородными жертвами науки вслѣдствіе несчастныхъ случайностей бываютъ въ особенности химики. Самъ великій полководецъ Наполеонъ I отдалъ справедливую похвалу этимъ мученикамъ науки. Такъ, когда императоръ узналъ о тяжелой ранѣ, полученной при опытахъ извѣстнымъ химикомъ Дюлонгомъ, то онъ сказалъ: «скоро съ такимъ же почетомъ заговорятъ о полѣ науки, какъ нынѣ говорятъ о полѣ битвы» Много прошло времени послѣ этихъ словъ; много, и очень часто говорили о полѣ битвы, но весьма немного и очень рѣдко говорили о полѣ наукъ; но за то наше современное общество съ участіемъ говоритъ о полѣ особаго рода, отакъ называемомъ *зеленомъ* полѣ; на разговоры общества это поле имѣетъ полное право, потому-что на немъ рука объ руку идутъ и знаніе, и храбрость!...

Говоря о современныхъ геологическихъ изслѣдованіяхъ, г. Бабине переходитъ къ минералу, одно время надѣлавшему столько шуму, именно къ алюминію, представляющему родъ легкаго и блестящаго серебра, открытому, какъ извѣстно, въ большихъ массахъ г. Сенъ-Клеръ-Девилемъ. Императоръ Наполеонъ съ особенною благосклонностію поощрилъ это открытіе. Алюминій представляетъ металлъ, чрезвычайно способный и къ ковкѣ и къ плавкѣ, а между тѣмъ онъ въ четыре раза легче серебра; нынѣ во Франціи выдѣлка этого металла производится въ двухъ городахъ, въ Парижѣ и Руанѣ. Распространеніе алюминія должно будетъ произвести огромный переворотъ, не только въ приготовленіи золотыхъ и серебряныхъ издѣлій, но вѣроятно и во всей монетной системѣ.

Математическія науки понесли горькую утрату въ лицѣ знаменитаго математика Коши.

Изъ разсмотрѣнной здѣсь статьи г. Бабине, читатели видятъ очеркъ современныхъ успѣховъ наукъ, преимущественно физико-математическихъ. Что же касается другихъ отраслей человѣческихъ познаній, то сообщимъ слѣдующее.

Въ истекшемъ мѣсяцѣ «Moniteur» помѣстилъ распоряженіе французскаго министра народнаго обученія и духовныхъ дѣлъ объ учрежденіи «Комитета историческихъ работъ и ученыхъ обществъ.» Комитетъ этотъ раздѣленъ на три отдѣленія: первое занимается ис-

торіей и филологіей, второе археологіей и третье—вообще науками. Кромѣ членовъ, комитетъ будетъ имѣть при себѣ до двухъ сотъ корреспондентовъ, которые будутъ называться «корреспондентами министерства народнаго обученія». Комитетъ будетъ состоять подъ предсѣдательствомъ самого министра. Каждое изъ отдѣленій комитета будетъ собираться одинъ разъ въ мѣсяцъ, въ первый его понедѣльникъ. Общее собраніе комитета будетъ, по приглашенію министра, происходить четыре раза въ годъ. Впрочемъ, отъ усмотрѣнія министра зависитъ созвать во всякое время чрезвычайное собраніе комитета. Если комитетъ будетъ разсматривать вопросъ, близкій какому нибудь ученому обществу, то это общество имѣетъ право прислать въ засѣданіе комитета своего особаго представителя, который и приметъ участіе во всѣхъ сужденіяхъ комитета, отъ имени назначившаго его ученаго общества.

Каждое отдѣленіе разсматриваетъ по своей части сочиненія, назначенныя къ печати въ трудахъ общества, которыя будутъ имѣть заглавіе: «Collection des documents inédits»; кромѣ того, ежемѣсячно каждое отдѣленіе комитета представляетъ, по своимъ предметамъ, общій отчетъ о трудахъ ученыхъ обществъ во Франціи. Отчеты эти будутъ называться «Revue des sociétés savantes» (Обозрѣніе ученыхъ обществъ.) Нѣтъ сомнѣнія, что эти отчеты будутъ крайне любопытны, потому что въ нихъ будетъ разсматриваться и обсуживаться вся ученая дѣятельность Франціи. Съ 1859 года учреждаются для французскихъ ученыхъ обществъ три новыя преміи, каждая въ 1,500 франковъ; онѣ будутъ выдаваемы комитетомъ въ награду тѣмъ ученымъ обществамъ, сочиненія которыхъ будутъ признаны лучшими рѣшеніями тѣхъ ученыхъ вопросовъ, которые будутъ предложены комитетомъ.

Кромѣ того ученымъ обществамъ, въ память полученія ими денежной преміи, будутъ выдаваемы медали въ 300 франковъ, а автору или авторамъ сочиненій, увѣнчанныхъ преміею, особая медаль, каждая въ 1,200 франковъ. Прочія статьи, разсматриваемаго здѣсь распоряженія министра народнаго обученія, относятся собственно къ внутреннему управленію комитета, и потому не представляютъ общаго интереса.

Изъ современныхъ явленій западной литературы ни одно, кромѣ драматическихъ сочиненій, не заслуживаетъ особеннаго вниманія. Но для насъ русскихъ имѣетъ особую занимательность, вышедшая недавно въ Лейпцигѣ и Гейдельбергѣ книга, подъ заглавіемъ: «Ein Russischer Staatsmann. Des Grafen Jakob Johann Siewers Denkwürdigkeiten zur Geshichte Russlands von Karl Ludwig Blum.» Въ четырехъ частяхъ, съ портретами.

Разсмотрѣніе этой книги можетъ составить предметъ особой, довольно обширной статьи, такъ какъ книга эта, кромѣ воспоминаній графа Сиверса, заключаетъ большое число писемъ императрицы Екатерины и послѣдняго польскаго короля, и многихъ, какъ русскихъ, такъ и польскихъ вельможъ. Графъ Сиверсъ пользовался особеннымъ расположеніемъ и довѣріемъ государыни; это всего лучше доказывается тѣми письмами, которыя онъ получалъ отъ нея въ бытность свою сперва Новгородскимъ губернаторомъ и потомъ посломъ въ Варшавѣ; послѣднюю должность онъ исполнялъ въ самое затруднительное время. Слишкомъ шестьдесятъ лѣтъ прошло со смерти Екатерины; царствованіе ея становится уже для насъ предметомъ историческаго изученія, и потому такіе источники, какъ воспоминанія графа Сиверса, одного изъ главныхъ государственныхъ дѣятелей того времени, мы должны считать не столько принадлежностію нѣмецкой, сколько русской исторической литературы.

Кромѣ этой книги, близкой намъ русскимъ по своему содержанію, мы укажемъ на вышедшій недавно, французскій переводъ сочиненія И. С. Тургенева «Разсказы Охотника.» Переводъ этотъ сдѣлалъ г. Делаво, усердно занимающійся въ настоящее время ознакомленіемъ своихъ соотечественниковъ съ наиболѣе замѣчательными произведеніями русской словесности.

Вотъ какъ въ «Revue des deux Mondes.» Эже Латей оканчиваетъ разборъ новаго перевода «Разсказы Охотника.» «Вслѣдствіе ли особаго направленія или вслѣдствіе вліянія той среды, въ которой г. Тургеневъ представляетъ дѣйствующія лица «Разсказовъ», онъ обыкновенно каждую небольшую сцену своего разсказа оканчиваетъ чѣмъ-то грустнымъ, навѣвающимъ печальныя думы. Вообще «Разсказы Охотника» должно считать книгой полезной какъ философу, такъ и человѣку любознательному. Несомнѣнный призракъ истины говоритъ въ пользу этого сочиненія, которое мы не можемъ разбирать, но которое въ переводѣ г. Делаво заставляетъ насъ предполагать въ г. Тургеневѣ не только моралиста и повѣствователя, но и чрезвычайно даровитаго писателя.

Въ 1858 году вышелъ, въ Марсели, переводъ «Кавказскаго Плѣнника» Пушкина. Переводчикъ этой поэмы, нѣкто г. Эжень Порри. По отзывамъ французскихъ журналовъ, переводъ Порри очень удаченъ.

Кромѣ того, мы можемъ сообщить еще одно любопытное извѣстіе, показывающее. какое серьозное вниманіе обращаютъ на себя между иностранцами судьбы Россіи. Въ Боннскомъ университетѣ, въ нынѣшній академическій годъ Исторію Россіи читаютъ два про-

фессора: Лоренцъ (бывшій въ С.-Петербургѣ, профессоромъ всеобщей исторіи и директоромъ нѣмецкаго Петропавловскаго училища) проходитъ древнюю исторію Россіи до 1328 года, а профессоръ Дальманъ избралъ предметомъ своихъ лекцій новую исторію Россіи.

О литературной дѣятельности въ другихъ странахъ замѣтимъ, что въ мартѣ мѣсяцѣ настоящаго года состоялся въ Мадритѣ новый законъ о книгопечатаніи.

На основаніи этого закона, отвѣтственность за сочиненіе, выходящее въ свѣтъ, обращается на автора; въ отсутствіе его—на редактора, а въ отсутствіе послѣдняго, на типографщика. Правительство присвоиваетъ себѣ власть, въ извѣстныхъ, заранѣе опредѣленныхъ случаяхъ, конфисковать книги, если онѣ еще не были выпущены въ продажу.

Что касается журналовъ, то, по силѣ новаго закона, каждый журналъ обязанъ имѣть своего особаго редактора, который не былъ бы моложе двадцати пяти лѣтъ и жилъ бы, по крайней мѣрѣ, годъ въ томъ городѣ, гдѣ онъ намѣренъ издавать свой журналъ. Требуется также, чтобы онъ не былъ лишенъ ни гражданскихъ, ни политическихъ правъ и былъ бы вписенъ въ списокъ тѣхъ, которые имѣютъ права избирать депутатовъ.

При полученіяхъ права на изданіе журнала, вносится обезпеченіе въ Мадритѣ и въ Барцелонѣ по 160,000 реаловъ, въ провинціяхъ перваго разряда по 80,000 реаловъ, и въ провинціяхъ втораго разряда по 40,000 реаловъ. Затѣмъ законъ входитъ въ разсмотрѣніе проступковъ противъ книгопечатанія и опредѣляетъ наказаніе ихъ денежными штрафами отъ 4,000 до 60,000 реаловъ и вмѣстѣ съ тѣмъ запрещаетъ открывать подписки для уплаты подобныхъ штрафовъ, угрожая за это денежнымъ взысканіемъ въ 1000 реаловъ.

Кромѣ денежныхъ штрафовъ, постановляется еще временное прекращеніе журналовъ; срокъ этого прекращенія не можетъ быть короче пятнадцати дней и продолжительнѣе трехъ мѣсяцевъ; такого рода взысканію подвергаются только тѣ журналы, которые были уже оштрафованы высшимъ количествомъ денежной пени не менѣе трехъ разъ. Прекращеніе журнала объявляется особымъ королевскимъ декретомъ, разсмотрѣннымъ предварительно въ совѣтѣ министровъ. Драматическія сочиненія, какъ печатныя, такъ и рукописныя, не могутъ быть представлены на театрѣ безъ особаго разрѣшенія правительства. На выпускъ въ свѣтъ романовъ требуется особое разрѣшеніе.

Отъ Испаніи сдѣлаемъ опять небольшой переходъ къ Франціи.

Тамъ давно изчезнувшее изъ печати имя Ламартина, знаменитаго поэта и министра иностранныхъ дѣлъ во время февральскаго переворота,—явилось снова на столбцахъ французскихъ журналовъ съ весьма печальнымъ извѣщеніемъ, что эта знаменитость находится теперь въ крайне-затруднительномъ положеніи, такъ какъ она обременена огромными долгами. Депутація города Макона, въ которомъ родился поэтъ, явилась недавно къ министру внутреннихъ дѣлъ, генералу Эспинасу, съ просьбою о разрѣшеніи открыть во Франціи подписку въ пользу г. Ламартина. Послѣ доклада объ этомъ императору, министръ отвѣчалъ депутаціи письмомъ, въ которомъ между прочимъ писалъ, что его величество глубоко опечаленъ тѣмъ положеніемъ, въ которомъ находится нынѣ г. Ламартинъ, и твердо убѣжденъ, что честь Франціи требуетъ прекратить это положеніе, чтобъ оно еще не сдѣлалось хуже. «Никто изъ насъ, продолжаетъ генералъ, не можетъ оставаться равнодушнымъ къ оказанію помощи одной изъ величайшихъ литературныхъ знаменитостей нашего времени, и императоръ лучше, чѣмъ кто либо, умѣетъ цѣнить всѣ заслуги славнаго нашего согражданина. Государь, десять лѣтъ уже борющійся противъ безчинствъ демагогіи, не забываетъ и никогда не забудетъ услугъ, оказанныхъ г. Ламартиномъ въ 1848 году священному дѣлу порядка, а равно и того, что его великодушная энергія избавила Францію отъ столькихъ бѣдствій и позора.» Вмѣстѣ съ тѣмъ, министръ внутреннихъ дѣлъ не только разрѣшилъ открыть подписку, но прибавилъ еще, что императоръ первый желаетъ внести свое имя въ списокъ жертвователей. Однако это самое обстоятельство едва ли будетъ содѣйствовать успѣху предпринятой подписки. Хотя политическая роль знаменитаго поэта давно уже кончена, но все же имя его связано тѣсно съ воспоминаніемъ о республикѣ, а между тѣмъ, теперь въ главѣ подписчиковъ является императоръ Наполеонъ, уничтожившій бытіе этой республики. И дѣйствительно, газеты: «Presse» и «Siécle», до того времени весьма дѣятельно хлопотавшія въ пользу великаго писателя, теперь совершенно замолкли. Трудно надѣяться составить по подпискѣ даже 500,000 франковъ, и нѣтъ никакой возможности собрать нѣсколько мильоновъ франковъ, въ которыхъ нынѣ нуждается г. Ламартинъ для устройства своихъ денежныхъ обстоятельствъ.

Говоря о наукахъ и литературѣ, нельзя умолчать и о современныхъ предпріятіяхъ на пользу человѣчества. Важнѣйшимъ изъ нихъ должна считаться канализація Суэзскаго перешейка. Чтобъ показать всю важность этого предпріятія, имѣющаго цѣлью сблизить Индію съ Европой, мы приведемъ слѣдующія данныя. Въ на-

фессора: Лоренцъ (бывшій въ С.-Петербургѣ, пр[illegible] общей исторіи и директоромъ нѣмецкаго Петр[illegible] лища) проходитъ древнюю исторію Россіи до [illegible] соръ Дальманъ избралъ предметомъ своихъ [illegible] Россіи.

О литературной дѣятельности въ [illegible] что въ мартѣ мѣсяцѣ настоящаго го[illegible] вый законъ о книгопечатаніи.

На основаніи этого закона, [illegible] ходящее въ свѣтъ, обращается [illegible] дактора, а въ отсутствіе пос[illegible] ство присвоиваетъ себѣ [illegible], въ одномъ ленныхъ случаяхъ, ко[illegible] отивъ проэк- пущены въ продажу. [illegible] ъ этотъ про-

Что касается [illegible] лія должна по- журналъ обяза[illegible] [illegible]зкой выходки «Journal былъ бы моло[illegible] [illegible] не ошибаемся, то газета «Times» только годъ въ т[illegible] [illegible] оказывается враждебною такому предпріятію, Требуетс[illegible] [illegible] которомъ она сама уже нѣсколько разъ говорила въ самыхъ бла- ни по[illegible] [illegible] восклонныхъ выраженіяхъ. Мы даже, продолжаетъ «Journal des кото[illegible] Debats», можемъ привести изъ этой газеты такую статью, въ которой особенно старались доказать, что это обще-европейское предпріятіе нисколько не должно раздражать народное чувство англичанъ.» Къ этому нужно прибавить, что экспедиція, опредѣлившая возможность прорытія Суэзскаго перешейка, состояла не изъ однихъ французскихъ, но и англійскихъ, и американскихъ инженеровъ. Проэктъ этотъ нельзя назвать химерой и потому еще, что не въ одной Франціи, но и въ Англіи, онъ признанъ дѣльнымъ всѣми учеными обществами, торговыми корпораціями и арматорами. Наконецъ народное сочувствіе англичанъ къ осуществленію этого проэкта горячо выразилось на 20 митингахъ, собиравшихся въ главныхъ приморскихъ, торговыхъ городахъ Англіи.

«Times» въ проведеніи предположеннаго канала видитъ только выгоды одной Франціи, соединенныя съ подрывомъ коммерческой силы Англіи. Если «Times» успѣетъ распространить въ англійскомъ народѣ свои предубѣжденія противъ этого предпріятія, то, конечно, исполненіе его не только замедлится, но быть можетъ еще и вовсе не осуществится. Къ невыгоднымъ обстоятельствамъ этого вопроса надобно присовокупить еще нежеланіе турецкаго правительства допустить канализацію Суэзскаго перешейка.

Говоря объ огромномъ предпріятіи, которое должно имѣть та-

ьное вліяніе на развитіе всемірной торговли, нельзя однако
ъ изъ виду проявленіе человѣческой дѣятельности и въ ма-
змѣрахъ, особенно если эта дѣятельность касается нашей
ъ 3 № «Морскаго Сборника» мы встрѣтили статью, от-
къ современному состоянію Каспійскаго мореходства.
чинается опроверженіемъ мнѣнія, дѣйствительно весь-
чающагося у насъ, будто Астрахань городъ примор-
писываетъ это заблужденіе дурно составляемымъ
мѣчаетъ, что Астрахань находится отъ впаденія
е море, въ ста верстахъ, а отъ соленой воды—
рстахъ.

ора этой статьи, плававшаго по Каспійскому
тѣтъ, преобразованіе торговли и морепла-
тъ отлагательства. Невѣроятна покажет-
.. С., горькая дѣйствительность; но тотъ, кто
.. персіи, можетъ засвидѣтельствовать, что англійская торговля имѣетъ тамъ перевѣсъ надъ русскою, и вліяніе первой простирается даже на прибрежья провинцій Каспійскаго моря. Тамъ много не русскихъ, а англійскихъ товаровъ и много не англійскаго, а русскаго золота. Подобный результатъ не дѣлаетъ чести нашей коммерческой предпріимчивости.»

Чтобы противодѣйствовать этому, г. Н. С. полагаетъ—не оставлять каспійской торговли въ рукахъ мѣстныхъ купцовъ, но двинуть съ сѣвера свѣжую торговую силу, изъ людей энергическихъ, образованныхъ и предпріимчивыхъ. Привилегированная торговая компанія торговаго общества по Каспійскому морю—легко можетъ, какъ полагаетъ г. Н. С., въ непродолжительное время оказать большую услугу нашей торговлѣ на этомъ морѣ.

Изъ статьи г. Н. С. видно, что въ настоящее время перевозка провіанта на Кавказъ составляетъ одну изъ важныхъ отраслей промышленности каспійскаго коммерческаго флота. Перевозка эта, уже въ теченіе сорока лѣтъ, находится постоянно въ рукахъ одной и той же компаніи подрядчиковъ, и, несмотря на столь продолжительное время, въ теченіе котораго можно было подумать компаніи объ улучшеніи способовъ перевозки, «приходишь въ ужасъ, говоритъ г. Н. С., отъ одной мысли, что такое важное дѣло, какъ снабженіе Кавказа провіантомъ, производится помощью флота, подверженнаго зависимости отъ самыхъ ничтожныхъ случаевъ на морѣ.» Неудобства эти уничтожаются нынѣ вновь формирующеюся компаніей пароходнаго общества. Когда объ этомъ разнесся слухъ, то астраханскіе купцы, видя, что отъ нихъ ускользаетъ дѣло, которымъ они такъ долго и такъ выгодно занимались,

стоящее время морской путь совершается вокругъ мыса Доброй-Надежды. При осуществленіи предположеннаго проэкта, онъ представитъ слѣдующія сокращенія:

	Вокругъ мыса Доброй-Надежды.	Черезъ Суэзскій перешеекъ.	Процентъ, на который сократятъ путь.
	Морскія мили.		
Петербургъ . .	15,660	8,630	45 проц.
Лондонъ . . .	14,340	7,300	49 —
Константинополь.	15,630	4,700	70 —
Одесса	15,960	5,080	68 —
Марсель. . . .	14,500	5,490	62 —

Между тѣмъ извѣстная англійская газета «Times», въ одномъ изъ нумеровъ прошедшаго мѣсяца, сильно возстала противъ проэкта о прорытіи Суэзскаго перешейка, объявляя проэктъ этотъ просто на-просто «французскою химерою, которую Англія должна побороть всѣми силами.» По поводу этой рѣзкой выходки «Journal des Débats» замѣчаетъ: если мы не ошибаемся, то газета «Times» только въ первый разъ еще оказывается враждебною такому предпріятію, о которомъ она сама уже нѣсколько разъ говорила въ самыхъ благосклонныхъ выраженіяхъ. Мы даже, продолжаетъ «Journal des Debats», можемъ привести изъ этой газеты такую статью, въ которой особенно старались доказать, что это обще-европейское предпріятіе нисколько не должно раздражать народное чувство англичанъ.» Къ этому нужно прибавить, что экспедиція, опредѣлившая возможность прорытія Суэзскаго перешейка, состояла не изъ однихъ французскихъ, но и англійскихъ, и американскихъ инженеровъ. Проэктъ этотъ нельзя назвать химерой и потому еще, что не въ одной Франціи, но и въ Англіи, онъ признанъ дѣльнымъ всѣми учеными обществами, торговыми корпораціями и арматорами. Наконецъ народное сочувствіе англичанъ къ осуществленію этого проэкта горячо выразилось на 20 митингахъ, собиравшихся въ главныхъ приморскихъ, торговыхъ городахъ Англіи.

«Times» въ проведеніи предположеннаго канала видитъ только выгоды одной Франціи, соединенныя съ подрывомъ коммерческой силы Англіи. Если «Times» успѣетъ распространить въ англійскомъ народѣ свои предубѣжденія противъ этого предпріятія, то, конечно, исполненіе его не только замедлится, но быть можетъ еще и вовсе не осуществится. Къ невыгоднымъ обстоятельствамъ этого вопроса надобно присовокупить еще нежеланіе турецкаго правительства допустить канализацію Суэзскаго перешейка.

Говоря объ огромномъ предпріятіи, которое должно имѣть та-

кое сильное вліяніе на развитіе всемірной торговли, нельзя однако упускать изъ виду проявленіе человѣческой дѣятельности и въ малыхъ размѣрахъ, особенно если эта дѣятельность касается нашей родины. Въ 3 № «Морскаго Сборника» мы встрѣтили статью, относящуюся къ современному состоянію Каспійскаго мореходства. Статья эта начинается опроверженіемъ мнѣнія, дѣйствительно весьма часто встрѣчающагося у насъ, будто Астрахань городъ приморскій. г. Н. С. приписываетъ это заблужденіе дурно составляемымъ ландкартамъ и замѣчаетъ, что Астрахань находится отъ впаденія Волги въ Каспійское море, въ ста верстахъ, а отъ соленой воды—въ ста-пятидесяти верстахъ.

По замѣчанію автора этой статьи, плававшаго по Каспійскому морю въ теченіе двухъ лѣтъ, преобразованіе торговли и мореплаванія на Каспіи не терпитъ отлагательства. Невѣроятна покажется, замѣчаетъ г. Н. С., горькая дѣйствительность; но тотъ, кто былъ въ Персіи, можетъ засвидѣтельствовать, что англійская торговля имѣетъ тамъ перевѣсъ надъ русскою, и вліяніе первой простирается даже на прибрежья провинцій Каспійскаго моря. Тамъ много не русскихъ, а англійскихъ товаровъ и много не англійскаго, а русскаго золота. Подобный результатъ не дѣлаетъ чести нашей коммерческой предпріимчивости.»

Чтобы противодѣйствовать этому, г. Н. С. полагаетъ—не оставлять каспійской торговли въ рукахъ мѣстныхъ купцовъ, но двинуть съ сѣвера свѣжую торговую силу, изъ людей энергическихъ, образованныхъ и предпріимчивыхъ. Привилегированная торговая компанія торговаго общества по Каспійскому морю—легко можетъ, какъ полагаетъ г. Н. С., въ непродолжительное время оказать большую услугу нашей торговлѣ на этомъ морѣ.

Изъ статьи г. Н. С. видно, что въ настоящее время перевозка провіанта на Кавказъ составляетъ одну изъ важныхъ отраслей промышленности каспійскаго коммерческаго флота. Перевозка эта, уже въ теченіе сорока лѣтъ, находится постоянно въ рукахъ одной и той же компаніи подрядчиковъ, и, несмотря на столь продолжительное время, въ теченіе котораго можно было подумать компаніи объ улучшеніи способовъ перевозки, «приходишь въ ужасъ, говоритъ г. Н. С., отъ одной мысли, что такое важное дѣло, какъ снабженіе Кавказа провіантомъ, производится помощью флота, подверженнаго зависимости отъ самыхъ ничтожныхъ случаевъ на морѣ.» Неудобства эти уничтожаются нынѣ вновь формирующеюся компаніей пароходнаго общества. Когда объ этомъ разнесся слухъ, то астраханскіе купцы, видя, что отъ нихъ ускользаетъ дѣло, которымъ они такъ долго и такъ выгодно занимались,

вооружились энергіей и начали сбивать ту цѣну, за которую предполагалось отдать поставку провіанта вновь возникающей компаніи.

Неразвитіе дѣятельности коммерческаго флота въ настоящее время на Каспіи происходитъ главнымъ образомъ отъ двухъ причинъ: отъ того, что суда строятся плохо, безъ хорошихъ инженеровъ и отъ того, что суда эти управляются доморощенными шкиперами. Къ этому надобно, впрочемъ, прибавить и другія причины, влекущія за собою неуспѣшное плаваніе не только коммерческаго, но и военнаго флота на Каспійскомъ морѣ. Причины эти суть слѣдующія:

1) Мелководіе на розсыпяхъ Волги.

2) Неимѣніе верфи въ Баку, гдѣ суда могли бы строиться собственно для плаванія по морю, а не съ цѣлью соединить морское плаваніе съ рѣчнымъ, что дѣлается теперь по необходимости, потому что единственная корабельная верфь при Каспійскомъ морѣ находится въ Астрахани.

3) Неимѣніе хорошаго перегрузнаго пункта, гдѣ глубоко—сидящія въ водѣ суда, могли бы, не доходя до розсыпей, выгружать грузъ на особо устроенныя баржи, которыя бы буксировались черезъ розсыпи въ Астрахань.

4) Дурные, ничѣмъ не защищенные, рейды и отсутствіе маяковъ въ Каспійскомъ морѣ.

Наконецъ надобно замѣтить, что донынѣ на Каспійскихъ водахъ, нѣтъ еще парового двигателя, тогда какъ морѣ это, по причинѣ господствующихъ на немъ, весьма неблагопріятныхъ для плаванія, вѣтровъ, необходимо требуетъ введенія этого двигателя.

Военная каспійская флотилія, по словамъ г. Н. С., не удовлетворяетъ требованіямъ Закавказскаго края; а между тѣмъ на этой флотиліи лежитъ обязанность исполнять порученія, касающіяся собственно флота, удовлетворять требованіямъ Кавказа по военному вѣдомству, содержать почтовое сообщеніе и перевозить пассажировъ и коммерческій грузъ на Кавказъ и въ Персію. Замедленіе въ плаваніи, происходящее отъ мелководія въ устьяхъ Волги, производитъ то, что суда, во время навигаціи, едва имѣютъ время исправлять наскоро свои поврежденія и слѣдовательно мало бываютъ способны къ успѣшному плаванію.

Нельзя, впрочемъ, не замѣтить также и того, что г. Н. С., разсматривая средства нашего флота въ Каспійскомъ морѣ въ настоящее время, не присоединяетъ еще къ нимъ новыхъ пароходовъ, винтовыхъ шкунъ и транспортовъ большаго ранга, которые нынѣ строятся въ Астрахани и изъ коихъ нѣкоторые уже готовы. Будучи разъ выведены изъ-за Волжскихъ розсыпей, они будутъ посто-

нно оставаться въ морѣ, проводя зиму въ Баку, гдѣ предположено устроить военный портъ.

Но коммерческій флотъ на Каспіи не можетъ, по мнѣнію г. Н. С. достигнуть надлежащаго развитія, покуда не осуществится вновь проэктированный фарватеръ Волги и не устроится корабельная верфь въ Баку.

«Въ ожиданіи этихъ благъ, говоритъ г. Н. С., въ особенности новаго фарватера, который, вѣроятно, будетъ открытъ не ранѣе, какъ черезъ десять лѣтъ, необходимо теперь приступить хоть къ преобразованію паруснаго коммерческаго флота въ паровой.»

Читая весьма дѣльную статью г. Н. С., мы находили, что вовсе не нужно быть морякомъ для того, чтобъ ясно понять сдѣланныя въ этой статьѣ замѣчанія, и потому мы рѣшились сообщить ее въ главныхъ чертахъ нашимъ читателямъ. Мнѣнія основательно высказанныя, а не пустая болтовня, основанная на какомъ нибудь глазомѣрѣ, имѣютъ вообще полное право на вниманіе всѣхъ людей образованныхъ, а не однихъ спеціалистовъ.

Кромѣ устройства судовъ, улучшающемуся состоянію флота содѣйствуетъ здоровье морскихъ чиновъ. Доказательствомъ попечительности нашего морскаго министерства въ этомъ отношеніи служитъ помѣщеніе въ 4 № «Морскаго Сборника» «Краткое руководство морскимъ врачамъ», составленное по приказанію Е. И. В. генералъ адмирала, генералъ штабъ-докторомъ Балтійскаго флота Гауровицемъ. Мы считаемъ излишнимъ указывать на содержаніе этой статьи, скажемъ только, что она можетъ служить прекраснымъ руководствомъ и не однимъ врачамъ, но и вообще всѣмъ тѣмъ, на которыхъ возложено продовольствіе различныхъ командъ и которые захотятъ добросовѣстно исполнять этого рода обязанность. Г. Гауровицъ посвятилъ 17 параграфовъ своего руководства на изложеніе правилъ, которыя должно имѣть въ виду при освидѣтельствованіи продовольственныхъ припасовъ. Изъ статьи г. Гауровица видно, что самые необходимые жизненные припасы, изъ корыстныхъ разсчетовъ продавцовъ, поставщиковъ и подрядчиковъ, приправляются болѣе или менѣе вредными веществами; мука и коровье масло (не говоря уже о водкѣ, подливаемой одуряющими веществами, напримѣръ дурманомъ,) служитъ предметомъ торговаго обмана; потому что первая подсыпается разными измельченными веществами, между прочимъ и известью, а масло окрашивается иногда корнемъ куркумы, орлеаномъ и потому подобными, очень часто небезвредными, красильными веществами.

При чтеніи статьи г. Гауровица, намъ пришло на мысль: отчего бы кому нибудь изъ опытныхъ нашихъ врачей и химиковъ не

составить небольшаго, для общаго употребленія, руководства для открытія вредныхъ подмѣсей въ главныхъ статьяхъ жизненныхъ припасовъ. Мы, конечно, не думаемъ, чтобъ послѣ такой книжки совершенно прекратились вредныя подѣлки; но полагаемъ, что существованіе такого общепримѣнительнаго руководства удержало бы до нѣкоторой степени недобросовѣстныхъ торгашей отъ подкрасокъ, подцвѣтковъ и подмѣсей разнаго рода, дѣлаемыхъ обыкновенно во вредъ для здоровья потребителей.

Къ чести нашего времени, имѣющаго, впрочемъ, своихъ ярыхъ порицателей, прославляющихъ патріархальную старину, надобно сказать, что не только участь людей, но и участь животныхъ дѣлается предметомъ просвѣщенной заботливости. Въ одномъ изъ своихъ апрѣльскихъ номеровъ «Journal des Débats» сообщаетъ свѣдѣнія о послѣднемъ засѣданіи «Общества покровительства животныхъ»; г. Годенъ, секретарь этого малоизвѣстнаго общества, существующаго въ Парижѣ, произнесъ рѣчь, которая дѣлаетъ честь и его уму, и его чувствамъ. Мы познакомимъ нашихъ читателей съ главнымъ содержаніемъ этой рѣчи, выразившей довольно опредѣлительно, до какихъ предѣловъ должно доходить стремленіе истинной цивилизаціи. Рѣчь свою г. Годенъ обращаетъ къ членамъ общества, въ числѣ которыхъ есть мущины и представительницы прекраснаго пола.

Въ началѣ своей рѣчи г. Годенъ то общество, которому онъ служитъ секретаремъ, ставитъ весьма основательно выше другихъ обществъ, занимающихся акклиматизаціей и улучшеніемъ породъ животныхъ. Это общество ничто иное, какъ только отрасль того общества, которое своею задачею поставило не только матеріальныя выгоды человѣка, происходящія отъ размноженія и улучшенія породъ домашнихъ животныхъ, но и внушенія любви и состраданія ко всякому животному, хотя бы и вредному.

«Покровительствовать, говоритъ г. Годенъ, значитъ дѣлать счастливымъ низшее существо, улучшая его участь заботливостію о его вещественныхъ потребностяхъ и кроткимъ съ нимъ обращеніемъ. Эта истина въ равной степени примѣняется какъ къ животнымъ, такъ и къ людямъ.»

Вслѣдствіе этихъ началъ программа дѣйствій общества, о которомъ мы теперь говоримъ, должна состоять въ изученіи потребностей и способностей животныхъ и пользы, отъ нихъ приносимой, какъ въ непосредственной связи съ природой, такъ и въ связи съ человѣческимъ обществомъ. Общество покровительства животныхъ только желаетъ заботиться объ ихъ акклиматизаціи, имѣя цѣлью прежде всего сдѣлать ихъ привычными къ людямъ и установлять между

ними отношенія, основанныя или на законахъ, или на обычаяхъ. Уничтожать съ возможно меньшимъ страданіемъ или, еще лучше, предотвращать размноженіе животныхъ какой-либо породы, вредной для другихъ породъ. Это стремленіе общества выражаетъ мысль о защитѣ слабаго отъ сильнаго вообще.

Общества, покровительствующія животнымъ, должны сообщать законодательной и правительственной власти съ одной стороны о той пользѣ, которую приноситъ животное или которую можно получить отъ него при извѣстныхъ условіяхъ, и объ его инстинктѣ, который, при руководствѣ человѣческаго разсудка, можетъ быть примѣненъ ко многимъ случаямъ практической жизни. Оно доводитъ до свѣдѣнія начальствъ о жестокомъ обращеніи съ животными, проистекающемъ или отъ злаго сердца хозяина, или отъ его неблагоразумія или, наконецъ, отъ его небрежности. Оно указываетъ на средства, какъ предупредить или прекратить жестокое обращеніе съ животными, сберечь и улучшить ихъ породу.

Покровительство, которое обязано общество оказывать съ своей стороны животнымъ, не должно состоять въ одномъ только нравственномъ сочувствіи ихъ страданьямъ, но въ дѣйствительной помощи и въ изысканіи способовъ для прекращенія этого зла. Главная дѣятельность общества должна состоять въ томъ, чтобъ доставить животнымъ возможно-лучшее положеніе и смягчить къ нимъ отношенія людей.

Главнымъ основаніемъ этихъ отношеній должна быть кротость, по словамъ г. Годена: «такимъ способомъ обязанъ человѣкъ господствовать надъ самыми дикими животными и въ пустыняхъ и въ моряхъ».

«Нашъ долгъ, милостивыя государыни и милостивые государи, продолжаетъ г. Годенъ, обращаясь и къ женамъ почтеннаго общества, распространять мысль о кротости и состраданіи, мысль, которая должна приготовить совершенное и мирное господство надъ животными самыми враждебными человѣку.»

Далѣе г. Годенъ весьма справедливо замѣчаетъ, что занятія общества по существу своему должны быть тѣсно связаны съ земледѣліемъ, потому что дурное состояніе земли увеличиваетъ число вредныхъ животныхъ и имѣетъ неблагопріятное вліяніе на уменьшеніе числа полезныхъ.

Говоря о нравственномъ вліяніи этого общества, о сочувствіи къ его цѣли со стороны людей просвѣщенныхъ, г. Годенъ находитъ нужнымъ, чтобы совѣтъ общества обсудилъ, будетъ ли полезно—не только общія годовыя засѣданія, но и ежемѣсячныя, открыть для всѣхъ желающихъ присутствовать на этихъ засѣданіяхъ, такъ какъ

засѣданія эти клонятся къ утвержденію общественной нравственности и общественной пользы.

«Время насмѣшекъ надъ такими стремленіями, замѣчаетъ г. Годенъ, уже миновало; никто изъ людей благомыслящихъ не станетъ издѣваться надъ мыслью, которая должна приготовить, во всѣхъ просвѣщенныхъ странахъ, покровителей утѣсняемымъ твореніямъ, какъ въ низшихъ, такъ и въ самыхъ высшихъ слояхъ человѣческаго общества». Однимъ изъ главныхъ средствъ для достиженія этого, г. Годенъ признаетъ гласность самого дѣла.

Г. Годенъ признаетъ нѣкоторыя породы животныхъ, напримѣръ, лошадь, быка, собаку, слона, верблюда и барана главными условіями цивилизаціи и краснорѣчиво доказываетъ основательность этого мнѣнія.

Оканчивая этимъ нашу замѣтку объ обществѣ для покровительства животныхъ мы, — къ большому изумленію нашихъ читателей, — можемъ сдѣлать довольно легкій переходъ къ вопросу (конечно уже довольно наскучившему) о распространеніи грамотности. Дѣло вотъ въ чемъ. Въ предшествовавшемъ обозрѣніи мы полагали вопросъ этотъ уже рѣшеннымъ въ области нашей литературы, и письменныя сношенія г. Даля съ г. Кошенымъ не должны бы были насъ вызвать на новыя замѣчанія, если бы отвѣтъ г. Даля не касался всей нашей современной литературы. Между тѣмъ г. Даль говоритъ вотъ что: «можно несходиться въ убѣжденіяхъ; можно и ошибаться, и за всѣмъ тѣмъ не *браниться*; но нѣкоторые изъ моихъ противниковъ расходятся со мною даже и въ этомъ взглядѣ. Если мы станемъ обзывать другъ друга прозвищами различныхъ *животныхъ*, то бесѣдовать будетъ не удобно.» Это совершенно справедливо.

Надобно, однако, сказать и то, что хотя полемика у насъ зачастую теряетъ свой настоящій литературный характеръ и переходитъ въ перебранку и колкости, но все же, къ чести ея, при спорѣ о грамотности не было, сколько помнится, *обзываній другъ друга прозвищами различныхъ животныхъ*. Мы не имѣемъ чести знать лично всѣхъ гг. редакторовъ русскихъ журналовъ и газетъ, но, конечно, не ошибемся, если прямо скажемъ, что, при всѣхъ могущихъ быть недостаткахъ въ нашихъ періодическихъ изданіяхъ, они все же не упали еще и, вѣроятно, не упадутъ до такой степени, чтобы позволили дать на своихъ страницахъ кому бы то ни было изъ писателей, а тѣмъ болѣе изъ писателей заслуженныхъ, прозвища различныхъ животныхъ. Г. Далю не мѣшало бы положительно указать на такое общее для всѣхъ уклоненіе отъ основныхъ правилъ приличія и, конечно, общественное мнѣніе обвинило бы и написавшаго и помѣстившаго такія строки.

Мы рѣшаемся сказать г. Далю, что такихъ обзывовъ во всѣхъ нашихъ періодическихъ изданіяхъ не было, а споръ о грамотности не проявлялся въ отдѣльно-выходившихъ сочиненіяхъ. Разъ только г. Любимовъ, въ письмѣ своемъ, помѣщенномъ въ С. Петербургскихъ Вѣдомостяхъ, защищая пользу грамотности, говорилъ о пернатыхъ — о ночныхъ птицахъ, не любящихъ просвѣщенія, но это было сказано вообще только въ видѣ сравненія, и даже самое щекотливое самолюбіе не могло бы примѣнить его ни къ чьей личности. Притомъ надобно замѣтить, что и г. Любимовъ, несмотря на осторожность своихъ выраженій, касательно птицъ, приведенныхъ имъ только для примѣра былъ черезъ нѣсколько дней за это ужаленъ литературнымъ *насѣкомымъ* — «Сѣверною Пчелою». Изъ этого видно, что современная литература, ведя споры иногда слишкомъ запальчиво, и язвительно, и жолчно, не допуститъ однако никого безнаказанно—не только обзывать прозвищами различныхъ животныхъ, но даже и употреблять сравненія съ птицами, не обративъ вниманія публики на такое обстоятельство.

Если мы могли такъ неожиданно сдѣлать переходъ отъ животныхъ къ грамотности, то намъ предстоитъ теперь менѣе рѣзкій переходъ отъ грамотности русскаго народа къ китайскому просвѣщенію. Г. Даль представляетъ намъ для этого удобный случай.

Не довольствуясь тѣмъ, что мнѣнія о вредѣ грамотности для нашего народа подтверждаются, какъ по крайней мѣрѣ кажется г. Далю, законоучительностью раскольничьихъ толковъ, г. Даль напалъ заодно и на китайцевъ за ихъ дурную нравственность. Правда говорится, что бѣда не приходитъ одна. У китайцевъ теперь и возмущенія, и война съ внѣшними врагами, а въ добавокъ къ этимъ бѣдствіямъ ихъ распекаетъ за искаженную нравственность г. Даль и замѣчаетъ, что грамота въ китайскихъ рукахъ, какъ и въ раскольничьихъ, навѣрно будетъ употреблена во зло, для обольщенія лжеумствованіями и кривотолками себя самого и другихъ.

Впрочемъ, что намъ за дѣло до нападокъ со стороны г. Даля на китайцевъ; у нихъ есть свои мандарины: пусть они возражаютъ г. Далю. Мы же, зная Китай весьма плохо, скажемъ только, что если г. Даль считаетъ себя вправѣ запрятывать вопросъ о грамотности русскаго народа за тонкоусыхъ китайцевъ, то отчего же противники его, для рѣшенія этого вопроса, согласнаго съ своими взглядами, не имѣютъ права ссылаться въ свою очередь на бакшировъ, каракалпаковъ, тунгузовъ, колошей, манджуровъ, киргизовъ и пр. Стоитъ только противопоставить возраженію г. Даля равновѣсное и подобное возраженіе, и тогда въ огромныхъ раз-

мѣрахъ разовьется у насъ *восточный* вопросъ, само собою разумѣется—не политическій, а литературный; и намъ для окончательнаго его разрѣшенія придется гулять и по Бухарѣ, и по Хивѣ, пожалуй, сложа руки, стоять передъ китайскою стѣною, предъявляя однако свои требованія проникнуть чрезъ нее — во имя народнаго образованія....

Будемъ ли присовокуплять къ этому, что сквозь видимый смѣхъ проглядываютъ невидимыя слезы (конечно это немножко преувеличено,) при такихъ пустыхъ и несомнѣнно болѣе забавныхъ, нежели дѣльныхъ возраженіяхъ одному изъ первыхъ русскихъ писателей?.. При такихъ возраженіяхъ тому, кто, въ полномъ развитіи своего замѣчательнаго таланта, усердно служилъ русской народной грамотности,—печатая свои статьи въ «Сельскомъ Чтеніи»? Прошлое вспомнить иногда не худо, воздавая, само собою разумѣется, хвалу и настоящему. Скажемъ же, что весьма немного людей примкнуло у насъ къ тому кружку, который въ распространеніи свѣжихъ понятій среди простаго народа посредствомъ грамотности видѣлъ условіе лучшей его жизни, не только духовной, но и матеріальной. Къ числу этихъ людей принадлежалъ и В. И. Даль, *писавшій* весьма недавно для народа.

Не станемъ говорить много, но спросимъ только г. Даля: писалъ ли онъ, лѣтъ семь тому назадъ, свои простонародныя разсказы для лицъ высшаго сословія, или же собственно для русскаго народа, который, весьма понятно, не могъ бы читать ихъ, если бы среди его не развилась грамотность и чрезъ посредство ея не перешли тѣ благія наставленія, которыя г. Даль обращалъ къ нашему народу, находившемуся тогда при тѣхъ же условіяхъ своего быта?..

Вотъ, кажется, самый лучшій и самый *послѣдній* отвѣтъ г. Далю за сдѣланный имъ его противникамъ укоръ, будто они пишутъ *не по убѣжденію*.

Пусть г. Даль разрѣшитъ, въ чемъ состоитъ убѣжденіе: въ словахъ, или въ дѣйствіи?...

Но грѣшно, слишкомъ грѣшно намъ спорить съ г. Далемъ послѣ тѣхъ словъ, которыми онъ заключилъ свое письмо, и которыя нельзя читать безъ глубокаго умиленія:

«Христосъ воскресъ. Да воскресаетъ же Онъ въ сердцахъ нашихъ любовію къ добру и истинѣ, отрѣшеніемъ себя отъ всякой самотности, жизнію на пользу ближняго».

Письмо это писано 23 марта, значитъ въ самый день Свѣтлаго Праздника.

Около того времени, когда г. Даль писалъ свое письмо,—близъ Рима, куда, какъ въ столицу западнаго христіанства, сбирается мно-

38

Левкѣева.

адовскій.

Волкова 1.

А

ТІЯ.

го, автора

актеръ И

еатровъ

адовскій.
Каратыг

Линская.
Натарова.

Зубрева.
Волкова 2

НА МИХАЙЛОВСКОМЪ ТЕАТРѢ

Въ Понедѣльникъ, 26-го Мая,

Ръ сегодня впервые имѣетъ представлено будетъ

ОЛЬНО

ВО ЕГОРОМЪ ЗЛАЖЬ.

Драма въ трехъ картинахъ Г. Коженевскаго.

Картина 1-я: ПОЛОЗРѢНІЕ.

Картина 2-я: ТАЙНА ПОЛѢСОВЩИ

Картина 3-я: УБѢСТВО ОТЦА.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

Грозовъ	. . . . Г-нъ Максимъ
Анисимъ, мужъ его	. . . Г-нъ Жуковъ
Дочь ихъ	. . . Г-жа Фефёловъ
Капитанъ	. . . Г-нъ Медвѣдевъ
Яковъ, старый слуга Грозова	. Г-нъ Ершовъ
Полѣсовщикъ, старикъ 80-ти лѣтъ	. Г-нъ Сухонинъ
Катя, горничная Грозовой	. . Г-жа Ершова

Дѣйствіе происходитъ въ Западной Россіи.

ТО ИМѢЛЪ

И ХРАНИМ

ПОТЕРЯННЫЙ ПАСПОРТЪ.

Комедія-водевиль въ одномъ дѣйствіи соч. Соловьева

Роль Ивана Ивановича Пѣтухова, о

пытъ актеръ Императорскихъ Ма

скихъ театровъ Г. Соловьевъ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Пасха Пахомовна, Морковкина, старшая	
бульвардьерша	. . . Г-нъ Марковъ
Матрена Марковна, жена его	. . Г-жа Иванова
Александръ, живописецъ, влюбленный	. Г-нъ Смолинъ

жество путешественниковъ на праздникъ Пасхи, случилось происшествіе, которое какъ по своему характеру, такъ и по сопровождавшимъ его обстоятельствамъ заслуживаетъ вниманіе.

Въ 10 льё отъ Рима лежитъ красивый городокъ Велетри имѣющій до 15,000 жителей. Богомольцы часто посѣщаютъ этотъ городокъ, чтобъ поклониться тамъ образу Богоматери, называемому Madona dei grazie. Но особенно чествуютъ эту икону сами жители Велетри; по мѣстнымъ преданіямъ эта древняя икона творила много чудесъ, а признательность народа украсила ее золотомъ и драгоцѣнными камнями. Между тѣмъ вдругъ, съ великаго четверга въ ночи на великую пятницу, икона исчезла изъ церкви, и всѣ жители Велетри пришли въ неописанный ужасъ, узнавши объ этомъ происшествіи. Проходитъ нѣсколько времени, и настоятель церкви, изъ которой изчезла мадона, получилъ записку; въ этой запискѣ, похититель иконы увѣдомлялъ очень вѣжливо настоятеля, что чудотворная икона для города не утрачена и что она будетъ поставлена на прежнее мѣсто только на предъявляемыхъ въ этой запискѣ условіяхъ. Записка эта была написана отъ имени бандита Вендетты, приговореннаго къ смертной казни, но успѣвшаго избѣгнуть ея. Условія, которыя предъявлялъ бандитъ настоятелю, заключались въ слѣдующемъ: самъ бандитъ и его братъ, который находится въ рукахъ римской юстиціи и несомнѣнно будетъ приговоренъ тоже къ смертной казни, должны получить прощеніе отъ его святѣйшества. Не довольствуясь этимъ, Вендетта требовалъ выдачи ему въ видѣ единовременнаго пособія на первоначальное обзаведеніе при перемѣнѣ образа жизни—500 римскихъ экю и ежемѣсячно въ видѣ пожизненной пенсіи по 10 экю (53 франка 50 сантиновъ); на иныхъ условіяхъ, прибавляетъ бандитъ, иконы я не возвращу.

Когда все это было доведено до свѣдѣнія делегата, то онъ тотчасъ далъ знать объ этомъ по телеграфу въ Римъ, потому что не только требованіе бандита поставило его въ тупикъ, но онъ не зналъ что ему предпринять съ взволновавшимся народонаселеніемъ Велетри, требовавшимъ отъ делегата возвращенія чтимой иконы. Его святѣйшество соизволилъ на прощеніе бандита, но не соглашался оказать этой милости его брату; назначеніе Вендеттѣ пенсіи было отвергнуто, но единовременная выдача 500 экю была предоставлена на ближайшее усмотрѣніе делегата.

Дерзость Вендетты зашла еще далѣе: онъ лично явился къ делегату и требовалъ исполненія всѣхъ условій, предъявленныхъ имъ въ запискѣ, на которыя однако делегатъ не имѣлъ права согласиться. Когда бандитъ выходилъ изъ его кабинета, карабинеры хотѣли было захватить смѣльчака, но набожный прелатъ, опасаясь, что въ та-

комъ случаѣ священное сокровище города Велетри можетъ исчезнуть навсегда, и связанный распоряженіемъ папы на счетъ прощенія Вендетты, велѣлъ карабинерамъ отпустить его.

Въ самый день Пасхи волненіе народа при видѣ пустаго мѣста тамъ, гдѣ прежде висѣла икона, было ужасно; всѣ громогласно винили іезуитовъ въ похищеніи иконы, и разъяренная толпа кинулась въ ихъ монастырь, находящійся близъ Велетри. Въ одно мгновеніе все было тамъ изломано, ободрано, ограблено, перебито. Десять іезуитовъ потерпѣли побои, а нѣкоторые изъ нихъ получили жестокія раны. Народъ хотѣлъ умертвить двухъ іезуитовъ, встрѣтившихся съ нимъ на площади; они спаслись, благодаря находчивости одного почтеннаго обывателя, который, видя необходимость угодить буйной толпѣ, отвелъ іезуитовъ въ свой домъ съ обѣщаніемъ убить ихъ. Тщетно епископъ призывалъ толпу въ церковь, прося выслушать его; слова его покрывались неистовымъ воплемъ....

Вендетта воспользовался этимъ; онъ явился въ толпѣ, толпа покорно раздалась передъ бандитомъ; твердыми шагами онъ вошелъ въ церковь и тамъ занялъ каѳедру, назначенную для проповѣдника. Помѣстившись на каѳедрѣ, новый проповѣдникъ, съ огромнымъ ножемъ въ рукѣ, объявилъ, что іезуиты не виноваты, что онъ знаетъ гдѣ находится икона и не боится никого, такъ какъ среди толпы много его сообщниковъ, которые тотчасъ отомстятъ, если бы кто нибудь вздумалъ попытаться оскорбить его. Въ заключеніе Вендетта объявилъ, что онъ самъ почитаетъ хранящуюся у него Мадонну не менѣе, чѣмъ каждый истинный католикъ, но что онъ не возвратитъ ее въ Велетри прежде, чѣмъ его святѣйшество согласится на всѣ тѣ условія, которыя Вендетта уже предъявилъ настоятелю въ своей запискѣ.

Между тѣмъ при извѣстіи о безпорядкѣ, оказавшемся въ Велетри, военная сила спѣшила туда, и прежде чѣмъ Вендетта успѣлъ кончить свою рѣчь, солдаты окружили церковь и принудили бандита сдаться. Тогда Вендетта объявилъ, гдѣ находится икона; съ торжествомъ отправились за ней набожные жители Велетри и съ пышною процессіей возвратили Мадонну въ свой городъ.

Тогда какъ близъ Рима, средоточія древняго образованія, совершаются нынѣ такія событія, достойныя временъ самыхъ невѣжественныхъ, въ предѣлахъ Турецкой Имперіи явился впервые въ настоящемъ году необходимый спутникъ современной цивилизаціи: желѣзная дорога. Отъ 30 марта сообщено изъ Смирны, въ «Journal de Constantinople», что при многочисленной толпѣ народа и при радостныхъ его кликахъ двинулся по турецкой землѣ первый локомотивъ и что скоро свистъ паровоза раздастся въ равнинахъ Будья и

Меандра. На пущенномъ въ ходъ локомотивѣ развѣвались турецкія и англійскія знамена; онъ идетъ по тридцати миль въ часъ. Строитель дороги, англичанинъ Гудгинсонъ, былъ встрѣченъ жителями Смирны съ неописаннымъ восторгомъ. Дорога и принадлежащій къ ней мостъ, по отзыву «Journal de Constantinople» представляютъ одинъ изъ лучшихъ образцовъ современнаго, строительнаго искусства. Первая желѣзная дорога въ Турціи будетъ имѣть значительное вліяніе на болѣе успѣшный ходъ торговыхъ дѣлъ.

Но если въ Турціи геніальное изобрѣтеніе Стефенса явилось на помощь цивилизаціи, то, къ сожалѣнію, этого нельзя сказать о Персіи, гдѣ тоже предполагаютъ устроить желѣзную дорогу въ первый разъ, но не въ видахъ общественной пользы, а для исключительной только цѣли. Персидскій посланникъ въ Лондонѣ Ферукъ-Ханъ заключаетъ договоръ съ нѣкоторыми инженерами относительно поѣздки ихъ въ Персію. Эти инженеры должны будутъ построить желѣзную дорогу, которая не будетъ имѣть никакого общаго назначенія, а будетъ служить для того только, чтобы персидскій шахъ и скоро и со всѣми удобствами могъ переноситься изъ столицы въ свой загородный дворецъ. Само собою разумѣется, что открытіе и этой дороги будетъ сопровождаться изъявленіемъ восторговъ, приличныхъ торжеству.

Къ однимъ изъ главныхъ современныхъ вопросовъ можетъ принадлежать вопросъ о введеніи новаго стиля въ тѣхъ странахъ, гдѣ лѣточисленіе ведется по старому стилю. Извѣстно, что вся католическая и протестанская часть Европы слѣдуетъ календарю григоріанскому, а православная юліанскому.

Надобно однако замѣтить, что введеніе новаго стиля въ тѣ государства, которыя нынѣ ему слѣдуютъ, произошло не вдругъ а постепенно. Григоріанское лѣтосчисленіе ведетъ свое начало съ 5 октября 1582 года. Съ этого дня оно введено было папскимъ декретомъ во всей Италіи, Испаніи и Португаліи. Во Франціи новый календарь былъ введенъ 10 (20) декабря того же года. Въ слѣдующемъ году его приняли въ Нидерландахъ, въ католическихъ кантонахъ Швейцаріи и въ католической Германіи. Въ Польшу введено было новое лѣтосчисленіе въ 1586 году, въ Венгрію въ 1587. Въ протестанской Германіи попытка правительствъ ввести новый стиль, долгое время встрѣчала сопротивленіе въ народѣ, и только 18 февраля (1 марта) 1700 года новый стиль былъ принятъ въ протестанской Германіи. Въ этомъ же году онъ былъ введенъ въ Даніи. Примѣру протестанскихъ государствъ послѣдовали также и швейцарскіе кантоны, въ которыхъ водворилась протестанская вѣра. Тамъ новый порядокъ лѣтосчисленія начался съ 1 (12) января 1701. Государства запад-

ной Европы, позже всѣхъ принявшія новый, стиль были: Англія и Швеція. Въ первой юліанское лѣтосчисленіе было оставлено 2 (14) сентября 1752 и въ послѣдней 17 февраля (1 марта) 1753 года.

Въ настоящее время употребленіе календаря сдѣлалось необходимою принадлежностью каждаго, хотя нѣсколько просвѣщеннаго народа. Между европейскими народами, придерживающимися своего особеннаго лѣтосчисленія, самый невѣрный календарь имѣютъ Турки. Только луна служитъ для правовѣрныхъ распредѣлительницею времени, опредѣляя своими фазами наступленіе религіозныхъ празднествъ, заповѣданныхъ Алкораномъ. Магометане имѣютъ свой лунный годъ, у котораго съ нашимъ солнечнымъ годомъ нѣтъ ничего общаго. Магометанскій годъ заключаетъ въ себѣ 12 лунныхъ мѣсяцевъ, состоящихъ попеременно изъ 30 и 29 дней. Годъ этотъ содержитъ или 354 дня, и тогда считается простымъ, обыкновеннымъ годомъ, или же 355 дней и тогда онъ бываетъ годомъ высокосным. Такихъ годовъ въ 355 дней, (гдѣ и послѣдній мѣсяцъ считается въ 30 дней) бываетъ, въ теченіи тридцатилѣтняго періода—11, а именно годы: 2, 5, 7, 10, 13, 15, 18, 21, 26 и 29. Эта прибавка одиннадцати дней въ теченіе тридцати лѣтъ основана въ магометанскомъ календарѣ на томъ, что дѣйствительная длина луннаго года, т. е. продолжительность 12 лунныхъ мѣсяцевъ, отъ перваго новолунія до 13, содержитъ въ себѣ 354 дня, 8 часовъ, 48 минутъ и 46 секундъ; и такимъ образомъ недостающее время для образованія полныхъ 355 дней, въ теченіи 30 лѣтъ, составитъ въ общей сложности почти ровно 11 дней.

Но между тѣмъ надобно замѣтить, что каждый лунный годъ короче солнечнаго года почти на 11 дней, и потому, по прошествіи 8 лунныхъ магометанскихъ годовъ, начало каждаго года отодвигается, по магометанскому календарю, почти на три мѣсяца; вслѣдствіе этого тѣ мѣсяцы магометанскаго календаря, которые соотвѣтствовали сперва веснѣ, по прошествіи 8 лунныхъ лѣтъ, уже соотвѣствуютъ осени, а еще черезъ 8 лунныхъ лѣтъ будутъ уже соотвѣтствовать зимѣ. Неудобство такого лѣтосчисленія очевидно; но у народовъ магометанскаго исповѣданія оно неразрывно связано съ религіей, и потому едва ли когда нибудь магометанскій календарь можетъ быть уничтоженъ въ Турціи.

Болѣе совершенный, хотя весьма сложный, календарь имѣютъ Евреи, придерживающіеся также лунныхъ мѣсяцевъ изъ 30 и 29 дней. Въ еврейскомъ лѣтосчисленіи для того, чтобъ удерживать праздники постоянно при однихъ и тѣхъ же временахъ года и притомъ все-таки каждый мѣсяцъ начинать съ появленіемъ на небѣ новой луны въ видѣ узкаго серпа (т. е. во второй или въ третій

день послѣ дѣйствительнаго новолунія), —употребляется прибавочный, тринадцатый мѣсяцъ Веадаръ, содержащій 29 дней. Мѣсяцъ этотъ, въ теченіе 19 лѣтъ, прибавляется 7 разъ, и тѣ годы, къ которымъ онъ прибавляется, считаются высокосными. Еврейскій простой годъ бываетъ иногда правильнымъ—состоящимъ изъ 12 мѣсяцевъ, попеременно въ 29 и въ 30 дней, и тогда онъ содержитъ 354 дня; иногда же полнымъ, въ 355 дней, съ прибавкою одного тридцатаго дня къ мѣсяцу Мархешвану, или же наконецъ недостаточнымъ въ 353 дней, потому что мѣсяцъ Кислевъ имѣетъ только 29 дней. Точно также и высокосные годы бываютъ правильными—въ 384 дня, полными въ 385 дней и недостаточными — въ 383 дня. Собственно же, говоря, въ современномъ еврейскомъ календарѣ находится только шесть различныхъ годовъ, которые слѣдуютъ одинъ за другимъ въ опредѣленномъ порядкѣ, образуя собою девятнадцати-лѣтній періодъ, по истеченіи котораго годы и мѣсяцы повторяются опять въ прежнемъ порядкѣ.

Такимъ образомъ, для соглашенія солнечнаго года съ лунянымъ, евреи, въ теченіе 19 лѣтъ, прибавляютъ въ общей сложности 214 дней; тогда какъ дѣйствительная разность между продолжительностію солнечнаго и средняго луннаго года, полагаемаго въ 354 дней, взятая 19 разъ, подходитъ весьма близко только къ 213 и $^1/_4$ дня. Такимъ образомъ очевидно, что, по истеченіи 4 девятнадцатилѣтнихъ періодовъ, Евреи присчитываютъ ошибочно лишній день, который долженъ бы былъ принадлежать слѣдующему году.

Начало гражданскаго года считается у Евреевъ съ весенняго мѣсяца Нисана; но годы, считаемые отъ сотворенія міра, по древнему вѣрованію, начинаются осеннимъ мѣсяцемъ Тишри, потому что, какъ говорятъ евреи, Богъ сотворилъ землю въ совершенномъ видѣ, т. е. съ созрѣвшими уже на ней плодами.

Календарь, употребляемый нынѣ христіанскими народами, въ главныхъ его основаніяхъ, заимствованъ отъ римлянъ, и также имѣетъ свои недостатки, утвержденные долговременнымъ его употребленіемъ. Римскій календарь, послѣ многихъ измѣненій, сдѣланныхъ въ немъ произвольно въ разное время жрецами, былъ наконецъ преобразованъ Юліемъ Цезаремъ въ 708 году отъ основанія Рима, т. е. въ 46 году до Р. Х. по методѣ, предложенной александрійскимъ астрономомъ Созигеномъ. Съ этого времени, истинный солнечный годъ признанъ въ 365 $^1/_4$ дней, а въ гражданскомъ употребленіи положено считать 3 года—простые въ 365 дней, а къ четвертому прибавлять отбрасываемыя доли дня, т. е. къ послѣднему римскому мѣсяцу февралю, прибавлять одинъ день черезъ каждые четыре года. Длина мѣсяцевъ уже не лунныхъ, но какъ

двѣнадцатыхъ долей солнечнаго года, была опредѣлена 30 и въ 31 день, за исключеніемъ февраля, который, изъ угожденія старымъ предразсудкамъ о счастливыхъ и несчастныхъ дняхъ, не удостоился получить полнаго числа дней.

Это распредѣленіе дней по мѣсяцамъ осталось впослѣдствіи безъ перемѣны и сохранилось до нашего времени. Измѣнились только названія двухъ мѣсяцевъ, а именно 5 и 6, потому что изъ нихъ первый стали называть іюлемъ, въ благодарность Юлію Цезарю за введеніе правильнаго календаря, а второй августомъ, по повелѣнію Августа Цезаря (въ 8 году до Р. Х.), вторично спасшаго римскій календарь отъ злоупотребленій жрецовъ.

Позднѣе принято было считать начало года не съ марта, какъ прежде, но съ января. Въ такомъ видѣ римскій языческій календарь былъ принятъ первыми христіанами, со внесеніемъ въ него церковныхъ праздниковъ и святцевъ. Но вскорѣ обнаружилось несогласіе въ назначеніи времени для празднованія пасхи. Въ нѣкоторыхъ церквахъ постоянно праздновали ее 14 марта, несмотря на то, въ какой день недѣли приходилось это число; въ другихъ же церквахъ откладывали празднованіе Пасхи до перваго воскресенія послѣ мартовскаго полнолунія. Это несогласіе было представлено для разрѣшенія Никейскому собору, созванному, въ 325 году, императоромъ Константиномъ. Отцы собора приняли въ основаніе юліанскій календарь и, полагая, что длина солнечнаго года составляетъ ровно 365¼ дней, заключили, что весеннее равноденствіе всегда будетъ приходиться въ одно и тоже число марта мѣсяца и потому установили тѣ правила пасхаліи, которыя были приняты потомъ всѣми христіанскими государствами Европы и сохранились до настоящаго времени неизмѣнно въ Греко-Восточной церкви.

Только по прошествіи двѣнадцати столѣтій со времени Никейскаго собора, почувствовали сдѣланную на немъ невѣрность и нашли нужнымъ исправить ошибку Юліанскаго календаря. Именно, въ 1582 году, весеннее равноденствіе или начало весны приходилось ужъ 11 марта, тогда какъ извѣстно было, что во время достопамятнаго собора оно было 21 марта, слѣдовательно, въ теченіе 1257 лѣтъ, по юліанскому календарю, было пропущено 10 дней. Оказалось, что эта ошибка происходитъ отъ неточно принятой продолжительности солнечнаго года, который равняется не 365¼ днямъ, но почти 365 днямъ, 5 часамъ, 48 минутамъ и 48 секундамъ. Поэтому каждый юліанскій годъ длиннѣе настоящаго солнечнаго года 11 минутами и 12 секундами, а потому, въ каждые четыре года до исправленія юліанскаго календаря просчитывали 44 минуты, которыя бы должно бы отнести къ пятому году, слѣдовавшему за высокоснымъ. Эти

немногія минуты и секунды, въ теченіе четырехъ сотъ лѣтъ, должны составлять 3 дня 2 часа и 40 минутъ, а въ теченіе упомянутыхъ 1257 лѣтъ они составили 9¾ дней и этимъ самымъ весеннее равноденствіе, бывшее, какъ замѣчено, во время Никейскаго собора, 21 марта, было значительно отодвинуто назадъ, потому что въ 1582 году оно падало вмѣсто 21 на 11 число того же мѣсяца.

Чтобъ возвратить весеннее равноденствіе на прежнее число и чтобъ на будущее время избѣжать подобной погрѣшности, папа Григорій XIII повелѣлъ прибавить пропущенные въ кругломъ счетѣ 10 дней къ 5 октября 1582 года и считать этотъ день не 5 а 15 числомъ октября мѣсяца. Вмѣстѣ съ тѣмъ Григорій XIII приказалъ, на будущее время, въ продолженіе каждыхъ 400 лѣтъ, исключать 3 високосныхъ года, считая ихъ простыми. Для этого опредѣлено было исключать тѣ начально-вѣковые годы, въ которыхъ первыя двѣ цифры тысячелѣтія и столѣтія не дѣлятся на 4 безъ остатка, какъ напримѣръ 1900 годъ.

Такимъ простымъ способомъ были введены въ общій счетъ времени упоминутые выше 3 дня, просчитываемые въ теченіи 400 лѣтъ по юліанскому календарю, но между тѣмъ, при строгомъ астрономическомъ разсчетѣ, и при улучшеніи стараго календаря папою Григоріемъ XIII, остались въ излишкѣ 2 часа и 40 минутъ, которыя, въ теченіи 3600 лѣтъ, составятъ снова почти цѣлыя сутки разницы между григоріанскимъ и астрономическимъ, солнечнымъ годомъ.

Изъ этого видно, что и поправленное лѣтосчисленіе названное григоріанскимъ или новымъ стилемъ, въ отличіе отъ стараго юліанскаго, не вполнѣ еще совершенно; но время когда потребуется сдѣлать въ немъ поправку на одинъ день, еще такъ далеко, что мы имѣемъ покамѣстъ полное право не заботится объ этомъ. Между тѣмъ погрѣшность юліанскаго календаря и теперь уже столь чувствительна, что онъ, какъ кажется, не можетъ на долго оставаться безъ исправленія. Уже въ 1700 году, который, по правиламъ григоріанскаго счисленія, былъ простымъ годомъ, потому что 17 не дѣлится на 4, а по старому стилю высокоснымъ, разность между обоими стилями въ одинъ годъ увеличилась цѣлымъ днемъ; точно также старый стиль отсталъ отъ новаго еще на 1 день въ 1800, и отстанетъ еще на 1 день въ 1900 году, тогда разность между нашимъ лѣтосчисленіемъ и лѣтосчисленіемъ, принятымъ въ западной Европѣ, составитъ уже 13 дней, и въ то время когда высшее равноденствіе будетъ по новому стилю, какъ и во время Никейскаго собора,—21 марта, по старому стилю этотъ день будетъ считаться только 8-мъ числомъ марта.

Намъ кажется, что вопросъ о введеніи у насъ новаго стиля, можно считать однимъ изъ современныхъ вопросовъ, и потому мы нашли не излишнимъ ознакомить нашихъ читателей съ небольшой исторической замѣткой по этому предмету. Изъ него читатели, между прочимъ, могли видѣть, что въ настоящее время еще нѣтъ нигдѣ точнаго лѣтосчисленія по солнечнымъ годамъ, но что болѣе удовлетворительная правильность въ этомъ отношеніи принадлежитъ григоріанскому календарю, и что хотя, повидимому, установленіе лѣтосчисленія въ христіанскомъ мірѣ принадлежитъ церкви, но что собственно говоря, мы имѣемъ календарь языческаго Рима, и что поэтому никакъ нельзя признать, какъ думаютъ нѣкоторые, введеніе у насъ новаго стиля исключительно церковнымъ дѣломъ.

Вліяніе на установленіе лѣтосчисленія Никейскій соборъ имѣлъ совершенно случайное, и если папа измѣнилъ прежній на западѣ старый порядокъ лѣтосчисленія, какъ глава католической церкви, то и такое измѣненіе не было, однако, собственно церковнымъ установленіемъ; доказательствомъ этому служитъ то, что не всѣ католическія державы приняли эту новизну, чего не могло бы быть, если бы западное христіанство смотрѣло на введеніе новаго стиля, какъ на церковное учрежденіе.

Мы говоримъ все это потому, что въ недавнее время у насъ явилось нѣсколько небольшихъ статей, разсуждавшихъ о введеніи въ Россіи новаго стиля, и въ одной изъ нихъ, помѣщенной въ 52 № С. Петербургскихъ Вѣдомостей, заграничный корреспондентъ возстаетъ противъ исправленія нашего календаря, оканчивая свое письмо мыслью г. Маврокордато, что «намъ нуженъ будетъ вселенскій соборъ» для исправленія календаря. Противъ этой мысли въ 72 № С. Петербургскихъ Вѣдомостей, весьма основательно возразилъ г. Барановскій. Нельзя не согласиться на его замѣчанія, что введеніе новаго стиля у насъ нисколько не нарушитъ церковныхъ уставовъ относительно праздниковъ; можно даже сказать, что, напротивъ, новый стиль возстановитъ въ этомъ отношеніи нѣкоторые обычаи, существовавшіе въ первенствующей церкви; такъ, напримѣръ, въ ней праздникъ Рождества Христова праздновался непосредственно послѣ зимняго солнцеповорота, когда дни начинаютъ прибывать, а между тѣмъ неправильность юліанскаго лѣтосчисленія отодвинула этотъ собственно-неподвижный праздникъ, на двѣ недѣли послѣ зимняго солнцеповорота, и мало-по-малу, конечно еще очень не скоро, но придетъ время, когда Рождество будетъ по старому стилю не зимою, а среди лѣта.

Для уравненія стараго стиля съ новымъ г. Барановскій го-

вѣтуетъ избрать 1862 годъ, какъ годъ тысячелѣтія Россіи и въ этомъ году одинъ день, именно 11 іюня считать на этотъ разъ представителемъ 13 дней отъ 11 до 23 включительно. По поводу этого предположенія, г. Барановскій говоритъ слѣдующее: «считайте, пожалуй, хоть такъ, что 11 число продолжалась до полудня, а потомъ что часъ, то новое число, вотъ и прійдется съ полуночи считать 24. А потомъ во всѣ послѣдующіе годы ужь не поналобится ни сокращать, ни выкидывать дней; только надо будетъ не вставлять 29 февраля въ тѣ годы, когда не слѣдуетъ, что вмѣстѣ съ нами будутъ дѣлать и всѣ другіе народы, такъ, что разница, однажды уничтоженная, никогда не возвратится».

Въ заключеніе своей статьи, г. Барановскій высказываетъ увѣренность въ томъ, что наши единовѣрцы, какъ въ Греціи, такъ и на Дунаѣ и состоящіе подъ игомъ Турецкимъ, не замедлятъ послѣдовать примѣру Россіи, и что если бы у насъ рѣшеніе въ исправленіи календаря въ 1862 году и въ какіе именно дни, было уже напечатано въ календарѣ на 1859 годъ, то несомнѣнно, что всѣ наши единовѣрцы не замедлили бы произвести тоже исправленіе, именно въ тѣже самые дни того же года.

«Я положительно знаю, пишетъ г. Барановскій, что когда былъ поднятъ вопросъ объ исправленіи календаря, то все дѣло остановилось на томъ, что Сербія не хочетъ отличиться въ этомъ отъ единовѣрной Россіи».

Соглашаясь во многомъ съ г. Барановскимъ, нельзя однако вмѣстѣ съ нимъ признать, слишкомъ важными неудобства другаго способа для уравненія стараго стиля съ новымъ. Способъ этотъ долженъ состоять въ выпускѣ высокосныхъ годовъ въ теченіе шестидесяти-лѣтняго періода. Способъ этотъ дѣйствительно представляетъ два неудобства: продолжительность уравненія и трудность примѣненія, въ теченіе этого періода, стараго стиля къ новому; но за то онъ едва ли можетъ сдѣлать какое нибудь затрудненіе въ хозяйственныхъ разсчетахъ, тѣмъ болѣе, что народъ не только не привыкъ къ высокоснымъ годамъ, но даже по предразсудку считаетъ эти годы тяжелыми.

Какъ намъ кажется, можетъ быть допущенъ еще и третій способъ для уравненія стараго стиля съ новымъ; но мы не знаемъ, до какой степени онъ можетъ быть признанъ удобнымъ. Посредствомъ предлагаемаго нами способа, можно исправить наше лѣтосчисленіе примѣнительно къ григоріанскому календарю, съ небольшимъ въ два года, не производя въ хозяйственныхъ условіяхъ нашего быта тѣхъ недоразумѣній, которыя могутъ, съ бо́льшею вѣроятностью, породить сдѣланный въ одинъ разъ пропускъ 12 дней. Мы полагаемъ,

что въ теченіе двухъ лѣтъ, можно посчитать тридцати-одно-дневные мѣсяцы тридцати-дневными. Разсчетъ въ хозяйственномъ отношеніи одинъ день на два мѣсяца, конечно, не представитъ такихъ большихъ затрудненій, какъ представитъ пропускъ вдругъ въ одномъ мѣсяцѣ 12 дней; а кромѣ того, по истеченіи года, ничто не можетъ препятствовать свести счеты и примѣнить договоры сообразно къ прибавленному числу дней. Это сдѣлать тѣмъ легче, что у насъ очень часто тридцати-дневные мѣсяцы, смѣшиваются въ обыденной жизни съ тридцати-одно-дневными, и нерѣдко, для увѣренности въ числѣ мѣсячныхъ дней, прибѣгаютъ къ счету по косточкамъ пальцевъ. Заблаговременное извѣщеніе объ этомъ въ календаряхъ, и въ справочныхъ разнаго рода книгахъ, и въ особыхъ печатныхъ объявленіяхъ, а также въ церквахъ, и по городскимъ и сельскимъ обществамъ, могло бы достаточно приготовить весь народъ къ этой мѣрѣ, и мы съ небольшимъ въ два года, имѣли бы болѣе точное лѣтосчисленіе и не отличались бы въ этомъ отношеніи отъ прочихъ христіанскихъ народовъ.

Говоря объ успѣхахъ наукъ въ настоящее время, мы неможемъ умолчать о весьма важномъ примѣненіи фотографіи для археологіи и вообще для древней письменности, тѣмъ болѣе, что на этомъ новомъ поприщѣ явился главнымъ дѣятелемъ одинъ изъ нашихъ соотечественниковъ, г. Савастьяновъ, труды котораго обратили на себя, по всей справедливости, особенное вниманіе Французской Академіи Надписей.

Надобно замѣтить, что еще до г. Савастьянова, инспекторъ императорской типографіи въ Парижѣ, г. Деременіль, съ большимъ успѣхомъ перенесъ на фотографію нѣсколько листовъ древней греческой рукописи, испорченной и червями и сыростью. Фотографія оказалась полезною не только для безошибочной снимки рукописей, но и для палимпсестовъ, потому что, какъ замѣчаетъ г. Даремберіъ (изъ статьи котораго, напечатанной въ № Journal des Debats, мы заимствуемъ многія, помѣщенныя здѣсь, свѣдѣнія), на фотографическихъ отпечаткахъ выходятъ слѣды того, что было прежде написано на пергаментѣ и потомъ уничтожено для написанія чего либо другаго. Извѣстно, что въ палимпсестахъ было открыто нѣсколько классическихъ твореній, считавшихся утраченными, или бывшихъ вовсе неизвѣстными. Будемъ надѣяться, что счастливое примѣненіе фотографіи къ снятію рукописей, сдѣланныхъ на пергаментѣ поведетъ, быть можетъ наше время къ какимъ нибудь замѣчательнымъ открытіямъ по части древней литературы и исторіи.

Но труды этого рода, предпринятые нынѣ г. Савастьяновымъ, замѣчательны какъ по своимъ размѣрамъ, такъ и по той мѣстности,

которая сдѣлалась предметомъ этого изысканія. Нашъ соотечественникъ избралъ для своихъ занятій Аѳонскую гору, съ ея вѣковыми, богатыми, и притомъ мало еще извѣстными библіотеками.

Еще прежде г. Савастьянова, такъ называемая «Святая Гора», была предметомъ ученыхъ трудовъ. Изъ русскихъ тамъ занимался въ особенности архимандритъ Порфирій; онъ составилъ на русскомъ языкѣ каталогъ рукописей и разнаго рода актовъ, хранящихся въ Аѳонскихъ монастыряхъ. Каталогъ нашего ученаго обратилъ на себя вниманіе нѣмецкихъ филологовъ, и въ 1851 году, былъ напечатанъ въ Вѣнѣ Миклошичемъ, въ издаваемой имъ «Славянской Библіотекѣ».

Французское правительство старалось собрать свѣдѣнія объ ученыхъ сокровищахъ Аѳона. Два лица были отъ него назначены для этой цѣли: г. Минасъ, родомъ грекъ, и г. Лебарбье, бывшій воспитанникъ Аѳинской школы, вполнѣ знакомый съ языкомъ греческимъ. Первый нѣсколько разъ посѣщалъ Аѳонъ, и обогатилъ Парижскую библіотеку многими замѣчательными, подлинными рукописями и снимками съ нѣкоторыхъ изъ нихъ, но къ сожалѣнію не представилъ полнаго описанія всѣхъ Аѳонскихъ книгохранилищъ.

Что же касается г. Лебарбье, то, главнымъ образомъ, недостатокъ времени и денежныхъ средствъ, препятствовали ему дать своимъ трудамъ тѣ размѣры, которые были для нихъ необходимы. Нельзя однако не замѣтить, что 26 его рапортовъ, присланныхъ имъ съ Аѳона министру народнаго просвѣщенія, представляютъ много любопытнаго. Изъ этихъ рапортовъ видно, что число главныхъ рукописей, находящихся на Аѳонѣ, простирается до 518; изъ нихъ: латинскихъ—7, греческихъ—330, славянскихъ—180, турецкихъ—1. Всѣ эти рукописи разсѣяны по 24 аѳонскимъ монастырямъ. Сообщая министру о своихъ занятіяхъ, французскій ученый съ большою признательностію упоминаетъ, что его трудамъ на Аѳонѣ весьма много помогалъ одинъ изъ монашествующихъ на Аѳонской горѣ, нашъ соотечественникъ о. Симеонъ, соединяющій, по словамъ г. Лебарбье, образованіе съ большою обязательностію.

Слѣдуетъ также замѣтить, что Аѳонскіе монахи чрезвычайно радушны и предупредительны ко всѣмъ, посѣщающимъ ихъ обители. Несмотря на различіе вѣроисповѣданій, они очень охотно дѣлятся съ каждымъ странникомъ своими скудными припасами, заботливо предлагаютъ ему и овощи, и сыръ, и варенье изъ розъ, и соленую рыбу, и неохотно открываютъ ему доступъ въ книгохранилища, опасаясь, чтобъ тамъ не было отыскано какихъ-нибудь сочиненій, которыя послѣ могли бы быть перетолкованы во вредъ ученію греческой церкви. По замѣчанію г. Даремберга, монахи имѣютъ осно-

ваніе остерегаться чужеземца въ этомъ отношеніи, такъ какъ нѣкоторые путешественники употребили во зло довѣріе отшельниковъ.

Аѳонская гора, какъ извѣстно, замѣчательна въ исторіи церкви съ самыхъ отдаленныхъ временъ; въ первые вѣка христіанства, вновь обращенные христіане нерѣдко удалялись на Святую гору, а съ IV столѣтія она сдѣлалась постояннымъ убѣжищемъ для тѣхъ, которые были гонимы изъ Византіи внутренними смутами и раздорами. Очень вѣроятно, что, при этихъ условіяхъ, въ аѳонскія обители были занесены многія замѣчательныя рукописи. Г. Савастьяновъ представилъ Французской Академіи нѣсколько фотографическихъ снимковъ съ самыхъ замѣчательныхъ рукописей. По словамъ г. Дарембера эти снимки «ont fait *l'admiration* des artistes et des erudits.» Къ числу этихъ рукописей принадлежатъ: часть текста и карты изъ географіи Птоломея и большой отрывокъ изъ Страбона. Эти рукописи должны считаться *самыми* древнѣйшими списками сочиненій этихъ извѣстныхъ писателей. Кромѣ того, заслуживаетъ особенное вниманіе рукописное собраніе проповѣдей, относящихся къ X вѣку, литургія Іоанна Златоуста на пергаментномъ свертѣ и отрывки изъ легенды XII вѣка.

Кромѣ этихъ занятій, г. Савастьяновъ посвящаетъ труды свои снятіямъ видовъ разныхъ мѣстностей Аѳона. Въ настоящее время Святая гора представляетъ печальный видъ; на ней путешественникъ встрѣчаетъ невоздѣланную землю, бездѣйственность обитателей, плохую, не поддержанную трудами человѣка, растительность. Но не таковъ былъ Аѳонъ въ XIV вѣкѣ; тогда писалъ о немъ греческій лѣтописецъ Никифоръ Григорасъ, съ величайшимъ восторгомъ.

«Благорастворенностью воздуха, разнообразіе растеній, которыя услаждаютъ зрѣніе и напояютъ воздухъ ароматомъ, пѣніе птицъ, солнце, которое золотитъ своими первыми лучами вершины лѣсовъ, журчанье водъ, шумный полетъ пчелъ и ихъ душистый медъ, пѣнье кузнечика, смѣшивающееся съ пѣснопѣніями отшельниковъ, видъ безпредѣльнаго моря, спокойствіе въ долинахъ и уединеніе лѣсовъ плѣняли лѣтописца и погружали его въ святыя думы. По словамъ его, и мѣстоположеніе, и жители на Аѳонской Горѣ, все проникнуто добродѣтелью: тамъ не было торговли, говоритъ Никифоръ, тамъ не было ни господъ, ни рабовъ, ни бѣдныхъ, ни богатыхъ, свобода и справедливость были для всѣхъ одинаковы; всѣ отличались простотою и чистотою нравовъ, но что всего было лучше, восклицаетъ Никифоръ, тамъ не было *ни одной женщины*.' слѣдовательно, заключаетъ простодушный лѣтописецъ, *тамъ нечего было бояться дьявольскихъ искушеній!*

Впрочемъ, въ позднѣйшее время, Байронъ воспѣлъ землю Аѳона въ своей знаменитой поэмѣ «Чайльдъ-Гарольдъ»; онъ даже говорилъ (вѣроятно не совсѣмъ отъ души), что всю жизнь можно очень охотно остаться въ этихъ мѣстахъ.

Кромѣ важности въ ученомъ отношеніи, труды г. Савастьянова будутъ важны и въ отношеніи древняго византійскаго искусства, въ особенности греческой иконописи. Аѳонская гора была ихъ колыбелью и донынѣ остается ихъ послѣднимъ убѣжищемъ. Правда, впрочемъ, что и аѳонскіе монахи, какъ и обитатели другихъ монастырей, не слишкомъ щадили произведеніе древнихъ художниковъ, и передѣлывали ихъ или закрашивали ихъ, но все же еще остатки превосходныхъ произведеній сохранились на Аѳонѣ; такъ, между прочимъ, многія изъ тамошнихъ церквей украшены фресками греческаго Рафаэля—Панзелина, а на нѣкоторыхъ стѣнахъ уцѣлѣвшая живопись превосходитъ даже X столѣтіе. Г. Савастьяновъ предполагаетъ перевести эти остатки на фотографическіе рисунки. Къ этому между прочимъ представляется еще и слѣдующее удобство.

Извѣстно, что греческая живопись отличается отъ италіанской господствомъ прямыхъ линій и невыпуклостію изображеній; тамъ нѣтъ большаго сліянія красокъ, а фигуры отличаются какъ бы напряженнымъ положеніемъ; потому и фотографія, которая передаетъ съ изумительною вѣрностью только изображенія въ линіяхъ, отнимая у нихъ въ тоже время то проявленіе жизни, которое выражается въ живописи, будетъ весьма достаточна для воспроизведенія образцовъ древней греческой живописи, съ сохраненіемъ всего господствующаго въ ней характера.

Заговоривши объ успѣхахъ и приложеніи фотографіи къ разнымъ наукамъ, надобно также сказать еще о недавно сдѣланномъ примѣненіи этого искусства, именно — о примѣненіи его къ микроскопическимъ рисункамъ. До настоящаго времени, всѣ этого рода рисунки, открывающіе самыя сокровенныя чудеса природы, были далеко несовершенны; они удовлетворяли только любопытство и не могли служить пособіемъ для основательныхъ ученыхъ трудовъ. Давно уже думали о примѣненіи фотографіи въ подобныхъ случаяхъ, но всѣ попытки, клонившіяся къ этому, и произведенные въ Англіи, Германіи и Франціи опыты обошлись весьма дорого, не представивъ никакихъ благопріятныхъ результатовъ. Нынѣ разрѣшилъ эту задачу нѣкто г. Берчъ. Онъ составилъ фотографическій атласъ, въ которомъ находятся предметы изъ разныхъ царствъ природы, самые неуловимые для простаго глаза и увеличенные на фотографическихъ рисункахъ, посредствомъ микроскопа, въ нѣсколько тысячъ разъ. Несомнѣнно, что это открытіе обогатитъ новыми

данными всѣ науки, въ особенности же медицину, ботанику и технологію. Императоръ французовъ выразилъ г. Берчу, за его открытіе, особенную признательность и пожаловалъ его кавалеромъ Почетнаго Легіона.

Что касается стремленія къ образованію вообще, то намъ кажется не излишнимъ внести въ наше «Обозрѣніе» слѣдующую небольшую замѣтку. Въ Парижѣ, по мысли покойнаго Коши, составилось особое общество для распространенія просвѣщенія въ Турціи. Главная цѣль его дѣйствовать на воспитаніе возрастающаго поколѣнія. Съ этою цѣлью, оно, по мѣрѣ возможности и денежныхъ средствъ, будетъ открывать и поддерживать школы въ Сиріи, въ Палестинѣ, въ Египтѣ, въ части Греціи, еще подвластной Турціи и въ Придунайскихъ Княжествахъ. Общество это имѣетъ въ виду столько же и европейцевъ, живущихъ на Востокѣ, сколько и самихъ тамошнихъ жителей. Поэтому въ школы, открываемыя или поддерживаемыя на счетъ этого общества, будутъ приниматься, безъ различія происхожденія и религіи, дѣти всѣхъ племенъ и всѣхъ исповѣданій; на скамьяхъ этихъ утѣшительныхъ школъ, при равныхъ правахъ, будутъ сидѣть и христіане, и магометане, и евреи.

Общество это состоитъ подъ предсѣдательствомъ контръ-адмирала Матьё, вице-президента этого общества: аббатъ Лавижери, профессоръ церковной исторіи въ Сорбоннѣ, и г. Ленорманъ, членъ Института, секретарь общества г. Валлонъ, тоже членъ Института.

Къ замѣчательнымъ учено-практическимъ вопросамъ, вращающимся нынѣ въ засѣданіяхъ «Конгресса представителей ученыхъ обществъ» должно отнести вопросъ, поднятый въ шестомъ засѣданіи этого конгресса, и состоящій въ томъ: какой, въ настоящее время, существуетъ и какой можетъ быть земледѣльческій кредитъ во Франціи? Для разрѣшенія этого весьма важнаго вопроса, г. де-ла-Трегоне представилъ свое обширное сочиненіе, наполненное фактами и наблюденіями касательно системы земледѣльческаго кредита, существующей уже въ Англіи шестдесятъ лѣтъ, и которою, какъ кажется, тамъ всѣ довольны. Г. де-ла-Трегоне находитъ возможнымъ примѣнить эту систему и къ Франціи.

Однако многіе члены конгресса оспаривали нѣкоторыя условія земледѣльческаго кредита въ Англіи, и нашли неудобнымъ примѣненіе его къ Франціи, основываясь на несходствѣ народныхъ характеровъ въ той и другой странѣ, на различіи въ образѣ поземельнаго владѣнія и на разницѣ отношеній фермеровъ и земледѣльцевъ въ Англіи, сравнительно съ отношеніями, существующими между этими же лицами во Франціи. Вслѣдствіе всѣхъ этихъ возраженій предложеніе де-ла-Трегоне не было принято окончательно.

Говоря о занятіяхъ иностранныхъ обществъ по части земледѣлія, замѣтимъ, что въ Варшавѣ учреждено Общество Сельскаго Хозяйства; для выбора членовъ въ это общество съѣхалось въ Варшаву много помѣщиковъ. Предсѣдателемъ общества избранъ графъ Андрей Замойскій, извѣстный своими статьями по части сельскаго хозяйства. Органомъ новаго общества будетъ журналъ подъ заглавіемъ: «Rocsniki gospodarstwa krajowego». Засѣданія общества начались съ 18 февраля, и въ этихъ засѣданіяхъ были назначены задачи для соисканія премій. Общество усердно разсуждало о главныхъ хозяйственныхъ вопросахъ, составляющихъ необходимость для страны, а именно: объ улучшеніи лѣсоводства и луговодства, о способѣ доставки крестьянамъ удобренія съ меньшими издержками, о слѣдствіяхъ употребленія гуано, о разведеніи скота, объ употребленіи торфа, о развитіи пчеловодства, объ улучшеніи состоянія малыхъ хозяйствъ, о причинахъ упадка небольшихъ свекловичныхъ заводовъ и пр.

ПРІЕМЪ ПОЖЕРТВОВАНІЙ

НА УЛУЧШЕНІЕ БЫТА ПРАВОСЛАВНЫХЪ ПОКЛОННИКОВЪ ПАЛЕСТИНЫ.

Собранныя въ послѣднее врѣмя свѣдѣнія доказываютъ, что Православные поклонники въ Святыхъ мѣстахъ Палестины подвергаются многоразличнымъ тягостямъ и лишеніямъ по неимѣнію для нихъ въ Іерусалимѣ и другихъ мѣстахъ Палестины пріютовъ, странноприимныхъ домовъ, врачей и вообще благотворительныхъ учрежденій, встрѣчаемыхъ богомольцами другихъ исповѣданій, для которыхъ устроены подобныя заведенія на щедрыя пожертвованія, поступающія въ большомъ количествѣ отъ ихъ единовѣрцевъ. Для устройства подобныхъ благотворительныхъ заведеній и для православныхъ поклонниковъ, Государь Императоръ Высочайше разрѣшить соизволилъ принимать пожертвованія въ Комиссаріатскомъ департаментѣ Морскаго Министерства (въ С. Петербургѣ, въ зданіи Главнаго Адмиралтейства) съ тѣмъ, что объ употребленіи оныхъ постоянно будетъ отдаваться подробный отчетъ въ вѣдомостяхъ. Пожертвованія, кои соберутся на этотъ предметъ, будутъ передаваться Духовной Миссіи нашей въ Іерусалимѣ и Русскому Обществу Пароходства и Торговли, которое изъявило готовность поручить своимъ агентамъ на Востокѣ заняться *безвозмездно* устройствомъ, для православныхъ поклонниковъ, необходимыхъ благотворительныхъ учрежденій и вообще имѣть о нихъ всевозможное попеченіе.

Первое пожертвованіе уже поступило отъ Статскаго Совѣтника Камергера Ивана Алексѣевича Яковлева, который представилъ отъ своего усердія на это доброе дѣло тридцать тысячъ рубл. серебромъ.

— Любовь — вещь чрезвычайно хорошая, сказалъ Тиффъ. Она производитъ, миссъ Нина, много хорошаго. Иногда, любуясь природой, я говорю себѣ: кажется, эти деревья любятъ другъ друга: они стоятъ, переплетаются вѣтвями, кивaютъ своими верхушками и шепчутся. Виноградъ, птички и вообще все, что вы видите, существуетъ спокойно, никого не обижая и любя другъ друга. Люди безпрестанно ссорятся, презираютъ и даже убиваютъ другъ друга,—но въ природѣ вы этого не увидите; въ ней все такъ тихо, спокойно. Вотъ ужь можно смѣло сказать, что всѣ эти растенія ведутъ жизнь самую миролюбивую: это чрезвычайно, какъ назидательно.

— Правда твоя, Тиффъ, сказала Нина. Старушка-природа— превосходная хозяйка; она изъ ничего производитъ удивительныя вещи.

— Да, напримѣръ, она произвела вонъ эти громадные лѣса, и, вѣдь, безъ всякаго шума, сказалъ Тиффъ. Я часто думаю объ этомъ, любуясь моимъ садомъ. Да вотъ, посмотрите на этотъ рисъ—выросъ выше моей головы, вытянулся въ теченіе нынѣшняго лѣта. И вѣдь безъ всякаго шума, никто бы и замѣтить не могъ, какъ это сдѣлалось. На митингѣ намъ говорили о томъ, какъ Господь сотворилъ небо и землю. Старый Тиффъ, миссъ Нина, думаетъ, что Господь не перестаетъ созидать вселенную. Творческая сила его является передъ вашими глазами на каждомъ шагу; вы можете видѣть это, миссъ Нина, во всѣхъ произрастеніяхъ! Каждое изъ нихъ, одарено своею особенною жизнью. Каждое слѣдуетъ по своему пути, но не по другому! Эти бобы, напримѣръ, посмотрите, какъ они вьются около своихъ тычинокъ; и вѣдь все въ одну сторону, а не въ другую, какъ будто ихъ привязали! Значитъ, ужь такъ имъ и показано! Странно, миссъ Нина, такъ странно, что Тиффъ не можетъ надивиться вдоволь! сказалъ онъ, садясь на землю и предаваясь обычному порыву смѣха, которымъ выражались у него и радость, и печаль и удивленіе.

— Тиффъ, да ты настоящій философъ, сказала Нина.

— Помилуйте, миссъ Нина! какъ это можно! сказалъ Тиффъ серьезнымъ тономъ. Одинъ изъ проповѣдниковъ порядочно настращалъ насъ на митингѣ. Онъ говорилъ, что люди не должны быть философами: этого я никогда не забуду! Нѣтъ, миссъ Нина, надѣюсь — я не философъ!

— Извини, извини дядя Тиффъ, вѣдь я не хотѣла тебя обидѣть. Но скажи, пожалуйста, доволенъ ли ты остался митингомъ? спросила Нина.

— Да, кое-что вынесъ оттуда, хотя и не знаю, что именно. Представьте, что мнѣ пришло въ голову, миссъ Нина? Вы пріѣхали сюда, какъ будто нарочно за тѣмъ, чтобъ объяснить намъ нѣкоторыя вещи. Миссъ Фанни читаетъ еще плохо, такъ будьте такъ добры, прочитайте что нибудь изъ библіи, и поучите насъ какъ быть христіанами.

— Ахъ, Тиффъ! ты бы прежде спросилъ: знаю ли я это сама? сказала Нина : — Я лучше пришлю Милли побесѣдовать съ вами. Она, можно сказать, — истинная христіанка.

— Милли—хорошая женщина, сказалъ Тиффъ, съ видомъ нѣкотораго сомнѣнія: но, миссъ Нина, я хочу научиться отъ бѣлыхъ, и именно отъ васъ, если это не составитъ вамъ труда.

— О, никакого, дядя Тиффъ! Если ты хочешъ послушать, какъ я читаю, то изволь. Принеси же библію, а я между тѣмъ сяду въ тѣнь, и потомъ ты будешь слушать, не отрываясь отъ работы.

Тиффъ побѣжалъ въ хижину позвать Фанни и принесть экземпляръ Новаго Завѣта, получить который черезъ Криппса ему стоило большихъ просьбъ и чрезвычайныхъ угожденій. Въ то время, какъ Фанни, выбравъ себѣ мѣсто у ногъ Нины, плела вѣнокъ, Нина въ раздумьи, съ чего начать чтеніе, перелистывала книгу. Увидѣвъ, съ какимъ вниманіемъ и нетерпѣніемъ смотрѣлъ на нее Тиффъ, она съ какимъ-то болѣзненнымъ ощущеніемъ въ душѣ признавалась себѣ, что почти впервые держала въ рукахъ книгу, столь драгоцѣнную въ глазахъ Тиффа.

— Что же я прочитаю тебѣ, Тиффъ? О чемъ ты хочешь услышать?

— Я хотѣлъ бы узнать о кратчайшемъ пути, который приведетъ этихъ дѣтей въ царство небесное, сказалъ Тиффъ. Здѣшній міръ очень хорошъ, пока существуетъ; но, вѣдь, онъ кратковременный, въ немъ ничего нѣтъ вѣчнаго.

Нина задумалась. Ей предложили самый трудный вопросъ! Простодушный старикъ съ дѣтскимъ довѣріемъ ждалъ ея отвѣта.

— Тиффъ, наконецъ сказала она, принимая непривычный для нея серьезный видъ:—кажется, всего лучше будетъ, если я прочитаю тебѣ о нашемъ Спасителѣ. Онъ пришелъ въ этотъ міръ

за тѣмъ, чтобы указать намъ путь ко спасенію. Я буду часто заглядывать сюда и прочитаю всю его исторію, все, что говорилъ онъ и дѣлалъ: тогда, быть можетъ, ты самъ увидишь этотъ путь. Быть можетъ, прибавила она со вздохомъ: — и я увижу его.

При этихъ словахъ внезапное дуновеніе вѣтра потрясло кустъ полевыхъ розъ, вившихся около дерева, подъ которымъ расположилась Нина, и на нее упало обиліе душистыхъ лепестковъ.

— Да, сказала Нина про себя, сбрасывая лепестки, упавшіе на книгу. Тиффъ правду говоритъ, что въ нашемъ мірѣ ничего нѣтъ вѣчнаго.

И вотъ, среди несмолкаемаго, глухаго ропота столѣтнихъ сосенъ и шелеста листьевъ винограда, раздались божественныя слова св. Евангелія: «Когда въ Виѳлеемѣ Іудейскомъ родился Іисусъ, отъ Востока пришли волхвы, спрашивая гдѣ находится новорожденный царь Іудейскій? Мы видѣли на Востокѣ звѣзду его и пришли поклониться ему».

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что люди, съ болѣе развитыми понятіями, безпрестанно останавливали бы чтеніе, предлагая тысячи географическихъ и статистическихъ вопросовъ о томъ, гдѣ находился Іерусалимъ, кто такіе были эти волхвы, далеко ли Востокъ отстоялъ отъ Іерусалима. Но Нина читала дѣтямъ и старику, въ безъискусственной и воспріимчивой натурѣ которыхъ жила безпредѣльная вѣра. Дѣтское воображеніе ея слушателей быстро превращало каждый описываемый предметъ въ дѣйствительность. Въ душѣ ихъ немедленно создался Іерусалимъ, и сдѣлался для нихъ извѣстнымъ, какъ сосѣдній городъ И... Царя Ирода они представляли себѣ живымъ существомъ, съ короною на головѣ; и Тиффъ тотчасъ отыскалъ нѣкоторое сходство между нимъ и старымъ генераломъ Итономъ, имѣвшимъ привычку возставать противъ всякаго добраго дѣла, предпринимаемаго Пэйтонами. Негодованіе Тиффа достигло крайнихъ предѣловъ, когда Нина прочитала о безчеловѣчномъ повелѣніи Ирода умертвить въ Виѳлеемѣ и окрестностяхъ его всѣхъ младенцевъ; но услышавъ, что Иродъ недолго жилъ послѣ этого ужаснаго злодѣянія, Тиффъ немного успокоился.

И по дѣломъ ему! сказалъ онъ, сильно ударивъ лопаткой по грудѣ выполотой травы: — умертвить всѣхъ бѣдныхъ младен—

цевъ — это ужасно! Да что же они сдѣлали ему? Желалъ бы я знать, что онъ думалъ о себѣ?

Нина сочла необходимымъ еще болѣе успокоить доброе созданіе, прочитавъ ему до конца всю исторію о рожденіи Спасителя. Она прочитала о путешествіи волхвовъ, о томъ, какъ имъ снова явилась звѣзда-благовѣстница, шла передъ ними, направляя путь ихъ, и остановилась надъ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ была Матерь Божія съ предвѣчнымъ Младенцемъ;—о томъ, какъ они увидѣли Божественнаго Младенца, повергшись предъ нимъ и поднесли ему дары, состоящіе изъ золота, ладана и смирны.

О, Боже мой! какъ бы я желалъ находиться при этомъ поклоненіи! сказалъ Тиффъ. Этотъ младенецъ уже и тогда былъ Царемъ Славы! О, миссъ Нина, теперь я понимаю тотъ гимнъ, который поютъ на митингахъ и въ которомъ говорится о колыбели. Вы помните, онъ начинается вотъ такъ.

И Тиффъ запѣлъ гимнъ, слова котораго производили на него глубокое впечатлѣніе, даже еще въ то время, когда онъ не постигалъ ихъ значенія:

На Его колыбели сверкаютъ капли холодной росы;
Онъ лежитъ въ ясляхъ, озаренный божественнымъ свѣтомъ;
Хоръ ангеловъ славословитъ и называетъ Его —
Творцомъ міра, Спасителемъ и Царемъ вѣрующихъ.

Нина только теперь, при видѣ искренней, глубокой вѣры въ своихъ слушателяхъ, поняла всю безыскусственную, истинную поэзію въ этомъ повѣствованіи, которое, какъ неувядающая лилія, цвѣтетъ въ сердцѣ каждаго христіанина, съ тою же чистотою и нѣжностью, съ какою она распустилась впервые, восемнадцать столѣтій тому назадъ. Этотъ Божественный Младенецъ, уча впослѣдствіи народъ въ Галилеи, говорилъ о сѣмени, упавшемъ въ доброе и честное сердце; сѣмя, упавшее въ сердце Тиффа, нашло въ немъ самую плодотворную почву. Съ окончаніемъ чтенія Нина ощущала, что эффектъ, который она произвела на другихъ, въ одинаковой степени коснулся и ея собственнаго сердца. Въ эту минуту добрый, любящій Тиффъ готовъ былъ преклониться предъ Искупителемъ человѣческаго рода, представлявшимся ему въ образѣ младенца. Казалось, что воздухъ окружавшій его, былъ проникнутъ святостію повѣствованія. Въ то время, какъ Нина садилась на лошадь, что-

бы воротиться домой, Тиффъ поднесъ ей небольшую корзинку дикой малины.

Позвольте Тиффу предложить вамъ маленькій гостинецъ, сказалъ онъ.

Благодарю тебя, дядя Тиффъ, какъ это мило! Довершимое удовольствіе: подари мнѣ вѣтку мичиганской розы.

Тиффъ чувствовалъ себя на верху блаженства: онъ оторвалъ лучшую вѣтку отъ куста любимыхъ розъ и предложилъ ее Нинѣ. Но, увы! не успѣла Нина доѣхать до дому, какъ роскошныя розы на подаренной вѣткѣ увяли отъ солнечнаго зноя. Она вспомнила при этомъ слова св. Писанія: «трава засохнетъ, цвѣтъ завянетъ, но слово Божіе останется неувядаемымъ во вѣки».

ГЛАВА XXX.

ПРЕДОСТЕРЕЖЕНІЕ.

Въ жизни, организованной по образцу Южныхъ Штатовъ, замѣчаются два стремленія: въ одномъ сосредоточиваются интересы, чувства и надежды господина, въ другомъ — интересы, чувства и надежды невольника. Въ то время, когда жизнь для Нины съ каждымъ днемъ представлялась въ болѣе и болѣе яркихъ цвѣтахъ, ея брату — невольнику суждено было испытывать постепенное приращеніе бремени къ его, и б зъ того уже незавидной, долѣ. День клонился къ вечеру, когда Гарри, окончивъ свои обычныя дневныя занятія, отправлялся на почту за письмами, адресованными на имя Гордоновъ. Между ними было одно письмо на его имя, и онъ прочиталъ его на обратномъ пути, пролегавшемъ по лѣсистой странѣ. Содержаніе письма было слѣдующее:

«Любезный братъ! я писала тебѣ, какъ счастливо жили мы на нашей плантаціи,—мы, то есть я и мои дѣти. Съ той поры совершенно все перемѣнилось. Мистеръ Томъ Гордонъ пріѣхалъ сюда, объявилъ права свои на наслѣдство нашей плантаціи, завелъ процессъ и задержалъ меня и моихъ дѣтей, какъ своихъ невольниковъ. Томъ Гордонъ ужасный человѣкъ. Дѣло было разсмотрѣно рѣшительно не въ нашу пользу. Судья приговорилъ, что оба акта освобожденія нашего, совершенные, одинъ въ Огіо, а другой—здѣсь, недѣйствительны; что сынъ мой—невольникъ, и

не имѣетъ права имѣть свою собственность, кромѣ развѣ мула запряженнаго въ плугъ. У меня есть здѣсь добрые друзья, которые сожалѣютъ о моемъ положеніи, но никто изъ нихъ не въ состояніи помочь мнѣ. Томъ Гордонъ злой человѣкъ! — Я не могу описать тебѣ всѣхъ оскорбленій, которыя онъ нанесъ намъ. Скажу только одно, что скорѣе рѣшусь умертвить и себя и дѣтей моихъ, чѣмъ поступить въ число его невольниковъ. Гарри! я была уже *свободною*, и знаю, что значитъ свобода. Дѣти мои были воспитаны, какъ дѣти свободныхъ родителей, и потому, если только я успѣю, они никогда не узнаютъ, что такое невольничество. Я бѣжала съ нашей плантаціи и скрываюсь у одного американскаго семейства въ Натчесѣ. Надѣюсь пробраться въ Цинцинати, гдѣ у меня есть друзья. Любезный братъ, я надѣялась сдѣлать что нибудь и для тебя. Теперь это невозможно. Ничего не можешь сдѣлать и ты для меня. Законъ на сторонѣ притѣснителей; но надо надѣяться, что Богъ не оставитъ насъ. Прощай, Гарри! Остаюсь любящая тебя

«сестра».

Трудно измѣрять глубину чувствъ въ человѣкѣ, поставленномъ въ такое неестественное положеніе, въ какомъ находился Гарри. По чувствамъ, развитымъ въ немъ воспитаніемъ, по снисходительному обращенію съ нимъ со стороны его владѣтелей, онъ былъ честнымъ и благороднымъ человѣкомъ. По своему положенію, онъ былъ обыкновеннымъ невольникомъ, безъ законнаго права имѣть какую либо собственность, безъ законнаго права на защиту въ трудныхъ обстоятельствахъ. Гарри чувствовалъ теперь тоже самое, что почувствовалъ бы всякій человѣкъ благородной души, получивъ подобное извѣстіе отъ родной сестры. Въ эту минуту ему живо представился портретъ Нины во всемъ ея блескѣ, счастіи, при всей ея независимости, — среди прекрасной обстановки. Если бы смутныя мысли, толпившіяся въ его головѣ, были выражены словами, то, намъ кажется, изъ этихъ словъ образовалась бы рѣчь такого содержанія:

«У меня двѣ сестры, дочери одного отца; обѣ онѣ прекрасны, любезны и добры; но одна имѣетъ званіе, богатство, пользуется совершенной свободой и наслаждается удовольствіями; другая отвержена обществомъ, беззащитна, предана звѣрской жестокости низкаго и развратнаго человѣка. Она была доброй женой и хорошей матерью. Ея мужъ сдѣлалъ все, что могъ, для

ея обеспеченія; но неумолимая, жестокая рука закона схватываетъ ея дѣтей и снова ввергаетъ ихъ въ пучину, вытащить изъ которой стоило отцу усилій почти цѣлой жизни. Видя это, я ничего не могу сдѣлать! Я даже не могу назваться человѣкомъ! Это безсиліе лежитъ на мнѣ, на моей женѣ, на моихъ дѣтяхъ и на дѣтяхъ дѣтей моихъ! Сестра обращается съ мольбою къ судьѣ, и что онъ отвѣчаетъ ей? «Вся собственность, все земное достояніе твоего сына должно заключаться въ мулѣ, запряженномъ въ плугъ!» Эта участь ожидаетъ и моихъ дѣтей. И мнѣ еще говорятъ: ты ни въ чемъ не нуждаешься,—чѣмъ же ты несчастливъ? Желалъ бы я, чтобъ они побыли на моемъ мѣстѣ! Неужели они воображаютъ, что счастіе человѣка заключается только въ томъ, чтобъ одѣваться въ тонкое сукно и носить золотые часы?»

Крѣпко сжавъ въ рукѣ письмо несчастной сестры и опустивъ поводья, Гарри ѣхалъ по той уединенной тропинкѣ, на которой два раза встрѣчался съ Дрэдомъ. Приподнявъ потупленные взоры, онъ увидѣлъ его въ третій разъ. Дрэдъ безмолвно стоялъ при опушкѣ кустарника; какъ будто онъ внезапно выросъ изъ земли.

— Откуда ты взялся? спросилъ Гарри. Ты встрѣчаешься со мной неожиданно, каждый разъ, когда у меня является какое нибудь горе.

— Потому, что душой я всегда при тебѣ, — сказалъ Дрэдъ. Я все вижу. Если мы терпимъ горе, то по своей же винѣ.

— Но, сказалъ Гарри: что же намъ дѣлать?

— Что дѣлать?—а что дѣлаетъ дикая лошадь?—Стремглавъ бросается впередъ. Что дѣлаетъ гремучая змѣя? лежитъ на дорогѣ и язвитъ! — Зачѣмъ они обратили насъ въ невольниковъ? Спачала они сдѣлали эту попытку надъ дикими индѣйцами; но почему индѣйцы не покорились имъ? Потому что не хотѣли быть невольниками, а мы *хотимъ*! Кто *хочетъ* нести иго, тотъ *пусть* и несетъ его!

— Ахъ, Дрэдъ! сказалъ Гарри: — все это совершенно безнадежно. — Это поведетъ насъ только къ гибели.

— Тогда, по крайней мѣрѣ, умремъ, сказалъ Дрэдъ: — еслибъ планъ моего отца удался, невольники Каролины въ настоящее время были бы свободны. Умереть! Почему же и нѣтъ?

— Знаешь я не страшусь смерти, сказалъ Гарри. Богу извѣстно, какъ мало забочусь я о себѣ, но...

— Да, я знаю, сказалъ Дрэдъ. — Она не помѣшаетъ исполненію плана нашего, если заранѣе будетъ устранена съ дороги. Я вотъ что скажу, Гарри: — печать уже вскрыта, — сосудъ разлилъ по воздуху свою влагу, и ангелъ истребитель, съ обнаженнымъ мечомъ, стоитъ уже у вратъ Іерусалима.

— Дрэдъ! Дрэдъ! сказалъ Гарри, ударивъ его по плечу: — опомнись, образумься! Ты говоришь ужасныя вещи.

Дрэдъ стоялъ передъ нимъ, наклонясь всѣмъ тѣломъ впередъ; его руки были подняты кверху, онъ смотрѣлъ вдаль, какъ человѣкъ, который старается разсмотрѣть что-то сквозь густой туманъ.

— Я вижу ее! говорилъ онъ. Но кто это стоитъ подлѣ нея? Спиной онъ обращенъ ко мнѣ А! теперь вижу: это онъ. Я вижу тамъ Гарри и Милли. Скорѣй, скорѣй; — не теряйте времени.— Нѣтъ, посылать за докторомъ безполезно. Не найти ни одного. Они всѣ слишкомъ заняты. Трите ей руки. Вотъ такъ; — но и это безполезно. «Кого Господь любитъ, того и избавляетъ отъ всякаго зла. Положите ее. Да, — это смерть! смерть! смерть!

Гарри часто видѣлъ такое странное настроеніе духа въ Дрэдѣ; но теперь онъ затрепеталъ отъ ужаса; онъ тоже былъ не чуждъ общаго убѣжденія, господствовавшаго между невольниками относительно его втораго зрѣнія, которымъ Дредъ обладалъ въ высшей степени. Онъ снова ударилъ его по плечу и назвалъ по имени. Съ глазами, которые, казалось, ничего не видѣли, Дрэдъ медленно повернулся въ сторону, сдѣлалъ ловкій прыжокъ въ чащу кустарника и вскорѣ скрылся изъ виду.

Возвратясь домой, Гарри съ замираніемъ въ сердцѣ слушалъ, какъ тетушка Несбитъ читала Нинѣ отрывки изъ письма, въ которомъ описывался ходъ холеры, производившей страшное опустошеніе на берегахъ Сѣверныхъ Штатовъ.

— Никто не знаетъ, какія принять мѣры, говорилось въ письмѣ: доктора совершенно растерялись. Повидимому, для нея не существуетъ никакихъ законовъ. Она разражается надъ городами, какъ громовая туча, распространяетъ опустошеніе и смерть, и идетъ съ равномѣрною быстротою. Люди встаютъ поутру здоровыми, а вечеромъ ихъ уже зарываютъ въ могилу. Въ

одинъ день совершенно пустѣютъ дома, наполненные многими семействами.

Какимъ образомъ пробудилось въ душѣ Дрэда его странное прозрѣніе, — мы не умѣемъ сказать. Былъ ли это таинственный электрическій токъ, который, носясь по воздуху, приноситъ на крыльяхъ своихъ мрачныя предчувствія, или это было какое нибудь пустое извѣстіе, достигшее его слуха и перешаченное воспламененнымъ состояніемъ его души, мы не знаемъ. Какъ бы то ни было, новость эта произвела на домашній кружокъ въ Канема самое легкое впечатлѣніе. Она была ужасною дѣйствительностью въ отдаленныхъ предѣлахъ. Одинъ только Гарри размышлялъ о ней съ тревожною боязнію.

ГЛАВА XXXI.

УТРЕННЯЯ ЗВѢЗДА.

Нина продолжала свои поѣздки въ садъ Тиффа почти въ каждое пріятное утро или вечеръ. Тиффъ постоянно дѣлалъ ей маленькіе подарки, состоявшіе изъ корзиночки ягодъ или букета цвѣтовъ; иногда онъ угощалъ ее легкимъ завтракомъ изъ свѣжей рыбы или дичи, приготовленнымъ съ особеннымъ тщаніемъ и отличавшимся, подъ открытымъ небомъ и среди густой зелени лѣса, заманчивымъ вкусомъ. Въ замѣнъ этого, Нина продолжала читать главы столь интересной для Тиффа исторіи, и удивлялась, какъ мало объясненій требовало ея чтеніе; какъ легко и просто, съ помощію чистоты сердца и любящей натуры, Тиффъ толковалъ мѣста, надъ которыми богословы тщетно истощали свое мудрствованіе и краснорѣчіе.

Въ весьма непродолжительное время Тиффъ уже представлялъ себѣ личность каждаго изъ апостоловъ и составилъ о каждомъ изъ нихъ довольно вѣрное понятіе; особенно живо представлялъ онъ себѣ апостола Петра, такъ что при каждомъ его изреченіи выразительно кивалъ головой и говорилъ: да, да! Это его слова.

Какое впечатлѣніе произведено было всѣмъ этимъ на воспріимчивую, дѣвственную натуру Нины, чрезъ которую, какъ чрезъ какой нибудь проводникъ, Тиффъ воспринималъ истины божествен-

наго ученія, мы въ состояніи, быть можетъ, вообразить. Бываетъ время въ жизни человѣка, когда душа подобна только что пустившему первые побѣги винограднику, который виситъ на воздухѣ, томно колеблется и простираетъ свои усики къ ближайшему предмету, чтобы прильнуть къ нему и обвиться вокругъ него. Тоже самое можно сказать о тѣхъ періодахъ жизни, когда мы переходимъ отъ понятій и условій одного возраста къ понятіямъ и условіямъ другаго. Такіе промежутки времени лучше всего способствуютъ къ болѣе вѣрному представленію и воспріятію высокихъ истинъ религіи.

Подъ вліяніемъ туманной, дремлющей, лѣтней атмосферы, въ длинныя, безмолвныя поѣздки черезъ сосновый лѣсъ, Нина, полупробужденная отъ беззаботныхъ мечтаній и грезъ, свойственныхъ дѣтскому возрасту, искренно желавшая найти для своей жизни болѣе возвышенныя цѣли, чѣмъ тѣ, къ которымъ стремилась до этой поры, углублялась въ думы и убѣдилась наконецъ, что это прекрасное, чистое и святое изображеніе Бога, какимъ ей представляло его ежедневное ея чтеніе, обнаруживалось въ самомъ человѣкѣ; міръ, созданный Имъ, казалось, говорилъ ей въ малѣйшемъ дуновеніи вѣтра, въ самомъ легкомъ дыханіи цвѣтовъ, въ самомъ незамѣтномъ колебаніи воздуха, что «Онъ все еще живетъ и любитъ тебя.»

Голосъ Добраго Пастыря долеталъ до слуха заблудшей овцы, маня ее въ свои объятія. Возвращаясь домой по тропинкѣ, проложенной въ сосновомъ лѣсу, Нина нерѣдко повторяла слова св. Евангелія, такъ часто повторяемыя въ церкви. Правда, она все еще страшилась идеи сдѣлаться христіанкой, въ строгомъ значеніи этого слова, какъ иной страшится идеи о холодной, скучной дорогѣ, которую должно пройти, чтобъ достичь спокойнаго убѣжища. Но вдругъ, какъ будто нѣжной, невидимой рукою, была поднята завѣса, скрывавшая отъ нея ликъ Всемогущаго. Земля и небо, повидимому, озарились его божественной улыбкой. Въ душѣ Нины пробудилась невѣдомая ей дотолѣ, невыразимая радость, какъ будто вблизи ея находилось любящее существо, сообщавшее любовь свою всему ея бытію. Она чувствовала, что это непостижимое счастіе не покидало ее, ни вечеромъ, когда, утомленная, она ложилась спать, ни утромъ, когда просыпалась и вставала съ постели съ свѣжими силами. Состояніе чувствъ ея лучше всего можетъ быть изображено от-

рывокъ изъ письма, которое она писала въ это время къ Клэйтону: «Мнѣ кажется, во всю мою жизнь со мной не было такой перемѣны, какая совершилась въ теченіе двухъ послѣднихъ мѣсяцевъ. Заглянувъ въ прошедшее, въ промежутокъ времени, проведенный мною въ Нью-Іоркѣ мѣсяца три тому назадъ, я рѣшительно не узнаю себя. Жизнь въ тѣ дни представляется мнѣ ни больше, ни меньше, какъ дѣтской игрушкой. Правда, во мнѣ не было много дурнаго въ то время, за то немного было и хорошаго. Въ ту пору, иногда я замѣчала свои недостатки, особливо когда Ливія Рей находилась въ пансіонѣ. Казалось, она пробуждала въ душѣ моей дремлющія чувства; но, разлучась съ ней, я снова заснула, и жизнь моя проходила, какъ сонъ. Потомъ я познакомилась съ вами; вы снова начали пробуждать меня, и втеченіе нѣкотораго времени пробужденіе это было для меня непріятнымъ; я спала сномъ утреннимъ, когда сонъ бываетъ такъ сладокъ и грезы такъ упоительны, что не хочется отъ нихъ оторваться. Въ первые дни моего знакомства съ вами, я была чрезвычайно своенравна и желала, чтобъ вы оставили меня одну. Я видѣла, что вы принадлежали совсѣмъ не къ той сферѣ, въ которой обращалась я. У меня было предчувствіе, что если я позволю вамъ оказывать мнѣ особенное вниманіе, то жизнь потеряетъ въ моихъ глазахъ свою прежнюю прелесть. Но вы, упрямѣйшій человѣкъ!—вы продолжали ухаживать за мной съ неизмѣннымъ постоянствомъ.

«Часто думала я, что у меня нѣтъ сердца; но теперь начинаю убѣждаться, что я имѣю его, и въ добавокъ еще довольно доброе. Съ каждымъ днемъ развивается во мнѣ сознаніе, что я въ состояніи любить болѣе и болѣе; многія вещи, которыхъ до этой поры я не постигала, дѣлаются для меня яснѣе и яснѣе, и я становлюсь счастливѣе съ каждымъ днемъ.

«Вы знаете моего страннаго старика protegé, дядю Тиффа, который живетъ въ нашемъ лѣсу. Вотъ уже нѣсколько времени, какъ я ежедневно посѣщаю его хижину, читаю ему Новый Завѣтъ, и чувствую, что это чтеніе производитъ на меня благотворное вліяніе. Его горячее желаніе ознакомиться съ святыми истинами религіи произвело на меня съ перваго раза глубокое впечатлѣніе,—на меня, которая должна бы знать гораздо больше его, и которая была такъ равнодушна къ ученію вѣры. Когда старикъ со слезами на глазахъ умолялъ меня, чтобъ я указала

его дѣтямъ путь ко спасенію, я прочитала имъ изъ Новаго Завѣта жизнь нашего Спасителя. Я и сама не знала, какъ прекрасна была эта жизнь. Какой источникъ духовной пищи истекалъ изъ нея. Мнѣ кажется, до этого я еще ни въ чемъ не видѣла такого обилія прекраснаго; повидимому, она пробудила во мнѣ новую жизнь. Для меня все перемѣнилось, и эту перемѣну произвела божественная красота Спасителя. Вы знаете, я всегда и во всемъ любила прекрасное: въ музыкѣ, въ природѣ, въ цвѣтахъ; но прекрасное въ Спасителѣ выше всего. Все прекрасное въ окружающихъ предметахъ представляется мнѣ тѣнью Его красоты. Странно, но я живо представляю Его себѣ, сознаю Его бытіе и присутствіе. Какъ будто Онъ слѣдуетъ за мною повсюду, хотя я Его и не вижу. Я представляю Его себѣ добрымъ пастыремъ, ищущимъ беззаботную овцу. Онъ во всю мою жизнь называлъ меня дочерью, но только недавно мое сердце узнало въ Немъ отца! Ужь не религія ли это? Не совершился ли во мнѣ переходъ отъ дурной или нерелигіозной, къ лучшей или религіозной жизни? Я старалась объяснить тетушкѣ Несбитъ состояніе чувствъ моихъ; быть можетъ, васъ удивляетъ это, но я сдѣлалась несравненно добрѣе, съ сожалѣніемъ вспоминаю объ огорченіяхъ, которыя нерѣдко причиняла матушкѣ, и теперь начинаю любить ее отъ всей души. Она посовѣтовала мнѣ переговорить съ мистеромъ Титмаршемъ, ея духовникомъ. Я бы не хотѣла просить его совѣтовъ, но должна была сдѣлать это въ угоду бѣдной тетушкѣ, которая сильно встревожилась, замѣтивъ во мнѣ такую удивительную перемѣну. Конечно, еслибъ я была совершенна во всѣхъ отношеніяхъ, какою бы мнѣ слѣдовало быть, меня не безпокопла бы встрѣча съ холоднымъ, непреклоннымъ человѣкомъ. Непреклонные люди, какъ вамъ извѣстно, служатъ для меня предметомъ искушенія. Мистеръ Титмаршъ пріѣхалъ къ намъ и бесѣдовалъ со мной. Не думаю, что онъ понялъ меня, какъ и я, въ свою очередь, не поняла его. Онъ говорилъ о томъ, сколько существуетъ родовъ вѣры и сколько родовъ любви. По его понятіямъ, три рода вѣры и два рода любви; поэтому знать, избрала ли я надлежащій родъ вѣры и любви, было дѣломъ величайшей важности. Мистеръ Титмаршъ говорилъ, что мы должны любить Бога не потому, что Онъ любитъ насъ, но потому, что онъ исполненъ святости. Ему хотѣлось знать, вполнѣ ли я понимаю значеніе слова *грѣхъ*, могу ли я представить себѣ въ этомъ безпре-

дѣльное зло; и я отвѣчала ему, что не имѣю ни малѣйшаго понятія о безпредѣльности; что я только и могу представить себѣ божественную красоту Спасителя; что я ничего не понимала въ различныхъ родахъ вѣры; но, сознавая всю благость Спасителя, я вполнѣ была увѣрена, что Онъ пробудитъ въ душѣ моей священныя чувства, дастъ мнѣ чистыя о всемъ понятія, и сдѣлаетъ для меня все, о чемъ буду просить Его.

«Вообще бесѣда съ мистеромъ Титмаршемъ не принесла мнѣ особенной пользы; напротивъ, она произвела на меня непріятное впечатлѣніе, и чтобъ разсѣять его, я въ тотъ же вечеръ отправилась къ старому Тиффу и прочитала главу изъ Новаго Завѣта о томъ, какъ Іисусъ Христосъ благословлялъ дѣтей. Вы, я думаю, никогда не видали такого восторга, въ какомъ находился старикъ Тиффъ. Онъ заставилъ меня повторить эту главу раза четыре, и заставляетъ прочитывать ее каждый разъ, когда я пріѣзжаю туда, увѣряя меня, что эта глава есть лучшая во всемъ Новомъ Завѣтѣ. Тиффъ и я продолжаемъ быть добрыми друзьями. Въ дѣлѣ вѣры онъ смыслитъ не больше моего. Тетушка Несбитъ сильно безпокоится за меня, потому что я такъ счастлива. Ее страшитъ идея, что я не имѣю никакого понятія о грѣхѣ. Помнится, я говорила вамъ, въ какой восторгъ привело меня артистическое музыкальное исполненіе, которое услышала я въ первый разъ? До той поры мнѣ все казалось, что я превосходно пѣла и играла; но въ какой нибудь часъ я убѣдилась, что вся моя музыка—не что иное, какъ пародія на музыку. А между тѣмъ она не переставала мнѣ нравиться, и я не бросила ея. Такъ и теперь. Прекрасная жизнь Спасителя, исполненная спокойствія, кротости и святости, чуждая самолюбія, такъ совершенно натуральная, хотя, въ то же время, такъ рѣзко отдѣлявшаяся отъ натуры, показала мнѣ, какое я жалкое, грѣшное, ничтожное созданіе: не смотря на то, я счастлива; въ душѣ своей я ощущаю тотъ самый восторгъ, подъ вліяніемъ котораго находилась въ то время, когда впервые услышала полный оркестръ, исполнявшій нѣкоторыя изъ божественныхъ мелодій Моцарта. Я забыла тогда о своемъ существованіи, потеряла о себѣ всякое сознаніе,— я была совершенно счастлива. Такъ и теперь. Эта небесная красота, это недосягаемое совершенство, которыя я вижу предъ собою, дѣлаютъ меня счастливою, устраняя всякую мысль о самой себѣ. Созерцая ихъ, на душѣ становится какъ-то особенно

легко. Вотъ еще другое, странное для меня обстоятельство: библія въ глазахъ моихъ сдѣлалась неоцѣненнымъ сокровищемъ. Кажется, во всю мою жизнь она представлялась мнѣ прозрачной картиной, безъ всякаго свѣта позади ея; а теперь она вся иллюминована, каждое ея слово исполнено глубокаго значенія. Я совершенно довольна собою и счастлива,—счастливѣе, чѣмъ была когда нибудь. Въ первый день вашего пріѣзда въ Канема, я говорила: какъ непріятно, что мы должны умирать. Вѣроятно, вы это помните? Теперь я думаю совсѣмъ иначе: я сознаю, что Спаситель пребываетъ вездѣ, и что смерти для насъ не существуетъ: я смотрю на нее, какъ на переходъ изъ одной комнаты въ другую.

«Всѣ удивляются перемѣнѣ во мнѣ, не знаютъ, чему приписать мое необычайное самодовольствіе и радость. Тетушка Несбитъ замѣтила, что «рѣшительно боится за меня». Прочитавъ Тиффу отвѣтъ Спасителя, когда Его спросили, почему ученики Его не постятся: *званые на бракъ не могутъ скорбѣть, пока женихъ съ ними*, я не могла не вспомнить этого замѣчанія.

«Теперь, любезный мистеръ Клэйтонъ, вы должны сказать мнѣ, что вы думаете о всемъ этомъ, тѣмъ болѣе, что я всегда и все разсказываю вамъ. Я написала и Ливіи, зная, что ее это очень обрадуетъ. Милли, повидимому, понимаетъ перемѣну во мнѣ; я замѣчаю это потому, что всѣ ея слова производятъ на меня какое-то отрадное, успокоительное впечатлѣніе. Я всегда думала, что Милли, кромѣ обыкновенной жизни, одарена еще другой, странною, непонятною для меня, духовною жизнью; ея увѣренность въ безпредѣльности любви и благости Божіей, ея поступки, обнаруживающіе эту увѣренность, подтверждаютъ мое предположеніе. Надо послушать, съ какимъ теплымъ чувствомъ говоритъ она мнѣ: «дитя мое! Онъ любитъ васъ!» Да! я сама начинаю постигать тайну этой божественной любви; начинаю постигать, какимъ образомъ, съ помощію всеобъемлющей любви, Онъ преодолѣваетъ и покоряетъ все, постигаю, какимъ образомъ чистая и совершенная любовь устраняетъ боязнь всякаго рода.»

На это письмо Нина вскорѣ получила отвѣтъ, изъ котораго мы тоже представимъ нашимъ читателямъ отрывокъ:

«Если я такъ счастлива, неоцѣненная миссъ Нина, что успѣлъ пробудить болѣе глубокія и болѣе возвышенныя чувства, которыя находились въ душѣ вашей въ усыпленіи, то я благодарю

за это Бога. Если я былъ въ какомъ либо отношеніи вашимъ учителемъ, то слагаю съ себя это званіе и отказываюсь отъ всѣхъ на него притязаній. Ваше дѣтское простосердечіе ставитъ васъ несравненно выше меня въ той школѣ, гдѣ первый шагъ къ познаніямъ требуетъ уже, чтобъ мы забыли всѣ наши мірскія мудрствованія и сдѣлались младенцами. Намъ, мужчинамъ, при нашей гордости, при нашей привычкѣ слѣдовать во всемъ внушеніямъ разсудка, со многимъ предстоитъ бороться. Намъ нужно много времени, чтобъ познать великую истину, что вѣра есть высочайшая мудрость. Не обременяйте свою голову, Нина, ни совѣтами тетушки Несбитъ, ни совѣтами мистера Титмарша. *То, что вы чувствуете, есть уже вѣра.* Они опредѣляютъ значеніе ея посредствомъ словъ, а вы посредствомъ чувства; но между словами и чувствами такая же разница, какъ между шелухой и зерномъ.

«Что касается до меня, то я счастливъ не менѣе вашего. По моему мнѣнію, религія состоитъ изъ двухъ частей. Въ первой части заключаются возвышенныя стремленія души человѣческой, во второй отзывъ Бога на эти стремленія. Я обладаю только первой частью; быть можетъ, потому, что я не такъ кротокъ, не такъ простосердеченъ, не такъ искрененъ; быть можетъ, и потому, что я не сдѣлался еще младенцемъ. Поэтому *вы* должны быть моимъ руководителемъ, вмѣсто того, чтобъ мнѣ быть *вашимъ*.... У меня теперь бездна заботъ, милая миссъ Нина; я приближаюсь къ кризису въ моей жизни. Я намѣренъ сдѣлать шагъ, который лишитъ меня многихъ друзей, популярности, и, быть можетъ, навсегда измѣнитъ избранную мною дорогу. Но еслибъ я и потерялъ друзей и популярность, *вы*, вѣроятно, не перестанете любить меня, — не правдали? Конечно, съ моей стороны не деликатно предлагать подобный вопросъ, но все же мнѣ бы хотѣлось получить на него вашъ отвѣтъ. Онъ ободритъ и укрѣпитъ меня въ моемъ предпріятіи. На этой недѣлѣ въ четвергъ назначено разсмотрѣніе дѣла, защиту котораго я принялъ на себя. Теперь я очень занятъ; несмотря на то, мысль о васъ, миссъ Нина, смѣшивается со всякою другою мыслью.

ГЛАВА XXXII.

ЗАКОННОЕ ПОСТАНОВЛЕНІЕ.

Наступало время засѣданія Высшаго Суда, которому предстояло пересмотрѣть дѣло Клэйтона. Вмѣстѣ съ приближеніемъ этого времени, судья Клэйтонъ чувствовалъ себя въ самомъ непріятномъ расположеніи духа. Какъ одинъ изъ главныхъ судей Высшаго Суда, онъ долженъ былъ утвердить или уничтожить постановленіе суда присяжныхъ.

— Еслибъ ты знала, какъ непріятно, что дѣло это передали на мое разсмотрѣніе, сказалъ онъ, обращаясь къ мистриссъ Клэйтонъ: — я непремѣнно обязанъ уничтожить первый приговоръ.

— Что же дѣлать, сказала мистриссъ Клэйтонъ: — Эдуардъ долженъ имѣть и, вѣроятно, имѣетъ столько твердости духа, чтобъ встрѣтиться лицомъ къ лицу съ свойственными его профессіи неудачами. Онъ прекрасно защищалъ свое дѣло, пріобрѣлъ всеобщую похвалу, которая, я полагаю, чрезъ это обстоятельство не уменьшится нисколько.

— Ты не понимаешь меня, сказалъ судья Клэйтонъ: — меня огорчаетъ не оппозиція Эдуарду, представителемъ которой буду я, но постановленіе, которое я обязанъ сдѣлать чисто противъ своего убѣжденія.

— И неужели ты это сдѣлаешь? сказала мистриссъ Клэйтонъ.

— Я обязанъ это сдѣлать. Судья не долженъ уклоняться отъ закона. Я обязанъ сдѣлать постановленіе согласно съ указаніемъ закона, хотя въ настоящемъ дѣлѣ и поступлю противъ всѣхъ моихъ чувствъ, противъ моихъ понятій о человѣческомъ правѣ.

— Не понимаю, право, сказала мистриссъ Клэйтонъ: — возможно ли уничтожить рѣшеніе присяжныхъ, не допустивъ чудовищной несправедливости?

— Что же мнѣ дѣлать, отвѣчалъ судья Клэйтонъ: — я занимаю мѣсто судьи не для того, чтобъ составлять законы или измѣнять ихъ, но только объявлять ихъ сущность. Ложное толкованіе ихъ вмѣнено будетъ мнѣ въ вину. Я далъ клятву охранять ихъ и долженъ свято исполнить ее.

— Говорилъ ли ты объ этомъ съ Эдуардомъ?

— Особеннаго разговора не было. Эдуардъ очень хорошо

понимаетъ, съ какой точки я долженъ смотрѣть на этотъ предметъ.

Разговоръ этотъ происходилъ за нѣсколько минутъ передъ уходомъ судьи Клэйтона къ своимъ служебнымъ обязанностямъ. Присутственная зала, при этомъ случаѣ, была наполнена народомъ болѣе обыкновеннаго. Баркеръ, считавшійся дѣятельнымъ, рѣшительнымъ и популярнымъ человѣкомъ въ своемъ сословіи, говорилъ о своемъ дѣлѣ съ значительнымъ жаромъ. Друзья Клэйтона, принимая участіе въ его положеніи, интересовались исходомъ дѣла.

Въ числѣ зрителей Клэйтонъ замѣтилъ Гарри. По причинамъ, не безъизвѣстнымъ нашимъ читателямъ, присутствіе здѣсь Гарри не лишено было значенія въ глазахъ Клэйтона и потому онъ немедленно къ нему пробрался.

— Гарри, сказалъ онъ: по какому случаю, ты здѣсь?

— Мистрисъ Несбитъ и миссъ Нина пожелали знать, чѣмъ кончится засѣданіе; я, чтобъ угодить имъ, взялъ лошадь и прискакалъ сюда.

Говоря это, онъ незамѣтно вложилъ въ руку Клэйтона записку, при чемъ внимательный наблюдатель легко бы могъ замѣтить, что лицо Клэйтона покрылось яркимъ румянцемъ, лишь только до руки его коснулась записка. Клэйтонъ воротился на мѣсто и открылъ книгу законовъ, которая до этой минуты лежала передъ нимъ безъ употребленія. Внутри этой книги положилъ онъ маленькій листочикъ золотообрѣзной бумаги, на которой написано было карандашемъ нѣсколько словъ, бывшихъ для Клэйтона интереснѣе всѣхъ законовъ въ мірѣ. Читатель не вмѣнитъ намъ въ преступленіе, если мы заглянемъ черезъ плечо Клэйтона и прочитаемъ эти слова. Вотъ они:

«Вы говорите что сегодня должны сдѣлать шагъ въ жизни, котораго требуетъ справедливость, но который лишитъ васъ друзей, уничтожитъ вашу популярность и можетъ измѣнить всѣ виды ваши въ жизни; при этомъ вы спрашиваете, могу ли я любить васъ послѣ этой перемѣны? — Спѣшу увѣдомить васъ, любезный другъ, что я любила—не вашихъ друзей, не популярность вашу и не ваши виды въ жизни, но *васъ* однихъ. Я *могу* любить и уважать человѣка, который не стыдится и не страшится дѣлать то, что по его убѣжденію справедливо, а потому, надѣюсь навсегда остаться вашей *Инной*.

«P. S. Ваше письмо я получила сегодня поутру, такъ что

мнѣ оставалось нѣсколько минутъ написать эту записку и отправить ее съ Гарри. Мы всѣ здоровы, и ждемъ васъ къ себѣ, вскорѣ послѣ окончанія вашего дѣла.»

— Я вижу, Клэйтонъ, ты очень занятъ справкой съ писателями, которые считаются авторитетами, сказалъ Франкъ Россель, позади Клэйтона. Клэйтонъ торопливо прикрылъ записку. Какъ пріятно, продолжалъ Россель:—имѣть такую миніатюрную рукопись замѣчаній на нѣкоторые законы. Она поясняетъ ихъ, какъ рисунки въ старинныхъ церковныхъ книгахъ. Но, шутки въ сторону, ты Клэйтонъ живешь у самаго источника свѣдѣній объ этомъ дѣлѣ: — скажи, въ какомъ оно положеніи?

— Не въ мою пользу! отвѣчалъ Клэйтонъ.

— Это ничего не значитъ. Ты заслужилъ уже похвалу за свою защитительную рѣчь; — сегодняшнія разсужденія не отнимутъ ея отъ тебя... Но, тс... твой отецъ начинаетъ говорить.

Взоры всѣхъ присутствующихъ устремлены были на судью Клэйтона, съ невозмутительнымъ спокойствіемъ стоявшаго на возвышеніи. Плавнымъ и звучнымъ голосомъ онъ говорилъ слѣдующее:

«Судья не можетъ не сѣтовать, когда на обсужденіе его представляютъ такія дѣла, какъ настоящее. Основанія, по которымъ они разрѣшаются, не могутъ быть оцѣнены и вполнѣ поняты другими націями; это возможно только тамъ, гдѣ существуютъ учрежденія, подобныя нашимъ. Борьбу, происходящую въ груди судьи, борьбу между чувствами человѣка обыкновеннаго и человѣка общественнаго, обязаннаго соблюдать непреложность закона, можно назвать жестокою; она возбуждаетъ въ немъ сильное желаніе совершенно отклониться отъ подобныхъ дѣлъ, если это возможно. Но, къ сожалѣнію, безполезно сѣтовать на предметы, которые обусловлены нашимъ политическимъ положеніемъ. Если бы судья вздумалъ отклонить отъ себя какую либо отвѣтственность, возложенную на него закономъ,—это было бы преступленіемъ. Поэтому судъ, противъ всякаго съ его стороны желанія, принужденъ выразить мнѣніе относительно правъ и объема власти господина надъ невольникомъ въ Сѣверной Каролинѣ.

Обвиненіе по дѣлу, которое внесено на разсмотрѣніе суда, заключается въ побояхъ, нанесенныхъ Милли, невольницѣ Луизы Несбитъ... Въ дѣлѣ этомъ представляется вопросъ: подлежитъ ли лицо, нанимающее невольника, отвѣтственности передъ

закономъ за жестокіе, безчеловѣчные побои, наносимые съ его стороны нанятому невольнику? Судья низшаго суда объявилъ присяжнымъ, что рѣшеніе дѣла должно состояться въ пользу невольницы. Онъ, повидимому, основывалъ такое свое мнѣніе на томъ обстоятельствѣ, что отвѣтчикъ не былъ настоящій господинъ, а только наниматель. Законъ нашъ говоритъ, что настоящій господинъ, или другое лицо владѣющее невольниками, или имѣющее ихъ въ своемъ распоряженіи, пользуется одинаковымъ объемомъ власти. Здѣсь принимается въ соображеніе одна и таже цѣль—*обязанность невольника служить*, и потому всѣмъ лицамъ, у которыхъ служитъ невольникъ, предоставлены равныя права. Въ случаѣ уголовномъ, на нанимателя и на временнаго владѣтеля невольниками, распространены тѣже самыя права и обязанности, разумѣется на время ихъ владѣнія, какъ и на лицо, у котораго невольники составляютъ его собственность. Касательно общаго вопроса: слѣдуетъ ли настоящаго владѣтеля считать *преступникомъ*, какъ за побои, нанесенные имъ собственнымъ его невольникамъ, такъ и за всякое другое примѣненіе власти или силы, не воспрещаемой закономъ, то судъ можетъ утвердительно сказать, что не слѣдуетъ. Вопросъ объ ограниченіи власти господина никогда не былъ возбуждаемъ; и сколько намъ извѣстно, никогда по этому предмету не возникало спора. Вкоренившіеся нравы и однообразные обычаи въ нашей странѣ лучше всего свидѣтельствуютъ о томъ объемѣ власти, который признанъ всѣмъ обществомъ необходимымъ для поддержанія и охраненія правъ господина.

«Еслибъ мы думали иначе, то мы никакъ не могли бы разрѣшить недоумѣній между владѣтелями и невольниками, такъ какъ нельзя сказать, чтобы ту или другую степень власти легко можно было ограничить. Вопросъ объ этомъ примѣняемъ былъ адвокатами къ подобнымъ случаямъ, возникавшимъ въ семейныхъ и домашнихъ отношеніяхъ; противъ насъ приводятъ доводы, заимствованные изъ лучшихъ постановленій, которыми *опредѣляется* и *ограничивается* власть родителей надъ дѣтьми, наставниковъ надъ воспитанниками, мастеровъ надъ учениками и пр.; но судъ не признаетъ этихъ доводовъ. Между настоящимъ случаемъ и случаями, на которые намъ указываютъ, нѣтъ ни малѣйшаго сходства. Они совершенно противоположны одинъ другому, — ихъ раздѣляетъ непроходимая бездна. Разница между ними та самая, которая существуетъ между свободой и невольниче-

ствомъ: больше этого ничего нельзя вообразить. Въ первомъ случаѣ имѣется въ виду счастіе юноши, рожденнаго пользоваться одинаковыми правами съ тѣмъ лицомъ, которому вмѣняется въ обязанность воспитать и приготовить его, чтобы впослѣдствіи онъ могъ съ пользою занять мѣсто въ ряду людей свободныхъ. Для достиженія подобной цѣли необходимо одно только нравственное и умственное образованіе и, по большей части, мѣра эта оказывается достаточною. Къ умѣренной силѣ прибѣгаютъ только для того, чтобъ сдѣлать другія мѣры болѣе дѣйствительными. Если и это оказывается недостаточнымъ, то лучше всего предоставить юношу влеченію его упорныхъ наклонностей и окончательному исправленію, опредѣленному закономъ, чѣмъ подвергать неумѣренному наказанію отъ частнаго лица. Относительно невольничества—совсѣмъ другое дѣло. Тамъ цѣль—польза и выгоды господина и общественное спокойствіе; невольникъ обреченъ уже самой судьбой, въ собственномъ лицѣ своемъ и въ потомствѣ, жить безъ всякаго образованія, безъ малѣйшей возможности пріобрѣсть какую нибудь собственность, и трудиться постоянно для того, чтобъ другіе пожинали плоды его трудовъ.

«Чѣмъ же можно заставить его работать? Неужели впущеніемъ той безсмыслицы, несправедливость, которой пойметъ самый тупоумнѣйшій изъ нихъ, то есть—что онъ долженъ работать или по долгу, возложенному на него самой природой, или для своего личнаго счастія? Нѣтъ, такихъ работъ можно ожидать только отъ того, кто не имѣетъ своей собственной воли, кто въ безусловномъ повиновеніи подчиняетъ ее волѣ другаго. Подобкое повиновеніе есть уже слѣдствіе неограниченной власти надъ всѣмъ человѣкомъ. Ничто другое не можетъ произвести этого дѣйствія. *Для пріобрѣтенія совершенной покорности невольника, власть господина должна быть неограниченна.* Чистосердечно признаюсь, что я вполнѣ постигаю жестокость этого положенія. Я чувствую его такъ же глубоко, какъ можетъ чувствовать всякій другой человѣкъ. Смотря на это съ нравственной точки зрѣнія, каждый изъ насъ въ глубинѣ души своей долженъ отвергнуть этотъ принципъ. Но, въ нашемъ положеніи, это такъ и должно быть. Помочь этому нельзя, такъ какъ это узаконеніе это находится въ самой сущности невольничества. Его нельзя перемѣнить, не ограничивъ правъ господина и не предоставивъ свободы невольнику. Въ этомъ-то и состоитъ

вредное слѣдствіе невольничества, которое, какъ проклятіе, тяготѣетъ въ равной степени надъ невольнической и свободной половинами нашего народонасенія. Въ этомъ заключается вся сущность отношеній между господиномъ и невольникомъ. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что нерѣдки частные примѣры жестокости и преднамѣреннаго варварства, примѣры, въ которые законъ, дѣйствуя по совѣсти, и могъ бы вмѣшаться; но трудно опредѣлить съ чего начнетъ судъ свое вмѣшательство. Разсматривая этотъ вопросъ самъ въ себѣ, съ теоретической точки зрѣнія, можно было бы спросить: какая мѣра власти согласуется съ справедливостью? Но къ сожалѣнію, мы не можемъ смотрѣть на этотъ предметъ съ такой точки зрѣнія. Намъ воспрещено разсуждать объ этомъ предметѣ. Мы не можемъ допустить, чтобы законность правъ господина была разсматриваема въ судѣ. Невольникъ, оставаясь невольникомъ, долженъ помнить, что онъ не имѣетъ права жаловаться на своего господина; что власть господина ни подъ какимъ видомъ не есть нарушеніе закона, но что она дарована ему законами человѣка, если не закономъ Божіимъ. Велика была бы опасность, еслибъ блюстители правосудія принуждены были подраздѣлять наказаніе соразмѣрно каждому темпераменту и каждому отступленію отъ исполненія обязанностей.

«Никто не въ состояніи предвидѣть тѣхъ многихъ и сложныхъ раздраженій господина, до которыхъ сталъ бы доводить его невольникъ, увлекаемый своими собственными страстями, или дѣйствующій по наущенію другихъ, а тѣмъ болѣе нельзя предвидѣть слѣдствія этихъ раздраженій — бѣшенства, побуждающаго иногда къ кровавой мести наглецу, — *мести, остающейся обыкновенно безнаказанною, по причинѣ ея тайности.* Судъ, поэтому, не считаетъ себя въ правѣ измѣнить отношеній, которыя существуютъ между этими двумя сословіями нашего общества.

«Повторяю, я бы охотно уклонился отъ этого непріятнаго вопроса; но, если уже онъ возбужденъ, то судъ обязанъ объявить рѣшеніе, сообразное съ закономъ. Пока невольничество существуетъ у насъ въ его настоящемъ положеніи, или пока законодательная власть не отмѣнитъ существующихъ по этому предмету узаконеній, прямой долгъ *судей* будетъ заключаться въ томъ, чтобъ *признавать полную*

власть господина надъ невольникомъ, кромѣ тѣхъ случаевъ, гдѣ примѣненіе ея будетъ превышать предѣлы, постановленные закономъ. Мы это дѣлаемъ на томъ основаніи, что такая власть существенно необходима *для цѣнности невольниковъ, составляющихъ имущество, для безопасности господина и для общественнаго спокойствія, зависящихъ отъ ихъ покорности*, она существенно необходима для доставленія защиты и спокойствія самимъ невольникамъ. Рѣшеніе низшаго суда уничтожается и постановляется рѣшеніе въ пользу отвѣтчика.»

Во время этой рѣчи, взоры Клэйтона случайно остановились на Гарри, который стоялъ противъ него и слушалъ, притаивъ дыханіе. Клэйтонъ замѣчалъ, какъ лицо Гарри съ каждымъ словомъ становилось блѣднѣе и блѣднѣе, брови хмурились и темноголубые глаза принимали какое-то дикое, особенное выраженіе. Никогда еще Клэйтонъ не представлялъ себѣ такъ сильно всѣхъ ужасовъ невольничества, какъ теперь, когда съ такимъ спокойствіемъ исчисляли ихъ въ присутствіи человѣка, въ сердце котораго каждое слово западало и впивалось, какъ стрѣла, напитанная ядомъ. Голосъ судьи Клэйтона былъ безстрастенъ, звученъ и разсчитанъ; торжественная, спокойная, неизмѣняемая выразительность его словъ представляла предметъ въ болѣе мрачномъ видѣ. Средн наступившей могильной тишины, Клэйтонъ всталъ и попросилъ позволенія сказать нѣсколько словъ относительно рѣшенія.

Его отецъ казался слегка изумленнымъ; между судьями началось движеніе. Но любопытство, быть можетъ, болѣе всѣхъ другихъ причинъ, заставило судъ изъявить согласіе.

— Надѣюсь, сказалъ Клэйтонъ: — никто не вмѣнитъ мнѣ въ неуваженіе къ суду, никто не сочтетъ за дерзость, если скажу, что только сегодня я узналъ истинный характеръ закона о невольничествѣ и свойство этого установленія. До этого я льстилъ себя надеждою, что законъ о невольничествѣ имѣлъ охранительный характеръ, что это былъ законъ, по которому сильное племя обязано заботиться о пользахъ и просвѣщеніи слабаго,—по которому сильный обязанъ защищать беззащитнаго. Надежда моя не осуществилась. Теперь я слишкомъ ясно вижу назначеніе и цѣль этого закона. Поэтому, какъ христіанинъ, я не могу заниматься имъ въ невольническомъ штатѣ. Я оставляю профессію, которой намѣревался посвятить себя, и навсегда слагаю съ себя званіе адвоката въ моемъ родномъ штатѣ.

— Вотъ оно! каково! сказалъ Франкъ Россель: — задѣли таки за живое; теперь ловите его!

Между судьями и зрителями поднялся легкій ропотъ удивленія. Судья Клэйтонъ сидѣлъ съ невозмутимымъ спокойствіемъ. Слова сына запали въ самую глубину его души. Они разрушили одну изъ самыхъ сильныхъ и лучшихъ надеждъ въ его жизни. Несмотря на то, онъ выслушалъ ихъ съ тѣмъ же спокойнымъ вниманіемъ, съ какимъ имѣлъ обыкновеніе выслушивать всякаго, кто обращался къ нему, и потомъ приступилъ къ своимъ занятіямъ. Случай, столь необыкновенный, произвелъ въ судѣ замѣтное волненіе. Но Клэйтонъ не принадлежалъ къ разряду тѣхъ людей, которые позволяютъ товарищамъ свободно выражать мнѣніе относительно своихъ поступковъ. Серьёзный характеръ его не допускалъ подобной свободы. Какъ и всегда, въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ человѣкъ, руководимый совѣстью, дѣлаетъ что нибудь необычайное, Клэйтонъ подвергся строгому осужденію. Незначительные люди въ собраніи, выражая свое неудовольствіе, ограничивались общими фразами, какъ-то: донъ-кихотство! нелѣпо! смѣшно! Старшіе адвокаты и друзья Клэйтона покачивали головами и говорили: безразсудно... опрометчиво... необдуманно.

— У него недостаетъ балласта въ головѣ, говорилъ одинъ.

— Вѣрно, умъ зашелъ за разумъ! сказалъ другой.

— Это радикалъ, съ которымъ не стоитъ имѣть дѣла! прибавилъ третій.

— Да, сказалъ Россель, подошедшій въ эту минуту къ кружку разсуждавшихъ: — Клэйтонъ дѣйствительно радикалъ; съ нимъ не стоитъ имѣть дѣла. Мы всѣ *умѣемъ* служить и Богу, и маммону. Мы успѣли постичь эту счастливую среду. Клэйтонъ отсталъ отъ насъ: онъ *Еврей* въ своихъ понятіяхъ. Не такъ ли мистеръ Титмаршъ? прибавилъ онъ, обращаясь къ этой высокопочтеннѣйшей особѣ.

— Меня изумляетъ, что молодой нашъ другъ забрался слишкомъ высоко, отвѣчалъ мистеръ Титмаршъ: — я готовъ сочувствовать ему до *извѣстной степени*; но если исторіи нашей родины угодно было учредить невольничество, то я смиренно полагаю, что намъ смертнымъ, съ нашими ограниченными умами, не слѣдуетъ разсуждать объ этомъ.

— А еслибъ исторіи нашей родины угодно было учредить

пиратство, вы бы, полагаю, сказали тоже самое? возразилъ Франкъ Россель.

— Разумѣется, молодой мой другъ, сказалъ мистеръ Титмаршъ: — все, что исторически возникло, становится дѣломъ истины и справедливости.

— То есть, вы хотите сказать, что подобныя вещи должны быть уважаемы, потому что онѣ справедливы?

— О, нѣтъ! мой другъ, отвѣчалъ мистеръ Титмаршъ умѣреннымъ тономъ: — онѣ справедливы потому, что уважаются, какъ бы, повидимому, онѣ ни были въ разладѣ съ нашими жалкими понятіями о справедливости и человѣколюбіи.

И мистеръ Титмаршъ удалился.

— Слышали? сказалъ Россель: — и эти люди еще думаютъ навязать намъ подобныя понятія! Воображаютъ сдѣлать изъ насъ практическихъ людей, пуская пыль въ глаза!

Слова эти были сказаны такимъ голосомъ, что они внятно долетѣли до слуха мистера Титмарша, который, удаляясь, продолжалъ оплакивать Клэйтона, говоря, что неуваженіе къ историческимъ учрежденіямъ быстро распространяется между молодыми людьми нашего времени.

Клэйтонъ воротился домой и разсказалъ матери, что онъ сдѣлалъ и почему. Отецъ его не говорилъ объ этомъ предметѣ; а вступить съ нимъ въ разговоръ, если онъ не обнаруживалъ расположенія начать его, было дѣломъ величайшей трудности. По обыкновенію, онъ былъ спокоенъ, серьёзенъ и холоденъ; эти черты его характера оставались неизмѣнными при отправленіи обязанностей, какъ общественныхъ, такъ и семейныхъ. Въ концѣ втораго дня, вечеромъ, судья Клэйтонъ пригласилъ сына своего въ кабинетъ. Объясненіе было непріятно для того и другаго.

— Ты знаешь, сынъ мой, сказалъ онъ: — что поступокъ твой крайне огорчаетъ меня. Надѣюсь, въ немъ тобой не руководило безразсудство, ты сдѣлалъ это не подъ вліяніемъ какого нибудь внезапнаго побужденія?

— Въ этомъ вы вполнѣ можете быть увѣрены, сказалъ Клэйтонъ: — я дѣйствовалъ чрезвычайно разсудительно и осторожно, слѣдуя единственно внушенію моей совѣсти.

— Конечно, въ этомъ случаѣ ты и не могъ поступить иначе, возразилъ судья Клэйтонъ: — я не смѣю осуждать тебя. Но,

скажи, позволитъ ли тебѣ твоя совѣсть удержать за собой положеніе владѣтеля невольниковъ?

— Я уже покинулъ это положеніе, по крайней мѣрѣ, на столько, на сколько это необходимо для моихъ намѣреній. Я удерживаю за собою только одно званіе владѣтеля, какъ орудіе для защиты моихъ невольниковъ отъ притѣсненій закона и для сохраненія возможности образовать ихъ и возвысить.

— Но что ты станешь дѣлать, когда подобная цѣль приведетъ тебя въ ближайшее столкновеніе съ законами нашего штата? спросилъ судья.

— Тогда, если представится возможность добиться измѣненія закона, я употреблю на это всѣ свои силы, отвѣчалъ Клэйтонъ.

— Прекрасно! Но если законъ имѣетъ такую связь съ существованіемъ невольничества, что его нельзя будетъ измѣнить, не уничтоживъ этого установленія? Что же тогда?

— Все-таки буду добиваться отмѣны закона, хотя бы это и сопряжено было съ уничтоженіемъ невольничества. Eiat justitia pereat mundus.

— Я такъ и думалъ, что ты это отвѣтишь, сказалъ судья Клэйтонъ, сохраняя спокойствіе. Я не спорю, — въ этомъ направленіи жизни есть логика. Но ты долженъ знать, что наше общество не слѣдуетъ такому направленію; поэтому твой образъ жизни поставитъ тебя въ оппозицію съ обществомъ, въ которомъ ты живешь. Внушенія твоей совѣсти будутъ вредить общимъ интересамъ, и тебѣ не позволятъ слѣдовать имъ.

— Тогда, сказалъ Клэйтонъ:—я долженъ буду удалиться вмѣстѣ съ моими невольниками въ другой штатъ, гдѣ можно будетъ достичь своей цѣли.

— Результатъ этотъ будетъ неизбѣженъ. Разсматривалъ ли ты въ этомъ предметѣ всѣ его отношенія и послѣдствія?

— Безъ всякаго сомнѣнія.

— Ты, кажется, намѣренъ жениться на миссъ Гордонъ, сказалъ судья Клэйтонъ:— подумалъ ли ты, до какой степени твои намѣренія могутъ огорчить ее?

— Что до этого, отвѣчалъ Клэйтонъ: — томиссъ Гордонъ вполнѣ одобряетъ мое намѣреніе.

— Больше я ничего не имѣю сказать. Каждый человѣкъ долженъ дѣйствовать согласно своимъ понятіямъ о долгѣ.

Послѣ минутнаго молчанія, судья Клэйтонъ прибавилъ

— Вѣроятно, ты предвидѣлъ порицаніе, которому избранная тобою цѣль въ жизни подвергаетъ насъ, охраняющихъ систему и поддерживающихъ учрежденія, которыя ты осуждаешь?

— Нѣтъ, этого я не предвидѣлъ.

— Я думаю. Но оно истекаетъ логически изъ твоихъ понятій объ этомъ предметѣ. Увѣряю тебя, я самъ часто обдумывалъ этотъ вопросъ, на сколько онъ касается моихъ собственныхъ обязанностей. Образъ моей жизни служитъ достаточнымъ доказательствомъ, что я не пришелъ къ одному результату съ тобою. Законъ человѣческій не что иное, какъ отраженіе многихъ недостатковъ нашей натуры. При всемъ несовершенствѣ, его все-таки можно назвать благодѣяніемъ. Самая худшая система управленія безконечно лучше анархіи.

— Но, батюшка, почему бы вамъ не принять на себя реформу нашей системы?

— Сынъ мой, пока мы не приготовлены отказаться отъ учрежденія невольничества, никакая реформа невозможна. Съ уничтоженіемъ невольничества, реформа образуется сама собою. Учрежденіе невольничества до такой степени слилось съ чувствомъ самосохраненія, что предложеніе о реформѣ будетъ признано нелѣпымъ. Это невозможно до тѣхъ поръ, пока не утвердится въ обществѣ убѣжденіе, что невольничество есть моральное зло, до тѣхъ поръ, пока не пробудится искренняя рѣшимость освободиться отъ этого зла. Что будетъ впослѣдствіи, не знаю. Въ настоящее же время я не вижу ни малѣйшей наклонности къ измѣненію существующаго порядка вещей. Религіозные люди различныхъ вѣроисповѣданій и, по преимуществу, принадлежащіе къ протестантской церкви, обнаруживаютъ относительно этого предмета, совершенную нравственную апатію которая меня чрезвычайно изумляетъ. Отъ нихъ зависитъ положить начало великому дѣлу подготовленіемъ общества къ реформѣ, а между тѣмъ я не вижу ни малѣйшихъ признаковъ участія ихъ въ этомъ дѣлѣ. Въ молодости моей, между ними нерѣдко проявлялось желаніе искоренить это зло, но желаніе ихъ съ каждымъ годомъ становилось слабѣе и слабѣе, и теперь, къ величайшему моему отвращенію, они явно защищаютъ невольничество. Я не вижу другаго исхода, кромѣ предоставленія этому установленію самому достичь своего окончательнаго результата; а это будетъ чрезвычайно гибельно для нашего отечества. Я не одаренъ способностями, необходимыми для преобразователя. Я чув-

ствую, что по характеру моему способенъ только для мѣста, которое теперь занимаю. Не смѣю утверждать, что на этомъ мѣстѣ я не сдѣлалъ вреда; но надѣюсь, что добро, сдѣланное мною, превышаетъ зло. Если ты чувствуешь призваніе вступить на то поприще, вполнѣ понимая затрудненія и жертвы, которыя ожидаютъ тебя впереди, то повѣрь, — я не буду тебя останавливать изъ-за своихъ частныхъ желаній и чувствованій. Мы не вѣчные жители здѣшняго міра. Гораздо важнѣе дѣлать добро и поступать по справедливости, чѣмъ наслаждаться благами кратковременной жизни.

При этихъ словахъ судья Клэйтонъ обнаруживалъ одушевленіе болѣе, чѣмъ когда нибудь, и потому, не удивительно, что сынъ его былъ сильно растроганъ.

— Батюшка, сказалъ онъ, вынимая изъ кармана записку:—вы намекнули на миссъ Гордонъ. Вотъ эта записка, которую я получилъ въ утро роковаго засѣданія, покажетъ вамъ, до какой степени виды миссъ Нины согласуются съ моими.

Судья Клэйтонъ надѣлъ очки и прочиталъ записку внимательно, два раза. Передавая ее сыну, онъ замѣтилъ, съ обычною холодностью: — Она знаетъ лучше!

ГЛАВА XXXIII

ТУЧА РАЗРАЖАЕТСЯ.

Тѣнь страшной тучи, опустошавшей другія плантаціи, нависла надъ плантаціею Канема и омрачила ея горизонтъ. Никакая повальная болѣзнь не выполняла такъ вполнѣ значеніе словъ св. Писанія: язвы, ходящей во мракѣ, заразы, опустошающей въ полдень. Никакая болѣзнь не была болѣе неправильною, и, повидимому, болѣе капризною въ своемъ направленіи. Вътеченіе нѣкотораго времени, она имѣла характеръ эпидеміи и вызывала на борьбу съ собой все искусство медиковъ. Система медицинской тактики, составленной тяжелымъ опытомъ вътеченіе одного промежутка времени, уничтожалась измѣненіемъ типа болѣзни в вътеченіе другаго. Нѣкоторыя мѣры и условія, предотвращающія бѣдствіе, казались необходимыми, полезными и даже вѣрными; но люди, знакомые съ эпидеміей, знали по страшному опыту, что она, подобно хищному звѣрю, перескa-

кивала чрезъ самыя высокія, превосходно устроенныя ограды и, на зло всѣмъ предосторожностямъ и карауламъ, производила страшное опустошеніе. Ея направленіе въ городахъ, и въ селеніямъ было въ равной степени замѣчательно. Иногда, опускаясь, подобно тучѣ на какую нибудь мѣстность, она, среди страшныхъ опустошеній, оставляла цѣлый городъ или селеніе нетронутымъ, и потомъ, спустя нѣсколько времени, когда въ цѣломъ краю возстановлялось спокойствіе, внезапно и со всею яростію нападала на уцѣлѣвшія мѣста; въ этомъ отношеніи ее можно было сравнить съ набѣгомъ хищническаго войска, которое посылаетъ отрядъ разорить мѣста, забытыя или оставшіяся въ сторонѣ отъ его шествія. Иногда, забравшись въ какой нибудь домъ, опустошала его менѣе чѣмъ въ сутки. Иногда, свирѣпствуя въ цѣломъ городѣ, щадила въ немъ нѣкоторыя улицы, и потомъ нападала на нихъ съ удвоеннымъ ожесточеніемъ, въ то время, когда опасность отъ нея, повидимому, совершенно миновала. Путь ея по южнымъ плантаціямъ ознаменованъ былъ точно такими же причудами, — тѣмъ болѣе гибельными, что обитатели ея, по отдаленности отъ городовъ и разъединенности своей, были почти лишены необходимой медицинской помощи.

Тетушка Несбитъ, еще при первыхъ письмахъ, въ которыхъ описывалось развитіе болѣзни въ сѣверныхъ городахъ, была крайне встревожена и испугана. Замѣчательно, до какой степени развита въ людяхъ привязанность къ жизни, — даже въ тѣхъ людяхъ, для которыхъ наслажденія въ ней такъ скучны и такъ пошлы, что, право, не стоило бы бороться съ опасностями за ея сохраненіе. Наконецъ, когда страшныя извѣстія начали прилетать съ различныхъ сторонъ смежныхъ плантацій Канема, тетушка Несбитъ въ одинъ прекрасный день обратилась къ Нинѣ съ слѣдующими словами:

— Твои кузины въ И... предлагаютъ оставить плантацію, и погостить у нихъ, пока опасность не минуетъ.

— Это ни къ чему не поведетъ, сказала Нина:—неужели онѣ думаютъ, что холера не заглянетъ туда?

— Ну, все же,—возразила тетушка Несбитъ: большая разница: — онѣ живутъ въ городѣ, гдѣ, въ случаѣ несчастія, докторъ всегда подъ рукой.

— Поѣзжайте, тетушка, если хотите, сказала Нина: но я останусь здѣсь съ моими людьми.

— И ты не боишься, Нина?

— Нисколько. Къ тому же, уѣхавъ отсюда, я показала бы эгоизмъ, величайшій эгоизмъ: пользоваться услугами невольниковъ вътеченіе всей моей жизни, и потомъ бѣжать отъ нихъ, и оставить ихъ на произволъ судьбы въ минуты угрожающей опасности! — Нѣтъ! этого я не сдѣлаю: я останусь здѣсь и буду ихъ беречь.

Разговоръ этотъ былъ подслушанъ Гарри, стоявшимъ на балконѣ, вблизи открытыхъ дверей гостиной, въ которой сидѣли Нина и тетушка Несбитъ.

— Дитя, дитя! сказала тетушка Несбитъ:—что же ты въ состояніи сдѣлать? ты такъ неопытна. Гарри и Милли могутъ сдѣлать несравненно больше твоего. Милли я оставлю здѣсь. Согласись, что забота о своемъ собственномъ здоровьи должна составлять нашу главную обязанность.

— Нѣтъ, тетушка, по моему мнѣнію, есть обязанности главнѣе этой, сказала Нина.—Правда, я не обладаю особенной силой, но въ замѣнъ ея, у меня есть бодрость, есть неустрашимость. Я знаю, что отъѣздъ мой обезкуражитъ нашихъ невольниковъ и поселитъ между ними боязнь; а это, какъ говорятъ, особенно располагаетъ къ болѣзни. Лучше всего, если я сяду въ карету, сейчасъ же отправлюсь къ доктору, посовѣтуюсь съ нимъ, получу наставленіе и возьму необходимыя лекарства;— потомъ поговорю съ невольниками, научу ихъ, что нужно дѣлать въ случаѣ появленія болѣзни, и такимъ образомъ приготовлю и себя и ихъ къ неустрашимой встрѣчѣ съ грознымъ врагомъ. Увидѣвъ, что я спокойна и ничего не боюсь, они покрайней мѣрѣ, не упадутъ духомъ. Если вы, тетушка, боитесь, то лучше поѣзжайте. Здоровье ваше слабое, вы не въ силахъ перенести тѣхъ хлопотъ, которыя неизбѣжны въ подобныхъ случаяхъ. Если вы находите, что у кузинъ моихъ вамъ будетъ и спокойнѣе, и безопаснѣе, то ради Бога поѣзжайте. Только, пожалуйста, оставьте мнѣ Милли; она, Гарри и я, составимъ комитетъ о сохраненіи здоровья на нашей плантаціи. Гарри! сказала Нина:—прикажи, подать карету,—да пожалуйста, какъ можно скорѣе.

И Гарри снова почувствовалъ, что горечь души его сдѣлалась мягче и спокойнѣе, благодаря благородному характеру той, въ руки которой законъ передалъ цѣпи, сковывавшія его свободу. Тяжело и невыносимо было бы бремя этихъ цѣпей, но при Нинѣ, Гарри несъ его, не чувствуя тяжести: служить ей—имѣло для него равносильное значеніе съ свободой. Онъ не сказалъ

Нинѣ ни слова о письмѣ, которое получилъ отъ сестры. Онъ видѣлъ въ немъ зло, котораго Нина не въ силахъ была отстранить, и потому не хотѣлъ огорчать ее. Въ свою очередь, Нина мрачное выраженіе лица Гарри приписывала предстоящимъ заботамъ по случаю грозившей опасности. Въ той самой каретѣ, которая увозила ее въ городъ, сидѣла и тетушка Несбитъ съ своими картонками, важность которыхъ не могла уменьшиться въ глазахъ послѣдней даже при самой боязни холеры. Нина застала доктора совершенно углубленнаго въ изслѣдованіе эпидеміи. Онъ читалъ о міазмѣ и микроскопическихъ насѣкомыхъ, и продержалъ Нину болѣе получаса, сообщая ей различныя теоріи относительно причинъ болѣзни и различные опыты, произведенные въ иностранныхъ госпиталяхъ. Съ помощію весьма практическихъ и положительныхъ вопросовъ, Нина успѣла наконецъ получить отъ него необходимыя свѣдѣнія; онъ написалъ ей длинный рядъ наставленій, набралъ цѣлый ящикъ лекарствъ, и безпрестанно увѣрялъ, что вмѣнилъ бы себѣ въ особенное счастіе находиться лично на ея плантаціи, еслибъ имѣлъ свободное время.

На обратномъ пути Нина заѣхала на плантацію дяди Джона, и тамъ въ первый разъ убѣдилась на дѣлѣ въ разницѣ между описаніями и страшною дѣйствительностію этой болѣзни. За полчаса до ея пріѣзда, съ дядей Джономъ сдѣлался сильный припадокъ холеры. Вся прислуга приведена была въ ужасъ и смятеніе; стоны и крики, вырываемые изъ груди больнаго страшными мученіями, потрясали душу. Его жена, оказывая помощь страдальцу, не замѣчала, что посланные за докторомъ ломали руки въ безполезномъ отчаяніи, спускались съ балкона, снова поднимались, и ничего не дѣлали.

— Гарри, сказала Нина: — возьми одну изъ каретныхъ лошадей, поѣзжай въ городъ и въ минуту привези сюда доктора.

Выпрячь лошадь, сѣсть на нее, и скрыться изъ виду, было для Гарри дѣломъ нѣсколькихъ секундъ. Отправивъ Гарри, Нина обратилась къ прислугѣ и повелительнымъ тономъ приказала имъ прекратить свои сѣтованія. Ея рѣшительность и спокойный тонъ голоса подѣйствовали благотворно на взволнованные нервы и умы. Оставивъ при всемъ домѣ двухъ–трехъ благоразумнѣйшихъ изъ всей прислуги, Нина отправилась на помощь къ тетушкѣ Маріи.

Докторъ не заставилъ ждать себя долго. Пробывъ въ ком-

натѣ больнаго нѣсколько секундъ, онъ вышелъ оттуда, чтобъ освѣдомиться о состоянiи Нины. Нина не могла незамѣтить контраста между испуганнымъ, разстроеннымъ выраженiемъ доктора въ настоящую минуту, и одушевленiемъ, какою-то самонадѣянностiю, съ которыми, за два часа передъ тѣмъ, онъ объяснялъ ей теорiю миазмъ и микроскопическихъ насѣкомыхъ.

— Болѣзнь эта имѣетъ совершенно другой характеръ. Средства, которыя я употребилъ, оказываются недѣйствительными; настоящiй случай не имѣетъ ни малѣйшаго сходства съ прежними.

Увы, бѣдный докторъ! вътеченiе трехъ мѣсяцевъ подобные случаи были весьма нерѣдки.

— Надѣетесь ли вы спасти его жизнь? сказала Нина.

— Дитя мое! одинъ Богъ можетъ спасти ее, сказалъ докторъ: съ нашей стороны все сдѣлаю.

Но зачѣмъ растягивать эту непрiятную сцену; зачѣмъ описывать въ нашемъ разсказѣ страданiя, стоны и конвульсiи умирающаго человѣка? Нина, бѣдная, въ полномъ цвѣтѣ красоты, семнадцатилѣтняя дѣвушка стояла передъ больнымъ, вмѣстѣ съ другими, въ безмолвномъ отчаянiи. Все было сдѣлано, все принято было въ соображенiе; но болѣзнь, какъ геній—разрушитель, ничему не внемлющiй, ничего не видящiй, совершала свой ходъ, не уклоняясь ни въ ту, ни въ другую сторону. Наконецъ, стоны сдѣлались слабѣе, судорожно сжимаемые мускулы потеряли свою упругость; въ сильномъ, румяномъ, свѣжемъ мужчинѣ замѣтно происходило то разложенiе физическаго организма, которое въ какой нибудь часъ превращаетъ цвѣтущее здоровьемъ лицо въ морщинистое и увядшее, самые крѣпкiе мускулы — въ мускулы дряхлой старости.

Когда страдалецъ испустилъ послѣдній вздохъ, Нина не вѣрила глазамъ своимъ, чтобъ это измѣнившееся лицо, до такой степени изнуренное и искаженное, принадлежало ея здоровому и веселому дядѣ, который, казалось, никогда еще не былъ такъ здоровъ и веселъ, какъ въ то утро. Какъ иной человѣкъ, проходя подъ пѣной и брызгами Niагарскаго водопада, съ слѣпою увѣренностiю поручаетъ себя проводнику, осязаетъ его, но не видитъ, такъ и Нина, въ эту страшную минуту, чувствовала, что она была не одна. Божественный, милосердый, всемогущiй надъ самою смертiю Искупитель, о которомъ въ послѣднее время она такъ много размышляла, казалось, находился вблизи ея и осѣ-

нялъ ее своимъ покровомъ; казалось, что она слышала голосъ Его, безпрестанно повторявшій: »не бойся, Я съ тобою; не смущайся, ибо Я твой Богъ.»

— Удивляюсь твоему спокойствію, дитя мое, сказала тетушка Марія, обращаясь къ Нинѣ:—я не ожидала отъ тебя такого присутствія духа. Безъ тебя я, право, не знаю, что стали бы мы дѣлать.

При этихъ словахъ за стѣнами дома раздался вопль, раздирающій сердце: О! мы всѣ умираемъ! Всѣ, всѣ! Ахъ, миссисъ! Скорѣе, скорѣе. Захворалъ мой Питеръ, и мой ребенокъ! О дитя мое, дитя мое!

И докторъ, безъ того уже уставшій и пораженный внезапнымъ случаемъ и трогательною сценою, началъ бѣгать съ величайшей быстротою, изъ одной хижины въ другую. Въ это время занемогло нѣсколько слугъ, и только спокойствіе и присутствіе духа, поддерживаемое Ниной и ея теткой, могли предотвратить распространеніе паническаго страха по всей плантаціи. Нина одарена была тѣмъ нѣжнымъ и гибкимъ темпераментомъ, который, съ помощію очаровательной наружности, обладаетъ величайшимъ даромъ вдохновлять въ другихъ терпѣніе и покорность своей долѣ. Совершенное спокойствіе, которое она ощущала въ душѣ своей, доставляло ей возможность примѣнить къ настоящему случаю всѣ свои душевныя способности.

— Перестань, моя добрая тётя, не бойся! Вспомни Бога, и положись на Него! говорила она поварихѣ, которая въ припадкѣ отчаянія и ужаса ломала себѣ руки.—Вспомни, чему учитъ тебя религія: спой гимнъ, который утѣшитъ тебя, и исполни свой долгъ въ отношеніи къ больному.

Въ этомъ утѣшительномъ, ободряющемъ тонѣ голоса, скрывалась какая-то магическая сила. Съ помощію его, Нина успѣла убѣдить здоровыхъ позаботиться о больныхъ; но вдругъ явился нарочный гонецъ и объявилъ, что холера показалась въ Канема.

— Теперь, Гарри, сказала Нина, съ лицомъ блѣднымъ, но не выражающимъ ни малѣйшей боязни:—долгъ человѣколюбія отзываетъ насъ отсюда.

И, сопровождаемые утомленнымъ докторомъ, они отправились въ Канема.

Спустя нѣсколько минутъ послѣ отъѣзда, они встрѣтили другаго гонца, который спросилъ:

— Не съ вами ли докторъ Бутлеръ?

— Съ нами, отвѣчала Нина, выглянувъ изъ окна кареты.

— Ахъ, докторъ! Я ищу васъ по всему округу. Поѣзжайте домой сію минуту. Судья Петерсъ умираетъ. Я боюсь,—вы не застанете его въ живыхъ;—впрочемъ, и кромѣ его есть уже до десятка больныхъ. Возьмите мою лошадь и спѣшите; теперь дорога каждая минута.

Докторъ торопливо выпрыгнулъ изъ кареты, сѣлъ на лошадь, и прежде чѣмъ пуститься въ путь, бросилъ взглядъ глубокаго сожалѣнія на плѣнительное, блѣдное личико, смотрѣвшее изъ окна кареты.

— Бѣдное дитя мое, сказалъ онъ: — мнѣ жаль оставить васъ; кто вамъ безъ меня поможетъ?

— Богъ! отвѣчала Нина: — я ничего не боюсь.

— Поѣзжайте, докторъ; не теряйте времени, сказалъ посланный.

И докторъ еще разъ бросивъ взглядъ на Нину, ускакалъ.

— Теперь, Гарри, сказала Нина: —все зависитъ отъ сохраненія нами присутствія духа и твердости. У насъ нѣтъ и не будетъ доктора; поэтому мы сами должны употребить всѣ наши усилія. Жизнь и смерть въ рукахъ нашего Спасителя: Онъ любилъ насъ, умеръ за насъ, и, вѣроятно, не оставитъ насъ во время этого страшнаго испытанія.

— Миссъ Нина! вы настоящій ангелъ! сказалъ Гарри, готовый въ эту минуту боготворить ее.

По пріѣздѣ домой, Нина увидѣла сцену всеобщаго ужаса и смущенія, — сцену, подобную той, которой была уже свидѣтельницей. Старый Гондредъ лежалъ мертвый въ своей хижинѣ. Толпа народа съ воплемъ окружала домъ, предаваясь страху и отчаянію, возбуждаемому ожиданіемъ той же участи. Нина немедленно подъѣхала къ группѣ. Спокойствіе и хладнокровіе, съ которыми она приказывала прекратить вопль и повиноваться ей, произвели благопріятное дѣйствіе.

— Если вы всѣ хотите умереть, говорила она: —то отчаяніе и боязнь самыя вѣрныя къ тому средства; но если будете сохранять спокойствіе и терпѣніе и исполнять мои приказанія, то жизнь ваша еще можетъ быть спасена. Гарри и я привезли лекарства; мы знаемъ, что нужно дѣлать. Отъ васъ я требую одного повиновенія.

Нина немедленно вошла въ домъ и назначила Милли, Розу и еще трехъ пожилыхъ женщинъ своими помощницами, сдѣлавъ

имъ наставленіе, какъ и въ какомъ случаѣ нужно дѣйствовать. Въ это ужасное время Милли выказала всю неустрашимость, всю твердость характера, составлявшія неотъемлемую принадлежность ея сильной натуры.

— Да благословитъ васъ Господь своею милостію, дитя мое, говорила она. Господь — мой щитъ и моя крѣпость. Онъ не оставлялъ насъ въ шести бѣдствіяхъ, не оставитъ и въ седьмомъ. Мы воспоемъ пѣснь торжества и въ стремнинахъ Іордана.

Между тѣмъ Гарри выбралъ для себя самыхъ надежныхъ невольниковъ, и каждому назначилъ обязанность. Въ тоже время въ ближайшій городъ отправленъ былъ гонецъ, чтобы привести оттуда бо́льшій запасъ необходимыхъ лекарствъ и возбуждающихъ средствъ. Рядъ хижинъ раздѣленъ былъ на участки; каждый участокъ находился на попеченіи одного изъ выбранныхъ невольниковъ, подъ непосредственнымъ наблюденіемъ Гарри. Въ теченіе двухъ-трехъ часовъ все селеніе, незадолго предъ тѣмъ представлявшее собою одну общую сцену страха и уныніе, приведено было въ правильное состояніе благоустроеннаго госпиталя. Милли ходила по всѣмъ направленіямъ, возбуждая въ неграхъ религіозныя чувства и распѣвая гимны, въ которыхъ говорилось о безусловной преданности святой волѣ Провидѣнія и о надеждѣ на Его милосердіе. Она обладала сильнымъ голосомъ, превосходно соотвѣтствовавшимъ необычайному развитію ея физическаго организма. Это былъ густой басъ мужчины, съ мягкими переливами женскаго тона. До слуха Нины долетали отъ времени до времени звуки этого голоса, когда Милли, проходя мимо дома или между хижинами, напѣвала:

«Богъ мое солнце,
Онъ моя тѣнь;
Онъ хранитъ меня на пути моей жизни
И ночью и днемъ;
Онъ моя помощь, мое избавленіе;
Онъ сохранитъ меня отъ всякаго зла.
Съ полной надеждой на его милосердіе
Я ничего не страшусь.
Не страшась самой смерти,
Я совершаю мой путь,
Пока Господь не воззоветъ меня
Въ свою святую обитель.

Господскій домъ съ наступленіемъ вечера представлялъ собою

видъ осажденной маленькой крѣпости. Нина и Милли отворили всѣ двери; и тѣмъ, которые болѣе всего расположены были къ принятію болѣзни, по слабости организаціи или раздражительности нервной системы, дозволено было искать убѣжища въ комнатахъ Нины.

— Теперь, дитя мое, сказала Милли, когда всѣ распоряженія были окончены:—вамъ нуженъ отдыхъ; идите съ Богомъ въ свою комнату и засните. Я вижу, — духъ вашъ бодрствуетъ, но плоть изнемогаетъ. О васъ никто не позаботится, а безъ васъ мы ничего несдѣлаемъ; прежде и главнѣе всего вы должны поберечь себя. Не бойтесь ничего, дитя мое! Люди теперь успокоились, больнымъ подана необходимая помощь, — а ночью мы сдѣлаемъ все, что нужно. Усните, моя милочка;—вѣдь если вы умрете, тогда что съ нами-то будетъ?

Повинуясь Милли, Нина удалилась въ свою комнату; но прежде, чѣмъ лечь спать, она написала къ Клэйтону; «Неоцѣненный мистеръ Клэйтонъ, мы всѣ находимся въ глубокой горести. Бѣдный дядюшка Джонъ умеръ сегодня поутру отъ холеры. Я ѣздила въ И... посовѣтоваться съ докторомъ и запастись лекарствами. На возвратномъ пути я вздумала заѣхать на нѣсколько минутъ къ дядюшкѣ, и застала тамъ сцену ужаса. Бѣдный дядюшка умиралъ; на его плантаціи уже много было больныхъ, и пока я думала остаться тамъ и помочь тетушкѣ, прискакалъ гонецъ съ извѣстіемъ, что холера появилась и на нашей плантаціи.

«Мы взяли было доктора съ собой, но на дорогѣ встрѣтили другаго гонца изъ И..., который объявилъ, что судья Петерсъ занемогъ, и что въ улицѣ, гдѣ живетъ судья, множество больныхъ. По пріѣздѣ домой, мы узнали, что бѣдный нашъ кучеръ скончался,—и весь народъ находимъ въ ужасномъ отчаяніи. Нужно было употребить нѣсколько часовъ, чтобы успокоить людей и водворить порядокъ, — теперь слава Богу, сдѣлано то и другое. Нашъ домъ наполненъ больными и перепуганными. Милли и Гарри неустрашимы и дѣятельны; примѣромъ своимъ они ободряютъ невольниковъ. Человѣкъ двадцать поражены холерой, но нельзя сказать, что сильно. Въ эти грозныя минуты, я ощущаю въ душѣ своей странное спокойствіе, которое, выражаясь словами библіи «превосходитъ всякое понятіе.» Я сознаю теперь, что хотя бы погибъ весь міръ и все живущее въ немъ, «Спаситель дастъ намъ лучшую, прекрасную жизнь.» Я пишу къ вамъ потому, что случай этотъ, быть можетъ, для меня послѣд-

ній. Если я умру, то не плачьте обо мнѣ, но благодарите Бога, который даровалъ вамъ побѣду надъ смертію чрезъ Іисуса Христа. Впрочемъ, мнѣ кажется, я не умру. Я надѣюсь жить въ этомъ мірѣ, который представляется мнѣ прекраснѣе, чѣмъ когда нибудь. Съ тѣхъ поръ какъ я узнала васъ, жизнь сдѣлалась для меня милѣе и дороже. Несмотря на то, я до такой степени вѣрю въ любовь моего Искупителя, что если бы онъ повелѣлъ мнѣ покинуть этотъ міръ,— я бы разсталась съ нимъ безъ сожалѣнія. Я бы послѣдовала за этимъ Агнцемъ, куда бы онъ ни повелъ меня. Быть можетъ, эта страшная кара небесъ окружаетъ и васъ,—быть можетъ, она низошла и на Рощу Маньолій. Я не хочу быть самолюбивою; не смѣю приглашать васъ сюда, быть можетъ, ваше присутствіе необходимѣе для Анны. Быть можетъ, она не имѣетъ такихъ надежныхъ помощниковъ, какихъ имѣю я въ лицѣ Гарри и Милли. Поэтому не бойтесь, — и для меня не уклоняйтесь отъ прямыхъ своихъ обязанностей. Милли ходитъ по селенію и поетъ. Я люблю слушать ея пѣніе, высокіе, торжественные звуки ея голоса. Вотъ и теперь, я слышу ее,—она поетъ:

«Не страшась самой смерти
Совершаю мой путь,
Пока Господь не воззоветъ меня
Въ свою святую обитель!»

Я буду писать съ каждой почтой, пока не минуетъ опасность. Прощайте, остаюсь.

По гробъ и за гробомъ ваша

«Нина.»

Написавъ это, Нина легла и заснула. Она спала всю ночь такъ спокойно, какъ будто смерть и болѣзнь вовсе не висѣли надъ ея головой. Поутру, когда она встала и одѣлась, Милли, съ заботливостью доброй няни, принесла ей въ комнату горячего кофе съ бисквитами, и убѣдила Нину не выходить изъ комнаты, не позавтракавъ.

— Ну что, Милли,—все ли у насъ благополучно? спросила Нина.

— Ничего, дитя мое, сказала Милли, между нами раздавался полночный вопль. Тетушка Роза приказала вамъ долго жить;— Самъ тоже, и Дженъ и Саши, переселились въ вѣчность; впрочемъ всѣ спокойны, и рѣшились бороться съ этимъ бѣдствіемъ до нельзя.

— Здоровъ ли Гарри? сказала Нина боязливымъ тономъ.

— Ничего, не болѣнъ; всю ночь провозился съ больными, но не унываетъ. Старики-то наши думаютъ, нельзя ли сдѣлать митингъ послѣ завтрака, въ родѣ панихиды по умершимъ; — они просятъ, миссъ Нина, не прочитаете ли вы молитвы?

— Съ большимъ удовольствіемъ, отвѣчала Нина.

Былъ еще ранній часъ утра, когда дворовые люди и невольники собрались въ пріятной открытой залѣ, которую мы столько разъ уже описывали. День былъ прекрасный; цвѣты и кустарники, окружавшіе балконъ, покрытые каплями утренней росы, дышали свѣжестью. Когда Нина, въ бѣломъ утреннемъ капотѣ и съ не менѣе бѣлыми щечками, вошла въ залу, въ толпѣ собравшихся невольниковъ раздался ропотъ восхищенія, смѣшаннаго съ сожалѣніемъ.

— Садитесь, друзья мои, сказала она, посмотрѣвъ на невольниковъ, которые боялись даже приблизиться къ дивану и стульямъ. Садитесь, теперь не время церемониться; мы стоимъ на краю могилы, а тамъ, вы знаете, всѣ равны. Мнѣ пріятно, что вы такъ спокойны и тверды. Я вижу, что вы возлагаете надежду на нашего Спасителя, который даруетъ намъ побѣду надъ смертію. Споемте гимнъ, сказала она. И Милли начала:

«Пусть бренное тѣло мое ослабѣетъ,
«Пусть жизнь моя прекратитъ бытіе!
Душа отлетитъ тогда изъ этой мрачной долины,
И воспаритъ на небо, въ горніи страны!
«Тамъ сопричислится къ сонму святыхъ
И обрящетъ покой, такъ долго-желанный!»

Всѣ голоса слились въ одинъ торжественный хоръ, раздававшійся, повидимому, у самаго преддверія смерти; когда кончилось пѣніе, Нина, дрожащимъ голосомъ, становившимся съ каждымъ словомъ звучнѣе и звучнѣе, прочитала нѣсколько строфъ изъ хвалебной пѣсни Давида:

«*Живущій подъ покровомъ Всевышняго въ тѣни Всемогущаго почиваетъ. Говоритъ Господу: Ты прибѣжище мое и защитникъ мой, Богъ мой, на котораго я уповаю. Онъ избавитъ тебя отъ сѣти птицелова и отъ гибельной язвы. Перьями своими осѣнитъ тебя, и подъ крылами Его укроешься; истина Его есть щитъ и огражденіе. Не убоишься ужасовъ ночи,—стрѣлы, летящей днемъ, язвы ходящей во мракѣ, заразы, опустошающей въ полдень. Близъ*

тебя падетъ тысяча, и тьма по правую руку твою; но тебя не коснется... Ангеламъ Своимъ заповѣдаетъ о тебѣ, сохранять тебя на всѣхъ путяхъ твоихъ. (Псал. XC.)

— Нѣтъ ничего удивительнаго, сказала Нина; что кто нибудь изъ насъ будетъ отозванъ въ другой, лучшій міръ. Но все же тѣ, которые любятъ Господа, не должны страшиться смерти. Смерть наша — не что иное, какъ переходъ въ обитель нашего Отца. Не унывайте же, друзья мои!

Въ случаяхъ, подобныхъ настоящему, первый ударъ приноситъ съ собой гораздо болѣе ужаса, чѣмъ всѣ послѣдующіе. Человѣкъ свыкается со всѣмъ, даже съ угрожающею опасностью и смертью, такъ что ему все наконецъ представляется обыкновеннымъ условіемъ жизни. На плантаціи Канема все шло своимъ чередомъ; всѣ, имѣя примѣръ для себя въ лицѣ молодой своей госпожи, повиннмому, рѣшились встрѣтить свою участь съ непоколебимымъ мужествомъ.

На другой день, послѣ полдня, Нина увидѣла съ балкона медленно подвигавшуюся по главной аллеѣ повозку Тиффа, и съ обычнымъ радушіемъ, выбѣжала на встрѣчу къ своему преданному другу.

— Здравствуй Тиффъ; какъ ты поживаешь въ это ужасное время?

— Благодарю васъ покорно, миссъ Нина,—отвѣчалъ вѣрный слуга Нэйтоновъ, съ привычною учтивостью снимая шляпу. Я привезъ сюда малютку, который сильно захворалъ; — сдѣлалъ для него все, что могъ, но ничего нѣтъ лучше. Я взялъ съ собой миссъ Фанни и Тедди, опасаясь оставить ихъ дома, потому что вчера я видѣлъ человѣка, который сказалъ, что на всѣхъ плантаціяхъ страшная смертность.

— Да, сказала Нина; ты пріѣхалъ въ печальное убѣжище; —здѣсь тоже страшная смертность! Но если ты находишь, что здѣсь безопаснѣе, то ты и дѣти можете остаться у меня; мы будемъ беречь васъ наравнѣ съ другими. Дай мнѣ малютку; я подержу его, пока ты высадишь другихъ дѣтей. Онъ спитъ?

— Да, миссъ Нина, — спитъ почти безпробудно.

Нина поднялась на балконъ и отдала ребенка на руки Милли.

— Посмотри, сказала она: какъ онъ сладко спитъ!

— Ахъ, милочка, — сказала Милли; это нехорошій сонъ; — малютка никогда не проснется.

— Что же дѣлать, Милли, надо поберечь его; надо дать ко-

мнату Тиффу и дѣтямъ;—мы имѣемъ лекарства и докторскія наставленія, а у нихъ нѣтъ ни того, ни другаго.

Такимъ образомъ Тиффъ и его семейство пріютились въ общеемъ пріютѣ.

Къ вечеру ребенокъ умеръ. Тиффъ не спускалъ его съ рукъ ни на минуту; Нинѣ и Милли стоило большаго труда убѣдить его, что дыханіе малютки прекратилось на вѣки. Соглашаясь съ этимъ, Тиффъ, въ теченіе нѣсколькихъ минутъ казался безутѣшнымъ. Нина спокойно открыла Новый Завѣтъ и прочитала: и принесли къ нему дѣтей, чтобы онъ благословилъ ихъ. Ученики его нехотѣли допустить принесшихъ. Но Іисусъ сказалъ имъ: не препятствуйте дѣтямъ приходить ко мнѣ, ибо таковыхъ есть царствіе небесное!

— Господь надъ нимъ! сказалъ Тиффъ: я отдаю его! Я нехочу удерживать его; не стану препятствовать ему войти въ царствіе небесное, хотя бы отъ этого сокрушилось мое сердце. Это было бы съ моей стороны страшнымъ самолюбіемъ! Но, бѣдняжечка! — какой онъ сдѣлался миленькій!

ГЛАВА XXXIV.

ГОЛОСЪ ВОПІЮЩАГО ВЪ ПУСТЫНѢ.

Клэйтонъ спокойно сидѣлъ въ своей адвокатской конторѣ, разбиралъ и приводилъ въ порядокъ дѣла, подготовляя ихъ къ передачѣ другому лицу. Въ это время мальчикъ—негръ принесъ съ почты нѣсколько писемъ. Клэйтонъ бѣгло взглянулъ на адресы, и выбравъ одно изъ писемъ, прочиталъ его съ величайшимъ волненіемъ, потомъ сжалъ его въ рукѣ, схватилъ шляпу и побѣжалъ на ближайшій постоялый дворъ.

— Дайте мнѣ лучшую лошадь, которая можетъ пробѣжать день и ночь! сказалъ онъ. Я долженъ ѣхать съ быстротою, отъ которой зависитъ жизнь и смерть.

Спустя полчаса, Клэйтонъ уже мчался во весь опоръ по загородной дорогѣ. При дурномъ состояніи дорогъ и не менѣе дурномъ почтовомъ управленіи, Клэйтонъ, взявъ почтовый экипажъ, доѣхалъ бы до Канема не раньше, какъ на третьи сутки. Но, употребивъ всѣ свои усилія, онъ надѣялся прибыть туда въ двадцать-четыре часа. Онъ мчалъ стремглавъ, не давалъ ло-

шади перевести духъ, и на первой станціи перемѣнилъ ее. Продолжая такимъ образомъ свой путь, онъ, въ три часа слѣдующаго утра, находился уже въ лѣсахъ, отстоявшихъ отъ Канема миль на пятнадцать. Сильное напряженіе первной системы, дѣлавшее его до этой минуты нечувствительнымъ къ усталости, начинало мало по малу ослабѣвать. Всю ночь онъ ѣхалъ по глухому, дикому сосновому лѣсу; никто не видѣлъ его, кромѣ мерцающихъ, таинственныхъ звѣздъ. На послѣдней станціи, гдѣ Клэйтонъ намѣревался перемѣнить лошадь, все было повержено въ ужасъ и смущеніе. Трое въ домѣ лежали мертвые и четвертый умиралъ. По всей дорогѣ, при каждой остановкѣ, воздухъ, повидимому, былъ наполненъ летучими и преувеличенными слухами о страхѣ и смерти.

По мѣрѣ приближенія къ Канема, Клэйтонъ началъ испытывать то, невольно приводящее въ трепетъ ощущеніе, которое, вѣроятно, испытывалъ каждый изъ насъ, хотя и не въ такой степени, возвращаясь домой послѣ долгаго отсутствія и воображая, что его ожидаетъ какое нибудь несчастіе, которому онъ не въ состояніи опредѣлить границъ. Передъ разсвѣтомъ Клэйтонъ проѣзжалъ мимо хижины стараго Тиффа. Какое-то странное движеніе души побуждало его остановиться на минуту и предварительно въѣзда въ предѣлы Канема, сдѣлать нѣкоторыя освѣдомленія. Но, подъѣхавъ къ хижинѣ, онъ увидѣлъ, что ворота стояли настежь и дверь въ самую хижину была открыта. Клэйтонъ сдѣлалъ нѣсколько окликовъ и не получивъ отвѣта, сошелъ съ лошади, и ведя ее за поводъ, заглянулъ въ открытую дверь. Достаточно было даже тусклаго мерцанія звѣздъ, чтобы убѣдиться, что хижина была покинута ея обитателями. Это обстоятельство Клэйтонъ принялъ за дурное предзнаменованіе. Въ то время, когда онъ садился на лошадь, въ непроницаемой глубинѣ лѣса и въ недальнемъ разстояніи, раздался звучный и сильный голосъ, который пѣлъ величественнымъ, минорнымъ тономъ, слѣдующія слова:

«Сѣдяй въ славѣ, на облакѣ, какъ на престолѣ;
Пріидетъ Господь въ пути пламени!
Громъ и мракъ, молнія и буря
Будутъ предвѣстниками этого страшнаго дня.»

Неудивительно, что эти звуки и эти слова привели въ трепетъ Клэйтона, утомленнаго продолжительной ѣздой и доведеннаго до изнеможенія страшными предположеніями, напол-

нявшими его душу и такъ раздражительно дѣйствовавшими на его нервную систему. Онъ ощущалъ даже сильный страхъ, когда подъ вѣтвями сосноваго лѣса показалась темная человѣческая фигура, плавно подвигавшаяся впередъ, подъ тактъ унылораспѣваемыхъ словъ.

— Кто ты такой? вскричалъ Клэйтонъ, дѣлая надъ собою усиліе и стараясь возбудить свою неустрашимость.

— Кто я? отвѣчала фигура. — Я — голосъ вопіющаго въ пустынѣ. Я возвѣщаю этому народу судъ Божій!

Читатели наши, вѣроятно, могутъ представить себѣ неопредѣленное мерцаніе свѣта, между наступленіемъ утра и исчезновеніемъ ночи, глухое пространство лѣса, обстоятельства, сопровождавшія поѣздку Клэйтона, и странныя слова неизвѣстнаго человѣка. Въ теченіе нѣсколькихъ секундъ, Клэйтонъ оставался въ недоумѣніи, что ему дѣлать, между тѣмъ, какъ путникъ продолжалъ:

— Я видѣлъ Господа, шествующаго съ десятью тысячами святыхъ Его! Передъ нимъ шла моровая язва и горящіе уголья сыпались изъ-подъ ногъ Его

Размышляя о томъ, что означали эти странныя слова, Клэйтонъ тихо подвигался впередъ. Наконецъ неизвѣстный человѣкъ вышелъ изъ глубины лѣса, остановился посреди дороги и съ повелительнымъ жестомъ вытянулъ руку.

— Я знаю, кого ты ищешь, сказалъ онъ: — но это тебѣ не будетъ дано; потому что время смерти наступило и люди будутъ судимы. *Се свѣтлое облако, и на облакѣ сидитъ подобный Сыну Человѣческому. На головѣ Его золотый вѣнецъ, и въ рукѣ Его острый серпъ.* (Откр. св. Іоан. XIV, 14).

Сказавъ это и махнувъ рукой надъ головой, съ дикимъ одушевленіемъ воскликнулъ:

«*Пусти острый твой серпъ и обрѣжь грозды винограда на землѣ; повелику созрѣли на немъ ягоды... И давили ягоды въ точилѣ внѣ города и потекла кровь изъ точила даже до уздъ конскихъ*; (Откр. св. Іоан. XIV, 18, 20). *Горе, горе, горе живущимъ на землѣ отъ остальныхъ трубныхъ гласовъ трехъ ангеловъ, которые будутъ трубить!* (VIII, 13).

Грозныя слова раздавались въ глубинѣ лѣса, какъ проклятіе ангела-истребителя. Послѣ непродолжительной паузы, неизвѣстный человѣкъ продолжалъ болѣе спокойнымъ и скорѣе плачевнымъ голосомъ:

— Не плачь о мертвыхъ, не оплакивай! *Се Агнецъ стоитъ на горѣ Сіонѣ, и съ нимъ сто-сорокъ-четыре тысячи, у коихъ имя отца Его написано на челахъ. Это суть тѣ, которые не осквернились съ женами; это суть тѣ, которые идутъ за Агнцемъ, куда бы Онъ ни пошелъ. И во устахъ ихъ нѣтъ лукавства; они непорочны предъ престоломъ Божіимъ* (XIV, 4, 5.)

Незнакомецъ медленно пошелъ въ сторону, и, пробираясь по чащѣ лѣса, распѣвалъ какой-то гимнъ, на этотъ разъ унылымъ, погребальнымъ тономъ, долетавшимъ до слуха Клэйтона, какъ звуки похороннаго колокола.

Въ то время, какъ Клэйтонъ медленно пробирался впередъ по незнакомой дорогѣ, непонятный, необъяснимый страхъ все болѣе и болѣе овладѣвалъ имъ. Звуки голоса и дикіе жесты незнакомца привели ему на память странное событіе на митингѣ. Хотя онъ и старался насильственнымъ образомъ убѣдить себя, что прорицателемъ этихъ странныхъ предсказаній былъ какой нибудь безумный, изступленный фанатикъ, еще болѣе воспламененный при видѣ смерти и разрушенія, окружавшихъ его со всѣхъ сторонъ; но все же Клэйтонъ не могъ разсѣять страшныхъ предчувствій, тяжелымъ камнемъ лежавшихъ на его сердцѣ. Жизнь человѣческую можно сравнить съ домомъ, посѣщаемымъ призраками; основою ей служитъ таже самая земля, исполненная мрака и тѣней смерти. Тысячи, одаренныхъ жизнію, фибръ соединяютъ насъ съ невѣдомымъ и невидимымъ міромъ; сердца, самыя непоколебимыя, ни на секунду не останавливающія своего біенія, даже при невыразимыхъ ужасахъ, обливаются кровью и замираютъ при едва слышномъ шопотѣ изъ-подъ завѣсы, скрывающей отъ насъ этотъ невѣдомый міръ. Быть можетъ, для самаго невѣрующаго въ тайны духовнаго міра бываютъ минуты, о которыхъ, разумѣется, ему стыдно было бы разсказывать, но въ которыя онъ вполнѣ покарлется вліянію страшныхъ явленій, привязывающихъ насъ къ той невѣдомой странѣ. Не удивительно, что Клэйтонъ, наперекоръ своему мужеству, чувствовалъ себя какъ человѣкъ, которому сдѣлано таинственное предостереженіе. Тяжелый камень, тяготившій его, отпалъ отъ груди, когда туманная мгла утренней зари прорѣзалась яркими лучами восходящаго солнца, когда наступилъ радостный и ликующій день, когда печаль, воздыханіе и смерть показались ему тяжебымъ сновидѣніемъ. Въ теченіе всей этой страшной кары странно было видѣть неизмѣнную правильность, великолѣпіе и красоту

въ дѣйствіяхъ и явленіяхъ природы. Среди всеобщаго страха и стоновъ умирающихъ, среди рыданій и сокрушенія сердецъ солнце выходило и заходило во всемъ своемъ блескѣ и величіи; роса играла своими радужными цвѣтами, и сумерки покрывали небо завѣсой, усѣянной звѣздами; птицы пѣли, источники струились и журчали, цвѣты плѣняли своей роскошью, словомъ, въ природѣ во всемъ замѣтенъ былъ избытокъ жизненныхъ силъ, все радовалось и все ликовало. Вступивъ въ предѣлы плантаціи Канема, Клэйтонъ съ нетерпѣніемъ спросилъ перваго встрѣчнаго о здоровьѣ госпожи, которой принадлежало Канема.

— Слава Богу, она еще жива, было отвѣтомъ

— Слава Богу, сказалъ въ свою очередь Клэйтонъ: — всѣ мои опасенія были ни больше, ни меньше какъ сонъ.

ГЛАВА XXXV.

ВЕЧЕРНЯЯ ЗВѢЗДА.

Почты въ Сѣверной Каролинѣ, какъ и вообще всѣ мудрыя учрежденія въ невольническихъ штатахъ, находились въ самомъ дурномъ состояніи; и потому прошла цѣлая недѣля послѣ того, какъ Нина отправила письмо, въ которомъ извѣщала Клэйтона объ опасности своего положенія. Въ теченіе этого времени ярость удара, поразившаго плантацію, замѣтно ослабѣла; и между тѣмъ, какъ холера на другихъ плантаціяхъ сильно развивалась, обитатели Канема начинали надѣяться, что грозная туча, нависшая надъ ними, скоро совершенно разсѣется. Правда, много еще было больныхъ, но новые случаи не повторялись, и самая болѣзнь, оставаясь между больными, казалось, уступала попеченіямъ и медицинскимъ средствамъ. Нина встала рано поутру, что вошло, впрочемъ, для нея въ привычку, со времени появленія болѣзни, и обошла селеніе, чтобы освѣдомиться о здоровьи невольниковъ. Она воротилась домой усталая и сидѣла на балконѣ подлѣ роскошнаго куста розъ, наслаждаясь прохладнымъ, свѣжимъ дыханіемъ утра. Какъ вдругъ на главной аллеѣ послышался топотъ лошадиныхъ копытъ; Нина взглянула въ ту сторону и увидѣла Клэйтона. Еще минута, и Клэйтонъ, не вѣря своимъ чувствамъ, держалъ Нину въ своихъ объятіяхъ.

— Вы здѣсь, моя роза, моя невѣста, мой ангелъ! Богъ ми-

лостивъ! Я не ожидалъ столь многаго! Я думалъ, что не застану васъ въ живыхъ!

— О, нѣтъ, милый Клэйтонъ, сказала Нина: — Богъ не оставилъ насъ. Правда, мы лишились многихъ; но меня Онъ пощадилъ, вѣроятно для васъ.

— Но здоровы ли *вы* въ настоящую минуту? сказалъ Клэйтонъ, бросивъ на Нину пристальный взглядъ. Вы такъ блѣдны, моя маленькая роза!

— Ничего нѣтъ удивительнаго, отвѣчала Нина: — у меня такъ много дѣла, что поневолѣ поблѣднѣешь; впрочемъ, я ничего не чувствую. Я была здорова; мало того, никогда еще здоровье мое не было въ такомъ отличномъ состояніи, какъ во все это время, и, странно сказать, я никогда не чувствовала себя счастливѣе. Я такъ спокойна и такъ вѣрю въ любовь и милосердіе Божіе.

— Знаете ли, сказалъ Клэйтонъ: — это спокойствіе тревожитъ меня; я начинаю бояться за такое странное, неземное счастіе? Мнѣ кажется, оно дается только умирающимъ.

— О, нѣтъ, отвѣчала Нина: — я такъ думаю, что когда всѣ наши надежды возлагаются на Отца Небеснаго, когда мы видимъ въ Немъ единственную нашу опору, Онъ становится къ намъ ближе, чѣмъ во всякое другое время; въ этомъ-то и заключается тайна моего счастія. Но оставимте объ этомъ; вы, кажется, чрезвычайно устали; неужели вы ѣхали всю ночь?

— Да; съ девяти часовъ вчерашняго утра. Спѣша сюда, я перемѣнилъ четырехъ лошадей; первое же ваше письмо я получилъ спустя недѣлю послѣ его отправленія!

— Быть можетъ, это и къ лучшему, сказала Нина:—я слышала, что внезапная встрѣча съ эпидеміей, безъ всякаго подготовленія къ ней, особливо въ первые періоды ея развитія, бываетъ гибельна. Теперь вы должны позволить мнѣ позаботиться о васъ. Не забудьте, что я начальница въ здѣшней крѣпости; въ моей особѣ вы должны видѣть коменданта и главнаго доктора!—Извольте немедленно отправиться въ вашу комнату. Милли принесетъ вамъ кофе, и потомъ вы должны заснуть. Вы убѣдились, что мы, слава Богу, здоровы; слѣдовательно отдыху вашему ничто не мѣшаетъ. Позвольте же отвести васъ, какъ плѣнника.

Освобожденный отъ гнета преобладающаго страха, Клэйтонъ началъ ощущать реакцію въ физическомъ и моральномъ напряженіи, въ которомъ находился въ теченіе сутокъ; и потому

онъ охотно повиновался приказаніямъ своего милаго начальника. Напившись кофе, Клэйтонъ впалъ въ глубокій и спокойный сонъ, продолжавшійся далеко за полдень. Сначала, лишенный всѣхъ силъ отъ усталости, онъ спалъ безъ сновидѣній; но когда изнеможеніе миновало, взволнованные нервы начали рисовать въ его воображеніи неопредѣленныя и тревожныя сновидѣнія. Ему представлялось, что онъ снова находился, вмѣстѣ съ Нипой, въ Рощѣ Маньолій, и что невольники проходили мимо нихъ, бросая имъ цвѣты; но вѣнокъ изъ померанцовыхъ цвѣтовъ, брошенный на колѣна Нины, былъ обтянутъ чернымъ крепомъ. Нина, однако же, взяла его, смѣясь сдернула крепъ, надѣла вѣнокъ на голову, и хоръ запѣлъ веселымъ тономъ:

«О роза Сѣверной Каролины!»

Мало по малу, звуки хора изъ веселыхъ переходили въ печальные, и цвѣточное шествіе превратилось въ погребальное. Одинъ изъ голосовъ, подобный тому, который Клэйтонъ слышалъ утромъ въ лѣсу, пѣлъ плавно, уныло, монотонно:

«Плачьте, друзья, и рыдайте:
Роза Сѣверной Каролины увяла!»

Клэйтонъ долго боролся во снѣ съ непріятными чувствами, наконецъ проснулся, сѣлъ и посмотрѣлъ кругомъ. Лучи вечерняго солнца сіяли на вершинахъ деревъ въ отдаленномъ концѣ аллеи. Нина сидѣла на балконѣ и пѣла. Звуки ея голоса плавали въ воздухѣ, подобно розовому листочку, уносимому вѣтромъ.

Нина пѣла любимую народную мелодію, носившую названіе «Пѣсни молодой индіанки». Быть можетъ, это была одна изъ тѣхъ мистическихъ пѣсенъ, которыми изобилуетъ восточная литература, въ которыхъ радость и любовь высказываются въ какомъ-то мечтательномъ, символическомъ подобіи нескончаемой любви за предѣлами гроба. Слова этой пѣсни заключали въ себѣ успокоительную силу; одна мысль быстро замѣняла другую, и всѣ онѣ витали вокругъ Клэйтона, какъ бѣлые голуби, выпущенные изъ рая, и носившіе на крыльяхъ своихъ цѣлебныя средства для больной, тоскующей души.

. . . . . .

Легкій стукъ въ двери окончательно разбудилъ Клэйтона. Дверь немного отворилась, и маленькая ручка бросила вѣтку полураспустившейся розы.

— Это напомнитъ вамъ, что васъ окружаетъ дѣйствитель-

ность! сказалъ знакомый Клэйтону голосъ. Если вы отдохнули, то можете спуститься внизъ, — я позволяю.

И Клэйтонъ услышалъ, какъ маленькія ножки побѣжали по лѣстницѣ, слегка касаясь ступенекъ. Онъ всталъ и, обративъ нѣкоторое вниманіе на туалетъ, явился на балконѣ.

— Чай давно поданъ, сказала Нина: — я заблагоразсудила напомнить вамъ объ этомъ.

— Я утопалъ въ счастіи, слушая ваше пѣніе, сказалъ Клэйтонъ: — вы споете мнѣ эту пѣсенку еще разъ, неправда ли?

— А развѣ я пѣла, сказала Нина: — я и не знала этого! Я, вѣроятно, думала о чемъ нибудь; а когда я думаю, то иногда пою. Извольте, я спою для васъ; вѣдь я люблю пѣть.

Послѣ чаю Клэйтонъ и Нина остались на балконѣ. Все небо подернуто было полосами тонкихъ облаковъ розоваго цвѣта.

— Какъ это прекрасно! сказала Нина: — мнѣ кажется, что я никогда еще не любовалась природой съ такимъ наслажденіемъ, какъ въ нынѣшнее лѣто. Она производитъ на меня какое-то особенное впечатлѣніе; она наполняетъ все бытіе мое тѣмъ же розовымъ цвѣтомъ, который вы видите въ этихъ облакахъ.

И, не спуская глазъ съ неба, Нина снова запѣла ту же самую пѣснь, которую Клэйтонъ слушалъ во время своего пробужденія. Но вдругъ она остановилась и повернулась къ комнатамъ.

— Вамъ что нибудь нужно? сказалъ Клэйтонъ.

— Ничего! отвѣчала Нина въ сильномъ волненіи: — я сейчасъ ворочусь.

Клэйтонъ слѣдилъ за ней, и видѣлъ, какъ она приблизилась къ шкафу, въ которомъ хранились лекарства, вынула оттуда склянку съ какою-то жидкостью и выпила изъ нея нѣсколько капель.

Клэйтонъ машинально всталъ съ мѣста съ выраженіемъ ужаса.

— Вы нездоровы, Нина; скажите откровенно? спросилъ онъ, когда Нина снова вошла на балконъ.

При этомъ вопросѣ, Клэйтонъ страшился услышать утвердительный отвѣтъ.

— О, нѣтъ!... Это пройдетъ! Мнѣ немного дурно! Въ это страшное время мы сдѣлались такъ осторожны, что при малѣйшемъ возбужденіи какого нибудь непріятнаго ощущенія, въ туже

минуту прибѣгаемъ къ лекарству. Я часто чувствовала эту слабость.... ничего, — пройдетъ.

Клэйтонъ обнялъ станъ Нины и устремилъ на нее свои взоры, въ которыхъ выражались и боязнь, и восхищеніе.

— Нина, вы кажетесь мнѣ существомъ не здѣшняго міра, сказалъ онъ: — и потому я хочу удержать васъ, чтобъ вы не улетѣли.

— Не думаете ли вы, что у меня есть крылья, которыя я прячу? спросила Нина, улыбаясь и весело глядя въ лицо Клэйтона.

— Именно такъ, отвѣчалъ Клэйтонъ: — но скажите, хорошо ли вы теперь себя чувствуете.

— Да.... кажется.... только.... не лучше ли намъ сѣсть. Я думаю, что слабость эта у меня—слѣдствіе безпрестанныхъ душевныхъ волненій.

Клэйтонъ посадилъ ее на кушетку подлѣ дверей и продолжалъ поддерживать ее, обнявъ ея станъ. Черезъ нѣсколько секундъ Нина томно приникла головой къ плечу Клэйтона.

— Вы нездоровы, я это вижу, сказалъ Клэйтонъ, сильно встревоженный.

— Нѣтъ! отвѣчала Нина: — я совершенно здорова, только чувствую какую-то усталость и слабость. Кажется, здѣсь становится холодно, — не правда ли? сказала она, содрагаясь всѣмъ тѣломъ.

Клэйтонъ, не говоря ни слова, перенесъ ее въ гостиную и положилъ на диванъ. Потомъ онъ позвонилъ. Вошли Гарри и Милли.

— Возьми лошадь, и какъ можно скорѣе поѣзжай за докторомъ, сказалъ онъ, обращаясь къ Гарри, когда послѣдній вошелъ въ комнату.

— Напрасно вы посылаете, сказала Нина: — у доктора множество больныхъ и безъ меня; ему нельзя пріѣхать сюда. Къ тому же я почти здорова.... устала немного и озябла и только; закройте, пожалуйста, окна и двери, и одѣньте меня. Нѣтъ, нѣтъ! на верхъ меня не уносите; мнѣ и здѣсь хорошо. Накиньте только шаль на меня.... вотъ такъ.... я хочу пить.... дайте воды.

Страшная и непостижимая болѣзнь, свирѣпствовавшая въ то время во всей своей силѣ, имѣла множество разнообразныхъ признаковъ начала своего и развитія. Одинъ изъ этихъ признаковъ считался самымъ опаснымъ и даже смертельнымъ: это

когда больной такъ долго и постепенно вникалъ въ себя ядъ зараженной атмосферы, что сопротивляющіяся силы натуры незамѣтно ослабѣвали, и жизнь погасала тихо, но вѣрно, безъ особенныхъ внѣшнихъ симптомовъ. Страданіе больнаго, въ этомъ случаѣ, можно сравнить съ страданіями человѣка, истекающаго кровью отъ смертельной раны. Въ какой нибудь часъ, безъ всякихъ предварительныхъ признаковъ появленія болѣзни, сдѣлалось яснымъ, что печать смерти лежала уже на прекрасномъ молодомъ лицѣ Нины. Гонецъ былъ отправленъ съ приказаніемъ— ѣхать съ быстротою, какую только могли внушить ему привязанность къ любимому существу и болѣзнь за его существованіе. Гарри остался при больной.

— Напрасно вы такъ безпокоитесь, сказала Нина: — я совершенно здорова и ничего не чувствую, кромѣ небольшой усталости и этой перемѣны въ погодѣ; вы бы получше укутали меня, и, если можно, дали бы мнѣ немножко рому или чего нибудь въ этомъ родѣ. Вѣдь это вода, что вы давали мнѣ?

Увы! Нинѣ давали самый крѣпкій коньякъ; но вкусъ былъ уже потерянъ; и спиртъ оленьяго рога не имѣлъ для обонянія Нины никакого запаха. Въ погодѣ не было никакой перемѣны; это было одно только омертвѣніе, постепенно поражавшее внѣшніе и внутренніе составы организма. Но, все же, голосъ Нины оставался звучнымъ, хотя умственныя способности ея, отъ времени до времени, уклонялись отъ нормальнаго состоянія. Иногда, въ минуты изнурительной болѣзни, въ періодъ разрушенія физическихъ силъ, въ больномъ является странное желаніе пѣть; такъ и съ Ниной: совершенно лишенная самосознанія, не открывая глазъ, она нѣсколько разъ начинала пѣсню, которую пѣла въ то время, когда невидимый геній разрушитель медленно и незамѣтно наносилъ ей смертельный ударъ.

Наконецъ, когда она открыла глаза и увидѣла горесть на лицахъ, окружавшихъ ее, истина предстала ей во всей наготѣ.

— Я думаю, мнѣ не встать, сказала она. О, какъ мнѣ жаль васъ!—Не сокрушайтесь обо мнѣ. Отецъ мой любитъ меня и не хочетъ, чтобы я оставалась въ этомъ мірѣ. Онъ зоветъ меня къ себѣ. Не горюйте! — Вѣдь я гостила у васъ, и теперь иду *домой*. Я увижусь съ вами очень скоро. Довольны ли вы мною, — вы, Эдвардъ?

И снова она впала въ безпамятство, и снова запѣла страннымъ, плѣнительнымъ голосомъ, столь тихимъ, столь слабымъ:

«Туда, туда въ тотъ край родной,
Гдѣ нѣтъ ни скорби, ни страданій!»

— Но что же Клэйтонъ, — что дѣлалъ онъ? — Что могъ онъ сдѣлать? Что сдѣлалъ бы каждый изъ насъ, держа на рукахъ любимое существо, душа котораго отлетала, — душа, за которую мы бы охотно отдали свою душу? — Можемъ ли мы сдѣлать что нибудь, когда душа эта отходитъ отъ насъ съ быстротой невообразимой, когда мы, въ невѣдѣніи и ослѣпленіи, тщетно стараемся отвратить неизбѣжную участь, — когда каждую минуту думаемъ, что для сохраненія жизни нужно было бы дать какое нибудь другое средство, а мы его не дали, — или что-то, которое давали, только ускоряло теченіе страшной разрушительной болѣзни! Кто въ состояніи вообразить тѣ мучительныя минуты, когда, въ ожиданіи доктора, мы смотримъ на часы, и каждый ударъ маятника кажется намъ приближающимся шагомъ смерти! Что можетъ быть невыносимѣе отчаянія, которое мы испытываемъ въ эти ужасные часы?

Клэйтонъ, Гарри и Милли ни минуты не теряли безполезно у постели больной; они оттирали и согрѣвали ея охладѣвающіе члены, и безпрестанно давали ей возбуждающія лекарства, которыя, впрочемъ, не производили уже никакого дѣйствія на замиравшую, истощенную организацію.

— Благодареніе Богу, что она, по крайней мѣрѣ, не страдаетъ, сказалъ Клэйтонъ, стоя на колѣняхъ подлѣ больной.

Прекрасная улыбка пробѣжала по лицу Нины, когда она открыла глаза и посмотрѣла на каждаго изъ предстоявшихъ.

— Нѣтъ, мои бѣдные друзья, сказала она: — я не страдаю. Я отхожу въ страну, гдѣ нѣтъ ни скорби, ни страданій. Мнѣ такъ жаль васъ, Эдуардъ! — Помните ли, что вы говорили мнѣ однажды? — Это сбывается теперь... вы должны мужественно перенести потерю. Богъ призываетъ васъ на великое дѣло не бросайте его... еще нѣсколько минутъ, и все кончится. Эдуардъ, поберегите моихъ бѣдныхъ невольниковъ; — скажите Тому, чтобы онъ былъ кротокъ съ ними. Мой бѣдный, вѣрный, добрый Гарри! О! я такъ быстро умираю!

Голосъ Нины до такой степени ослабѣлъ, что послѣднія слова едва были слышны. Жизнь теперь, повидимому, сосредоточилась

въ одной головѣ. Нина, казалось, засыпала уже послѣднимъ, вѣчнымъ сномъ, когда на балконѣ послышались шаги пріѣхавшаго доктора. Всѣ бросились къ дверямъ, и докторъ Бутлеръ вошелъ блѣдный, изнуренный и усталый отъ постоянной дѣятельности и недостатка покоя. Онъ не сказалъ, что всякая надежда потеряна; но его первый взглядъ на больную, исполненный глубокаго уныніи, говорилъ это слишкомъ ясно. Нина сдѣлала головой легкое движеніе, еще разъ открыла глаза и сказала: прощайте! Я встану и пойду къ моему Отцу!

Слабое дыханіе съ каждой минутой становилось слабѣе и слабѣе. Надежда была потеряна! Ночь приближалась безмолвно и торжественно! Небольшой дождь, падая на кровлю балкона и на листву кустарниковъ, производилъ унылое, однообразное журчанье. Въ гостиной было тихо, какъ въ могилѣ.

ГЛАВА XXXVI

УЗЕЛЪ РАЗВЯЗАНЪ.

Клэйтонъ провелъ въ Канема нѣсколько дней послѣ похоронъ. Онъ былъ очень озабоченъ послѣднимъ завѣщаніемъ Нины — беречь ея невольниковъ; сцена отчаянія между ними, которой онъ былъ свидѣтелемъ, когда имъ объявили о смерти Нины, еще болѣе усиливала въ Клэйтонѣ желаніе быть для нихъ полезнымъ. Онъ употребилъ нѣсколько времени, чтобъ разсмотрѣть и привести въ порядокъ всѣ бумаги Нины. Запечатавъ письма ея различныхъ подругъ, чтобы возвратить ихъ по принадлежности, онъ приказалъ Гарри надписать на каждомъ конвертѣ день и часъ ея кончины. Онъ испытывалъ въ душѣ тягостное ощущеніе при мысли о невозможности сдѣлать что нибудь для слугъ, переходившихъ къ Тому Гордону.—для невольниковъ, которымъ предстояло испытывать на себѣ всю неограниченность самовластія этого человѣка. Страшныя слова его отца, касательно власти господина, никогда еще не казались Клэйтону столь ужасными, какъ теперь,—когда онъ видѣлъ, что эта, ничѣмъ неограниченная, власть переходила въ руки человѣка, для котораго единственнымъ закономъ были его собственныя страсти. Онъ припомнилъ слова Нины о глубокой ненависти, которую Томъ питалъ къ Гарри, и съ ужасомъ подумалъ о

томъ, что средство, употребленное Ниной, въ порывѣ ея великодушія, для спасенія Лизетты отъ наглости Тома, обращало теперь ее въ предметъ, на который скорѣе и сильнѣе всего падетъ это самовластіе. Подъ вліяніемъ подобныхъ размышленій, Клэйтонъ не могъ надивиться спокойствію и твердости, съ которыми Гарри продолжалъ отправлять свои обязанности, въ отношеніи къ плантаціи, навѣщалъ больныхъ и употреблялъ всѣ усилія, чтобы удалить отъ здоровыхъ паническій страхъ, который могъ бы повлечь за собой вторичное развитіе холеры. Припоминая также, что Нина говорила объ освобожденіи Гарри, въ случаѣ ея смерти, Клэйтонъ рѣшился объясниться съ нимъ по этому предмету. Однажды, когда они вмѣстѣ разбирали бумаги въ библіотекѣ, Клэйтонъ сказалъ:

— Гарри, нѣтъ ли какого нибудь договора или условія съ опекунами этого имѣнія, по которому ты долженъ получить свободу, по смерти твоей госпожи?

— Да, отвѣчалъ Гарри: — такой документъ существуетъ. Я обязанъ внести за свою свободу извѣстную сумму; часть этой суммы я уже внесъ; остается доплатить теперь не больше пятисотъ долларовъ.

— Если только за этимъ остановка, — я готовъ одолжить тебѣ только денегъ, сказалъ Клэйтонъ: — покажи мнѣ эту бумагу.

Гарри досталъ требуемый документъ, и Клэйтонъ просмотрѣлъ его. Это былъ настоящій контрактъ, написанный по надлежащей формѣ, при составленіи котораго не было упущено изъ виду ни одного обстоятельства, чтобы придать ему законность. Клэйтонъ, однакоже, былъ достаточно знакомъ съ законами страны своей и зналъ, что относительно Гарри, контрактъ этотъ былъ ни больше, ни меньше какъ грязный листъ бумаги. Онъ не сказалъ объ этомъ ни слова, но продолжалъ читать документъ; взвѣшивалъ въ немъ каждое слово, и страшился минуты, когда нужно будетъ высказать свое мнѣніе; онъ зналъ, что высказавъ его, разрушитъ всѣ надежды Гарри, надежды всей его жизни. —Во время его размышленій, слуга доложилъ о пріѣздѣ мистера Джекиля, и вслѣдъ за тѣмъ въ библіотеку вошелъ этотъ джентльменъ, съ расторопностью, которая характеризовала всѣ его движенія и дѣйствія.

— Съ добрымъ утромъ, мистеръ Клэйтонъ, сказалъ онъ, и потомъ, съ видомъ покровительства кивнувъ Гарри головой,

занялъ стулъ и приступилъ къ дѣлу своему безъ дальнѣйшихъ объясненій.

— Я получилъ приказаніе отъ мистера Гордона отправиться сюда и немедленно принять во владѣніе какъ движимое, такъ и недвижимое имущество его покойной сестры.

Клэйтонъ оставался безмолвнымъ. Такое молчаніе заставило мистера Джекиля подумать, что нѣсколько моральныхъ замѣчаній съ его стороны, по случаю печальнаго событія, будутъ весьма кстати, и потому черезъ нѣсколько секундъ прибавилъ голосомъ, который какъ нельзя лучше примѣнялся къ этому случаю.

— Божественному Промыслу угодно было посѣтить насъ своимъ справедливымъ гнѣвомъ. Мистеръ Клэйтонъ, горестныя утраты напоминаютъ намъ о кратковременности жизни и необходимости приготовиться къ смерти.

Молчаніе продолжалось, и такъ какъ Клэйтонъ не намѣренъ былъ нарушать его,—то мистеръ Джекиль перемѣнилъ тонъ и сказалъ:

— Надо полагать, что покойная не успѣла сдѣлать духовнаго завѣщанія.

— Нѣтъ, отвѣчалъ Клэйтонъ: — не успѣла.

— Я такъ и думалъ, сказалъ мистеръ Джекиль, принявъ тонъ дѣловаго человѣка. — Въ такомъ случаѣ, разумѣется, все состояніе должно перейти къ законному наслѣднику, ея родному брату.

— Не угодно ли вамъ, мистеръ Джекиль, взглянуть на эту бумагу, — сказалъ Гарри, взявъ контрактъ изъ рукъ мистера Клэйтона и передавая его мистеру Джекилю, который между тѣмъ вынулъ изъ кармана очки, не торопясь надѣлъ ихъ на острый свой носъ, и прочиталъ бумагу.

— Не думаешь ли ты, сказалъ онъ, обращаясь къ Гарри:— что этотъ документъ имѣетъ законную силу?

— Безъ всякаго сомнѣнія, отвѣчалъ Гарри. Я могу представить свидѣтелей, которые подтвердятъ подпись руки—какъ мистера Джона Гордона, такъ и миссъ Нины.

— Да это безъ всякихъ свидѣтелей весьма очевидно,— сказалъ мистеръ Джекиль: — я самъ признаю эту подпись; но надо тебѣ замѣтить, что никакія подписи не въ состояніи обратить этотъ документъ въ законный. Дѣло въ томъ, мой другъ, что невольникъ не имѣетъ права заключать условій съ своими гос-

подами. Законъ, основанный на старинномъ Римскомъ правѣ, прямо говоритъ: pro nullis pro mortuis, а это значитъ что невольникъ есть существо ничтожное, — мертвое, лишенное собственной своей воли. Вотъ съ какой точки смотритъ законъ на права невольника. Это, такъ сказать, служитъ основой нашего національнаго учрежденія, требующей безусловнаго повиновенія. Возставать противъ узаконеній безполезно.

— Мистеръ Джекиль, — сказалъ Клэйтонъ, не лучше ли рѣшить этотъ вопросъ судебнымъ порядкомъ?

— Конечно, конечно,—отвѣчалъ мистеръ Джекиль:—ваши слова напоминаютъ мнѣ о прямой моей обязанности, объявить вамъ,что я имѣю отъ мистера Гордона положительное приказаніе остаться здѣсь до его пріѣзда и сохранить надлежащій порядокъ на плантаціи;—кромѣ того, я долженъ присмотрѣть, чтобъ никто изъ невольниковъ, до прибытія мистера Гордона, не смѣлъ отлучиться съ плантаціи. Я привезъ съ собою нѣсколько должностныхъ лицъ, на тотъ конецъ, чтобъ придать, если это окажется необходимымъ, надлежащую силу приказаніямъ моего кліента.

— Когда же мистеръ Гордонъ пріѣдетъ сюда? спросилъ Клэйтонъ.

— Завтра, я думаю, отвѣчалъ мистеръ Джекиль. Молодой человѣкъ, прибавилъ онъ, обращаясь къ Гарри: представь мнѣ пожалуста переписку и книги по управленію плантаціей, чтобъ можно было разсмотрѣть ихъ до пріѣзда мистера Гордона.

Клэйтонъ всталъ и вышелъ изъ комнаты, оставивъ Гарри съ непреклоннымъ мистеромъ Джекилемъ, который усердно принялся разсматривать дѣловыя бумаги, объясняясь съ Гарри такъ непринужденно и такъ спокойно, какъ будто вовсе и не думалъ о томъ, что сказанныя имъ слова, совершенно разрушили всѣ надежды несчастнаго Гарри. Еслибъ мистеръ Джекиль обладалъ даромъ ясновидѣнія и, съ его помощію, могъ бы увидѣть страданія, происходившія въ душѣ человѣка, съ которымъ имѣлъ дѣло, то, весьма вѣроятно, пожалѣлъ бы о немъ. Самый истый политико-экономистъ содрогнулся бы при видѣ непритворной, безутѣшной скорби, въ которой находился Гарри; мистеръ же Джекиль смотрѣлъ на него весьма хладнокровно. Онъ успокоивалъ себя правилами своей особенной алгебры, по которымъ самое величайшее счастіе, изображаемое самыми высокими цифрами, нельзя еще назвать совершеннымъ, а потому, не сто-

ило и безпокоиться о безконечно-малыхъ величинахъ человѣческихъ страданій. Для людей, которые разсуждаютъ подобнымъ образомъ, не существуетъ другихъ горестей или страданій, кромѣ своихъ собственныхъ; философія ихъ принимаетъ совсѣмъ другое направленіе, только тогда, когда имъ приходится самимъ, не говоря уже о страданіяхъ душевныхъ, испытать довольно сносную зубную боль.

— Мнѣ кажется, сказалъ мистеръ Джекиль, посмотрѣвъ на Гарри пристальнѣе обыкновеннаго: — сегодня ты что-то особенно не въ духѣ. Здоровъ ли ты?

— Тѣломъ я совершенно здоровъ, отвѣчалъ Гарри.

— Такъ что же съ тобой дѣлается?

— Вотъ что, мистеръ Джекиль: всю мою жизнь я трудился, имѣя въ виду получить свободу; я думалъ, что съ каждымъ годомъ приближаюсь болѣе и болѣе къ этой отрадной цѣли. Но теперь, когда мнѣ исполнилось тридцать пять лѣтъ, я нахожу себя тѣмъ же невольникомъ, какъ и прежде, съ тою только разницей, что у меня отняли и надежду сдѣлаться когда нибудь свободнымъ человѣкомъ.

Мистеръ Джекиль только теперь, по наружнымъ признакамъ, замѣтилъ, что внутри Гарри происходила какая-то особенная борьба, какія-то невѣдомыя страданія, опредѣлить величину которыхъ онъ не могъ даже по правиламъ своей алгебры. Онъ имѣлъ, впрочемъ, смутное понятіе о томъ, что такое горесть, и зналъ, что когда люди находятся въ горести, то ихъ нужно занять утѣшительной бесѣдой, на этомъ основаніи онъ продолжалъ:

— Что же дѣлать, мой другъ? Богу угодно было назначить племени Хама тяжелое бремя.

— Мистеръ Джекиль, сказалъ Гарри; я столько же принадлежу къ племени Хама, сколько и вы. Я старшій сынъ полковника Гордона, такой же бѣлый, какъ и мой братъ, котораго вы называете моимъ господиномъ. Посмотрите на мои глаза, на волосы, и скажите, можно ли меня причислить къ племени Хама?

— Ты напрасно горячишься, любезный:—не забудь, что въ этомъ мірѣ все должно совершаться по извѣстнымъ правиламъ; мы должны слѣдовать по тому пути, который доставляетъ величайшую цифру счастія, а при этомъ условіи необходимы правила, съ помощію которыхъ въ извѣстныхъ случаяхъ и получаются вѣрные выводы. Невольничество есть благодѣтельное учрежде-

ніе для образованія африканскаго племени, утопающаго въ безднѣ невѣжества.

— Подождите: когда начнетъ распоряжаться плантаціей Томъ Гордонъ, сказалъ Гарри: — вы увидите до какой степени благодѣтельно ваше учрежденіе. Мистеръ Джекиль, вы знаете это лучше моего; вы проповѣдуете подобныя вещи сѣвернымъ индійцамъ, зная между тѣмъ, что Содомъ и Гоморъ ни подъ какимъ видомъ не равняются здѣшнимъ плантаціямъ, на которыхъ мужъ не имѣетъ правъ на жену свою, жена на мужа. Зная все это, вы еще рѣшаетесь говорить мнѣ о благодѣтельности этого учрежденія. Не назовете ли вы также благодѣтельными учрежденіями и рынки, гдѣ продаютъ мужчинъ и женщинъ? Сколько милостей и благодѣяній оказываетъ тамъ человѣкъ — человѣку! А собаки и охотники на негровъ,— это, по вашему мнѣнію, тоже благодѣтельныя учрежденія? Нѣтъ, мистеръ Джекиль, если бы ваша душа была на мѣстѣ нашей, то вы смотрѣли бы на эти вещи совершенно иначе!

Мистеръ Джекиль былъ изумленъ и, высказывая свое изумленіе, даже затруднился представить свою любимую точку зрѣнія на этотъ предметъ. Никогда еще онъ не замѣчалъ такой поразительной разницы между живою дѣйствительностью и своими отвлеченными понятіями.

Между тѣмъ гнѣвъ Гарри достигъ высшей степени. Гарри наслѣдовалъ сильныя и пылкія страсти своего отца. Его обыкновенное спокойствіе, кротость и покорность были въ немъ болѣе искусственны, чѣмъ натуральны; они похожи были на кору, покрывающую потокъ горячей лавы, которая разгорячается и начинаетъ клокотать при новомъ притокѣ, вырвавшемся изъ жерла. Въ эту минуту Гарри потерялъ всякое самообладаніе. Онъ уже видѣлъ себя скованнымъ по рукамъ и ногамъ и преданнымъ въ руки господина, отъ котораго нельзя было ждать ни милости, ни справедливости. Онъ похожъ былъ теперь на человѣка, который повисъ надъ бездной, держась за вѣтку шиповника; хрупкая, тоненькая вѣтка ломается, и онъ, потерявъ послѣднюю надежду на спасеніе, падаетъ въ бездну. Гарри выпрямился во весь ростъ, по другую сторону стола; руки его дрожали отъ сильнаго волненія.

— Мистеръ Джекиль, сказалъ онъ:—для меня теперь все кончилось. Двадцать лѣтъ безплодныхъ услугъ пропали ни за что: я, моя жена и, не родившійся еще, ребенокъ—должны сдѣлаться

невольниками низкаго злодѣя! Позвольте! теперь моя очередь говорить. Я долго терпѣлъ, но всякому терпѣнію бываютъ предѣлы. И вы, люди которые называете себя по преимуществу религіозными, — стараетесь защищать подобное тиранство! — Вы защищаете грабительство, разбой, прелюбодѣяніе и всѣ самые низкіе пороки. Вы хуже самихъ грабителей, которые, по крайней мѣрѣ, не стараются выставлять своихъ поступковъ въ хорошемъ свѣтѣ. Скажите объ этомъ Тому Гордону,—скажите, что я буду защищать правду до послѣдней минуты моей жизни! Теперь мнѣ не на что надѣяться и нечего терять! Пусть онъ помнитъ это.... Нѣкогда и Самсона обратили въ предметъ посмѣянія,—выкололи ему глаза,—но онъ отомстилъ врагамъ своимъ, обрушивъ на нихъ храмину, въ которой они пировали. Берегитесь, говорю я!

Въ порывѣ этого сильнаго гнѣва было что-то страшное. Жилы на лбу Гарри натужились, губы покрылись мертвенною блѣдностью, глаза сверкали, какъ молнія. Мистеръ Джекиль испугался не на шутку.

— Наступитъ день, продолжалъ Гарри, когда всѣ ваши злодѣянія обрушатся на васъ...—вспомните мои слова.

Въ порывѣ негодованія, Гарри говорилъ такъ громко, что Клэйтонъ услышалъ его, вошелъ въ комнату и, остановившись позади Гарри, дотронулся до его плеча.

— Добрый другъ мой, сказалъ онъ, положивъ руку на плечо Гарри и устремивъ на него умоляющій взглядъ: перестань! ты самъ не знаешь, что говоришь.

— Напротивъ, сказалъ Гарри: я знаю очень хорошо; и повѣрьте, что слова мои оправдаются.

Между тѣмъ позади Клэйтона стоялъ уже другой свидѣтель— Томъ Гордонъ въ дорожномъ платьѣ, съ пистолетами за поясомъ. Онъ поскакалъ почти вслѣдъ за Джекилемъ и прибылъ въ Канема, чтобы услышать часть неистовыхъ восклицаній Гарри.

— Остановитесь! сказалъ Томъ, выступая на средину комнаты:—предоставьте мнѣ этого молодца! Ну, любезный, сказалъ онъ, бросивъ на Гарри мрачный и злобный взглядъ:—ты, кажется, не зналъ, что твой господинъ слушалъ твою рѣчь? При послѣдней встрѣчѣ, ты сказалъ, что я вовсе не твой господинъ; посмотримъ, повторишь ли ты теперь эти слова! — Ты успѣлъ упросить госпожу свою откупить Лизетту, чтобъ устранить ее отъ моего вліянія. Скажи-ка теперь, кто ея господинъ? Э! ты

видишь это? сказалъ Томъ, поднявъ длинную гутта-перчевую трость: этимъ я бью собакъ, когда онѣ не знаютъ своихъ мѣстъ. На колѣни, мерзавецъ! и сію минуту проси прощенія за свою наглость,—иначе я выбью изъ тебя духъ.

— Передъ младшимъ братомъ я не хочу становиться на колѣни, — сказалъ Гарри.

Съ неистовымъ проклятіемъ, Томъ Гордонъ бросился на Гарри и ударилъ его. Негодованіе Гарри вышло изъ предѣловъ благоразумія. Потерявъ всякую возможность владѣть своими чувствами, онъ, въ свою очередь, нанесъ Тому такой сильный ударъ, отъ котораго Томъ отлетѣлъ къ противоположной стѣнѣ. Вслѣдъ за тѣмъ Гарри съ быстротою мысли, выпрыгнулъ въ окно, спустился съ кровли балкона на крыльцо, вскочилъ на лошадь Тома и молніей прилетѣлъ къ дверямъ своего коттеджа. Лизетта стояла на крыльцѣ и гладила бѣлье.—Скорѣе, Лизетта, сюда! ко мнѣ! — Томъ Гордонъ пріѣхалъ! — говорилъ Гарри, подавая руку подбѣжавшей Лизеттѣ...

И прежде, чѣмъ Томъ Гордонъ успѣлъ очнуться отъ удара, быстрый кровный конь, вихремъ летѣвшій по чащѣ кустарниковъ, примчалъ бѣглецовъ къ тому мѣсту, гдѣ Гарри два раза уже встрѣчался съ Дрэдомъ. — Дрэдъ и на этотъ разъ стоялъ на томъ же мѣстѣ.

— Давно бы такъ, сказалъ онъ, когда Гарри и Лизетта спустились съ коня... Видѣніе исполнилось: Господь сдѣлаетъ тебя вождемъ и повелителемъ народа!

— Однако поторопимся: времени терять нельзя, замѣтилъ Гарри.

— Знаю, сказалъ Дрэдъ: идите за мной.

И передъ закатомъ солнца, Гарри и Лизетта были обитателями дикой крѣпости, въ центрѣ »Ужаснаго Болота.«

ГЛАВА XXXVII.

цѣль въ жизни.

Трудно описать сцену, которая происходила въ библіотекѣ. послѣ побѣга Гарри, Томъ Гордонъ вътеченіе нѣсколькихъ минутъ оставался совершенно безъ чувствъ. Клэйтонъ и мистеръ Джекиль начинали даже бояться за его жизнь, такъчто послѣд-

ній изъ нихъ, не зная, что дѣлать для приведенія Тома въ чувство, чуть не вылилъ ему на лицо все содержаніе огромной чернилицы; — это средство было теперь такъ же кстати, какъ и наставленія, которыя за нѣсколько минутъ предъ тѣмъ читалъ онъ Гарри. Клэйтонъ, болѣе обладавшій благоразуміемъ и хладнокровіемъ, протянулъ руку, позвонилъ въ колокольчикъ и приказалъ подать воды. Черезъ нѣсколько секундъ Томъ, однакоже, очнулся и съ бѣшенствомъ вскочилъ на ноги.

— Гдѣ этотъ бездѣльникъ? вскричалъ онъ, и разразился бранью, которая заставила мистера Джекиля расправить воротнички; а это обстоятельство служило у него приступомъ къ небольшому увѣщанію.

— Молодой мой другъ, началъ онъ.

— Убирайтесь вы въ чорту съ своими *молодыми друзьями*... Гдѣ Гарри, я спрашиваю...

— Онъ убѣжалъ, сказалъ Клэйтонъ спокойно.

— Выпрыгнулъ въ окно, прибавилъ мистеръ Джекиль.

— Чортъ возьми! почему же вы его не удержали? вскричалъ Томъ, приходя въ бѣшенство.

— Если этотъ вопросъ относится ко мнѣ, сказалъ Клэйтонъ: — то я не вмѣшиваюсь въ ваши семейныя дѣла.

— Вы вмѣшивались въ нихъ *прежде*, больше, чѣмъ бы слѣдовало; — но теперь этого не будетъ, грубо сказалъ Томъ. — Впрочемъ, теперь не время объясняться; — за этимъ бездѣльникомъ надобно послать погони! — Онъ воображаетъ, что убѣжитъ отъ меня... ха! ха! — посмотримъ! Я покажу на немъ такой примѣръ, котораго долго не забудутъ!

Съ этими словами онъ сильно позвонилъ.

— Джимъ! ты видѣлъ, какъ Гарри взялъ мою лошадь и уѣхалъ?

— Видѣлъ, сэръ.

— Почему же ты, проклятый! не задержалъ его?

— Я думалъ, что его послалъ мастеръ Томъ!

— Врешь, собака! Ты совсѣмъ не то думалъ: ты зналъ, что онъ дѣлалъ. Сію же минуту возьми лучшую лошадь и гонись за нимъ. Если ты его не поймаешь; то тебѣ же будетъ хуже! Или, постой... подай мнѣ лошадь, и поѣду самъ.

Клэйтонъ видѣлъ, что оставаться въ Канема на болѣе продолжительное время было безполезно. Онъ приказалъ осѣдлать

себѣ лошадь и уѣхалъ. Томъ Гордонъ проводилъ его взглядомъ, исполненнымъ ненависти и злобы.

— Ненавижу этого человѣка, сказалъ онъ:—и если представится возможность, я постараюсь удружить ему.

Что касается до Клэйтона, то онъ возвращался домой съ самыми горькими чувствами. Нѣкоторые люди устроены такимъ образомъ, что всякая несправедливость, которой они не въ силахъ устранить, дѣйствуетъ на нихъ возмутительно и нерѣдко доводитъ ихъ до безразсудныхъ поступковъ. Подобное устройство организма по справедливости можно назвать весьма непріятнымъ, разумѣется въ житейскихъ отношеніяхъ. Иные могутъ сказать такому человѣку: «какое тебѣ дѣло до чужой несправедливости? Ты не въ состояніи исправить это зло, и притомъ до тебя оно не касается.» Но, несмотря на то, сила негодованія нисколько отъ этого не ослабѣваетъ. Къ тому же Клэйтонъ, только-что, перенесъ одинъ изъ сильныхъ кризисовъ въ жизни. — Глубокое, исполненное странной, заманчивой таинственности чувство, которое питалъ онъ къ любимому существу,— чувство, какъ волна поднимавшееся въ душѣ его и поглощавшее втеченіе нѣкотораго времени, всю силу его бытія,— разбилось въ дребезги отъ одного удара о берегъ смерти, и вмѣстѣ съ тѣмъ разбило всѣ лучшія мечты его и надежды. Въ безпредѣльной пустотѣ, наступающей за подобнымъ кризисомъ, душа невольно стремится къ чему-то, ищетъ, чѣмъ бы наполнить эту пустоту. Хотя сердце и говоритъ тогда, что никакое человѣческое существо не можетъ проникнуть въ его опустѣлую и священную храмину, но вмѣстѣ съ тѣмъ оно избираетъ какую нибудь цѣль, которая должна служить въ своемъ родѣ замѣной утраченнаго чувства.

Точно такъ и Клэйтонъ торжественно и со всею горячностью рѣшился назначить себѣ цѣлью въ жизни—борьбу съ этой ужасной системой величайшей несправедливости, которая, подобно паразитному растенію, пустила корни свои во всѣ слои общества и высасывала оттуда всю благотворную влагу и всѣ питательные соки

Проѣзжая черезъ глухіе сосновые лѣса, онъ чувствовалъ, какъ жилы его наливались кровью и сердце билось, сильнѣе обыкновеннаго, отъ негодованія и горячаго желанія достичь предположенной цѣли. Въ душѣ его пробуждалось то сознаніе своего могущества, которое иногда приходитъ къ человѣку, какъ вдо-

хновеніе. и заставлялъ его говорить: это будетъ по моему,— или: этому не бывать, — какъ будто бы онъ обладалъ возможностію измѣнить или исправить извилистый путь событій въ исторіи человѣчества. Сложеніемъ съ себя званія адвоката, онъ публично протестовалъ противъ несправедливости закона, и такимъ образомъ сдѣлалъ первый шагъ къ своей цѣли. Онъ и за это благодарилъ свою судьбу. Но послѣ.. что онъ долженъ былъ дѣлать дальше? Какимъ образомъ сдѣлать нападеніе насильное, недоступное зло, какимъ образомъ достичь вполнѣ своей цѣли,—этого онъ рѣшительно не зналъ. Клэйтонъ менѣе, чѣмъ всѣ другіе въ его положеніи, не зналъ, на какое предпріятіе онъ рѣшался. Онъ принадлежалъ къ старинной и уважаемой фамиліи, и, какъ обыкновенно водится въ такихъ случаяхъ, ему во всѣхъ слояхъ общества, оказывали вниманіе и почтительно слушали его изреченія. Тотъ, кто беззаботно спускается внизъ по зеркальной поверхности быстрой и большой рѣки, не можетъ измѣрить всей силы опасности, соображая впередъ, какихъ трудовъ будетъ стоить ему подняться вверхъ противъ теченія. Онъ не знаетъ, какъ велика будетъ сила потока, когда слабому веслу его нужно будетъ бороться съ цѣлой массой воды, сопротивляющейся его усиліямъ. Клэйтонъ еще не зналъ, что онъ былъ уже замѣчательнымъ человѣкомъ; онъ не зналъ, что касался живой струны въ обществѣ, коснуться которой общество никогда не позволитъ безнаказанно. Клэйтонъ дѣлалъ при этомъ величайшую ошибку, какую дѣлали всѣ подобные ему люди, судя о человѣчествѣ по самимъ себѣ. Защиту преднамѣренной несправедливости онъ приписывалъ исключительно невѣжеству и безпечности. По его мнѣнію, для искорененія зла необходимо было только открыть глаза обществу и обратить общее вниманіе на этотъ предметъ. На возвратномъ пути къ дому, онъ перебиралъ въ умѣ различныя средства для искуснѣйшаго открытія дѣйствій. Зло это не могло быть долѣе терпимо. Клэйтонъ хотѣлъ принять на себя трудъ — соединить и сосредоточить тѣ неопредѣленныя побужденія къ добру, которыя, какъ онъ полагалъ, существовали во всемъ обществѣ. Онъ хотѣлъ получить совѣты отъ умныхъ людей, занимавшихъ почетныя мѣста; хотѣлъ посвятить все свое время путешествіямъ по штату, напечатать въ газетахъ воззваніе, вообще — сдѣлать все, что только было во власти свободнаго человѣка, который желаетъ отмѣнить несправедливый законъ. Полный такихъ предположеній, Клэйтонъ снова вступилъ въ

отеческій домъ, послѣ двухдневнаго, скучнаго переѣзда. Еще будучи въ Канема, онъ написалъ своимъ родителямъ о смерти Нины и просилъ ихъ не напоминать ему объ этомъ предметѣ; а потому при встрѣчѣ съ родными, онъ ощущалъ въ душѣ своей то тяжелое, тупое страданіе, которое становится еще невыносимѣе, когда, при встрѣчѣ съ близкимъ сердцу, нельзя облегчить себя, высказавъ все свое горе. Со стороны нѣжной, любящей матери Клэйтона, это было еще большимъ самоотверженіемъ. Она хотѣла бы выразить состраданіе, сочувствіе, броситься на шею сына, вызвать наружу всѣ его чувства и съ ними смѣшать свои собственныя. Но есть люди, для которыхъ это невозможно, которымъ, повидимому, назначено самой судьбой—не жаловаться на свои страданія. Чувства этого нельзя назвать ни самолюбіемъ, ни холодностью; это скорѣе какая-то роковая необходимость. Въ такомъ состояніи тѣло человѣка представляетъ собою мраморную темницу, въ которой душѣ какъ будто суждено оставаться въ совершенномъ одиночествѣ, страдать и томиться. Это, можно сказать,—послѣднее торжество любви и великодушія, послѣдняя дань любящаго сердца предмету его обожанія,—чувство тяжелое, но въ которомъ иныя натуры находятъ удовольствіе.

Горесть Клэйтона можно было измѣрить только горячностью и энергіей, съ которыми онъ стремился къ своей цѣли, долженствовавшей наполнить пустоту души его.

— Я не предвижу успѣха въ твоемъ предпріятіи, сказалъ судья Клэйтонъ сыну:—это зло такъ укоренилось, что требуетъ радикальнаго исправленія.

— Иногда я сожалѣю, что Эдуардъ сдѣлалъ такое начало, сказала мистрисъ Клэйтонъ; этимъ началомъ онъ нанесъ ударъ людскимъ предразсудкамъ.

— Такіе удары необходимы нашему народу, для того, чтобы отклонить его въ сторону отъ устарѣлой, пошлой рутины, возразилъ Клэйтонъ. Укоренившіеся обычаи не даютъ намъ замѣчать за собой недостатки, дѣлаютъ насъ нечувствительными къ нашимъ несправедливымъ поступкамъ; дайте человѣку толчокъ и онъ начнетъ думать и доискиваться причины этого толчка.

— Но не лучше ли было бы, сказала мистриссъ Клэйтонъ:—удержать за собой личное вліяніе, чтобы распространять свои мнѣнія съ бо́льшею увѣренностью и безопасностью? Тебѣ извѣстно предубѣжденіе противъ аболиціонистовъ;—а лишь только человѣкъ вздумаетъ защищать уничтоженіе невольничества, — его

видѣ и узнаешь о человѣчествѣ гораздо больше, чѣмъ знаешь теперь.

— И прекрасно, сказалъ Клэйтонъ: — чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше.

— Но, Эдуардъ, сказала мистриссъ Клэйтонъ:—если ты намѣренъ начать съ духовенства, то почему бы тебѣ не обратиться къ дядѣ твоему Кушингу и не попросить его совѣтовъ? Этотъ человѣкъ, изъ всѣхъ протестантовъ въ нашемъ штатѣ, имѣетъ самое большое вліяніе, и я часто слышала, какъ онъ оплакивалъ бѣдствія, проистекающія отъ невольничества. Онъ разсказывалъ мнѣ ужасные факты о вліяніи этого учрежденія на характеръ его прихожанъ, — какъ изъ невольниковъ, такъ и изъ свободныхъ сословій.

— Конечно, сказалъ судья Клэйтонъ: — твой братъ можетъ разсказывать подобныя вещи; онъ будетъ оплакивать бѣдствія невольничества — въ частныхъ кружкахъ; онъ сообщитъ тебѣ множество фактовъ; но въ дѣлѣ уничтоженія зла — на авторитетъ нечего разсчитывать.

— Неужели же ты думаешь, что онъ не согласится помочь въ этомъ дѣлѣ?

— Не согласится, отвѣчалъ судья Клэйтонъ: — потому что дѣло это непопулярно.

— Такъ ты полагаешь, что братъ мой побоится исполнить свой долгъ изъ страха лишиться популярности?

— Твой братъ долженъ заботиться объ интересахъ своей церкви, — подъ этимъ онъ разумѣетъ пресвитеріанскую организацію, — и потому отвѣтитъ, что ему нельзя рисковать своимъ вліяніемъ. Тоже самое скажетъ каждое главное лицо другихъ отраслей протестанской вѣры. Приверженцы епископальной церкви, методисты, анабаптисты, — всѣ они одинаково заботятся объ успѣхахъ своей церкви. — Никто изъ нихъ не рѣшится защищать непопулярное дѣло, изъ опасенія, что другія секты воспользуются этимъ и пріобрѣтутъ расположеніе народа. Никто изъ нихъ не одобритъ такой непопулярной реформы, какъ эта.

— Я, съ своей стороны, не вижу тутъ непопулярности, сказала мистриссъ Клэйтонъ: — это, по моему мнѣнію, одна изъ благороднѣйшихъ и необходимѣйшихъ реформъ.

— Несмотря на то, сказалъ судья Клэйтонъ: — она будетъ представляться въ самомъ невыгодномъ свѣтѣ. Слова: уничтоже-

міе рабства, возмущеніе, фанатизмъ,—посыплются градомъ. Буря будетъ соразмѣрна дѣйствительной силѣ волненія и кончится, всего вѣроятнѣе, изгнаніемъ Эдуарда изъ штата.

— Батюшка, сказалъ Клэйтонъ: мнѣ бы не хотѣлось думать, что люди такъ дурны, какъ вы ихъ представляете, особенно люди религіозные.

— Я вовсе не представляю ихъ дурными, отвѣчалъ судья Клэйтонъ. Я упомянулъ только о фактахъ, которые очевидны для всякаго.

— Но, сказалъ Клэйтонъ; развѣ протестантская церковь древнихъ временъ не боролась съ цѣлымъ свѣтомъ? — Религія всегда и вездѣ должна стоять въ главѣ общества, должна управлять имъ и наставлять въ добродѣтели и истинѣ.

— Объ этомъ слова нѣтъ, сказалъ судья Клэйтонъ. Однако же, я полагаю, на дѣлѣ ты самъ увидишь все это въ томъ видѣ, въ какомъ я представилъ. Чѣмъ была протестанская церковь въ древніе вѣка и чѣмъ она должна быть въ настоящее время, — это два вопроса, которые вовсе не будутъ къ дѣлу при нашихъ практическихъ соображеніяхъ. Я смотрю на вещи, какъ онѣ есть. Ложныя предположенія и ожиданія никогда еще не приносили пользы.

— Боже мой! сказала мистриссъ Клэйтонъ: — до какой степени холодны и бездушны всѣ эти судьи и адвокаты! Я увѣрена, что Эдуардъ найдетъ въ моемъ братѣ человѣка, готоваго помочь ему и словомъ и дѣломъ.

— Дай Богъ! Этому я буду душевно радъ, сказалъ судья Клэйтонъ.

— Я сейчасъ же напишу ему, продолжала мистриссъ Клэйтонъ: — Эдуардъ поѣдетъ и поговоритъ съ нимъ. Не унывай, Эдуардъ! Инстинкты женщины заключаютъ въ себѣ пророческую силу. Во всякомъ случаѣ, мы, женщины, будемъ поддерживать тебя до послѣдней крайности.

Клэйтонъ вздохнулъ. Онъ вспомнилъ записку Нины и подумалъ: какое это было благородное, великодушное существо. И, подобно легкому дыханію увядшей розы, неясное воспоминаніе о ней, казалось, говорило ему: — не оставляй этаго дѣла!

ГЛАВА XXXVIII.

НОВАЯ МАТЬ.

Холера наконецъ прекратилась; и хозяйственное управленіе нашего стараго друга Тиффа приведено было въ надлежащій порядокъ. Его цыплята и индѣйки достигли зрѣлаго возраста, кудахтали и гордо расхаживали около хижины. Сентябрьскій вѣтерокъ, пробѣгая надъ посѣвомъ риса, волновалъ спѣлые колосья. Могила малютки покрылась первою зеленью, и Тиффъ былъ уже доволенъ своей потерею, утѣшая себя мыслію, что «младенецъ теперь въ царствѣ небесномъ». Миссъ Фанни пополнѣла, поздоровѣла и проводила большую часть дня въ прогулкахъ съ Тэдди по сосѣднимъ лѣсамъ, или садилась на скамейку, гдѣ миссъ Нина читала имъ библію, и съ большимъ затрудненіемъ повторяла, въ назиданіе и отраду своему старому другу, знакомыя слова дивной исторіи, съ которою она познакомилась, благодаря добродушію Нины. Внутренность хижины отличалась украшеніями лѣсной природы, и Тиффъ продолжалъ лелѣять въ своемъ воображеніи идею, что эта хижина была резиденціею предковъ Пэйтоновъ, что его молодые господинъ и госпожа были полными властелинами въ ней, а его особа замѣняла всю ихъ свиту. На этотъ разъ онъ сидѣлъ на крыльцѣ, въ тѣнистой прохладѣ, разсматривалъ и починивалъ свои старыя панталоны, и, для препровожденія времени, весело разговаривалъ самъ съ собою.

— Ничего, старикъ Тиффъ, положи и сюда заплатку, тебя никто не осудитъ. Мистеръ Криппсъ давно обѣщалъ привезти на новую пару платья, да толку въ томъ мало. Такимъ людямъ и вѣрить-то не стоитъ.... таскается изъ стороны въ сторону.... пьетъ во всѣхъ тавернахъ.... только позоритъ нашу фамилію. А ужъ давненько не видать его.... не мудрено, впрочемъ, что и холера скрючила.... воля Божія!... Богъ съ нимъ.... жаль только дѣтей.... А и то сказать, какая польза отъ него.... привозитъ домой какую-то старую дрянь, пропиваетъ всю выручку за моихъ цыплятъ, и все у Абиджи Скипфлинта.... Мнѣ все думается, что демонъ изъ стада свиней переселился въ бочки съ виски. Этотъ напитокъ безобразитъ людей.... Пока въ жилахъ моихъ останется хоть капля крови Пэйтоновъ, Тэдди не отвѣдаетъ ни капли этой гадости.... Господи! подумаешь, какъ много позво-

ляютъ себѣ люди въ этомъ мірѣ.... Бѣдная, неоцѣненная миссъ Нина! Много добра дѣлала она моимъ дѣтямъ.... отлетѣла въ міръ ангеловъ. Да будетъ имя Господне благословенно отнынѣ и до вѣка!... будемъ дѣлать, что возможно.... Богъ дастъ,—всѣ попадемъ въ Ханаанскую землю!

И Тиффъ дрожащимъ голосомъ запѣлъ любимый неграми гимнъ:

«О, братія! наконецъ я отыскалъ страну, которая изобилуетъ пищей сладкой, какъ манна.

«Чѣмъ больше я вкушаю ее, тѣмъ сильнѣе становится во мнѣ желаніе пѣть и восклицать: осанна!

— Ши! ши! ш! воскликнулъ онъ, замѣтивъ, что его длинноногія куры, пользуясь минутами его благочестиваго увлеченія, тихонько пробрались въ отворенную дверь.

— Кажется, эти негодныя навсегда останутся глупыми, сказалъ Тиффъ, убѣдясь, что его усердное шиканье, вмѣсто того, чтобы произвесть желаемое дѣйствіе, только перепугало все стадо. Поэтому Тиффъ долженъ былъ положить свою работу, причемъ наперстокъ покатился въ одну сторону, кусочекъ воску въ другую, и оба спрятались въ травѣ; между тѣмъ куры, увидѣвъ въ дверяхъ Тиффа, наперекоръ вѣжливому его предложенію выйти изъ комнаты, поступили съ свойственнымъ имъ неблагоразумiемъ: онѣ въ безпорядкѣ разлетѣлись во всѣ стороны, хлопали крыльями, кудахтали, опрокидывали чайники, горшки съ цвѣтами и кухонную утварь, къ величайшей досадѣ стараго Тиффа, который съ каждой минутой приходилъ все въ большее изумленіе при такомъ недостаткѣ куринаго благоразумія.

— Въ жизнь мою не видывалъ созданія глупѣе курицы, сказалъ Тиффъ, отдѣлавшись наконецъ отъ нежданнаго нашествія и дѣятельно занимаясь приведеніемъ въ порядокъ страшнаго хаоса во всей комнатѣ, и особенно въ затѣйливыхъ украшеніяхъ миссъ Фанни. Я думалъ, что Господь далъ мѣсто для ума въ головѣ каждаго животнаго; а оказывается, что у куръ нѣтъ ума ни на зернышко. То-то другой разъ думаешь, почему она подожметъ подъ себя то одну ногу, то другую; выходитъ—просто потому, что не смыслитъ стоять на обѣихъ ногахъ. Удивляться, впрочемъ, нечему: есть люди, которыхъ Господь и разумомъ одарилъ, а они все-таки не знаютъ, что и дѣлать съ нимъ; значитъ, курицѣ-то быть безъ ума не диковинка. Да и то сказать, безъ пихъ, я ужъ и не знаю, чтобы мы сдѣлали, заключилъ старый Тиффъ, по-

степенно приходя въ прежнее настроеніе духа. Наконецъ онъ совершенно успокоился, взялъ иголку и съ усиленнымъ одушевленіемъ окончилъ начатый гимнъ.

— Почему знать, говорилъ Тиффъ, продолжая свои размышленія: — можетъ статься онъ и умеръ; а если умеръ, то я долженъ похлопотать о хозяйствѣ посерьёзнѣе. Лѣтомъ я выгодно продамъ яйца.... сладкій картофель всегда принесетъ хорошую цѣну. Ахъ, какъ бы только научить дѣтей грамотѣ, да хорошимъ манерамъ.... Миссъ Фанни становится просто красавицей.... взглядъ у нея ни дать, ни взять, какъ у Пэйтоновъ.... пожалуй, кто нибудь присватается.... надо смотрѣть въ оба.... Отъ молодыхъ людей, которыхъ Криппсъ привозитъ съ собой, миссъ Фанни не должна услышать слова.... Жалкій народъ.... шатается, шатается по свѣту, да такъ гдѣ нибудь и пропадетъ....

— А что, если кто нибудь изъ Пэйтоновъ оставитъ этимъ дѣтямъ наслѣдство? Я знаю, такія вещи случались.... адвокаты нерѣдко вызываютъ наслѣдниковъ.... Поговорить развѣ объ этихъ дѣтяхъ съ женихомъ миссъ Нины. Онъ славный человѣкъ и, можетъ статься, приметъ въ нихъ участіе. Да и сестра его, которая была въ такой дружбѣ съ миссъ Ниной, вѣроятно и она что нибудь сдѣлаетъ для нихъ. Во всякомъ случаѣ, пока я живъ, дѣти не должны нуждаться ни въ чемъ.

Но, увы! человѣческія ожиданія часто оказываются весьма несбыточными! Даже нашей бѣдной, маленькой Аркадіи среди дикаго лѣса, въ которой мы провели столько отрадныхъ минутъ, суждено было испытать превратности земныхъ радостей и надеждъ! Въ то время, какъ Тиффъ говорилъ самъ съ собою и распѣвалъ отъ избытка счастія и искренности своей души, на отдаленномъ поворотѣ дороги показался страшный призракъ, въ которомъ, по мѣрѣ его приближенія, Тиффъ узналъ повозку Криппса. Оказалось, что Криппсъ не умеръ, но возвращался домой на болѣе продолжительный періодъ; между прочимъ хламомъ, онъ тащилъ съ собой подругу сердца.

Не трудно, полагаемъ, представить себѣ уныніе Тиффа и его безмолвное изумленіе, когда зловѣщая повозка подкатила къ крыльцу, и когда Криппсъ вытащилъ изъ нея повидимому—узелъ грязнаго бѣлья, но узелъ этотъ въ дѣйствительности былъ ни что иное, какъ пьяная женщина, потерявшая почти всякое самосознаніе. По всему было видно, что она принадлежала къ сословію скоттеровъ, жалкое состояніе которыхъ служитъ послѣд-

нимъ доказательствомъ зла, проистекающаго отъ невольничества. Все натуральное, все прекрасное и доброе, такъ свойственное женской природѣ, было въ ней подавлено гнетомъ безнравственности и грубаго невѣжества; въ ней были всѣ пороки цивилизаціи, не прикрываемыя ея лоскомъ, — всѣ пороки варварства, безъ случайныхъ порывовъ благородства, иногда ихъ выкупающихъ. Низкая и преступная связь съ этой женщиной кончилась бракомъ; при мысли о такомъ бракѣ, которымъ соединяются грубыя, животныя натуры, безъ малѣйшаго отблеска идеи о высокомъ предназначеніи этого священнаго союза,— невольно содрогнешься!

— Тиффъ, вотъ тебѣ новая госпожа, сказалъ Криппсъ, разражаясь смѣхомъ идіота: — чертовски-славная баба! Вздумалъ подарить моимъ дѣтямъ новую мать, которая будетъ беречь ихъ. Пойдемъ со мной.

Посмотрѣвъ внимательнѣе, мы узнаемъ въ этой женщинѣ нашу старую знакомку Полли Скинфлинтъ.

Криппсъ почти силой втащилъ ее въ хижину, и Полли разсѣлась на постель Фанни. Тиффъ, казалось, готовъ былъ тутъ же убить ее; казалось, на него обрушилась горная лавина. Опустивъ руки, онъ стоялъ въ дверяхъ съ выраженіемъ глубокаго отчаянія, между тѣмъ какъ Полли, размахивая ногами, плевала во всѣ стороны сокъ табачной жвачки, которую сосала и вертѣла за щекой съ какимъ-то особеннымъ наслажденіемъ.

— Чортъ возьми! да здѣсь прекрасно, сказала она: — только негръ пусть выброситъ всю эту дрянь, прибавила она, указывая на цвѣты миссъ Фанни:—я не хочу, чтобъ дѣти портили растенія вокругъ моего дома. Эй ты, негръ! выбрось этотъ соръ.

Такъ какъ Тиффъ не трогался съ мѣста и вовсе не думалъ повиноваться ея приказаніямъ, то новая госпожа подбѣжала къ нему и ударила по головѣ.

— Ахъ, Полли, оставь, успокойся, сказалъ Криппсъ: — онъ не привыкъ къ такому обхожденію.

— Убирайся прочь! вскричала любезная лэди, обращаясь къ супругу: — не ты ли говорилъ, что когда я выйду замужъ за тебя, то у меня будетъ негръ, которымъ я могу распоряжаться, какъ мнѣ угодно.

— Ну, да, да, сказалъ Криппсъ, который,—нужно отдать ему справедливость,—не былъ жестокимъ человѣкомъ:—только я не думалъ, что ты съ перваго же раза начнешь его бить.

— Я должна его бить, если онъ не исполняетъ моихъ приказаній; буду бить и тебя, вскричала свирѣпая Полли, и въ подтвержденіе словъ своихъ такъ сильно толкнула своего супруга, что онъ нашелся вынужденнымъ отвѣтить ей ударомъ, и перепалка началась. Тиффъ съ отвращеніемъ и ужасомъ выбѣжалъ изъ хижины.

— Боже праведный! сказалъ онъ про себя: — не вѣрю глазамъ своимъ! Я горевалъ, когда Господь прибралъ малютку къ себѣ, а теперь готовъ пасть на колѣни и благодарить Его за эту милость: Онъ избавилъ его отъ ужаснаго бѣдствія. Что будетъ съ вами, миссъ Фанни, моя бѣдная овечка, которую я такъ берегъ!... Господи! да это въ тысячу разъ хуже холеры.

Къ довершенію горести, Тиффъ увидѣлъ дѣтей, возвращавшихся изъ лѣса. Въ самомъ веселомъ расположеніи духа они тащили корзинку дикаго винограда. Тиффъ побѣжалъ къ нимъ на встрѣчу.

— Ахъ вы, мои бѣдныя овечки, сказалъ онъ: — вы не знаете, что̀ ожидаетъ васъ. Вашъ папа воротился и привезъ съ собой жену, такую отвратительную, что порядочнымъ дѣтямъ страшно говорить съ ней. Теперь они бранятся и дерутся, какъ два демона. Что я стану дѣлать? Миссъ Нина умерла.... гдѣ теперь мнѣ пріютить васъ, мои милые?

И старикъ сѣлъ на траву и горько заплакалъ, между тѣмъ какъ испуганныя дѣти бросились къ нему на шею и тоже заплакали.

— Что мы будемъ дѣлать? Что мы будемъ дѣлать? сказала Фанни, тогда какъ Тэдди, пріобрѣтшій привычку почтительно повторять все, что говорила сестра, повторилъ и теперь плаксивымъ лепетомъ: что мы будемъ дѣлать?

— Я намѣренъ бѣжать съ вами въ пустыню, какъ съ дѣтьми Израиля, сказалъ Тиффъ: — хотя въ наши времена и не падаетъ манна съ неба.

— Тиффъ, быть можетъ, она будетъ такая же, какою была наша мама? спросила Фанни.

— О, нѣтъ, миссъ Фанни, совсѣмъ нѣтъ. Ваша мама принадлежала къ одной изъ первѣйшихъ фамилій въ Виргиніи. Она погубила себя, вышедъ замужъ за такаго человѣка. Я никогда не говорилъ объ этомъ.... Это было бы съ моей стороны непростительно. Но теперь мнѣ все равно....

Слова стараго Тиффа были прерваны громкимъ крикомъ Криппса.

— Алло, Тиффъ! куда ты пропалъ? Иди назадъ; Полли и я помирились. Веди и дѣтей съ собой. Пусть они познакомятся съ новой матерью.

Тиффъ и дѣти подошли къ крыльцу. Криппсъ взялъ Фанни за руку и повелъ ее, испуганную, и плачущую во внутренность хижины.

— Не бойся, моя милая, говорилъ онъ: — я привезъ вамъ новую мать.

— Намъ не нужно ея, сказалъ Тэдди, заливаясь слезами.

— Нѣтъ, нужно, сказалъ Криппсъ: — пойдемъ, пойдемъ. Вотъ твоя мама, и съ этими словами онъ толкнулъ маленькаго Тэдди въ дебелыя объятія Полли. Фанни, поцалуй твою маму!

Фанни отступила назадъ и заплакала; Тэдди послѣдовалъ ея примѣру.

— Съ глазъ монхъ долой эту сволочь! вскричала новобрачная лэди. Я говорила тебѣ, Криппсъ, что мнѣ не нужно ребятишекъ отъ другой женщины; надоѣдятъ и свои.

ГЛАВА XXXIX.

побѣгъ.

Чистенькая и уютная хижина, которой старый Тиффъ былъ геніемъ-хранителемъ, вскорѣ испытала надъ собой превратности земнаго счастія. Абиджа торжествовалъ, радуясь удаленію Полли Скинфлинтъ изъ подъ родительскаго крова, и вмѣстѣ съ тѣмъ избавленію отъ ея буйнаго, повелительнаго характера. Ея мать, одна изъ тѣхъ безпечныхъ и неэнергичныхъ женщинъ, жизнь которыхъ представляетъ собою тихое теченіе мутнаго потока, олицетворяющаго собою глупость и лѣность, говорила объ этомъ событіи весьма немного; но, вообще, и она была довольна, что избавилась наконецъ отъ длинныхъ рукъ Полли и ея пронзительнаго крика. Въ проницательномъ взглядѣ Абиджи на вещи немаловажное значеніе имѣло и то обстоятельство, что Криппсъ владѣлъ негромъ, — главная цѣль, къ которой бѣдный скоттеръ Южныхъ Штатовъ направляетъ всѣ свои помышленія. Желаніе власти было господствующимъ элементомъ

въ натурѣ Полли, и потому она рѣшительно объявила, что идетъ замужъ за Криппса. Что касается до его дѣтей, то она считала ихъ за бремя, напрасно тяготившее помѣстье, — за бремя, на которое, по мѣрѣ возможности, не слѣдовало обращать вниманія; въ этомъ отношеніи Полли довольно опредѣлительно выражалась: «Эти молокососы должны смотрѣть въ оба, когда попадутъ ко мнѣ въ руки.» Невѣста получила въ приданое отъ отца полбочки виски и ласковый совѣтъ Криппсу отдохнуть отъ странствованій по округу и заняться торговлей, не отлучаясь отъ дома. Короче, маленькая хижина обратилась въ кабакъ и сдѣлалась мѣстомъ сборища самой жалкой и развратной части общества. Буйный характеръ Полли въ скоромъ времени заставилъ Криппса пуститься снова въ путешествія, и оставить дѣтей своихъ на произволъ своенравной, взбалмошной мачихи. Пріятный видъ, которымъ отличались хижина и садъ Тиффа, исчезъ весьма скоро. Посѣтители питейной лавки находили удовольствіе рвать и топтать цвѣты, не обращая вниманія даже на любимыя розы Тиффа; они переломали весь виноградникъ, который, обвивая это грубое строеніе, придавалъ ему живописную прелесть. Образъ жизни Полли во время отсутствія мужа, отличался грубымъ развратомъ; разговоры и сцены, слишкомъ отвратительныя, чтобъ повторять ихъ въ нашемъ описаніи, безпрестанно поражали слухъ и зрѣніе невинныхъ дѣтей.

Сердце стараго Тиффа обливалось кровью. Онъ терпѣливо переносилъ всѣ страданія и лишенія; но невыносимо было для него пренебреженіе, которое испытывали дѣти. Однажды вечеромъ, когда пьяная шайка бушевала внутри хижины, Тиффъ, доведенный до отчаянія, вооружился мужествомъ.

— Миссъ Фанни, сказалъ онъ: идите на чердакъ, увяжите ваши вещи въ узелъ, и выбросьте его въ окно. Я молился день и ночь, и Господь сказалъ, что Онъ укажетъ намъ путь избавленія. Пока вы будете сбираться, я подожду гдѣ нибудь здѣсь, подъ кустами.

Безмолвная, какъ лунный лучъ, блѣдная, прекрасная, Фанни пробѣжала по комнатѣ, гдѣ мачиха и трое пьяныхъ мужчинъ предавались гнусному разврату.

— Эй, сисъ! вскричалъ одинъ изъ мужчинъ:—куда ты торопишься?—Остановись, пожалуйста, и поцѣлуй меня.

Невыразимый взглядъ, исполненный гордости и испуга, гнѣва и отчаянія, бросила Фанни на группу и побѣжала по

лѣстницѣ, ведущей на чердакъ. Между пріятелями раздался взрывъ громкаго хохота.

— Эхъ, Билль! что ты не схватилъ ее? — сказалъ одинъ изъ пьяницъ.

— Ничего, отвѣчалъ другой:—подождемъ немного: отъ нашихъ рукъ не уверпется.

Сердце Фанни билось, какъ у испуганной птички. Связавъ всѣ свои пожитки въ небольшой узелокъ, и бросивъ его Тиффу, стоявшему внизу подъ прикрытіемъ ночи, она окликнула его едва слышнымъ голосомъ; но въ этомъ голосѣ звучало глубокое отчаяніе.

— Тиффъ! подставь пожалуйста доску, и я сползу по ней. Я не хочу идти мимо этихъ ужасныхъ людей.

Осторожно и безъ малѣйшаго шума Тиффъ поднялъ длинную доску, и приставилъ ее къ хижинѣ. Еще осторожнѣе Фанни ступила на-край этой доски, и съ распростертыми руками, какъ дуновеніе вѣтра, спорхнула внизъ, въ объятія своего вѣрнаго друга.

— Ну, слава Богу! теперь все устроено!—сказалъ Тиффъ.

— Ахъ, Тиффъ, какъ я радъ! говорилъ Тэдди, держась за передникъ Тиффа и прыгая отъ радости.

— Да, сказалъ Тиффъ: все готово! Теперь ангелъ Господень поведетъ насъ въ пустыню. Вѣдь вы слышали исторію, которую миссъ Нина читала намъ, о томъ, какъ ангелъ Господень явился Агари въ пустынѣ, въ то время, когда она не имѣла капли воды, чтобъ утолить жажду ребенка? Или,—какъ другой ангелъ явился Иліи, когда онъ скитался въ пустынѣ и, томясь отъ голода, заснулъ подъ кустарникомъ и, проснувшись, увидѣлъ горячіе уголья, на которыхъ лежалъ испеченный хлѣбъ. Развѣ вы забыли, что миссъ Нина читала объ этомъ въ послѣдній разъ, какъ была у насъ? Благодареніе Господу, что Онъ послалъ ее къ намъ. Изъ этаго чтенія я почерпнулъ много хорошаго!

Разговаривая такимъ образомъ, они шли по направленію къ болоту, дремучимъ лѣсомъ, который переплетаясь кустарниками, съ каждой минутой становился глуше и глуше. Дѣти, сдѣлавшія привычку проводить въ лѣсу по нѣсколько часовъ сряду, и одушевляемыя мыслью, что избавились наконецъ отъ своихъ притѣснителей, совершали этотъ трудный путь, не чувствуя усталости, тѣмъ болѣе, что Тиффъ облегчалъ имъ дорогу, раздвигая своими длинными руками вѣтви кустарниковъ, перенося

отъ времени до времени черезъ клочки болота, или помогая перелѣзать черезъ сучья и коренья повалившихся деревьевъ. Они выступили въ путь около десяти часовъ вечера; а теперь было уже за полночь. Тиффъ направлялся къ Ужасному Болоту, гдѣ, какъ ему извѣстно было, скрывались бѣглые негры, и потому не безъ основанія, надѣялся набресть на какой нибудь лагерь или поселеніе своихъ единоплеменниковъ. Часу во второмъ они вышли изъ глухой чащи лѣса на весьма небольшое открытое пространство, гдѣ виноградныя лозы, опускаясь фестонами съ камеднаго дерева, образовали родъ бесѣдки. Луна сіяла во всемъ своемъ блескѣ; легкій вѣтерокъ колебалъ листья виноградника, бросавшія тѣнь свою на свѣтлую зелень ближайшихъ растеній. Роса, въ этой влажной части штата, была такъ обильна, что при малѣйшемъ дуновеніи вѣтра, слышно было, какъ капли ея падали, подобно каплямъ дождя. Тэдди жаловался на усталость. Тиффъ сѣлъ въ глубинѣ бесѣдки и съ нѣжностію любящей матери взялъ его на руки.

— Присядьте, миссъ Фанни.... А мой маленькій храбрецъ усталъ? Ну, ничего; онъ уснетъ сейчасъ, — и отдохнетъ; слава Богу, мы ушли порядочно далеко; насъ не найдутъ теперь. Мы окружены твореніями Господа, которыя не донесутъ на насъ. Теперь спи, мой милый... закрой твои глазки.

И Тиффъ дрожащимъ голосомъ запѣлъ колыбельную пѣсню:

«Спи, мой милый, спи спокойно; тебя не потревожатъ тяжелыя грезы; ангелъ-хранитель будетъ беречь твое ложе! Небо ниспошлетъ на тебя всѣ свои благословенія.»

Прошло нѣсколько секундъ, и Тэдди заснулъ самымъ крѣпкимъ сномъ. Тиффъ завернулъ его въ свой бѣлый длиннополый кафтанъ, и положилъ на корень дерева.

— Слава Богу, здѣсь хоть виски нѣтъ, говорилъ онъ: — нѣтъ пьяныхъ созданій, которыя бы разбудили его... миссъ Фанни,— бѣдненькое дитя мое,— и у васъ слипаются глазки. Возьмите-ко эту старую шаль;—я захватилъ ее на всякій случай... надѣньте ее; а я между тѣмъ принесу вамъ молоденькихъ сосновыхъ вѣтокъ. На нихъ отлично спать, чрезвычайно здорово. Вы посмотрите, какую я устрою постельку.

— Я устала, Тиффъ, но спать не хочу, сказала Фанни: — да скажи, пожалуйста, что намѣренъ ты дѣлать?

— Что я намѣренъ дѣлать? сказалъ Тиффъ, сопровождая эти слова своимъ обычнымъ радостнымъ смѣхомъ: — ха! ха! ха! А

вотъ я сяду, да подумаю. Подумаю о птицахъ, которыя летаютъ въ воздухѣ, о лиліяхъ, которыя украшаютъ поля, и вообще о всемъ, что намъ читала миссъ Нина.

Въ теченіе многихъ недѣль спальнею миссъ Фанни служилъ душный, пыльный чердакъ, съ раскаленной крышей надъ самой головой и вакхическими оргіями внизу; теперь же она лежала, утонувъ въ мягкихъ ароматическихъ побѣгахъ молодыхъ сосенъ, и глядѣла на густую массу, нависшихъ надъ ней, прорѣзываемыхъ лучами мѣсяца, виноградныхъ лозъ, и отъ времени до времени прислушивалась или къ звуку падающихъ капель росы, или къ шороху листьевъ. Иногда легкій вѣтерокъ, пробѣгая по вершинамъ сосенъ, производилъ между ними гулъ, подобный прибою отдаленныхъ волнъ. Лучи мѣсяца, прорываясь сквозь лиственный покровъ, бросали пятна блѣднаго свѣта, которыя игриво перебѣгали съ мѣста на мѣсто, повинуясь прихотливому движенію листьевъ, покрывали серебристымъ блескомъ роскошные листья американскаго папоротника и кусты бѣлыхъ болотныхъ цвѣтовъ и скользили по вѣтвямъ и стволамъ деревьевъ: между тѣмъ въ болѣе темныхъ мѣстахъ сверкали свѣтящіяся букашки. Миссъ Фанни долго лежала, приподнявъ голову и любуясь окружающей сценой; наконецъ, совершенно утомленная, склонилась на ароматную подушку и вскорѣ утопула въ морѣ очаровательныхъ сновидѣній. Вокругъ все было такъ тихо, такъ спокойно, дышало такою непорочностью, что нельзя удивляться, если Фанни и вѣрила, что только ангеловъ и можно встрѣтить въ пустынѣ.

Люди, сдѣлавшіе привычку постоянно находиться въ самыхъ близкихъ сношеніяхъ съ природой, никогда не согласятся разлучиться съ ней. Дикія и пустынныя мѣста исполнены для нихъ такой же прелести, какъ сады, въ которыхъ на каждомъ шагу встрѣчаются цвѣтущія розы. Когда Фанни и Тэдди уснули, старый Тиффъ сталъ на колѣна и обратился къ Небу съ теплой молитвой...

Библія раздѣляетъ людей на два класса: на людей, которые надѣются на себя, и людей, которые надѣются на Бога. Одинъ классъ освѣщаетъ себѣ путь своимъ собственнымъ свѣтомъ, полагается на свои собственныя силы, борется съ неудачами, и вѣритъ въ одного себя. Другой, — не пренебрегая умомъ и силой, которыми одарилъ его Богъ, — не перестаетъ полагаться на Его премудрость и силу, и искать въ нихъ опоры своимъ немощамъ.

Одни совершаютъ путь въ жизни, какъ сироты, другіе имѣютъ Отца. Молитва Тиффа отличалась надеждою на провидѣніе и увѣренностію въ Божьемъ милосердіи. Онъ высказалъ въ этой молитвѣ всѣ скорби души своей, всѣ свои надежды и, вполнѣ увѣренный, что мольбы его будутъ услышаны, легъ между дѣтьми, и заснулъ едва ли не спокойнѣе ихъ.

Какъ неиорочны, прекрасны и привлекательны всѣ творенія Бога! Величіе Божіе, которое проявляется въ природѣ въ каждой былинкѣ, и которое грѣхи и беззаконія наши удалили отъ себя за предѣлы всякаго жилья, сохранилось еще въ торжественно-безмолвной глубинѣ первобытныхъ лѣсовъ. Очаровательно прорываются лучи мѣсяца сквозь листву, покрытую росой; едва замѣтенъ вѣтерокъ, волнующій вершины и вѣтви деревъ, порхающій надъ травой, испещренной мелкими цвѣтами, и освѣжающій спящихъ сиротъ. О, у кого въ груди бьется сердце горячее, но утомленное, избитое и потерявшее силу отъ безпрестанныхъ треволненій и отъ борьбы съ людскими заблужденіями,—пусть тотъ бѣжитъ отъ людей въ пустынныя мѣста, и тамъ онъ обрѣтетъ Того, который сказалъ: «Пріидите ко мнѣ всѣ страждущіе и обремененные, и я успокою васъ.» «Я буду для васъ, какъ роса для Израиля. Надѣющійся на Него процвѣтетъ какъ лилія, и пуститъ корни свои, какъ кедры ливанскіе».

Тиффъ и дѣти спали въ лѣсу спокойно и долго. Часу въ четвертомъ проснулась оріола, сидѣвшая въ лозахъ виноградника, надъ головами дѣтей, и начала чирикать, давая знать о своемъ пробужденіи ближайшимъ сосѣдямъ; она какъ будто спрашивала, который часъ? Находясь въ это время въ лѣсу, вы замѣтите въ непроницаемой чащѣ, образовавшейся изъ сосны, березы, лиственницы, кедра, переходъ отъ глубокаго безмолвія къ легкому шуму и движенію. Птицы начинаютъ пробуждаться, чирикать и расправлять свои крылья. Открываются тысячи маленькихъ глазъ и недовѣрчиво посматриваютъ на тѣ гибкія вѣтви ползучихъ растеній, которыя качались при малѣйшемъ дуновеніи вѣтра и, какъ въ колыбели, убаюкивали пернатыхъ обитателей лѣса. Едва слышное щебетанье и чириканье постепенно сливается въ хоръ, стройный и гармоническій, радостный и ликующій, какъ первый привѣтъ первому утру по сотвореніи міра. Утренняя звѣзда еще не померкла; пурпуровая завѣса покрываетъ восточную часть небосклона, и свѣтъ луны, такъ ярко сіявшій въ теченіе ночи, блѣднѣетъ и наконецъ совершенно потухаетъ... Не всякому

случалось слышать этотъ утренній привѣтъ пробуждающейся природѣ. Люди, которые просыпаютъ восходъ солнца, лишены этаго наслажденія, вмѣстѣ съ тысячами другихъ удовольствій, составляющихъ исключительную принадлежность ранняго утра, —удовольствій, которыя, подобно росѣ, испаряются вмѣстѣ съ восхожденіемъ солнца.

Хотя Тиффъ и дѣти спали въ продолженіе всей ночи, мы, однакоже, не имѣемъ права сомкнуть нашихъ глазъ и упустить изъ виду фактъ, имѣющій близкую связь съ нашимъ разсказомъ. Часу въ четвертомъ, когда пробужденіе птицъ возвѣщало о наступленіи утра, по вязкимъ топямъ Ужаснаго Болота пробиралась темная человѣческая фигура, выходившая изъ притона своего чаще ночью, чѣмъ днемъ. Это былъ Дрэдъ. Онъ отправлялся въ мелочную лавку какого нибудь скоттера, намѣреваясь промѣнять тамъ настрѣлянную дичь на порохъ и дробь. На обратномъ пути онъ неожиданно набрелъ на спящую группу. Съ видомъ крайняго изумленія онъ остановился передъ ней, нагнулся, внимательно вглядѣлся въ лица, и, повидимому, узналъ ихъ. Дрэдъ давно зналъ Тиффа и нерѣдко обращался къ нему за съѣстными припасами для бѣглыхъ негровъ, или дѣлалъ ему порученія, которыхъ самъ не имѣлъ возможности исполнить. Подобно всѣмъ неграмъ, Тиффъ держалъ сношенія свои съ Дрэдомъ въ такой глубокой тайнѣ, что дѣти Криппса, для которыхъ у него ничего не было завѣтнаго, не слышали не только слова, но даже намека о существованіи такого лица.

Дрэдъ, съ своимъ зрѣніемъ, изощреннымъ постоянной осторожностью, никогда не упускавшимъ изъ виду малѣйшихъ перемѣнъ въ мѣстахъ, смежныхъ съ его неприступнымъ убѣжищемъ, наблюдалъ и за перемѣнами въ дѣлахъ стараго Тиффа. Поэтому, увидѣвъ его въ чащѣ необитаемаго лѣса, онъ понялъ причину такого явленія. Бросивъ на спящихъ дѣтей взглядъ, исполненный глубокаго состраданія, онъ пробормоталъ:

— И на скалѣ они ищутъ убѣжища.

Съ этими словами онъ вынулъ изъ сумки, висѣвшей на боку, двѣ рисовыя лепешки и половину варенаго кролика, словомъ всю провизію, которою жена снабдила его наканунѣ, и поспѣшилъ на мѣсто, гдѣ, на разсвѣтѣ, надѣялся настрѣлять дичи.

Хоръ птицъ, описанный нами, разбудилъ стараго Тиффа. Онъ привсталъ, началъ потягиваться и протирать глаза. Тиффъ

спалъ крѣпко, не смотря на жосткое ложе; впрочемъ, въ этомъ отношеніи онъ не былъ разборчивъ.

— Сегодня, я думаю, сказалъ онъ про себя: — эта женщина спохватится насъ, да поздно!

И при этомъ онъ разсмѣялся обычнымъ своимъ добрымъ смѣхомъ, представляя себѣ недоумѣніе мистриссъ Криппсъ, въ которое она будетъ приведена при своемъ пробужденіи.

— Я даже слышу ея голосъ: Тиффъ, Тиффъ, Тиффъ! кричитъ она: — куда ты провалился? куда дѣвались дѣти? бѣдныя мои овечки!

Сказавъ это, онъ обернулся къ спящимъ дѣтямъ, и взоръ его остановился на провизіи Дрэда. Онъ оцѣпенѣлъ отъ изумленія.

— Неужели, подумалъ онъ: — и въ самомъ дѣлѣ были тутъ ангелы? Во всякомъ случаѣ, да будетъ благословенно имя Господне! я вижу завтракъ для дѣтей, о которомъ просилъ, ложась спать. Я зналъ, что Господь не оставитъ насъ: но не думалъ, чтобъ помощь Его явилась такъ скоро. Быть можетъ, это принесли тѣ же самые вòроны, которые приносили пищу Иліи; — хлѣбъ и мясо по утру, хлѣбъ и мясо вечеромъ — да, это чрезвычайно утѣшительно. Не хочу и будить моихъ овечекъ; пусть онѣ спятъ... какъ онѣ обрадуются, увидѣвъ этотъ завтракъ. Притомъ же здѣсь такъ мило, такой пріятный, чистый воздухъ; здѣсь нѣтъ отвратительной табачной жвачки, и никто не отплевываетъ ея сокъ. А вѣдь я усталъ порядочно... не прилечь ли еще, пока не проснутся дѣти. Эти грязныя созданія вывели меня изъ терпѣнія... воображаю, какъ *она* бѣснуется...

И Тиффъ снова разсмѣялся своимъ чистосердечнымъ, простодушнымъ смѣхомъ.

— Тиффъ! Тиффъ! гдѣ это мы? куда ты завелъ насъ? пропищалъ тоненькій голосокъ подлѣ стараго Тиффа.

— Куда я завелъ васъ, малютка моя? сказалъ Тиффъ, обращаясь къ маленькому Тэдди: — мы... въ жилищѣ Господа... въ совершенной безопасности... И ангелы принесли намъ завтракъ, прибавилъ Тиффъ, показывая Тэдди провизію, положенную на виноградныхъ листьяхъ.

— Ахъ, дядя Тиффъ! неужли это принесли ангелы? вскричалъ обрадованный Тедди. Зачѣмъ же ты не разбудилъ меня? Мнѣ бы хотѣлось ихъ увидѣть. Я въ жизнь свою не видѣлъ ангела.

— Я тоже не видывалъ, мой милый; они являются по боль-

шей части, когда мы спимъ; но, позвольте, вонъ и миссъ Фанни просыпается. Здоровы ли вы, моя овечка? хорошо ли отдохнули?

— Превосходно, дядя Тиффъ! я спала крѣпко, и видѣла прекрасный сонъ.

— Такъ разскажите же его до завтрака: тогда онъ сбудется, сказалъ Тиффъ.

— Изволь. Я видѣла, что нахожусь въ какомъ-то незнакомомъ пустынномъ мѣстѣ, откуда никакимъ образомъ невозможно было выдти; кругомъ все камни и кустарники. Тэдди тоже былъ со мной. Всѣми силами старались мы выбраться оттуда, и все напрасно; вдругъ къ намъ приходитъ мама, или вѣрнѣе женщина, которая была похожа на нашу маму, только несравненно ея лучше, и въ какой-то странной бѣлой одеждѣ, которая такъ и сіяла на ней. Она взяла насъ за руки, камни раздвинулись передъ нами, и мы вышли по гладкой тропинкѣ на очаровательный зеленый лугъ, покрытый лиліями и земляникой. Мама тутъ вдругъ исчезла.

— Не она ли принесла намъ этотъ завтракъ? сказалъ Тэдди. Посмотри-ко, Фанни, что у насъ есть?

Фанни выразила изумленіе, смѣшанное съ удовольствіемъ.

— Нѣтъ, сказала она послѣ минутнаго размышленія: — неможетъ быть, чтобы мама принесла намъ такой завтракъ; я бы еще повѣрила, еслибъ это была манна, а не кроликъ.

— Кто бы ни принесъ, сказалъ Тиффъ:—я знаю только, что это очень кстати; мы должны благодарить за это Бога.

Послѣ этихъ словъ они сѣли и позавтракали съ большимъ аппетитомъ.

— Въ здѣшнемъ болотѣ, сказалъ Тиффъ: — гдѣ-то должно находиться селеніе негровъ; но гдѣ именно — не знаю. Если мы проберемся туда, то останемся тамъ до болѣе благопріятныхъ обстоятельствъ. Но... что это значитъ!

Въ эту минуту раздался ружейный выстрѣлъ, и звукъ его, подобно перекатамъ грома, разнесся по безмолвной чащѣ лѣса.

— Это недалеко отсюда, сказалъ Тиффъ.

Дѣти казались немного испуганными.

— Не бойтесь, мои милые; я догадываюсь, чей этотъ выстрѣлъ. Слышите! кто-то идетъ сюда.

Въ нѣкоторомъ разстояніи отъ группы чей-то звучный голосъ запѣлъ:

О! если бы я имѣлъ крылья утра,
Я бы полетѣлъ въ Ханаанскую землю.

— Да, сказалъ Тиффъ про себя: — это его голосъ. Не бойтесь, продолжалъ онъ, обращаясь къ дѣтямъ: — этотъ человѣкъ проведетъ насъ въ селеніе, о которомъ я вамъ говорилъ.

И Тиффъ дребезжащимъ, напряженнымъ голосомъ, представлявшимъ рѣзкій контрастъ съ звучнымъ голосомъ отдаленнаго пѣвца, запѣлъ тѣже самыя слова, которыя, быть можетъ, служили условнымъ сигналомъ. Неизвѣстный пѣвецъ замолчалъ; и въ то время, какъ Тиффъ продолжалъ свое пѣніе, трескъ сухихъ сучьевъ и шорохъ листьевъ, говорили о приближеніи незнакомца. Наконецъ передъ дѣтьми и Тиффомъ явился Дрэдъ.

— Ну, что? и вы бѣжали въ пустыню! сказалъ онъ.

— Да, да, отвѣчалъ Тиффъ, съ кроткой улыбкой:—и мы переселились. Эта женщина сдѣлалась для дѣтей чудовищемъ. Изъ всѣхъ грубыхъ созданій, я не видывалъ грубѣе ея. Нѣтъ ни манеръ, ни воспитанія; не знаетъ, какъ и что дѣлается между порядочными людьми; поэтому-то мы и убѣжали въ лѣса.

— Могли бы попасть и въ худшее мѣсто, сказалъ Дрэдъ: — Господь Богъ даетъ красоту и силу лѣснымъ деревьямъ. Наступитъ время, когда Онъ водворитъ миръ всему міру; повелитъ дикимъ звѣрямъ покинуть эту страну, и люди будутъ обитать спокойно въ пустынѣ, будутъ спать въ лѣсахъ, и деревья принесутъ свой плодъ.

— Такъ ты думаешь, что наступитъ это счастливое время? сказалъ Тиффъ.

— Господь обѣщаетъ его, отвѣчалъ Дрэдъ: — ты оказалъ услугу погибавшему и не измѣнилъ ему, когда онъ скитался между врагами: поэтому Господь откроетъ для тебя въ пустынѣ городъ, обнесенный неприступной стѣной.

— Ты вѣрно говоришь о своемъ лагерѣ? Открой намъ его; я буду помогать тебѣ во всемъ добромъ.

— Хорошо, сказалъ Дрэдъ:—дѣти слишкомъ слабы, чтобы идти за нами; мы должны нести ихъ, какъ орелъ несетъ своихъ птенцовъ. Иди ко мнѣ, мой милый!

Сказавъ это, Дрэдъ нагнулся и протянулъ къ Тэдди руки. На его суровомъ и угрюмомъ лицѣ показалась улыбка, и, къ удивленію Тиффа, Тэдди немедленно пошелъ къ нему и позволилъ взять себя на руки.

— Я думалъ, что онъ испугается тебя, сказалъ Тиффъ.

— Нѣтъ, отвѣчалъ Дрэдъ: — я еще не видѣлъ ни ребенка, ни собаки, которыя бы пугались меня. Держись же крѣпче,

Стр.
менныхъ русскихъ писателей. Томы VI, VII, VIII. (67)
— Литературное извѣстіе. 68
XI. — ПЕТЕРБУРГСКАЯ ЖИЗНЬ. Замѣтки НОВАГО ПОЭТА. (Весна — и ея дѣйствія на меня. — Различныя глубокомысленныя разсужденія и вопросы, по поводу весны. — Благородные спектакли. — О талантахъ свѣтскихъ артистовъ и артистокъ. — Фанатики драматическаго искусства. — Совѣтъ Шекспира актерамъ.—Выставка Академіи Художествъ:— Баронъ Клодтъ 1, гг. Волковъ, Перовъ, Микѣшинъ, Филипповъ, Шарлеманъ, Боголюбовъ, Айвазовскій, графъ Мордвиновъ, Кукукъ, Каламъ, Тенкате, Дорперъ, и проч. — Выставка Садоводства. — Рѣдкія цвѣты и растѣнія. — Улучшенія въ Императорской Публичной Библіотекѣ. — Аукціоны. — Парадъ. — Театральная новость. — Пріѣздъ Пастраны. — Уличныя изданія. — Замѣчательныя литературныя новости . . . 69
XII. — СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ. (Статья г. Бабине — современное состояніе астрономіи.—Патріархъ деревъ.—Разстояніе земли отъ солнца.—Женщины содѣйствовавшія успѣхамъ астрономіи.—Свѣтопреставленіе и комета.—Успѣхи метеорологіи.—Электрическіе телеграфы.—Трудъ академика Струве.—Наблюденія надъ земнымъ магнитизмомъ. — Гидрографія. — Состояніе географіи. — Примѣненіе фотографіи. — Гигантскій телескопъ. — Путешествіе принца Наполеона.—Герои наукъ.—Выдѣлка алюминія.—Смерть Коши.—Комитетъ историческихъ работъ и ученыхъ обществъ.—Русскій государственный человѣкъ.—«Разсказы Охотника» г. Тургенева въ переводѣ г. Делаво.—«Кавказскій плѣнникъ» въ переводѣ г. Норри.—Курсъ исторіи Россіи въ Бонискомъ университетѣ. — Законъ о книгопечатаніи и журналахъ въ Испаніи. — Подписка въ пользу Ламартина.—Положеніе дѣла о канализаціи Суэзскаго перешейка.—Современное состояніе Каспійской флотиліи и Каспійскаго коммерческаго флота. — Примѣси въ съѣстныхъ припасахъ.—Общество покровительства животныхъ. — Еще о грамотности и о китайскомъ просвѣщеніи.—Замѣчательный случай въ Валетри.—Желѣзныя дороги въ Турціи и Персіи. — О введеніи новаго стиля въ Россіи. — Замѣтка о лѣтосчисленіи у разныхъ народовъ.—Юліанское и Григоріанское лѣтосчисленія.—Способъ для исправленія стиля въ Россіи.—Мнѣніе г. Маврокордато. — Статья г. Барановскаго. — О убавкѣ дней въ нѣкоторыхъ мѣсяцахъ.—Примѣненіи фотографіи къ археологіи. — Труды г. Савастьянова.—Аѳонская гора. — Микроскопическіе рисунки посредствомъ фотографіи. — Французскія школы на Востокѣ.—Конгрессъ представителей ученыхъ обществъ.—Общество сельскаго хозяйства въ Варшавѣ 98
XIII. — ЖИЗНЬ ЮЖНЫХЪ ШТАТОВЪ. Романъ Г-ЖИ ВИЧЕРЪ-СТОУ. . . . . 353—412

Печатать позволяется. Апрѣля 30 дня, 1858 года.
Цензоръ *П. Новосильскій.*

СОВРЕМЕННИКЪ въ **1858** году выходитъ *перваго числа каждаго мѣсяца* книжками отъ **20** до **25** печатныхъ листовъ и болѣе.

ЦѢНА ЗА ГОДОВОЕ ИЗДАНІЕ,

въ С. Петербургѣ безъ доставки:	*съ пересылкою или достакою:*
15 руб. серебромъ.	16 руб. 50 коп. серебромъ.

Съ ИСТОРИЧЕСКОЙ БИБЛІОТЕКОЙ
(выходящей четырьмя большими томами въ годъ):

20 руб. серебромъ.	21 руб. 50 коп. серебромъ.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ:

Въ Конторѣ Современника, на Невскомъ проспектѣ, противъ Арсенала Аничкова дворца, въ домѣ Завѣтнаго, при книжномъ магазинѣ А. И. Давыдова.

ВЪ МОСКВѢ:

Въ Конторѣ Современника, на углу Большой Дмитровки, противъ Университетской типографіи, въ домѣ Загряжскаго, при книжномъ магазинѣ И. В. Базунова.

Гг. иногородные благоволятъ адресоваться съ своими требованіями **ИСКЛЮЧИТЕЛЬНО** *въ Контору Современника въ С. Петербургѣ.*

This book should be returned to the Library on or before the last date stamped below.

A fine of five cents a day is incurred by retaining it beyond the specified time.

Please return promptly.